

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2022

№ 80

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Киришин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекабай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич**, канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедрой российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович**, д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд); **Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН;
Харусь Ольга Анатольевна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета;
Шерстова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета;
Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasilii P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Fedosov Egor A.**, Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan); **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Бодрова Е.В. Разработка проектов реформирования научно-технической сферы и результаты их реализации в контексте перехода РФ к рынку	5
Журавлев В.В. Политическая роль иконы Святого Николая на Никольских воротах Московского Кремля в период революции и гражданской войны	16
Кан В.С. Новые тенденции в деятельности периодической печати Тувы в период перестройки	28
Петров А.Ю., Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин Г.М.), Коскина М.М. Русская православная церковь и изучение Азиатско-Тихоокеанского региона в петровскую эпоху	38
Ларьков Н.С. Два сибирских периода в жизни бывшего обер-прокурора Святейшего Синода В.Н. Львова	46
Михалев Н.А. Маятниковая миграция в городах РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.: размеры, потоки, структура	56
Разгон В.Н., Прибыткова К.П. Реформа заработной платы второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. в советской промышленности: причины, содержание, значение в системе мотивации труда (на примере предприятий Алтайского края)	66
Румянцев П.П. Кадровая политика жандармского ведомства комплектования руководства управлений Сибирского жандармского округа	78
Семенченко И.В. Земские инициативы по совершенствованию правоохранительной системы на Урале в 1917 г.	90
Спичак А.В. Епархиальное судопроизводство относительно наказания духовных лиц за неканоническое поведение в XVIII – начале XX в. (на материалах Тобольской духовной консистории)	94
Тышта Е.В. Особенности проведения «малой приватизации» в республиках Южной Сибири	101

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Залесская О.В. Закрытие российско-китайской границы на Дальнем Востоке в связи с пандемией COVID-19: переформатирование трансграничных практик российско-китайского взаимодействия	107
Лю Синтао, Черникова Л.П. Исторический обзор китайско-российского сотрудничества в рамках “Шанхайской пятёрки” (ШОС): взгляд из Китая. Достижения и трудности	114
Макаров Е.П. Битва на Авраамовых полях и битва при Сен-Фо в восприятии изменений североамериканского театра боевых действий Семилетней войны в 1759–1760 гг.	125
Тодыков Е.С. Влияние политики ядерного нераспространения Р. Никсона – Дж. Форда на ведущие страны Западной Европы (1969–1975 гг.)	133
Трифонов Д.Д., Лицарева Е.Ю. Интернационализация высшего образования в Китае	140

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Мельник Э.В. Письменные источники о Московии второй половины XVI в. во французской Руссии: исторический взгляд П.-Ш. Левека	145
Мишина Е.М. «Книги памяти» жертв политических репрессий в СССР как источник для реконструкции социального портрета репрессированных в 1935–1937 гг.: анализ полноты и репрезентативности данных	152

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Bodrova E.V. Development of projects of reforming of the scientific and technical sphere and results of their realization in the context of transition of the Russian Federation to the market	5
Zhuravlev V.V. Political Role of the Icon of Saint Nicholas on the St. Nicholas Gate of the Moscow Kremlin in the Period of Revolution and Civil War	16
Kan V.S. New trends in the activities of the periodical press of Tuva during the Perestroika period	28
Petrov A.Yu., Metropolitan Clement (Kapalin G.M.), Koskina M.M. The Russian Orthodox Church and the Study of the Asia-Pacific Region in the Petrine Era	38
Larkov N.S. Two Siberian periods in the life of the former Chief Procurator of the Most Holy Synod V.N. Lvov	46
Mikhalev N.A. Commuting in the cities of the RSFSR according to the 1970 All-Union population census: scale, flows, structure	56
Razgon V.N., Pribytkova K.P. Wage Reform of the Second Half of the 1950s – early 1960s in Soviet Industry: causes, Content, significance in the system of Labor Motivation (on the example of enterprises of the Altai Territory)	66
Rumyantsev P.P. Personnel policy of the gendarmerie department of recruitment of the leadership of the departments of the Siberian Gendarmerie District	78
Semenchenko I.V. The zems initiatives for improving the law enforcement system in Urals in 1917	90
Spichak A.V. Diocesan legal Proceedings concerning the Punishment of Clergy for Non-Canonical Behavior in the XVIII – early XX centuries (based on the materials of the Tobolsk Spiritual Consistory)	94
Tyshta E.V. Features of realization of the “small privatizing” are in the republics of South Siberia	101

PROBLEMS OF WORLD HISTORY
AND INTERNATIONAL RELATION

Zallesskaya O. V. Closure of the Russian-Chinese border in the Far East due to the COVID-19 pandemic: reformatting cross-border practices of Sino-Russian interaction	107
Liu Yintao, Chernikova L.P. A historical overview of Sino-Russian cooperation within the Shanghai Five (SCO): a view from China. Achievements and difficulties	114
Makarov E.P. The battle of the Plains of Abraham and the battle of Sainte-Foy in perception of changes of the North American theater of the fighting activities of the Seven Years War in 1759–1760	125
Todykov E.S. The influence of the nuclear nonproliferation policy of R. Nixon – J. Ford on the leading countries of Western Europe (1969–1975)	133
Trifonova D.D., Lizareva E.Yu. Internationalization of higher education in China	140

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY,
SOURCE STUDIES AND METHODS
OF HISTORICAL RESEARCH

Melnik E.V. Written sources about Muscovy of the second half of the XVI century in French Russika: the Historical View of P.-S. Leveque	145
Mishina E.M. Analysis of Completeness and Representativeness of Data of Political Terror Victims “Books of Memory” as a Source for Reconstruction of Social Profile of Political Terror Victims in 1935–1937	152

Сидоренко Н.С., Ткачев С.М. История революции и гражданской войны в Сибири объединила их судьбы. Творческий путь В.А. Овсянкина и С.А. Сидоренко	163
Сочнев Ю.В. Проблемы взаимоотношений русской церкви и монгольских ханов в дореволюционной и советской историографии	170

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Костерев А.Г., Расколец В.В., Ким М.Ю. Томский институт радиоэлектроники и электронной техники в контексте развития регионального научно-образовательного пространства (1960–1970-е гг.)	180
---	-----

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Головченко Н.Н. Золотые изображения горных козлов на головных уборах населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа	190
---	-----

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Райтина М.Ю., Покровская Е.М., Зинovieva В.И. Интернационализация как практика социальной адаптации иностранных студентов в контексте постпандемического периода (на примере Томского университета систем управления и радиоэлектроники – ТУСУРа)	201
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Пученков А.С. Накануне катастрофы: Церковь и власть в последние годы императорской России. Рец. на кн.: Фриз Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сб. ст. / пер. с англ. А. Глебовской, М. Долбилова; под ред. П. Rogozny. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 352 с. (Эпоха войн и революций; вып. 12)	210
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Лекаренко О. Г. Памяти Тамары Александровны Бычковой	220
---	-----

Sidorenko N.S., Tkachev S.M. The history of the Revolution and the Civil War in Siberia united their destinies. The creative path of V.A. Ovsyankin and S.A. Sidorenko	163
Sochnev Y.V. Issues of the relationship between the Russian church and the Mongolian khans in the pre-revolutionary and soviet historiography	170

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Kosterev A.G., Raskolets V.V., Kim M.Yu. Tomsk Institute of Radioelectronics and Electronic Technology in the context of the development of regional Scientific and Educational space (1960–1970s)	180
---	-----

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Golowchenko N.N. Golden images of mountain goats on the headdresses of population of Upper Ob region in Early Iron Age	190
---	-----

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Raitina M.Yu., Pokrovskaya E.M., Zinoviyeva V.I. Internationalization as a practice of foreign students' social adaptation in the context of the post-pandemic period (on the example of Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics – TUSUR)	201
---	-----

REVIEW

Puchenkov A.S. On the Eve of the Catastrophe: Church and Power in the Last Years of Imperial Russia. Review on the book: Freeze G. "Destructive Piety": The Russian Church and the Fall of the Empire: Collection of Articles / tr. from English A. Glebovskaya, M. Dolbilova; ed. P. Rogozny. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 019. 352 p. (The era of wars and revolutions; issue 12)	210
--	-----

ACADEMIC LIFE

Lekarenko O.G. In Memory of Tamara Aleksandrovna Bychkova	220
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья

УДК 37; 378.09; 378.3; 378.11

doi: 10.17223/19988613/80/1

Разработка проектов реформирования научно-технической сферы и результаты их реализации в контексте перехода РФ к рынку

Елена Владимировна Бодрова

МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия, evbodrova@mail.ru

Аннотация. Исследованы основные концептуальные подходы к реформированию научно-технического комплекса в контексте перехода РФ к рыночной модели экономики в условиях развивающегося кризиса и деиндустриализации страны. Формулируются выводы о том, что в целом государственная научно-техническая политика в 90-е гг. XX в. носила непоследовательный, научно не обоснованный характер. Осуществлялись отдельные мероприятия, в которых задача модернизации страны даже не декларировалась, речь шла о спасении лишь небольшой части научно-технического комплекса страны и сферы образования.

Ключевые слова: научно-техническая сфера, концепция, проекты, деиндустриализация

Для цитирования: Бодрова Е.В. Разработка проектов реформирования научно-технической сферы и результаты их реализации в контексте перехода РФ к рынку // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 5–15. doi: 10.17223/19988613/80/1

Original article

Development of projects of reforming of the scientific and technical sphere and results of their realization in the context of transition of the Russian Federation to the market

Elena V. Bodrova

Moscow Technological University, Moscow, Russian Federation, aae@list.ru

Abstract. The aim of the article is to identify the main conceptual approaches to reforming of scientific and technological complex in Russia after the dissolution of the USSR and their significant results under crisis circumstances and transition to market economy. The study is based on published and unpublished documents, including an array of the approved government documents and documents which nowadays are stored in the State archive of the Russian Federation and Archive of the State Duma of Federal Assembly of Russia. The most interesting among the materials are cover letters and notes of the management of the Ministry of science, High school and technical policy of the Russian Federation, the directive of the Government, the materials of parliamentary hearings, the commissions of the State Duma, and the results of Audit Chamber control. No less important for the compilation of a more objective picture of the situation in the scientific and technical sphere of the country in the 1990s were the appeals of heads of enterprises, scientific organizations, large scientists to the authorities, which contained both concrete proposals and thinking about the future of science in the case of a government-adopted course.

The analysis of documents and materials allowed to affirm that the principle of selective support of scientific schools of world importance, «getting rid of ballast» was defined as the main tasks of the reformers. The recommendations of the scientific community were qualified as extremely conservative, and on this basis were ignored. It was staked on "plurality" of sources of financing; appearance of effective managers during the forced privatization; compulsory adaptation of the scientific and technical spheres and education system to "a real social and economic situation"; carrying out policy of "emergency crisis response measures with initial preparation for expansion of the market sphere" assuming: restriction of economic growth on a number of branches, curtailment of investments, credit mechanism, liberalization of the prices, oppressive tough tax policy, liquidation of the unprofitable and remunerative enterprises and organizations, etc.

The measures taken, designed by the reformists to accelerate the transition to the post-industrial world and to integrate successfully into the global economy, in fact allowed only to survive certain segments of the scientific and technological complex, but not to develop. The created funds, the state scientific centers, science and technology parks haven't developed

in unified national innovative system. Moreover, pilot productions and branch science have broken up, many scientific schools have disappeared, process of "leakage of minds" has assumed a dangerous scale, the innovative activity of the enterprises has sharply gone down.

The article formulates conclusions that the reform of the scientific and technical complex in the 1990s was not aimed at acceleration of modernization processes, but only its «adaptation to the format of the market model of functioning of the public system», and was characterized by scientific unreasonableness, borrowing, declaring, inconsistency. It resulted in considerable social expenses, resource, personnel and spiritual and moral losses. The processes of industrialization and modernization of the country have unfolded.

Keywords: scientific and technical sphere, concept, projects, deindustrialization

For citation: Bodrova, E.V. (2022) Development of projects of reforming of the scientific and technical sphere and results of their realization in the context of transition of the Russian Federation to the market. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 5–15. doi: 10.17223/19988613/80/1

На новом этапе российской модернизации и критической значимости для России технологического рывка полагаем важным и актуальным переосмысление процесса разработки проектов по реформированию научно-технической сферы РФ и результатов их реализации в так называемый «переходный период» к рыночной модели экономики.

В целом исследование эволюции государственной научно-технической политики РФ можно охарактеризовать как весьма противоречивый процесс. На фоне явного спада интереса к данной проблематике отдельные сюжеты, связанные с интересующей нас темой, рассматривались в контексте трансформационных изменений, происходивших в России в последнее десятилетие XX в. [1]. Значительный интерес в ходе исследования представила монография В.В. Калинова, однако вопросы разработки проектов реформ научно-технической сферы, анализ ее состояния в начале 1990-х гг. не нашли своего освещения и в данной работе [2]. Между тем изучение проектов концепции реформы, характеристика попыток их реализации и достигнутых результатов представляются чрезвычайно важными для разработки наиболее оптимальной стратегии развития страны.

Изученный нами значительный массив опубликованных и ранее не опубликованных документов начала 1992 г. свидетельствует о кризисной ситуации, сложившейся в научно-техническом комплексе (НТК) после распада СССР. В полной мере это продемонстрировали материалы слушаний на тему «Наука и образование в условиях либерализации цен», проведенных 11 февраля 1992 г. Заслушав доклады и оценки экспертов и депутатов, Комитет по науке и народному образованию принял обращение к Президенту и Правительству с просьбой «в кратчайшие сроки выпустить соответствующие нормативные акты на основе разрабатываемых Министерством науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации проектов Указа “О неотложных мерах по сохранению научно-технического потенциала России”...» [3. Л. 201–202].

При этом Миннауки оценивало положение как критическое. На тот момент организации и предприятия Российской Федерации, осуществлявшие научно-технические работы, составляли более 60% от всех организаций и предприятий, находящихся на территории бывшего СССР. В оборонной и академической науке эта доля составляла 70–80%. За 1991 г. численность

ученых, работающих в научных организациях России, уменьшилась на 265,6 тыс. чел. и на 1 января 1992 г. составила 1 678 тыс. чел., в том числе 16,3 тыс. докторов и 119,2 тыс. кандидатов наук. Финансирование резко сократилось. В 1992 г. централизованные закупки иностранной научной литературы практически прекратились [4. Л. 143]. Кризис в науке в годы, предшествовавшие распаду СССР, привел к тому, что в ряде новейших областей не было создано серьезных научно-технических заделов. В результате наблюдались медленное обновление производственного аппарата, продолжающееся воспроизводство устаревших технологических укладов, нарастание диспропорций в экономике.

В «переходный период» негативные тенденции лишь усугубились. Резко сократился спрос производства на научно-техническую продукцию, обвальное сокращение заказов создало драматическую ситуацию в оборонной науке. Заметно нарастал отток ученых и специалистов из НИИ и КБ. Либерализация цен вызвала резкий рост материальных затрат на обслуживание НИОКР. Фактически было прекращено создание новых объектов науки, объем незавершенного строительства в научно-технической сфере России составлял 1,5 млрд руб. (в ценах 1991 г.). Отсутствовало стабильное финансирование науки, что не давало возможности проводить серьезные комплексные исследования и обновлять экспериментальную базу. На первое полугодие 1992 г. было предусмотрено выделить на гражданские НИОКР из республиканского бюджета лишь 32% от минимально необходимого, по оценкам Миннауки России, объема финансирования [Там же. Л. 154–155]. Эксперты справедливо предупреждали правительство: «Недостаток средств на науку в 1992 г. создает реальную угрозу невосполнимого разрушения научно-технического потенциала. Это означало бы переход России в разряд государств, неспособных на независимое развитие». [Там же. Л. 155].

В этой ситуации Министерством науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации была предложена концепция реформирования научно-технического потенциала страны, суть которой сводилась к следующим положениям: «отказ от лозунга спасения науки вообще», принцип избирательности в отношении поддержки как исследований, так и научных организаций должен стать одним из основополагающих; сохранение лучших российских научных школ в области фундаментальных исследований, для

чего необходимо поддержание их стабильного бюджетного финансирования; демилитаризация и конверсия сферы НИОКР; разгосударствление сферы НИОКР и ее адаптация к рыночным принципам хозяйствования; переход от финансирования научных организаций к финансированию целевых проектов и программ; обеспечение множественности источников финансирования; создание региональных фондов поддержки научно-технического развития, формируемых преимущественно за счет средств местных бюджетов при относительно небольшой федеральной поддержке; обеспечение социальной защиты научно-технических кадров путем индексирования заработной платы, формирования организационной и информационной инфраструктуры трудоустройства и переподготовки высвобождаемых научных работников, создания специальных внебюджетных фондов [4. Л. 155].

В качестве неотложных мер по сохранению научно-технического потенциала России разработчиками предлагались в 1992–1993 гг. радикальное изменение организационной структуры и механизмов функционирования науки, переход от «ведомственной, предельно милитаризованной, закрытой сферы НИОКР» к модели, которая «соединяла бы достоинства лучших традиций российских научных школ с эффективным и жестким механизмом конкуренции в рыночной экономике» [Там же].

Решение этих задач требовало, с точки зрения авторов, осуществления ряда чрезвычайных мер (частью конкретно обозначенных, а частью – точно совершенно не прописанных и декларативных). В частности, планировались: создание фондов фундаментальных исследований и технологического развития, фонда для выплаты стипендий талантливым молодым ученым; предотвращение выхода из состава НИИ опытных производств (впоследствии был принят соответствующий указ, но несколько запоздавший); формирование пакета законов и нормативных актов, регулирующих деятельность научных организаций и отношения в сфере интеллектуальной собственности (было осуществлено лишь частично); определение отдельных налоговых льгот для научной и инновационной деятельности (до сих пор их явно недостаточно).

Подобные меры в сфере НИОКР, полагали разработчики концепции, создавали бы «...предпосылки для предотвращения необратимого разрушения научного потенциала России». Одновременно ими признавалось, что в целом он «...будет временно ослаблен», но в этом случае сохранится возможность минимизации потерь и создания базы «для будущего технологического возрождения России» [Там же. Л. 155–156]. Читать это сейчас горько, но, вероятно, реформаторы были полны оптимизма и, может быть, верили, что нужно пережить лишь 2–3 трудных года. Необходимым им представлялось, «как бы трудно и болезненно это ни было, обеспечить концентрацию материальных и финансовых ресурсов на таких направлениях, где у нас имеются достижения мирового уровня, авторитетные и признанные мировым сообществом научные и инженерные школы, устойчивые традиции и самостоятельное место в мировом потоке научно-техни-

ческих разработок (авиакосмическая техника и технология, перспективные материалы, биоинженерия и др.). Во всех остальных сферах необходимо идти по пути совместных разработок, либо ограничиться чистым заимствованием» [5. Л. 31–32].

Существовали и иные концептуальные подходы к разработке государственной научно-технической политики. Так, заместитель председателя Комитета по высшей школе В.М. Жураковский 23 марта 1992 г. направил письмо первому заместителю министра науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации А.Г. Фонотову, в котором критиковал авторов проекта за «традиционный» подход, предполагающий выделение приоритетных направлений, полагая нецелесообразным «предварительно осуществить “финансовую накачку” в жизненно необходимые для России отрасли, потом доведение технологии на производствах до мирового уровня продукции, а лишь затем – осуществление дальнейшей продажи этих производств с торгов... Широкомасштабные инвестиции в государственный сектор производств, – полагал В.М. Жураковский, – малоэффективны с позиции подъема как научно-технического, так и экономического уровня предприятий» [4. Л. 263]. В «переходный период» автором письма рекомендовалось осуществление управления и регулирования научно-технической и промышленной сферами одновременно с проведением политики «чрезвычайных антикризисных мер» и начальной подготовкой к разворачиванию рыночной сферы», предполагающей ограничение экономического роста по ряду отраслей, свертывание инвестиций, кредитного механизма, либерализацию цен, жесткую налоговую политику, регулирование доходов и заработной платы, минимизацию бюджетного дефицита, ликвидацию убыточных и малорентабельных предприятий, организаций и производств, свертывание деятельности слабых в профессиональном отношении вузов, малопродуктивной тематики НИР [Там же. Л. 263–264]. На этом этапе предлагались, в частности, следующие меры: «ликвидация или сокращение малопродуктивных организаций», «освобождение научно-технической сферы от балласта», в том числе с помощью таких систем и методов оценки, как рейтинговая система, аттестация научно-технических организаций и вузов с помощью независимых экспертных комиссий с участием соответствующих зарубежных организаций и экспертов. Заключительный этап реформирования («где-то после 1995–1996 гг.») проектировался как период «наиболее высоких темпов экономического роста, интенсивного, эффективного развития машиностроения и внедрения новых технологий, роста цен на новую технику, рентабельности и накоплений преимущественно за счет научно-технического прогресса». Автор был убежден, что основным экономическим двигателем НТП и прикладной науки явится «адекватная рыночной экономике мотивация формирования, распределения и использования дополнительной прибыли от научно-технических нововведений». Именно поэтому в этот период должны были включиться хозрасчетно-рыночные методы научно-технической политики: активное самофинансирование

прикладной науки, высокий спрос на НИОКР, рост государственных накоплений, венчурного капитала и заработной платы научно-технических работников. Наряду с этим ему виделось эффективное функционирование и развитие рынка научно-технической продукции, активное взаимодействие его с зарубежными рынками, определение значительного места российской науки, включая ее вузовский сектор, в международном разделении труда в сфере науки и техники [4. Л. 265].

30 марта 1992 г. Е.Т. Гайдаром Министру науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации Б.Г. Салтыкову было направлено письмо за № 0335п-П23, определившее главное направление реформирования науки и образования в переходный период. Оно содержало всего два пункта: «1. Прошу в месячный срок представить в Правительство программу реформы организации и финансирования научных исследований, с тем чтобы сконцентрировать ограниченные финансовые ресурсы государства на обеспечении ключевых научно-технических разработок и свернуть финансовую поддержку бесплодных, малоэффективных научных организаций. 2. Прошу также в месячный срок представить программу перестройки системы организации и финансирования высшего образования, обеспечивающую ее ориентацию на реальные финансовые возможности и приоритетные нужды Российской Федерации, развитие коммерческих начал в этой сфере деятельности». Уже 8 мая 1992 г. Министром Б.Г. Салтыковым были переданы Е.Т. Гайдару предложения «О перестройке системы организации и финансирования научных исследований и высшего образования», подготовленные по поручению Правительства. Их разработчики исходили из того, что в условиях ограниченности финансовых ресурсов государства первоочередной задачей являлось «...не столько развитие исследований и разработок, сколько сбережение самого ценного в научно-техническом потенциале... Принцип избирательности в отношении поддержки как исследований, так и научных организаций должен стать одним из основополагающих в проводимой государственной научно-технической политике» [6. Л. 33]. Одновременно предполагалось осуществление «гибкой корректировки высшего образования с учетом особенностей реальной социально-экономической ситуации», подразумевающей: выделение группы вузов приоритетной государственной поддержки; формирование сети негосударственных высших учебных заведений; развитие форм и методов коммерциализации вузовского сектора науки, превращение его в самоуправляемую подсистему вневедомственного научно-технического комплекса; реализацию комплекса мер, направленных на стимулирование самофинансирования высшей школы и др. [Там же. Л. 46–55].

Руководство Миннауки предоставляло Правительству, на наш взгляд, достаточно точные сведения о складывающейся на тот момент ситуации в научно-техническом комплексе страны: производство подвергалось, по определению экспертов ведомства, «технологической инфляции», которая сопровождалась снижением технического уровня производства вследствие ориен-

тации только на простейшие и коммерчески беспроигрышные технологии. Падал престиж традиционных сфер науки и образования, рос интерес только к тому, что было необходимо для утилитарного применения в рыночных структурах. Ухудшилось обновление материальной и приборной базы науки и образования. Серьезный ущерб развитию науки и техники наносило нарушение сложившихся связей и взаимодействия в научно-технической деятельности между организациями и предприятиями, расположенными на территории вновь возникших государств. Отсутствие валюты заметно снизило масштабы международного сотрудничества, лишило возможности закупать приборы, оборудование, лицензии, научную литературу. Начавшаяся либерализация цен, не подкрепленная компенсирующими процессами приватизации и монополизации, вызвала резкий рост материальных затрат, стоимости энергоносителей и т.п., что привело к многократному росту (в 15 раз) накладных расходов, связанных с обслуживанием НИОКР. Столь значительный рост сопутствующих затрат практически не давал никаких возможностей для вложения средств в обновление экспериментальной базы науки [4. Л. 159]. Недостаток средств вызывал распад всей социальной инфраструктуры науки (опытных производств, жилого фонда, сети детских дошкольных учреждений, системы медицинского обслуживания и т.д.).

Помесячное выделение ассигнований на науку не давало возможности спланировать и провести исследования. Мощный налоговый пресс, прежде всего на прибыль и добавленную стоимость, земельный налог, который, например, в Москве составлял сотни тысяч рублей за один гектар в год, не позволял предприятиям и научным организациям накапливать средства на reinvestиции. Массовый характер начинал принимать выход опытных производств из состава научно-исследовательских и учебных организаций ради получения коммерческой выгоды, что вело к разрушению технологического цикла исследований и в итоге – к фактическому сворачиванию работ [Там же].

Президент Российского союза промышленников и предпринимателей А.И. Волыский в этой ситуации предлагал Президенту РФ «спасти отраслевую науку от самих ее руководителей». Согласно его данным, на 1 июля 1989 г. в РСФСР в составе 4,6 тыс. НПО, НИИ, КБ функционировало 1 819 опытных заводов и опытных производств, объем производства которых составлял 1,212 млрд руб. при общей численности работающих около 362 тыс. человек. Однако, писал он в 1992 г., «сложившийся и оправдавший себя механизм творческого взаимодействия и сотрудничества между научными работниками и конструкторами НПО, НИИ и КБ, с одной стороны, и специалистами производства, опытных заводов, с другой стороны, в последнее время стал разрушаться, что не может не вызывать тревоги и беспокойства за судьбу отраслевой науки» [3. Л. 49]. Самое опасное, с его точки зрения, заключалось в том, что «имели место неоднократные случаи несогласованного выхода опытных заводов из структур научно-исследовательских организаций и перепрофилирование опытного производства на вы-

пуск высокоприбыльной продукции. Подобные действия инициировались, как правило, руководителями опытных заводов, находящихся на самостоятельном балансе и обладающих правами юридического лица». Принимая во внимание, что право юридического лица и наличие самостоятельного баланса у опытного завода, согласно действующему тогда законодательству Российской Федерации о предприятии, придавали подобным действиям руководителей опытных заводов правомерный характер, и учитывая, что из общего количества опытных заводов и опытных производств владели правами юридического лица и самостоятельным балансом 654, или одна треть, всех опытных производств, автор письма считал необходимым, «во избежание ущербных для отраслевой науки последствий принять незамедлительные меры по приостановлению этого опасного явления и одновременно по разработке законодательного акта, регулирующего деятельность прикладной науки в условиях рыночных отношений» [3. Л. 49].

Между тем положение действительно становилось угрожающим. Так, например, коллектив руководителей и ведущих научных сотрудников НПО «Биотехника», созданного в 1986 г. и имеющего в своем составе Ефремовский опытно-механический завод, экспериментальную базу института «Московский опытный завод» и головную организацию – институт «Биотехника», не смог выполнять Постановление Правительства РСФСР от 26 декабря 1991 г. «О неотложных мерах по обеспечению населения и учреждений здравоохранения РСФСР лекарственными средствами в 1992 году» из-за того, что в январе 1992 г. была объявлена бессрочная забастовка обслуживающего персонала опытно-экспериментальной базы, пожелавшего обрести статус юридического лица и выйти из состава объединения. Справедливо полагая, что опытный завод – продукт многолетней работы всего НПО, авторы обращения к вице-премьеру Правительства РСФСР Г.З. Бурбулису 14 февраля 1992 г. писали: «Требование хозяйственной самостоятельности, выдвинутое забастовщиками втайне от сотрудников института и без учета их интересов и интересов дела в условиях разворачивающейся в стране приватизации, воспринимается коллективом института как попытка присвоения государственной собственности, к тому же с неизбежным последующим изменением профиля опытного завода и выхода его из системы Минздрава РСФСР» [4. Л. 120]. Подобные примеры не были единичными и влекли за собой разрушение налаженного процесса создания опытных образцов нового технологического оборудования, сокращение объемов производства средств технологического оснащения для машиностроительных предприятий, снижение валютных поступлений по контрактам с зарубежными фирмами, невыполнение договорных обязательств.

В начале 1992 г. к Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину, в Правительство обращались руководители предприятий, институтов с призывом не только поддержать конкретную организацию, но и подумать о будущем промышленного потенциала, науки и в целом о стране. Колоссальное количество таких обращений

хранится ныне в архивах. Так, коллектив Ассоциации проектных организаций г. Новокузнецка, объединяющей 18 проектных и изыскательских институтов, работающих для различных отраслей промышленности Сибири и Дальнего Востока, крайне обеспокоенный «нынешним состоянием проектного дела в России», в подобном обращении надеялся на поддержку со стороны Правительства и понимание опасности развала сложившейся в России структуры проектного дела: «Разорение проектных институтов сегодня неизбежно приведет страну к зависимости от иностранных фирм, которые будут предлагать свои услуги по цене на несколько порядков выше. Считаем своевременным рассмотреть положение с состоянием проектного дела в стране и принять государственную программу, в которой бы нашли отражение поднятые нами вопросы ценообразования, обеспечения институтов современной техникой, а также сохранения и укрепления системы научно-технической информации, подготовки инженерных кадров, приватизации проектно-изыскательских организаций с учетом интеллектуальной собственности» [6. Л. 89–90].

Письмо о невозможном финансовом положении направили в адрес Правительства и сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского тепловозного института: «Финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ... из бюджета прекращено и осуществляется только по хозяйственным договорам с заводами отрасли и другими заказчиками, которые не заинтересованы в финансировании перспективных работ, что ставит коллективы научно-исследовательских организаций, в том числе и нашего института, в крайне тяжелое положение: из-за недостатка средств производится массовое сокращение кадров, приходит в упадок экспериментальная база института. Зарплата научного работника со степенью равна или ниже зарплаты уборщиц и дворников в городских организациях... Научные сотрудники, на подготовку которых ушли десятки лет, уходят рабочими в кооперативы и на государственные предприятия с более высокой оплатой труда» [7. Л. 87]. Одновременно авторы указывали на еще одну серьезнейшую проблему тех лет: на отраслевую науку распространился весь арсенал налоговой системы, в том числе налог на добавленную стоимость, плата за землю. Те льготы, которые действовали ранее, были отменены. Напоминая власти о распространенной в мировой практике государственной поддержке НИОКР, предусматривающей специальные налоговые и амортизационные льготы, отечественные ученые полагали, что предоставление подобных налоговых льгот для НИИ в РФ могло бы спасти отраслевую науку, а общество – преодолеть «техническую отсталость» [Там же. Л. 88].

В апреле 1992 г. группа сотрудников Московской медицинской академии еще с надеждой обращалась к Президенту РФ, уверенная в том, что он, «судя по докладу на съезде (Съезде народных депутатов Российской Федерации. – Е.Б.), вероятно, недостаточно информирован о настоящем положении дел» – разрушении научных коллективов, научных школ, целых институтов: «Многие научные направления, где наша

страна еще совсем недавно имела приоритет в мире, перестали существовать. Происходит интенсивный отток научных кадров за границу, в коммерческие структуры. Так, например, в некоторых лабораториях авторитетнейшего учреждения – Института проблем механики бывшей АН СССР осталось всего 10% ученых, остальные эмигрировали. В столичных вузах опустели студенческие научные кружки. Перспектива быть ученым-нищим не привлекает молодежь» [7. Л. 78]. Авторами письма назывались две причины: «Первая – унизительнейшая зарплата: младший научный сотрудник – 500 руб., старший, кандидат наук – 760, профессор – 1 200. Так что обещанное Вами повышение зарплаты на 160–180% ситуации не изменит. Сознание, что оплата самого квалифицированного труда не дотягивает даже до зарплаты уборщицы, – непереносимо. Это унизительно, не говоря уж о том, что на такую зарплату просто нельзя жить. Ужасает и то, что ученых ждет к тому же и нищенская пенсия, которая будет исчисляться из мизерной зарплаты. Самообеспечение науки на настоящем этапе нереально. Даже в прикладных отраслях, связанных с производством, заключение договоров крайне ограничено. Что касается фундаментальных исследований, медицинской науки, то ни в одной стране они сами себя не содержат. Рассчитывать на то, что бедственное положение этих отраслей привлечет внимание наших молодых предпринимателей, при отсутствии налоговых льгот на подобные инвестиции вряд ли возможно» [Там же. Л. 78–79]. В качестве второй причины в обращении была названа невозможность продолжать исследования из-за резкого сокращения материальной базы. Особого внимания заслуживает заключение ученых: «Судя по всему, программы правительства в отношении развития науки в России нет. Вероятно, ее состояние сегодня не кажется ему критическим. Это заблуждение. Уже сегодня восстановить утраченное очень сложно. Пройдет еще немного времени, и восстанавливать будет нечего. Для создания научных школ нужны годы, десятилетия, целая жизнь. Привлечь внимание к состоянию науки с помощью массовых акций ученые вряд ли способны. Остается лишь надеяться на дальновидность Вашей политики. В противном случае российская наука тихо умрет, что она и делает» [Там же. Л. 79].

Между тем надежды реформаторов на появление множества источников финансирования науки не оправдались: в этом не пожелали принимать участие рыночные структуры (банки, биржи, торговые дома, страховые компании и т.п.). Резкое удорожание (до 50–70%) кредитных ресурсов заставляло НИИ отказываться от новых кредитов, что также вело к сворачиванию исследований. Продолжалось неуклонное снижение социального статуса ученого, падал престиж традиционных сфер науки и образования. В результате за два первых месяца 1992 г. численность работающих в сфере науки и техники только по Москве снизилась на 120 тыс. чел., или на 14,4% [4. Л. 159]. Но руководство Миннауки полагало, что сокращение численности в сфере науки нельзя рассматривать как отрицательное явление – «наука требовала освобождения от “балласта”». Впрочем, и чиновников не могло не настораживать, что из-

за финансовых трудностей из научных организаций уходили в коммерческие структуры или уезжали за рубеж наиболее квалифицированные специалисты и молодые люди. Нарастающий процесс «утечки умов» привел к существенному ослаблению ряда научных школ (теоретическая физика, генетика, математика). Хотя в большей степени, судя по всему, беспокоило другое: «Основная масса работников, даже при сознательном ухудшении материальных условий, продолжала оставаться на местах». А это означало, по их мнению, продолжение «...проедания огромных финансовых ресурсов фактически бесплодными НИИ» [Там же. Л. 160].

Пытаясь спасти оставшееся, в марте 1992 г. глава администрации Томской области В. Кресс обращался к первому заместителю председателя правительства РФ Г.Э. Бурбулису с предложением использовать инновационный потенциал региона по развитию комплексных научно-технических программ «Томск – России». На тот момент Томск имел признанные научные школы с мировой известностью, 9 академических институтов, в составе которых были лаборатории, уникальные объекты фундаментальной науки (ядерный реактор, например). На базе научно-технологического парка вузов, научно-производственных предприятий и объединений сложились новые эффективные структуры и формы интеграции образования, науки, производства, предпринимательства: межвузовские научно-производственные комплексы, способные определить дальнейшее позитивное социально-экономическое развитие региона. В учебно-научном комплексе работали более 500 академиков, членов-корреспондентов, профессоров, докторов наук и более 4 тыс. кандидатов наук, доцентов. Все это могло активно работать, с точки зрения автора письма, лишь если бы обеспечивалось «нормальное финансирование научно-исследовательских программ» [Там же. Л. 76]. Ответ правительства был достаточно лаконичным: «В связи с тяжелейшим экономическим положением страны и трудностями в исполнении республиканского бюджета России выделение дополнительных средств на эти цели из бюджета в условиях острого его дефицита в настоящее время не представляется возможным» [Там же. Л. 89].

Подобные документы свидетельствуют не только о бедственном финансовом положении страны в то время, но и об иных приоритетах правительства.

Уже в самом начале «переходного периода» в особенно тяжелом положении оказалась отраслевая наука: исчезли отраслевые фонды и единые фонды развития науки и техники; произошло значительное сокращение хозяйственных работ со стороны промышленности. Большая часть малых инновационных предприятий, научно-технических кооперативов и центров, созданных для развития инновационной деятельности, были заняты торгово-закупочной, посреднической и иной коммерческой деятельностью, часто используя при этом ситуацию «бесхозности» научно-технических разработок из-за нерешенности проблемы разделения имущественных прав на научно-технические фонды.

Известные деятели науки и образования, крайне обеспокоенные ростом негативных процессов в научно-технической сфере, также обращались в Правитель-

ство РФ, Государственную Думу, непосредственно к Президенту РФ. Так, в письме Председателя РФФИ академика В.Е. Фортова в Государственную Думу сокращение финансирования фундаментальной науки оценивалось как катастрофическое. В частности, академик вынужден был констатировать: «...Большинство научно-исследовательских институтов практически не функционирует. Происходит распад инфраструктуры науки, развал научных школ и даже приоритетных направлений, “утечка мозгов” за пределы страны и в бизнес... Еще несколько лет – и мы окончательно потеряем нашу науку. На восстановление ее понадобятся десятилетия... Мы действительно подошли к черте, за которой нас ждут коматозные обвальные явления и гибель науки в России. Чтобы предотвратить это, необходимо увеличить средства, выделяемые на финансирование науки, по крайней мере, до 2,5% ВВП. Выделение этих средств не затронет, в силу их скромности, основных статей бюджета, но, безусловно, радикальным образом улучшит ситуацию с наукой в нашей стране» [8. Л. 204]. В письмах академика С.В. Восновского, адресованных Б.Н. Ельцину в декабре 1991 г. и в январе 1992 г., помимо описания драматической ситуации, сложившейся в АН СССР, предлагалось стимулировать научную деятельность, подняв зарплату территориальных отделений РАН до уровня намечаемой зарплате профессоров высшей школы. Академик писал о «полном пренебрежении руководства России к нуждам науки», о, по его мнению, «вопиющей дискриминации, которая сложилась сегодня в существенном различии оплаты труда сотрудников РАН и работников высшей школы» [9. Л. 229–232].

В этом же 1992 г. на имя Президента РФ Б.Н. Ельцина было направлено письмо руководителями ряда ведущих НИИ, в котором, на наш взгляд, весьма реалистично характеризовалась ситуация, сложившаяся в научно-технической сфере сразу после распада СССР: «Мы, директора ведущих институтов строительного комплекса, озабоченные возможностью развала и прекращения деятельности научных учреждений, вынуждены обратиться к Вам по жизненно важному вопросу. В условиях либерализации цен, многократного удорожания сырья, материалов, топлива, электроэнергии, услуг, безудержной инфляции, сокращения капитального строительства и ограниченного бюджетного финансирования научных разработок, по нашим расчетам, научно-исследовательские институты строительного комплекса прекратят свое существование уже во втором квартале 1992 г.». В числе причин назывались высокие налоги, вынужденные сокращения сотрудников, очень низкая заработная плата. У институтов не было «средств ни на повышение минимальной заработной платы низкооплачиваемым категориям работающих, ни на выплату пособий уволенным работникам, ни на обеспечение питания сотрудников, которые не могли позволить себе ходить в столовые, ни на компенсацию их транспортных расходов» [3. Л. 39–40]. Кроме того, НИИ стали заложниками банков, которые с декабря 1991 г. потребовали иметь на три месяца вперед прибыль для выплаты заработной платы, не смотря на то что она включалась в себестоимость ра-

бот. В случае если этой прибыли не было, ежемесячно НИИ должны были представлять балансы, а это приводило к задержке выплат заработной платы даже при наличии средств на расчетных счетах. Авторы письма, утверждая, что «...ликвидация отраслевой науки нанесет невосполнимый ущерб строительному комплексу России, а на восстановление имеющегося сейчас научного потенциала в строительной отрасли понадобятся десятилетия», просили не о выделении дополнительных ассигнований на содержание отраслевых институтов, «понимая, что у государства на это средств нет», а об отмене налога на добавленную стоимость как по бюджетной, так и по хозяйственной тематике, о снижении размера налога на прибыль с 32 до 12%, открытии к февралю текущего года бюджетного финансирования утвержденных программ по фундаментальным исследованиям, предусмотрев индексацию выделяемых средств, об освобождении от налогов на внебюджетную прибыль при условии, что институты использовали бы ее на покрытие дополнительных расходов от удорожания электроэнергии, теплоснабжения, топлива, бумаги, телеграфных услуг и т.д., а также о направлении этой прибыли на поисковую научную тематику, что дало бы возможность готовить кадры молодых ученых и создавать задел на будущее. Далее предлагалось «разрешить поэтапную приватизацию институтов, но при этом 50% стоимости основных средств передать в безвозмездную собственность коллективов» [Там же. Л. 41].

Призывы были услышаны, и в результате были приняты законодательные акты об освобождении НИОКР, выполняемых за счет государственного бюджета, от уплаты налога на добавленную стоимость. Были разрешены формирование и использование внебюджетных фондов для финансирования отраслевых и межотраслевых НИОКР и мероприятий по освоению новых видов продукции. 26 февраля 1992 г. был учрежден внебюджетный Российский Фонд технологического развития, а в марте 1992 г. приняты к исполнению утвержденные законом Российской Федерации от 24 января 1992 г. «О бюджетной системе Российской Федерации на I квартал 1992 года» ассигнования на финансирование фундаментальных научных исследований и государственных научно-технических программ. Однако Миннауки вынуждено было признать, что «средств для их реализации оказалось недостаточно» [4. Л. 54–55]. В Указе Президента РФ от 27 апреля 1992 г. № 426 «О неотложных мерах по сохранению научно-технического потенциала Российской Федерации» [10] предусматривалось через конкурсные механизмы распределить крайне ограниченные бюджетные средства. Этот документ лег в основу становления многоканальной системы финансирования (бюджетные и внебюджетные фонды). Научные организации освобождались от уплаты налога на землю и имущество, предприятиям, заказывающим НИОКР, предоставлялись льготы по налогу на прибыль, запрещалась приватизация опытных производств.

В отчетах Миннауки, направляемых в Правительство в 1992 г., трудности, переживаемые научным сообществом, объяснялись тем, что в значительной сте-

пени «наука в своей сущности является весьма консервативной социальной системой, это предопределяет ее низкие адаптационные возможности во время кризисов». «Вот и сегодня, – поясняло руководство министерства, – в России организационные структуры и привычные механизмы функционирования науки не успевают приспособиться к резко меняющимся условиям социально-экономической среды. Структура фронта исследований, распределения научных кадров, сложившиеся “веса” отраслевых и проблемных заделов... абсолютно не соответствует структуре спроса на НИОКР. В целом сегодня можно констатировать наличие глубокого структурного кризиса российской науки» [4. Л. 160–161]. Решение проблемы виделось в скорейшей приватизации сферы НИОКР, которую предполагалось реализовывать по специальной программе, предусматривающей основные направления реорганизации НИИ и КБ, их интеграцию с промышленными предприятиями и становление фирменной науки, создание национальных научных центров, научно-учебных центров контрактных исследований, технополисов, технопарков и иных новых научно-инновационных структур.

Свое отношение к приватизации, к планам правительства в целом и свое собственное видение выхода из кризиса обозначили в своем письме, датированном 26 ноября 1991 г. и направленном заместителю председателя Правительства РСФСР А.Н. Шохину, Генеральный директор ПО «ЗИЛ» Е.А. Браков, Заместитель Генерального директора ПО «Москвич» В.Н. Соколов и еще целый ряд руководителей столь же крупных предприятий. В нем говорилось и о недооценке реформаторами роли материального производства, и об устаревшем оборудовании, которое не позволяло выпускать современную, конкурентоспособную продукцию (в стране лишь около 8% выпускаемых металлообрабатывающих станков соответствовало мировому уровню) [3. Л. 102]. Авторам письма правомерно представлялось, что происходящие изменения в экономике и сфере управления «...мобилизуют лишь незначительную долю возможностей в достижении реального роста производительности труда, а именно – социальный фактор производительности, связанный с приватизацией средств производства». По их оценке, подобным образом можно было добиться увеличения производительности труда и товарной массы продукта лишь в 1,4–1,7 раза. Между тем использование достижений научно-технического прогресса позволило бы на порядок и более увеличить объемы производства товарной массы при меньших трудовых и материальных затратах. Руководители предприятий весьма точно прогнозировали, что переход экономики России на рыночные отношения с зарубежными фирмами, имеющими высокий научно-технический и производственный потенциал, «отрицательно скажется на выживаемости отечественной промышленности и науки, затормозит технический прогресс и может превратить страну в ресурсопоставляющий придаток развитых в промышленном отношении стран» [Там же. Л. 103]. Но как их предупреждения, так и предупреждения научного сообщества властью были проигнорированы.

Результаты не замедлили сказаться. Резко сократившееся финансирование исследований повлекло за собой стремительное сокращение кадрового потенциала науки. Только за 1991–1993 гг. численность работников научной сферы, занятых в государственных организациях, уменьшилась почти на 40%. Если в 1989 г. на 10 тыс. чел. экономически активного населения в России приходилось 130 исследователей, то к 1995 г. этот показатель упал до 60 [11. С. 118]. Большинство НИИ, особенно отраслевых, лишилось более 70% своих сотрудников [12. С. 37]. Гигантские разрушительные процессы произошли в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. За 1991 и 1992 гг. количество научных организаций, работавших на хозяйство и экономику страны, сократилось по разным отраслям на 60–70% [13]. В 1992 г. показатель инновационной активности, представляющий удельный вес организаций, осуществляющих разработку и использование нововведений, по данным Л.В. Журавлевой, составлял в целом по промышленности 16,3%, а в 1995 г. – уже 5,6% [14. С. 17]. В 1990–1993 гг. инновационная сфера была представлена малыми предприятиями, но их функционированию препятствовал ряд серьезных факторов: прежде всего, отсутствие господдержки, высокие цены на энергоносители и отсутствие льготного налогообложения. Просуществовав не более двух лет, они прекратили свою деятельность [15]. В середине 1990-х гг. наибольшую инновационную активность проявили крупные государственные и арендные предприятия, причем основным источником финансирования являлись их собственные средства. Использовались на эти цели также кредиты и заемные средства, а роль бюджета была крайне незначительной – только около 8% предприятий смогли воспользоваться государственными инвестициями. В соответствии с федеральными целевыми программами осваивали выпуск новой продукции лишь 2% предприятий. Иностранные инвестиции использовали только 2% производств. В 1995 г., как и в 1994 г., доля НИОКР, проводимых по заказу федеральных органов исполнительной власти «промышленного блока» (Госкомпрома России, Госкомоборонпрома России, Роскоммаша, Роскомметаллургии, Роскомхимнефтепрома) составила около 30% от общегосударственных расходов на науку. Сохранилась тенденция финансирования прежде всего прикладных НИОКР [16. С. 658].

В функционировании научно-технического комплекса страны во второй половине 1990-х гг. и на рубеже XX–XXI вв. возможно выделить две расходящиеся траектории развития: с одной стороны, продолжалось формирование концептуальных основ государственной научно-технической политики (соответствующих проектов и программ) в контексте общемировых приоритетов, с другой стороны, углублялась кризисная ситуация в фундаментальной и отраслевой науке, деградировала отечественная промышленность, прежде всего высокотехнологичные отрасли производства; значительно сократился технологический базис отечественной экономики.

Казалось бы, в «Основных направлениях промышленной политики Российской Федерации на 1995–1997 го-

ды», подготовленных Госкомпромом РФ, содержался специальный раздел «Инновационная и научно-технологическая политика в промышленности», в котором были обозначены ее основные цели: создание условий для формирования прогрессивной структуры производства, распространения новых технологических укладов как основы реализации инновационного варианта развития экономики и повышения конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей, прежде всего за счет снижения производственных издержек; модернизация и развитие потенциала прикладной науки и поддержка инновационной деятельности в России. Планировалось, что «...обеспечение единства инновационной и научно-технологической политики будет способствовать повышению восприимчивости промышленного производства к научно-техническим достижениям, росту заинтересованности предприятий в инновациях и освоении прогрессивных технологий, привлечению свободного капитала к финансированию проектов технологического перевооружения промышленности» [17. С. 10]. И предложенные меры относительно создания национальной инновационной системы были частично реализованы. Еще в первой половине 1990-х гг. было создано 4 государственных фонда поддержки науки и инноваций, государственные научные центры и их Ассоциация [18. С. 15]. Предпринимались попытки разработки правовых основ национальной инновационной политики РФ. На правительственном уровне были предложены меры по материальному стимулированию труда ученых, выделению и поддержанию приоритетных научных направлений и школ, созданию 61 государственных научных центров, сдерживанию миграции научных и научно-технических кадров [19. Л. 170; 10. Л. 1–3]. Но эти программы позволяли лишь выживать отдельным звеньям НТК (как и было запланировано), но не развиваться.

В 1990-е гг. распались уникальные научно-исследовательские коллективы, выдающиеся научные школы. За период с 1990 по 2003 г. значительно уменьшилось количество проектных организаций (в 7,8 раза), конструкторских бюро (в 3,6 раза), научно-технических подразделений на промышленных предприятиях (в 1,8 раза). Доля внутрифирменной науки в общем объеме затрат на НИР составила всего 6%. За 1990–2002 гг. число вузов, занятых НИР, уменьшилось с 458 до 390, или на 14%. Затраты на научную деятельность выделялись только в 40% вузов [21. Л. 47].

Одновременно данные и выводы о форсированной властью приватизации, содержащиеся в письме Генерального прокурора РФ Ю.И. Скуратова на имя Председателя Государственной Думы Федерального Собрания России Г.Н. Селезнева, отправленном им в декабре 1996 г., впечатляют и в настоящее время [22]. В частности, Генеральный прокурор писал, что «оцененная по остаточной стоимости интеллектуальная собственность, плоды творческих усилий научных коллективов оказались в руках лиц, скупивших за бесценок акции высокотехнологичных, наукоемких производств, в основном сосредоточенных на предприятиях военно-промышленного комплекса. Такое же положение сложилось и в других отраслях... Явно заниженная оценка

стоимости интеллектуальной собственности, включавшейся в уставные фонды, а затем проданной за бесценок, привела к неполучению бюджетом средств, во много раз превосходящих сумму, полученную от приватизации» [23. Л. 3]. Этот вывод подтверждался и в многостраничном отчете, подготовленном специальной комиссией, созданной Государственной Думой: «В целом Запад приобрел в России столь большой объем новых технологий, что НАТО создало для их обработки специальную программу.... По этой программе организовывались приглашения российских специалистов для классификации совместимости с евростандартами полученных из России технологий и формирования предложений по их применению [24. Л. 154 об.]. Комиссия вынуждена была констатировать, что приватизация не привела ни к активизации инвестиционной деятельности, ни к появлению эффективного собственника, а «потеря от разрушения экономики превысила более чем в 20 раз суммарные доходы российского бюджета за 1986 г. и в 2,5 раза – потери нашей страны в годы Великой Отечественной войны» [Там же. Л. 16].

3 декабря 1998 г. в письме, направленном Председателю Правительства Российской Федерации Е.М. Примакову, Счетная палата ГД РФ сообщала о результатах проведенной в феврале–августе 1998 г. проверки состояния и эффективности использования потенциала научных организаций, обеспечения развития базовых технологий и уникальных производств в Российской Федерации. Аудиторы вынуждены были констатировать, что «в результате неэффективного управления научной и научно-технической деятельностью, бесконтрольной приватизации, действующей финансово-кредитной, налоговой и ценовой политики, недостаточной государственной поддержки, запаздывания с проведением структурных преобразований российская фундаментальная и особенно прикладная наука приведена в состояние глубокого кризиса, безвозвратно теряет накопленный потенциал, что в конечном счете ведет к утрате наукоемкого сектора экономики России, наносит невосполнимый ущерб ее национальной безопасности» [25. Л. 102]. В этой связи Правительству Российской Федерации предлагалось принять ряд конкретных мер, направленных на стабилизацию положения в научном комплексе России. Сообщалось также и о том, что никаких планов конкретных мероприятий по исправлению ситуации в полученном Счетной Палатой ответе за подписью заместителя Председателя Правительства Российской Федерации В.Б. Булгака от 26 октября 1998 г. правительством разработано не было.

Таким образом, изученные нами документы и материалы, часть из которых нуждается лишь в цитировании, так как в полной мере дает возможность представить критическое положение, сложившееся в научно-технической сфере после распада СССР, позволяют сформулировать вывод о том, что в целом государственная научно-техническая политика в 1990-е гг. носила декларативный, непоследовательный, научно не обоснованный характер. Осуществлялись отдельные мероприятия из разрабатываемых тогда и во многом заимствованных программ. Задача модернизации

страны в них даже не декларировалась, речь шла о спасении лишь небольшой части НТК, об избавлении от «балласта», о необходимости обучения молодого поколения на уровне, необходимом рынку и «отверточному производству», но не технологическому рывку. Ставка делалась на скачок в постиндустриальное общество, а на самом деле – на разоряющую налоговую политику, форсированную приватизацию, включая производство, научно-техническую сферу, систему образования. Одновременно высшая школа должна была заниматься внедрением в сознание студентов «общечеловеческих ценностей», успокоением, обеспечением социального оптимизма и выживанием за счет платного обучения. Никакой концепции, ориентирующей на обеспечение национальной безопасности страны и сохранение самоидентичности, вековых традиций, на консолидацию общества, не предлагалось.

Реформирование научно-технического комплекса «с целью его адаптации к формату рыночной модели функционирования общественной системы» обернулось значительными социальными издержками, ресурсными, кадровыми и духовно-нравственными потерями.

Научно-технический потенциал страны был, по существу, отключен от решения важнейших задач развития страны и рассматривался скорее как помеха, нежели позитивный фактор в их решении. Трудно не согласиться с исследователями, которые утверждают, что опыт встраивания страны в 1990-е гг. в глобальную экономику в результате либеральных реформ имел результатом уничтожение перерабатывающей промышленности в ее наукоемкой части, рост «сырьевых» отраслей, а также производств, отличающихся высокой энерго- и водоемкостью, токсичными выбросами [26. С. 73–74]. Значительно упала инновационная активность в промышленности и других отраслях материального производства, принимаемые решения мало коррелировали с провозглашенным инновационным курсом, были направлены на решение сиюминутных задач. Утвержденные программы не реализовывались из-за финансовой необеспеченности, промышленного спада, криминальной приватизации, нежелания новых собственников вкладывать средства в технологическую модернизацию предприятий и поддерживать исследовательский сектор, а в целом – из-за провала выбранного либеральными реформаторами курса.

Список источников

1. Кодин М.И. Теоретико-методологические проблемы социально-экономических и социально-политических преобразований в России в конце XX в. 1990–2000 гг. М. : Наука, 2002. 212 с.
2. Калинов В.В. Государственная научно-техническая политика (1985–2011 гг.). М. : Моск. гуманитарный ун-т, 2011. 458 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10265. Оп. 1. Д. 53.
4. ГАРФ Ф. 10265. Оп. 1. Д. 55.
5. ГАРФ Ф. 10265. Оп. 1. Д. 59.
6. ГАРФ Ф. 10265. Оп. 1. Д. 57.
7. ГАРФ Ф. 10265. Оп. 1. Д. 56.
8. Архив Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (Архив ГД ФС РФ). Ф. 10100. Оп. 2. Д. 704.
9. ГАРФ. Ф. 10265. Оп. 1. Д. 58.
10. Свод законов РФ. 1992. № 18. Ст. 1026.
11. Дежина И.Г., Киселева В.В. Государство, наука и бизнес в инновационной системе России. М. : ИЭПП, 2008. 225 с.
12. Цапенко И.П., Юревич А.В. Наука «убывающая» // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 2. С. 37–44.
13. Данные Центра сравнительных структурных исследований Института международных экономических и политических исследований РАН // Независимая газета. 1996. 1 фев.
14. Журавлева Л.В. Кадровое обеспечение научно-технической и инновационной деятельности : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. М., 2005. 26 с.
15. Речкина Л.А., Акутина А.Ю. Проблемы становления национальной инновационной системы в России // Инновационные технологии научных исследований социально-экономических процессов. URL: myhist.narod.ru/publikatsii/sots-ekonom.doc (дата обращения: 19.02.2017).
16. Бодрова Е.В., Калинов В.В., Гусарова М.Н. Эволюция государственной промышленной политики в СССР и Российской Федерации. М. : РЕГЕНС, 2014. 939 с.
17. Об основных направлениях промышленной политики Российской Федерации на 1995–1997 гг. / Гос. комитет Рос. Фед. по промышленной политике. М. : ПАИМС, 1995.
18. Семенов Е.В. Концептуальные основы государственной научной политики в постсоветской России // Вестник международных организаций. 2008. № 1. С. 12–37.
19. Архив ГД ФС РФ. Ф. 10100. Оп. 2. Д. 704.
20. Архив ГД ФС РФ. Ф. 10100. Оп. 2. Д. 703.
21. Архив ГД ФС РФ. Ф. 10100. Оп. 15п-IV. Д. 77.
22. Бодрова Е.В. Российская приватизация: «время разбрасывать камни ...» // Власть. 2014. № 2. С. 5–9.
23. Архив ГД ФС РФ. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 3432.
24. Архив ГД ФС РФ. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 5598.
25. ГАРФ. Ф. 10265. Оп. 1. Д. 736. Л. 102.
26. Сухорукова С.М., Погорелый А.М., Самороков А.В. Влияние международного технологического разделения труда на экологическую и промышленную безопасность // Российский технологический журнал. 2016. Т. 4, № 4 (13). С. 71–77.

References

1. Kodin, M.I. (2002) *Teoretiko-metodologicheskie problemy sotsial'no-ekonomicheskikh i sotsial'no-politicheskikh preobrazovaniy v Rossii v kontse XX v. 1990–2000 gg.* [Theoretical and methodological problems of socio-economic and socio-political transformations in Russia at the late 20th century. 1990–2000]. Moscow: Nauka.
2. Kalinov, V.V. (2011) *Gosudarstvennaya nauchno-tehnicheskaya politika (1985–2011 gg.)* [The state science and technology policy (1985–2011)]. Moscow: Moscow University for the Humanities.
3. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10265. List 1. File 53.
4. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10265. List 1. File 55.

5. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10265. List 1. File 59.
6. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10265. List 1. File 57.
7. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10265. List 1. File 56.
8. The Archive of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Fund 10100. List 2. File 704.
9. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10265. List 1. File 58.
10. Russian Federation. (1992) *Svod zakonov RF* [Code of Laws of the Russian Federation]. 18. Art. 1026.
11. Dezhina, I.G. & Kiseleva, V.V. (2008) *Gosudarstvo, nauka i biznes v innovatsionnoy sisteme Rossii* [State, science and business in the innovation system of Russia]. Moscow: IEPP.
12. Tsapenko, I.P. & Yurevich, A.V. (1995) Nauka "ubyvayushchaya" [The "decreasing" science]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 2. pp. 37–44.
13. The Russian Academy of Sciences. (1996) Dannye Tsentra sravnitel'nykh strukturnykh issledovaniy Instituta mezhdunarodnykh ekonomicheskikh i politicheskikh issledovaniy RAN [Data of the Center for Comparative Structural Studies of the Institute for International Economic and Political Studies of the Russian Academy of Sciences]. *Nezavisimaya gazeta*. 1st February.
14. Zhuravleva, L.V. (2005) *Kadrovoye obespechenie nauchno-tekhnicheskoy i innovatsionnoy deyatel'nosti* [Staffing of scientific, technical and innovative activities]. Abstract of Economy Cand. Diss. Moscow.
15. Rechkina, L.A. & Akutina, A.Yu. (n.d.) Problemy stanovleniya natsional'noy innovatsionnoy sistemy v Rossii [Problems of formation of the national innovation system in Russia]. In: *Innovatsionnye tekhnologii nauchnykh issledovaniy sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov* [Innovative technologies for scientific research of socio-economic processes]. [Online] Available from: myhist.narod.ru/publikatsii/sots-ekonom.doc (Accessed: 19th February 2017).
16. Bodrova, E.V., Kalinov, V.V. & Gusarova, M.N. (2014) *Evolutsiya gosudarstvennoy promyshlennoy politiki v SSSR i Rossiyskoy Federatsii* [The evolution of the state industrial policy in the USSR and the Russian Federation]. Moscow: REGENS.
17. The State. Committee of the Russian Federation on Industrial Policy. (1995) *Ob osnovnykh napravleniyakh promyshlennoy politiki Rossiyskoy Federatsii na 1995–1997 gg.* [On the main directions of the industrial policy of the Russian Federation for 1995–1997]. Moscow: PAIMS.
18. Semenov, E.V. (2008) Kontseptual'nye osnovy gosudarstvennoy nauchnoy politiki v postsovetsoy Rossii [Conceptual foundations of state scientific policy in post-Soviet Russia]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*. 1. pp. 12–37.
19. The Archive of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Fund 10100. List 2. File 704.
20. The Archive of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Fund 10100. List 2. File 703.
21. The Archive of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Fund 10100. List 15p-IV. File 77.
22. Bodrova, E.V. (2014) Rossiyskaya privatizatsiya: "vremya razbrasyvat' kamni ..." [Russian privatization: "time to scatter stones..."]. *Vlast'*. 2. pp. 5–9.
23. The Archive of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Fund 10100. List 14. File 3432.
24. The Archive of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Fund 10100. List 14. File 5598.
25. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10265. List 1. File 736. p. 102.
26. Sukhorukova, S.M., Pogorelyy, A.M. & Samorokov, A.V. (2016) Effect of international technological differentiation of labour on ecological and industrial safety. *Rossiyskiy tekhnologicheskii zhurnal – Russian Technological Journal*. 4(13). pp. 71–77. (In Russian). DOI: 10.32362/2500-316X-2016-4-4-71-77

Сведения об авторе:

Бодрова Елена Владимировна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных и гуманитарных дисциплин Института технологий управления МИРЭА – Российского технологического университета (Москва, Россия). E-mail: evbodrova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Bodrova Elena V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Institute of Management Technologies of MIREA – Russian Technological University (Moscow, Russian Federation). E-mail: evbodrova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.09.2017; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 25.09.2017; accepted for publication 11.11.2022

Научная статья

УДК 94(47)084.3(571)

doi: 10.17223/19988613/80/2

Политическая роль иконы Святого Николая на Никольских воротах Московского Кремля в период революции и Гражданской войны

Вадим Викторович Журавлев

Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия, vvzh@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена реконструкции истории политического использования образа Николы Можайского с Никольской башни Московского Кремля в ноябре 1917 г – первой половине 1918 г. Этот образ сыграл особую роль в идеологическом оформлении антибольшевистского движения. Сформулирован вывод о «символическом конфликте» в Московском Кремле, достигшем пика в мае 1918 г. и послужившем семиотическим прообразом полномасштабной Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война, Святой Николай, патриарх Тихон, Колчак, идеология, православие, чудотворные иконы, политизация религии

Для цитирования: Журавлев В.В. Политическая роль иконы Святого Николая на Никольских воротах Московского Кремля в период революции и Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 16–27. doi: 10.17223/19988613/80/2

Original article

Political Role of the Icon of Saint Nicholas on the St. Nicholas Gate of the Moscow Kremlin in the Period of Revolution and Civil War

Vadim V. Zhuravlev

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, vvzh@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to reconstruct the roots, historical circumstances, and context of the transformation into a unique political symbol of one of the icons—the fresco of Saint Nicholas from the Moscow Kremlin Tower of St. Nicholas. The research is based on the materials of the media, diaries of contemporaries of the events, religious and historical-memorial literature of the 19th - early 20th centuries, as well as on the exhibits of state museums and private collections.

The article describes the circumstances that influenced the manufacture of the icon presented to Admiral Alexander Kolchak by Bishop Boris Shipulin in Perm on February 19, 1919. The origin and symbolic meaning of the iconographic version of St. Nicholas of Mozhaik are restored, and the changes in its status, associated with the memorialization of the events of the War of 1812, are traced. The history of the iconographic version of the Savior of Maloyaroslavets is analyzed, this being the first case when the damages from artillery and rifle fire were used as the most important part of the icon.

The events at the Moscow Kremlin in late October - early November 1917 and the public reaction to them are further traced, in particular, the preparation and publication of a popular brochure by Bishop Nestor Anisimov. The creation of a revolutionary necropolis on Red Square, the move of the Lenin's government to Moscow, and the official demonstrations of May 1, 1918, transformed the symbolism of the Kremlin. The reaction to this was the “miracle on Red Square” - the release of the icon of St. Nicholas from the red banner covering it, and the public veneration of this icon. This event was reinforced in public opinion by the grandiose Orthodox religious processions led by Patriarch Tikhon on May 22, 1918.

The conclusion is made that the conflict of the two sacred systems (traditional and revolutionary) made the Moscow Kremlin a space of special symbolic tension. The confrontation on Red Square between the demonstration on May 1 and the “miracle of the cloth” became a kind of “symbolic rehearsal” of the full-scale civil war. These events placed the icon of St. Nicholas in an exceptional position among other secular and ecclesiastical objects damaged during the October Revolution. The damage to this fresco was interpreted by the leaders of the Orthodox Church as a self-sufficient symbol of the whole damage caused by the revolution, and the release of the icon from the red cloth was interpreted as a prophesy of the fall of Bolshevik power. As a consequence, the idea of making a copy-icon depicting the marks of rifle fire was born.

Keywords: Civil War, Saint Nicholas, Patriarch Tikhon, Kolchak, ideology, Orthodoxy, wonderworking icons, politicization of religion

For citation: Zhuravlev, V.V. (2022) Political Role of the Icon of Saint Nicholas on the St. Nicholas Gate of the Moscow Kremlin in the Period of Revolution and Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 16–27. doi: 10.17223/19988613/80/2

Несколько лет назад, формулируя выводы одной из своих статей, я отметил, что «политическую историю России как революционной, так и послереволюционной эпох невозможно понять без реконструкции сложных, разновекторных взаимодействий между элитарными и массовыми представлениями, между “профанными” и “сакральными” смыслами, между религиозной и политической культурой российского общества» [1. С. 69]. Этот комплекс антагонизмов позволяет увидеть задаваемые ими пространства представлений, смыслов и культурных значений как одновременно и разнородные, и сопряженные друг с другом.

Проводя скрупулезное исследование в рамках одного из этих пространств, анализируя и реконструируя политическую культуру широких слоев российского населения в 1917 г., Б.И. Колоницкий прозорливо отметил, что в России в эпоху революции «обратной стороной политизации религиозной жизни стала сакрализация политики» [2. С. 85–86]. Переводя этот тезис на актуальный философский язык [3], можно сказать следующим образом: (1) *политизация религиозного* и (2) *сакрализация политического* представляются двумя сторонами единого процесса, по крайней мере для данного времени и места.

Однако если изучение последней из вышеупомянутых «двух сторон» в историографии расширяется и набирает глубину (исследователи охотно рассматривают политическую *мифологию*, революционные *ритуалы*, коммунистическую *агиографию*, говорят о *сектантской* политической традиции большевиков, о *культмах* политических лидеров революционной эпохи и т.п.), то первая, а именно феномен мощнейшей, почти тотальной политизации религиозной жизни, пока изучен совершенно недостаточно. Истории «политических культов» в России эпохи 1917–1922 гг. еще только предстоит быть написанной, и она требует обращения к непривычным для историографии Гражданской войны предметам исследования, привлечения нестандартной, доселе не освоенной источниковой базы, вооружения взгляда оптикой, которая может показаться чуждой для традиционной политической истории. Однако такая «перемена взгляда», привлечение, к примеру, микроисторического или искусствоведческого инструментария, может оказаться и более чем оправданной. Обратимся к конкретному «случаю».

19 февраля 1919 г. Верховный Правитель адмирал А.В. Колчак прибыл в Пермь. Посещение этого города, за два месяца до того взятого войсками «белой» Сибирской армии, должно было явиться кульминационным событием большой, длительностью в две с половиной недели, поездки главы контрреволюционного режима по прифронтовым районам. Сценарий турне, задуманного как масштабная репрезентация колчаковской власти российскому обществу и состоявшего из череды символических действий, продумывался весьма тщательно [4. С. 113–114].

Прибыв в Пермь, А.В. Колчак в первую очередь направился в главный городской храм – Спасо-Преображенский собор, где был встречен управляющим Пермской епархией епископом Борисом (Шипулиным) [5. 19 фев.]. Репортер местной газеты «Освобождение России» описывал происшедшее в соборе следующим образом: «С вокзала Верховный Правитель, в сопровождении командира 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта Пепеляева и лиц свиты, в десять утра проследовал в кафедральный собор, куда к этому времени прибыло духовенство всех местных городских церквей во главе с управляющим Пермской епархией преосвященным епископом Борисом и многочисленные граждане. На паперти собора Верховного Правителя приветствовали адресом и поднесением хлеба-соли представители всех пермских приходских советов. При входе Верховного Правителя в собор из алтаря последнего навстречу ему вышел целый сонм священнослужителей, длинною золотистою лентою занявших все место от входных дверей собора до самого алтаря». Далее приводился полный текст достаточно пространной приветственной речи епископа Бориса, завершавшейся следующим пассажем: «В знак молитвенного нашего с Вами общения и в молитвенную память о нас позвольте поднести Вам, Ваше Высокопревосходительство, по русскому обычаю, кроме хлеба-соли, Святую икону Великого угодника Божия Николая Чудотворца, Покровителя плавающих и путешествующих. Образ этот, не блещущий богатством украшений, представляет точный снимок с чудотворного лика Чудотворца на Никольских вратах Священного Кремля, который сохранился невредимым в великую Отечественную войну 1812 г., но который не пощадила рука предателей Родины... Да будет образ этот Вашим защитником и покровителем и в Ваших ратных подвигах, и в Ваших делах государственного строительства». Далее журналист добавил: «С последними словами епископ благословил Верховного Правителя Св[ятую] иконою» [Там же. 20 фев.].

Этой своеобразной иконе, – копии поврежденного образа святого Николая с Никольской башни Московского Кремля, – предстояло стать важнейшим артефактом своего рода *контрреволюционного политического культа* и занять в этом качестве заметное место в формирующейся идеологической системе антибольшевистского движения на востоке страны. Реконструкции предыстории и контекста новой, политической роли данного образа св. Николая посвящена эта статья.

Итак, епископ Борис в своей характеристике иконы, врученной А.В. Колчаку, отталкивался от упоминания «лика Чудотворца на Никольских вратах Священного Кремля». В 1491–1492 гг., в ходе реконструкции Московского Кремля, проводившейся Иваном III, в числе прочих построек была возведена новая башня, расположенная «у Никольских ворот» [7. С. 31]. Сооружение было названо Никольской башней по

имени Никольской улицы, в свою очередь, именовавшейся так вследствие того, что на противоположном Кремлю конце этой улицы размещалась одна из древнейших московских обителей — основанный не позднее конца XIV в. монастырь Николы Старого.

В начале XVI в., а возможно, и ранее, в нише над воротами башни был размещен стенописный образ (фреска) святого Николая Чудотворца [7. С. 167]. В середине XVII в. сирийский путешественник Павел Алеппский так описывал эту икону: «На вторых воротах снаружи образ святого Николая, который держит в правой руке обнаженный меч, а в левой этот город, так как он избавил его от злобы неверного Тамерлана, о чем мы потом расскажем. Эти ворота называются “Никольска фрата”, то есть ворота святого Николая» [8. С. 401]. Изображение этой фрески относят к известному иконографическому изводу «Николы-с-мечем-и-градом», или «Николы Можайского».

Т.Н. Нечаева так характеризует данный извод: «В иконах этого типа святой представлен не с книгой и платом, а с мечом и храмом в разведенных руках. Прототипом этого образа считается статуя св. Николая, установленная на городских воротах или в городском соборе Можайска. Чудо от этого образа, послужившее спасению города от вражеской рати, положило начало его прославлению и распространению его изображений. Древнюю можайскую святыню исследователи датируют XIV в. В архаических формах скульптуры много от романского искусства, к которому она, видимо, и восходит» [9. С. 138] (см. также: [10]).

Происхождение можайского прототипа реконструируется следующим образом: «Скульптура св. Николы из Можайска <...> изображающая Николая Чудотворца с мечом и храмом в руках, признана работой сербского мастера конца XIV в., ориентированной на киотную статую из сокровищницы чудотворца в Бари. В ее стилистике отразилось влияние совмещенных романской и готической традиций. Ее появление на Руси А.В. Рындина (см.: [11]) связывает с привозом копии скульптуры и вложенной в нее частицы мощей св. Николы из Бари в Можайск при московском митрополите Киприане (1390–1406). Предположительно в 1409 г. скульптура Николы была размещена в глубокой нише “на вратех” Можайска (на стене деревянной воротной башни) по аналогии со скульптурой святого в барийской базилике» [12].

Что касается «меча и града», эти атрибуты, вероятно, восходят к символике акафиста Николаю Чудотворцу, написанному в XIV в. патриархом Константинопольским Исидором Вухиром, и не позднее XV в. переведенном на славянский язык [13. С. 445–447; 14]. В тексте акафиста присутствуют следующие возгласия (хайретизмы): «радуйся, верных прибежища граде» (по-русски: «радуйся, город убежища верным», икос 2), «радуйся, мечу, посещаю злочестие» («радуйся, меч, истребляющий нечестие», икос 9) (русский перевод см.: [15]).

Икона была популярна, как писал С.П. Бартенев, «в старину имела в московской жизни особое значение... перед иконой его в кремлевских воротах в спорных делах, часто возникавших у ворот на торговой

площади, целовали крест и давали Святителя на поруки» [7. С. 171].

Далее епископ Борис посчитал необходимым упомянуть *невредимость* иконы во время Отечественной войны 1812 г. Действительно, еще большей известности иконы и особой окраске ее восприятия способствовали события наполеоновского нашествия. Никольская башня, наряду со многими кремлевскими сооружениями, пострадала при попытке взорвать Кремль, произведенной отступавшими из Москвы французскими войсками 11 октября 1812 г.: обрушился шатер, была разрушена и часть ворот, однако фреска оказалась неповрежденной [Там же. С. 84, 173–174].

Уже 30 августа 1813 г. на это обстоятельство как на чудо указывал правивший в то время московский архиепиепископ Августин (Виноградский): «Образ... и стекло, покрывавшее лик угодника сего, нимало не потеряли повреждения» [Там же. С. 173–174].

В 1817 г. по повелению Александра I на башне была установлена мраморная памятная доска с текстом: «В 1812-го года во время непріятельскаго нашествіа, твердыня сіа почти вса была разрушена подрывом непріятеля; но чудесною силою Божією сватый образъ Великаго угодника Божіа, святителя Николаа, здѣ начертанный на самомъ камени, и нетолко самый образъ но и самое стекло прикрывавыее оный и фанарь со свѣщю остались невредимыми. — кто Бгѣ велій ако Бгѣ наш; ты еси Бгѣ, творай чѹдеса, дивень Бгѣ во стѣх своих» [Там же. С. 174].

В ходе восстановления и реконструкции *все повреждения башни были устранены*, а икона Николая Чудотворца заключена в готическую белокаменную декорацию: справа и слева от рамы на поверхности стены были написаны изображения двух ангелов, поддерживающих и защищающих икону. Весь символический комплекс Никольской башни отныне был призван демонстрировать идею *невредимости* России под Божественной защитой.

В 1821 г. слева от Никольской баши была построена одноглавая часовня во имя Николая Чудотворца, позднее реконструированная в камне, а в 1883–1886 гг. капитально перестроенная. В так называемом «списке Бохума» указано, что «в часовне был поставлен список с иконы св. Николая над воротами». Сохранился ли этот список или его фотографии, неизвестно. Часовня находилась в ведении клира Казанского собора на Красной площади, в обязанности настоятеля часовни входил уход за неугасимой лампадой надвратной иконы св. Николая [16. С. 107–108].

Важно отметить, что имела и другая икона, пострадавшая во время событий Отечественной войны, чья мемориальная трактовка была реализована одновременно и сходно, и примечательным образом отлично. Речь идет о надвратной стенописной иконе Нерукотворного Спаса, размещенной на Святых вратах Никольского Черноостровского монастыря в городе Малоярославце.

В ходе сражения при Малоярославце одним из решающих событий были бои на Соборной площади перед воротами Черноостровского монастыря. Ворота были изрешечены шрапнелью и пулями. Фреска Неру-

котовного Спаса также была задета осколками, однако повреждения коснулись только плата-убруса, а лик Спасителя не пострадал.

После войны, в ходе восстановления монастыря, следы шрапнели на воротах были по личному распоряжению Николая I тщательно сохранены: «...велено сии св[ятые] врата обители оставить неприкосновенными в память сражения 12 октября» [17. С. 63]. Для того чтобы подчеркнуть *сохраненные повреждения* (курсив наш. – В.Ж.) на воротах, в конце 1830-х гг. была установлена мраморная доска с надписью: «Язвы в память французской войны» [18. С. 101]. В 1912 г. калужский краевед свидетельствовал: «...следы их (выстрелов. – В.Ж.) до сих пор сохраняются на стенах Св[ятых] ворот, как память о сражении» [19. С. 15]. Ритуально память реализовывалась тем, что «каждого 13-го октября священнослужители и молящиеся миряне отправляются с крестным ходом к святым монастырским воротам, где изливают свои души в благодарственным молебствии за свое освобождение» [17. С. 64].

Что же касается иконы, то мы располагаем суждением автора первого очерка истории Черноостровского монастыря иеромонаха Леонида (Кавелина), который в 1863 г. (по итогам только что минувшего полувекового юбилея событий) приводил следующее истолкование сохранности иконы, видимо, бывшее к этому времени уже распространенным: «Все вокруг него (образа Спаса. – В.Ж.) изъязвлено картечными и ружейными пулями, но ни одна из них не коснулась Божественного изображения, *как бы в знамение* (курсив наш. – В.Ж.) того, что Спаситель рода человеческого обратил лицо Свое в день брани к нам, уповающим на милость Его, и сокрушал мышцы на ся уповающих» [Там же. С. 63].

На восстановленной фреске «знаки от ударов свинца и чугуна» также были сохранены натурально. Таких следов там 23, при этом 21 на убрусе и два на золотом фоне иконы. Значение, которое придавалось этому памятнику, привело к тому, что с данной иконы стали создаваться списки. Эти списки, вопреки тысячелетней традиции православной иконописи, содержали *изображения повреждений, нанесенных протографу*, причем эти повреждения и составляли главную смысловую специфику, содержательную нагрузку данного иконописного извода.

Первый известный из таких списков датируется «первой четвертью XIX века» и представляет собой предельно простое воспроизведение образа Спаса Нерукотворного с 28 следами осколков, пробивших плат. По утверждению коллекционера, в это время была изготовлена целая «партия подобных икон – списков чудотворного надвратного образа» [20].

Позже (около 1862 г., но возможно — ближе к началу XX в.) был изготовлен (скорее всего, литографическим способом) как минимум еще один образ Нерукотворного Спаса с прорисованными следами шрапнели (7 следов на убрусе, на фоне – 27), сопровождаемый следующими текстами: «Гди во свѣтъ лица твоегѡ пойдемъ I w имене твоємъ возрадуемсѧ весь день Видѣша вси концы земли спасение Бгѧ нашего. Благо-

словляйте има его Воспойте гдѣви пѣснь нову ѧкв дивна сотвори Гдѣ царствует во вѣки» (сверху) и «Образ Лица Спасителя, что над вратами Малоярославского Черноостровского Монастыря, откуда 1812 года Октября 12-го дня, при кровопролитном сражении, Российский вождь Михаил Илларионович Кутузов обратил Французов в постыдное бегство по разоренной Смоленской дороге. Божественный Лик, сохранившийся от стрел вражиих чудодейственно [далее полстроки поврежденного текста] мужество и доблесть» (снизу).

События 1812 г., в том числе их религиозные аспекты, были вновь актуализированы в российском общественном сознании официальными юбилейными торжествами 1912 г., с размахом отмечавшимися по всей империи, но прежде всего в Москве и ее окрестностях [21–23]. Заметным центром юбилейных торжеств был и город Малоярославец Калужской губернии [19, 24, 25]. Отметим, что епископ Тихон (Никаноров), в 1912 г. бывший епископом Калужским и Боровским и участвовавший во всех юбилейных мероприятиях в Малоярославце, в 1917–1918 гг. был членом Всероссийского Собора.

С высокой степенью вероятности можно предполагать, что оба рассмотренных выше прецедента – кремлевский и малоярославецкий – сыграли существенную роль в послереволюционной судьбе образа святого Николая с Никольской башни.

Взятие государственной власти большевистской партией в октябре 1917 г. в Петрограде произошло без существенного сопротивления. Попытки противодействовать восставшим в Петрограде и его окрестностях оказались бесплодны. Однако события во второй столице – Москве – носили иной характер, они подробно описаны как в советской, так и в постсоветской литературе [26–30]. Там под руководством Комитета общественной безопасности и с опорой на юнкерские училища было организовано полномасштабное вооруженное сопротивление. Город оказался охвачен боевыми действиями, продолжавшимися с 27 октября (9 ноября) по 3 (16) ноября 1917 г. Кульминацией этих событий стали бои за Московский Кремль, сопровождавшиеся с обеих сторон использованием пулеметов и артиллерии и приведшие к многочисленным людским потерям и серьезным повреждениям многих архитектурных сооружений исторической крепости. В частности, около 3 часов дня 2 (15) ноября 1917 г. «орудия, установленные на Никольской ул. <...> прямой наводкой били по Никольским воротам Кремля» [26. С. 407]. На рассвете 3 (16) ноября 1917 г. в Кремль вошли войска, подчинявшиеся большевистскому Московскому военно-революционному комитету [26. С. 407; 28. С. 25; 31. С. 271].

Еще в ходе событий как сам факт боевых действий вокруг Кремля, так и нанесенный в их ходе кремлевскими сооружениями ущерб воспринимались общественным сознанием совершенно особым образом.

Дж. Рид в своей книге так передавал слышанные им разговоры: «“Они бомбардируют Кремль!” Эта новость почти с ужасом передавалась на петроградских улицах из уст в уста. Приезжие из “матушки Москвы белокаменной” рассказывали страшные вещи.

Тысячи людей убиты. Тверская и Кузнецкий в пламени, храм Василия Блаженного превращен в дымящиеся развалины, Успенский собор рассыпается в прах, Спасские ворота Кремля вот-вот обрушатся, дума сожжена дотла». И далее резюмировал производимое этими известиями впечатление: «Набожным людям слышался гром пушек, палящих прямо в лицо святой православной церкви и разбивающих вдребезги святая святых русской нации» [32. С. 203].

Эти и подобные им смутные и преувеличенные свидетельства, полученные в Петрограде, 2 (15) ноября 1917 г. вызвали заявление об отставке народного комиссара просвещения А.Б. Луначарского, впрочем, вскоре отозванное [32. С. 203–204]. 8 (21) ноября 1917 г. заседавшим в эти дни в Московском епархиальном доме в Лиховом переулке Поместным собором Православной Российской церкви была создана специальная комиссия для фотографирования и документального описания повреждений кремлевских святынь и памятников. В состав комиссии вошли: председатель – митрополит Петроградский Вениамин (Казанский), члены – епископ Камчатский и Петропавловский Нестор (Анисимов), священник Сергей Верховский, М.Ф. Глаголев, А.И. Июдин, прапорщик В.Ф. Калиманов, В.В. Успенский, П.И. Уткин [33. С. 122].

14 (27)–17 (30) ноября члены комиссии произвели осмотр кремлевских сооружений и составили соответствующий акт, а 29 ноября (12 декабря) соборному совету был представлен доклад, к которому прилагалось 57 фотографий «...с внутренних и внешних повреждений Успенского собора, Гостунского собора, Патриаршей ризницы, Церкви 12-ти Апостолов, Чудова и Вознесенского монастырей, Петро-Павловской церкви внутри Николаевского дворца, с образов Николая Чудотворца». Данные фотографии были изготовлены кем-то из сотрудников известного московского фотоателя П.П. Павлова, возможно, сыном владельца Е.П. Павловым [34. С. 10]. Впрочем, идея фотографического, как наиболее объективного, документирования охватила в те дни не только участников Собора, но и многих жителей Москвы, результатом чего явились многочисленные фотофиксации кремлевских повреждений.

На основе доклада соборной комиссии и фотографий епископ Нестор (Анисимов) за неделю подготовил текст брошюры «для широкого распространения в народе», одобренный комиссией 8 (21) декабря. В определении комиссии говорилось: «Признавая составленную брошюру во всем отвечающей действительности, всецело соответствующей фактической стороне составленного комиссией акта, притом изложенной в доступной для народа форме, а также признавая чрезвычайную важность немедленного же опубликования в широких народных массах сведений о повреждениях русской святыни – Кремлевских Соборов, комиссия просит Священный Собор преподать свое соборное благословение на напечатание таковой брошюры с воспроизведением в ней фотографий Кремлевских разрушений». 11 (24) декабря 1917 г. специальным постановлением собора брошюра под названием «Расстрел Московского Кремля» была одобрена к публикации [35. С. 7].

Текст брошюры, сыгравшей немаловажную роль в оформлении идеологом еще только зарождавшегося антибольшевистского движения, имел следующую структуру. Первая часть представляла собой воспоминания автора об обстановке в Москве во время боевых действий. Также она содержала религиозную и нравственную оценку действий «красных»: «Виновники, в безумной ярости разрушавшие святыни, в ужасе затворили кремлевские ворота и скрыли Кремль от взоров, справедливо боясь народного гнева» [Там же. С. 17]. Далее следуют разделы, посвященные десяти наиболее пострадавшим строениям Кремля: Успенскому собору, Чудову монастырю, колокольне Ивана Великого, Николо-Гостунскому собору, Благовещенскому собору, Архангельскому собору, Патриаршей ризнице, Собору Двенадцати Апостолов, Малому Николаевскому дворцу, Зданию судебных установлений. Последний, одиннадцатый, раздел посвящен пяти кремлевским башням, перечисленным в следующем порядке: Беклемишевская, Троицкая, Кутафья, Никольская, Спасская.

Заключительные восемь абзацев, завершающие брошюру, носили идеологический и отчасти даже общеполитический характер: «Увы, безумная стратегия становится характерной для всех представителей самозванного правительства, и то же, что они сделали с Кремлем, делают ныне со всей Россией, разыскивая в ней орудиями смерти врагов своих бредовых утопий <...> Хочется верить, что если это были русские люди, то <...> ими руководили враги России <...> Позор этот может загладиться лишь тогда, когда вся Россия опомнится от своего безумия <...>» [Там же. С. 28].

Рассмотрим подробнее текст, описывающий состояние Никольской башни и ее иконы. Это один абзац, состоящий из шести предложений: «На Никольской башне, которую разбили в 1812 г. французы, образ Святителя Николая, оставшийся невредимым от французского нашествия, ныне подвергся грубому расстрелу. Как Никольская башня, так и Никольские ворота совершенно изрыты снарядами, пулеметами, ручными гранатами и ружейными пулями. Совершенно уничтожен киот, прикрывающий икону Св. Николая, сень над иконой сбита и держится на одном гвозде. С одной стороны изображение Ангела сбито, а с другой прострелено. Среди этого разрушения образ Св. Николая уцелел, но вокруг главы и плеч святителя сплошной узор пулевых ран. При первом взгляде кажется, что иконы нет, но, всматриваясь внимательнее, сквозь пыль и сор вырисовывается сначала строгое лицо Святителя Николая, и в правом виске видна рана, а затем становится яснее и весь этот чудотворный образ – стена и ограждение Священного Кремля» [Там же. С. 22]. Здесь необходимо отметить отсылку к истории войны 1812 г., детальное описание разрушений внешнего антуража образа – киота, сени, изображений ангелов, указание на сохранность образа «среди разрушения», дважды повторенный термин «рана» по отношению к следам выстрелов, эпитет «стена и ограждение», соотнесение образа иконы одной из башен со всем Кремлем как единым целым.

При всем этом в тексте брошюры Никольская башня никак особо не выделена. Текст, посвященный ей,

находится в ряду других описаний. То же можно сказать и о надвратной иконе Никольской башни. Всего в тексте брошюры «поименно» упомянуто как минимум восемь икон, а также говорится о «многих иконах», посеченных осколками и расхищенных в ходе октябрьско-ноябрьских событий. Более того, при описании покоев митрополита Петроградского Вениамина (Казанского) в Чудовом монастыре приводится следующее свидетельство: «В одной комнате снаряд пробил огромной толщины оконный откос и разрушил вплоть до стоящей рядом иконы Богоматери всю стену, а икона со стеклом и с висящей возле нее лампадой осталась невредима» [35. С. 18]. Более точно в докладе Комиссии Поместного Собора от 1 ноября: «...выбито совершенно стекло у иконы, но на самой иконе с висящей перед ней лампадой не оказалось ни малейшего следа повреждений» [28. С. 78]. Судя по фотографии, речь шла о богородичной иконе извода «Аз есмь с вами» работы начала XX в. Тем не менее мотив чудесного сохранения святыни связан не с этим образом.

Во второй половине декабря 1917 г. по ст. ст. брошюра Нестора, включившая 28 фотоиллюстраций, в том числе фотографию надвратного образа с Никольской башни, была напечатана в московской типографии «Общественная польза» тиражом 10 тыс. экземпляров. Восемь тысяч из них сразу же были изъяты и уничтожены новыми властями [36. С. 88]. Впрочем, последнее не слишком повредило общественному воздействию текста брошюры и тем более самого факта обстрела Московского Кремля.

Новые власти в определенной степени осознавали негативное воздействие, которое оказывал на их репутацию сам факт кремлевских разрушений. Противодействие этому впечатлению производилось двумя способами: во-первых, проведением элементарных (по обстоятельствам времени и возможностям) ремонтно-восстановительных работ и, во-вторых, символическим «освоением» территории Кремля, насыщением его новой, революционной сакральностью.

Что касается первого способа, то 13 (26) ноября 1917 г. Московским военно-революционным комитетом был назначен специальный комиссар по охране памятников старины, а через три дня Московским советом была сформирована Комиссия по охране памятников искусства и старины [37. С. 20, 22]. Уже в своей брошюре Нестор (Анисимов) не смог не упомянуть о факте проведения новыми властями в самые первые послереволюционные недели работ, направленных на ликвидацию наиболее вопиющих из ноябрьских разрушений. «Я видел Кремль, еще когда <...> стены храмов, пробитые снарядами, рассыпались <...>. Сейчас же эти раны чьей-то сердобольной, заботливой рукой по мере возможности <...> защиты досками, покрыты железом, чтобы зимнее ненастье не влияло на эти разрушения еще более» [35. С. 23]. В январе 1918 г. Совнарком по ходатайству Комиссии по охране памятников Моссовета выделил на реставрацию Кремля 450 тыс. руб. [38. С. 22].

Другое направление деятельности – революционная ресакрализация Кремля, получило свое начало 7 (20) ноября 1917 г., когда Московский военно-рево-

люционный комитет постановил: «Устроить братскую могилу на Красной площади между Никольскими и Троицкими (ошибка в документе, надо – Спасскими. – В.Ж.) воротами вдоль стены. Похороны назначить на пятницу, 10 [23] ноября, в 12 час. дня» [39. С. 35].

8 ноября между Кремлевской стеной и проходившими тогда вдоль нее трамвайными рельсами начали рыть две братские могилы — от Никольской башни до Сенатской и от Сенатской до Спасской. 10 (23) ноября 1917 г. здесь состоялись похороны участников октябрьского вооруженного восстания в Москве.

Дж. Рид приводил в своей книге слова активиста, руководившего рытьем могил у кремлевской стены: «Это братская могила, завтра мы похороним здесь пятьсот пролетариев, павших за революцию <...> Здесь, в этом священном месте, самом священном во всей России, похороним мы наших святых» [32. С. 211] (об этих похоронах см. также: [40. С. 208]).

В начале марта н. ст. встал вопрос о переносе резиденции Рабоче-крестьянского правительства в Москву. Характерно, что это решение, вызванное военно-стратегическими соображениями, сразу же вызвало обсуждение вопросов политического символизма. По воспоминаниям Л.Д. Троцкого, «вопрос о переезде правительства в Москву вызвал немалые трения». Одним из аргументов противников переноса резиденции был следующий: «Смольный-де стал синонимом Советской власти, а теперь его предлагают ликвидировать и пр. и пр.». По его словам, «Ленин буквально из себя выходил, отвечая на эти соображения: “Можно ли такими сентиментальными пустяками загораживать вопрос о судьбе революции? <...> Что вы калякаете о символическом значении Смольного?! Смольный – потому Смольный, что мы в Смольном. А будем в Кремле, и вся ваша символика перейдет к Кремлю”» [41. С. 217]. 11 марта 1918 г. Совет народных комиссаров переехал из Петрограда в Москву, но «прикладным» и «материалистическим» подходом действия новых властей применительно к символике Кремля не ограничивались.

Действительно, символическое значение Кремля и Красной площади существенно изменялось: из чисто исторического и религиозного символа он превращался в символ новой, революционной власти. В этих условиях первое государственное празднование «Дня Интернационала» (официально установленное название) 1 мая н. ст. в Москве обрело особое политическое значение. «Уже с начала апреля 1918 г. в советской России началась организация предстоящего празднования 1 мая, которое должно было отмечаться как событие общегосударственного масштаба» [42. С. 30].

Причем важно, что «первомайская демонстрация 1918 г. на Красной площади была <...> не столько праздничной, сколько торжественно-траурной» [39. С. 38]. В плане предстоящих торжеств, разработанном специальной комиссией Московского совета, указывалось: «При вступлении на Красную площадь пение умолкает, оркестр играет “Интернационал” и революционные марши. Процессии, проходя Братские могилы, салютуют (склоняют) знамена...»

Проект первомайского оформления Красной площади 1918 г. был разработан архитекторами А.А. и

В.А. Весниными, «стремившимися отразить и триумф пролетарской революции, и скорбь о павших» [39. С. 40]. Главным способом торжественного украшения Кремля были избраны красные, с добавлением черного, флаги и полотнища. «Известия ВЦИК» так описывали декорированный Кремль: «Подъезды (к Кремлю. – В.Ж.) украшаются зеленью и растениями. Здания, пострадавшие во время Октябрьской революции, драпируются с таким расчетом, чтобы закрыть разрушенные части. <...> Круглая Кутафья башня обвита кругом драпировкой из красной материи. Тут же плакаты с лозунгами: “Да здравствует всемирная Республика!” и др. По обе стороны башни два стяга с художественными изображениями. Далее по мосту два ряда флагов. Декорация Троицкой башни особенно величественна: с четырех сторон опускаются большие декоративные полотнища с лозунгами. В середине – большая художественная картина-панно, изображающая красного ангела с крыльями в отдалении в лучезарных тонах, на голубом фоне изображена эмблема социализма. <...> Художественно убрано здание [В]ЦИК (здание судебных установлений): оно как бы пылает в огне красной материи. <...> Государственные гербы и царские эмблемы замаскированы красной материей, на фоне которой художественно изображены эмблемы новой России» [38. 1 мая]. «...Кремлевская стена от Никольских до Спасских ворот увешана флагами» [Там же. 3 мая]. Проектом предусматривалось, в частности, затянуть кумачовыми полотнищами и иконы на кремлевских башнях. Что касается конкретно образа над Никольскими воротами, то, согласно заметке журналиста газеты «Наше слово», он «был закрыт футуристическим первомайским плакатом с надписью “Да здравствует интернационал”» [43. 15 (2) мая; цит. по: 44]. Реализация проекта нового убранства Кремля была поручена драпировщикам Кулагину, Тихомирову, Шмелеву при участии бригады учащихся бывшего Строгановского училища и представителей художественной секции московского Пролеткульта [45].

То, как этот инновационный дизайн воспринимался антибольшевистски настроенной частью населения, видно из записей в дневнике директора Оружейной палаты Ю.В. Арсеньева: «17 апреля [30 апреля н. ст.] <...> Сегодня в городе идут усиленные приготовления к завтрашнему революционному безбожному празднику. Даже наш древний священный Кремль не избег поругания: на Красной площади Спасские и Никольские ворота завешаны громадными красными знаменами, которые закрывают и чтимые святые иконы. <...> В Кремле наша Троицкая башня и Кутафья также не избегли красных хоругвей и драпировок» [46].

7 (21) апреля 1918 г. Поместный Собор отреагировал на большевистскую «ресакрализацию» Кремля следующим постановлением: «Всероссийский священный собор Православной церкви, осведомившись о намерении Совета народных комиссаров устроить в день 1 мая нового стиля политическое торжество с шествием по улицам в сопровождении оркестром музыки, напоминает верующим, что означенный день совпадает с Великою Средою. В скорбные дни Страстной Седмицы всякие шумные празднества и

уличные шествия, независимо от того, кем и по какому случаю они устраиваются, должны рассматриваться как тяжелое оскорбление, нанесенное религиозному чувству православного народа. Посему, призывая всех верных сынов Православной церкви в упомянутый день наполнить храмы, Собор предостерегает их против какого-либо участия в означенном торжестве» [47. 8 (21) апреля; цит. по: 44].

Совет народных комиссаров отозвался распоряжением о сокращении пасхальных нерабочих дней до пяти, но все же легализовал праздник и облегчил для верующих доступ к кремлевским святыням [48. С. 68]. Тем не менее обстановка зримо нагнеталась, и назревала какая-то разрядка.

Первомайские манифестации были запланированы как состоящие из двух частей: политической – на Красной площади, перед революционным некрополем, и военной – на Ходынском поле. Отсутствие опыта организации подобных мероприятий явным образом сказывалось, и первая часть торжества существенно затянулась: прибывшие к Кремлю рабочие и красноармейские колонны не спеша проходили одна за другой. Парад «открылся почти на два часа позже, чем предполагалось. Произошло это потому, что отдельные части шли из районов вместе с рабочими и запоздали в своем шествии на Ходынку». Официальной газете приходилось опровергать тут же возникшие слухи, некомплиментарные для наркомвоенмора, и подчеркивать, что «в происшедшем запоздании тов. Троцкий ни с какой стороны не повинен» [38. 3 мая].

Однако это была не единственная «накладка» Дня Интернационала. В наиболее краткой форме происшествие изложил сотрудник Исторического музея А.В. Орешников: «Плакат, которым был завешен образ (св. Николая на Никольских воротах. – В.Ж.), ветром или от иных причин сорвало; явилось в глазах народа чудо; служили молебен; когда я собирался уходить, слышен был выстрел, площадь от народа очистили» [49]. Об этом происшествии мы имеем целый ряд свидетельств, впрочем, весьма специфических. Ни одного текста, атрибутируемого непосредственному свидетелю, нам не известно. Всего мы располагаем 19 текстами, в которых так или иначе описано или упомянуто «чудо с полотнищем». Из них семь – свидетельства современников, записанные либо на следующий день, либо спустя два-три дня, пять – газетные публикации, отделенные от события самое позднее на три недели, три – тексты, опубликованные в Сибири в 1919 г., четыре – мемуарные фрагменты, написанные спустя годы, а иногда и десятилетия после событий мая 1918 г.

Наиболее обстоятельным из дневниковых свидетельств является запись писателя А.М. Ремизова. Под заголовком «1 мая», но явно на несколько дней позже, он записал: «В связи с первомайским торжеством в Москве произошли следующие осложнения на религиозной почве. <...> Еще накануне 1-го мая, когда красной материей затягивались иконы на Никольских и Спасских воротах, произошло волнение среди собравшегося народа. Была послана депутация к патриарху. По предложению [члена Собора Н.Д.] Кузнецо-

ва, по телефону сообщили об этом управляющему делами Совета [народных комиссаров В.Д.] Бонч-Бруевичу. Тогда же Бонч-Бруевич обещал сделать немедленное распоряжение, чтобы иконы не затягивались материей».

Далее он сообщал: «Неизвестно, явилось ли это следствием распоряжения Бонч-Бруевича или в данном случае сыграл свою естественную роль громадный гвоздь, вбитый в кремлевскую стену около иконы, но уже 1-го мая красное полотнище было прорвано именно в том самом месте, где находится лик Святителя Николая. Вчера (видимо, имеется в виду 2 мая н. ст. 1918 г. – В.Ж.) утром ветром завеса была разорвана пополам, так что ее нижняя часть отпала от верхней» [50].

Секретарь Московского религиозно-философского общества С.Н. Дурылин 11 мая под заголовком «О чуде св. Николая» записал в дневник следующее: «Просветлела икона. Разодрано на мелкие клоки красное полотнище, накрывавшее икону». Далее он сообщал о разговорах о происшедшем с разными лицами: так, профессор богословия Московского университета и настоятель университетской церкви о. Николай Боголюбский, судя по всему, скептически отнесся к происшествию и не считал его за чудо, уполномоченный Поместного Собора по сношениям с советскими властями Н.Д. Кузнецов, напротив, с удовольствием рассказывал о событиях и говорил, что его «осаждают свидетели чуда», а епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский) говорил о необходимости устроить к Никольским воротам крестный ход [51].

Пожелание, высказанное епископом Феодором, но явно разделявшееся не только им, было услышано.

9 (22) мая газета «Свобода России» опубликовала написанный накануне материал под названием «Беседа с патриархом Тихоном». В ней, со слов представителей делегации, прибывшей из Петрограда, сообщалось высказывание патриарха Тихона. «По словам Патриарха, случай с разорвавшимся полотнищем над Никольскими воротами, которым был закрыт чудотворный образ Николая Угодника, произвел необычайное впечатление на православное население Москвы. Много кусков материи выпало, и они взяты Богомольными москвичами. До сих пор у образа Святителя Николая толпится множество народа, и по просьбам различных делегаций Патриарх дал разрешение на устройство сегодня, 9 мая [ст. ст.], крестного хода к Никольским воротам» [52. 22 (9) мая].

8 (21) мая 1918 г. патриарх Тихон издал специальное обращение: «9 сего мая с Нашего благословения состоится торжественный крестный ход и всенародное молебствие у Никольских ворот перед иконою Святителя и Чудотворца Николая, ныне, как и встарь, дивно охраняемую Промыслом Божиим в настоящие дни скорби и смуты. Призываем православных верующих жителей Москвы собраться вместе со святынями своих приходов на это церковное торжество и слиться в общей молитве, да сохранит Господь и впредь Своею милостию на радость и укрепление православного народа сию святую икону, осеняющую вхождение к святыням древнего Кремля» [53. Л. 2–2об.] (опубликовано: [44]).

Полностью симметрично с тем, как Церковный Собор предупреждал верующих против участия в манифестациях 1 мая, теперь к рабочим Москвы обратился Московский совдеп, постановив «Николин день считать рабочим днем». Председатель совета П.Г. Смидович заявил, что считает намеченный крестный ход «контрреволюционным и направленным против советской власти», и «призвал московский пролетариат провести этот день как день будний, не участвовать в шествии и не отходить от станков» [54. 22 (9) мая].

Газета «Заря России» описывала крестный ход следующим образом: «Вчерашнее церковное торжество, устроенное по инициативе союза православных приходов Москвы, оказалось по количеству участников и по той стройности, с какой оно прошло, беспрецедентным в истории церковной жизни последнего времени. <...> Торжество было подготовлено на местах целым рядом проповедей, в которых разъяснялось значение этого крестного хода. <...> К 11 часам Красная площадь настолько переполнена, что все прибывающие крестные ходы с трудом продвигаются сквозь живую чашу народа. Трамвайное движение прекратилось. <...> Ровно в 12 часов, по окончании литургии, из Казанского собора, с трудом продвигаясь сквозь толпу людей, процессия проходит к Никольским воротам, где и начинается молебствие, длившееся около часа. Во время этого молебна крестные ходы с разных сторон продолжают прибывать. Процессии прибывали до часу дня, проходя мимо патриарха. <...> Только с 2 часов дня начался отлив. Еще в 3 часа дня на Красной площади стояли группы людей. Наконец появились патрули, которые постепенно начали очищать площадь» [55. 23 (10) мая].

«Наше слово» писало, что «к 12 часам дня Красная площадь представляла сплошное море голов. Здесь были сотни тысяч народа. <...> По окончании молебствия патриарх Тихон оставался у Никольских ворот в течение двух часов, пропуская крестные ходы, благословляя и кропя святой водой духовенство и народ» [43. 23 (10) мая].

Крестный ход, который приобрел такой огромный, беспрецедентный масштаб, не мог не восприниматься в том числе и политически. Так, Н.А. Бердяев вспоминал об этом дне, неслучайно именуя крестный ход «церковной демонстрацией»: «В [19]18 году я участвовал в церковном шествии приходов с патриархом во главе. Эта церковная демонстрация приняла грандиозный характер» [56. С. 218]. Подобным образом, политически, оценивали событие и «Известия ВЦИК»: «Сегодняшний крестный ход является не столько церковным торжеством, сколько, применительно к условиям момента, очередным ходом в процессе собирания сил организующейся контрреволюции» [38. 22 (9) мая].

Журналист газеты «Свобода России», печатавшийся под псевдонимом «С-ъ», писал, что советскими властями были предприняты существенные меры к предотвращению беспорядков: «Вокруг Красной площади, на Никольской улице, на Театральной площади, у здания Думы – везде посты красноармейцев. У “Метрополя” – грузовики с пулеметами. У “розария” – конный спеппенный отряд. Кое-где летучие санитарные отряды.

На кремлевской стене, между зубцами, толпится любопытствующий гарнизон Кремля». Одновременно он сообщал о том, что в толпе «мальчишки продают листки – “Вразумление нечестивцам чудотворца Николая”» [52. 23 (10) мая]. К сожалению, содержание этих листовок неизвестно, но вполне вероятно, что под «вразумлением» подразумевалось именно «чудо с полотнищем».

Столкновение двух сакральностей – традиционной и революционной – сделали Московский Кремль пространством чрезвычайного символического напряжения. Почти одномоментное противостояние на Красной площади торжественно-траурной пролетарской манифестации и «чуда с полотнищем» стало своего рода «символической репетицией» надвигавшейся полномасштабной гражданской войны. Стихийные события у Никольской башни 1–2 мая и вызванный ими беспрецедентный успех уже хорошо организованного крестного хода 22 мая 1918 г. поставили поврежденную икону св. Николая в совершенно исключительное положение среди других московских (и, в частности, кремлевских) разрушений. После мая 1918 г. икона обрела особое и самостоятельное значение.

Именно тогда повреждения надвратного образа были истолкованы священноначалием Православной церкви как самодостаточный символ всех нанесенных революцией повреждений, а освобождение образа от красной завесы – как предсказание падения революционной власти. Наиболее вероятно, что около 22 мая родилась идея создания иконописного образа, в котором, подобно тому как это ранее делалось на иконах «малоярославецкого Спаса», были бы запечатлены следы обстрела. Как отмечал Г.Г. Прошин, «строго говоря, распространялась не икона, а живописное произведение на тему о ее повреждении» [57. С. 182]. Его

мысль отчасти верна, и хотя образ-копия, несомненно, является полноценной иконой, в то же время он действительно задумывался, создавался и распространялся именно как икона «на тему о повреждении».

Н.М. Турцова, современный исследователь искусства и духовной жизни Древней Руси, вглядываясь в историю русского иконописания, приходит к очень глубокому наблюдению: «известно немало примеров, когда новый иконографический вариант, появившись однажды, исчезает, оставляя лишь упоминание о себе в письменных источниках или единственный образец в изобразительном духовном наследии. Особенно часто такие памятники создаются в моменты активизации творческих процессов, типичных для сложной исторической эпохи. Продолжительность их существования далеко не всегда зависела от качества исполнения и даже явленных ими чудес: в ряде случаев отраженные в иконах проблемы либо теряли свою актуальность, либо особенности их прочтения, образов и символов становились непонятны мыслителям последующего времени. Образцы, которым предуготована короткая жизнь, представляют большой интерес, поскольку нередко именно в них дух времени засвидетельствован особенно ярко и живо» [58. С. 635].

В случае иконы, поднесенной епископом Борисом адмиралу А.В. Колчаку, действительно оказался «ярко и живо» засвидетельствован «дух времени», и этот образ в полной мере может быть охарактеризован как иконографический вариант, которому была «предуготована короткая жизнь». Реконструкция этой «короткой жизни» позволит дополнить историю как религиозной, так и политико-идеологической эволюции российского общества в сложнейшую из сложных эпох его исторического бытия, но будет предметом уже другого исследования.

Список источников

1. Журавлев В.В. «Политическая агиография» в Гражданской войне: структура биографических текстов в системе вождистского культа А.В. Колчака // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 4. С. 64–70.
2. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. 2-е изд. СПб.: Лики России, 2012. 320 с.
3. Морина Л.П. «Политическое» в современных дискурс-аналитических исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2015. № 4. С. 134–140.
4. Журавлев В.В. «Символ спасения»: репрезентация контрреволюционной диктатуры в очерках С.А. Ауслендера об А.В. Колчаке (I) // Исторический курьер. 2019. № 5 (7). С. 113–137.
5. Освобождение России (Пермь). 1919.
6. Журавлев В.В. Поездка А.В. Колчака на фронт 8–26 февраля 1919 года: идеологический дизайн // Развитие территорий. 2017. № 4 (10). С. 24–35.
7. Бартенев С.П. Московский Кремль в старину и теперь. Исторический очерк кремлевских укреплений. М.: Синодальная тип., 1912. Т. 1. 290 с.
8. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2005. 752 с.
9. Нечаева Т.Н. Некоторые иконографические типы святителя Николая Чудотворца Мирликийского в русской иконописи XVI–XIX вв. (по произведениям иконописной коллекции ЦАК МДА) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 3. С. 133–140.
10. Бурганова М.А. Образ Святителя Николая в церковном искусстве // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник Московской государственной художественно-промышленной академии им. С.Г. Строганова. 2017. Т. 1, № 2. С. 29–38.
11. Рындина А.В. Древнерусская мелкая пластика. Новгород и центральная Русь XIV–XV веков. М.: Наука, 1978. 191 с.
12. Антонова М.В., Комова М.А. О протографе скульптуры Св. Николы Ратного, упомянутой в «Сказании о Николке Мценском» // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2 (65). С. 317–319.
13. Филарет (Гумилевский). Исторический обзор песнопевцев и песнопения греческой Церкви. 2-е изд., доп. Чернигов, 1864. X, 466, VI с.
14. Камалова А.А. Структура и смысл хайретизмов в акафисте святителю Николаю // Российский гуманитарный журнал. 2013. № 2. С. 142–145.
15. Акафист святителю и чудотворцу Николаю, архиепископу Мир Ликийских [на русском языке] / пер. иеромонах Амвросий (Тимрот) // Собор Святой Живоначальной Троицы лейб-гвардии Измайловского полка. URL: <http://www.izmsobor.ru/ru/novosti/2-uncategorised/47-kondac>
16. Паламарчук П.Г. Сорок сороков. М.: Книга и бизнес; Кром, 1992. Т. 1. 416 с.
17. Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря / сост. и[еромонах] Л[ео]нид (Кавелин)]. СПб.: Тип. Я. Третья, 1863. 162 с.
18. Малоярославец: (очерки по истории города). Малоярославец: Отд. культуры администрации Малоярославецкого р-на, 1992. 149 с.
19. Асонов В.И. Город Малоярославец и юбилейные торжества в нем в 1912 году. Калуга: Тип. Е.Г. Архангельской, 1914. [4], 31, 26, [1] с.

20. Собрание русских икон из частной коллекции Игоря Колесова. URL: <http://georidericons.com/kolleksiya-spasov/ikona-spas-nerukotvorniy-13>
21. Дмитриева О.О., Иванова Т.Н. 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года: дискуссии на страницах российских журналов в 1912 году // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 2. С. 42–50.
22. Эрлихман В. Праздник на краю пропасти: празднование в России 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года // Вокруг света. 2012. № 10. С. 168–176.
23. Лебедева Е.Н. Торжества по случаю 100-летия Отечественной войны 1812 года в документах Российского гос. архива кинофотодокументов // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 70–81.
24. Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 года / под ред. И.Ф. Цветкова. Калуга, 1912. 58, 112 с.
25. Кременский Н.В., свящ. Знаменитейший день 1812 года. Бой при Малоярославце. М. ; СПб. : Т-во И.Д. Сытина : Сел. вестн., 1912. 31 с.
26. Октябрьское вооруженное восстание в Москве // Великая Октябрьская социалистическая революция : энциклопедия / под ред. Г.Н. Голикова, М.И. Кузнецова. М. : Сов. энцикл., 1977. С. 401–407.
27. Грунт А.Я., Старцев В.И. Петроград–Москва. Июль–ноябрь 1917. М. : Политиздат, 1984. 280 с.
28. Московский Кремль после артиллерийского обстрела осенью 1917 года : фотографии. / авт.-сост. И.С. Пармузина. М. : ГИКМЗ «Московский Кремль», 2017. 91 с.
29. Гагкуев Р.Г., Репников А.В. Великая революция 1917 года : иллюстрированная летопись. М. : Эксмо ; Яуза, 2017. 224 с. (1917. К столетию Великой революции).
30. Гагкуев Р.Г., Репников А.В. Великий и страшный 1918 год : иллюстрированная летопись начала Гражданской войны в России. М. : Яуза-каталог, 2022. 400 с.
31. Кремль Московский // Великая Октябрьская социалистическая революция : энциклопедия / под ред. Г.Н. Голикова, М.И. Кузнецова. М. : Сов. энцикл., 1977. С. 270–272.
32. Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир / предисл. В.И. Ленина и Н.К. Крупской. М. : Госполитиздат, 1957. 352 с.
33. Деяния Священного собора Православной Русской церкви. 1917–1918 гг. М., 1994. Т. 3: Деяния 31–40. 260 с.
34. Пармузина И.С. Фотографии последствий обстрела Московского Кремля в конце октября – начале ноября 1917 г. в собрании Музеев Московского Кремля // Сборник докладов конференции «Фотография в музее». 16–18 мая 2017 г. СПб., 2017. 199 с.
35. Нестор, еп. Камчатский. Расстрел Московского Кремля (27 октября – 3 ноября 1917 г.). М. : Общественная польза, 1917. 24 с.
36. Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М. : Крутицкое Патриаршее Подворье, 2005. 440 с.
37. Калинин Н. Вступление // Нестор Камчатский, еп. Расстрел Московского Кремля. М. : Столица, 1995. С. 5–27.
38. Известия ВЦИК (Москва). 1918.
39. Абрамов А.С. У Кремлевской стены. 6-е изд., доп. М. : Политиздат, 1984. 368 с.
40. Савин А.И., Тепляков А.Г. «Красные похороны». Новая похоронная обрядность в молодой советской России // Идеи и идеалы. 2021. № 3-1. С. 205–228.
41. Троцкий Л.Д. К истории русской революции / сост. Н.А. Васецкий. М. : Политиздат, 1990. 447 с.
42. Шаповалов С.Н. Особенности организации и проведения первого советского государственного праздника в 1918 г. // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 2. С. 30–34.
43. Наше слово (Москва). 1918.
44. Николин день в Москве. 1918 год / публ. Н. Кривошеевой. // Дневники. 2011. 28 июня. URL: <http://www.diary.ru/~sundayschool/p163510127.htm>
45. Сазиков А.В. Первые праздники советской власти // Революция в искусстве и новации в художественном образовании : материалы Междунар. науч. конф. памяти Александра Алексеевича Дубровина, ректора МГХПА им. С.Г. Строганова в 1999–2007 годах. М., 2017. С. 42–47.
46. Арсеньев Юрий Васильевич. Дневник. 1918. 17 апреля // Прожито. URL: <https://prozhito.org/note/676885>
47. Родина (Москва). 1918.
48. Кашеваров А.Н. «Советизация» кремлевских монастырей // История Петербурга. 2019. № 1. С. 65–69.
49. Орешников Алексей Васильевич. Дневник. 1918. 2 мая (19 апреля) // Прожито. URL: <https://prozhito.org/note/152421>
50. Ремизов Алексей Михайлович. Дневник. 1918. 1 мая // Прожито [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/note/404780>
51. Дурылин Сергей Николаевич. Дневник. 1918. 11 мая (28 апреля) // Прожито. URL: <https://prozhito.org/note/379626>
52. Свобода России (Москва). 1918.
53. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3431. Оп. 1. Д. 238.
54. Раннее утро (Москва). 1918.
55. Заря России (Москва). 1918.
56. Бердяев Н.А. Самопознание / подг. А.В. Вадимов. М. : ДЭМ ; Междунар. отношения, 1990. 336 с.
57. Прошин Г. Черное воинство. 2-е изд. М. : Политиздат, 1988. 352 с.
58. Турцова Н.М. Иконографический вариант «Богородица Вертоград заключенный»: проблема интерпретации // Труды Отдела древнерусской литературы / Рос. акад. наук, Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. Т. 56. С. 635–657.

References

1. Zhuravlev, V.V. (2015) "Politicheskaya agiografiya" v Grazhdanskoj vojne: struktura biograficheskikh tekstov v sisteme vozhdistskogo kul'ta A.V. Kolchaka ["Political hagiography" in the Civil War: The structure of biographical texts in the system of A.V. Kolchak's leader cult]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 22(4). pp. 64–70.
2. Kolonitskiy, B.I. (2012) *Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda* [Symbols of power and the struggle for power: To the study of the political culture of the Russian revolution of 1917]. 2nd ed. St. Petersburg: Liki Rossii.
3. Morina, L.P. (2015) Concept "the political" in contemporary discourse analyses. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya – Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 4. pp. 134–140. (In Russian).
4. Zhuravlev, V.V. (2019) "Symbol of Deliverance": Representation of Counterrevolutionary Dictatorship in the Essays of S.A. Auslander About A.V. Kolchak (I). *Istoricheskiy kur'er – Historical Courier*. 5(7). pp. 113–137. (In Russian).
5. *Osvobozhdenie Rossii (Perm')*. (1919).
6. Zhuravlev, V.V. (2017) Poezdka A.V. Kolchaka na front 8–26 fevralya 1919 goda: ideologicheskij dizayn [A.V. Kolchak's trip to the front on February 8–26, 1919: An ideological design]. *Razvitie territoriy*. 4(10). pp. 24–35.
7. Bartenev, S.P. (1912) *Moskovskiy Kreml' v starinu i teper'*. *Istoricheskiy ocherk kremlevskikh ukrepleniy* [The Moscow Kremlin in the old days and now. A historical sketch of the Kremlin fortifications]. Vol. 1. Moscow: Sinodal'naya tip.
8. Pavel of Aleppo. (2005) *Puteshestvie Antiokhiyskogo Patriarkha Makariya v Rossiyu v polovine XVII veka, opisannoe ego synom, arkhidiakonom Pavlom Aleppskim* [Journey of Patriarch Macarius of Antioch to Russia in the middle of the 17th century, described by his son, Archdeacon Pavel of Aleppo]. Moscow: O-vo sokhraneniya lit. naslediya.
9. Nechaeva, T.N. (2001) Nekotorye ikonograficheskie tipy svyatitelya Nikolaya Chudotvortsia Mirlikijskogo v russkoy ikonopisi XVI–XIX vv. (po proizvedeniyam ikonopisnoy kollektsii TsAK MDA) [Some iconographic types of St. Nicholas the Wonderworker of Myra in Russian icon painting of the 16th–19th centuries (based on the works of the icon collection of the CAC MDA)]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 3. pp. 133–140.

10. Burganova, M.A. (2017) *Obraz Svyatitelya Nikolaya v tserkovnom iskusstve* [The Image of St. Nicholas in Church Art]. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik Moskovskoy gosudarstvennoy khudozhestvenno-promyshlennoy akademii im. S.G. Stroganova*. 1(2). pp. 29–38.
11. Ryndina, A.V. (1978) *Drevnerusskaya melkaya plastika. Novgorod i tsentral'naya Rus' XIV–XV vekov* [Old Russian small plastics. Novgorod and Central Rus' of the 14th – 15th centuries]. Moscow: Nauka.
12. Antonova, M.V. & Komova, M.A. (2015) O protografe skulptury Sv. Nikolay Ratnogo, upomyanutoy v “Skazanii o Nikole Mtsenskom” [About the protographer of the sculpture of St. Nikola Ratny, mentioned in the “Tale of Nikola Mtsensk”]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2(65). pp. 317–319.
13. Filaret (Gumilevskiy). (1864) *Istoricheskiy obzor pesnopenstv i pesnopeniya grecheskoy Tserkvi* [A historical review of hymns of the Greek Church]. 2nd ed. Chernigov: [s.n.].
14. Kamalova, A.A. (2013) *Struktura i smysl khayretizmov v akafiste svyatitelyu Nikolayu* [The Structure and Meaning of Khairisms in the Akathist to St. Nicholas]. *Rossiyskiy humanitarnyy zhurnal*. 2. pp. 142–145.
15. Anon. (n.d.) Akafist svyatitelyu i chudotvortsu Nikolayu, arkhiepiskopu Mir Likivskikh [na russkom yazyke] [Akathist to St. Nicholas the Wonderworker, Archbishop of the World of Lycia [in Russian]]. Translated by Hieromonk Ambrose (Timrot). In: *Sobor Svyatoy Zhivonachal'noy Troitsy leyb-gvardii Izmaylovskogo polka* [Cathedral of the Holy Life-Giving Trinity of the Life Guards of the Izmailovsky Regiment]. [Online] Available from: <http://www.izmsobor.ru/ru/novosti/2-uncategorised/47-kondac>
16. Palamarchuk, P.G. (1992) *Sorok sorokov* [Forty Magpies]. Vol. 1. Moscow: Kniga i biznes; Krom.
17. Kavelin, L. (1863) *Istoricheskoe opisanie Maloyaroslavetskogo Chernooostrovskogo Nikolaevskogo obshchezhitel'nogo monastyrja* [Historical description of the Maloyaroslavets Chernooostrovsky Nikolaev cenobitic monastery]. St. Petersburg: Tip. Ya. Treya, 1863. 162 s.
18. Koliakova, N.V. (ed.) (1992) *Maloyaroslavets: (ocherki po istorii goroda)* [Maloyaroslavets: (an essays on the history of the city)]. Maloyaroslavets: Department of Culture of the Administration of Maloyaroslavetsky District.
19. Assonov, V.I. (1914) *Gorod Maloyaroslavets i yubileyne torzhestva v nem v 1912 godu* [The city of Maloyaroslavets and anniversary celebrations in it in 1912]. Kaluga: E.G. Arkhangelskaya.
20. Anon. (n.d.) *Sobranie russkikh ikon iz chastnoy kolleksii Igorya Kolesova* [Collection of Russian icons from the private collection of Igor Kolesov]. [Online] Available from: <http://georidericons.com/kolleksiya-spasov/ikona-spas-nerukotvorniy-13>
21. Dmitrieva, O.O. & Ivanova, T.N. (2016) 100-letniy yubiley Otechestvennoy voyny 1812 goda: diskussii na stranitsakh rossiyskikh zhurnalov v 1912 godu [The Centennial of the Patriotic War of 1812: Discussions on the pages of Russian magazines in 1912]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 42–50.
22. Erlikhman, V. (2012) Prazdnik na krayu propasti: prazdnovanie v Rossii 100-letnego yubileya Otechestvennoy voyny 1812 goda [A holiday on the edge of the abyss: celebration in Russia of the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812]. *Vokrug sveta*. 10. pp. 168–176.
23. Lebedeva, E.N. (2012) Torzhestva po sluchayu 100-letiya Otechestvennoy voyny 1812 goda v dokumentakh Rossiyskogo gos. arkhiva kinofotodokumentov [Celebrations on the occasion of the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812 in the documents of the Russian State Archive of Film and Photo Documents]. *Vestnik arkhivista*. 3. pp. 70–81.
24. Tsvetkov, I.F. (ed.) (1912) *Yubileynyy sbornik v pamyat' Otechestvennoy voyny 1812 goda* [The anniversary collection in memory of the Patriotic War of 1812]. Kaluga: [s.n.].
25. Kremenskiy, N.V. (1912) *Znameniteyshiy den' 1812 goda. Boy pri Maloyaroslavtse* [The most famous day of 1812. The Battle of Maloyaroslavets]. Moscow; St. Petersburg: I.D. Sytin.
26. Golikov, G.N. & Kuznetsov, M.I. (eds) (1977) *Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya* [Great October Socialist Revolution]. Moscow: Sov. entsikl. pp. 401–407.
27. Grunt, A.Ya. & Startsev, V.I. (1984) *Petrograd–Moskva. Iyul'–noyabr' 1917* [Petrograd – Moscow. July–November 1917]. Moscow: Politizdat.
28. Parmuzina, I.S. (2017) *Moskovskiy Kreml' posle artilleriyskogo obstrela osen'yu 1917 goda: fotografii* [The Moscow Kremlin after artillery shelling in autumn 1917: photographs]. Moscow: GIKMZ “Moskovskiy Kreml'.”
29. Gagkuev, R.G. & Repnikov, A.V. (2017) *Velikaya revolyutsiya 1917 goda: illyustrirovannaya letopis'* [The Great Revolution of 1917: An Illustrated Chronicle]. Moscow: Eksmo; Yauza.
30. Gagkuev, R.G. & Repnikov, A.V. (2022) *Velikiy i strashnyy 1918 god: illyustrirovannaya letopis' nachala Grazhdanskoy voyny v Rossii* [The Great and Terrible Year 1918: An Illustrated Chronicle of the Beginning of the Civil War in Russia]. Moscow: Yauza-katalog.
31. Golikov, G.N. & Kuznetsov, M.I. (eds) (1977) *Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya* [Great October Socialist Revolution]. Moscow: Sov. entsikl. pp. 270–272.
32. Reed, J. (1957) *Desyat' dney, kotorye potryasli mir* [Ten Days That Shook The World]. Translated from English. Moscow: Gospolitizdat.
33. The Orthodox Russian Church. (1994) *Deyaniya Svyashchennogo sobora Pravoslavnoy Russkoy tserkvi. 1917–1918 gg.* [Acts of the Holy Council of the Orthodox Russian Church. 1917–1918]. Vol. 3. Moscow: [s.n.].
34. Parmuzina, I.S. (2017) *Fotografii posledstviy obstrela Moskovskogo Kremlya v kontse oktyabrya – nachale noyabrya 1917 g. v sobranii Muzeev Moskovskogo Kremlya* [Photographs of the consequences of the the Moscow Kremlin shelling in late October – early November 1917 in the collection of the Moscow Kremlin Museums]. *Fotografiya v muzee* [Photography in the Museum]. Proc. of the Conference. May 16–18, 2017. St. Petersburg.
35. Nestor, Bishop of Kamchatka. (1917) *Rasstrel Moskovskogo Kremlya (27 oktyabrya – 3 noyabrya 1917 g.)* [The execution of the Moscow Kremlin (October 27 – November 3, 1917)]. Moscow: Obshchestvennaya pol'za.
36. Kashevarov, A.N. (2005) *Pravoslavnaya Rossiyskaya Tserkov' i Sovetskoe gosudarstvo (1917–1922)* [Orthodox Russian Church and the Soviet state (1917–1922)]. Moscow: Krutitskoe Patriarshee Podvor'e.
37. Malinin, N. (1995) *Vstuplenie* [Introduction]. In: Nestor, Bishop of Kamchatka. *Rasstrel Moskovskogo Kremlya* [The execution of the Moscow Kremlin]. Moscow: Stolitsa. pp. 5–27.
38. *Izvestiya VTsIK (Moskva)*. (1918).
39. Abramov, A.S. (1984) *U Kremlevskoy steny* [At the Kremlin Wall]. 6th ed. Moscow: Politizdat.
40. Savin, A.I. & Teplyakov, A.G. (2021) “Krasnye pokhorony”. *Novaya pokhoronnaya obryadnost' v molodoy sovetskoy Rossii* [The “Red Funeral.” New funeral rites in young Soviet Russia]. *Idey i idealy*. 3-1. pp. 205–228.
41. Trotsky, L.D. (1990) *K istorii russkoy revolyutsii* [On the history of the Russian revolution]. Moscow: Politizdat.
42. Shapovalov, S.N. (2011) *Osobennosti organizatsii i provedeniya pervogo sovetskogo gosudarstvennogo prazdnika v 1918 g.* [Organization and holding of the first Soviet state holiday in 1918]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2. pp. 30–34.
43. *Nashe slovo (Moskva)*. (1918).
44. Krivosheeva, N. (2011) *Nikolin den' v Moskve. 1918 god* [Nikolin's day in Moscow. 1918]. *Dnevnik*. 28th June. [Online] Available from: <http://www.diary.ru/~sundayschool/p163510127.htm>
45. Sazikov, A.V. (2017) *Pervye prazdniki sovetskoy vlasti* [The first holidays of Soviet power]. *Revolutsiya v iskusstve i novatsii v khudozhestvennom obrazovanii* [Revolution in Art and Innovations in Art Education]. Proc. of the International Conference. Moscow. pp. 42–47.
46. Arseniev, Yu. (1918) *Arseniev Yuriy Vasil'evich. Dnevnik. 1918. 17 aprelya* [Arseniev Yuri Vasilievich. A Diary. April 17, 1918]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/note/676885>
47. *Rodina (Moskva)*. (1918).
48. Kashevarov, A.N. (2019) “Sovetizatsiya” kremlevskikh monastirey [“Sovietization” of the Kremlin Monasteries]. *Istoriya Peterburga*. 1. pp. 65–69.

49. Oreshnikov, A. (2018) *Oreshnikov Aleksey Vasil'evich. Dnevnik. 1918. 2 maya (19 aprelya)* [Oreshnikov Alexey Vasilievich. A Diary. 1918. May 2 (April 19)]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/note/152421>
50. Remizov, A. (1918) *Remizov Aleksey Mikhaylovich. Dnevnik. 1918. 1 maya* [Remizov Alexey Mikhailovich. A Diary. 1918. May 1]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/note/404780>
51. Durylin, S. (1918) *Durylin Sergey Nikolaevich. Dnevnik. 1918. 11 maya (28 aprelya)* [Durylin Sergey Nikolaevich. A diary. 1918. May 11 (April 28)]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/note/379626>
52. *Svoboda Rossii (Moskva)*. (1918).
53. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 3431. List 1. File 238.
54. *Rannee utro (Moskva)*. (1918).
55. *Zarya Rossii (Moskva)*. (1918).
56. Berdyaev, N.A. (1990) *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Moscow: DEM; Mezhdunar. otnosheniya.
57. Proshin, G. (1988) *Chernoe voinstvo* [The Black Army]. 2nd ed. Moscow: Politizdat.
58. Turtsova, N.M. (2004) Ikonograficheskiy variant "Bogoroditsa Vertograd zaklyuchenny": problema interpretatsii [Iconographic variant of the "Virgin Vertograd Prisoner": The problem of interpretation]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 56. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 635–657.

Сведения об авторе:

Журавлев Вадим Викторович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: vvzh@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zhuravlev Vadim V. – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vvzh@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.10.2022; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 16.10.2022; accepted for publication 11.11.2022

Научная статья
УДК 070:94(571.52)
doi: 10.17223/19988613/80/3

Новые тенденции в деятельности периодической печати Тувы в период перестройки

Валерия Сергеевна Кан

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия,
Томский государственный университет, Томск, Россия, kan-tuva@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрены новые черты в деятельности периодической печати региона в конце 1980-х – 1991 г. Трансформация прессы началась с обращения к новым темам – тувинскому языку, национальным обычаям и традициям. В 1990–1991 гг. партийно-государственный контроль над печатью Тувы был утрачен, редакции и местные органы власти становились учредителями прежних и новых газет, содержание публикаций приобретало полемический и критический характер, поднимались и развивались темы межнациональных отношений и национального суверенитета Тувы, возникли новые издания универсального и тематического содержания.

Ключевые слова: Тува, периодическая печать, СМИ, перестройка, общественно-политическая жизнь

Для цитирования: Кан В.С. Новые тенденции в деятельности периодической печати Тувы в период перестройки // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 28–37. doi: 10.17223/19988613/80/3

Original article

New trends in the activities of the periodical press of Tuva during the Perestroika period

Valeria S. Kan

*Institute of History of Academy of Sciences Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation,
Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kan-tuva@mail.ru*

Abstract. The article discusses new features of the activities of the periodical press in Tuva in the late 1980s – 1991. The main sources of the article are the records of the local authorities that were involved in the registration of the media, the materials of content analysis of the newspapers and survey of journalists and editors.

The article shows that the transformation of the press in the second half of the 1980s began with an appeal to new topics – the study and expansion of using of Tuvan language, national customs and traditions, increasing social problems. In the beginning of 1990, the Children newspaper in Tuvan language started to come out again after closing in 1959. That was initiated by the Tuvan national intellectuals and supported by the local authorities.

After the 1990 release of the USSR law on the press and the adoption by the First Congress of People's Deputies of the RSFSR of the Declaration of Sovereignty, changes became more widespread and irreversible. Communist party and state control over the press of Tuva had been lost, and it began to acquire the character of a "fourth estate". Editors and local authorities became the founders of the former Soviet and new national newspapers, the content of publications became increasingly polemical and critical, themes of interethnic relations and national sovereignty of Tuva were raised and developed. New editions of universal and thematic content were emerging.

However, many of them, having faced with material and financial difficulties during the crisis, stopped their publication. They remained in the history of the Tuvan press only as the separate scattered issues. The newspapers prioritized coverage of the work of the people's deputies councils and the draft laws which they developed, election campaigns at various levels, activities of new parties and socio-political movements, social and economic problems and ways to overcome them, issues of the Tuvan language and revival of traditional ethnic culture, topics of interethnic relations and repressions, and problematic appeals of citizens.

A major determining factor in the development of the Tuvan press during this period was the interest of the readership in the ethno-cultural specificity of the region. Thanks to the active position of journalists, a number of important national draft laws were discussed in the press in the form of dialogue, the status of Tuvan as the State language was legalized, and a national-regional component was included in the regional education system.

During the aggravation of inter-ethnic relations in 1990–1991, the Tuvan press rebutted and criticized the biased coverage of events in the central and regional press, implementing the new function of the press to protect the national dignity and honor of the people of Tuva.

Keywords: Tuva, periodical press, mass media, Perestroika, sociopolitical life

For citation: Kan, V.S. (2022) New trends in the activities of the periodical press of Tuva during the Perestroika period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 28–37. doi: 10.17223/19988613/80/3

Политика перестройки, объявленная на апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 г., запустила процессы кардинального обновления советского общества. Плюрализм, гласность, наполнение реальным содержанием ранее лишь декларируемых демократических прав и свобод сопровождалось ростом общественно-политической активности населения во второй половине 1980-х гг. по всей стране. Постепенно освобождались от идеологического диктата средства массовой информации, которые приобретали характер самостоятельной общественной силы и проблематизировали советскую социальную действительность. Переходный от партийно-советской к демократической модели период развития протекал сложно и противоречиво и в каждом регионе имел свои особенности. В национальных субъектах этот переход дополнялся всплеском этнического самосознания. Развернулось движение за национальный суверенитет и возрождение этнической культуры и в Тувинской АССР. В 1990–1991 гг., под влиянием политического и социально-экономического кризиса, в республике выросла социальная напряженность, ухудшились межнациональные отношения, начался массовый отток русского населения. Эти события получили резкую оценку в некоторых зарубежных, центральных, региональных периодических изданиях. Содержание этих публикаций позже было оценено как необъективное. В своей монографии Д.Л. Тинмей сделал вывод о настоящей газетной войне, развернувшейся против Тувы [1. С. 49] и имевшей долгосрочные негативные последствия для имиджа республики.

Общественно-политические процессы этого времени, участие и роль в них прессы до сих пор изучены слабо. Деятельность региональной прессы по освещению межнациональных отношений в контексте событий 1990–1991 гг. затрагивалась в работах Г.Ф. Балакиной и З.В. Анайбан [2. С. 86–87, 93–94], З.В. Анайбан [3], З.Ю. Доржу [4. С. 250–252], В.С. Кан [5, 6] и др. В книге Е.Т. Тановой перечислены газеты, которые появились в начале 1990-х гг., и некоторые новшества в работе редакций (новые темы и функции, использование компьютеров и Интернета, подготовка электронных версий газет) [7. С. 64–65]. Изменения в составе редколлегии и работе журналов, включая те издания, которые выходили в годы перестройки, обзорно рассмотрены в статье М.С. Маадыр [8. С. 154]. В третьем томе коллективного труда «История Тувы» воссоздана хронология событий периода перестройки (1985–1991 гг.) [9. С. 195–219], включены материалы автора, характеризующие влияние этнического фактора на развитие прессы в этот период [Там же. С. 319–322]. Аспекты деятельности прессы, связанные с освещением межнациональных отношений в годы перестройки, появлением новых газет, нашли отражение в монографии автора, посвященной истории периодической печати Тувы в 1924–1991 гг. [10. С. 131–151].

Документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Тыва (Ф. Р-481. Оп. 1. Региональное

управление Госкомитета по печати в Республике Тыва; Ф. П-2. Оп. 1. Тувинский обком КПСС; Ф. Р-270. Оп. 1. Совет Министров Тувинской АССР), публикации в республиканских газетах, ежегодные библиографические указатели по печати, а также интервью, взятые автором у журналистов и редакторов прошедшей эпохи, позволяют выявить и охарактеризовать изменения в деятельности тувинской прессы в конце 1980-х – начале 1990-х гг., связанные с содержанием и структурой периодических изданий, алгоритмом их создания, методами журналистской работы, формами взаимодействия редакций и читателей, организационными и материально-финансовыми проблемами.

Исследовательские возможности ограничивают слабая сохранность источников, прежде всего самих газетных комплектов, утрата делопроизводственной документации редакций периодических изданий, которая лишь фрагментарно и порой косвенно отложилась в республиканском архиве. Газеты, которые сохранились в библиотечных фондах в полном объеме и представляют собой целостный и последовательный массив информации, были изучены посредством контент-анализа. Это «Тувинская правда», «Шын», «Молодежь Тувы», «Тываның аныктары» («Молодежь Тувы»). Новые издания, которые сохранились частично, были просмотрены в виде отдельных номеров. Это «Сылдыс-чыгаш» («Звездочка»), «Центр Азии», «Содействие-Деткимче», «Эне сөзү» («Слово матери»), а также районная газета «Хемчиктин сылдызы» («Звезда Хемчика»).

Информационная повестка региональной прессы во второй половине 1980-х гг. была единообразной и идеологически выдержанной. Подробно освещались работа партийных съездов и пленумов, деятельность центральных и местных органов власти, школ и учреждений культуры. Ветераны журналистики, бывшие современниками тех событий, называли эти годы временем ожиданий: «Как и во всей стране, коммунисты и народ Тувы поддерживали перестройку. Ждали чего-то нового, хорошего для жизни, но оно не наступало. Одни разговоры были. К 1990 г. народ стал уставать от болтовни Горбачева...»; «Говорили, шумели, хвалились, что у нас перестройка. Что у нас все пойдет сейчас хорошо. Жить будем хорошо. Работать будем хорошо. Это на словах, дух такой был, но эти мечты людей, к сожалению, остались мечтами...»; «Ждали больших перемен, но... все шло медленно...»; «Ожидали много от новой власти, от Горбачева заявлено было главное: демократия, гласность, но все постепенно было спущено на тормозах». Таким образом, в понимании понятий «перестройка», «гласность», «плюрализм мнений» стали преобладать скептические и негативные оценки. Во всяком случае они зафиксированы автором в интервью, взятых у участников событий в 2005–2006 и 2012–2014 гг.

Советские тувинские газеты находились под контролем партийных органов и Управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров

Тувинской АССР. Однако этот контроль во второй половине 1980-х гг. постепенно ослабевал, о чем говорит начало постановки проблем, ранее бывших под запретом: вопросов этнической культуры и родного языка, социальных проблем (рост безработицы, преступности, наркомании).

Значимой новой темой стала проблема изучения и использования тувинского языка. Деятели культуры, науки и народного образования выражали беспокойство по поводу ограниченности сфер его применения, предлагали шире использовать его в общественно-политической сфере, образовании и массовой коммуникации. Во втором полугодии 1988 г. был опубликован практический курс кандидата филологических наук К.А. Бичелдея «Поговорим по-тувински» [11. 1988. № 161, 168, 203, 224, 237, 254 и др.]. На каждом уроке предлагались разнообразные упражнения для самостоятельного выполнения. Обучающий курс был востребован среди населения региона, так как помогал овладеть основами грамматики, навыками произношения специфических тувинских звуков, расширить словарный запас.

Журналисты, с одной стороны, откликались, а с другой стороны, в немалой степени и сами формировали запрос коренного населения Тувы расширить свои знания о национальных традициях и обычаях, забытых и утраченных в советский период. Так, газета «Тувинская правда» подробно осветила работу конференции «Использование лучших народных традиций и обрядов в воспитании трудящихся», состоявшейся в Кызыле в ноябре 1989 г., и опубликовала в серии статей наиболее интересные выступления и проект итоговых рекомендаций [Там же. 1989. № 260, 261, 263, 264]. Обращает на себя внимание формально соблюдающий нормы советского медийного дискурса заголовок, называющий этническую культуру «народными традициями и обрядами», а ее носителей – тувинцев – этнически нейтральными словом «трудящиеся». Хотя содержание данных публикаций уже изменяло этот дискурс по существу.

В феврале 1990 г. редакция «Тувинской правды» провела «круглый стол» для обсуждения назревших проблем в области культуры с участием работников культуры и искусства, выдвинутых кандидатами в народные депутаты. Они пришли к выводу о том, что «...должны получить развитие ремесла и навыки, связанные с традиционной культурой, нужно восстановить обычаи, ритуалы тувинского и русскоязычного населения республики...» [Там же. 1990. № 38].

Перестраивали свою деятельность не только редакции, но и партийные органы. В конце 1989 г., реагируя на многолетние запросы национальной интеллигенции, обком поставил вопрос о возобновлении выпуска детской газеты «Сылдысчыгаш» на тувинском языке. Ее закрыли в августе 1959 г. в соответствии с Постановлением ЦК КПСС «О ликвидации убыточности газет и журналов» [10. С. 121]. Для избрания главного редактора газеты были проведены альтернативные выборы – 28 декабря в газете «Тываның аныяктары» появились фотографии и биографии двух кандидатов на эту должность: К.-К.К. Чооду и А.С. Шоюна, писа-

теля и журналиста [12. 1989. № 156]. 29 декабря 1989 г. они представили и защитили программы развития детской газеты в обкоме ВЛКСМ. По итогам двух туров голосования победу одержал А.С. Шоюн, но К.-К.К. Чооду стал его заместителем и ответственным секретарем газеты. Проведение выборов главного редактора, представление кандидатов в СМИ, открытая и состязательная защита программ – все это отражало новые тенденции в развитии общества. Хотя альтернативный кандидат, в лучших традициях ленинской демократии, которая выступала идеологическим образцом для политики перестройки, не ушел в оппозицию, а был назначен на ответственную должность в союзе со своим оппонентом.

Газета «Сылдысчыгаш» стала последним печатным изданием в регионе, учрежденным партийно-государственными органами. 29 декабря 1989 г. бюро Тувинского обкома КПСС постановило: «Учитывая важную роль детского периодического издания в воспитании коммунистического мировоззрения, идейном и интернациональном, нравственном и эстетическом воспитании пионеров и школьников, возобновить 1 февраля 1990 г. издание газеты “Сылдысчыгаш” – органа Тувинского областного комитета ВЛКСМ и Областного совета пионерской организации им. В.И. Ленина, с периодичностью два раза в неделю, размером половина формата газеты «Правда», тиражом 15 тыс. экз.» [13. Л. 3–4].

Редакции выделили пять кабинетов в здании республиканского Дома печати. Постепенно набрали штат сотрудников, обустроили помещения и разместили в них отделы издания. 1 февраля 1990 г. вышел первый цветной номер детской газеты «Сылдысчыгаш» на четырех полосах. Тираж был больше, чем планировали (17 378 экземпляров вместо 15 000). Это произошло благодаря подписной кампании, проведенной редакцией, и низкой стоимости газеты (в розницу – 1 коп, годовая подписка – 1 руб. 8 коп). Решающую роль, по словам главного редактора А.С. Шоюна, сыграл огромный интерес детей и родителей к новому изданию.

Подчеркивая преемственность с прежним изданием, редакция продолжила нумерацию газеты от последнего номера 1959 г. – № 1 (869). По формальным композиционно-графическим требованиям к советским партийным изданиям в шапке номера размещались главные коммунистические лозунги, символы комсомольской и пионерской организаций, а на первой странице были опубликованы приветствия Тувинского обкома КПСС, Областного совета пионерской организации, Правления Союза писателей Тувинской АССР.

А.С. Шоюн и К.-К.К. Чооду разработали структуру, которая не менялась в газете долгие годы. Основные полосы: «Дириг чурук» («Живая картина») – о кинофильмах и мультфильмах для детей; «Зеленый островок» – о защите окружающей среды; «Конгулуур» («Колокольчик») – литературная страница; «Чула» («Свеча») – о религии; «Шыян ам!» – страница волшебного сказочника; «Театр и искусство» – театральная страница; «Ызыгуур салгал» («Родословная») – о предках и родословных; «Бистиң календарывыс» («Наш календарь») – календарь знаменательных дат;

«Чоннуң чечени» («Мудрость народа») и «Кадыкшыл – байлаавыс» («Здоровье – наше богатство»).

Главного персонажа газеты – тувинского мальчика с именем Сылдыс – придумал А.С. Шоюн, а творчески воплотил художник Ян Чолдак. От его имени подавались материалы в рубриках «Сылдыстың таалгазы-биле» («По заданию Сылдыса»), «Сылдыс аян-чорукта» («Сылдыс в путешествии»), «Сылдыс харыылап тур» («Сылдыс отвечает»). Благодаря творческой работе редакции, формированию широкого актива юных корреспондентов и их обучению, привлечению к сотрудничеству писателей, учителей родного языка и литературы из всех районов республики и других специалистов, каждый номер детской газеты выходил красочным, разнообразным и увлекательным.

III Внеочередной съезд народных депутатов СССР 14 марта 1990 г. упразднил нормы ст. 6 Конституции о КПСС как ядре политической системы, что означало начало становления в стране многопартийности. 12 июня 1990 г. Съезд народных депутатов РСФСР принял важный документ – Декларацию о государственном суверенитете, которая провозгласила приоритет Конституции и законов России над законодательными актами СССР, принцип разделения властей и необходимость расширения прав регионов. Все республики СССР и большинство автономных республик РСФСР следом объявили о суверенитете.

Переломной вехой для развития журналистики и всего советского общества стало принятие Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» (вступил в силу 1 августа 1990 г.). Гарантия свободы слова и печати, запрет цензуры, возможность учреждения СМИ широким кругом лиц (от органов власти, политических партий, общественных организаций до рядовых совершеннолетних граждан) создали правовую основу для демократического пути развития СМИ.

3 сентября 1990 г. Совет Министров Тувинской АССР установил новый порядок регистрации средств массовой информации Тувинской АССР [14. Л. 29–31]. Регистрация СМИ для всей республики была возложена на Госкомитет Тувинской АССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли; СМИ для одного или нескольких районов – на соответствующие исполнительные и распорядительные органы местных советов народных депутатов по месту нахождения учредителей СМИ. За выдачу свидетельств были предусмотрены регистрационные сборы: 500 руб. – за газеты и журналы, 250 руб. – за журналы для детей, 2 500 руб. – за теле- и радиовещание, 1 000 руб. – за иные СМИ. СМИ, созданные до введения постановления, подлежали регистрации в срок до 1 января 1991 г. и имели преимущественное право на сохранение своего наименования.

26 сентября 1990 г. Госкомитет Тувинской АССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли и Совет народных депутатов Дзун-Хемчикского района официально зарегистрировали районную газету на тувинском языке «Ленинчи орук» («Ленинский путь») [15. Л. 2]. По данным «Летописи печати», она вышла в г. Чадане 1 января 1991 г. как печатный орган

Дзун-Хемчикского и Сут-Хольского райкомов Коммунистической партии РСФСР и Советов народных депутатов этих районов [16. С. 21].

27 сентября 1990 г. аналогичным образом была зарегистрирована межрайонная газета «Хемчиктин сылдызы» – печатный орган Барун-Хемчикского, Бай-Тайгинского, Мөнгун-Тайгинского райкомов Коммунистической партии РСФСР и советов народных депутатов этих районов [17. Л. 13], 28 сентября 1990 г. – районная газета «Кызыл тук» («Красное знамя») на русском и тувинском языках.

1 октября 1990 г. газета «Сылдысчыгаш» стала печатным органом республиканского отделения Советского детского фонда им. В.И. Ленина (председатель – П.А. Морозов), который финансировал ее издание в 1990–1992 гг. [18. Л. 19–21].

21 декабря 1990 г. была зарегистрирована газета «Улуг-Хем» на двух языках как орган Улуг-Хемского райкома Коммунистической партии РСФСР. Стоимость годовой подписки составляла 6 руб. 24 коп. (периодичность – 3 раза в неделю, 156 номеров в год), а с приложением на русском языке (периодичность – 48 раз в год) стоимость годовой подписки составляла 9 руб. 80 коп) [15. Л. 4, 5]. Газета выпускалась в Шаго наре.

28 декабря 1990 г. газета «Молодежь Тувы» стала выходить как рупор Тувинского республиканского комитета Ленинского коммунистического союза молодежи РСФСР. В заявлении на ее регистрацию указывалась примерная тематика газеты, сильно контрастировавшая с привычными советскими формулировками: «распространение объективной информации о жизни общества, в первую очередь о жизни молодежи республики, Российской Федерации, зарубежных стран, отражение сложившихся в общественном мнении взглядов и оценок; содействие утверждению в сознании молодых людей общечеловеческих ценностей, идей мира, демократии... гуманизма, свободы, уважения и соблюдения прав человека...» [18. Л. 18].

Регулярная обратная связь с читателями, внимание к их информационным и культурным запросам наряду с низкой стоимостью одного номера газеты (от 1 до 3 коп.) обусловили общую тенденцию повышения тиражей газет. Если в 1988 г. тираж газеты «Тувинская правда» составлял 33 800 экз., «Шын» – 24 637 экз., то в 1990 г. – 35 000 и 28 000 экз. соответственно. У молодежной газеты «Тываның аныктары» в 1990 г. тираж был 25 000 экземпляров. Из-за отсутствия научной и популярной литературы газеты выступали доступным и порой единственным источником информации по новым темам, интересующим читателей. Продолжал выходить на двух языках литературно-художественный альманах Союза писателей Тувинской АССР «Улуг-Хем».

Лозунг «Путем демократии и гласности» на страницах газет сменил привычный лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь». Каждая редакция СМИ по закону стала юридическим лицом, самостоятельно хозяйствующим субъектом, действующим на основании своего устава. Редакции газет и журналов получили право вести производственную и коммерческую деятельность, а в ноябре 1991 г. – после расчетов

с бюджетом самостоятельно использовать доходы от этой деятельности [19. Л. 1].

В уставах многих изданий демонстрировалась ориентация на правдивое освещение событий, пропаганду принципов гуманности, человечности и демократизма, а также недопустимость какого-либо вмешательства цензуры в профессиональную деятельность журналиста. Взаимоотношения с учредителями теперь строились на основе договора, в котором определялись правовые, материально-технические и финансовые принципы деятельности редакции.

1 января 1991 г. Тувинское республиканское отделение Советского детского фонда им. В.И. Ленина и Ассоциация тувинских писательниц выпустили первый номер газеты «Эне сөзү» («Слово матери») на тувинском языке. Первым редактором женской газеты стал К.-К.К. Чооду, которого позже сменила А.Х. Ховалыг. Газета была создана в ответ на образовавшийся к началу 1990-х гг. идеологический вакуум, поляризацию ценностей и мнений [20. С. 4–5]. В этот период почти прекратили деятельность женсоветы, усилились криминальные тенденции в тувинском обществе.

В 1991 г. вышло 12 выпусков газеты. Один номер стоил 1 руб. – намного дороже, чем другие газеты. Чтобы завоевать своего читателя, газета «Эне сөзү» позиционировала себя уникальным изданием, направленным на усиление роли матери в воспитании детей в семье с опорой на национально-культурные традиции. В рубриках «Традиции – потомкам» и «Богатство души – национальное достояние» размещались материалы об обычаях тувинцев, традиционных верованиях, экологических воззрениях, этнопедагогике, а также размышления по преодолению негативных явлений в обществе. Для открытого разговора с читателями на страницах газеты работал дискуссионный клуб «Семья». Редакция обращала внимание читателей на положение и проблемы социально незащищенных слоев населения – сирот, инвалидов, пенсионеров. Рубрика «Серебряная буква» способствовала развитию творческих начал среди женщин. В «детском» уголке печатались тувинские загадки, игры, сказки, детские рисунки, стихи и песни. Появление специального издания способствовало развитию политической, общественной и творческой активности тувинских женщин и в целом обогатило типологическую палитру региональных СМИ.

21 декабря 1990 г. была зарегистрирована и в январе 1991 г. увидела свет литературно-публицистическая газета «Уран чогаал» («Литература») для освещения деятельности Союза литераторов Тувы [18. Л. 6]. В духе времени редакция ставила широкие цели: реализация творческой мысли, удовлетворение профессиональных и любительских интересов трудящихся, защита политических прав граждан, своевременное и равноправное распространение продуктов творчества, поддержка растущих талантов, пропаганда принципов гуманности и демократизма, историческая и художественная правдивость слова. Однако в новых условиях сокращения государственного финансирования материальные проблемы нового издания приходилось решать самостоятельно – посредством производственной и коллективной деятельности, взносов членов союза, добровольных

денежных пожертвований читателей и других источников [Там же. Л. 6–9].

С введением новых правил советы народных депутатов не только регистрировали, но и сами создавали газеты. Состав советов претерпел серьезные изменения, поскольку впервые по всей стране выборы прошли на альтернативной основе: «на каждое депутатское место – несколько кандидатур, набравший большинство голосов побеждает» [10. С. 137]. Новых депутатов не устраивало, как медленно преодолевались застойные явления и перестраивались главные рупоры партии – газеты «Шын» и «Тувинская правда». Стремясь к оперативному освещению своей деятельности и усилению политического влияния на местах, советы народных депутатов создавали собственные газеты.

2 февраля 1991 г. была зарегистрирована газета «Центр Азии». Первый номер вышел тиражом 5 тыс. экз. (формат А3, 4 полосы). Первоначальная периодичность выхода – два раза в месяц, впоследствии – еженедельно. По мнению Н.М. Антufьевой, это была газета нового типа, результат реализации идеи группы депутатов Кызылского городского совета народных депутатов. 26 октября 1990 г. Президиум совета под руководством Ю.П. Слободчикова вынес решение о создании газеты и дал задание исполкому совета совместно с комиссией по межнациональным отношениям, изучению общественного мнения и гласности в срок до 15 ноября составить смету расходов на газету и представить на утверждение Президиума, подыскать помещение для редакции [15. Л. 51].

31 октября 1990 г. в решении исполкома конкретизировалось, что газета «Центр Азии» будет распространяться в г. Кызыле на русском языке ориентировочным тиражом 3–10 тыс. экз. два раза в месяц. Финансирование предполагалось за счет доходов от ее реализации, а также дотаций из городского бюджета [Там же. Л. 51–52]. Цели ее деятельности – освещение работы городского совета, исполкома и народных депутатов, информирование жителей об экономической, социальной и политической жизни и проблемах города, коммерческая деятельность. Редактором новой газеты стала Н.М. Антufьева, единственная, выдвинувшая свою кандидатуру на эту должность.

Первый номер «Центра Азии» открывало обращение редактора: газета создана, чтобы отстаивать интересы и решать проблемы кызылчан, а значит, ее судьба зависит от их «поддержки рублем» (стоимость номера была одинаковой с женской газетой – 1 руб.). Чтобы активно ее продавать, редакция максимально ориентировалась на запросы жителей и привлекла к этой работе индивидуальных распространителей. Читателей пригласили к живому диалогу: за самый «заковыристый» вопрос и сенсационную информацию – денежная премия. Позвонить в редакцию можно было в любой день. С целью экономии средств практиковалась сделная оплата труда авторов, которые получали постатейные гонорары в зависимости от объема и качества материала.

Редакция находилась в постоянном поиске интересных тем, новых способов подачи информации, авторов и героев. Названия рубрик отличались вырази-

тельностью: «А вы видели?», «А вы слышали?», «Что решил исполком? Что нам скажет горсовет?», «Заковыристый вопрос», «Письмо в номер», «Поговорим начистоту», «Без пиджака», «Конкурс читательских сообщений», «Суперфакт местного масштаба», «Полусветская хроника», «Устами младенца», «Криминальная хроника», «ЧП», «Отоваримся». В сложных условиях рынка для помощи людям газета выпускала бесплатные частные рекламные объявления в рубрике «Куплю, продаю, меняю», с начала 1992 г. – в виде отдельного приложения.

Главный редактор Н.М. Антуфьева вспоминает, что особо пристальное внимание читателей вызвала рубрика «Без пиджака». Первая беседа состоялась с председателем Кызыльского горсовета народных депутатов, экс-министром юстиции республики Ю.П. Слободчиковым. Впервые человека при должности раскрыли необычно – в неофициальной домашней обстановке [21]. Впоследствии интервью с интересными личностями рубрики «Люди Центра Азии» составляли основу каждого номера и по мере накопления были опубликованы в одноименной книге судеб (всего с 1998 по 2018 г. вышло шесть томов). Биографии людей разных национальностей, профессий, возрастов и вероисповеданий раскрывались детально и целостно в контексте исторических событий и дополнялись архивными документами и фотографиями.

27 февраля исполком Барун-Хемчикского районного Совета народных депутатов Тувинской АССР зарегистрировал газету «Кара-Даштың чаңгызы – Эхо Кара-Даша» на русском и тувинском языках в п. Кызыл-Мажалык как печатный орган коллектива комбината «Туваасбест» им. В.И. Ленина [18. Л. 17]. Газета выходила с 22 ноября 1963 г. как многотиражка «За асбест» [16. С. 22]. Поменяв название, редакция продолжила прежнюю нумерацию – № 1 (2 291). В 1991 г. вышло 45 номеров газеты [22. С. 27].

16 марта 1991 г. Совет Министров Тувинской АССР начал издавать «Правительственный вестник» – «Чазак медээзи» – на тувинском и русском языках с целью информирования о деятельности органов власти, проводимых экономических реформах, становлении рыночных отношений в Туве (с 15 октября новое название – «Тыва Республика» – «Республика Тува») [15. Л. 38].

20 апреля 1991 г. Министерстве информации и печати СССР, созданном в апреле 1991 г., под регистрационным номером 826 была официально зарегистрирована газета «Содействие–Деткимче» [19. Л. 10.]. В Летописи печати Республики Тыва указано, что газета выходила с 26 августа 1991 г. [22. С. 27]. Однако, по словам А.Н. Перелевой, главного редактора с июля 1992 г., газету выпускали самиздатовским способом еще с 1990 г. и силами редакции время от времени распространяли в районах. Газету называли «депутатской», так как ее учредителем выступила группа депутатов: народный депутат СССР С.Б. Сараев, народные депутаты РСФСР К.А. Бичелдей и А.Н. Пиче-оол, народные депутаты Республики Тува Г.Я. Эпп, В.Д. Тавберидзе, депутаты местных советов Ю.П. Слободчиков, М.В. Иусов, О.В. Иванова, – совместно с Мининформпечати [19. С. 10].

Приоритетом было освещение деятельности избранных народа и разрабатываемых ими проектов, выборного процесса, современной социально-экономической ситуации, а также проблемных обращений граждан. Газету выпускала редакция под руководством В.С. Салчака.

Новым явлением в жизни тувинского общества стал выпуск с мая 1991 г. буддийским обществом «Алдын-Богда» газеты «Эреге» («Четки») на тувинском языке тиражом 4 тыс. экз. Ее появление было вызвано интересом к возрождению буддизма в Туве: отправлением религиозных обрядов и праздников, деятельностью буддийских учителей, строительство буддийского храма в столице и др. В 1991 г. увидел свет лишь один номер религиозного издания [22. С. 26]. С 23 сентября еженедельно выходила газета «7 дней Тувы – Тыва эрткен чеди хонукта» (до конца года вышло 12 номеров) [Там же. С. 26]. С некоторым запозданием произошла смена учредителей и у советских партийных газет. 6 сентября 1991 г. «Шын» стал печатным органом Верховного Совета Тувинской АССР, Совета Министров Тувинской АССР и коллектива журналистов газеты с периодичностью выхода пять раз в неделю (формат А2, тираж 23–28 тыс. экз.) [15. Л. 6]. 13 сентября 1991 г. аналогичным образом был изменен учредительский статус газеты «Тувинская правда» [Там же. Л. 7].

Учредители подписывали учредительные договоры, от коллектива журналистов газет действовали главные редакторы [Там же. Л. 12–14, 20–22]. Финансируя расходы редакций, не покрываемые их доходами, региональные органы власти сохранили право утверждения кандидатур главных редакторов и контроля за финансовой и хозяйственной деятельностью изданий.

С изменением правового статуса республиканские газеты стали более свободными в выборе тем, расширили сферу критики деятельности органов власти и освещения негативных социальных явлений, чаще писали об экономических трудностях и дефиците, ставили и обсуждали ранее закрытые темы. В кризисных условиях начала 1990-х гг. положение редакций периодических изданий было сложным. Учредители часто выносили решения о регистрации газет с конкретными количественно-качественными параметрами (язык издания, тираж, стоимость розницы и годовой подписки), регистрировали эти документы, но не имели надежных и регулярных источников финансирования, решали этот вопрос постфактум, по ходу выпуска газеты. Надежды на доход от подписки и розничной продажи в условиях нарастающей инфляции и падения уровня жизни населения не оправдывались.

Задержки с выплатой зарплаты сотрудникам, дефицит бумаги и горючего, проблемы с закупкой техники и материалов и иные трудности приводили к приостановкам в выпуске газет. Так, нерегулярно выходила газета «Уран чогаал» («Литература»), что в дальнейшем привело к аннулированию ее свидетельства о регистрации через суд [17. Л. 1]. Некоторые издания увидели свет только один раз: к примеру, «Каргыштыг чылдар» («Проклятые годы»), орган общества «Мемориал», независимая газета «Туруш» («Позиция»),

«Көжеге» («Занавес»), газета молодежной театральной студии «Күзел» («Мечта»), газета «Эреге» [22. С. 26–27] и др. Выход экологического вестника Госкомитета Тувинской АССР по охране природы и газеты «Кара-Даштың чаңгызы – Эхо Кара-Даша» тоже был нерегулярным и впоследствии был прекращен по решению учредителя [17. Л. 1].

25 октября 1991 г. в связи с выходом Закона о печати и других средствах массовой информации были упразднены Главлит СССР и его местное звено в лице Управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров Тувинской АССР. Его функции были переданы Министерству информации и печати СССР. В Туве было организовано Региональное управление Госкомитета по печати РФ в РТ (впоследствии неоднократно меняло название), которое возглавил С.А. Баир. Штат Управления был малочисленным, его деятельность налаживалась с большим трудом, что отрицательно влияло на жизнеспособность новых газет. В последующем отмечались случаи затягивания сроков регистрации, ошибочной выдачи свидетельства о регистрации из-за несвоевременного выявления нарушений, а затем отмены этих решений через суд и др. [18. Л. 10, 12, 14, 15].

Контент-аналитическое исследование газет этого периода показало, что актуализировалась прежде всего новая тематика: вопросы этнокультурного развития тувинского и русскоязычного населения республики, национально-государственного устройства, национальной истории и политических репрессий, а также тема межнациональных конфликтов.

В 1990–1991 гг. в освещении данных тем журналисты применяли новые подходы и формы работы. На личном примере они показывали читателям важность участия в решении назревших этнических проблем. В марте 1990 г. при редакциях межрайонной газеты «Хемчиктиң сылдызы» и многотиражной газеты «За асбест» в Кызыл-Мажалыке было создано первое в Туве добровольное общество «Родной язык». Журналисты, педагоги, рабочие организовали в Барун-Хемчикском районе месячник тувинского языка, в рамках которого были проведены лекции по тувинскому языкознанию и беседы о культуре речи. Редакция «Хемчиктиң сылдызы» неоднократно выступала организатором круглых столов по актуальным темам [23. 1990. № 38] и давала толкование забытых тувинских слов в постоянной рубрике общества «Родной язык» [Там же. 1990. № 23, 32, 33].

В 1990 г., благодаря активной позиции журналистов, обсуждение проекта закона «О языках Тувинской АССР» прошло в форме диалога представителей власти и читательской аудитории. За несколько месяцев поступило более 130 предложений и замечаний от жителей республики, не считая повторявшихся, а таких было немало [11. 1990. № 181]. Предлагалось ввести в образовательный процесс национально-региональный компонент и элементы тувинской семейной педагогики: использовать тувинский язык как язык обучения и предмет изучения в сельских школах [11. 1990. № 113; 24. 1990. № 112; 25. 1990. № 13, 19–21], преподавать историю, культуру и этнографию Тувы в средних

и высших учебных заведениях [11. 1990. № 87; 25. 1990. № 19–21].

Порядка 40% от общего числа публикаций в исследуемых газетах было посвящено этнокультурным сюжетам. В рубриках «Возродить традицию», «Это интересно», «Обряды и традиции» публиковались статьи и беседы с учеными, познакомившие читателей со сложным ритуалом отправления обрядов и обычаев в дни празднования Шагаа, традиционного тувинского Нового года по лунному календарю. Газета «Центр Азии» разместила интересный рассказ И.К. Лопсана о том, как в годы его юности отмечали Шагаа в местечке Эрги-Барлык [26. 1991. № 2].

В ряде публикаций была затронута проблема возрождения традиционной культуры русскоязычного населения Тувы. «Некоторые люди полагают, что уж русской-то культуре ничто не угрожает: сколько фольклорных, этнографических и прочих изданий выходит в центре и на местах!.. Но в каждом регионе – свои обычаи, традиции, песенный репертуар, обусловленные временем, историей заселения, контактами и т.д. Поэтому изучение народной культуры каждого региона имеет не только художественную, но и научную ценность...» – писала 6 апреля 1990 г. в письме в газету «Тувинская правда» М.П. Татаринцева, кандидат филологических наук. Освещались деятельность детского фольклорного ансамбля «Октай», казачьих объединений республики, проведение русских праздников.

В начале 1990-х гг. в большинстве газет регулярно выходили материалы под рубрикой «Страницы истории» [23. 1990. № 76–78; 25. 1990. № 34–36]. Широкий общественный резонанс в 1990 г. вызвали публикации на актуализировавшуюся в период перестройки тему сталинских репрессий [11. 1990. № 28–30, 35, 36, 38, 39, 41–44, 46–50; 24. 1990 № 65, 68, 71, 74, 76, 79, 80, 112, 113, 115, 118, 123]. В газете «Шын» под рубрикой «По фактам архивных материалов» известный ученый-историк Ю.Л. Аранчын в статье «Истину восстановит история» рассказал о репрессированных в Туве в 1930–1940-х гг. и начале 1950-х гг. Из писем в редакцию становилось ясно, какое большое эмоциональное потрясение вызвали эти материалы у читателей. Один из читателей упрекнул автора в тенденциозном подборе фактов, не учитывающим сложности межнациональной обстановки того периода, и предлагал тщательно проверять и корректировать подобные материалы [24. 1990. № 113].

На страницах газеты «Молодежь Тувы» развернулась острая дискуссия между учеными и членами тувинского отделения общества «Мемориал» [25. 1990. № 4–6]. Опираясь на архивные документы, Ю.Л. Аранчын стремился опровергнуть бытовавшее в тувинском обществе мнение об основной роли С.К. Тока, долгие годы управлявшего Тувой, в развязывании репрессий. Такая позиция ученого, по мнению руководителей общества «Мемориал» и современников этих событий, выглядела попыткой умалить роль С.К. Тока в репрессиях. И хотя конструктивного разговора между участниками дискуссии не получилось, ценность обсуждения состояла в том, что читатели узнали о разнообразии

точек зрения, задавали в письмах вопросы и высказывали свое мнение.

После завершения работы комиссии по вопросам реабилитации репрессированных была организована встреча ее членов с общественностью и обнародованы материалы о реабилитации необоснованно репрессированных в Туве в 1930–1940-х гг. и начале 1950-х гг. [11. 1990. № 24, 139].

В центре внимания газет были материалы, посвященные национальной политике (суверенитет, избирательные кампании, конституционное строительство в республике, общественные движения и партии, диспропорции в национальном составе руководящих кадров). В подборке материалов в «Тувинской правде» читатели узнали о цели, программе, деятельности нового политического движения «Народный фронт Тувы».

После принятия 12 июня 1990 г. I Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о государственном суверенитете РСФСР в Туве активизировалось движение за национальный суверенитет. «Тувинская правда» организовала дискуссии по вопросам референдума и поместила ряд статей по теории и практике суверенитета [11. 1990. № 53, 61, 64, 79, 111, 120, 122, 135, 139]. В публикациях «Быть ли Туве союзной республикой?» и «Какой быть Конституции Тувы» было представлено мнение ученых по вопросам национально-государственного строительства. Доминирующим было мнение, что суверенитет необходим, но различались подходы в определении его формы, принципов и содержания. После всенародного обсуждения 12 декабря 1990 г. на первой полосе «Тувинской правды» была обнародована Декларация «О государственном суверенитете Советской Республики Тува».

Почти в каждом номере газет содержалась тревожная информация о межнациональных конфликтах. Напряженность в межнациональных отношениях в Туве проявилась в 1990 г., после групповых хулиганских выходок в пос. Хову-Аксы, селах Элегест, Сосновка, Межегей, Бай-Хаак и уголовного преступления на озере Сут-Холь. Анализ и сравнение сообщений СМИ, официальных документов, описаний современников этих событий позволили сделать вывод о несвоевременности подачи информации, неполноте и частичном несоответствии фактов, опубликованных газетами, реальному содержанию конфликта. Распространение слухов и домыслов отрицательно сказалось на межнациональной ситуации: состоялся митинг русского населения, а затем в 1990–1991 гг. наблюдался его массовый отток за пределы республики.

Эти события получили широкое отражение в сибирской, центральной и даже в зарубежной прессе. Большинство публикаций вызвало возмущение местной общественности. От имени жителей республики в газетах были напечатаны открытые письма-обращения и опровержения [11. 1990. № 182, 192, 194, 201; 24. 1990. № 182, 201]. Обзор ответных публикаций показал, что возможности местной прессы в распространении своей точки зрения на реальные события были ограниченными. Однако это была совершенно новая ситуация, когда граждане в газетах публично защища-

ли честь республики. Наиболее активную позицию занимали газеты «Тываның аныктары» и «Молодежь Тувы».

Периодически на страницах местных газет появлялись материалы, которые воспитывали в читателях культуру межнациональных отношений [11. 1989. № 11, 12; 1990. № 72, 73, 79, 114, 117, 135; 24. 1990. № 115]. Трудно переоценить их значение в гармонизации межнациональных отношений в Туве.

Отметим негативные тенденции в деятельности газет, которые были обусловлены сложностью процесса перестройки общественного сознания, общей тенденцией политизации этнической темы. В публикациях (23,7% от общего числа) содержались высказывания с историческими обвинениями в адрес тувинцев и русских, присутствовали тенденциозно подобранные факты, чрезмерно или некорректно применялась этническая лексика. Причина их появления связана с профессиональной некомпетентностью авторов и руководства редакций. Этническая тема была востребована в текущей политической борьбе, а для редакций могла повысить востребованность, а значит, продаваемость изданий. В отношении авторского состава публикаций обращает на себя внимание их принадлежность к журналистской профессии, научной и творческой интеллигенции. Их материалы, как правило, носили аналитический характер. Остальные социальные слои (школьники, студенты, труженики села, пенсионеры) были представлены в качестве авторов незначительно.

Итак, в 1988–1989 гг. изменения в прессе были незначительными и начались с постановки тем, которые ранее были под запретом, таких как изучение и расширение использования тувинского языка, национальные обычаи и традиции, нарастающие социальные проблемы. В конце 1989 г. партийное руководство республики приняло решение возобновить выпуск детской газеты, закрытой в 1959 г. При ее организации в соответствии с новыми демократическими веяниями были проведены альтернативные выборы редактора с состязательной защитой кандидатами на эту должность разработанных ими программ издания.

После выхода в 1990 г. Закона СССР о печати и принятия I Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о национальном суверенитете процесс трансформации системы периодической печати Тувы приобрел более масштабный и необратимый характер: партийно-государственный контроль над ней был утрачен, и она стала приобретать характер «четвертой власти», содержание публикаций приобретало все более полемический и критический характер, поднимались и развивались темы межнациональных отношений и национального суверенитета Тувы, увеличилось количество новых изданий универсального и тематического характера. Количественные и качественные изменения республиканской прессы носили системный характер и происходили одновременно как «сверху», по инициативе местных органов власти, так и «снизу», по инициативе редакционных коллективов и самостоятельных общественных сил. Обе эти силы становились учредителями как прежних советских, так и новых национальных газет. Многие из них, столк-

нувшись в условиях кризиса с материально-финансовыми трудностями, закрылись, оставшись в истории тувинской печати лишь в виде отдельных разрозненных номеров. Детерминирующим фактором развития тувинской печати в этот период был интерес читательской аудитории к этнокультурной специфике региона.

Таким образом, в 1990–1991 гг. газеты создали разнообразный по тематике, формам подачи и авторству информационный поток, направленный на осознание этнических и межэтнических проблем, формирование этнического самосознания и идентичности, защиту национального достоинства жителей Тувы.

Список источников

1. Тинмей Д.Л. Отравленные стрелы... Газетная война против Тувы в 1990–1991 годах и попытки разжечь ее позже. Кызыл : Новости Тувы, 1999. 197 с.
2. Балакина Г.Ф., Анайбан З.В. Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск : Наука, 1995. 137 с.
3. Анайбан З.В. Межнациональные отношения в Туве в 90-е годы (по материалам этносоциологических исследований) / Ин-т этнологии и антропологии РАН, Тув. ин-т гуманитар. исслед. М., 1999. 336 с.
4. Доржу З.Ю. Этнополитическая ситуация в Республике Тыва // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 3. С. 249–253.
5. Кан В.С. Проблемы этнокультурного развития тувинцев в освещении прессы конца 1980-х – начала 1990 гг. // Юрта – традиционное жилище народов Азии : тез. I Междунар. конгресса. Кызыл, 2004. Ч. 2. С. 69–72.
6. Кан В.С. Освещение проблемных вопросов тувинского языка в республиканских газетах во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона : материалы междунар. науч. конф., посвященной 80-летию тувинской письменности. Абакан : Хакасское кн. изд-во, 2010. Ч. II. С. 165–168.
7. Танова Е.Т. История возникновения и развития периодической печати Тувы. Кызыл : Тувин. кн. изд-во, 2006. 96 с.
8. Маадыр М.С. Журналы Тувы // Новые исследования Тувы. 2009. № 4. С. 135–158.
9. История Тувы : в 3 т. / под общ. ред. Н.М. Моллерова. Новосибирск : Наука, 2016. Т. 3. 455 с.
10. Кан В.С. Становление и развитие периодической печати Тувы (1924–1991 гг.). Абакан : Журналист, 2021. 272 с.
11. Тувинская правда.
12. Тываның аныяктары.
13. Национальный архив Республики Тыва (НА РТ). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4252.
14. НА РТ. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 1386.
15. НА РТ. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 149.
16. Тыва Республиканың парлагазының данзызы 1990 чыл – Летопись печати Республики Тыва за 1990 год: күрүнениң библиографтыг айтыкчызы / ТР-ниң А.С. Пушкин аттыг Национал б-казы: тург. С.А. Содунам, М.С. Маадыр. Кызыл, 2010. 140 с.
17. НА РТ. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 157.
18. НА РТ. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 152.
19. НА РТ. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 153.
20. Ховалыг А.Х. Женская газета «Эне сөзү» // Люди и события Тувы. Год 2001 : указатель-календарь по Туве за 2001 год / Нац. б-ка им. А.С. Пушкина Республики Тыва; сост.: Л.М. Чадамба, Е.М. Ак-кыс. Кызыл, 2001. 46 с.
21. Слободчиков Юрий: Не приемлю больше всего лживость (беседовала Д. Оюн) // Люди Центра Азии / под ред. Н.М. Антупьевой. Кызыл : Центр Азии, 2018. Т. 6. С. 740–743.
22. Тыва Республиканың парлагазының данзызы – Летопись печати Республики Тыва: күрүнениң библиографтыг айтыкчызы / ТР-ниң А.С. Пушкин аттыг Национал б-казы: тург. С.А. Содунам, Л.А. Бюрбю, А.С. Монгуш. Кызыл, 2010. 132 с.
23. Хемчиктин сылдызы.
24. Шын.
25. Молодежь Тувы.
26. Центр Азии.

References

1. Tinmey, D.L. (1999) *Otravlennye strely... Gazetnaya vojna protiv Tuvy v 1990–1991 godakh i popytki razzhech' ee pozzhe* [Poisoned arrows... Newspaper war against Tuva in 1990–1991 and attempts to kindle it later]. Kyzyl: Novosti Tuvy.
2. Balakina, G.F. & Anayban, Z.V. (1995) *Sovremennaya Tuva: sotsiokul'turnye i etnicheskie protsessy* [Modern Tuva: socio-cultural and ethnic processes]. Novosibirsk: Nauka.
3. Anayban, Z.V. (1999) *Mezhnatsional'nye otnosheniya v Tuve v 90-e gody (po materialam etnosotsiologicheskikh issledovaniy)* [Interethnic relations in Tuva in the 1990s (based on ethnosociological studies)]. Moscow: RAS.
4. Dorzhu, Z.Yu. (2000) *Etnopoliticheskaya situatsiya v Respublike Tyva* [Ethnopolitical situation in the Tyva Republic]. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri* [Ethnosocial processes in Siberia]. Vol. 3. Novosibirsk: [s.n.], pp. 249–253.
5. Kan, V.S. (2004) *Problemy etnokul'turnogo razvitiya tuvintsev v osveshchenii pressy kontsa 1980-kh – nachala 1990 gg.* [Problems of the ethnocultural development of Tuvans in the media coverage of the late 1980s – early 1990s]. *Yurta – traditsionnoe zhilishche narodov Azii* [Yurt – a traditional dwelling of the peoples of Asia]. Proc. of the First International Congress. Vol. 2. Kyzyl: [s.n.], pp. 69–72.
6. Kan, V.S. (2010) *Osveshchenie problemnykh voprosov tuvinskogo yazyka v respublikanskikh gazetakh vo vtoroy polovine 1980-kh – nachale 1990-kh gg.* [Problematic issues of the Tuvan language in republican newspapers in the second half of the 1980s – early 1990s]. *Tuvinskaya pis'mennost' i voprosy issledovaniya pis'mennostey i pis'mennykh pamyatnikov Rossii i Tsentral'no-Aziatskogo regiona* [The Tuva writing and questions of the study of writings and written monuments of Russia and the Central Asian region]. Proc. of the International Conference. Vol. 2. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, pp. 165–168.
7. Tanova, E.T. (2006) *Istoriya vozniknoveniya i razvitiya periodicheskoy pechati Tuvy* [The history of the emergence and development of the Tuva periodicals]. Kyzyl: Tuv. kn. izd-vo.
8. Maadyr, M.S. (2009) *Zhurnaly Tuvy* [Journals of Tuva]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 4, pp. 135–158.
9. Mollerova, N.M. (ed.) (2016) *Istoriya Tuvy* [History of Tuva]. Vol. 3. Novosibirsk: Nauka.
10. Kan, V.S. (2021) *Stanovlenie i razvitie periodicheskoy pechati Tuvy (1924–1991 gg.)* [Formation and development of the Tuva periodicals (1924–1991)]. Abakan: Zhurnalst.
11. *Tuvinskaya pravda*.
12. *Tuvanyң anyyaktary*.
13. The National Archive of the Republic of Tyva (NA RT). Fund P-2. List 1. File 4252.
14. The National Archive of the Republic of Tyva (NA RT). Fund R-270. List 1. File 1386.
15. The National Archive of the Republic of Tyva (NA RT). Fund R-481. List 1 File 149.

16. Sodunam, S.A. & Maadyr, M.S. (eds) (2010) *Tyva Respublikanyň parlalgazynyň daňzyzy 1990 chyl*. Kyzyl: [s.n.].
17. The National Archive of the Republic of Tyva (NA RT). Fund R-481. List 1. File 157.
18. The National Archive of the Republic of Tyva (NA RT). Fund R-481. List 1. File 152.
19. The National Archive of the Republic of Tyva (NA RT). Fund R-481. List 1. File 153.
20. Khovalyg, A.Kh. (2001) Zhenskaya gazeta "Ene sözy". In: Chadamba, L.M. & Akkys, E.M. (eds) *Lyudi i sobytiya Tuvy. God 2001: ukazatel'-kalendar' po Tuve za 2001 god* [People and events of Tuva. Year 2001: The index-calendar for Tuva for 2001]. Kyzyl: [s.n.].
21. Slobodchikov, Yu. (2018) Slobodchikov, Yuriy: Ne priemlyu bol'she vsego lzhivost' (besedovala D. Oyun) [Yury Slobodchikov: I do not accept deceit most of all (interviewed by D. Oyun)]. In: Antufieva, N.M. (2018) *Lyudi Tsentra Azii* [People of the Center of Asia]. Vol. 6. Kyzyl: Tsentr Azii. pp. 740–743.
22. Sodunam, S.A. & Maadyr, M.S. (eds) (2010) *Tyva Republican parlalgazynyn danzyzy*. Kyzyl: [s.n.].
23. *Khemchiktin sylдыzy*.
24. *Shyn*.
25. *Molodezh' Tuvy*.
26. *Tsentr Azii*.

Сведения об авторе:

Кан Валерия Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия); докторант кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kan-tuva@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kan Valeria S. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Modern History of the Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation), doctoral student of the Department of Russian History of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kan-tuva@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.07.2022; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 21.07.2022; accepted for publication 11.11.2022

Научная статья

УДК 930

doi: 10.17223/19988613/80/4

Русская православная церковь и изучение Азиатско-Тихоокеанского региона в петровскую эпоху

Александр Юрьевич Петров¹, Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин Герман Михайлович)², Мария Михайловна Коскина³

^{1,3} *Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия*

¹ *Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*

² *Калужская духовная семинария, Калуга, Россия*

² *Калужский государственный университет, Калуга, Россия*

² *Издательский Совет Русской Православной Церкви, Калуга, Россия*

³ *Московский государственный областной университет, Москва, Россия*

¹ *alaska13@yandex.ru*

² *mklkg@ya.ru*

³ *maria14678@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется роль Русской Православной Церкви в процессе освоения Азиатско-Тихоокеанского региона и открытия Америки. Рассмотрен процесс распространения православия на удаленных частях Российской империи с точки зрения государственной политики, систематизированы сведения о деятельности представителей Церкви в регионе, отмечено значение российских тихоокеанских экспедиций конца XVII – первой половины XVIII в. Заложенная в Петровскую эпоху норма присутствия священнослужителей во время освоения новых территорий в дальнейшем стала обязательным элементом при освоении Русской Америки.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Азиатско-Тихоокеанский регион, Петровская эпоха, история Русской Америки

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00043, <https://rscf.ru/project/22-18-00043/>, в Институте всеобщей истории РАН (Борьба за колонии на Севере Тихого океана в XVIII – первой половине XIX вв.).

Для цитирования: Капалин Г.М. (Митрополит Климент), Петров А.Ю., Коскина М.М. Русская православная церковь и изучение Азиатско-Тихоокеанского региона в петровскую эпоху // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 38–45. doi: 10.17223/19988613/80/4

Original article

The Russian Orthodox Church and exploration of the Asian-Pacific region in the era of Peter the Great

Aleksandr Ju. Petrov¹, Metroplitan Klement (German M. Kapalin)², Mariia M. Koskina³

^{1,3} *Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

¹ *Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation*

² *Kaluga Theological Seminary, Kaluga, Russian Federation*

² *Kaluga State University, Kaluga, Russian Federation*

² *Publishing Council of the Russian Orthodox Church, Kaluga, Russian Federation*

³ *Moscow Region State University, Moscow, Russian Federation*

¹ *alaska13@yandex.ru*

² *mklkg@ya.ru*

³ *maria14678@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the process of spreading Orthodoxy in remote parts of the Russian Empire. The purpose of the study is to analyze the contribution of the Russian Orthodox Church to the development of the Asia-Pacific region and the discovery of America. Partly published and unpublished sources of the Russian State Historical Archive, the Russian State Archive of Ancient Acts, the Russian State Archive of the Navy, etc. have been studied. The authors of the article examined in detail the government's policy on this issue. Thanks to the far-sighted plans of Peter I, the eastern

border of the empire was being formed, new territories were being developed and consolidated. Peter the Great extended the sovereignty of the state to the organization and activities of the church, took a direct part in the affairs of Orthodoxy, played a significant role in the mission among non-Christian peoples, regulated the rights and duties of the naval clergy. The authors systematized information about the activities of Church representatives in the region. The contribution of both the government initiative and individuals is noted. The article analyzes missionary activity, the establishment of relations between Russia and China, the biography of I. P. Kozhyrevsky. The authors noted the importance of the Russian Pacific expeditions of the late XVII – first half of the XVIII century in the process of spreading Orthodoxy in the region. Representatives of state structures initiated the mandatory and permanent participation of the clergy of the Russian Orthodox Church in expeditions to study the Asia-Pacific region. In the article, along with the activities of the participants of the Second Kamchatka Expedition under the leadership of Vitus Bering, the significance of earlier expeditions was highlighted. In general, the activities of the expedition participants influenced the development of remote territories. The study of the role of Orthodoxy in the region provided a more comprehensive and detailed overview of the initial phase of the discovery and development of the Pacific territories. The study of the Asia-Pacific region was closely connected with the spread of Christianity in it. This was due to the ecclesiastical policy of the Russian sovereigns, starting with Peter I. The clergy morally supported the Russian pioneers and settlers, and also prepared the annexed peoples for joining the empire as subjects of the Orthodox monarch. The presence of clergymen during the exploration of the new territories became an integral part, and it was laid down in the Peter's era. That part soon became indispensable in the exploration of Russian America.

Keywords: Russian Orthodox Church, Asia-Pacific region, the reign of Peter the Great, History of Russian America

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00043, <https://rscf.ru/project/22-18-00043/>, at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (The struggle for colonies in the North Pacific Ocean in the XVIII – first half of the XIX centuries).

For citation: Kapalin, G.M. (Metropolitan Clement), Petrov, A.Yu., Koskina, M.M. (2022) The Russian Orthodox Church and the Study of the Asia-Pacific Region in the Petrine Era. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 38–45. doi: 10.17223/19988613/80/4

В 2022 г. отмечается юбилей – 350 лет со дня рождения Петра I. В связи с этим возрастает внимание к исследованию разных аспектов его деятельности. Петровские реформы затронули все сферы жизни общества, в том числе и религиозную. В основу отношений с Православной Церковью Петр I положил новые принципы, сформировав систему государственной церковности. В 1701 г. был создан Монастырский приказ, в 1721 г. – принят Духовный регламент и учрежден высший орган церковно-административной власти Русской Православной Церкви – Святейший Правительствующий Синод. Считая, что Российская Церковь обязана служить государственным интересам России, в частности закреплению на новых территориях, Петр I проявлял инициативу по распространению православия среди коренных народов Сибири и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Постановка проблемы в данной статье предполагает отметить отдельные работы, которые представляются важными при изучении темы. Это исследования по истории Русской Америки и Дальнего Востока, в том числе таких авторов, как П.А. Тихменев, С.Б. Окунь, Н.Н. Болховитинов, С.Г. Федорова, Л.С. Блэк, Д.П. Петров, игумен Дионисий (Шленов), П.В. Громов и И. Покровский [1–9]. Современное состояние историографии по истории Русской Америки отражено в статье ученых из Ярославля [10].

Даже общий взгляд на историографию вопроса показывает, что исследователи истории Русской Америки, как правило, начинают ее изучение со времен Второй камчатской экспедиции, а историки Дальнего Востока давали слишком общую картину развития православия в Петровскую эпоху. Поэтому давно назрел вопрос о подготовке специальной работы по изучению вклада Русской Православной Церкви в процесс освоения

АТР и открытия Америки. Кроме того, распространение православия на удаленных частях Российской империи, в том числе и продвижение к берегам Северной Америки, с точки зрения правительственной политики сегодня является актуальным. Русская Православная Церковь до сих пор остается на Аляске историко-культурным наследием России, а исследование роли православия в регионе позволит более полно и подробно рассмотреть начальный этап открытия и освоения Тихоокеанских территорий.

Несколько слов о методах. Наряду с традиционными был полезен метод компаративистики, особенно при сравнении участия Русской Православной Церкви в Первой и Второй Камчатских экспедициях или в экспедиции Фёдорова и Гвоздёва и экспедициях Беринга. При изучении процесса распространения православия в Сибири и на Дальнем Востоке, деятельности РПЦ на Камчатке, участия священнослужителей в тихоокеанских экспедициях сложно обойтись и без использования междисциплинарного подхода, особенностей микро- и макроисторического исследования. Методы этнографии, географии, картографии и других наук являются неотъемлемой частью при изучении процесса открытия и освоения новых территорий.

Эпоха конца XVII – первой половины XVIII в. в отечественной истории связана с деятельностью Петра Великого. Это время характеризовалось преобразованиями во всех сферах жизни государства, становлением абсолютизма, расширением и укреплением государственных границ. Победа в войне со Швецией позволила России закрепиться на берегах Балтийского моря, а Каспийские походы – укрепить положение страны на южных рубежах. Благодаря дальновидным планам Петра I шло формирование и восточной границы империи. Колонизация Сибири в указанный период про-

двинулась вплоть до берегов Северной Америки, получили развитие отношения с Китаем в различных сферах.

Расширение Российской Империи за счет присоединенных территорий Сибири, Дальнего Востока и Алеутских островов сопровождалось распространением православия. Русские первопроходцы, мореплаватели, промышленники и купцы в подавляющем большинстве принадлежали к Православной Церкви. В отрядах первопроходцев всегда были священники или сведущие в православной мудрости люди, которые должны были укреплять дух землепроходцев, ведь продвижение по новым территориям являлось тяжелым испытанием, в том числе и религиозно-нравственным. Наличие походных часовен в военных отрядах, присутствие священников во время походов русских полков объяснялось духовными потребностями [11].

Православные землепроходцы не только открывали, но и освящали присоединяемые территории, делали их пригодными для жизни православного человека. Продвижение русских людей на восток и создание островов и поселений сопровождалось возведением часовен, церквей и монастырских обителей, а впоследствии на этих территориях образовывались епархии. Церковь в Сибири представлялась одной из мощнейших конструктивных сил, опираясь на которую, можно было надежно утверждать российское правление на дальних окраинах. В 1620 г. на Московском Соборе была учреждена первая за Уралом Сибирская и Тобольская епархия с кафедрой в г. Тобольске. В ее ведении были обширные земли, простиравшиеся от Уральских гор до Дальнего Востока. Епархия с самого начала возглавлялась архиепископами и стала ведущим центром распространения христианства за Уралом [7. С. 24–26].

В начале XVII в. формируются основные черты государственной и церковной политики на присоединяемых землях, выстраивается стратегия просвещения аборигенных народов. Православные миссионеры изначально были ориентированы на благожелательное отношение к некрещеным туземцам. Церкви надлежало заботиться о местных жителях, строго оговаривались ненасильственные методы обращения их в христианство. Доктрина миссии не только отрицает насилие, но и исходит из принципа веротерпимости. При освоении новых территорий возможны социальные конфликты между переселенцами и автохтонными народами, в том числе и в духовной сфере. Характер миссионерской деятельности в этих условиях определяется каноническим правом как «миссия диалога» [12]. Церковь в Сибири обязана была защищать туземцев от неправомерных действий местных властей. Несмотря на неизбежные эксцессы, связанные с открытием и освоением новых земель, местные племена терпеливо и постепенно обращались в православие, одновременно вовлекаясь в русское подданство [7. С. 28–30].

Петр Великий распространил суверенитет государства на организацию и деятельность церкви. Царь принимал непосредственное участие в делах православия, сыграв значительную роль в миссии среди нехристианских народов. Крещение народов Сибири в царствование Петра Великого опиралось на опыт

миссионерской деятельности, накопленный в предшествующие века [12]. В целом политика Петра I в вопросе распространения православия в Сибири и на Дальнем Востоке была последовательной. Реформы, проведенные в области церковного управления, касались и новоприсоединенных территорий, указы подкреплялись активными действиями. Так, в 1711 г. началась миссионерская деятельность митрополита Филофея Лещинского (в схиме Федора), который считается крестителем Сибири, с деятельностью духовных миссий связано систематическое распространение христианства на Камчатке. Вместе с тем ряд указов Петра I был направлен на создание специальной христианской миссии для православных в Китае с целью усиления просветительской деятельности в восточных пределах России и сопредельных странах. Распространение православия в Китае на протяжении первой половины XVIII в. шло с переменным успехом [13, 14]. Во время правления Петра I удалось организовать Первую Духовную миссию в Пекине. Закономерным итогом этой деятельности стало подписание 14 июня 1728 г. Кяхтинского генерального трактата, ставшего основой взаимоотношений между Россией и Китаем более чем на столетие. В ст. V разрешался проезд в Пекин русских священников. Китайское правительство обязалось охранять беспрепятственное отправление в Пекине православных богослужений [7. С. 142].

Если до конца XVII в. крещение было главным образом добровольным и не затронуло основную массу коренного населения, то в XVIII в. отношение правительства к христианизации несколько изменилось. Указы Петра I 1706, 1710, 1714 гг. объявляли массовое крещение сибирских народов. Принятие православия стало рассматриваться как элемент политики инкультурации. Произошло некоторое ужесточение по отношению к языческим верованиям. В законодательных актах Петра I, ставших юридической основой массового крещения народов Сибири, содержалось требование «идолов жечь и капища разорять». На практике, однако, жесткая позиция коснулась лишь тех шаманов, которые, будучи крещеными, не прекратили свою шаманскую деятельность, а также в том случае, если на камланиях присутствовали принявшие Крещение аборигены. Преследовались, таким образом, не шаманство как таковое и не шаманы как служители языческого культа, а факты соращения в язычество членов Православной Церкви. Наказания провинившихся шаманов не шли дальше церковного покаяния и конфискации шаманских атрибутов [15. С. 85–88].

Одним из оснований миссии является пастырско-миссионерская традиция окормления и помощи воцерковленным, духовного наставничества. В каноническом праве христианам запрещается религиозное и брачное общение с иноверцами. Пастырская деятельность в отношении православных людей, в том числе и воцерковленных, включает «наказующую» власть церкви. В наказании преступников против веры и церкви допускалось применение гражданских санкций светскими властями по отношению к преступникам, «совершенно непокорливым», которые своими действиями производят «крамолу и мятеж» [12].

В конце правления Петра I было принято окончательное решение о ненасильственном обращении с аборигенным населением, которое предъявлялось и к первопроходцам, вступавшим в первые контакты с новыми народами. Так, инструкцией Сената от 1733 г. начальнику Камчатской экспедиции Берингу и всем его подчиненным под страхом военного суда повелевалось «никаких обид и озлоблений тамошнему народу не чинить» [16. С. 151–152], но располагать их к добровольному принятию подданства.

По примеру сибирских миссионеров перед отправлением в конце XVIII в. на Аляску члены Первой духовной миссии давали клятву нести евангельскую проповедь язычникам, «не употребляя ни малейшаго ни в чем насилия, но чистосердечно, бескорыстно, снисходительно с истинною кротостию и христианскою любовью» [17].

В процессе распространения Православия в Азиатско-Тихоокеанском регионе особое место занимают российские тихоокеанские экспедиции конца XVII – первой половины XVIII в. Русскими землепроходцам удалось разведать морской путь из Охотска на Камчатку, изучить южную часть Охотского моря с Шантарскими островами и Северные Курилы. Экспедиции имели различные задачи, в том числе и призыв местного населения в российское подданство «ласкою и разговорами» [18. С. 272]. Государственная деятельность по распространению православия была взаимосвязана с инициативой отдельных личностей. Важную роль в истории региона сыграл И.П. Козыревский, деятельность которого после географических изысканий была сосредоточена на распространении православия на Камчатке.

Родившись в Якутске, Козыревский служил на Камчатке с самого ее присоединения и много сделал для укрепления там русской власти и упрочения христианства. Все свои путешествия на Курильские острова Козыревский совершил до монашества и вошел в историю под своим мирским именем. В 1716 г. он принял монашество, но точно не установлено от кого – от архимандрита Мартиниана или от какого-то другого инока, служившего в Камчатке. Г. Слобцов предполагает, что Козыревский назвался иноком самовольно. Напротив, как считает автор «Историко-статистического описания Камчатских церквей», присылка Козыревскому в 1718 г. от якутского архимандрита Феофана рясы и клобука доказывает, что архимандрит признал его правильным монахом. Приняв в монашестве имя Игнатий, Козыревский между Нижним острогом и речкою Ключовкою, на месте, удобном для разведения овощей и для посева хлеба, основал пустынь в честь Успения Божией Матери, завел при ней богадельню и стал называть себя и писаться монахом Игнатием, строителем Камчатской Успенской пустыни [8. С. 6–7].

Позднее И. Козыревский был причислен к экспедиции Шестакова. Митрополит Антоний поручил Козыревскому изготовить в Якутске все нужное для разрешенной к построению на Камчатке Успенской двухпридельной церкви и вручил ему два антиминса. В 1727 г. в Якутске Козыревский принял от Воеводской Канцелярии для камчатской церкви книги, при

содействии той же Канцелярии изготовил иконы и ризницу. Часть вещей Козыревский отправил в свою пустынь, а остальное передал на хранение казначею монастырскому диакону Шапошникову [8. С. 10–11]. Игнатий Козыревский участвовал в экспедиции Шестакова и плавал по р. Лене на судне «Эверс», за что получил от Сената награду [19. С. 143].

Пустынь с кельями, молитвенным домом и часовней, построенная на р. Камчатке, лишь частично получила монастырское устройство. Козыревский предлагал организовать специальную Камчатскую миссию. Для этого он обратился в Синод, где отмечал необходимость организовать дело по распространению православия на Камчатке [9. С. 262]. В своем стремлении к церковному строительству он писал: «Я, монах, на пустом месте вновь трудами и коштом своим со своими дворовыми и погромными людьми ради прибежища ко спасению безпомощным и старым, и дряхлым, и раненым служилым людям, которые не имеют нигде главы подклонить, и желал оной пустыне в Камчадальской землице быть монастырем и божий церкви во имя Пресвятыя Богородицы, что в Киевопечерском монастыре» [20. С. 46–47].

30 мая 1730 г в Москве монах Игнатий (Козыревский) был посвящен в иеромонаха. В этом сане он сделал представление Правительствующему Сенату о даровании пособий к поддержанию своей пустыни в Камчатке и о необходимости увеличения там церквей. В начале 1731 г. он изготовил для Камчатки диптих и большую икону Спасителя [8. С. 13–15]. Однако его бурная деятельность прервалась, когда выяснилось, что еще до принятия монашества, во время службы казаком, он был замешан в убийстве. В результате выдвинутого обвинения в 1732 г. Козыревский был лишен сана и монашества и отослан в юстиц-коллегию [9. С. 263].

Таким образом, в фигуре Козыревского сочетаются первооткрыватель и представитель Церкви. Его путешествия внесли научный вклад в изучение новых территорий указанного региона; в частности, ему приписывается создание подробного «Чертежа Камчадальского Носу и морским островам» [20]. С другой стороны, его деятельность в качестве монаха повлияла на освоение региона и распространение там православия. Интересно отметить, что В. Беринг во время Первой Камчатской экспедиции имел повеление взять с собой монаха Козыревского как знатока камчатской местности, и его имя уже стояло в списке чинов экспедиции. Однако, прибыв в 1726 г. в Якутск, В. Беринг нашел его «немошна и безгласна от гортанной боли» и от него отказался [8. С. 10].

В первой четверти XVIII в. была подготовлена и осуществлена экспедиция Ельчина, или Большой Камчатский наряд. Организованная как большое государственное предприятие, она явилась прототипом обеих экспедиций В. Беринга и стала связующим элементом в цепи экспедиций, приведших к открытию Аляски. Большой Камчатский наряд повлиял и на формирование состава участников будущих плаваний. В этой связи отметим, что в экспедиции Ельчина приняли участие представители Церкви – священник Иван Васильев и иеромонах Иосиф [19. С. 194–196].

Регламентация прав и обязанностей флотского духовенства, материального положения и условий службы была определена Морским уставом 1720 г. и Инструкцией флотским иеромонахам 1721 г. Документы этого времени содержат сведения об армейских, флотских и гарнизонных священниках, в том числе о их определении на должность и жаловании [21]. Как сообщает Адмиралтейств-коллегия, в данный период на корабли, фрегаты и брандвахты стали назначать иеромонахов и белых священников [22].

С этого времени участие морского священника стало нормой, в том числе и участие священнослужителей в Тихоокеанских экспедициях начала XVIII в. Главной задачей священников было соблюдение устоев Православия во время путешествия. Освящение кораблей и благословение членов экипажа являлись обязательными перед выходом в плавание как частных, так и государственных экспедиций. В самих названиях русских судов, участвовавших в открытии и колонизации Северной Америки, просматривались христианские идеи и традиции.

Особую роль в распространении православия в Азиатско-Тихоокеанском регионе сыграли две Камчатские экспедиции под руководством В. Беринга. Обе экспедиции всеми силами и средствами – экспедиционными материалами, финансами и даже людьми, своим авторитетом в правительствующих Сенате и Синоде, поддерживали процесс распространения православия в этом регионе, а затем и его развития на Камчатском полуострове и Курильских островах [23. С. 13]. Изначально в составе Первой Камчатской экспедиции не числилось морского священника, и часть пути команде пришлось пройти без него. Однако уже из Тобольска В. Беринг сообщает Адмиралтейств-коллегии о необходимости иметь в составе экспедиции священника [24. С. 43]. Представляется возможным, что именно в Тобольске – административном церковном центре Сибири, священнослужитель был принят в состав экспедиции. Им стал иеромонах Иларион Трусов.

По прошествии двух лет экспедиция готовилась к отплытию от берегов Камчатки на построенном боте «Св. Гавриил». Из-за погодных условий команда была вынуждена идти на одном боту, а прибывшее судно из Большерецка оставить. В связи с этим был принят ряд решений командного состава Первой Камчатской экспедиции, касавшийся организационных вопросов [25]. Беринг предложил отпустить иеромонаха в Тобольск из-за ограниченного количества мест на борту, что было поддержано командой. Иеромонах был отпущен с денежным жалованием, а оставшиеся у него церковные вещи использованы. Об этом В. Беринг сообщает в рапорте Адмиралтейств-коллегии: «...обретающих в команде моей иеромонаха, плотников енисейских и иркуцких 11 человек, кузнецов 3 отпустил в прежние свои команды, понеже на одном боту уместитца невозможно, и принужден для их проезда и пропитания в здешних пустых местах выдать денежное жалование...» [26].

Нам еще предстоит выяснить причины того, что иеромонах, который служил в команде Беринга вплоть до Камчатки, в результате был отправлен в Тобольск.

Ведь при благоприятных обстоятельствах он мог бы совершить плавание. Мы предполагаем, что нужные нам документы могут находиться в фондах РГАВМФ или АВПРИ, а также в ГАИО. В настоящее время, при отсутствии документальных данных по данному вопросу, можно предположить, что Беринг считал важным продолжение служения в местах сооружения судов для экспедиции, а также что он отправил с иеромонахом ценные донесения и письма для Санкт-Петербурга и опасался за его жизнь. Местной церкви был оставлен запас церковного вина. При этом мы также знаем, что на судне Беринга в течение всего плавания имелись воск и ладан.

Присутствие экспедиции в регионе повлияло на его развитие, распространение в нем православия. В своем донесении в Адмиралтейств-коллегию от 5 апреля 1730 г. Беринг писал, что на Камчатке при Нижнем остроге имеется одна церковь и зачинается монастырь, при этом на всей Камчатской земле один священник. При Верхнем и Большерецком острогах священнослужителей не имеется, а местные русские жители желают, чтобы при каждом остроге был определен священник. Также Беринг внес свои предложения в Сенат, предложив поместить среди местного якутского населения священников и учителей, благодаря чему «немалое число в христианскую веру можно привести» [27. С. 94–95].

22 декабря 1730 г. Правительствующий Сенат постановил построить церкви в Верхнем, Большерецком и Анадырском острогах и определить к двухпредельной церкви двух священников и диакона, а к другим по одному священнику с причетниками. Святейший Синод также предложил построить церковь в Охотске и «для успешнейшего нравственного перерождения камчадалов призвал за лучшее, сверх приходских священников, послать туда для служения и проповеди высшую духовную особу с образованием». Так формировалась вторая духовная миссия на Камчатку, возглавляемая игуменом Варфоломеем Филевским [8. С. 17–18].

В 1731 г. Сенат направил начальнику Охотского порта инструкцию, содержащую в том числе пункт о православии. В инструкции говорилось о строительстве камчатских церквей и определении в них «попов и причетников». Планировалось, чтобы «попы были сколько возможно люди искусные и во всяком бы остроге склоняли аманатов и других охотников учиться грамоте и показывали им закон христианский» [28. С. 99]. Помимо этого, предполагалось строительство школы в Охотске не только для грамоты, но и для «цифири и навигации».

На новые территории была принесена русская историко-культурная идентичность, распространены нормы и традиции православия. Своеобразной колыбелью распространения православия в Азиатско-Тихоокеанском регионе стала Нижнекамчатская церковь Успения Пресвятой Богородицы, освященная в 1741 г. Основой устройства храма в честь Петра и Павла в Авачинской губе на Камчатке, где Берингом было принято решение основать поселение Петропавловск, стала походная церковь Второй Камчатской экспедиции. Хочется отметить, что экспедиция при-

была в Авачинскую Губу (Суаачу) в 1740 г. на двух судах – «Св. Петр» и «Св. Павел», и от зимовки здесь этих судов Губа Авачинская переименовалась в Петропавловскую гавань, что весьма символично с точки зрения распространения православия в регионе – на новых землях утверждались названия в честь святых.

Во Второй Камчатской экспедиции были лица в священном сане. М.В. Бензин ошибочно полагал, что это были иеромонахи Иларион Трусов и Игнатий Козыревский, которые совершили первое православное богослужение у открытых экспедицией берегов Аляски. Но, как уже было сказано, оба миссионера потрудились на Камчатке и не были задействованы в экспедиции Беринга. На основании архивных документов установлены имена шести священнослужителей, назначенных в состав Второй Камчатской экспедиции в Тобольске и Иркутске, в исследовательской литературе упоминаются еще трое. Из них по возвращении из плавания к берегам Америки А.П. Чirikов сообщал лишь об одном – иеромонахе Дамаскине, в связи с продажей его имущества после его кончины. Однако дата его смерти пока не выяснена. Соответственно, и предположение о совершении Божественной литургии у берегов Аляски в 1741 г. остается как окончательно не доказанным, так и полностью не опровергнутым [29].

Представители государственных структур стали инициаторами обязательного и постоянного участия священнослужителей Русской Православной Церкви в экспедициях по изучению Азиатско-Тихоокеанского региона. Такое участие прослеживается и в ходе открытий, совершенных казаками в более ранних экспедициях – походах Ермака, плаваниях С.И. Дежнева, К. Соколова, экспедиции Ельчина и др., однако оно инициировалось самими участниками.

В ходе первых контактов русских с автохтонами АТР изучались их религиозные представления и культуры. Участнику Второй Камчатской экспедиции про-

фессору Г.Ф. Миллеру было поручено «для приращения познания о тех самых народах», выяснять, «какая есть в каждом народе вера и имеют ли они какую-нибудь естественную? и какое понятие имеют о боге и о вещах, до спасения принадлежащих, и какие наблюдают обряды при своем богослужении» [30]. Эти сведения облегчали миссионерам диалог с коренным населением региона. Ведь Россия в процессе освоения новых территорий полагалась в основном на свою культурную традицию, используя экономико-социальные методы взаимодействия с туземцами, чему в значительной степени способствовала Русская Православная Церковь. Уже после продажи Аляски США Россия благодаря православной традиции сохранила там свою материальную и духовную культуру в доброй исторической памяти [31. С. 130].

Заложенная в Петровскую эпоху норма о присутствии священнослужителей во время освоения новых территорий была использована купцами Г.И. Шелиховым и И.Л. Голиковым при отправлении Первой православной миссии на Аляску и вскоре стала обязательным элементом при дальнейшем ее освоении. Изучение Азиатско-Тихоокеанского региона было тесно связано с распространением в нем христианства. Это было обусловлено церковной политикой российских государей, начиная с Петра I, требовавших от Церкви формирования у автохтонов личности, ориентированной на интересы государства. Перед священнослужителями, которые направлялись на окраинные территории России, ставилась двуединая задача моральной поддержки российских первопроходцев и поселенцев, а также подготовки сознания присоединяемых народов к вхождению в состав империи в качестве подданных православного монарха. В результате деятельности миссионеров коренное население смогло более полно воспринять православное вероучение и русскую культурную традицию.

Список источников

1. Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени : в 2 ч. СПб. : Тип. Э. Веймара, 1861. Ч. 1. 464 с.; 1863. Ч. 2. 784 с.
2. Окунь С.Б. Российско-американская компания. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1939. 260 с.
3. Егорова Ю.С. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Российско-американской компании в контексте колониальной политики Российской империи на Аляске (1793–1867 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2015. 198 с.
4. Федорова С.Г. Русская Америка: от первых поселений до продажи Аляски. Конец XVIII века – 1867 год. М. : Ломоносовъ, 2011. 264 с.
5. Блэк Л.С., Болховитинов Н.Н. Путь на Новый Валаам: становление Русской Православной Церкви на Аляске // История Русской Америки (1732–1867). / отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М. : Междунар. отношения, 1997. Т. 1: Основание Русской Америки (1732–1799). С. 251–277.
6. Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. Т. 2. С. 210–216.
7. Черкасов А.Н., Петров Д.П., игумен Дионисий (Шленов), Саркисян К.Р. и др. Становление и утверждение Православия на Дальнем Востоке от первопроходцев до наших дней. М. : Фонд поддержки социально-ориентированных проектов и программ «Петропавловск», 2011. 607 с.
8. Громов П.В. Историко-статистическое описание Камчатских церквей. СПб., 1857. 119 с.
9. Покровский И. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы : опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования : в 2 т. Казань : Центр. Тип., 1913. Т. 2: XVIII в. 892 с.
10. Иерусалимский Ю.Ю., Давыдов В.В., Коскина М.М. Актуальные проблемы изучения Русской Америки в современной отечественной исторической литературе // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 130–142.
11. Софронов М.Ю. Распространение православия в Сибири. XVI–XVII вв. URL: <https://zaimka.ru/sofronov-orthodoxy/> (дата обращения: 02.08.2021).
12. Акишин М.О. Петр Великий и православная миссия среди народов Сибири. URL: <https://zaimka.ru/akishin-mission/> (дата обращения: 19.09.2021).
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 1. Д. 120.
14. Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XIX века : материалы к библиографическому словарю / науч. ред. Д.Н. Шилов. Иркутск : Иркут. обл. гос. универсальная науч. б-ка им. И.И. Молчанова-Сибирского, 2016. 87 с.
15. Тураев В.А. Русская Православная Церковь и коренные малочисленные народы Дальнего Востока (XVII–XIX вв.) // Вестник ДВО РАН. Археология и этнография. 2012. № 4. С. 85–93.

16. Из инструкции Сената В.И. Берингу об организации почты от Москвы до Охотска, перевозке провианта, принятии в российское подданство населения открытых земель // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. : сб. документов / гл. ред. Л.А. Нарочницкий. М. : Наука, 1984. С. 148–152.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 74. Д. 210. Л. 46.
18. Петров А., Ермолаев А., Коскина М. Петр I и рост интереса России к освоению Тихого океана, 1711–1722 // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9, № 1. С. 265–280.
19. Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М. : Наука, 1971. 300 с.
20. Текст «Чертежа Камчатальского Носу и морским островам», составленного И.П. Козыревским // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. : сб. документов / гл. ред. Л.А. Нарочницкий. М. : Наука, 1984. С. 46–52.
21. РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 111.
22. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 796. Оп. 2. Д. 760.
23. Белашов А. И. Роль Камчатских научных экспедиций под руководством В.И. Беринга в становлении православия на полуострове // Ветер веков в парусах России : материалы XX Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2003. С. 9–13.
24. Из экстракта из рапортов В.И. Беринга в Адмиралтейств-коллегию о прибытии в Тобольск, состоянии команды, провианта и леса для постройки судов и по другим вопросам // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. : сб. документов / гл. ред. Л.А. Нарочницкий. М. : Наука, 1984. С. 43–44.
25. Решение командного состава Первой Камчатской экспедиции по организационным вопросам, принятое перед отплытием с Камчатки // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. : сб. документов / гл. ред. Л.А. Нарочницкий. М. : Наука, 1984. С. 67.
26. Рапорт В.И. Беринга в Адмиралтейств-коллегию о ходе постройки бота Св. Гавриил и подготовке экспедиции к плаванию // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. : сб. документов / гл. ред. Л.А. Нарочницкий. М. : Наука, 1984. С. 68.
27. Предложение Беринга в Сенат о мерах по устройству жизни и быта населения Сибири и Камчатки в связи с деятельностью Первой Камчатской экспедиции // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. : сб. документов / гл. ред. Л.А. Нарочницкий. М. : Наука, 1984. С. 94–96.
28. Из инструкции Сената начальнику Охотского порта Г. Г. Скорнякову-Писареву о переселении в Охотск крестьян, развитии сельского хозяйства, строительстве пристани и верфи в Охотске, организации судостроения, развитии промыслов и торговли на Дальнем Востоке, исследовании Курильских островов и других вопросах // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. : сб. документов / гл. ред. Л.А. Нарочницкий. М. : Наука, 1984. С. 98–100.
29. Климент (Капалин), митр. К вопросу об участии священнослужителей во Второй Камчатской экспедиции // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2010. Вып. 2 (82). С. 219–224.
30. Инструкция Академии наук профессору Г.Ф. Миллеру об описании жизни народов Сибири и Камчатки // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. : сб. документов / гл. ред. Л.А. Нарочницкий. М. : Наука, 1984. С. 155.
31. Петров А.Ю., Комаров С.Г. Исторические традиции развития Русской Православной Церкви на Аляске и Алеутских островах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 23 (709). С. 129–145.

References

1. Tikhmenev, P.A. (1861, 1863) *Istoricheskoe obozrenie obrazovaniya Rossiysko-Amerikanskoy kompanii i deystviy ee do nastoyashchego vremeni* [A historical review of the formation of the Russian-American company and its actions to date]. Vol. 1–2. St. Petersburg: Tip. E. Veimara.
2. Okun, S.B. (1939) *Rossiysko-amerikanskaya kompaniya* [Russian-American company]. Moscow, Leningrad: Sotsekgiz.
3. Egorova Y.S. (2015) *Vzaimootnosheniya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi i Rossiysko-amerikanskoy kompanii v kontekste kolonial'noy politiki Rossiyskoy imperii na Alyaske (1793–1867 gg.)* [The relationship between the Russian Orthodox Church and the Russian-American Company in the context of the colonial policy of the Russian Empire in Alaska (1793–1867)]. History Cand. Diss. Yaroslavl.
4. Fedorova S.G. (1971) *Russkaya Amerika: ot pervykh poseleniy do prodazhi Alyaski. Konets XVIII veka – 1867 god* [Russian population of Alaska and California (late 18th century – 1867)]. Moscow: Lomonosov.
5. Blek, L.S. & Bolkhovitinov, N.N. (1997) Put' na Novyy Valaam: stanovlenie Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi na Alyaske [The way to the New Valaam: the formation of the Russian Orthodox Church in Alaska]. In: Bolkhovitinov, N.N. (ed.) *Istoriya Russkoi Ameriki (1732–1867)* [History of Russian America (1732–1867)]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 251–277.
6. Lotman, Yu.M. (1965) O ponyatii geograficheskogo prostranstva v russkikh srednevekovykh tekstakh [On the concept of geographical space in Russian medieval texts]. *Works on sign systems*. 2. pp. 210–216.
7. Cherkasov, A. N., Petrov, D. P., igumen Dionisiy (Shlenov), Sarkisyan, K. R. et al. (2011) *Stanovlenie i utverzhdenie Pravoslaviya na Dal'nem Vostoke ot pervopromyshlennosti do nashikh dney* [The formation and establishment of Orthodoxy in the Far East from pioneers to the present day]. Moscow: Foundation for Support of Socially Oriented Projects and Programs “Petropavlovsk.”
8. Gromov, P.V. (1857) *Istoriko-statisticheskoe opisanie Kamchatskikh tserkvey* [Historical and statistical description of the Kamchatka churches]. St. Petersburg: [s.n.].
9. Pokrovskii, I. (1913) *Russkie eparkhii v XVI–XIX vv., ikh otkrytie, sostav i predely: opyt tserkovno-istoricheskogo, statisticheskogo i geograficheskogo issledovaniya* [Russian dioceses in the 16th – 19th centuries, their discovery, composition and limits: Church-historical, statistical and geographical research]. Vol. 2. Kazan: Tsentral'naya tipografiya.
10. Ierusalimskii, Yu.Yu., Davydov, V.V. & Koskina, M.M. (2020) Current problems of studying Russian America in modern Russian historical literature. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 66. pp. 130–142. (In Russian).
11. Sofronov, M.Yu. (n.d.) (n.d.) *Rasprostraneniye pravoslaviya v Sibiri. XVI–XVII vv.* [The spread of Orthodoxy in Siberia. The 16th – 17th centuries]. [Online] Available from: <https://zaimka.ru/sofronov-orthodoxy/> (Accessed: 2nd August 2021).
12. Akishin, M.O. (n.d.) *Petr Velikiy i pravoslavnaya missiya sredi narodov Sibiri* [Peter the Great and the Orthodox Mission Among the Peoples of Siberia]. [Online] Available from: <https://zaimka.ru/akishin-mission/> (Accessed: 19th September 2021).
13. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 1. File 120.
14. Shilov, D.N. (ed.) (2016) *Pravoslavnye dukhovnye pisateli Vostochnoy Sibiri XVIII – nachala XIX veka: materialy k biobibliograficheskomu slovariyu* [Orthodox spiritual writers of Eastern Siberia of the 18th – early 19th centuries: Materials for the Bibliographic Dictionary]. Irkutsk: Irkut. obl. gos. universal'naya nauch. b-k a im. I.I. Molchanova-Sibirskogo.
15. Turaev, V.A. (2012) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i korennye malochislennye narody Dal'nego Vostoka (XVII–XIX vv.)* [Russian Orthodox Church and Indigenous Small Peoples of the Far East (17th – 19th centuries)]. *Vestnik DVO RAN. Arkheologiya i etnografiya*. 4. pp. 85–93.
16. Narochitskiy, L.A. (ed.) (1984a) *Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoy chasti Tikhogo okeana v pervoy polovine XVIII v.* [Russian expeditions to study the North Pacific Ocean in the first half of the 18th century]. Moscow: Nauka. pp. 148–152.
17. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 74. File 210. p. 46.
18. Petrov, A., Ermolaev, A. & Koskina, M. (2021) Peter the Great and Russia's Growing Interest in the Exploration of the Pacific Ocean, 1711–1722. *Quaestio Rossica*. 9(1). pp. 265–280. (In Russian). DOI: 10.15826/qr.2021.1.578

19. Efimov, A.V. (1971) *Iz istorii velikikh russkikh geograficheskikh otkrytiy* [From the History of the Great Russian Geographical Discoveries]. Moscow: Nauka.
20. Narochnitskiy, L.A. (ed.) (1984b) *Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoy chasti Tikhogo okeana v pervoy polovine XVIII v.* [Russian expeditions to study the North Pacific Ocean in the first half of the 18th century]. Moscow: Nauka. pp. 46–52.
21. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 1. File 111.
22. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 796. List 2. File 760.
23. Belashov, A.I. (2003) Rol' Kamchatskikh nauchnykh ekspeditsiy pod rukovodstvom V.Y. Beringa v stanovlenii pravoslaviya na poluostrove [The role of the Kamchatka scientific expeditions Vitus Bering in the formation of Orthodoxy on the peninsula]. *Veter vekov v parusakh Rossii* [The Wind of Centuries in the Sails of Russia]. Proc. of the 20th Kraxheninnikov Conference. Petropavlovsk-Kamchatsky. pp. 9–13.
24. Narochnitskiy, L.A. (ed.) (1984c) *Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoy chasti Tikhogo okeana v pervoy polovine XVIII v.* [Russian expeditions to study the North Pacific Ocean in the first half of the 18th century]. Moscow: Nauka. pp. 43–44.
25. Narochnitskiy, L.A. (ed.) (1984d) *Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoy chasti Tikhogo okeana v pervoy polovine XVIII v.* [Russian expeditions to study the North Pacific Ocean in the first half of the 18th century]. Moscow: Nauka. p. 67.
26. Narochnitskiy, L.A. (ed.) (1984e) *Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoy chasti Tikhogo okeana v pervoy polovine XVIII v.* [Russian expeditions to study the North Pacific Ocean in the first half of the 18th century]. Moscow: Nauka. p. 68.
27. Narochnitskiy, L.A. (ed.) (1984f) *Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoy chasti Tikhogo okeana v pervoy polovine XVIII v.* [Russian expeditions to study the North Pacific Ocean in the first half of the 18th century]. Moscow: Nauka. pp. 94–96.
28. Narochnitskiy, L.A. (ed.) (1984g) *Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoy chasti Tikhogo okeana v pervoy polovine XVIII v.* [Russian expeditions to study the North Pacific Ocean in the first half of the 18th century]. Moscow: Nauka. pp. 98–100.
29. Kapalin, K. (2010) K voprosu ob uchastii svyashchennosluzhiteley vo Vtoroy Kamchatskoy ekspeditsii [On the participation of clergy in the Second Kamchatka expedition]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. 2(82). pp. 219–224.
30. Narochnitskiy, L.A. (ed.) (1984h) *Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoy chasti Tikhogo okeana v pervoy polovine XVIII v.* [Russian expeditions to study the North Pacific Ocean in the first half of the 18th century]. Moscow: Nauka. p. 155.
31. Petrov, A.Yu. & Komarov, S.G. (2014) Istoricheskie traditsii razvitiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi na Alyaske i Aleutskikh ostrovakh [Historical traditions of the development of the Russian Orthodox Church in Alaska and the Aleutian Islands]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 23(709). pp. 129–145.

Сведения об авторах:

Петров Александр Юрьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: alaska13@yandex.ru

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин Герман Михайлович) – доктор исторических наук, ректор Калужской духовной семинарии, профессор Калужского государственного университета, председатель Издательского Совета Русской Православной Церкви (Калуга, Россия). E-mail: mkklg@ya.ru

Коскина Мария Михайловна – младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, аспирант факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета (Москва, Россия). E-mail: maria14678@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Petrov Alexander Yu. – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: alaska13@yandex.ru

Metroplitan Klement (Kapalin German M.) – Doctor of Historical Sciences, Rector of Kaluga Theological Seminary, Professor of Kaluga State University, Chairman of the Publishing Council of the Russian Orthodox Church (Kaluga, Russian Federation). E-mail: mkklg@ya.ru

Koskina Maria M. – Junior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, postgraduate student at the Faculty of History, Political Science and Law of Moscow State Regional University (Moscow, Russian Federation). E-mail: maria14678@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.06.2022; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 26.06.2022; accepted for publication 11.11.2022

Научная статья

УДК 94:929(571.1)''18/19''

doi: 10.17223/19988613/80/5

Два сибирских периода в жизни бывшего обер-прокурора Святейшего Синода В.Н. Львова

Николай Семёнович Ларьков

Томский государственный университет, Томск, Россия, larkov@mail.tsu.ru

Аннотация. На основе документов архива Управления Федеральной службы безопасности России по Томской области и периодической печати освещаются малоизвестные сибирские страницы жизни В.Н. Львова – бывшего обер-прокурора Святейшего Синода в составе Временного правительства России. Первый период пребывания в Сибири (осень 1918 – декабрь 1919 г.) был связан с его эвакуацией из Поволжья. Второй период (1927–1930) обусловлен арестом органами ОГПУ и последовавшей ссылкой из Москвы в Томск, где в феврале 1930 г. он вновь был арестован, обвинен в «контрреволюционной деятельности» в составе «антисоветской группы» и скончался 20 сентября 1930 г. в больнице изолятора специального назначения.

Ключевые слова: В.Н. Львов, Томск, Гражданская война, политические репрессии, Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ)

Для цитирования: Ларьков Н.С. Два сибирских периода в жизни бывшего обер-прокурора Святейшего Синода В.Н. Львова // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 46–55. doi: 10.17223/19988613/80/5

Original article

Two Siberian periods in the life of the former Chief Procurator of the Most Holy Synod V.N. Lvov

Nikolay S. Larkov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, larkov@mail.tsu.ru

Abstract. The author focuses on the little-known Siberian period in the life of Vladimir N. Lvov (1872 – 1930) – the former member of the III and IV State Dumas of Russia, the Chief Procurator of the Most Holy Synod (March – July 1917). The article is mostly based on the records of the archive of the Federal Security Service Directorate of the Russian Federation in Tomsk region and the materials of newspapers, published during the Russian Civil War. V.N. Lvov left revolutionary Petrograd and ran to the Volga region from where he was later evacuated because of the war. Like other refugees, the Lvov family headed to the East and temporarily settled in Tomsk. There began the first period of V.N. Lvov's life in Siberia (autumn 1918 – December 1919). The author refers to the facts from his interviews and public speeches in Tomsk, and those published in Omsk brochures where Lvov reminisced on the events that happened in Petrograd in 1917. The defeat of the White Army forced Lvov to leave Tomsk and move abroad. In Paris he joined the immigrant movement, that advocated the acknowledgement of the Soviet government in Russia. In 1922 he returned to the Soviet republic and joined the Renovationists movement that was used by the Bolsheviks to destroy the Russian Orthodox Church. The second Siberian period in the life of V.N. Lvov (1927–1930) began when he was arrested by the Joint State Political Department in Moscow and sent to Tomsk into the three-year exile. There, he taught foreign languages, but he lost his job in 1929 and dragged on a miserable existence. In February 1930, he was arrested by the Joint State Political Department (OGPU) of the Tomsk Region and accused of the counter-revolutionary actions within “an anti-Soviet group”. He was under arrest for seven months waiting for the sentence. After the Plenipotent Office of the Joint State Political Department in the Western-Siberian Kraihad found out that Tomsk chekists (secret service agents) falsified political cases, some of them (including the case of V.N. Lvov) were reopened. All of the accused were acquitted by the resolution of the Plenipotent Office of OGPU in the Western-Siberian Krai and set free. But a few days earlier, on September 20, 1930, V.N. Lvov died in the hospital ward of the Special purpose detention center in Tomsk. He was buried on the Voznesensky cemetery that was destroyed later. All in all, Lvov had to spend five years in Siberia. But he was not engaged in any kind of political or social activity when he was there as a refugee during the Russian Civil War or in his administrative exile under the Soviet rule.

Keywords: V.N. Lvov, Tomsk, Civil War, political repressions, Joint State Political Department, OGPU

For citation: Larkov, N.S. (2022) Two Siberian periods in the life of the former Chief Procurator of the Most Holy Synod V.N. Lvov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 46–55. doi: 10.17223/19988613/80/5

Томская губерния в условиях царского самодержавия на протяжении многих десятилетий была местом политической ссылки. Почти сразу же после прихода к власти большевиков ссылка возобновилась, и уже с 1923 г. Томск превратился в перевалочный пункт для административно-ссылных. К началу 1930 г. общее число политссылных в ее северном Нарымском крае составляло 300 человек. Многие отбывали ссылку непосредственно в Томске, в том числе искусствовед С.Н. Дурылин, троцкисты К. Радек, П.Н. Тарасов [1. С. 257]. В 1927 г. ряды ссылных Томска пополнил Владимир Николаевич Львов – бывший член Государственной думы России III и IV созывов, в марте–июле 1917 г. входивший в состав Временного правительства в качестве обер-прокурора Святейшего Синода. Здесь же в 1930 г. закончился и его жизненный путь.

Литература о жизни и деятельности этого известного в свое время российского политика ограничивается главным образом сравнительно небольшими биографическими публикациями [2; 3. С. 150–159] и статьями в энциклопедиях и справочниках. К настоящему времени наиболее обстоятельно исследована, пожалуй, лишь деятельность В.Н. Львова в качестве главы Святейшего Синода [4. С. 199–236, 387–433; 5]. По-прежнему практически не изученным остается сибирский период биографии Владимира Николаевича. «О его жизни в Томске сведений нет» [3. С. 158], – констатировали А.П. Львова и И.А. Бочкарёва – наиболее компетентные биографы старинного рода Львовых, оставившего заметный след в российской истории. В результате в некоторых публикациях до сих пор встречается ошибочная дата его смерти – 1934 год [6. С. 44].

Между тем еще в начале 1990-х гг. были обнародованы некоторые обстоятельства последних лет жизни и смерти В.Н. Львова благодаря открывшемуся тогда доступу к его архивному делу в Управлении Федеральной службы контрразведки (в настоящее время Управление Федеральной службы безопасности) России по Томской области. Результатом стала газетная публикация под рубрикой «Тайны томской “Лубянки”» [7. С. 14]. Позднее, после создания в Томске мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД», Владимиру Николаевичу была отведена одна из страниц «Мартиролога» на сайте музея, где размещено в том числе несколько документов из этого архивного дела [8]. В настоящей статье на основе документов архива Управления ФСБ России по Томской области, материалов периодической печати, а также некоторых других источников расширено представление о пребывании В.Н. Львова в Томске.

На территории Сибири Владимир Николаевич впервые оказался еще во время Гражданской войны. Предшествовали этому революционные события 1917 – начала 1918 г. Проработав в течение почти пяти месяцев в составе Временного правительства, в новый его состав,

сформированный в конце июля 1917 г., В.Н. Львов не был включен, однако некоторое время еще продолжал заниматься политикой. В августе 1917 г. он сыграл неоднозначно оцениваемую историками роль в событиях, связанных с выступлением генерала Л.Г. Корнилова в Петрограде, после чего был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, но затем переведен под домашний арест.

После прихода к власти большевиков бывший обер-прокурор бежал из-под ареста. Изменив внешность (сбрав бороду и усы), по поддельному паспорту он вместе с семьей перебрался сначала в Бугурусланский уезд, а летом 1918 г. – в Самару [3. С. 154], где тогда установилась антибольшевистская власть Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧа), которая распространялась на территорию Среднего Поволжья, Прикамья и Южного Урала. Во время пребывания в столице КОМУЧа в августе 1918 г. В.Н. Львов публиковался в местной газете «Волжский день» [4. С. 70].

В начале осени 1918 г. войска КОМУЧа потерпели ряд поражений от Красной Армии и были вынуждены оставить значительную часть занятой ими территории. Вместе с отступавшими войсками на восток хлынул поток беженцев. В сентябре 1918 г. по рекомендации французского консула В.Н. Львов вместе с женой, четырьмя сыновьями и дочерью выехал в Сибирь в отдельном вагоне, предоставленном Комитетом членов Учредительного собрания, с намерением в дальнейшем эмигрировать в Америку. Однако эвакуация Поволжья, по справедливому замечанию исследователя В.М. Рынкова, «происходила крайне неорганизованно» [9. С. 103]. Продвижение по железной дороге было медленным. Вдобавок супруга В.Н. Львова Мария Алексеевна заболела тифом. В результате семье пришлось сделать вынужденную остановку в Томске [3. С. 155].

Из общего потока в 100 тыс. беженцев, устремившихся осенью 1918 г. в Сибирь, около 20 тыс. должно было принять Томское губернское земство [9. С. 104]. Наблюдавшийся к тому времени в городе дефицит жилья обострился еще сильнее. По свидетельству местной газеты, «многие беженцы поселились по постоялым дворам, среди грязи и других невыносимых для интеллигентного человека условий. Счастливее те, кому удалось временно устроиться после долгих просьб у местных жителей» (цит. по: [10. С. 90]). В этой ситуации семье Львовых относительно повезло. За «неимением свободных помещений» руководство Томской городской управы разместило ее на положении беженцев в своем подвальном помещении [11]. Сыновья стали учиться в местном Алексеевском реальном училище.

В Томске В.Н. Львов оказался не позднее ноября 1918 г., о чем свидетельствует его упоминание о встре-

че здесь с епископом Уфимским Андреем (в миру князем Ухтомским) [11], который приезжал на Сибирский поместный церковный собор (Сибирское соборное церковное совещание), состоявшийся здесь с 14 ноября по 3 декабря 1918 г. [12]. В.Н. Львов был хорошо знаком с этим епископом, входившим в 1917 г. в состав Святейшего Синода.

Следы пребывания В.Н. Львова в Томске сохранила местная пресса, с представителями которой он встречался 29 января 1919 г. Информация об этой встрече появилась в эсеровском издании «Голос Сибири» [13] и в «Народной газете» – органе Томской губернской земской управы. Наиболее содержательный отчет о состоявшейся беседе представил сотрудник «Народной газеты» В. Сомов. Журналистов прежде всего интересовало мнение Владимира Николаевича об устройстве церковной жизни на освобожденной от большевиков территории. Одним из первых был задан вопрос о том, как бывший обер-прокурор Святейшего Синода оценивает создание министерства исповеданий в составе Совета министров Временного Российского (колчаковского) правительства и каковы должны быть его задачи. «Задач у этого министерства, – полагал В.Н. Львов, – нет и не может быть никаких... Поэтому Омскому министру исповеданий делать будет совершенно нечего, и создавать такое министерство не было никаких оснований», – тем более, что сфера его влияния распространялась на небольшую территорию. Учреждение министерства исповеданий, по мнению В.Н. Львова, являлось «напрасной тратой денег», а «должность министра исповеданий – синекура, предоставленная профессору Прокошеву». Его обязанности мог бы исполнять министр внутренних дел, по крайней мере «временно, до освобождения России». Скептически В.Н. Львов отнесся и к созданию министерства иностранных дел в условиях, когда Омское правительство «еще не признано за границей». Обязанности этого министерства, по мнению Владимира Николаевича, мог бы исполнять сам председатель Совета министров П.В. Вологодский. Попутно В.Н. Львов заметил, что все эти вопросы он ранее уже обсуждал с епископом Уфимским Андреем [11].

Спустя месяц в «Народной газете» в разделе «Хроника» появилось сообщение о том, что в субботу, 8 марта, в зале общественного собрания бывший обер-прокурор Синода В.Н. Львов прочитает свою поэму «Грех». Поскольку текст самой поэмы обнаружить не удалось, обратимся к упомянутой газетной хронике, где сообщалось, что поэма написана в стихах, содержит 7 глав, и что автор приступил к ее написанию, будучи еще молодым человеком, в 1892 г., и закончил лишь в 1906 г. (напомним, В.Н. Львов родился в 1872 г. в дворянской семье торжокского помещика Николая Александровича Львова, окончил историко-филологический факультет Московского университета). Далее излагалось краткое содержание поэмы: «Молодой богатый помещик, получивший высшее образование, забыв высокие заветы, о которых он слышал в высшей школе, под влиянием животной страсти силой отнимает у крестьянина молодую жену и не беспокоится о том, что под влиянием горя крестьянин умирает. Мысль

поэмы: сильный всегда будет обижать слабого». После чтения поэмы предполагалось ее публичное обсуждение [14. 27 фев.].

Представление поэмы состоялось «при большом стечении публики», о чем сообщал посетивший этот «литературный субботник» автор публикации в еще одной томской газете «Сегодня», скрывшийся под псевдонимом «Г-ес». Он так описывал свои впечатления от увиденного и услышанного: «Уже в коридоре Общественного собрания я заметил нового для Томска человека, высокого, статного, даже выделяющегося... Это и есть Львов, обривший бороду...». «Высокий, сохранившийся мужчина..., красив безусловно», в своем вступительном слове «не забывший упомянуть, что он был министром, говорит, что поэме – 15 лет, что это плод его юношеских трудов, последних лет студенчества». О поэтическом мастерстве автора Г-ес отозвался нелестно: «Льется глава за главою, следуют рифмы, такие рифмы, что знаешь 3 или 4 из них вперед». Однако публика, похоже, отнеслась к автору и его выступлению благосклонно: «Чтение кончается... Автор читает мораль. Раздаются аплодисменты» [15. 11 марта].

Через неделю в «Народной газете» появилось новое объявление. На этот раз В.Н. Львов решил обратиться к историко-политической проблематике: «В понедельник на 4-й неделе поста (24 марта по православному календарю на 1919 г. – *Н.Л.*) быв. прокурор Синода В.Н. Львов сделает в Общественном собрании в открытом заседании доклад на тему “История думского блока, революции и история Временного правительства”» [14. 15 марта]. В источниках не удалось обнаружить информацию о том, состоялось ли это выступление и было ли оно успешным.

Какой-либо иной общественно-политической деятельностью во время своего пребывания в Томске В.Н. Львов, судя по всему, не занимался. Вскоре после своих мартовских выступлений, оставив в Томске семью, он выехал в Омск, где располагались ставка Верховного правителя А.В. Колчака и Временное Российское правительство. Одним из документальных свидетельств пребывания В.Н. Львова в Омске может служить изданная им в столице Белой Сибири небольшая брошюра – воспоминания о его участии в событиях 1917 г. [16].

По свидетельству авторов книги «Из рода Львовых», семья Владимира Николаевича оказалась в Сибири без средств к существованию, поскольку при подготовке к отъезду все ценные вещи и семейные реликвии были закопаны в имении. Спасением стала иконка Божьей Матери, которую Мария Алексеевна захватила с собой и, вынимая из ее оклада бриллианты, меняла их на продукты. Она также стала давать уроки английского языка, не приносявшие, впрочем, заметного дохода, а после организации весной 1919 г. Томского отдела американского Красного Креста вместе с 16-летней дочерью Машей поступила на службу в эту организацию [3. С. 155]. Публичные выступления самого главы семейства в Томске, равно как и его отъезд в Омск, тоже были связаны, вероятно, с необходимостью пополнения семейного бюджета.

Между тем летом и осенью 1919 г. колчаковские войска, теснимые Красной Армией и сибирскими партизанами, откатывались все дальше на восток. В.Н. Львову пришлось покинуть столицу белой Сибири, оставленную 14 ноября колчаковцами, и вернуться к своей семье. В Томске в это время размещался штаб 1-й Сибирской армии во главе с ее командующим генерал-лейтенантом А.Н. Пепеляевым, пытавшимся организовать оборону на территории средней Сибири и остановить продвижение красноармейских войск. Однако деморализованные части белой армии уже не способны были к серьезному сопротивлению. Из Томска началась массовая эвакуация. Мария Алексеевна и дочь Маша как служащие Американского Красного Креста получили возможность выехать из города в американском эшелоне, где их семье была предоставлена половина вагона. Однако самого Владимира Николаевича как политического деятеля американцы взяли в свой эшелон отказались. С последним почтовым поездом ему все же удалось выехать во Владивосток. Не смог эвакуироваться только заболевший тифом старший 18-летний сын Николай, который служил в чине корнета в кавалерийском полку колчаковской армии. После выздоровления он был арестован сотрудниками ВЧК и приговорен к полуторалетнему заключению [3. С. 155, 175].

Разлучившись в Томске с членами своей семьи, В.Н. Львов с тех пор никого из них больше не увидел. В январе 1920 г. он эмигрировал в Японию, откуда вскоре перебрался во Францию. Примкнув в Париже к так называемому «сменовеховству», эмигрантскому движению, выступавшему за признание советской власти в России и отказ от борьбы с нею, Владимир Николаевич пошел на сотрудничество с большевиками. Через полпреда РСФСР в Германии Н.Н. Крестинского В.Н. Львов, по его словам, в 1922 г. «был вызван Лениным приехать в Советскую республику» [17. Л. 128–128 об.].

Большевистское руководство страны сумело толково использовать конформизм вернувшегося из эмиграции бывшего обер-прокурора. Он принял непосредственное участие в так называемом «обновленческом» движении, с помощью которого большевики пытались разрушить Русскую Православную Церковь как целостную организацию, навязать принцип соединения «теории классовой борьбы с учением Христа». На первых порах В.Н. Львов был назначен управляющим делами обновленческого Высшего церковного управления. Стремясь «заслужить доверие партии», тесно сотрудничал с такими активными разрушителями церкви, как П.А. Красиков (близкий соратник В.И. Ленина, заведующий отделом культов Народного комиссариата юстиции, впоследствии прокурор Верховного суда СССР), Е.А. Тучков (начальник VI (антирелигиозного) отдела Объединённого государственного политического управления (ОГПУ)), и другими советскими, партийными и чекистскими работниками. В.Н. Львов разработал одобренный, по его словам, П.А. Красиковым «план обновленческого движения» [Там же. Л. 128 об.], с разрешения ОГПУ читал во многих городах страны лекции по истории церкви и о современном ее состоянии. Антирелигиозная политика большеви-

ков, как известно, сопровождалась массовыми репрессиями, в результате которых в те годы погибли либо попали в лагеря и ссылку сотни церковнослужителей.

В конечном счете угодил в ссылку и сам Владимир Николаевич. В начале февраля 1927 г. он был арестован, заключен в Бутырскую тюрьму и по постановлению Коллегии ОГПУ от 29 апреля 1927 г. выслан из Москвы на 3 года в Сибирь. Основанием для ареста и ссылки стало обвинение в «экономической контрреволюции» в рамках дела издательского кооператива «Искра», к работе в котором В.Н. Львова привлек его знакомый В.В. Функе, предложивший редактировать экономические статьи готовившегося к печати десятилетнего издания «Возрождение и развитие промышленности, торговли и финансов СССР» [3. С. 158]. Впоследствии в своём заявлении в коллегию ОГПУ В.Н. Львов пояснял, что был арестован «по делу о кооперации Функе, к которой формально принадлежал, занимаясь литературными работами и совершенно не зная, что делается в самой кооперации» [17. Л. 128]. Местом ссылки стал уже знакомый ему город Томск, существенно изменившийся, однако, вследствие советских преобразований и утративший к тому времени статус губернского центра. Здесь он проживал в доме № 51 по ул. Тверской [18. Л. 31 об.]. Как административно-ссылный состоял на учете в окружном отделе ОГПУ, куда должен был регулярно являться на регистрацию.

Оказавшись в ссылке, Владимир Николаевич вынужден был искать работу, чтобы иметь средства к существованию. Содействие в трудоустройстве оказал Томский окружной отдел народного образования, направивший его в том же 1927 г. преподавателем на курсы иностранных языков [19. Л. 42 об.]. Примечательно, что вместе с ним на этих курсах трудились и другие изгнанники в Сибирь, в частности военный инженер, выпускник артиллерийской академии Александр Германович Витте, первоначально отбывавший наказание как «антисоветский элемент» в Вишерском лагере ОГПУ и затем высланный в Томск [20. Л. 23, 118], Фриц Вольфович Фишель (секретарь курсов), отбывший по постановлению ОГПУ трехлетнюю ссылку в Приангарье как «социально-опасный элемент» [Там же. Л. 51–51 об., 93–94]. Руководила курсами выпускница Мариинской Царскосельской гимназии Евгения Петровна Вартапетова (в девичестве Барескова), высланная на три года из Ленинграда в Сибирь «за контрреволюционную деятельность» (за руководство масонским кружком). Она имела опыт преподавания иностранных языков, в частности в Ессентукском и Кисловодском народных университетах [21, 22].

Постепенно сформировался круг знакомств В.Н. Львова, состоявший главным образом из ссыльной интеллигенции, прежде всего преподавателей курсов. Некоторые из них, в частности А.Г. Витте и Е.П. Вартапетова, как и сам Владимир Николаевич, имели дворянское происхождение. Томское окружение в какой-то степени компенсировало одиночество В.Н. Львова, на протяжении многих лет оторванного от семьи — жены, проживавшей с дочерью Марией в г. Харбине, сыно-

вей Николая, Василия, Григория и Ивана, о месте пребывания которых, по его словам, он ничего не знал [18. Л. 31].

Контора курсов размещалась у Е.П. Вартапетовой, где, по признанию В.Н. Львова, он бывал «почти каждый день». Здесь он встречался также с Борисом Николаевичем Вязьмитиновым (сыном бывшего главного управляющего Богдановскими фабриками в Санкт-Петербурге), который вместе с женой снимал в этом доме комнату, с родственником Е.П. Вартапетовой, выпускником Николаевского военного училища бывшим бароном Петром Васильевичем Розенбергом, с Сергеем Петровичем Верховским (сыном генерала П.В. Верховского, служившего во время Гражданской войны в Вооруженных силах Юга России в должности начальника Новороссийского порта, впоследствии эмигранта [23]), с Дмитрием Ивановичем Миловым (уроженцем Московской губернии, оказавшемся в Томске после трехлетнего пребывания в Соловецком лагере) [18. Л. 31 об.]. Здесь коллективно отмечались различные праздники – Новый год, Пасха, дни рождения хозяйки дома Е.П. Вартапетовой (6 января), здесь собирались также для игры в карты. В кругу мыслящей интеллигенции такие встречи не обходились обычно без разговоров о внутренней политике власти, проблемах экономики, настроениях среди населения, международном положении СССР и т.п. Велись такого рода разговоры и в доме Вартапетовой [18. Л. 31; 24. Л. 44 об.].

Между тем срок пребывания Владимира Николаевича в ссылке по амнистии был сокращен на одну четверть [3. С. 158] и в сентябре 1929 г. закончился. Томским окружным отделом ОГПУ 22 декабря 1929 г. ему было выдано шестимесячное удостоверение на право жительства в г. Томске без обязанности являться на регистрацию [20. Л. без номера]. Окончание ссылки В.Н. Львова совпало с судьбоносными событиями в истории СССР на рубеже 1920–1930-х гг. В руководстве коммунистической партии и советского государства верх одержала сталинская группировка, выступавшая за форсированную индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства. Осенью 1929 г. в экономике страны были окончательно сломаны рыночные механизмы. С изменением экономического курса, отказом от нэпа обострилась ситуация с продовольствием. В городах вводилась карточная система. Нормированное распределение продуктов началось в 1929 г. с хлеба, а затем распространилось на другие продукты питания. Для В.Н. Львова это обернулось серьезными материальными трудностями, поскольку зимой 1929–1930 гг. он оказался безработным. «В последнее время я голодал, лишившись всякого места [работы], и единственное место, где я кормился, была квартира Вартапетовой», – писал он в заявлении в коллегия ОГПУ [17. Л. 128 об.].

Одновременно с провозглашением И.В. Сталиным в декабре 1929 г. курса на «ликвидацию кулачества как класса» в стране существенно оживилась работа органов ОГПУ. Распространенной практикой стала фабрикация дел на «врагов народа» как в деревне, так и в городе. Волна репрессий захлестнула и Томский округ, где количество осужденных по делам Томского

окружного отдела ОГПУ в 1930 г. выросло более чем в 20 раз по сравнению предыдущим годом [25. С. 99]. В ночь на 21 февраля 1930 г. Владимир Николаевич был арестован и заключен под стражу. В постановлении об избрании ему меры пресечения уполномоченным Томского окружного отдела ОГПУ Алексеевым 21 февраля 1930 г. в качестве основания было указано, что «он является участником антисоветской группировки б[ывших] б[елых] офицеров и б[ывших] людей, занимался ведением антисоветской агитации и распространением провокационных слухов» [20. Л. 33].

В состав «контрреволюционной организации», большинство участников которой были арестованы двумя сутками ранее, 19 февраля, первоначально вошли 8 человек [26. Л. 1]. Помимо В.Н. Львова в ней оказались уже упоминавшиеся Б.Н. Вязьмитинов, А.Г. Витте, С.П. Верховский и Д.И. Милов, а также Анатолий Иванович Попов, Станислав Михайлович Станиславский-Опацкий и Иван Иванович Давыдов. Спустя неделю, 28 февраля, «контрреволюционную организацию» пополнили еще два участника – арестованные накануне Ф.В. Фишель и Михаил Иванович Королев. В результате «группировка» выросла до 10 человек [27. Л. 65, 67].

В качестве «бывших белых офицеров» фигурировали Б.Н. Вязьмитинов, А.И. Попов и выпускник Киевской школы прапорщиков поляк С.М. Станиславский-Опацкий. «Бывших людей» представляли имевшие дворянское происхождение В.Н. Львов, А.Г. Витте и С.П. Верховский, а также сын чиновника М.И. Королев. Вместе с ними в «группировку» попали выходец из крестьянского сословия торговый агент с начальным образованием Д.И. Милов, бухгалтер местного дрожже-винного завода И.И. Давыдов и имевший гражданство Чехословакии Ф.В. Фишель. Самым возрастным «контрреволюционером» был пятидесятивосьмилетний В.Н. Львов, а самым молодым – двадцатидевятилетний С.П. Верховский. Восемь из десяти арестованных уже отбывали ранее наказание, в том числе шестеро (Б.Н. Вязьмитинов, А.Г. Витте, А.И. Попов, С.П. Верховский, Д.И. Милов и С.М. Станиславский-Опацкий) – в Соловецком лагере особого назначения (где, кстати, они и познакомились между собой), В.Н. Львов – в Томске, Ф.В. Фишель – в Приангарье.

Кратковременному аресту, по словам Ф.В. Фишеля, 20 февраля 1930 г. была подвергнута и Е.П. Вартапетова, «бравировавшая всегда свою близость [к] Томск[ому] ОГПУ» [28. Л. 131]. Через три дня, однако, она была освобождена и в дальнейшем проходила по делу в качестве свидетеля. О «нахальстве» Вартапетовой, доходившем «до того, что она начала кичиться своими связями с ГПУ и говорила, что если она только захочет, то может посадить любого в тюрьму», писал в заявлении в коллегия ОГПУ Б.Н. Вязьмитинов [20. Л. 125]. О значительной роли показаний Е.П. Вартапетовой в фабрикации дела о «контрреволюционной организации» утверждалось впоследствии в постановлении Полномочного представительства ОГПУ по Западно-Сибирскому краю (Постановлением ВЦИК от 30 июля 1930 г. Сибирский край был разделен на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский

края) от 30 сентября 1930 г. [20. Л. 95]. Нетрудно предположить, что фабрикация этого дела была основана на материалах собственной агентуры Томского окружного отдела ОГПУ, которая имела, по утверждению исследователя В.Н. Уйманова, среди белых офицеров [29. С. 182]. Соответствующая агентура была тогда и в учебных заведениях, поэтому вряд ли учебные курсы, тем более иностранных языков, где трудился В.Н. Львов, оставались без пригляда томских чекистов. Что же касается непосредственно самого Владимира Николаевича, то нет ни прямых, ни косвенных свидетельств о его недостойном поведении по отношению к другим участникам уголовного дела. Между прочим, в воспоминаниях о нем отмечалось, что В.Н. Львов «всегда оставался человеком порядочным и на сознательную гадость неспособным» (цит. по: [4. С. 200]).

Следствие в отношении В.Н. Львова и других его подельников-«контрреволюционеров» было скорым. Уже 28 февраля 1930 г. уполномоченный контрразведывательного отделения (КРО) Томского окружного отдела ОГПУ Алексеев объявил о его прекращении [20. Л. 84]. В тот же день В.Н. Львову было предъявлено утвержденное начальником КРО Б.Д. Грушецким обвинение «в преступлении, предусмотренном 58-10, 11 ст.ст. УК, выразившемся в том, что он, являясь участником антисоветской группировки, возглавляемой б[ывшими] офицерами Поповым и Вязьмитиновым, участвовал во всех сборищах этой группы, где обсуждали мероприятия Соввласти, и помимо этого при каждом удобном случае Львов вел антисоветскую агитацию» [Там же. Л. 68–68 об.]. О содержании «антисоветской агитации» В.Н. Львова можно судить, в частности, по показаниям заведующего амбулаторией ВУЗ Л.Н. Зинченко, проходившего по делу в качестве свидетеля. На собраниях в квартире Вартапетовой, по его словам, «гр. Львов (левое крыло этой группы) всегда очень пространно доказывал, что СССР сейчас на пути к демократическому образу правления, что парламентаризм Англии должен служить примером; собиравшись по окончании срока ссылки попасть в Москву к товарищам Сталину, Рыкову, Литвинову с тем, чтобы получить у них командировку за границу, где он надеялся прочесть ряд лекций об СССР. Рассказывал о том, что в начале двадцатых годов он жил во Франции, выполняя миссию наркомата ин[остранных] дел по подготовке общественного мнения Франции к переговорам о признании СССР. Порицая троцкистов и левый уклон, говорил, что большой сдвиг вправо доказывает одемокрачивание партии» [24. Л. 44 об.–45]. И далее: «Львов – реакционер левого толка. Сторонник демократии, информировал как историк группу о революционных и реставрационных переворотах, выживает из ума, авторитетом большим не пользовался» [Там же. Л. 46 об.]. Не удержался от обличений в адрес В.Н. Львова и проходивший по делу в качестве обвиняемого Ф.В. Фишель, отмечавший, что у Вартапетовой во время обедов В.Н. Львов говорил: «Слишком жесткие и строгие меры применяются к людям, в частности ко мне, выслав меня безо всякой вины и данных. В советском [уголовном] кодексе нет грани между

жизнью и смертью. Он всегда гордился и восхвалял Временное правительство» [20. Л. 77 об.].

В ответ на обвинение В.Н. Львов заявил: «Виновным себя по существу предъявленного мне обвинения не признаю... Ни в каких группировках я не участвовал. По всей характеристике моей деятельности я не мог участвовать ни в какой антисоветской пропаганде, о чем могут засвидетельствовать все близко меня знающие как-то: тов. Карохан (имелся в виду Л.М. Каракхан – в 1921–1922 гг. полпред РСФСР в Польше, затем один из руководящих работников Народного комиссариата иностранных дел СССР. – Н.Л.), прокурор Республики Красиков, начальник церковного отделения Тучков...» [30. Л. 83 об.].

Спустя полгода в заявлении в коллегия ОГПУ в Москву В.Н. Львов утверждал, что Попова он «совершенно не знает», а с Вязьмитиновым, не зная его лично, встречался лишь на квартире Вартапетовой, где часто бывал. «Когда, пораженный этим обвинением, – писал В.Н. Львов, – я сказал следователю, что у меня есть революционные заслуги, которые делают такое обвинение невероятным, он мне отвечал, что он ничего не знает о моей заграничной деятельности. Итак, это обвинение невероятно, потому что оно противоречит всей моей деятельности за последние 10 лет». Далее В.Н. Львов перечислил свои «революционные заслуги» в бытность своего пребывания в Париже, главными из которых он считал: «1) рассказывание армии Врангеля»; 2) «первым поднял голос в парижской печати за признание Советской республики»; 3) «выступил за международную помощь голодающим в 1921 году»; 4) «открыто заявил о правоте Октябрьской революции и партии большевиков» [17. Л. 128].

Отказались признавать себя виновными и все другие участники «антисоветской группировки». Тем не менее в обвинительном заключении от 11 марта 1930 г. утверждалось, что «обвиняемые, как в прошлом, а также и [в] настоящий момент являются в условиях напряженной борьбы с кулачеством в деревне крайне вредным и опасным элементом, могущие при малейших осложнениях встать во главе к[онтр]р[еволюционного] движения против Соввласти с оружием в руках». Далее в документе предлагалось, «руководствуясь директивами П[олномочного] П[редставительства] ОГПУ по Сибкраю... дело предварительного следствия за № 299 направить в Особую тройку при ПП ОГПУ по СК для рассмотрения во внесудебном порядке» [20. Л. 90].

По итогам рассмотрения переданного в Новосибирск следственного дела сотрудник контрразведывательного отдела ПП ОГПУ по Сибирскому краю Лаврусюк подготовил постановление от 15 апреля 1930 г., утвержденное полномочным представителем ОГПУ по Сибкраю Л.М. Заковским. В отношении трех фигурантов этого дела – С.М. Станиславского-Опацкого, А.И. Попова и И.И. Давыдова – было постановлено «таковых из-под стражи освободить и дело следствием прекратить». Остальным, включая В.Н. Львова, обвинение по ст. 58-11 УК РСФСР было перекалфицировано через ст. 19 Уголовного кодекса [20. Л. 92–92 об.]. Все они продолжали содержаться в Томском изоляторе специального назначения. Пытаясь добиться

справедливости, узники обращались в вышестоящие инстанции. Так, Б.Н. Вязьмитинов написал заявление в коллегию ОГПУ в Москву [20. Л. 124–125], А.Г. Витте – в Полномочное представительство ОГПУ по Сибири [Там же. Л. 136], а Ф.В. Фишель – обращение в Чехословацкое консульство в Москве с одновременным объявлением голодовки [Там же. Л. 111–113]. Заявление в коллегию ОГПУ в Москву с копией прокурору по делам ОГПУ написал 7 сентября 1930 г. и В.Н. Львов [17. Л. 128–129]. Однако все эти рукописные обращения, похоже, так никуда и не были отправлены, пополнив материалы уголовного дела.

Между тем продолжительное пребывание в изоляторе специального назначения окончательно подорвало здоровье Владимира Николаевича, и без того ослабленное полуголодным существованием накануне ареста. Спустя полтора месяца после заключения под стражу в акте медицинского освидетельствования, проведенного 14 апреля 1930 г., В.Н. Львову был поставлен диагноз «артериосклероз, перерождение сердечной мышцы, паховая правосторонняя грыжа» и содержалось заключение: «В этап следовать пешком не может, к тяжелому физ[ическому] труду не способен» [20. Л. 97].

Спасение для «контрреволюционеров», ожидавших в течение семи месяцев приговора, пришло с неожиданной стороны. Им помогло излишнее усердие начальника контрразведывательного отделения Томского окружного отдела ОГПУ Б.Д. Грушецкого, который вместе с другими сотрудниками сфабриковал тогда – «для пользы дела» – несколько аналогичных дел, используя при этом провокационные методы ведения следствия, присваивая личные вещи арестованных. Наиболее массовым оказалось так называемое «Зачулымское дело», по которому в марте–апреле 1930 г. были арестованы, а 2 июня «особой тройкой» Полномочного представительства ОГПУ по Сибирскому краю осуждены по ст. 58-10-11 УК РСФСР 203 участника «контрреволюционной повстанческой организации», якобы существовавшей на территории бывших Зачулымского, Ново-Кусковского и Зырянского районов Томского округа, причем 186 из них приговорены к высшей мере наказания. Тогда же сотрудниками Томского окружного отдела ОГПУ были произведены аресты и 31 марта 1930 г. подготовлено обвинительное заключение на группу из 18 бывших белых офицеров, якобы участников «контрреволюционной офицерской организации» в Томске. Обвинительное заключение было скреплено подписью все того же Б.Д. Грушецкого и утверждено начальником Томского окружного отдела ОГПУ И.А. Мальцевым [29. С. 18, 181].

За фальсификацию «Зачулымского дела», а также за связь с неким «чуждым элементом» Б.Д. Грушецкий летом 1930 г. был арестован и в апреле следующего года по приговору Коллегии ОГПУ расстрелян. Наличие в деле Грушецкого политических обвинений стало поводом для его реабилитации в 1991 г. [31. С. 86–87]. Начальник Томского отдела ОГПУ И.А. Мальцев осенью 1930 г. был снят с занимаемой должности и переведен в другой регион.

В результате обнаруженных фальсификаций Полномочное представительство ОГПУ по Западно-Си-

бирскому краю пересмотрело также и уголовное дело в отношении В.Н. Львова и других участников «контрреволюционной организации». Было установлено, что основанием для их обвинения по ст. 58-11 УК РСФСР послужили показания свидетелей Е.П. Вартапетовой и Л.Н. Зинченко, причем отмечалось, что показания Вартапетовой «не отвечают действительности, показания ею даны исключительно под нажимом б[ывшего] нач[альника] КРО Томскокротдела ОГПУ Грушецкого, находящегося под следствием за аналогичные дела». В процессе пересмотра уголовного дела вторично были подвергнуты кратковременному аресту Е.П. Вартапетова и П.В. Розенберг, с которыми В.Н. Львову чаще всего доводилось ранее общаться [20. Л. 28 об., 131]. Результатом этого пересмотра стало постановление от 30 сентября 1930 г., подготовленное уполномоченным КРО ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю Аксеновым и утвержденное Полномочным представителем ОГПУ ЗСК Л.М. Заковским, гласившее: «Принимая во внимание, что других материалов, подтверждающих к.-р. деятельность обвиняемых в деле нет и руководствуясь ст. 204 УПК... настоящее дело за отсутствием состава преступления прекратить и сдать в архив», а всех обвиняемых «из-под стражи освободить» [20. Л. 95].

В итоге все «контрреволюционеры» обрели свободу, за исключением В.Н. Львова, которого к тому времени уже не было в живых. Последним приютом бывшего прокурора Святейшего Синода стала больница Томского изолятора специального назначения, заведующий которой 20 сентября 1930 г. подписал акт, составленный врачом Урванцевой и лекпомом Самсоновой, в котором констатировалось, что «сего числа в больнице умер больной заключенный Львов Владимир Николаевич, 58 лет. Причина смерти: упадок сердечной деятельности» [Там же. Л. 108].

В.Н. Львов был погребен на Вознесенском православном кладбище г. Томска в той его части, которая примыкала к тюрьме и использовалась для захоронений умерших заключенных. После принятого в 1951 г. исполкомом Томского городского совета решения о ликвидации Вознесенского кладбища и прилегавших к нему старообрядческого (единоверческого), еврейского и польского кладбищ эта территория была отведена под строительство в том числе новых корпусов завода «Сибкабель». Остатки кладбищенских памятников и надгробий были сброшены бульдозерами в овраг [32].

Трагичной оказалась судьба и большинства других участников «антисоветской группировки». Спустя три года вновь был арестован и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей А.И. Попов [33. Т. 2. С. 577]. Перебравшийся в Новосибирск А.Г. Витте работал доцентом Института военных инженеров транспорта и учителем школы № 55. Будучи вновь арестован в октябре 1937 г., осужден комиссией НКВД и Прокурора СССР к высшей мере наказания и 24 декабря того же года расстрелян [22]. С.П. Верховский, проживая в г. Кировске Мурманской области, работал инженером-механиком на машинно-прокатной базе треста «Кольскстрой». В июне 1937 г. также был арестован, обвинен в «шпионаже и участии в контрреволюционной террористической организации», осужден

Военной коллегией Верховного Суда СССР 4 ноября 1937 г. по ст. 58-6 УК РСФСР, приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян [34]. Ф.В. Фишель впоследствии жил в Кузбассе, заведовал кафедрой иностранных языков в Сибирском институте цветных металлов. В очередной раз был арестован 27 декабря 1937 г. и постановлением комиссии НКВД и Прокурора СССР приговорен к расстрелу [8]. Б.Н. Вязьмитинов, будучи арестован в июле 1941 г., обвинен 29 декабря того же года Иркутским областным судом по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР и приговорен к расстрелу [35].

Проходившая в качестве свидетеля Е.П. Вартапетова впоследствии заведовала кафедрой иностранных языков в Сибирском строительном институте в г. Новосибирске. Арестована 22 апреля 1935 г. по обвинению в антисоветской агитации и постановлением Особого совещания при НКВД в декабре 1935 г. приговорена к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывала на строительстве Беломоро-Балтийского канала. Впоследствии работала старшим преподавателем иностранных языков в Белорусской сельскохозяйственной академии в г. Горки Могилевской области [22]. Вместе с ней в апреле 1935 г. был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности входивший в круг общения В.Н. Львова в Томске П.В. Розенберг, работавший старшим экономистом Новосибирского отделения Сельхозбанка. Постановлением Особого сове-

щения при НКВД приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. Вновь арестован в 1937 г. и решением тройки Управления НКВД по Красноярскому краю в октябре того же года приговорен к высшей мере наказания [22].

Смерть избавила В.Н. Львова от новых, вполне ожидаемых такого же рода испытаний, уготованных тогда «социально чуждым» новой власти «бывшим» – дворянам, помещикам, чиновникам, офицерам, священнослужителям. И лишь в постсоветской России, после многих десятилетий забвения, его имя полноправно вернулось на страницы статей, книг, диссертаций, одновременно обретя свое скорбное место в многомиллионном мартирологе жертв политических репрессий.

В общей сложности около пяти лет вынужденно провел В.Н. Львов в Сибири. Первоначально – в качестве беженца во время Гражданской войны, впоследствии – в статусе административно ссыльного и политзаключенного. Будучи известным в России политическим деятелем, бывший обер-прокурор Святейшего Синода тем не менее в период правления колчаковского режима не принял сколько-нибудь значимого участия в общественно-политической жизни региона. Не пришел он ко двору и советской власти, использовавшей на первых порах в своих целях его конформизм, а затем изгнавшей в Сибирь, как оказалось, на гибель в условиях начавшегося в стране «великого перелома».

Список источников

1. Томск. История города от основания до наших дней. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 430 с.
2. Фруменкова Т.Г. К биографии В.Н. Львова // Из глубины времен. 1997. Вып. 9. 87–104.
3. Львова А.П., Бочкарёва И.А. Род Львовых. Торжок : Всерос. ист.-этногр. музей, 2004. 306 с.
4. Соколов А.В. Государство и православная церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. 810 с.
5. Редькина О.Ю. «Революционные» обер-прокуроры Святейшего Синода (март–июль 1917): В.Н. Львов и А.В. Карташев // Святейший Синод в истории российской государственности : сб. материалов Всерос. науч. конф. с международ. участием. СПб.: Президентская библиотека, 2017. С. 296–306. URL: <https://www.prlib.ru/item/708593> (дата обращения: 14.02.2022).
6. Россия. Год 1917. К 100-летию Великой русской революции : библиографические указатели книг / ГБУК г. Москвы «Центральная универсальная научная библиотека имени Н.А. Некрасова». М., 2017. 134 с.
7. Анопоченко А., Ларьков Н. По вызову Ленина // Томский вестник. 1994. 5 мая.
8. Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД» (структурное подразделение Томского областного краеведческого музея). URL: <https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/lvov-vladimir-nikolaevich/> (дата обращения: 19.01.2022).
9. Рышков В.М. «Сибирский бег»: вынужденные миграции на востоке России в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2014. Т. 9. С. 101–115.
10. Шевелев Д.Н. «А пока необходимо потесниться»: жилищный вопрос в городской повседневности и информационной повестке Томска в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 74. С. 87–97.
11. Сомов В. У бывшего обер-прокурора Синода В.Н. Львова // Народная газета. Томск. 1919. 31 янв.
12. Журавлев В. Сибирский Церковный Собор 1918 года // Живоносный Источник. 2011. № 1 (4). С. 46–47. URL: <https://www.academia.edu/41534111> (дата обращения: 29.08.2022).
13. В.Н. Львов о министерстве исповеданий (беседа с нашим сотрудником) // Голос Сибири. Томск. 1919. 31 янв.
14. Народная газета. Томск. 1919.
15. Г-ес. Осколки власти // Сегодня. Томск. 1919. 11 марта.
16. Львов В.Н. «Революционная демократия» и её вожди в роли руководителей политики Временного Правительства. Омск : Русское бюро печати, 1919. 14 с.
17. Заявление В.Н. Львова в коллегию ОГПУ от 07.09.1930 г. // Архив Управления Федеральной службы безопасности (УФСБ) России по Томской области. Арх.-уголов. дело П-100.
18. Протокол допроса В.Н. Львова от 25.02.1930 г. // Архив УФСБ по Томской области. Арх.-уголов. дело П-100.
19. Протокол допроса Е.П. Вартапетовой от 25.02.1930 г. // Архив УФСБ по Томской области. Арх.-уголов. дело П-100.
20. Архив УФСБ по Томской области. Арх.-уголов. дело П-100.
21. Никитин А.Л. Эзотерическое масонство в Советской России. Документы 1923–1941 гг. М. : Минувшее, 2005. URL: https://statehistory.ru/books/A-L-Nikitin_Ezotericheskoe-masonstvo-v-sovetskoy-Rossii--Dokumenty-1923-1941-gg/ (дата обращения: 18.02.2022).
22. Папков С.А. «Дело» работников Новосибирского краевого музея (1935 г.) // Исторический курьер. 2019. № 1 (3). Ст. 3. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-03.pdf> (дата обращения 10.01.2022).
23. Русская Эстония [проект Нарвского музея]. URL: <http://russianestonia.eu/index.php?title> (дата обращения: 14.02.2022).
24. Протокол допроса Л.Н. Зинченко от 26.02.1930 г. // Архив УФСБ по Томской области. Арх.-уголов. дело П-100.
25. Голоскоков И.В., Уйманов В.Н. На страже : очерки истории томских органов госбезопасности в биографиях их начальников. Томск : Красное знамя, 2008. 217 с.

26. Постановление уполномоченного КРО Томского окружного отдела ОГПУ от 21 фев. 1930 г. о принятии дела к производству // Архив УФСБ по Томской области. Арх.-уголов. дело П-100.
27. Постановление о предъявлении обвинения от 28 февраля 1930 г. // Архив УФСБ по Томской области. Арх.-уголов. дело П-100.
28. Заявление Фрица Фишеля // Архив УФСБ по Томской области. Арх.-уголов. дело П-100.
29. Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация : политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 734 с.
30. Протокол допроса В.Н. Львова от 1 марта 1930 г. // Архив УФСБ по Томской области. Арх.-уголов. дело П-100.
31. Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М. : Новый Хронограф ; АИРО-XXI, 2008. 608 с.
32. Виртуальный музей ГУЛАГа [база данных]. URL: <http://gulagmuseum.org/showObject.do?object=47104&language=1> (дата обращения: 11.01.2022).
33. Боль людская : книга памяти жителей Томской области, репрессированных в 1920-х – начале 1950-х гг. : в 3 т. / сост. В.Н. Уйманов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016.
34. Открытый список жертв политических репрессий в СССР [база данных]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Верховский_Сергей_Петрович_\(1901\)](https://ru.openlist.wiki/Верховский_Сергей_Петрович_(1901)) (дата обращения: 10.01.2022).
35. Вязьмитинов // Центр генеалогических исследований. URL: <https://rosгенеa.ru/familiya/vyaz'mitinov> (дата обращения: 15.09.2022).

References

1. Dmitrienko, N.M. (ed.) (1999) *Tomsk. Istoriya goroda ot osnovaniya do nashikh dnei* [Tomsk. The History of the City From Its Foundation to the Present]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Frumenkova, T.G. (1997) K biografii V.N. L'vova [To the biography of V.N. Lvov]. *Iz glubiny vremen*. 9. pp. 87–104.
3. Lvova, A.P. & Bochkareva, I.A. (2004) *Rod L'vovykh* [The Lvov Family]. Torzhok: Vseros. ist.-etnogr. Muzei.
4. Sokolov, A.V. (2014) *Gosudarstvo i pravoslavnaya tserkov' v Rossii, fevral' 1917 – yanvar' 1918 gg.* [State and Orthodox Church in Russia, February 1917 – January 1918]. History Dr. Diss. St. Petersburg.
5. Redkina, O.Yu. (2017) “Revolutsionnye” ober-prokurory Svyateyshego Sinoda (mart–iyul' 1917): V.N. L'vov i A.V. Kartashev [“Revolutionary” chief prosecutors of the Holy Synod (March – July 1917): V.N. Lvov and A.V. Kartashev]. In: *Svyateyskiy Sinod v istorii rossiyskoy gosudarstvennosti* [The Holy Synod in the History of the Russian Statehood]. St. Petersburg: Prezidentskaya biblioteka. pp. 296–306. [Online] Available from: <https://www.prlib.ru/item/708593> (Accessed: 14th February 2022).
6. Andreeva, E.M. et al. (2017) *Rossiya. God 1917. K 100-letiyu Velikoy russkoy revolyutsii: bibliograficheskie ukazateli knig* [Russia. 1917. To the Centennial of the Great Russian Revolution: Bibliographic indexes of books]. Moscow: The N.A. Nekrasov Central Universal Research Library.
7. Anopchenko, A. & Larkov, N. (1994) Po vyzovu Lenina [On the call of Lenin]. *Tomskiy vestnik*. 5th May.
8. Nkvd.tomsk.ru. (n.d.) *Memorial'nyy muzei “Sledstvennaya tyur'ma NKVD” (strukturnoe podrazdelenie Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya)* [Memorial Museum “Investigation Prison of the NKVD” (a structural subdivision of the Tomsk Regional Museum of Local Lore)]. [Online] Available from: <https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/lvov-vladimir-nikolaevich/> (Accessed: 19th January 2022).
9. Rynkov, V.M. (2014) “Siberian Race”: Forced Migration in the East of Russia During the Civil War (1918–1922). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya – The Bulletin of Irkutsk State University. History*. 9. pp. 101–115.
10. Shevelev, D.N. (2021) “In the meantime, we need to move up”: The housing shortage in the information agenda of Tomsk during the Civil War (1918–1919). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 74. pp. 87–97. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/74/10
11. Somov, V. (1919) U byvshego ober-prokurora Sinoda V.N. L'vova [At the former Chief Prosecutor of the Synod V.N. Lvov]. *Narodnaya gazeta (Tomsk)*. 31st January.
12. Zhuravlev, V. (2011) Sibirskiy Tserkovnyy Sobor 1918 goda [Siberian Church Council of 1918]. *Zhivonosnyy Istochnik*. 1(4). pp. 46–47. [Online] Available from: <https://www.academia.edu/41534111> (Accessed: 29th August 2022).
13. *Golos Sibiri (Tomsk)*. (1919) V.N. L'vov o ministerstve ispovedaniy (beseda s nashim sotrudnikom) [V.N. Lvov about the Ministry of Confessions (a conversation with our colleague)]. 31st January.
14. *Narodnaya gazeta (Tomsk)*. (1919).
15. G-es. (1919) Oskolki vlasti [The Shards of Power]. *Segodnya (Tomsk)*. 11th March.
16. Lvov, V.N. (1919) “Revolutsionnaya demokratiya” i ee vozhd i v roli rukovoditeley politiki *Vremennogo Pravitel'stva* [“Revolutionary Democracy” and its leaders in the role of leaders of the policy of the Provisional Government]. Omsk: Russkoe byuro pechati.
17. The Archive of the Office of the Federal Security Service (UFSB) of Russia for Tomsk Region. (1930a) *Zayavlenie V.N. L'vova v kollegiyu OGPU ot 07.09.1930 g.* [Statement by V.N. Lvov to the OGPU collegium dated September 7, 1930]. Case P-100.
18. The Archive of the Office of the Federal Security Service (UFSB) of Russia for Tomsk Region. (1930b) *Protokol doprosa V.N. L'vova ot 25.02.1930 g.* [Protocol of interrogation of V.N. Lvov dated February 25, 1930]. Case P-100.
19. The Archive of the Office of the Federal Security Service (UFSB) of Russia for Tomsk Region. (1930c) *Protokol doprosa E.P. Vartapetovoy ot 25.02.1930 g.* [Protocol of interrogation of E.P. Vartapetova dated February 25, 1930]. Case P-100.
20. The Archive of the Office of the Federal Security Service (UFSB) of Russia for Tomsk Region. Case P-100.
21. Nikitin, A.L. (2005) *Ezotericheskoe masonstvo v Sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923–1941 gg.* [Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923–1941]. Moscow: Minuvshee. [Online] Available from: https://statehistory.ru/books/A-L-Nikitin_Ezotericheskoe-masonstvo-v-sovetskoy-Rossii--Dokumenty-1923-1941-gg/ (Accessed: 18th February 2022).
22. Papkov, S.A. (2019) “Delo” rabotnikov Novosibirskogo kraevogo muzeya (1935 g.) [The “Case” of workers of the Novosibirsk Regional Museum (1935)]. *Istoricheskiy kur'er*. 1(3). Art. 3. [Online] Available from: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-03.pdf> (Accessed: 10th January 2022).
23. *Russian Estonia [Project of the Narva Museum]*. [Online] Available from: <http://russianestonia.eu/index.php?title> (Accessed: 14th February 2022).
24. The Archive of the Office of the Federal Security Service (UFSB) of Russia for Tomsk Region. (1930d) *Protokol doprosa L.N. Zinchenko ot 26.02.1930 g.* [Protocol of interrogation of L.N. Zinchenko dated February 26, 1930]. Case P-100.
25. Goloskokov, I.V. & Uymanov, V.N. (2008) *Na strazhe: ocherki istorii tomskikh organov gosbezopasnosti v biografiyakh ikh nachal'nikov* [On guard: essays on the history of the Tomsk state security agencies in the biographies of their chiefs]. Tomsk: Krasnoe znamya.
26. The Archive of the Office of the Federal Security Service (UFSB) of Russia for Tomsk Region. (1930e) *Postanovlenie upolnomochennogo KRO Tomskogo okruzhnogo otдела OGPU ot 21 fev. 1930 g. o prinyatii dela k proizvodstvu* [Decree of the authorized KRO of the Tomsk district department of the OGPU of February 21. 1930 on the acceptance of the case for proceedings]. Case P-100.
27. The Archive of the Office of the Federal Security Service (UFSB) of Russia for Tomsk Region. (1930f) *Postanovlenie o pred'yavlenii obvineniya ot 28 fevralya 1930 g.* [Decree on bringing charges of February 28, 1930]. Case P-100.
28. The Archive of the Office of the Federal Security Service (UFSB) of Russia for Tomsk Region. (n.d.) *Zayavlenie Fritsa Fishelya* [Statement by Fritz Fischel]. Case P-100.

29. Uymanov, V.N. (2016) *Likvidatsiya i reabilitatsiya: politicheskie repressii v Zapadnoy Sibiri v sisteme bol'shevistskoy vlasti (konets 1919 – 1941 gg.)* [Liquidation and rehabilitation: Political repressions in Western Siberia in the system of Bolshevik power (end of 1919 – 1941)]. Tomsk: Tomsk State University.
30. The Archive of the Office of the Federal Security Service (UFSB) of Russia for Tomsk Region. (1930) *Protokol doprosa V.N. L'vova ot 1 marta 1930 g.* [Protocol of interrogation of V.N. Lvov dated March 1, 1930]. Case P-100.
31. Teplyakov, A.G. (2008) *Mashina terrora: OGPU–NKVD Sibiri v 1929–1941 gg.* [Machine of terror: OGPU–NKVD of Siberia in 1929–1941]. Moscow: Novyy Khronograf; AIRO-XXI.
32. Gulag.useum.org. (n.d.) *Virtual'nyy muzey GULAGa [baza dannykh]* [Virtual Museum of the Gulag [a database]]. [Online] Available from: <http://gulagmuseum.org/showObject.do?object=47104&language=1> (Accessed: 11th January 2022).
33. Uymanov, V.N. (2016) *Bol' lyudskaya: kniga pamyati zhiteley Tomskoy oblasti, repressirovannykh v 1920-kh – nachale 1950-kh gg.* [Human pain: a book of memory of the residents of Tomsk Region, repressed in the 1920s – early 1950s]. Tomsk: Tomsk State University
34. Ru.openlist.wiki. (n.d.) *Otkrytyy spisok zhertv politicheskikh repressiy v SSSR [baza dannykh]* [Open list of victims of political repressions in the USSR [a database]]. [Online] Available from: [https://ru.openlist.wiki/Verkhovskiy_Sergey_Petrovich_\(1901\)](https://ru.openlist.wiki/Verkhovskiy_Sergey_Petrovich_(1901)) (Accessed: 10th January 2022).
35. The Center for Genealogical Research. (n.d.) *Vyaz'mitinov.* [Online] Available from: <https://rosgenea.ru/familiya/vyaz'mitinov> (Accessed: 15th September 2022).

Сведения об авторе:

Ларьков Николай Семёнович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: larkov@mail.tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Larkov Nikolay S. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History and Documentation of the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: larkov@mail.tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.10.2022; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 21.10.2022; accepted for publication 11.11.2022

Научная статья
УДК 93/94, 314.15
doi: 10.17223/19988613/80/6

Маятниковая миграция в городах РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.: размеры, потоки, структура

Николай Анатольевич Михалев

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия, n.mikhalev@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности маятниковой миграции в городах РСФСР по материалам Всесоюзной переписи населения 1970 г. Маятниковая миграция, которая понималась как ежедневные передвижения рабочих и служащих, а также учащихся средних и высших учебных заведений между местом жительства и местом работы (учебы), была учтена в 30 городах Российской Федерации и их пригородных районах. На основе первичных материалов переписи выделены основные типы городов по характеру и размеру миграции, выявлено соотношение прямой и обратной миграции, проанализированы характеристики маятниковых перемещений.

Ключевые слова: маятниковая миграция, городское население, Всесоюзная перепись населения 1970 г.

Для цитирования: Михалев Н.А. Маятниковая миграция в городах РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.: размеры, потоки, структура // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 56–65. doi: 10.17223/19988613/80/6

Original article

Commuting in the cities of the RSFSR according to the 1970 All-Union population census: scale, flows, structure

Nikolay A. Mikhalev

*Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation, n.mikhalev@mail.ru*

Abstract. The article considers the commuting patterns in the cities of the RSFSR according to the materials of the 1970 All-Union population census (the scale of commuting, its flows and structure). The 1970 census was the only Soviet census which program included a selective study of commuting. Commuting patterns defined as daily trips of workers and employees, as well as students of secondary and higher educational institutions between places of residence and places of their work/study, were studied in 96 cities of the USSR and their suburban areas. In the CSA of the USSR fund, located in the Russian State Archive of Economics, there are work sheets of 95 cities. Among these, the cities of the Russian Federation (RSFSR) represent a third, or 30 forms, which are the source of current research.

Russian cities included in the CSA sample were situated in all economic districts of the country with the exception of the Far East. The Center district was represented almost entirely (9 out of its 13 regions and 12 cities), as well as the Volga-Vyatka district (4 out of its 5 regions and 5 cities). The presence of the remaining districts was noticeably smaller and did not exceed 4 regions for each.

Based on the methodology proposed by B.S. Khorev, T.K. Smolina and N.G. Sominskaya, according to the commuting patterns, most of the cities were classified into three types: 1) the type of «working» city, which was characterized by the greatest size of direct migration (trips to places of work/study in the city); 2) the type of «exchange» city, distinguished for a significant intensity of commuting with a more balanced ratio of places of work/study and places of residence; 3) the type of «isolated» city, characterized by the smallest scale of commuting. The census materials also demonstrate that although the dominant direction of commuting was the one from the suburb to the city, there was also a reverse migration. The total indicator of share of the oncoming traffic to the suburban area compared with the incoming one was almost 15%.

The census provided complete data on the time commuters spent on their trips. According to it, the average time spent on inter-settlement trips significantly exceeded the time spent on intracity ones. For commuters arriving in the city, this difference was 1.4–2 times for arithmetic and median rates, for modal rate it reached 2.3 times. Bus and rail transport were the main modes of transport between settlements. In «suburb – city» direction they accounted for an average of 76.2% of the total passenger traffic, and in «city – suburb» – 69.5%. The next place in inter-settlement trips belonged to the electric transport, carrying up to 30% of migrants. In the structure of intracity trips the latter, on the contrary, played a leading role, providing the needs from 45 to 67% of all passengers.

To sum up, commuting was widespread in the early 1970s. In many cases it constituted a preparatory stage for the subsequent irretrievable migration to the city, being one of the mechanisms of urbanization.

Keywords: commuting, urban population, All-Union population census of 1970

For citation: Mikhalev, N.A. (2022) Commuting in the cities of the RSFSR according to the 1970 All-Union population census: scale, flows, structure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 56–65. doi: 10.17223/19988613/80/6

В России миграционные процессы всегда играли огромную политическую и социально-экономическую роль. Их значение было особенно велико в XX столетии, ставшем переломным во многих отношениях. Несмотря на то, что в качестве миграционного поля, отмечает А. де Танги, советское пространство было практически отрезано от внешнего мира, оно оставалось чрезвычайно динамичным на протяжении всего существования СССР [1. С. 323]. Одной из заметных составляющих этой динамики выступала маятниковая миграция, или регулярное перемещение населения из одного населенного пункта в другой на работу или учебу и обратно.

С этим явлением столкнулись еще в конце 1920-х – 1930-е гг. при составлении генпланов крупных городов, но массовое распространение маятниковой миграции пришлось уже на послевоенные десятилетия в связи с электрификацией пригородного железнодорожного транспорта и развитием сети пригородных и междугородных автобусных сообщений в городских поселениях [2. С. 295]. Согласно расчетам В.Г. Давидовича, к началу 1970-х гг. в масштабах СССР маятниковой миграцией было охвачено уже более 16 млн чел., которые совершали свыше 8 млрд маятниковых передвижений за год и которых он с полным основанием называл «страной на колесах» [3. С. 29; 4. С. 35]. Таким образом, без всестороннего анализа данного явления невозможна корректная оценка ретроспективной специфики миграционного профиля как России в целом, так и отдельных регионов в частности. Кроме того, учитывая, что маятниковая миграция – неизбежный спутник урбанизации, такой анализ неизбежно расширяет имеющиеся представления и о ее исторической динамике.

Первые отечественные работы, посвященные исследованию маятниковой миграции населения, появились во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. При этом свой вклад в развитие советской традиции ее изучения внесли представители разных отраслей научного знания [5. С. 6–7]. Так, экономико-демографические аспекты маятниковой миграции нашли отражение в работах А.Г. Вишневого, М.В. Курмана, В.Н. Лиходеда, И.М. Таборисской [6–13]. Ее роль во взаимодействии транспорта и расселения была показана Г.А. Гольцем и И.Г. Хасданом [14–15]. Географические аспекты маятниковой миграции в процессах формирования системы городского расселения СССР рассматривались Б.С. Хоревым и А.Х. Марксоо [2, 12, 16–18]. В.Г. Давидович и Ф.М. Листенгурт изучали трудовые маятниковые поездки в контексте градостроительных проблем развития современного города [3–4, 19–21]. Большая часть исследований, вышедших в советский период, базировалась на материалах Украины (Киев, Харьков), Белоруссии (Минск), Прибалтики (Таллин),

некоторых районов РСФСР (Москва, Нечерноземье). Для современных авторов ретроспективный аспект данной тематики не представляет особого интереса, хотя теоретические наработки советских ученых продолжают ими использоваться [22–25].

В связи с кратковременным характером маятниковой миграции, не подразумевающим смены постоянного места жительства, ее статистический учет был всегда затруднен [22. С. 43; 26. С. 48]. Источником изучения маятниковых перемещений в СССР являлись главным образом специальные анкетные обследования, материалы транспортной статистики и, в случае с сельским населением, материалы ежегодной сельскохозяйственной отчетности по форме № 9 (С) [27. С. 111–115; 28–29]. Особое место среди источников статистических данных о маятниковой миграции занимает Всесоюзная перепись населения 1970 г. – единственная советская перепись, которая предусматривала ее выборочное изучение. Маятниковая миграция, под которой в ходе переписи понимались ежедневные передвижения рабочих и служащих, а также учащихся средних и высших учебных заведений между местом жительства и местом работы (учебы), была учтена в 96 городах и их пригородных районах [30. С. 94].

Цель настоящей статьи – на основе материалов Всесоюзной переписи 1970 г. выявить особенности функционирования маятниковой миграции в городах РСФСР, определив ее размеры в поселениях разной категории людности, соотношение миграционных потоков и их структуру.

Согласно программе переписи в бланк учета маятниковой миграции (форма 4) было включено шесть вопросов: о поле, возрасте, категории мигранта (рабочий или учащийся), месте работы или обучения, месте жительства, времени, затрачиваемом на проезд от места жительства до места работы или обучения, а также числе пересадок в пути при пользовании средствами городского и пригородного транспорта [10. С. 110–112; 31. С. 31, 282]. В результате обработки собранных данных были получены следующие характеристики маятниковых перемещений для каждой из категорий мигрантов: 1) абсолютная величина миграционных потоков в сообщениях «пригород–город», «город–пригород», а для наиболее крупных городов – в сообщениях «город–город»; 2) распределение передвигающихся по видам используемого транспорта; 3) распределение передвижений по интервалам затрат времени (без времени ожидания транспорта) – менее 20 мин, 20–40, 40–60, 60–90, 90–120, 120 мин и более; 4) распределение передвигающихся по интервалам затрат времени на ожидание транспорта – 10 мин, 10–30, 30 мин и более; 5) распределение передвигающихся по количеству пересадок – одна, две, три и более.

Результаты этой статистической разработки были опубликованы только по Москве и Московской области. В шеститомном сборнике, выпущенном областным статуправлением с грифом ДСП, содержались материалы по каждому из 142 городских поселений и каждому району области [32, 33]. Итоги учета маятниковых передвижений по другим регионам РСФСР не публиковались, хотя частично были введены в научный оборот в ряде работ советских экономистов и географов [34–35; 36. С. 105–121].

Данное обстоятельство диктует необходимость обращения непосредственно к разработочным материалам переписи 1970 г. В фонде ЦСУ СССР, находящемся в Российской государственном архиве экономики, сохранились анкеты 95 городов СССР. Из них на долю городов Российской Федерации (РСФСР) приходится третья часть, а именно 30 анкет, которые и стали источником дальнейшего анализа. Какие именно российские города попали в выборку ЦСУ? Как показывает

табл. 1, они располагались во всех экономических районах страны за исключением Дальнего Востока. Однако представительство отдельных районов в выборке было различно. Практически целиком был представлен Центр (9 из 13 входивших в него регионов и 12 городов), а также Волго-Вятский район (4 из 5 регионов и 5 городов). Присутствие остальных районов было заметно меньшим и не превышало 4 регионов для каждого. В частности, из уральских территорий в выборку попали только Удмуртия, Оренбургская область и Башкирия, входившая тогда в Поволжский район. С точки зрения административного статуса подавляющее большинство городов составили центры соответствующих субъектов, включая два города республиканского подчинения (Москва и Ленинград). С точки зрения размеров городских поселений в выборке были представлены города почти всех категорий людности: 3 города из числа миллионеров, 5 городов из группы крупнейших, 10 – крупных, 10 – больших и 2 – средних.

Таблица 1

Города РСФСР, попавшие в выборку ЦСУ по обследованию маятниковой миграции при проведении переписи 1970 г.

Районы	Регионы	Города
Северо-Западный	РСФСР	Ленинград
Центральный	Брянская область	Брянск
	Владимирская область	Владимир, Ковров, Муром
	Ивановская область	Иваново
	Костромская область	Кострома
	Орловская область	Орел
	Рязанская область	Рязань
	Смоленская область	Смоленск
	Тульская область	Тула
	Ярославская область	Ярославль
Волго-Вятский	РСФСР	Москва
	Горьковская область	Горький, Дзержинск
	Кировская область	Киров
	Мордовская АССР	Саранск
	Чувашская АССР	Чебоксары
Центрально-Черноземный	Воронежская область	Воронеж
	Тамбовская область	Тамбов
Поволжский	Башкирская АССР	Уфа
	Пензенская область	Пенза
	Саратовская область	Саратов
	Татарская АССР	Казань
Северо-Кавказский	Ставропольский край	Ставрополь, Пятигорск
Уральский	Оренбургская область	Оренбург
	Удмуртская АССР	Ижевск
Западно-Сибирский	Тюменская область	Тюмень
Восточно-Сибирский	Иркутская область	Иркутск

Обобщая итоги обследования, проведенного в 1967 г. в городах Волго-Вятского экономического района и Новгородской области, Б.С. Хорев, Т.К. Смолина и Н.Г. Соминская для построения типологии городов по характеру маятниковой миграции адаптировали методику, разработанную польским градоведом С. Левинским [38]. В соответствии с ней на основе показателей численности живущих и работающих в данном городе (M), численности работающих в городе жителей пригородных районов (P) и численности горожан, работающих вне города (W), определяются коэффициент занятости ($Z = ((M + P + W)/M) \times 100$) и коэффициент общей маятниковой подвижности населения ($R = ((P + W)/M) \times 100$). Использование данной методи-

ки возможно только при условии, если известно значение показателя M . Как говорилось выше, учет передвижений в формате «город–город», который и представлял эти сведения, в ходе переписи был произведен лишь в части городских поселений. В результате сведения о внутригородских перемещениях отсутствуют для всех средних городов из выборки по РСФСР, значительной части больших (7 из 10) и ряда крупных (3 из 10). Поэтому рассчитанные по указанной методике коэффициенты относятся лишь к 18 из 30 городов, т.е. охватывают 60% выборки ЦСУ. Кроме того, учитывая критические замечания, высказанные в адрес используемой методики И.М. Таборисской [13. С. 79–81], эти коэффициенты были дополнены еще одним

показателем – долей маятниковых мигрантов в общем количестве лиц, работающих и учащихся в городе $((P/(M + P)) \times 100)$. На основе значений этих показателей города были разделены на несколько типов, выделенных Б.С. Хоревым и соавт. (табл. 2).

Тип «рабочего» города характеризуется наибольшими (по отношению к общему числу работающих / учащихся горожан) размерами прямой маятниковой миграции (поездки на работу / учебу в город). Другими словами, степень участия мигрантов в рабочей силе таких городов очень высока, а пригородные районы

выступают в данном случае как их своеобразные «жилые филиалы». К этому типу относились пять городов: три больших (Кострома, Орел, Смоленск) и по одному из категории крупных и крупнейших (Брянск и Воронеж соответственно). Среди городов этой группы наибольшей интенсивностью прямой маятниковой миграции отличались Брянск и Кострома, демонстрируя максимумы значений всех показателей. Так, удельный вес «загородников» в составе работающих в Брянске составил 60,8%, в Костроме – 73,1%, а учащихся – 24,2 и 48,7% соответственно.

Таблица 2

Среднеарифметические показатели маятниковой миграции населения в городах РСФСР по данным переписи 1970 г.

Типы городов	Коэффициент занятости, Z		Коэффициент общей маятниковой подвижности, R		Доля маятниковых мигрантов в общем количестве лиц, работающих и учащихся в городе	
	Рабочие и служащие	Учащиеся	Рабочие и служащие	Учащиеся	Рабочие и служащие	Учащиеся
Рабочий	195,5	–	110,0	40,8	40,2	22,5
Обменный	108,2	–	10,7	12,0	8,6	10,2
Изолированный	102,8	–	4,1	6,2	3,4	5,5

Примечание. Составлено и подсчитано по: [39. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 5819. Л. 15–16 об., 25–26 об., 33–34 об., 74–75 об., 76–77 об., 79–82, 101–102 об., 117–118 об.; Д. 5820. Л. 3–4 об., 14–15 об., 17–18 об., 47–50, 59–61, 62–63 об., 78–79 об., 81–82 об., 84–85 об., 117–118 об.].

Следующий тип – «обменный» город – отличается значительной интенсивностью маятниковых миграций при большей сбалансированности соотношения мест работы / учебы и мест жительства. Данный тип был представлен четырьмя городами: Тула из числа крупных, Ярославль из числа крупнейших, сюда же попали два миллионера – Горький и Москва. В Горьком удельный вес мигрантов числе работавших в городе составил 10,2%, а учащихся – 7,9%, в Москве – 8,2 и 14,4% соответственно.

Оставшиеся девять городов представляли «изолированный» тип, характеризовавшийся наименьшими по отношению к общему числу работающих / учащихся размерами маятниковой миграции. К этой категории относилось пять крупных города (Ижевск, Иркутск, Оренбург, Рязань, Тюмень) и три крупнейших (Казань, Саратов, Уфа). Сюда также попал миллионный Ленинград, который, по всей видимости, был

учтен в границах своего горсовета, включавшего обширные пригородные территории [36. С. 113].

Естественно, что доминирующим направлением маятниковых передвижений являлось направление из пригорода в город, который играл роль центра притяжения населения близлежащих территорий. Однако проведенные еще до переписи статистические исследования маятниковой миграции показали, что взаимосвязанное расселение предполагает поездки и в обратном направлении, т.е. от главного города к его поселениям-спутникам [2. С. 302–310; 18; 40]. Согласно результатам переписи, всего по 30 городам РСФСР суммарный показатель удельного веса встречного потока горожан в пригородную зону от числа приезжающих в город составил почти 15%. Вполне объяснимо при этом, что число учащихся в потоках обратной миграции было значительно меньшим, чем количество рабочих и служащих (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение суммарных показателей прямой и обратной маятниковой миграции в городах РСФСР по данным переписи 1970 г., %

Группы городов	Жители городов, работающие и учащиеся вне города (обратная маятниковая миграция) в % к прибывающим на работу и учебу в город (прямая маятниковая миграция)		
	Рабочие и служащие	Учащиеся	Итого
Миллионеры	19,8	6,4	18,2
Крупнейшие	7,3	2,0	6,9
Крупные	7,0	0,4	6,4
Большие	5,4	2,1	5,2
Средние	8,4	2,6	8,0
ВСЕГО	16,0	5,4	14,9

Примечание. Составлено и подсчитано по источникам табл. 2, а также по: [39. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 5819. Л. 23–24 об., 40–41 об., 68–69 об., 93–94 об., 99–100 об.; Д. 5820. Л. 5–6 об., 23–24 об., 29–30 об., 54–57, 65–66 об., 76–77 об., 97–98 об.].

По данным Б.С. Хорева, полученным в ходе разработки материалов упомянутого обследования 1967 г. группы городов Волго-Вятского района и Новгородской области, доля обратной маятниковой миграции имела выраженную тенденцию к увеличению от средних городов к малым [2. С. 302–303]. Данные переписи

фиксируют, что в городских поселениях более крупных категорий людности она в целом находилась примерно на одном уровне, оставаясь в интервале 5–8%. Исключение представляли лишь города-«миллионники», где она увеличивалась более чем в 2 раза. Нужно также отметить высокую вариативность этого

показателя во всех группах городов: его вариационный размах для категории рабочих и служащих составил в группе средних городов 13,5%, больших – 12,5%, крупных – 30,7%, крупнейших – 20,2%, миллионеров – 19,7%. Как минимум в случае с 18 указанными выше городами такие колебания объяснялись принадлежностью городов одной и той же категории людности разным типам по характеру маятниковой миграции. Именно поэтому максимальных значений доля обратной миграции достигала в «изолированных» и «обменных» городах, где объемы потоков прямой миграции были заметно меньше, чем в городах рабочего типа. К примеру, среди крупных городов названную разность крайних значений обратной миграции в 30,7% определили «изолированный» Оренбург и «рабочий» Брянск: у первого удельный вес обратной миграции составил 31,6%, а у второго – всего 0,9%. Среди крупнейших аналогичной парой стали Саратов и Воронеж (21,7 и 1,5%), а среди миллионеров – «изолированный» Ленинград и «обменный» Горький (25,6 и 5,9% соответственно).

Следующая характеристика маятниковых миграций, которую позволяють рассмотреть материалы переписи, – затраты времени на передвижение мигрантов до мест работы и учебы. Время поездок, которое принято считать «продолжением» времени основной работы / учебы, является важным фактором работоспособности и состояния здоровья мигрантов, производительности их труда и т.д. [13. С. 166–168]. Перепись 1970 г. позволила уточнить имевшиеся до нее представления о временных затратах на передвижение в различных видах сообщений. Так, В.В. Покшишевский, отказывая маятниковым поездкам в статусе миграций, считал, что они, скорее, представляют собой «образ жизни, пред-

полагающий повседневные загородные поездки... не отличающиеся от регулярного пользования внутригородским транспортом: подчас они отнимают... не больше времени, чем поездки в пределах города» [41. С. 14–15].

Итоги переписи, однако, наглядно показали, что средние затраты времени на межпоселенные поездки заметно превышали время, затрачиваемое на внутригородские перемещения (табл. 4). Так, для приезжающих в город эта разница для среднеарифметических и медианных значений составляла 1,4–2 раза, а для модальных доходила до 2,3 раз. При этом затраты времени «загородников» на передвижение из пригородных районов в город были в целом близки к временным затратам горожан на поездки в обратном направлении. Также обращает на себя внимание, что показатели времени как прямых, так и обратных мигрантов в «миллионниках» и крупнейших городах превышали таковые для групп городов меньшей людности.

Вместе с тем отношение между средним временем поездки и категорией людности не было жестким. Г.А. Гольц, обработав данные первичных материалов переписи по СССР в целом, выполнил анализ зависимости средневзвешенных затрат времени на трудовые передвижения от величины города. Она была оценена исследователем при помощи коэффициента корреляции, величина которого для внутригородских передвижений составила 0,35, для пригородных – 0,54. Такой сравнительно низкий уровень тесноты связи свидетельствовал о том, что на затраты времени на передвижение оказывала влияние не только людность, но и территориальные размеры городов и степень развития в них транспортной инфраструктуры [14. С. 147].

Таблица 4

Средние значения затрат времени маятниковых мигрантов на поездки к месту работы / учебы по данным переписи 1970 г., мин

Группы городов	Направление миграции								
	Пригород–Город			Город–Пригород			Город–Город		
	Средняя	Медиана	Мода	Средняя	Медиана	Мода	Средняя	Медиана	Мода
Миллионеры	73,7	71,6	72,4	73,0	70,9	73,0	37,9	35,1	31,6
Крупнейшие	66,2	63,2	67,5	66,7	62,9	68,9	34,7	45,8	29,6
Крупные	54,1	49,3	46,2	58,7	53,3	51,3	32,4	30,3	28,5
Большие	55,4	51,7	50,5	47,5	41,9	35,2	40,1	36,8	33,8
Средние	60,0	53,4	48,8	55,1	52,0	51,4	–	–	–

Примечание. Здесь и далее составлено и подсчитано по источникам табл. 2 и табл. 3.

Таблица 5

Распределение маятниковых мигрантов по времени, затрачиваемому на поездки к месту работы / учебы по данным переписи 1970 г., %

Время поездки, мин	Группа городов														
	Миллионеры			Крупнейшие			Крупные			Большие			Средние		
	П–Г	Г–П	Г–Г	П–Г	Г–П	Г–Г	П–Г	Г–П	Г–Г	П–Г	Г–П	Г–Г	П–Г	Г–П	Г–Г
менее 20	0,6	1,6	23,2	1,1	4,0	24,0	3,0	3,6	27,8	3,3	10,7	9,9	1,9	2,3	–
20–40	7,2	11,6	35,5	15,8	18,9	43,4	29,8	23,5	43,0	27,2	36,6	47,7	26,2	23,6	–
40–60	25,3	22,8	26,6	29,1	24,1	22,4	36,9	34,4	22,2	33,2	28,3	31,0	32,7	40,1	–
60–90	43,7	38,3	12,8	37,5	31,7	8,9	21,2	26,0	6,0	27,8	17,2	9,6	24,3	27,8	–
90–120	17,7	18,1	1,6	12,2	13,4	1,1	6,1	7,7	0,7	6,7	4,3	1,1	9,5	4,9	–
120 и более	5,5	7,6	0,3	4,3	7,9	0,2	3,0	4,8	0,3	1,8	2,9	0,7	5,4	1,3	–
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	–

Примечание. П–Г – Пригород–Город; Г–П – Город–Пригород; Г–Г – Город–Город.

С 1940-х гг. временной норматив передвижения от места жительства к месту работы был закреплён в строительных нормах и правилах СССР в виде требований обеспечивать затраты времени на трудовые передвижения для большей части населения в пределах 40 мин в одном направлении [14. С. 122]. В.Г. Давидович отмечал, что при расчетах трудовых поездок во взаимосвязанных населенных системах для крупных промышленных узлов – типа Свердловска, Челябинска, Кемерово и т.д. – следует исходить из максимального радиуса расселения в 60 мин. В условиях промышленных узлов средней величины с общей численностью населения городов и поселков порядка 40–60 тыс. жителей радиус может составлять 30–45 мин [19. С. 185].

Согласно средним показателям (см. табл. 4), только временные затраты на внутригородские поездки в целом укладывались в норматив. В соответствии с распределением затрат времени на перемещения в формате «город–город» от 58 до 71% горожан тратили на них до 40 мин, а к часовому интервалу относилось уже до 90% поездок (табл. 5). Данные, относящиеся к сообщениям «пригород–город», показывают, что в 40-минутном радиусе доступности проживало в среднем лишь 23% «загородников». Их доля составила 7,8% в «миллионниках», 16,9% в крупнейших, 32,8% в крупных, 30,5% в больших и 28,1% в средних городах. В пределах зоны 60-минутной доступности в среднем находилось уже до 56% мигрантов: соответственно 33,1, 46,0, 69,7, 63,7 и 60,8%.

Другими словами, в городах с населением до 500 тыс. чел. от 60 до 70% «загородников» тратили на дорогу до места работы или учебы не более одного часа. При этом наибольшая доля поездок, в среднем по этим трем группам городов составлявшая 34,3%, приходилась на интервал 40–60 мин, еще около 50% поездок почти поровну распределялись между интервалами 20–40 и 60–90 мин с незначительным перевесом первого (в среднем 27,7% против 24,4%). Поездки в «миллионниках» и крупнейших городах отличались более продолжительными маршрутами. В этих группах городов пиковым являлся интервал 60–90 мин, концентриро-

вавший максимальные 43,7 и 37,5% «загородников» соответственно, а интервал 40–60 мин занимал лишь второе место по распространенности. В результате доля мигрантов, оказавшихся за границей часового радиуса расселения, составила здесь 66,9 и 54,0% соответственно. Это обстоятельство приводило к тому, что модальное (наиболее типичное) значение продолжительности поездки составляло в «миллионниках» 72,4 мин, а в крупнейших городах – 67,5 мин. Распределение временных затрат в сообщениях «город–пригород» имело в целом аналогичную конфигурацию. Оно отличалось лишь несколько большей долей тех, кто тратил на поездки до 40 мин в группе больших городов (47,3 против 30,5% в сообщениях «пригород–город»), что сказалось на величине средних показателей по данной группе (так, мода составила 35,2 против 50,5 мин).

Второй составляющей временных затрат мигрантов, кроме непосредственно дороги, являлось ожидание транспорта. Доминирующим в этом отношении был интервал 10–30 мин, к которому относилось более половины всех категорий мигрантов во всех группах городов. В результате средние значения времени ожидания транспорта для прямых и обратных межпоселенных поездок составляли 15–19 мин, увеличиваясь при переходе от средних к большим городам и стабилизируясь примерно на одном уровне в городах трех наибольших категорий людности. Для внутригородских поездок этот показатель равнялся 13–18 мин, уменьшаясь по мере роста людности города (табл. 6). Следует отметить, что полученные в ходе переписи данные о времени, расходуемом на ожидание транспорта, оказались завышенными. Как указывает Г.А. Гольц, по транспортным обследованиям в больших городах с хорошо развитой транспортной системой время на ожидание составляло с учетом пересадок 5–6 мин, в средних городах – 7–8 мин, достигая в исключительных случаях 10–12 мин. Поэтому в целях более объективной оценки для внутригородских передвижений он считает необходимым принимать его равным 7 мин, а для пригородных – 10 мин [14. С. 145–146].

Таблица 6

Среднеарифметические значения затрат времени маятниковых мигрантов на ожидание транспорта при поездках к месту работы / учебы по данным переписи 1970 г., мин

Группы городов	Направление миграции		
	Пригород–Город	Город–Пригород	Город–Город
Миллионеры	16,1	16,8	13,3
Крупнейшие	16,5	17,1	16,5
Крупные	16,7	18,2	17,8
Большие	18,7	19,4	17,9
Средние	16,3	15,3	–

В ходе переписи были также собраны сведения о структуре поездок маятниковых мигрантов по видам используемого транспорта. Как показывают эти данные (табл. 7), основными видами транспорта в пригородных перемещениях для всех групп городов выступали автобус и железная дорога. В сообщениях «пригород–город» на них приходилось в среднем 76,2% общего пассажиропотока, а в сообщениях «город–пригород» – 69,5%. При этом доля автобусных поездок

увеличивалась с уменьшением категории людности города, достигая максимальных значений в городах с населением до 500 тыс. чел. Обращает внимание, что в потоках обратной миграции из города значение железнодорожного транспорта было заметно меньшим, чем в случае с прямыми потоками в город. На следующем месте по востребованности в межпоселенных поездках находился электротранспорт, перевозивший до 30% мигрантов. В структуре внутригородских перемещений

он, наоборот, играл ведущую роль, обеспечивая потребности от 45 до 67% всех пассажиров. Оставшаяся часть почти полностью обслуживалась при помощи автобуса, который, как и в пригородных поездках, уве-

личивал свою долю по мере уменьшения размера города (с 31% в группе «миллионников» до 53,2% в группе больших). Удельный вес железнодорожных перевозок в сообщениях «город–город» был незначительным.

Таблица 7

Распределение маятниковых мигрантов по видам транспорта, используемого при поездках к месту работы / учебы по данным переписи 1970 г., %

Вид транспорта	Группы городов														
	Миллионеры			Крупнейшие			Крупные			Большие			Средние		
	П–Г	Г–П	Г–Г	П–Г	Г–П	Г–Г	П–Г	Г–П	Г–Г	П–Г	Г–П	Г–Г	П–Г	Г–П	Г–Г
Метро	17,4	19,4	27,4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Трамвай	7,3	6,5	21,1	14,3	11,8	45,8	4,9	7,9	22,4	3,6	2,2	39,7	8,4	16,9	–
Троллейбус	5,2	5,6	14,6	10,5	16,1	21,6	14,9	12,7	32,2	19,4	30,5	5,2	0	0	–
Автобус	24,1	30,1	31,0	31,2	45,0	29,1	42,5	57,8	43,1	44,4	59,4	53,2	49,4	38,5	–
Железная дорога	44,4	34,3	5,2	41,4	19,5	2,7	34,3	16,0	1,0	28,2	4,7	0,9	41,2	42,2	–
Автомашина, мотоцикл, мотороллер, велосипед	1,6	4,1	0,7	2,6	7,6	0,7	2,3	5,3	1,3	4,4	3,2	1,0	1,0	2,3	–
Другие виды	–	–	–	–	–	–	1,1	0,2	–	–	–	–	–	–	–
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	–

Примечание. П–Г – Пригород–Город; Г–П – Город–Пригород; Г–Г – Город–Город.

Пользуясь общественным транспортом, часть мигрантов совершала пересадки. Больше их части, чтобы добраться до места работы или учебы, было достаточно сделать одну пересадку (табл. 8). Доля таких мигрантов, доходя до 80–90%, была наибольшей в городах всех категорий людности как в пригородных, так и во внутригородских сообщениях. В группе «миллионников» и средних городов удельный вес поездок с одной пересадкой был несколько меньшим, чем в остальных. Здесь около 30% поездок совершалось с двумя пересадками. Приведенные в табл. 8 данные по средним городам определяются немногочисленно-

стью этой группы, куда попали всего два городских поселения РСФСР (Муром и Пятигорск), а также тем, что в одном из них (Муроме) 89,2% «загородников» совершали поездки именно с двумя пересадками. Поездки с тремя и более пересадками имели заметную долю только в городах-миллионерах, для которых были характерны более сложные внутригородские перемещения населения. Нельзя не отметить и то, что в сообщениях «город–пригород» не только в миллионниках, но и в остальных группах городов удельный вес поездок с тремя и более пересадками был большим, чем в сообщениях «пригород–город» и «город–город».

Таблица 8

Распределение маятниковых мигрантов по количеству пересадок при поездках к месту работы / учебы по данным переписи 1970 г., %

Количество пересадок	Группы городов														
	Миллионеры			Крупнейшие			Крупные			Большие			Средние		
	П–Г	Г–П	Г–Г	П–Г	Г–П	Г–Г	П–Г	Г–П	Г–Г	П–Г	Г–П	Г–Г	П–Г	Г–П	Г–Г
Одна	56,1	46,9	63,0	84,4	71,3	86,4	85,3	70,1	82,7	69,0	79,1	94,2	23,1	69,3	–
Две	29,2	35,9	27,1	13,9	22,1	12,7	14,1	22,5	16,7	29,1	17,2	5,2	75,6	26,8	–
Три и более	14,6	17,2	9,9	1,7	6,7	0,9	0,5	7,4	0,6	2,0	3,6	0,6	1,2	3,9	–
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	–

Примечание. П–Г – Пригород–Город; Г–П – Город–Пригород; Г–Г – Город–Город.

В историографии неоднократно отмечалось, что XX в. прошел для России под знаком индустриализации и развивавшейся на ее волне урбанизации, которые определяли стратегическое направление модернизации страны. Именно урбанизация во второй половине века выполняла роль «главного дирижера» миграций, задавая главные координаты передвижений населения [42]. Само включение в программу Всесоюзной переписи изучения маятниковой миграции говорило о широких масштабах данного явления, которые, в свою очередь, свидетельствовали о формировании и все большем распространении взаимосвязанного расселения в сети

городов и поселков страны. При этом, как наглядно продемонстрировали итоги переписи, маятниковая миграция была характерна не только для пригородных зон крупнейших городов, но и для групп поселений, возглавляемых городами меньших категорий людности. Выступая одним из факторов распространения образцов и норм городской жизни [13. С. 155–164] и в целом ряде случаев выполняя роль подготовительной стадии последующей безвозвратной миграции в город [18], она тем самым являлась одним из механизмов урбанизации, способствовала дальнейшему расширению и углублению этого процесса.

Примечание

¹ Используется следующая классификация городов по величине: средние города – 50–100 тыс. жителей, большие – 100–250, крупные – 250–500, крупнейшие – 500–1 млн, города-миллионеры – свыше 1 млн [37. С. 43].

Список источников

1. Де Танги А. Размышления о миграции в постсоветских государствах // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 323–341.
2. Хорев Б.С. Проблемы городов : (экономико-географическое исследование городского расселения в СССР). М. : Мысль, 1971. 413 с.
3. Давидович В.Г. Расселение в пригородных зонах (количественные закономерности) // Расселение в пригородных зонах. М. : Мысль, 1971. С. 5–43. (Научные сборники Московского филиала Географического общества СССР. Вопросы географии; сб. 87).
4. Давидович В.Г. О взаимосвязанном расселении в городских агломерациях // Градостроительство и районная планировка. Киев : Будівельник, 1967. С. 32–35.
5. Прибыткова И.М. Трудовая маятниковая миграция населения (опыт комплексного экономико-социологического исследования) : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 1989. 33 с.
6. Вишневский А.Г. Особенности загородного расселения в Харьковской городской агломерации // Градостроительство. Вопросы расселения. Киев : Будівельник, 1966. С. 62–73.
7. Вишневский А.Г. Городские агломерации и экономическое регулирование их роста (на примере Харьковской агломерации) : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1967. 20 с.
8. Курман М.В. Анализ развития населения крупного социалистического города // Проблемы демографической статистики. М. : Наука, 1966. С. 298–322. (Ученые записки по статистике АН СССР; т. X).
9. Курман М.В., Лебединский И.В. Население большого социалистического города / под ред. А.М. Меркова. М. : Статистика, 1968. 200 с.
10. Курман М.В. Роль маятниковой миграции населения и методы ее изучения // Миграция населения РСФСР / отв. ред. А.З. Майков. М. : Статистика, 1973. С. 103–118.
11. Лиходед В.Н. Развитие маятниковой миграции сельского населения в СССР : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1977. 18 с.
12. Хорев Б.С., Лиходед В.Н. Житель села – работник города. М. : Финансы и статистика, 1982. 95 с.
13. Табориская И.М. Маятниковая миграция населения (теория, методология, практика). М. : Статистика, 1979. 176 с.
14. Гольц Г.А. Транспорт и расселение. М. : Наука, 1981. 248 с.
15. Хасдан И.Г. Социально-географические закономерности формирования и развития межселенных связей городов (на примере пассажирских связей городов БССР) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Минск, 1981. 21 с.
16. Марксоо А. Причинная структура миграционных потоков в системе расселения Эстонской ССР // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1974. Вып. 341: Труды по географии XII. С. 32–45.
17. Марксоо А. Закономерности демографической динамики системы расселения Эстонской ССР // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1977. Вып. 432: Труды по географии XVI. С. 50–87.
18. Марксоо А. О месте маятниковой миграции в территориальной подвижности населения // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1977. Вып. 432: Труды по географии XVI. С. 126–170.
19. Давидович В.Г. Расселение в промышленных узлах : (инженерно-экономические основы). М. : Госстройиздат, 1960. 324 с.
20. Давидович В.Г. Количественные закономерности расселения относительно мест работы // Расселение в городах (количественные закономерности) : сб. статей. М. : Мысль, 1968. С. 5–74.
21. Листенгургт Ф.М. Теория и практика городского расселения в СССР на этапе развитого социализма : автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 1978. 60 с.
22. Бочкарев А.Н. Методические аспекты изучения трудовой маятниковой миграции // Региональные исследования. 2017. № 3. С. 42–50.
23. Мальцева Е.С. Региональная трудовая миграция: современное состояние и проблемы регулирования. Орел : Изд-во ОФ РАНХиГС, 2013. 256 с.
24. Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М. : Новый хронограф, 2016. 504 с.
25. Шитова Ю.Ю. Маятниковая трудовая миграция в Подмосковье. Саранск : Изд-во Мордов. гос. ун-та, 2009. 188 с.
26. Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. М. : ТЕИС, 2004. 285 с.
27. Размещение населения в СССР: Региональный аспект динамики и политики народонаселения / Б.С. Хорев, Б.Н. Волынская, И.А. Данилова и др. М. : Мысль, 1986. 221 с.
28. Баркова Е.А. Теория и практика обследований расселения в городах СССР // Расселение в городах (количественные закономерности). Сб. статей. М.: Мысль, 1968. С. 75–129.
29. Шапошников С.В. Использование талонных обследований городского движения для характеристики расселения // // Расселение в городах (количественные закономерности) : сб. статей. М. : Мысль, 1968. С. 163–179.
30. Подъячих П.Г. Программа разработки итогов переписи населения 1970 г. // Всесоюзная перепись населения 1970 года : сб. статей / под ред. Г.М. Максимова. М. : Статистика, 1976. С. 81–103.
31. Подъячих П.Г. Программа и основные вопросы методологии Всесоюзной переписи населения 1970 г. // Всесоюзная перепись населения 1970 года : сб. статей / под ред. Г.М. Максимова. М. : Статистика, 1976. С. 9–48, 276–285.
32. Маятниковая миграция населения Московской области : на 15 января 1970 года. М., 1971. Ч. I–VI.
33. Исследование трудовых передвижений в Московской области : (по материалам переписи населения СССР, 1970 г.). М., 1973. 70 с.
34. Александрова Т.А. Трудовые ресурсы городов Поволжья и их использование // Проблемы размещения трудовых ресурсов / отв. ред. А.З. Майков. М. : Экономика, 1973. С. 65–75.
35. Кудинова Л.А. Анализ результатов передвижений трудящихся Ленинграда (по материалам Всесоюзной переписи населения) // Резервы роста производительности труда в городском хозяйстве Ленинграда : материалы науч.-практ. конф. «Все резервы производства – на выполнение решений XXIV съезда КПСС по ускорению темпов роста производительности труда» (5–7 июля 1971 г., Ленинград) / под общ. ред. Г.Н. Кириллова. Л. : Ленингр. дом науч.-техн. пропаганды, 1972. С. 219–222.
36. Миграционная подвижность населения в СССР / под ред. Б.С. Хорева, В.М. Моисеенко. М. : Статистика, 1974. 160 с.
37. Лаппо Г.М. География городов. М. : ВЛАДОС, 1997. 480 с.
38. Хорев Б.С., Смолина Т.К., Соминская Н.Г. Особенности маятниковой миграции населения в пригородных зонах небольших и средних городов (по материалам анкетного обследования) // Расселение в пригородных зонах. М. : Мысль, 1971. С. 114–124. (Научные сборники Московского филиала Географического общества СССР. Вопросы географии; сб. 87).
39. Российский государственный архив экономики (РГАЭ).
40. Города-спутники : сб. статей / отв. ред. В.Г. Давидович и Б.С. Хорев. М. : Географгиз, 1961. 195 с.
41. Покшишевский В.В. Миграции населения как общественное явление и задачи статистического их изучения // Ученые записки по статистике АН СССР. М. : Статистика, 1973. Т. XXI (специальный): Статистика миграции населения. С. 7–34.
42. Зайончковская Ж.А. Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России. 1999. № 4. С. 22–34.

References

1. De Tanguy, A. (2010) Razmyshleniya o migratsii v postsovetstskikh gosudarstvakh [Reflections on migration in the post-Soviet states]. *Antropologicheskii forum*. 13. pp. 323–341.

2. Khorev, B.S. (1971) *Problemy gorodov: (ekonomiko-geograficheskoe issledovanie gorodskogo rasseleniya v SSSR)* [Problems of cities: (an economic and geographical study of urban settlement in the USSR)]. Moscow: Mysl'.
3. Davidovich, V.G. (1971) *Rasselenie v prigorodnykh zonakh (kolichestvennye zakonomernosti)* [Settlement in suburban areas (quantitative patterns)]. In: Kovalev, S.A. et al. (eds) *Rasselenie v prigorodnykh zonakh* [Settlement in suburban areas]. Moscow: Mysl'. pp. 5–43.
4. Davidovich, V.G. (1967) *O vzaimosvyazannom rasselenii v gorodskikh aglomeratsiyakh* [On interconnected settlement in urban agglomerations]. In: *Gradostroitel'stvo i rayonnaya planirovka* [Urban and district planning]. Kiev: Budivel'nik. pp. 32–35.
5. Pribytkova, I.M. (1989) *Trudovaya mayatnikovaya migratsiya naseleniya (opyt kompleksnogo ekonomiko-sotsiologicheskogo issledovaniya)* [Labor pendulum migration of the population (experience of a comprehensive economic and sociological study)]. Abstract of Economics Dr. Diss. Moscow.
6. Vishnevskiy, A.G. (1966) *Osobennosti zagorodnogo rasseleniya v Khar'kovskoy gorodskoy aglomeratsii* [Suburban settlement in the Kharkov urban agglomeration]. In: *Gradostroitel'stvo. Voprosy rasseleniya* [Town-planning. Settlement Issues]. Kiev: Budivel'nik. pp. 62–73.
7. Vishnevskiy, A.G. (1967) *Gorodskie aglomeratsii i ekonomicheskoe regulirovanie ikh rosta (na primere Khar'kovskoy aglomeratsii)* [Urban agglomerations and economic regulation of their growth (a case study of the Kharkov agglomeration)]. Abstract of Economics Cand. Diss. Moscow.
8. Kurman, M.V. (1966) *Analiz razvitiya naseleniya krupnogo sotsialisticheskogo goroda* [The analysis of the population development of a large socialist city]. In: Volkov, A.G. (ed.) *Problemy demograficheskoy statistiki* [Problems of Demographic Statistics]. Moscow: Nauka. pp. 298–322.
9. Kurman, M.V. & Lebedinskiy, I.V. (1973) *Naselenie bol'shogo sotsialisticheskogo goroda* [The population of a large socialist city]. Moscow: Statistika.
10. Kurman, M.V. (1973) *Rol' mayatnikovoy migratsii naseleniya i metody ee izucheniya* [The role of the pendulum migration of the population and methods of its study]. In: Maykov, A.Z. (ed.) *Migratsiya naseleniya RSFSR* [Migration of the RSFSR population]. Moscow: Statistika, 1973. S. 103–118.
11. Likhoded, V.N. (1977) *Razvitie mayatnikovoy migratsii sel'skogo naseleniya v SSSR* [Development of pendulum migration of the rural population in the USSR]. Abstract of Economics Cand. Diss. Moscow.
12. Khorev, B.S. & Likhoded, V.N. (1982) *Zhitel' sela – rabotnik goroda* [A village dweller is a city worker]. Moscow: Finansy i statistika.
13. Taborisskaya, I.M. (1979) *Mayatnikovaya migratsiya naseleniya (teoriya, metodologiya, praktika)* [Pendulum migration of the population (theory, methodology, practice)]. Moscow: Statistika.
14. Golts, G.A. (1981) *Transport i rasselenie* [Transport and settlement]. Moscow: Nauka.
15. Khasdan, I.G. (1981) *Sotsial'no-geograficheskie zakonomernosti formirovaniya i razvitiya mezhseleennykh svyazey gorodov (na primere passazhirskikh svyazey gorodov BSSR)* [Socio-geographical patterns of formation and development of inter-settlement communications of cities (a case study of passenger communications of cities of the BSSR)]. Abstract of Geography Cand. Diss. Minsk.
16. Marksoo, A. (1974) *Prichinnaya struktura migratsionnykh potokov v sisteme rasseleniya Estonskoy SSR* [Causal structure of migration flows in the settlement system of the Estonian SSR]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 341. pp. 32–45.
17. Marksoo, A. (1977a) *Zakonomernosti demogeograficheskoy dinamiki sistemy rasseleniya Estonskoy SSR* [Patterns of demogeographical dynamics of the settlement system of the Estonian SSR]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 432. pp. 50–87.
18. Marksoo, A. (1977b) *O meste mayatnikovoy migratsii v territorial'noy podvizhnosti naseleniya* [On the role of pendulum migration in the territorial mobility of the population]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 432. pp. 126–170.
19. Davidovich, V.G. (1960) *Rasselenie v promyshlennykh uzлах: (inzhenerno-ekonomicheskie osnovy)* [Settlement in industrial hubs: (engineering and economic fundamentals)]. Moscow: Gosstroyizdat.
20. Davidovich, V.G. (1968) *Kolichestvennye zakonomernosti rasseleniya otnositel'no mest raboty* [Quantitative patterns of settlement in relation to places of work]. In: Davidovich, V.G. & Kudryavtsev, O.K. *Rasselenie v gorodakh (kolichestvennye zakonomernosti)* [Settlement in cities (quantitative patterns)]. Moscow: Mysl'. pp. 5–74.
21. Listengurt, F.M. (1978) *Teoriya i praktika gorodskogo rasseleniya v SSSR na etape razvitogo sotsializma* [Theory and practice of urban settlement in the USSR at the stage of developed socialism]. Abstract of Geography Dr. diss. Moscow.
22. Bochkarev, A.N. (2017) *Metodicheskie aspekty izucheniya trudovoy mayatnikovoy migratsii* [Methodological aspects of the study of labor commuting migration]. *Regional'nye issledovaniya*. 3. pp. 42–50.
23. Maltseva, E.S. (2013) *Regional'naya trudovaya migratsiya: sovremennoe sostoyanie i problemy regulirovaniya* [Regional labor migration: The current state and problems of regulation]. Orel: RANEPa.
24. Averkieva, K.V., Antonov, E.V., Kirillov, P.L., Makhrova, A.G., Medvedev, A.A. et al. (2016) *Mezhdu domom i... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii* [Between home and ... home. Reverse spatial mobility of the population of Russia]. Moscow: Novyy khronograf.
25. Shitova, Yu.Yu. (2009) *Mayatnikovaya trudovaya migratsiya v Podmoskov'e* [Pendulum labor migration in Moscow Region]. Saransk: Mordovia State University.
26. Moiseenko, V.M. (2004) *Vnutrennyaya migratsiya naseleniya* [Internal migration of the population]. Moscow: TEIS.
27. Khorev, B.S., Volynskaya, B.N., Danilova, I.A. et al. (1986) *Razmeshchenie naseleniya v SSSR: Regional'nyy aspekt dinamiki i politiki narodno-naseleniya* [Population distribution in the USSR: Regional aspect of population dynamics and policy]. Moscow: Mysl'.
28. Barkova, E.A. (1968) *Teoriya i praktika obsledovaniy rasseleniya v gorodakh SSSR* [Theory and practice of settlement surveys in the cities of the USSR]. In: Davidovich, V.G. & Kudryavtsev, O.K. *Rasselenie v gorodakh (kolichestvennye zakonomernosti)* [Settlement in cities (quantitative patterns)]. Moscow: Mysl'. pp. 75–129.
29. Shaposhnikov, S.V. (1968) *Ispol'zovanie talonnykh obsledovaniy gorodskogo dvizheniya dlya kharakteristiki rasseleniya* [Using coupon surveys of urban traffic to characterize settlement]. In: Davidovich, V.G. & Kudryavtsev, O.K. *Rasselenie v gorodakh (kolichestvennye zakonomernosti)* [Settlement in cities (quantitative patterns)]. Moscow: Mysl'. pp. 163–179.
30. Podyachikh, P.G. (1976a) *Programma razrabotki itogov perepisi naseleniya 1970 g.* [The program for the development of the results of the 1970 population census]. In: Maksimov, G.M. (ed.) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1970 goda* [All-Union population census of 1970]. Moscow: Statistika. pp. 81–103.
31. Podyachikh, P.G. (1976b) *Programma razrabotki itogov perepisi naseleniya 1970 g.* [The program for the development of the results of the 1970 population census]. In: Maksimov, G.M. (ed.) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1970 goda* [All-Union population census of 1970]. Moscow: Statistika. pp. 9–48, 276–285.
32. Anon. (1971) *Mayatnikovaya migratsiya naseleniya Moskovskoy oblasti: na 15 yanvarya 1970 goda* [Pendulum migration of the population of the Moscow region: on January 15, 1970]. Moscow: [s.n.].
33. Anon. (1973) *Issledovanie trudovykh peredvizheniy v Moskovskoy oblasti: (po materialam perepisi naseleniya SSSR, 1970 g.)* [Labor movements in Moscow Region: (based on the materials of the USSR population census, 1970)]. Moscow: [s.n.].
34. Aleksandrova, T.A. (1973) *Trudovye resursy gorodov Povolzh'ya i ikh ispol'zovanie* [Labor resources of the Volga region cities and their use]. In: Maykov, A.Z. (ed.) *Problemy razmeshcheniya trudovykh resursov* [Problems of Placement of Labor Resources]. Moscow: Ekonomika. pp. 65–75.
35. Kudinova, L.A. (1972) *Analiz rezul'tatov peredvizheniy trudyashchikhsya Leningrada (po materialam Vsesoyuznoy perepisi naseleniya)* [The analysis of the results of the movement of workers in Leningrad (based on the materials of the All-Union Population Census)]. In: Kirillov, G.N. (ed.) *Rezervy rosta proizvoditel'nosti truda v gorodskom khozyaystve Leningrada* [Reserves for the Growth of Labor Productivity in the Urban Economy of Leningrad]. Leningrad: Leningr. dom nauch.-tekhn. propagandy. pp. 219–222.
36. Khorev, B.S. & Moiseenko, V.M. (1974) *Migratsionnaya podvizhnost' naseleniya v SSSR* [Migration Mobility of the USSR Population]. Moscow: Statistika.

37. Lappo, G.M. (1997) *Geografiya gorodov* [Geography of Cities]. Moscow: VLADOS.
38. Khorev, B.S., Smolina, T.K. & Sominskaya, N.G. (1971) Osobennosti mayatnikovoy migratsii naseleniya v prigorodnykh zonakh nebol'shikh i srednikh gorodov (po materialam anketnogo obsledovaniya) [Peculiarities of pendulum migration of the population in the suburban areas of small and medium-sized cities (based on a questionnaire survey)]. In: *Rasselenie v prigorodnykh zonakh* [Settlement in Suburban Areas]. Moscow: Mysl'. pp. 114–124.
39. The Russian State Archive of Economics (RGAE).
40. Davidovich, V.G. & Khorev, B.S. (eds) (1961) *Goroda-sputniki* [Satellite Cities]. Moscow: Geografiz.
41. Pokshishevskiy, V.V. (1973) Migratsii naseleniya kak obshchestvennoe yavlenie i zadachi statisticheskogo ikh izucheniya [Population migrations as a social phenomenon and the tasks of their statistical study]. *Uchenye zapiski po statistike AN SSSR*. 21. pp. 7–34.
42. Zayonchkovskaya, Zh.A. (1999) Vnutrennyaya migratsiya v Rossii i v SSSR v XX veke kak otrazhenie sotsial'noy modernizatsii [Internal migration in Russia and the USSR in the 20th century as a reflection of social modernization]. *Mir Rossii*. 4. pp. 22–34.

Сведения об авторе:

Михалев Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, ученый секретарь Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия). E-mail: n.mikhalev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mikhalev Nikolay A. – Candidate of Historical Sciences, Scientific Secretary of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: n.mikhalev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.08.2019; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 06.08.2019; accepted for publication 11.11.2022

Научная статья
УДК 33:94 (551.150)
doi: 10.17223/19988613/80/7

Реформа заработной платы второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. в советской промышленности: причины, содержание, значение в системе мотивации труда (на примере предприятий Алтайского края)

Виктор Николаевич Разгон¹, Карина Павловна Прибыткова²

¹ *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, vrazgon@rambler.ru*

² *Независимый исследователь, Барнаул, Россия, pr.karina.p@gmail.com*

Аннотация. На основе анализа состояния сложившейся к середине 1950-х гг. в промышленности СССР системы оплаты труда выявлены причины необходимости ее реформирования. Выделены основные мероприятия реформы заработной платы второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. в области привлечения и закрепления на предприятиях рабочих кадров, а также стимулирования их интенсивного труда. На основе регионального и микроисторического подходов определены результаты реформы, дана оценка воздействия проведенных преобразований на эффективность системы мотивации труда рабочих.

Ключевые слова: мотивация труда, микроистория, заработная плата в СССР, Алтайский край

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Алтайского края, проект «Мотивация труда в промышленности Алтайского края в 1940–1980-е гг.», № 17-11-22001а(р), региональный конкурс «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном» 2017 – Алтайский край.

Для цитирования: Разгон В.Н., Прибыткова К.П. Реформа заработной платы второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. в советской промышленности: причины, содержание, значение в системе мотивации труда (на примере предприятий Алтайского края) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 66–77. doi: 10.17223/19988613/80/7

Original article

The Wage Reform of the Second Half of the 1950s – Early 1960s in the Soviet Industry: Causes, Content, Importance in the System of Work Motivation (on the Example of Enterprises of the Altai Territory)

Victor N. Razgon¹, Karina P. Pribytkova²

¹ *Altai State University, Barnaul, Russian Federation, vrazgon@rambler.ru*

² *Independent researcher (Barnaul, Russian Federation, pr.karina.p@gmail.com)*

Abstract. The article is aimed at identifying the reasons for the reform of the wage system in the Soviet industry in the second half of the 1950s and early 1960s. It also reveals the content of main directions of the reforms and assesses their significance in the system of employee motivation. The research was carried out on the basis of regional and microhistorical approaches. Two large machine-building enterprises of the Altai Territory were chosen as an object for study: a tractor plant in Rubtsovsk (ATZ) and a transport engineering plant (Transmash) in Barnaul. The authors studied two main directions in the implementation of the reform. First – the impact on the problem of labor turnover. The main measures included the reduction of the number of wage scales and their unification, as well as the establishment of the system of district coefficients for wages. The analysis of the results of these activities in the Altai industry showed that differences in the wages of workers of different ranks, working conditions and industries were preserved, which ensured a steady flow of personnel to the machine-building plants under study. The district coefficient introduced by the reform for the Altai Territory was canceled in several years, which made it impossible to provide increased wages in the region and, compensating for housing and other social problems, to reduce the high level of staff turnover. The second direction of reform was to increase the role of wages in stimulating intensive work by establishing a strict relationship between remuneration and labor results. The main method was the increase of the basic wages through the toughening of the norm setting. During the period of the active norm revision, the studied enterprises showed an increase in the growth

rates of labor productivity, but the effect was short-lived for several reasons: 1) factory managers were not deprived of the opportunity to influence the wages of workers; 2) the need to increase the earnings of the workers remained acute. The reasons for the acuteness of this need went beyond the wage system and, according to the authors, implied 1) the irregular character of the Soviet production determining the systematic use of overtime work, which created the need for managers to ensure the loyalty of workers; 2) technological condition of enterprises with obsolete equipment depriving of the opportunities to maintain wages while raising production rates; 3) high level of staff turnover. Already during the implementation of the reform, enterprises started to develop practices that ensured the growth of workers' salaries, but weakened the dependence of remuneration on labor results, which led to the decline in the productivity growth. Thus, despite the fact that the reform eliminated a number of deformations in the wage system, it did not have a sustainable positive impact on the effectiveness of compensation incentives.

Keywords: labor motivation; microhistory; wages in the USSR; Altai Territory

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the RFBR and the administration of the Altai Territory, the project "Motivation of labor in the industry of the Altai Territory in the 1940s–1980s", No. 17-11-22001a(r), the regional competition "Russian power will grow by Siberia and the Arctic Ocean" 2017 – Altai Territory.

For citation: Razgon, V.N., Pribytkova, K.P. (2022) Wage Reform of the Second Half of the 1950s – early 1960s in Soviet Industry: causes, Content, significance in the system of Labor Motivation (on the example of enterprises of the Altai Territory). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 66–77. doi: 10.17223/19988613/80/7

Изучение различных аспектов проблемы мотивации труда в СССР приобретает актуальность в связи с рассмотрением в современной историографии кризиса трудовых отношений в качестве одного из ключевых факторов разрушения советской модели социализма. С середины 1970-х гг. в промышленности СССР обозначилось устойчивое замедление темпов роста производительности труда. Вместе с тем и ранее в заводских трудовых коллективах наблюдались явления, которые явно демонстрировали низкий уровень мотивации рабочих к труду: высокая текучесть кадров, брак в производстве, массовый характер прогулов и опозданий. Анализ различных способов стимулирования, а также опыта их реформирования является необходимым элементом для понимания причин неспособности сложившейся в Советском Союзе системы мотивации труда обеспечить высокопроизводительный и качественный труд промышленных рабочих.

Исследование проблемы мотивации труда в СССР на примере промышленных предприятий Алтайского края в силу ряда особенностей развития региона обладает перспективами для более полной оценки воздействия различных факторов на реализацию способов трудового стимулирования. Во-первых, становление значительного числа предприятий происходило в экстраординарных условиях войны в ходе эвакуации промышленности, что обусловило более значительное, чем характерное для среднего советского завода, отставание улучшения условий труда и формирования жилищного фонда от развития производства. Во-вторых, алтайские города уступали промышленным центрам европейской части СССР в уровне развития социальной инфраструктуры, находясь в невыгодном в этом отношении положении даже в рамках сибирского региона. В совокупности указанные обстоятельства создавали заводским руководителям дополнительные сложности в процессе трудового стимулирования и могли повышать роль заработка в системе мотивации труда в качестве компенсирующего фактора.

В современной отечественной историографии изучение проблемы мотивации индустриального труда

в СССР представляет собой развивающееся направление исследований [1–4]. В качестве методологической основы для изучения процесса трудового стимулирования историки используют подход, предполагающий выделение трех групп способов мотивации: принуждение, материальное вознаграждение и морально-нравственные побуждения, которые в различных исторических условиях действовали в разнообразных сочетаниях [5]. Стимулы также возможно различать в зависимости от целей, на которые они направлены. Первая цель заключается в привлечении работников на предприятие, вторая – в побуждении к производительному и качественному труду на производстве [6. С. 7]. Главный способ материального вознаграждения представляет заработная плата. Ее общий уровень на том или ином предприятии выступает в качестве важного критерия при выборе места работы, а также играет компенсирующую роль в тяжелых производственных или бытовых условиях. В свою очередь, различные системы оплаты труда и условия их применения оказывают воздействие на мотивацию работать с той или иной степенью интенсивности (соответственно, производительности) и качества.

Реформа системы оплаты труда второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. (тарифная реформа, или, как она называлась в официальных документах, «упорядочение» заработной платы), представлявшая собой первое масштабное преобразование в системе оплаты труда с начала 1930-х гг., детально не изучена в отечественной историографии. В рамках разработки проблемы мотивации труда в СССР историками даны общие оценки воздействия реформы на систему материальных стимулов. По мнению исследователей, начиная со второй половины 1950-х гг. в области заработной платы государством проводилась сознательная уравнивательная политика [3. С. 250–253], в результате реализации реформы система оплаты труда стала более однообразной и уравнивательной, а значение заработка как стимула к труду упало [1. С. 102]. В исследованиях, посвященных изучению социально-экономической политики Н.С. Хрущева, проведенным в системе возна-

граждения за труд преобразованиям (главным образом осуществленному в рамках реформы повышению минимального размера заработной платы) также даны оценки общего характера. В качестве положительного результата отмечается рост заработной платы промышленных рабочих, отрицательного – обозначение тенденции к выравниванию размеров зарплаток различных категорий работников [7. С. 154], вследствие которой существенного повышения эффективности материального стимулирования не произошло [8. С. 183–184].

В зарубежной историографии наиболее полное исследование реформы оплаты труда второй половины 1950-х– начала 1960-х гг. проведено специалистом по рабочей истории советского периода Д. Фильцером [9; 10. Р. 92–120]. На основе публикаций журнала «Социалистический труд», который выпускался Государственным комитетом по труду СССР, историк выделил основные направления реформы и оценил их результаты. Главная цель преобразований, по мнению Д. Фильцера, заключалась в создании эффективной и централизованно-регулируемой системы материальных стимулов [9. Р. 90]. С точки зрения этой цели, как считает исследователь, реформа, несмотря на ряд положительных результатов, потерпела неудачу: вознаграждение за труд не было превращено в действенный стимул. Причина заключалась в проблемах, имманентно присущих советскому производству, на которые реформа не могла воздействовать: перебои в снабжении металлом и материалами, их низкое качество, неравномерная механизация производственных операций приводили к существенным потерям рабочего времени, штурмовщине и браку, что лишало рабочих возможностей контроля над результатами своего труда и дестабилизировало систему его оплаты [9. Р. 96–98, 106; 10. Р. 233, 234–236].

Цели настоящей статьи – выявление сложившихся к середине 1950-х гг. причин реформирования системы оплаты труда в советской промышленности, определение и анализ содержания основных направлений реформы, а также оценка значения проведенных преобразований в системе трудовой мотивации рабочих. Исследование выполнено на основе регионального и микроисторического подходов. Рассмотрение реформирования системы оплаты труда учитывает отмеченные выше особенности промышленного развития Алтайского края. В свою очередь, микроисторический подход, получивший широкое распространение в исторических исследованиях проблемы мотивации труда [2–3, 6], позволяет детально изучить процесс реализации реформы в конкретно-исторических условиях и выявить ее действительные результаты. В качестве объектов микроанализа были выбраны крупные машиностроительные предприятия, созданные в начале 1940-х гг. в результате эвакуации промышленности: Алтайский тракторный завод (АТЗ) в г. Рубцовске и завод транспортного машиностроения («Трансмаш») в г. Барнауле.

Основу источниковой базы исследования составила отложившаяся в Государственном архиве Алтайского края (ГААК) и Архивном отделе администрации г. Рубцовска делопроизводственная документация завода

«Трансмаш» и АТЗ, включающая годовые отчеты и объяснительные записки к ним, приказы руководства, отчеты по работе с кадрами, содержащие сведения о размерах заработной платы, динамике производительности труда, действиях руководителей в отношении нормирования и оплаты труда, которые дополнялись материалами фонда Краевого статистического комитета (ГААК), включающими данные о размерах средней заработной платы рабочих кадров в отраслевом разрезе, а также о распределении рабочих промышленных предприятий края по разрядам. В исследовании использовались отложившиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) материалы фонда Государственного комитета Совета министров СССР по вопросам труда и заработной платы (Госкомтруд), содержащие отчеты инспекций сотрудников Комитета о состоянии системы оплаты и нормирования труда на отдельных предприятиях и в рамках отраслей промышленности или регионов СССР. Привлекались материалы отчетной документации министерств транспортного, а также тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, отложившиеся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), которые позволили сопоставить происходившие в области вознаграждения за труд процессы на изучаемых заводах с аналогичными на родственных предприятиях.

Причины и цели реформы

Направления изучаемой реформы заработной платы обозначили Пленум ЦК КПСС в июле 1955 г. и XX съезд партии в феврале 1956 г. На новые условия оплаты труда уже в 1956 г. начали переводить предприятия угольной промышленности. В целом реформа оплаты труда содержала комплекс преобразований, осуществление которых сопровождалось переходом предприятий на 7-часовой рабочий день (в отдельных отраслях на 6-часовой) и окончательно завершилось к 1962 г. На рассматриваемых заводах основные мероприятия реформы реализовывались в конце 1959–1960 гг.

Система вознаграждения за труд, которая сложилась в промышленности СССР к середине 1950-х гг., не соответствовала одному из центральных положений марксистско-ленинской идеологии – принципу распределения по труду, или «равной оплаты за равный труд» при социалистическом строе, смысл которого заключался не в установлении одинаковых размеров заработной платы, а в создании такой системы оплаты труда, которая с учетом условий и сложности труда создавала равные возможности для достижения рабочими желаемого уровня заработка и обеспечивала прямую зависимость между результатами труда и его оплатой. Реализация этого принципа до наступления коммунистической стадии развития советского общества, при которой труд превращался в «базовую жизненную потребность», должна была создавать у рабочих материальную заинтересованность в повышении производительности своего труда.

Несоответствие принципу распределения по труду заключалось в следующем. Основой государственного регулирования процесса оплаты труда в промышлен-

ности СССР выступала тарифная система, главным элементом которой были тарифные сетки, созданные для отдельных групп рабочих, выделенных исходя из формы оплаты труда (повременная или сдельная) и производственных условий (нормальные, а также тяжелые и вредные). Тарифная сетка представляла собой шкалу, содержащую тарифные ставки¹, размер которых дифференцировался в зависимости от разряда рабочего. Тарифная система не подвергалась значительному реформированию после проведения реформы оплаты труда в 1931–1933 гг. За период с 1940 по 1958 г. размеры тарифных ставок в промышленности были увеличены на 35–40% [11. Оп. 1. Д. 11. Л. 100], при этом средняя месячная заработная плата рабочих возросла с 34,1 до 87,2 руб.², или в 2,6 раза, в том числе в машиностроении – с 40,9 до 87,9 руб., или в 2,1 раза [Там же. Оп. 3. Д. 15. Л. 2; Д. 90. Л. 209]. На АТЗ с 1942 по 1958 г. средняя зарплата рабочих выросла в два раза – с 45 до 91 руб. в месяц [12. Оп. 3. Д. 824. Л. 50]. Достижение этого роста было обеспечено за счет выработанной заводскими руководителями в военные и послевоенные годы системы практик, которые повышали общий уровень заработной платы рабочих, но при этом нарушали зависимость между вознаграждением и результатами труда, порождая уравнивание в его оплате. Необходимость повышения доходов рабочих для администрации предприятий создавала высокая текучесть кадров: завод «Трансмаш» в годы войны по разным причинам в среднем ежегодно покидали 28% рабочих, в послевоенное десятилетие – 33%, АТЗ – 53 и 36% соответственно [13. Оп. 1. Д. 218. Л. 88; Д. 467. Л. 51; Д. 228. Л. 34; Д. 262. Л. 31; Д. 268. Л. 39; 14. Оп. 1. Д. 38. Л. 76; Д. 39. Л. 63; Д. 41. Л. 91; Д. 42. Л. 47; Д. 47. Л. 17].

Изучение делопроизводственной документации АТЗ и завода «Трансмаш» позволило выделить следующие практики, направленные на увеличение доходов рабочих. Ввиду большей интенсивности труда и возможности строго фиксировать его результаты тарифные ставки сдельщиков превышали ставки повременщиков, поэтому в военные и первые послевоенные годы на изучаемых предприятиях по сдельной системе тарифицировались широкие группы рабочих: от слесарей-ремонтников основного производства до вспомогательных работников – уборщиков, грузчиков и кладовщиков [13. Оп. 2. Д. 173. Л. 1–4], чей труд слабо поддавался учету. Данное явление было широко распространено на предприятиях страны и получило название «фиктивная сдельщина».

Размер заработков рабочих, которые находились на сдельной системе оплаты труда, зависел от показателя выполнения ими действовавших на предприятиях норм выработки³. В протоколах заводских партсобраний и приказах директоров изучаемых предприятий в 1940–1950-е гг. регулярно отмечались случаи приписок мастеров к реальной выработке сдельщиков [13. Оп. 1. Д. 62. Л. 152; 15. Оп. 1. Д. 376. Л. 3–6 об.]. Кроме того, заводские руководители старались сохранить заниженные нормы, что подтверждается высоким уровнем их выполнения на предприятиях. К примеру, на АТЗ в октябре 1944 г. средний показатель выполне-

ния норм составил 159%, в 1946 г. – 155%, в 1950 г. – 145% [16. Оп. 1а. Д. 13. Л. 23]. В первой половине 1950-х гг. около 30% сдельщиков завода справлялись с нормами на 150–200%, а около 10% – на 200% и выше [14. Оп. 1. Д. 37. Л. 32; Д. 42. Л. 37; Д. 54. Л. 27]. В 1955 г. средний показатель выполнения норм на АТЗ достиг 158% [17. Оп. 3. Д. 505. Л. 8], а в 1958 г. – 190% [12. Оп. 3. Д. 324. Л. 44]. Аналогичная ситуация имела место и на промышленных предприятиях СССР в целом. На заводах Министерства транспортного машиностроения, в ведении которого находился завод «Трансмаш», в 1958 г. в пределах 150–200% с нормами справлялись 38% сдельщиков, более чем на 200% – 17,5%, средний уровень выполнения норм составлял 164% [18. Оп. 1. Д. 2145. Л. 29].

При этом до 1957 г. на предприятиях страны ежегодно в феврале–апреле централизованно проводились пересмотры норм выработки в сторону их повышения, в том числе через увеличение доли расчетных норм (позже названных технически обоснованными), которые разрабатывались согласно нормативам производственных операций, рассчитанных для одной или нескольких отраслей с учетом максимального использования оборудования и опыта передовых рабочих. Альтернативой технически обоснованным нормам (ТОН) были опытно-статические, которые рассчитывались непосредственно на заводах и устанавливались в качестве временных (например, на период освоения новой технологии). Повышение норм при неизменных тарифных ставках приводило к снижению расценок⁴ за единицу произведенной продукции, а при отсутствии технологической модернизации – к увеличению числа рабочих, не справлявшихся с нормами выработки, что в совокупности угрожало падением сдельной заработной платы. Ежегодные кампании повышения норм по этой причине не встречали поддержки со стороны заводских руководителей, проводились с большими трудностями и в итоге – формально. К примеру, завод «Трансмаш» в 1953 г. получил задание за период с 3 по 15 февраля повысить нормы выработки для производственных рабочих в среднем на 16%, для вспомогательных – на 33%. Процесс пересмотра, проводимый сотрудниками отдела труда и заработной платы, вызвал сопротивление начальников цехов, и завод не успел закончить пересмотр в срок. Более того, к марту «в основном» пересмотр был завершен только в двух цехах завода из 18. В итоге, чтобы закончить пересмотр, приказом директора завода задания по повышению норм были сокращены. К примеру, цех № 110 получил задание повысить нормы на 12,3%, а к окончанию сроков пересмотра этот показатель был снижен до 8,5% [13. Оп. 1. Д. 417. Л. 9–10, 26, 44, 55]. Предприятия отчитывались о выполнении заданий по пересмотру норм выработки, а также о росте доли ТОН в производстве, при этом рабочие продолжали достаточно легко с ними справляться. Сложившаяся система нормирования труда не могла считаться удовлетворительной, так как «мягкие» нормы выработки не были способны побуждать рабочих увеличивать интенсивность своего труда.

Еще одним способом повысить общий размер заработной платы выступало начисление разнообразных

надбавок и доплат, а также премий как для сдельщиков, так и для повременщиков. Доплаты, приписки и низкие нормы выработки приводили к падению удельного веса тарифного оклада⁵ в общем заработке рабочих. К концу 1950-х гг. у мотористов сборочного цеха завода «Трансмаш» оплата по тарифу составляла 46,5%, у слесарей-сборщиков – 50,5% заработка [13. Оп. 2. Д. 171. Л. 3], в среднем у сдельщиков завода – 54% [Там же. Оп. 1. Д. 70. Л. 17]. В 1955 г. на предприятиях машиностроительных министерств СССР тариф в заработной плате сдельщиков в среднем составлял 48% [11. Оп. 3. Д. 15. Л. 206], в 1957 г. в целом в промышленности – 56,3% [19. С. 221]. Таким образом, около половины суммы вознаграждения рабочих, находящихся на сдельной системе оплаты труда, строго не зависело от количества и качества их труда.

Кроме того, на промышленных предприятиях была распространена практика искусственного завышения разрядов рабочих, что также дополнительно увеличивало размер их заработков. На АТЗ в 1940–1950-е гг. по 1-му разряду не тарифицировался ни один рабочий, по 2-му разряду по данным на 1 марта 1947 г. – 85 рабочих из 5 440 (или 1,6%) [20. Оп. 2. Д. 753. Л. 90], по данным на 1 августа 1959 г. – 75 рабочих из 18 459 (или 0,4%) [16. Оп. 19. Д. 159. Л. 11]. По данным на 5 мая 1950 г. из более чем 55 тыс. рабочих предприятий, подведомственных Главному управлению тракторной промышленности, только один человек тарифицировался по 1-му разряду, по 2-му разряду – 57 [20. Оп. 2. Д. 771. Л. 7].

Существовавшая в СССР тарифная система имела ряд недостатков и с точки зрения решения задачи привлечения и закрепления кадров на уровне отдельных отраслей и регионов. Согласно записке «Об итогах пересмотра норм выработки в промышленности СССР в 1955 г.», подготовленной по поручению ЦК КПСС Государственным комитетом по труду, на предприятиях 24 промышленных министерств действовало около 1,9 тыс. тарифных сеток, из них в машиностроении – свыше 800 [11. Оп. 3. Д. 15. Л. 11–12]. Такое многообразие определяло различный размер оплаты труда на схожих по характеру и условиям производствах и являлось одним из факторов высокой текучести кадров на предприятиях.

Повышенный размер заработка мог оказывать компенсирующее воздействие и способствовать закреплению кадров в регионах с низким уровнем социально-бытовых условий, к каким относился Алтайский край, получивший импульс к форсированному индустриальному развитию в период Великой Отечественной войны. Кроме того, необходимость в более высоком размере заработной платы для края как региона Сибири ввиду климатических особенностей определялась потребностями в дополнительных расходах на питание, одежду и топливо. Между тем в 1953 г. по отношению к республиканскому уровню размер денежного дохода на одного человека в семьях рабочих Алтайского края составлял 96,6% [21. С. 69]. Одна из причин отставания доходов алтайских рабочих от общесоюзных показателей заключалась в отсутствии в промышленности СССР в предшествующий реформе период единых

принципов в региональной дифференциации заработной платы: районные коэффициенты в рамках одного региона могли отличаться по своему размеру, а в ряде отраслей они не применялись вообще. К примеру, Постановление СНК СССР от 18 ноября 1945 г. «О перечне отдаленных местностей, приравненных к районам Крайнего Севера», установившее надбавку в 20% к зарплате рабочих Урала, Сибири и Дальнего Востока, не распространялось на предприятия большинства отраслей промышленности, в том числе – на машиностроение [11. Оп. 3. Д. 17. Л. 5].

Низкий уровень заработной платы в регионе в первые послевоенные годы препятствовал закреплению эвакуированных кадров, а в дальнейшем выступал одним из факторов, стимулирующих миграцию местного населения за пределы Алтайского края, что, в свою очередь, повышало текучесть кадров на промышленных предприятиях.

Членами Государственного комитета по труду, участвовавшими в разработке тарифной реформы, в середине 1950-х гг. в ходе обследований промышленных предприятий фиксировалось и признавалось большинство из отмеченных деформаций в системе заработной платы. Именно на их устранение предполагалось направить основные мероприятия преобразований, что позволяет говорить не о сознательной уравнилительной политике в оплате труда, а, скорее, согласиться с формулировкой цели реформы, предложенной Д. Фильцером: повышение эффективности системы материального вознаграждения за труд с помощью установления строгого соответствия между результатами труда и его оплатой.

Направления реформы и их реализация

Согласно целям трудового стимулирования мы выделим два направления тарифной реформы, каждое из которых включало ряд мероприятий. Первое направление заключалось в воздействии на процесс закрепления кадров и проблему текучести рабочей силы с помощью создания равных возможностей для заработка на предприятиях в соответствии с отраслевыми особенностями труда, условиями жизни в регионе и квалификацией рабочих. Вторым направлением выступало повышение роли заработной платы в стимулировании интенсивного и производительного труда, что должно было быть достигнуто с помощью установления строгой зависимости между вознаграждением и результатами труда.

1. Привлечение и закрепление кадров. Постановлением Совета министров СССР от 9 апреля 1959 г. для всех машиностроительных отраслей были приняты единые тарифные сетки: отдельно для сдельщиков и повременщиков по трем группам условий труда: нормальные, тяжелые и вредные, а также особо тяжелые и особо вредные [22]. Аналогичные изменения произошли и в других отраслях промышленности. При этом сетки для третьей группы условий труда (особо тяжелые и особо вредные) устанавливались в машиностроении и химической промышленности, а в остальных отраслях предусмотрены не были. Унификация тариф-

ных сеток была произведена между родственными отраслями, и дифференциация в заработках рабочих качественно отличных по условиям и характеру труда отраслей (например, легкой промышленности и металлургии), как это демонстрирует табл. 1, в целом сохранились: единые тарифные условия обеспечили сближение уровней заработной платы рабочих машиностроительных отраслей, ликвидировав преимущество энергетического машиностроения, в ведомстве которого из алтайских предприятий находился Барнаульский котельный завод.

Реформа оплаты труда сократила тарифную сетку для всех групп рабочих машиностроения с восьми до

шести разрядов, а тарифный коэффициент наивысшего разряда⁶ – с 2,5 до 2 [22]. С одной стороны, подобное уменьшение могло снизить мотивацию рабочих к повышению квалификации. С другой стороны, в условиях искусственного завышения разрядов, когда на предприятиях практически не применялась тарификация по первым двум из них, сетка была лишь приведена в соответствие с реальным положением дел. Фактически не была сокращена и разница в ставках между разрядами. К примеру, на АТЗ тарифный коэффициент восьмого разряда по отношению к третьему (фактически низшему разряду на предприятии) в прежних тарифных условиях равнялся 2 (расчет выполнен на основе данных табл. 2).

Таблица 1

Среднемесячная заработная плата рабочих в основных отраслях промышленности Алтайского края в 1956 и 1966 гг.

Отрасли промышленности	Годы			
	1956		1966	
	руб.	% к краевому уровню	руб.	% к краевому уровню
В среднем в основных отраслях промышленности края	79,3	100	101,6	100
Пищевая промышленность	52,8	67,8	82,1	80,8
Легкая промышленность	65,0	83,4	86,6	85,2
Лесная промышленность	71,7	92,0	89,2	87,8
Химическая промышленность	74,3	95,4	110	108,3
Автомобильная промышленность	77,5	99,5	101,1	99,5
Энергетическое машиностроение	91,7	117,8	109	107,3
Транспортное машиностроение	81,1	104,1		
Барнаульский завод «Трансмаш»	79,8	102,4	106,8	105,1
Тракторное и сельскохозяйственное машиностроение	83,2	106,8	107,1	105,4
Алтайский тракторный завод	82,8	106,3	106,9	105,2
Цветная металлургия	104,1	133,6	127,3	125,3

Примечание. Таблица составлена на основе данных: [16. Оп. 19. Д. 10. Л. 7 об., 26 об., 42 об., 70 об., 90 об.; Д. 11. Л. 18 об., 27 об., 47 об.; Д. 1662. Л. 15–20 об., 25–26 об., 29–34 об., 39–42 об.].

Таблица 2

Часовые тарифные ставки для рабочих-сдельщиков по группам условий труда, принятые в 1946 и 1959 гг. (в копейках)

Тарифные ставки, утвержденные в 1946 г. (на примере АТЗ)								
Группы условий труда	Разряд рабочего							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Нормальные	13,4	15	17	19,4	21,7	24,9	28,9	33,2
2. Тяжелые и вредные	14,6	16,4	18,8	21,1	24,2	27,9	32	37,6
Разница между ставками 1-й группы, %	8,9	9,3	10,6	8,8	11,5	12	10,7	13,0
3. Для профессий тяжелых и вредных условий труда из перечня 1946 г.	16,5	18,6	нет данных	24,2	28,1	32	37,6	43,7
Разница между ставками 1-й группы, %	23,1	24		24,7	29,4	28,5	30,1	31,6
Тарифные ставки, утвержденные для машиностроительных предприятий в 1959 г.								
Группы условий труда	Разряд рабочего							—
	1	2	3	4	5	6		
1. Нормальные	32	36,2	41,3	47,4	55	64	—	
2. Тяжелые и вредные	36,7	41,5	47,3	54,3	63,1	73,4		
Разница между ставками 1-й группы, %	14,7	14,6	14,5	14,6	14,7	14,7		
3. Особо тяжелые и особо вредные	39	44,1	50,3	57,7	67,1	78		
Разница между ставками 1-й группы, %	21,9	21,8	21,8	21,7	22	21,9		

Примечание. Таблица составлена на основе данных: [12. Оп. 3. Д. 267. Л. 7; 22].

Кроме того, в ходе подготовки предприятий к введению новых условий оплаты труда в цехах изучаемых предприятий работали квалификационные комиссии, которые пересматривали разряды рабочих на соответствие имеющимся навыкам и выполняемым работам согласно обновленным тарифно-квалификационным справочникам⁷. В результате средний разряд рабочих в сборочном цехе завода «Трансмаш» с 5,6 в 1959 г. снизился до 3,75 в 1962 г., а в целом на предприятии составил 2,75 [11. Оп. 1. Д. 70. Л. 17; Оп. 2. Д. 171. Л. 3].

Средний разряд рабочих АТЗ за аналогичный период снизился с 5,7 до 2,4 [16. Оп. 19. Д. 159. Л. 11; Д. 437. Л. 195 об.]. Таким образом, с учетом сохранения в действительности тарифного коэффициента наивысшего разряда можно сделать вывод, что в результате введения новых тарифных сеток существовавшие стимулы к повышению квалификации для рабочих снижены не были.

Новые тарифные сетки внесли изменения в дифференциацию заработной платы в зависимости от условий труда. Для предприятий машиностроения была

введена третья группа тарифных ставок – для особо тяжелых и особо вредных работ. Фактически эта группа существовала и ранее – постановлением Совета министров СССР от 15 августа 1946 г. был утвержден перечень профессий (преимущественно горячих цехов), для которых устанавливалась тарифная сетка, ставки которой были выше, чем ставки как для нормальных, так и для тяжелых и вредных условий труда. Как демонстрируют данные табл. 2, в новых тарифных условиях разница между ставками для тяжелых и вредных работ и ставками для нормальных условий была увеличена, при этом исчезла связь размера «компенсации» и разряда рабочего. Данная унификация не противоречила логике дифференциации величины тарифных ставок согласно условиям труда, так как наносимый трудом на вредном производстве ущерб здоровью не зависел от разряда рабочего.

Разница между ставками для рабочих третьей группы (особо тяжелые особо вредные работы) и ставками для нормальных условий труда у большинства разрядов в новых тарифных условиях была сокращена (табл. 2). Вместе с тем на основе данных о распределении рабочих Алтайского тракторного завода по группам условий труда до и после реализации реформы можно сделать вывод об увеличении у заводских руководителей возможностей для отнесения рабочих ко второй и третьей группам тарифных ставок с принятием новых тарифно-квалификационных справочников. Если по данным на 1 августа 1959 г. по второй группе оплачивался труд 28% рабочих АТЗ (и поврежденных, и сдельщиков), по третьей – 9% [16. Оп. 19. Д. 159. Л. 14], то после введения новых условий оплаты труда, по данным на 1 августа 1962 г., – 32 и 18% соответственно [Там же. Д. 437. Л. 195].

В табл. 2 представлены тарифные ставки, установленные для рабочих-сдельщиков. Стоит отметить, что разрывы в ставках поврежденных, связанные с условиями труда, также не зависели от разряда и составляли 16,5 и 33,5%. Повышенная, в сравнении с рабочими-сдельщиками, разница была обусловлена более низкими базовыми ставками поврежденных.

В результате реализации реформы к заработной плате рабочих ряда регионов устанавливался районный коэффициент. Для каждой отрасли промышленности коэффициенты вводились отдельными постановлениями Госкомтруда и ВЦСПС, при этом их размер для регионов не зависел от отраслевой принадлежности предприятий. Районный коэффициент для машиностроительных заводов был установлен Постановлением Госкомтруда и ВЦСПС от 25 июня 1959 г., его размер для Алтайского края составлял 1,15 [23]. Необходимо отметить, что уже в начале 1960-х гг. районный коэффициент для Алтайского края был отменен [24. С. 148]. Таким образом, в силу кратковременности действия районного коэффициента существенного воздействия на закрепление кадров в регионе данное направление реформы не оказало. Заработная плата в крае продолжала отставать от общесоюзных показателей, при этом разрыв только увеличился: в 1965 г. ее уровень по отношению к средней заработной плате рабочих и служащих в СССР составлял 92,8% [25. С. 9; 26. 52–53].

2. Интенсификация труда и повышение его производительности. Основным мероприятием преобразований системы оплаты труда в этом направлении выступало широкомасштабное повышение норм выработки на предприятиях. В результате, например, на АТЗ показатель выполнения норм за 1960 г. снизился с 189 до 116,8% [12. Оп. 3. Д. 324. Л. 44]. Снижение уровня выполнения норм было одним из главных условий, обеспечивших повышения доли тарифа в зарплате сдельщиков. По данным Р.А. Батакаева и В.И. Маркова, реализация реформы увеличила долю тарифа в средней заработной плате промышленных рабочих СССР с 56,3 до 73%, в машиностроении и металлообработке – с 52,1 до 72,5% [19. С. 221]. У рабочих барнаульского завода «Трансмаш» удельный вес тарифа в зарплате увеличился с 54 до 81,2% [13. Оп. 1. Д. 70. Л. 17].

Ужесточение норм выработки производилось с одновременным повышением тарифных ставок, что должно было обеспечить сохранение достигнутого размера заработной платы рабочих или даже привести к ее росту. В целом в различных отраслях промышленности тарифные ставки были повышены на 30–70% [19. С. 46]. Приемлемый размер ставок, по замыслу разработчиков реформы, должен был устранить необходимость для руководителей «подтягивать» заработок рабочим, а устанавливаемая строгая зависимость вознаграждения за труд от выработки – побуждать сдельщиков работать интенсивно.

Одновременно с началом тарифной реформы Совет министров СССР в августе 1956 г. принял постановление «Об изменении порядка пересмотра норм выработки», вызванное активной критикой практики централизованных и единовременных на всех предприятиях страны пересмотров норм выработки сотрудниками Госкомтруда, которые отмечали низкую эффективность и формализм этого мероприятия, в качестве главной причины называя низкие размеры тарифных ставок и короткие сроки для пересмотра, не позволявшие провести на заводах необходимую подготовку и качественный пересчет норм выработки [11. Оп. 1. Д. 10. Л. 100, 105; Д. 11. Л. 159]. Постановление отменило ежегодные централизованные кампании повышения норм и передало обязанности по их пересмотру администрации предприятий [27. Оп. 1. Д. 656. Л. 325–326]. Несмотря на предоставление руководителям большей самостоятельности в вопросе установления норм, постановление не свидетельствовало о смягчении позиции государства в отношении нормирования труда. Если ранее, после завершения централизованного пересмотра, нормы закреплялись в неизменном виде на год, то при новом порядке повышение норм должно было осуществляться заводскими руководителями непрерывно, исходя из заданий по росту производительности труда по мере технологической модернизации производства. Кроме того, министерства, устанавливая соответствующие задания, требовали шире внедрять в производство более сложные для выполнения технически обоснованные нормы.

На повышение зависимости между результатами труда и его оплатой также был направлен ряд изменений в применении систем оплаты труда. По приводи-

мым в исторической литературе сведениям, в результате реформы доля работавших на сдельной оплате в целом в стране уменьшилась с 75–80 до 40–55%, что оценивается также как одно из проявлений уравнительной линии государства в области оплаты труда, так как именно при сдельной системе заработок прямо зависит от выработки [1. С. 102]. Как показывает изучение реализации реформы на уровне отдельных предприятий, указанный факт являлся следствием ликвидации фиктивной сдельщины. Указанные статистические данные характеризуют сокращение доли сдельщиков в трудовом коллективе в целом, куда включаются рабочие, обеспечивающие ремонт и обслуживание оборудования, а также вспомогательный персонал, для которого на большинстве операций сохранение сдельной системы оплаты труда являлось нецелесообразным. Изменение системы оплаты труда для рабочего той или иной профессии проводилось в ходе упомянутого процесса перетарификации. На АТЗ со сдельной на повременную оплату труда было переведено несколько тысяч рабочих [12. Оп. 3. Д. 327. Л. 71], и доля сдельщиков в целом на предприятии с 65% в 1958 г. к началу 1961 г. снизилась до 42%, однако при этом в основном производстве, наоборот, увеличилась – с 23 до 31% [Там же. Оп. 3. Д. 324. Л. 44].

Одной из разновидностей сдельной системы в советской промышленности выступала сдельно-прогрессивная форма оплаты труда. Ее суть заключалась в увеличении размера расценки за продукцию, произведенную сверх нормы, по прогрессивной шкале. Охват данной формой оплаты труда на предприятиях не был значительным (на «Трансмаше» в 1956 г. на оплату по прогрессивной системе было направлено только 2,6% фонда заработной платы [13. Оп. 1. Д. 351. Л. 125]. В результате реализации реформы прогрессивная сдельная система была практически полностью отменена во всех отраслях промышленности СССР [11. Оп. 1. Д. 1067. Л. 163]. Причина заключалась в том, что данная форма вознаграждения не использовалась как стимул интенсификации труда. Инспекции сотрудников Госкомтруда в середине 1950-х гг. выявляли многочисленные злоупотребления руководителей в применении прогрессивной оплаты, определяя ее как еще один способ воздействия на размер заработка (на прогрессивную систему главным образом переводили тех рабочих, которые в наибольшей степени «пострадали» при пересмотре норм выработки) [Там же. Оп. 1. Д. 11. Л. 105; Оп. 3. Д. 13. Л. 28; Д. 17. Л. 321]. В целом ликвидация прогрессивной оплаты соответствовала логике проводимых преобразований: широкое внедрение технически обоснованных норм выработки, выполнение которых предполагало максимальное использование оборудования, должно было лишить рабочих возможности значительно перевыполнять нормы без нарушения технологии.

В рамках реформы системы оплаты труда 8 сентября 1956 г. Советом министров СССР было принято постановление, устанавливавшее минимальный размер заработной платы рабочих и служащих в 30–35 руб. в месяц [28], что можно оценить как шаг в сторону уравнивания: гарантированный уровень дохода мог

ограничивать необходимость рабочим увеличивать производительность для повышения заработка или не способствовать выбору ряда профессий, требующих специальных умений и навыков, вследствие сближения размеров заработной платы. По данным на 31 марта 1956 г. размер тарифного оклада лишь 0,6% рабочих и служащих в промышленности Алтайского края не достигал 20 руб. в месяц, а у 8,9% находился в пределах 20–30 руб. Таким образом, до реализации реформы оплата по тарифу превышала 30 руб. в месяц у почти 90% рабочих и служащих. При этом оклад у 34% из них превышал 50 руб. [16. Оп. 19. Д. 9. Л. 1]. Согласно данным табл. 1, в 1956 г. средняя заработная плата (с учетом доплат, премий и сдельного приработка) во всех основных отраслях промышленности Алтайского края более чем в два раза превышала устанавливаемый минимум. На АТЗ перед введением новых условий оплаты труда в августе 1959 г. тарифный оклад ниже 30 руб. в месяц получали 0,3% рабочих, от 30 до 35 руб. – 7,5%, свыше 50 руб. – 42% [Там же. Оп. 19. Д. 160. Л. 17 об.]. При этом средняя заработная плата рабочих тракторного завода в 1959 г. составляла 91,7 руб. [12. Оп. 3. Д. 824. Л. 50]. Очевидно, что тарифный оклад ниже 30–35 руб. зарабатывала часть рабочих вспомогательных производств, и большинство членов трудовых коллективов промышленных предприятий устанавливаемым минимумом не могли быть удовлетворены. Также отметим, что указанный в постановлении минимальный размер заработной платы было необходимо обеспечить с помощью общего увеличения тарифных ставок, которое происходило в условиях повышения норм выработки и сокращения рабочего дня, что не могло способствовать снижению интенсивности труда рабочих. Цель установления минимального размера заработной платы заключалась в повышении уровня жизни отдельных категорий рабочих, действительно в этом нуждавшихся.

Результаты реформы

Рассмотрение реализации реформы заработной платы на промышленных предприятиях Алтайского края показывает, что ряд задач, касающихся устранения деформаций системы оплаты труда, проведенными преобразованиями был решен. Реформа упорядочила тарифные сетки, ликвидировала фиктивную сдельщину и практику завышения разрядов, были ужесточены нормы выработки, что определило повышение тарифа в заработной плате рабочих. Анализ содержания основных направлений преобразований и их результатов не позволяет определить реформу как проявление государственной политики, сознательно нацеленной на уравнивание в размерах заработной платы рабочих различных отраслей, условий труда и разрядов.

Упорядочение тарифных сеток сохранило дифференциацию между заработками в отличных друг от друга по характеру и условиям труда отраслях. Межотраслевая разница в тарифных ставках обеспечивала стабильный приток кадров на предприятия тех отраслей, где размер заработной платы был более высоким. В 1960-е гг. свыше 15% рабочих, приходивших на ма-

шиностроительные заводы г. Барнаула в порядке вольного найма, поступали из предприятий легкой и пищевой промышленности [29. С. 131]. Численность кадров завода «Трансмаш» в первой половине 1960-х гг. ежегодно увеличивалась в среднем на 3,8% [13. Оп. 4. Д. 74. Л. 35; Д. 143. Л. 36 об.], АТЗ – на 2,6% [12. Оп. 3. Д. 824. Л. 38; Д. 1761. Л. 36].

При этом, как демонстрируют данные табл. 3, реформа не оказала воздействия на высокую текучесть кадров. В качестве одного из главных мотивов для увольнений рабочих выступали низкие социально-бытовые условия жизни в Алтайском крае и, главным образом, дефицит жилья (наряду с отставанием от центральных регионов СССР в обеспеченности населения медицинскими услугами, местами детских садов и др.). В 1960-е гг. из увольнявшихся по собственному желанию с АТЗ рабочих около 60% уезжали в другие регионы СССР, при этом около 18% в качестве причины увольнения указывали отсутствие жилья или плохие жилищные условия [30. С. 96–97, 146]. Прямое недовольство оплатой труда не находилось в числе основных из называемых рабочими причин увольнений (в 1965 г. на неудовлетворенность условиями труда или заработной платой в качестве причины увольнения указали около 9% рабочих, ушедших с АТЗ [12. Оп. 3. Д. 555. Л. 96]), в то же время отказ от районного коэффициента сделал невозможным превращение заработной платы на предприятиях края в компенсирующий социально-бытовые проблемы фактор.

Из данных табл. 3 можно сделать вывод, что осуществленное в рамках реформы ужесточение нормирования вызвало у рабочих стремление трудиться более интенсивно, чтобы не потерять в заработке: в период проведения пересмотра норм и перетарификации в 1959–1960 гг. на изучаемых заводах наблюдался зна-

чительный, в сравнении с предыдущим периодом, рост производительности труда. Вместе с тем очевиден кратковременный характер эффективности реформы в направлении интенсификации труда.

Заработная плата выступала одним из немногих факторов трудовой мотивации, на который администрация предприятий могла оказывать влияние, и реформа оплаты труда не только не устранила существовавшие рычаги для воздействия, но и создала новые, увеличив самостоятельность заводских руководителей в области нормирования труда. Уже в ходе проведения реформы на предприятиях начали возрождаться и выработаться практики, позволявшие повышать заработную плату рабочих: на новую в производстве продукцию устанавливались временные нормы выработки, которые длительное время не пересматривались, ТОН внедрялись формально и не подтверждались расчетами или сопровождалось установлением на период каких-либо производственных проблем поправочных коэффициентов, которые понижали напряженность норм [11. Оп. 1. Д. 1067. Л. 7; Д. 1164. Л. 178, 181–182, 232]. В итоге вскоре после завершения контролируемого из центра ужесточения нормирования средний показатель выполнения норм на предприятиях обозначил тенденцию к росту. На АТЗ в начале 1961 г. нормы выполнялись на 116,8%, в 1965 г. – уже на 126,2%, а в 1969 г. – на 139,4% [12. Д. 1131 Л. 46; Д. 1412. Л. 5]. На заводе «Трансмаш» ситуация развивалась аналогичным образом: если в 1961 г. средний показатель выполнения норм составлял 113%, то в 1965 г. – уже 126%, а к концу 1960-х гг. – около 140% [13. Оп. 1. Д. 70. Л. 17; Оп. 3. Д. 143. Л. 38; Д. 507. Л. 25]. Отмеченная тенденция сопровождалась падением темпов роста производительности труда на предприятиях (см. табл. 3).

Таблица 3

Эффективность системы мотивации труда рабочих кадров на заводах «Трансмаш» и АТЗ в 1955–1966 гг.

Год	Текучесть рабочих кадров				Производительность труда			
	«Трансмаш»		АТЗ		«Трансмаш»		АТЗ	
	Уволено, чел.	% к среднему числу рабочих	Уволено, чел.	% к среднему числу рабочих	Выработка 1 рабочего, руб. в год	% к пред.	Выработка 1 рабочего, руб. в год	% к пред. году
1955	2 303	33,2	4 147	38,2	5 419	5,2	3 095	4,4
1956	3 057	44,1	5 366	43,2	5 509	1,7	3 305	6,8
1957	2 811	36,6	нет данных		5 336	–3,1	3 247	–1,8
1958	нет данных		6 403	39,3	5 412	1,4	3 275	0,9
1959	2 579	33,0	6 299	38,5	5 879	8,6	3 611	10,3
1960	2 565	32,1	5 463	31,3	6 180	5,1	3 953	9,5
1961	2 482	29,6	6 831	38,3	6 243	1	4 011	1,5
1962	3 006	34,1	7 662	43,1	6 358	1,8	4 114	2,6
1963	3 293	35,0	7 307	39,2	6 018	5,3	нет данных	–
1964	нет данных		6 404	35,6	6 570	9,2		
1965	3 059	31,3	8 105	42,5	6 724	2,3	5 534	2,4
1966	3 701	34,0	7 526	38,4	6 789	1	5 668	

Примечание. Таблица составлена на основе данных: [13. Оп. 1. Д. 359. Л. 2, 3, 61; Оп. 2. Д. 84. Л. 201; Д. 84. Л. 153; Оп. 3. Д. 143. Л. 36; Д. 231. Л. 29; Оп. 4. Д. 79. Л. 17, 25; Д. 90. Л. 5, 26; Д. 107. Л. 4, 23; 14. Оп. 1. Д. 41. Л. 90–92; Д. 90. Л. 95, 100; Д. 62. Л. 23; Д. 73. Л. 29; Д. 77. Л. 28].

Реформа воздействовала на деформации системы материального вознаграждения, вызванные стремлением заводских руководителей повысить общий уровень заработной платы на своих предприятиях. При этом причины возникновения этого стремления, которые

лежали за рамками системы оплаты труда, сохранялись. В качестве первой из них, соглашаясь с Д. Фильцером, назовем характер советского производства: необходимость систематического применения сверхурочных работ в условиях неритмичной работы пред-

приятный создавала у руководителей потребность в лояльности рабочих, обеспечение которой достигалось с помощью повышения их заработной платы. Вторая причина заключалась в технологическом состоянии советских предприятий. Со второй половины 1950-х гг. в годовых отчетах изучаемых заводов фиксируется проблема изношенности станочного парка. В 1957 г. доля эвакуированных станков на АТЗ составляла 30% [14. Оп. 1. Д. 119. Л. 22], в 1963 г. – 18,5%, при этом 28% оборудования эксплуатировалось от 10 до 20 лет [31. С. 53]. Состояние оборудования завода «Трансмаш» отличалось незначительно: в 1965 г. доля эвакуированных станков составляла 11%, 28% находилось в эксплуатации от 10 до 20 лет [13. Оп. 3. Д. 231 Л. 14]. Отсутствие масштабной производственной модернизации лишало условий для повышения норм выработки, которое не приводило бы к падению заработной платы. Третьей причиной применения заводским руководством практик, направленных на увеличение доходов рабочих, являлась названная выше проблема высокой текучести кадров, нерешенность которой предопределила низкую эффективность тарифной реформы в направлении повышения производительности труда, так как задача интенсификации труда рабочих для заводских руководителей уходила на второй план в условиях острой необходимости обеспечения укомплектованности и стабильности кадрового состава, одним из способов которого руководители видели установление гарантированного приемлемого уровня заработной платы на предприятии.

Подводя итог рассмотрению содержания реформы заработной платы конца 1950-х – начала 1960-х гг. и ее реализации на промышленных предприятиях Алтайского края, отметим, что реформа не была нацелена на развитие уравнительной линии в оплате труда и имела объективные причины, отвечая потребностям системы трудовой мотивации в создании такого механизма материального вознаграждения, который устанавливал строгую зависимость между результатами труда и заработной платой и учитывал региональные и производственные условия труда, а также его сложность, что должно было снизить текучесть кадров и обеспечить рост производительности труда. Проведенные преобразования упорядочили стихийно сложившееся многообразие тарифных сеток, устранили возникшие в военные и послевоенные годы деформации в системе оплаты труда, причины которых лежали за ее рамками. Неритмичность советского производства, его техническая отсталость, а также недостаток рабочих кадров, обостренный на предприятиях Алтайского края низкими социально-бытовыми условиями жизни в регионе и отставанием заработной платы от среднего уровня в стране, в совокупности с сохранением у заводских руководителей возможностей для применения практик, направленных на повышение доходов рабочих, предопределили кратковременный характер положительного воздействия преобразований на эффективность материального вознаграждения как стимула к труду и возврат системы заработной платы к ее дореформенному состоянию уже в середине 1960-х гг.

Примечания

- ¹ Тарифная ставка – фиксированный размер денежной выплаты, который устанавливается за труд рабочего определенного разряда за единицу времени (как правило, за час).
- ² Здесь и далее размеры заработной платы и тарифных ставок приведены с учетом деноминации 1961 г.
- ³ Норма выработки – количество единиц продукции для той или иной производственной операции, которое должно быть изготовлено рабочим-сдельщиком за единицу времени (как правило, за час).
- ⁴ Расценка – величина оплаты за единицу произведенной продукции при сдельной оплате труда, которая вычислялась путем деления тарифной ставки разряда рабочего на норму выработки.
- ⁵ Тарифный оклад – размер денежной выплаты в составе заработной платы, который выплачивался работнику за выполнение нормы выработки (трудовых обязанностей) за установленное время без учета сдельного приработка, компенсационных, стимулирующих и иных выплат.
- ⁶ Тарифный коэффициент показывает, во сколько раз ставка данного разряда больше тарифной первого разряда.
- ⁷ Тарифно-квалификационный справочник (отраслевой, межотраслевой) – нормативный документ, содержащий подробные производственные характеристики типовых работ, а также предъявляемые к рабочему требования в навыках, знаниях и приемах; использовался для присвоения разрядов рабочим.
- ⁸ Верхняя граница определена внесением в 1967 г. изменений в тарифные условия, а также изменениями в системе стимулирования труда с началом реализации на изучаемых предприятиях в этом же году «косыгинской» реформы.

Список источников

1. Соколов А.К. Трудовая политика на советских предприятиях с середины 1950-х гг. до конца 1980-х гг.: деградация стимулов к работе // Экономическая история : ежегодник. М. : РОССПЭН, 2003. С. 100–140.
2. Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М. : РОССПЭН, 2004. 240 с.
3. Маркевич А.М., Соколов А.К. «Магнитка близ Садового кольца»: стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М. : РОССПЭН, 2005. 368 с.
4. Романов Р.Е. Денежные стимулы труда рабочей молодежи оборонных предприятий Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 83–86.
5. Ван дер Линден М. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Социальная история : ежегодник. М. : РОССПЭН, 2000. С. 206–216.
6. Бородин Л.И., Валетов Т.Я., Смирнова Ю. Б., Шильникова И.В. «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М. : РОССПЭН, 2010. 535 с.
7. Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь : ЗУУНЦ, 1993. 181 с.
8. Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М. : Политиздат, 1991. 222 с.
9. Filtzer D. The Soviet Wage Reform of 1956–1962 // Soviet Studies. 1989. Vol. 41 (1). P. 88–110.
10. Filtzer D. Soviet Workers and De-Stalinization: The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations, 1953–1964. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. 318 p.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9553.

12. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. Ф. Р-34.
13. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-1038.
14. ГААК. Ф. Р-1122.
15. ГААК. Ф. П-4560.
16. ГААК. Ф. Р-718.
17. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8459.
18. РГАЭ. Ф. 8734.
19. Баткаев Р.А., Марков В.И. Дифференциация заработной платы в промышленности СССР. М. : Экономика, 1964. 239 с.
20. РГАЭ. Ф. 7963.
21. Букин С.С. Повышение реальных доходов рабочих Западной Сибири в послевоенный период (1946–1958 гг.) // Известия сибирского отделения Академии наук СССР. 1979. Вып. 2, № 6. С. 63–69.
22. О переводе на семичасовой рабочий день, повышении и упорядочении заработной платы работников предприятий машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности : постановление ЦК КПСС, Совета министров СССР от 09.04.1959 // Организация заработной платы рабочих СССР : сб. нормативных актов. М. : Экономика, 1965. С. 104–106.
23. Об утверждении коэффициентов к заработной плате работников отдельных предприятий и цехов машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности : постановление Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 25.05.1959 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5420.htm (дата обращения: 30.07.2017).
24. Мальков Р.А. Формирование и развитие советского рабочего класса на Алтае (1917–1965 гг.). Новосибирск : Зап.-сиб. кн. изд-во, 1969. 326 с.
25. Народное хозяйство СССР за 70 лет : юбилейный стат. ежегодник. М. : Финансы и статистика, 1987. 766 с.
26. Народное хозяйство Алтая за 60 лет Советской власти : стат. сб. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1977. 72 с.
27. ГА РФ. Ф. Р-5545.
28. О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим : Постановление Совета министров СССР, ЦК КПСС и ВЦСПС от 08.09.1956 г. // Сборник важнейших законов и постановлений о труде. М. : Профиздат, 1959. С. 88–89.
29. Ефимкин М.М. Источники и формы пополнения рабочих Западной Сибири в условиях развитого социализма. Новосибирск : Наука, 1979. 157 с.
30. Антосенков Е.Г. Текучесть кадров в промышленности и пути ее сокращения. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1971. 205 с.
31. Аунану Ф.Ф. Организация ремонтных служб на машиностроительных заводах Алтайского края // Известия сибирского отделения Академии наук СССР. 1963. Вып. 3: Серия общественных наук, № 9. С. 50–57.

References

1. Sokolov, A.K. (2003) *Trudovaya politika na sovetsskikh predpriyatiyakh s serediny 1950-kh gg. do kontsa 1980-kh gg.: degradatsiya stimulov k rabote* [Labor policy in Soviet enterprises from the mid-1950s to late 1980s: Degradation of incentives to work]. In: Borodkin, L.I. & Petrov, Yu.A. (eds) *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik. 2002*. Moscow: ROSSPEN. pp. 100–140.
2. Zhuravlev, S.V. & Mukhin, M.Yu. (2004) “*Krepost' sotsializma*”: *povsednevnost' i motivatsiya truda na sovetsskom predpriyatii, 1928–1938 gg.* [“The fortress of socialism”: Everyday life and work incentives at a Soviet enterprise, 1928–1938]. Moscow: ROSSPEN.
3. Markevich, A.M. & Sokolov, A.K. (2005) “*Magnitka bliz Sadovogo kol'tsa*”: *Stimuly k rabote na Moskovskom zavode “Serp i molot”, 1883–2001* [“Magnitka near the Garden Ring”: Work incentives in Moscow plant “Serp i molot”, 1883–2001]. Moscow: ROSSPEN.
4. Romanov, R.E. (2014) Monetary incentives of labour for young workers in the defense enterprises of Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1. pp. 83–86. (In Russian).
5. Van der Linden, M. (2000) *Motivatsiya truda v rossiyskoy promyshlennosti: nekotorye predvaritel'nye suzheniya* [Work Incentives in Russian Industry: Some Preliminary Suggestions]. In: *Sotsial'naya istoriya: ezhegodnik* [Social History: A Yearbook]. Moscow: ROSSPEN. pp. 206–216.
6. Borodkin, L.I., Valetov, T.Ya., Smirnova, Yu.B. & Shilnikova, I.V. (2010) “*Ne rublem edinyim*”: *trudovye stimuly rabochikh-tekstil'shchikov dorevolutsionnoy Rossii* [“Not with a single ruble”: labor incentives for textile workers in pre-revolutionary Russia]. Moscow: ROSSPEN.
7. Leybovich, O.L. (1993) *Reforma i modernizatsiya v 1953–1964 gg.* [Reform and modernization in 1953–1964]. Perm: ZUUNT.
8. Aksyutin, Yu.V. & Volobuev, O.V. (1991) *XX s"ezd KPSS: novatsii i dogmy* [The CPSU Congress: Innovations and dogmas]. Moscow: Politizdat.
9. Filtzer, D. (1989) The Soviet Wage Reform of 1956–1962. *Soviet Studies*. 41. pp. 88–11.
10. Filtzer, D. (1992) *Soviet Workers and De-Stalinization: The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations, 1953–1964*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. The State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fund R-9553.
12. The Archive Department of the Administration of Rubtsovsk. Fund R-34.
13. The State Archive of the Altai Territory (GAАК). Fund R-1038.
14. The State Archive of the Altai Territory (GAАК). Fund R-1122.
15. The State Archive of the Altai Territory (GAАК). Fund P-4560.
16. The State Archive of the Altai Territory (GAАК). Fund R-718.
17. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8459.
18. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8734.
19. Batkaev, R.A. & Markov, V.I. (1964) *Differentsiatsiya zarabotnoy platy v promyshlennosti SSSR* [Differentiation of wages in the industry of the USSR]. Moscow: Ekonomika.
20. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 7963.
21. Bukin, S.S. (1979) *Povyshenie real'nykh dokhodov rabochikh Zapadnoy Sibiri v poslevoennyy period (1946–1958 gg.)* [Increasing real incomes of workers in West Siberia in the post-war period (1946–1958)]. *Izvestiya sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR*. 6. pp. 63–69.
22. The Council of Ministers of the USSR, the Central Committee of the CPSU. (1965) *O perevode na semichasovoy rabochiy den', povyshenii i uporyadochenii zarabotnoy platy rabotnikov predpriyatiy mashinostroitel'noy i metalloobrabatyvayushchey promyshlennosti: postanovlenie TsK KPSS, Soveta ministrov SSSR ot 09.04.1959* [Decree of the Central Committee of the CPSU, the Council of Ministers of the USSR of April 9, 1959, “On the transfer to a seven-hour working day, the increase and regulation of wages of workers in the machine-building and metalworking industries”]. In: *Organizatsiya zarabotnoy platy rabochikh SSSR* [Wages of the USSR workers]. Moscow: Ekonomika. pp. 104–106.
23. The State Committee for Labour and Social Problems of the USSR, Secretariat of the All-Union Central Council of Trade Unions. (1959) *Ob utverzhdenii koefitsientov k zarabotnoy plate rabotnikov ot del'nykh predpriyatiy i tsekhov mashinostroitel'noy i metalloobrabatyvayushchey promyshlennosti: postanovlenie Goskomtruda SSSR, Sekretariata VTsSPS ot 25.05.1959* [Decree of the State Committee for Labour and Social Problems of the USSR, Secretariat of the All-Union Central Council of Trade Unions of June 25, 1959, “On approval of coefficients to the wages of workers of individual enterprises and shops of machine-building and metalworking industry”]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5420.htm. (Accessed: July 30th, 2017).
24. Malkov, R.A. (1969) *Formirovaniye i razvitiye sovetsskogo rabocheho klassa na Altae (1917–1965 gg.)* [Formation and development of the Soviet working class in the Altai Region (1917–1965)]. Novosibirsk: Zapadnosibirskoe knizhnoye izdatel'stvo.

25. The Central Statistical Bureau of the USSR. (1987) *Narodnoe khozyaystvo SSSR za 70 let: yubileyyny stat. ezhegodnik* [The USSR national economy for 70 years]. Moscow: Finansy i statistika.
26. The Statistical Committee of the Altai Territory. (1977) *Narodnoe khozyaystvo Altaya za 60 let Sovetskoy vlasti* [Altai national economy for 60 years of Soviet power]. Barnaul: Alt. kn. izd-vo.
27. The State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fund R-5545.
28. The Council of Ministers of the USSR, the Central Committee of the CPSU, the All-Union Central Council of Trade Unions. (1956) O povyshenii zarabotnoy platy nizkooplachivaemym rabochim i sluzhashchim: Postanovlenie Soveta ministrov SSSR, TsK KPSS i VTsSPS ot 08.09.1956 g. [Decree of the Council of Ministers of the USSR, the Central Committee of the CPSU and the All-Union Central Council of Trade Unions of September 8, 1956, "On raising wages of low-paid workers and employees"]. In: *Sbornik vazhneyshikh zakonov i postanovleniy o trude* [Collection of the most important laws and regulations on labor]. Moscow: Profizdat. pp. 88–89.
29. Efimkin, M.M. (1979) *Istochniki i formy popolneniya rabochikh Zapadnoy Sibiri v usloviyakh razvitiya sotsializma* [Sources and forms of replenishment of workers in Western Siberia under conditions of full-fledged socialism]. Novosibirsk: Nauka.
30. Antosenkov, E.G. (1971) *Tekuchest' kadrov v promyshlennosti i puti ee sokrashcheniya* [Staff turnover in industry and ways to reduce it]. Barnaul: Alt. kn. izd-vo.
31. Aunapu, F.F. (1963) Organizatsiya remontnykh sluzhb na mashinostroitel'nykh zavodakh Altayskogo kraia [Organization of repair services at machine-building plants of the Altai Territory]. *Izvestiya sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR*. 3. pp. 50–57.

Сведения об авторах:

Разгон Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: vrazgon@rambler.ru
Прибыткова Карина Павловна – кандидат исторических наук, независимый исследователь (Барнаул, Россия). E-mail: pr.karina.p@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Razgon Viktor N. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of National History of the Institute of History and International Relations, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vrazgon@rambler.ru
Pribytkova Karina P. – Candidate of Historical Sciences, independent researcher (Barnaul, Russian Federation). E-mail: pr.karina.p@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.08.2017; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 09.08.2017; accepted for publication 11.11.2022

Научная статья

УДК 94 (47).083

doi: 10.17223/19988613/80/8

Кадровая политика жандармского ведомства комплектования руководства управлений Сибирского жандармского округа

Петр Петрович Румянцев

Томский государственный университет, Томск, Россия, petroom@mail.ru

Аннотация. Исследуются особенности кадровой политики при назначении начальников жандармских управлений Сибирского жандармского округа за все время его существования (1833–1902). Автор приходит к выводу, что в первые десятилетия существования указанного округа при выборе штаб-офицеров в сибирские губернии жандармское ведомство испытывало трудности из-за дефицита опытных офицерских кадров, поэтому первыми губернскими жандармскими штаб-офицерами в Сибири являлись недавно перешедшие в Корпус жандармов лица. С развитием жандармской службы подобная проблема исчезла, и руководство Корпуса жандармов получило возможность отправлять в Сибирь уже опытных своих сотрудников, прошедших целый ряд ступеней на жандармской службе.

Ключевые слова: Корпус жандармов, Сибирский жандармский округ, Сибирь, губернские жандармские управления, офицеры, кадровая политика

Для цитирования: Румянцев П.П. Кадровая политика жандармского ведомства комплектования руководства управлений Сибирского жандармского округа // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 78–89. doi: 10.17223/19988613/80/8

Original article

Personnel policy of the gendarmerie department of recruitment of the leadership of the departments of the Siberian Gendarmerie District

Petr P. Rumyantsev

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, petroom@mail.ru

Abstract. On the basis of orders for the Gendarmerie Corps, as well as archival materials, the features of the personnel policy in the appointment of the heads of the gendarmerie departments of the Siberian gendarme district for the entire time of its existence (1833–1902) are studied. The author comes to the conclusion that in the first decades of the existence of the specified district, when choosing headquarters officers in the Siberian provinces, the gendarme department experienced difficulties due to a shortage of experienced officers, therefore the first provincial gendarmie headquarters officers in Siberia were the people who had recently transferred to the Gendarme Corps. With the development of the gendarmerie, this problem has disappeared and the gendarmerie authorities have been able to send their already experienced officers, who have gone through a number of stages in the gendarmerie, to Siberia.

Keywords: Corps of gendarmes, Siberian gendarmerie district, Siberia, provincial gendarme departments, officers, personnel policy

For citation: Rumyantsev, P.P. (2022) Personnel policy of the gendarmerie department of recruitment of the leadership of the departments of the Siberian Gendarmerie District. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 78–89. doi: 10.17223/19988613/80/8

Изучение особенностей кадровой политики Корпуса жандармов является малоизученной темой в отечественной историографии по причине небольшого количества сохранившихся документов, особенно в первые десятилетия существования жандармского ведомства. При изучении кадровой политики подбора руководителей жандармских управлений исследователи ограничиваются как территориальными рамками, как правило,

какой-либо губернией, так и расставляя хронологические границы своего исследования, беря за основу важные вехи в истории жандармского ведомства [1–6]. Таким образом, исследователями не анализируются особенности кадровой политики Корпуса жандармов на протяжении длительного времени с большим охватом территорий, где функционировали жандармские части. В представленной статье будет проведено ис-

следование особенностей кадровой политики жандармского учреждения комплектования руководства губернских управлений, входивших в состав жандармского округа в Сибири за всю историю его существования. На основании проделанного исследования будет дан ответ, каким образом и под воздействием каких факторов менялась эта политика, а также оценена эффективность этой политики. Основными источниками исследования выступили приказы по Корпусу жандармов, из которых взята и проанализирована необходимая для исследования информация, установленны и приведены данные о работе всех начальников жандармских управлений, входивших в состав жандармского округа в Сибири; также использовались законодательные акты центральной власти, регулировавшие деятельность жандармского ведомства.

Сибирский жандармский округ и входившие в его состав губернские жандармские управления для исследования выбраны неслучайно. Жандармский округ за Уралом был учрежден в 1833 г. К тому времени жандармско-окружная система Российской империи насчитывала шесть округов, пять из которых появились в 1827 г., а шестой, в Царстве Польском, – в 1832 г. В связи с созданием в 1837 г. жандармского округа на Кавказе произошло изменение нумерации некоторых существовавших к тому времени жандармских округов, в том числе 7-й жандармский (Сибирский) округ получил наименование 8-го жандармского округа. Проведенная в 1867 г. реформа жандармского ведомства привела к упразднению прежде существовавшей жандармско-окружной системы. Пять жандармских округов было ликвидировано, а бывшие 3-й, 6-й и 8-й жандармские округа получили новые наименования: Варшавский, Кавказский и Сибирский жандармские округа соответственно. В 1870 г. последовало упразднение Кавказского жандармского округа. Варшавский жандармский округ был расформирован в 1896 г. Спустя шесть лет, в 1902 г., произошла ликвидация Сибирского жандармского округа. Таким образом, жандармский округ в Сибири просуществовал дольше остальных жандармских округов – 69 лет.

С момента своего образования в состав 7-го жандармского округа входило семь административно-территориальных субъектов: Енисейская, Иркутская, Оренбургская, Пермская, Тобольская, Томская губернии и Омская область. В 1838 г. произошла ликвидация Омской области, входившие в ее состав округа были поделены между Тобольской и Томской губерниями, а сам город Омск оказался включенным в состав первой из указанных губерний [7. С. 272]. Несмотря на упразднение Омской области, начальство Корпуса жандармов сохранило в Омске жандармское управление в основном по причине принятого в том же году решения о перемещении из Тобольска в Омск резиденции западносибирского генерал-губернатора и присутственных мест Главного Управления Западной Сибири. В скором времени туда же была перемещена и штаб-квартира 8-го жандармского округа [8. С. 250].

В 1841 г. Оренбургская губерния была исключена из состава 8-го жандармского округа и причислена к 7-му жандармскому округу [9. С. 160]. Через 17 лет

таким же образом поступили и с Пермской губернией [10. Л. 1–5]. Причины подобных структурных изменений были вызваны необходимостью улучшения связи между дислоцированными в этих губерниях жандармскими управлениями и окружным начальством: штаб-квартира 7-го жандармского округа, расположенная в Казани, находилась гораздо ближе к административным центрам двух указанных губерний, чем штаб-квартира 8-го жандармского округа. К тому же в административном отношении Оренбургская и Пермская губернии относились не к сибирским губерниям, а к так называемым «великороссийским». С 1858 г. более не произойдет территориальных реорганизаций в штатном расписании 8-го жандармского округа (с 1867 г. – Сибирского жандармского округа, СЖО), в его составе останутся исконно сибирские территории.

Практически все время существования жандармского ведомства губернские жандармские управления являлись его основным звеном на местном уровне. Возглавлявшие их лица (вначале как губернские жандармские штаб-офицеры, а с 1867 г. как начальники губернских жандармских управлений – ГЖУ) владели обширной информацией о положении дел на местах, отправляя высшему жандармскому руководству сведения обо всем, что, по их мнению, заслуживало внимания, формулируя их в различных донесениях, рапортах, отчетах и обзорах. Отсюда возникает научный интерес исследовать практику назначения, служебного перемещения начальников губернских жандармских управлений в Сибири, самом отдаленном от столицы регионе, имевшем большое количество проблем, многие из которых, как, например, коррумпированность местного аппарата управления, центральная власть надеялась решить в том числе при использовании жандармского надзора, проводниками которого на местах и выступало руководство жандармских управлений.

Согласно положениям о Корпусе жандармов 1836 и 1867 гг. назначение на должности и перемещения жандармских офицеров зависели от Шефа жандармов. Все изменения в служебной деятельности жандармских чинов фиксировались в приказах по Корпусу жандармов: прием на жандармскую службу, перемещения, чинопроизводство, награждения, возыскания, увольнения в отпуски и со службы и пр. Основные служебные обязанности жандармских чинов регламентировались специальными инструкциями, составленными Шефом жандармов, отдельными приказами и циркулярами по Корпусу и Штабу Корпуса жандармов. Губернским штаб-офицерам, а затем начальникам ГЖУ присваивались права командиров полков. Губернские штаб-офицеры возглавляли расположенные в губерниях жандармские управления, в состав которых помимо них входило еще 8 должностных лиц: адъютант, два писаря и пять денщиков. Также им подчинялись располагавшиеся в их губерниях местные жандармские команды (в составе 34 чинов) до момента расформирования большинства из них в 1867 г. (Иркутская и Омская жандармские команды были упразднены в 1874 г.). В 1867 г. последовала реформа по реорганизации деятельности жандармского ведомства, в ходе которой, в частности, произошло усиление жандарм-

ского надзора на местах за счет создания в губерниях и областях Российской империи дополнительных жандармских пунктов. Все чины таких пунктов подчинялись начальникам губернских жандармских управлений, которым вменялось в обязанность раз в год при объезде губерний осуществлять инспектирование подведомственных им частей.

До образования жандармского округа в Сибири в Оренбургской и Пермской губерниях уже находились жандармские штаб-офицеры (в то время названные губернии временно находились в составе 5-го округа Корпуса жандармов). В декабре 1831 г. в Пермскую губернию получил свое первое назначение на жандармской службе майор П.В. Кушников, прослуживший там всего несколько месяцев и уволенный со службы по состоянию здоровья. Его сменил майор Ф.И. Новицкий, занимавший должность губернского жандармского штаб-офицера с апреля 1832 по июнь 1836 г., в тот период, когда Пермская губерния вошла в состав недавно образованного 7-го жандармского округа. В Оренбургской губернии первым жандармским штаб-офицером был подполковник А.О. Иолшин (декабрь 1832 – январь 1835 г.). С 1833 г., с момента учреждения жандармского округа в Сибири, жандармские офицеры стали назначаться и в сибирские губернии: в ноябре 1833 г. в Тобольскую губернию получил назначение майор И.Д. Сунцев, а в 1834 г. жандармские штаб-офицеры появились в Енисейской, Иркутской и Томской губерниях, а также в Омской области.

Всего за время существования жандармского округа в Сибири должности губернского штаб-офицера / начальника ГЖУ занимали 93 чел., сведения о которых представлены в таблице. Из этого числа 19 чел. в реальности обязанности указанной должности не исполняли, так как получили новые назначения, а А.Д. Васильев, хоть и числился по приказам Корпуса жандармов штаб-офицером сначала в Енисейской губернии (причем дважды), а затем в Томской, на деле был прикреплен за Шефом жандармов, а после находился по делам службы при Штабе Корпуса жандармов. Информация о занятии должности начальников жандармских управлений по отдельным губерниям Сибирского жандармского округа выглядит следующим образом. Оренбургская губерния – 5 чел. (1 в реальности обязанности начальника не исполнял), Пермская губерния – 6, Тобольская губерния – 28 (6), Омская область (Омск) – 16, Томская губерния – 25 (6), Енисейская губерния – 18 (7) и Иркутская губерния – 18 чел. (1). Десять человек в разное время занимали должность начальника жандармского управления в двух губерниях округа, 5 чел. – в трех губерниях и 2 чел. – в пяти губерниях (Я.Д. Казимирский в двух должностях так и не служил, а И.Д. Сунцев не служил в одной должности). Четверо офицеров дважды занимали должность начальника одного и того же управления, при этом Я.Д. Казимирский дважды был штаб-офицером и в Томской, и в Енисейской губернии. Все остальные лица занимали должность начальника губернского жандармского управления по одному разу.

Начальники жандармских управлений Сибирского жандармского округа

ФИО	Оренбургская губерния	Пермская губерния	Тобольская губерния	Омская обл. / г. Омск	Томская губерния	Енисейская губерния	Иркутская губерния
Акцынов Петр Николаевич					1883–1888 (п/п-к; п-к)		
Александров Николай Иванович					1876–1883 (п-к)		
Аммосов Михаил Николаевич				1870 (п/п-к)			
Апостол-Кезич Александр Иванович							1851–1852 (м-р)
Арандаренко Дмитрий Иванович			1841* (м-р)				
Афанасьев Николай Иванович			1887–1892 (п/п-к; п-к)				
Банин Александр Сергеевич						1868–1875 (п/п-к; 1872 – п-к)	
Бекнев Александр Николаевич			1894–1898 (п/п-к; п-к)				
Бланкенгорн Владимир Васильевич			1876–1880 (п/п-к; п-к)				
Богинский Дмитрий Иванович			1880* (п/п-к)				
Борк Николай Игнатьевич						1853–1868** (м-р; п/п-к, п-к)	
Васильев Александр Дмитриевич					1841–1842* (п/п-к)	1837–1840* (м-р) 1842–1846* (п/п-к)	
Вендрих фон Федор Федорович		1844–1845 (м-р)		1845–1854 (м-р; п/п-к)	1854–1858 (п/п-к; п-к)		
Вилль Александр Андреевич					1871–1876 (п/п-к; п-к)		

Продолжение таблицы

ФИО	Оренбургская губерния	Пермская губерния	Тобольская губерния	Омская обл. / г. Омск	Томская губерния	Енисейская губерния	Иркутская губерния
Вознесенский Петр Дмитриевич						1896–1903 (п/п-к; п-к)	
Волховский Петр Григорьевич							1837–1838* (м-р)
Вульф Иван Петрович			1892–1894 (п/п-к; п-к)				
Гарновский Александр Иоакимович				1883–1889 (п/п-к; п-к)			
Гедде Константин Федорович				1856–1858 (м-р)			
Герасимов Александр Моисеевич		1856–1858 (п/п-к)		1854–1856 (п/п-к)	1858–1862 (п/п-к; п-к)		
Герасимов Михаил Виссарионович						1875–1881 (п/п-к; п-к)	
Горновский Павел Иванович					1854* (м-р; п/п-к)		
Горошковский Василий Павлович							1845–1848 (м-р)
Гофман Карл Логинович			1837 (м-р)				
Де-Лазари Николай Николаевич				1892–1898 (п-к)			
Дубасов Николай Дмитриевич						1894* (п/п-к; п-к)	
Дувинг Афанасий Александрович							1853–1874 (м-р; п/п-к, п-к)
Енько-Даровский Александр Осипович			1847–1848 (п/п-к)				
Ермолин Степан Иванович						1850* (м-р)	
Жадовский Николай Евстафьевич		1840–1844 (п/п-к; п-к)					
Заранек Антоний Онуфриевич			1863–1867 (п-к)				
Змиев Сергей Васильевич			1902–1905 (п-к)				
Иков Виктор Петрович			1886–1887 (п/п-к)				1884–1886 (п/п-к)
Иолшин Александр Осипович	1832–1835 (п/п-)						
Каверин Алексей Павлович						1846–1850 (п/п-к; п-к)	
Казимирский Яков Дмитриевич			1835–1836* (м-р)		1834–1835 (м-р) 1836–1837 (м-р)	1834 (м-р) 1842* (п/п-к)	
Казинцов Евгений Максимович					1902 (п/п-к; п-к)		
Келлер Владимир Васильевич					1888–1890 (п/п-к; п-к)		1880–1884 (м-р; п/п-к)
Кистер Федор Петрович			1862–1863 (п/п-к)				
Кодлевский Егор Иванович							1840– 1842** (м-р)
Козлов Арсений Федорович			1841* (м-р)				
Колен фон Карл Яковлевич			1848–1862 (п/п-к; п-к)				
Комаевский Карл Казимирович						1842* (п-к)	
Косинский Дмитрий Федорович		1836–1840 (п/п-к)	1840 (п/п-к)				
Краевский Александр Григорьевич	1838–1843 (м-р; п/п-к)						
Кретковский Киприан Фаустинович					1862–1866 (м-р)		

Окончание таблицы

ФИО	Оренбургская губерния	Пермская губерния	Тобольская губерния	Омская обл. / г. Омск	Томская губерния	Енисейская губерния	Иркутская губерния
Рыкачев Владимир Петрович				1858–1869 (капитан; м-р; п/п-к; п-к)			
Рындин Михаил Кириллович							1849–1850 (п-к)
Стаценко Платон Михайлович			1871–1874 (п/п-к; п-к)				
Сунцев Илья Данилович			1833* (м-р)	1834–1835 (м-р) 1836–1837 (м-р)	1834 (м-р)		1835–1836 (м-р)
Тиц Платон Николаевич					1866–1870 (м-р; п/п-к)		
Тунцельман фон Адлерфлуг Франц-Эдуард Егорович			1870–1871* (п/п-к)				
Черкасов Иван Львович	1836–1837 (п/п-к)		1834–1835 (п/п-к)		1835–1836* (п/п-к)		
Чуйков Виктор Павлович						1841–1842 (п/п-к)	
Шевелев Михаил Григорьевич					1854* (п/п-к)		
Шишмарев Михаил Семенович					1838–1840 (м-р)		
Шрамм Николай Федорович				1870–1882 (п/п-к; п-к)			
Щетинин Александр Николаевич					1890–1893 (п-к; г/м-р)		
Эшенбах Михаил Александрович						1894–1896 (п/п-к; п-к)	
Янковский Виктор Осипович							1874–1880 (п-к)
Яныш Николай Николаевич			1874–1876 (п/п-к)				
Яхонтов Александр Дмитриевич					1870–1871 (п/п-к)		

Примечания. М-р – майор, п/п-к – подполковник, п-к – полковник, г/м-р – генерал-майор, * – обязанности должности не исполнял, ** – скончался при исполнении обязанностей должности. Составлено по: Приказы по [Отдельному] Корпусу жандармов за 1832–1905 гг. СПб., 1832–1905.

Для 27 человек (29% от общего числа) должность губернского жандармского штаб-офицера / начальника губернского жандармского управления в Сибири являлась первой должностью на жандармской службе (из них 8 чел. обязанности должности не исполняли). Практически все эти лица за исключением одного поступили на службу в Корпус жандармов в первые десятилетия как его существования, так и жандармского округа в Сибири: в 1831–1840 и 1841–1850 гг. по 12 чел., в 1851–1860 – 2 чел., что свидетельствовало о дефиците кадров для заполнения штаб-офицерских должностей, и корпусное начальство было вынуждено только что принятых на жандармскую службу офицеров ставить на указанные должности. Однако со временем из-за роста числа желающих надеть голубой мундир кадровая проблема исчезла, и в сибирские губернии стали отправляться сотрудники, уже имевшие за плечами опыт жандармской службы. Так, последним, кто при вступлении в ряды жандармов сразу встал во главе губернского управления, был А.Д. Яхонтов, которого в марте 1870 г. после перевода в Корпус жандармов назначили начальником Томского ГЖУ.

Если посмотреть на годы поступления на жандармскую службу лиц, в разное время занимавших долж-

ность начальника жандармских управлений в сибирских губерниях, то получится следующая картина: в 1820-е гг. поступили 2 чел.; в 1831–1840 гг. – 26 чел., в 1841–1850 гг. – 18, в 1851–1860 гг. – 8, в 1861–1870 гг. – 22, в 1871–1880 гг. – 8, в 1881–1890 гг. – 9 чел. Если для принятых на жандармскую службу в 1830–1840-е гг. это была в среднем вторая должность, то в 1850-е гг. – третья, в 1860-е гг. – четвертая, а в 1870–1880-е гг. – четвертая или пятая должность. В среднем же для всех 93 лиц это была третья по счету должность на жандармской службе. Приведенные цифры свидетельствуют о постепенном исчезновении со второй половины XIX в. кадровой проблемы в жандармском ведомстве и появлении возможности на такие ответственные должности, как губернский жандармский штаб-офицер, назначать сотрудников, уже имевших за своими плечами достаточный опыт жандармской службы.

Шестнадцать человек (17% от общего количества) до занятия должности начальника губернского жандармского управления уже занимали подобные должности. Среди них выделяется А.-В.Е. фон Мерклин, который до занятия должности начальника Омского жандармского управления прослужил начальником шести различных губернских жандармских управле-

ний 27,5 лет. Указанное количество лиц занимали в среднем по две должности начальника жандармского управления со стажем работы на них также в среднем 5,5 лет. Однако для подавляющего большинства, 77 чел. (83% от общего количества), должность начальника одного из ГЖУ СЖО была первой подобной должностью, что можно расценивать как несомненное продвижение вперед в жандармской карьере.

25 человек (27% от общего количества) были определены на службу в Корпус жандармов из отставки. По годам эта информация выглядит следующим образом: в 1820-е гг. – 2 чел., 1830-е гг. – 7, 1840-е гг. – 6, 1850-е и 1860-е гг. – по 2, 1870-е гг. – 3, 1880-е гг. – 2. Такие цифры могут свидетельствовать о том, что в первые десятилетия существования жандармского ведомства определение туда на службу лиц из отставки являлось одним из способов решения существовавшей в данном ведомстве кадровой проблемы. Со второй половины XIX в. количество принятых из отставки в жандармское ведомство лиц начало сокращаться по целому ряду причин. Из них главной, на наш взгляд, являлся рост престижности жандармской службы, что обусловило увеличение количества желающих вступить в ряды жандармов из числа находившихся на действительной военной службе офицеров, из которых начальство Корпуса жандармов и могло отбирать приемлемых для себя кандидатов. Остальные лица, занимавшие должность начальника жандармского управления в жандармском округе в Сибири, 68 чел. (73% от общего количества), были переведены в Корпус жандармов с действительной военной службы.

Жандармское начальство редко использовало перемещение занимаемых один и те же должности сотрудников в различных жандармских управлениях по принципу «один на место другого». За всю историю существования жандармского округа в Сибири было всего четыре случая подобных перемещений: в 1830-е гг. – 1, 1840-е гг. – 2, 1880-е гг. – 1. Нечастая практика использования такого способа ротации кадров на местах может свидетельствовать о том, что жандармское начальство не стремилось к наличию определенного количества своих сотрудников, уже имевших опыт руководства ГЖУ в Сибири, а старалось направлять в регион людей, никогда до этого здесь не служивших. В подтверждение такого вывода можно указать, что только у 11 чел. (12% от общего числа) до первого занятия ими должности начальника одного из жандармских управлений СЖО уже имелся опыт службы в Сибири на должностях адъютантов, помощников губернских управлений или в управлении округа (А.А. Вилль, А.И. Гарновский, К.Ф. Гедде, А.М. Герасимов, Е.М. Казинцов, В.В. Келлер, А.Г. Краевский, М.П. Кузьмин, А.А. Мацкевич, А.К. Мишо и В.П. Рыкачев). В среднем за плечами у них было 1–2 должности на жандармской службе со сроком занятия их также в среднем 6 лет и 2 мес. Среди них выделяется А.И. Гарновский, у которого двадцатилетняя служба в Корпусе жандармов целиком прошла в Сибири, и до занятия должности начальника Омского жандармского управления он прослужил на четырех должностях в различных жандармских управлениях в Сибири с общим

временем занятия их почти в 15 лет. Для остальных 82 чел. (88%) должность начальника одного из губернских управлений была их первым местом службы в Сибири.

Еще одним свидетельством кадровой проблемы при выборе начальников жандармских управлений в сибирские губернии в первые десятилетия существования жандармского ведомства является длительное время вакантности указанных должностей. Согласно нашему подсчету, произведенному на основе приказов по Корпусу жандармов, общее время отсутствия начальников всех жандармских управлений в составе жандармского округа в Сибири составляло 15,5 лет: Оренбургская и Пермская губернии – по 2 мес., Тобольская губерния – 3 года, Омск – 2 года и 7 мес., Томская губерния – 2 года и 8 мес., Енисейская губерния – 2 года и 8 мес. и Иркутская губерния – 4 года и 3 мес. Учитывая, что округ просуществовал 69 лет, получается, что около четверти из этого времени место начальника губернских управлений являлось вакантным. В первые два десятилетия существования округа должность начальника всех жандармских управлений оставалась незанятой в общей сложности 9 лет и 7 мес., т.е. более 3/5 от общего времени вакантности. Со второй половины XIX в. сроки назначения на должность главы жандармского управления стали снижаться: если до начала 50-х гг. XIX в. назначение нового начальника после ухода предыдущего в течение от 1 до 15 дней насчитывало 20 случаев, от 16 до 30 дней – 3, от 1 до 3 мес. – 13 и свыше 3 мес. – 16 случаев, то со второй половины XIX в. эти цифры составляли 40, 9, 9 и 4 случая соответственно. Случаев назначения нового начальника в тот же день, что и перемещение предыдущего начальника, за все время существования жандармского округа насчитывается 41 (28,5% от общего числа назначений).

Занятие должности губернского жандармского начальника предполагало наличие определенных воинских званий. В Положении о Корпусе жандармов 1836 г. было указано: «Управление губернское поручается губернским жандармским штаб-офицерам, которые полагаются в чине от майора до полковника включительно» [11. С. 774]. В положении устанавливалось следующее количество штаб-офицеров на весь жандармский корпус: полковников – 7, подполковников – 32, майоров – 27, всего – 66 чел. При этом разрешалось каких-то штаб-офицерских чинов иметь более указанного числа, однако не выходя за рамки их общего количества. Со временем число штаб-офицеров будет постепенно увеличиваться за счет учреждения новых губернских жандармских управлений, а также по причине появления новых должностей на жандармской службе – в 1841 и 1842 гг. появятся должности жандармских штаб-офицеров для наблюдения за порядком на золотых приисках в Западной и Восточной Сибири [12].

Наличие званий при первом вступлении в должность начальника жандармского управления СЖО распределилось следующим образом: майор – 34, подполковник – 46, полковник – 12 чел. В.П. Рыкачев был единственным из всех, кто первоначально при вступлении в должность не имел штаб-офицерского чина.

В июле 1858 г. с должности старшего адъютанта 8-го жандармского округа он был перемещен на должность жандармского штаб-офицера в Омске, имея чин капитана. В апреле 1859 г. на этой же должности он получил чин майора, а уже в июне следующего года его произвели в подполковники, что являлось одним из самых быстрых случаев чинопроизводства среди всех начальников жандармских управлений в Сибири. Информация о воинских званиях по отдельным управлениям в момент вступления в должность их начальника выглядит следующим образом. Оренбургская губерния: майор – 2, подполковник – 3; Пермская губерния: майор – 2, подполковник – 4; Тобольская губерния: майор – 10, подполковник – 16, полковник – 3; Омск: капитан – 1, майор – 6, подполковник – 6, полковник – 4; Томская губерния: майор – 9, подполковник – 14, полковник – 3; Енисейская губерния: майор – 7, подполковник – 11, полковник – 2; Иркутская губерния: майор – 9, подполковник – 4, полковник – 5. Из этих данных можно увидеть, что чаще всего офицеры вступали в должность начальника управления в чине подполковника (58) и майора (45), только потом шел полковник (17) и замыкал это список капитан (1 чел.).

Вступление в должность начальника жандармского управления в сибирских губерниях в первом штаб-офицерском чине, майора, характерно для первых десятилетий существования жандармского округа за Уралом: если в 1833–1840 гг. было 16 лиц, занявших в первый раз должность губернского штаб-офицера в майорском звании (всего 25 случаев, учитывая перемещения в том же звании некоторых лиц из одной губернии в другую), то в 1841–1850 гг. – 8 лиц (10 случаев), а в 1851–1860 гг. – 6 лиц (перемещений не было). Такая ситуация объяснялась тем, что в указанное время в жандармском ведомстве существовал незначительный перечень должностей, которые могли занимать служащие в чине майора: губернский штаб-офицер, штаб-офицер для особых поручений в каждом жандармском округе (кроме 3-го жандармского округа, в Царстве Польском, где эту должность занимало двое лиц), младший штаб-офицер в Варшавском, Московском и Санкт-Петербургском жандармских дивизионах (в первом одно лицо, в остальных – по двое) и старшие адъютанты Штаба Корпуса жандармов (3 чел.). С развитием организационной структуры жандармского ведомства появляются новые должности, занятие которых допускалось лицами в майорском звании: начальники уездных жандармских управлений в губерниях Западного края (с 1863 г.) и в Царстве Польском (с 1866 г.), помощники начальника ГЖУ и начальники конных жандармских команд (с 1867 г.), начальники жандармских полицейских управлений железных дорог (ЖПУ ЖД) (с 1868 г.), а затем отделений последних. Это привело к снижению количества лиц в чине майора, занимавших должности начальников жандармских управлений СЖО: в 1861–1870 гг. было два лица в этом звании, в 1871–1880 и в 1881–1890 гг. – по одному лицу. Высочайшим указом от 6 мая 1884 г. произошло упразднение воинского звания майор. Находившиеся в этом звании лица были произведены в подполковники, включая и служащих Отдельного корпуса жандармов [13].

Второе по старшинству штаб-офицерское звание, подполковника, имела половина лиц при первом вступлении в должность губернского жандармского начальника в Сибири. Если вновь обратиться к статистическим данным по десятилетиям, то они будут выглядеть следующим образом: в 1833–1840 гг. – 8 чел. вступили в первую должность начальника жандармского управления в звании подполковника, в 1841–1850 гг. – 5, в 1851–1860 гг. – 2, в 1861–1870 гг. – 6, в 1871–1880 гг. – 7, в 1881–1890 гг. – 5, в 1891–1900 гг. – 11, в 1901–1902 гг. – 2 чел. То есть большинство подполковников занимали должность губернских жандармских начальников в последней трети XIX в. К этому времени кадровая проблема в жандармском ведомстве исчезла, и, следовательно, у высшего жандармского начальства появилась возможность на высокие должности назначать чинов, прошедших такие низовые должностные ступени, как, например, адъютанты различных жандармских управлений, начальники губернских жандармских команд, помощники начальников ГЖУ и пр.

В 1880-е гг. в жандармском ведомстве наметилась практика не прямого назначения на должность начальников ГЖУ, а присвоения им приставки «исполняющий должность». Спустя какое-то время назначенного таким образом сотрудника либо утверждали в этой должности, либо переводили на другое место службы. Нами выявлено 18 случаев, из которых только в одном – назначение 14 декабря 1901 г. подполковника Мочалова начальником Томского ГЖУ – не прошло утверждения в должности, и через шесть дней он был прикомандирован к Штабу Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ, именно так с 1875 г. стал именоваться Корпус жандармов). В двух случаях исполняющими обязанности начальника ГЖУ являлись лица в чине майора (В.В. Келлер – начальник Иркутского ГЖУ с 30 ноября 1880 г. и М.П. Кузьмин – начальник Енисейского ГЖУ с 20 декабря 1881 г.). В остальных 15 случаях лица назначались в чине подполковника и получили в сравнительно короткое время утверждение в занимаемой ими должности (только в одном случае срок утверждения был чуть более года, в среднем же для всех лиц он составил 4 месяца с момента назначения). В 17 случаях с утверждением в должности одновременно следовало и последующее чинопроизводство: в двух – подполковника, в 15 – полковника.

Назначение исполняющим должность начальника одного из ГЖУ СЖО было во многом вынужденной мерой по той причине, что согласно принятому в августе 1886 г. штатному распределению должностей починам в ОКЖ должность начальника ГЖУ могли занимать лица в звании полковника и генерал-майора. Отсутствие необходимого количества офицеров в звании полковника вынуждало командование Корпуса назначать на должности начальников ГЖУ своих сотрудников в чине подполковника с приставкой «исполняющий должность», впоследствии принимая решение об их утверждении или переводе на другую должность. Согласно утвержденным в сентябре 1886 г. правилам о чинопроизводстве в ОКЖ появилась возможность производства подполковников в полковники «вне нормы наград при назначении на должности»

начальников ГЖУ, ЖПУ ЖД и командиров жандармских дивизионов [14]. Быстрое утверждение в занимаемой должности с одновременным производством в звание полковника можно рассматривать как способ поощрения сотрудников жандармского ведомства, особенно тех, кто впервые отправлялся на службу в Сибирь, отдаленный и суровый по климатическим условиям регион: из 16 человек, первоначально работавших как «исполняющий должность начальника ГЖУ» в сибирских губерниях, только четверть – Е.М. Казинцов, В.В. Келлер, М.П. Кузьмин и А.А. Мацкевич – уже имели опыт службы в Сибири, остальные же проходили там службу впервые (при этом Келлер дважды исполнял должности начальника ГЖУ в Сибири – Енисейского и Томского ГЖУ). Для Н.И. Афанасьева, А.Н. Бекнева и М.П. Ножина прошло четыре года между получением ими чина подполковника и полковника с одновременным утверждением в должности начальника одного из сибирских ГЖУ. Для остальных лиц прошло от 6 до 12 лет, а в среднем же для 15 лиц – 7 лет и 3 мес.

Из всех штаб-офицерских званий при вступлении в первую должность начальника жандармского управления СЖО меньше всего было лиц в чине полковника – 12 чел. По десятилетиям вступления в должность они распределились следующим образом: 1833–1840 гг. – 1, 1841–1850, 1861–1870, 1871–1880 гг. – по двое, 1881–1890 гг. – 3, 1891–1900, 1901–1902 гг. – по одному. Такое незначительное количество лиц со званием полковника объясняется их меньшим количеством среди штаб-офицерского состава Корпуса жандармов. Как правило, лица в чине полковника нечасто перемещались на должности начальников других жандармских управлений, а если это и происходило, то не более чем один-два раза. Так, из переведенных на службу в Сибирь 12 лиц в чине полковника четверо (А.О. Заранек, К.К. Комаевский, В.К. Никольский и А.Н. Щетинин) затем занимали еще одну должность на жандармской службе, трое (Н.И. Александров, А.И. Лакс и М.К. Рындин) – две должности, и один (В.О. Янковский) – три должности, после чего все они были уволены в отставку, в то время как четверо переведенных полковников (Н.Н. Де-Лазари, С.В. Змиев, А.М. Логинов и А.-В.Е. фон Мерклин) с должности начальника одного из ГЖУ СЖО были отправлены в отставку.

До 1867 г. наличие на должности губернского жандармского штаб-офицера служащего в генеральском звании являлось, скорее, исключением из правил. По положению о Корпусе жандармов 1867 г. из общего числа 55 начальников ГЖУ допускало иметь 1/6 часть, т.е. 9 чел., в чине генерал-майора, а для Московской губернии – в чине генерал-лейтенанта (при этом здесь не учитывались 10 и 5 ГЖУ, входивших в состав соответственно Варшавского и Кавказского жандармских округов, где начальникам управлений предполагалось быть в штаб-офицерских чинах) [15. С. 706]. Это соотношение сохранялось на протяжении почти 20 лет, пока в Высочайше утвержденном 31 августа 1886 г. расписании распределения должностей по чинам в ОКЖ не последовали изменения: начальник Московского ГЖУ мог быть в должности генерал-майора или гене-

рал-лейтенанта, начальники Санкт-Петербургского и Шлиссельбургского ГЖУ могли быть в чине полковника или генерал-майора, а 1/5 начальников от общего числа остальных управлений (70 ГЖУ и 15 ЖПУ ЖД), т.е. 17 чел., могли быть в чине генерал-майора [16].

Несмотря на то, что никто в губернские управления СЖО не переводился в звании выше полковника, три человека на должности начальника этих управлений смогли дослужиться до своеобразного «потолка» в званиях на указанной должности – генерал-майора – А.-В.Е. фон Мерклин, В.К. Никольский и А.Н. Щетинин. Все трое получили генеральское звание за отличие. Первые двое занимали последовательно друг за другом одну и ту же должность – начальника Омского жандармского управления (при этом Мерклин будет уволен в отставку через год после получения этого звания, а двое остальных будут переведены на должности начальников ГЖУ в европейской части России и уволены в отставку с производством в чин генерал-лейтенанта). Следует отметить, что после ликвидации в 1902 г. СЖО среди руководителей сибирских ГЖУ был только один человек, которого произведут в звание генерал-майора при занятии указанной должности – А.К. Вельк, занимавший должность начальника Тобольского ГЖУ в 1906–1913 гг. сначала в чине полковника, а с 6 декабря 1909 г. – в чине генерал-майора (17 мая 1913 г. он будет уволен с этой должности в отставку с производством в генерал-лейтенанты [17]).

Начальники жандармских управлений подчинялись не только корпусному руководству, но также и начальнику жандармского округа в Сибири, в состав которого входили их управления. Несмотря на то, что окружной жандармский начальник не мог сам напрямую решать вопросы о назначении, перемещении, снятии начальников управлений в подведомственном ему округе, так как это находилось в сфере компетенции высшего жандармского начальства, однако он мог влиять на эти вопросы, давая в своих донесениях характеристику начальникам управлений, сообщая о них различного рода сведения. Руководство ОКЖ иногда само обращалось к окружному начальнику с различными вопросами и даже просьбами насчет того или иного начальника ГЖУ. Так, например, в январе 1890 г. начальник Штаба ОКЖ генерал-лейтенант Н.И. Петров, обращаясь к начальнику СЖО генерал-майору Н.И. Александрову, просил последнего повлиять на начальника Томского ГЖУ полковника В.В. Келлера, который, как стало известно корпусному начальству, приносит малую пользу на занимаемой им должности, нетактичен с местными властями и «обнаруживает сверх того пристрастие к употреблению крепких напитков». Если указанный полковник, продолжал Петров, не перестанет вести такой образ жизни, то ему немедленно предложат оставить жандармскую службу. В ответ Александров подтвердил информацию о неэффективной деятельности полковника Келлера на занимаемой им должности и его пагубной страсти к спиртному, а также сообщил, что уже никак не может изменить эту ситуацию в лучшую сторону. Со своей стороны Александров ходатайствовал о необходимости замены Келлера в должности начальника Томского ГЖУ,

предлагая на этот пост своего кандидата – подполковника Маркова, помощника начальника Орловского ГЖУ в Елецком уезде (в свое время он был подчиненным Александрова, когда последний возглавлял Орловское ГЖУ) [18. Л. 1–5]. Ходатайство Александрова жандармское начальство приняло к сведению, но выполнило частично: уже в феврале 1890 г. Келлер был отстранен от занимаемой им должности, а в конце того же года отправлен в отставку, однако его место занял не предложенный Александровым кандидат, а начальник Смоленского ГЖУ полковник А.Н. Щетинин, 20 лет прослуживший в Корпусе жандармов, из коих 18 лет занимая должности начальников губернских управлений [19].

Нельзя сказать, что должность начальника жандармского управления СЖО являлась местом спокойной службы для получения необходимого перед увольнением со службы стажа и разного рода привилегий. Пожалуй, только про одного человека можно сказать, что он был отправлен на службу в Сибирь тихо и мирно дослуживать свой век, – А.-В.Е. фон Мерклина. До перевода в марте 1889 г. на должность начальника Омского жандармского управления его общий стаж военной службы насчитывал почти 40 лет (плюс к этому 9 лет он находился в отставке), из них в Корпусе жандармов он прослужил четверть века. Через месяц после своего назначения в Омск он получил чин генерал-майора (в возрасте 66 лет), а еще через год был уволен в отставку с мундиром и пенсией. Омск в какой-то мере действительно можно рассматривать как сравнительно тихое и спокойное место жандармской службы по сравнению с другими сибирскими губерниями. Штат управления в Омске был самым маленьким из всех управлений, входящих в состав СЖО. Деятельность управления долгие годы распространялась только на город Омск, дополнительные пункты жандармского наблюдения этого управления появились только в самом конце XIX – начале XX в.: в 1896 г. – в Петропавловске Акмолинской области, а в 1903 г. – в Семипалатинске одноименной области. С 1904 г. деятельность Омского жандармского управления получила распространение на всю территорию Степного генерал-губернаторства (Акмолинская и Семипалатинская области). Неслучайным является и тот факт, что из всех управлений в составе СЖО в должности начальника Омского жандармского управления было самое меньшее количество лиц – 16 чел.

Говоря об успешности кадровой политики жандармского ведомства в вопросе выбора начальников жандармских управлений в Сибири, следует отметить, что за редким исключением, как, например, упомянутый случай с В.В. Келлером, занимавшие указанную должность оправдывали ожидания своего начальства. Никто из начальников управлений не был отдан под суд за случаи хищения, взяточничества, за какие-либо должностные или другого рода преступления. Для большинства должностей начальника жандармского управления СЖО стала важной ступенью в их жандармской карьере. Об этом свидетельствует тот факт, что половина лиц, 47 человек, смогла в голубом мундире дослужиться до генеральских званий: 36 чел. по-

лучили чин генерал-майора (из них 11 продолжили службу, а 25 были произведены в этот чин при увольнении в отставку), а 11 лиц получили второе генеральское звание – генерал-лейтенанта (2 и 9 чел. соответственно). Я.Д. Казимирский, В.А. Мосолов и Н.И. Александров сделали успешную в жандармском ведомстве карьеру: вместе с генеральскими званиями они в разное время занимали должность начальника жандармского округа в Сибири, которая являлась одной из высших должностных ступеней на жандармской службе, так как согласно положениям о Корпусе жандармов 1836 и 1867 гг. окружные жандармские начальники приравнивались к начальникам армейских дивизий (выше находилось только руководство корпуса – Шеф жандармов и начальник Штаба). Говоря о карьерных достижениях других лиц, нельзя не упомянуть и А.И. Лакса, поступившего на службу в жандармское ведомство в декабре 1859 г., с июня 1867 г. по февраль 1870 г. в чине полковника занимавшего должность начальника Тобольского ГЖУ, далее служившего начальником Эстляндского и Лифляндского ГЖУ (с апреля 1879 г. в чине генерал-майора), а в феврале 1887 г. он получил новое для себя назначение – томский губернатор с одновременным зачислением по полевой пешей артиллерии [20]. Правда, на последней должности он пробыл чуть более года – до апреля 1888 г., когда скончался от воспаления легких [21. С. 128].

Таким образом, за почти 70-летнюю историю существования жандармского округа за Уралом в его состав входило семь губернских жандармских управлений (с 1858 г. осталось пять, из них четыре – губернские управления и одно в г. Омске). Должность начальников этих управлений занимали 93 человек (из них 19 в реальности обязанности этой должности не исполняли). Подавляющее большинство из этого числа лиц имело штаб-офицерские звания. В первые десятилетия существования жандармского округа при выборе штаб-офицеров в сибирские губернии жандармское ведомство испытывало определенные трудности из-за дефицита опытных офицерских кадров. По этой причине первые губернские жандармские штаб-офицеры в Сибири являлись недавно перешедшими в Корпус жандармов лицами, и подобное назначение было для них первым местом службы. С развитием жандармской службы подобная проблема исчезла, и управление Корпуса жандармов получило возможность отправлять в Сибирь уже опытных своих сотрудников, прошедших целый ряд ступеней на жандармской службе, начиная от адъютантов управлений. Это отразилось и на званиях начальников жандармских управлений: если в первые два десятилетия существования жандармского округа в Сибири начальники управлений, как правило, находились в первом штаб-офицерском звании – майора, позволявшем им занимать такие должности, то впоследствии начальники управлений будут выше званием, а в конце XIX – начале XX в. будут не ниже полковника, как того требовало штатное расписание ОКЖ. Жандармское начальство при назначении губернских жандармских начальников в Сибирь не рассматривало в качестве главного критерия наличие опыта службы в Сибири, отправляя сюда в большин-

стве случаев людей, ранее в Сибири не служивших и не имевших каких-либо связей в местном обществе, видимо, таким образом надеясь на добросовестное исполнение ими служебных обязанностей. С момента

ликвидации в 1902 г. СЖО губернские жандармские управления продолжили свою деятельность на территории Сибири, теперь напрямую подчиняясь начальству ОКЖ.

Список источников

1. Барсук С.Н. Особенности кадрового обеспечения политической полиции в Российской империи на этапе её зарождения // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2018. № 2(46). С. 84–89.
2. Бибииков Г.Н. Создание жандармских учреждений на Кавказе в конце 1820-х – начале 1840-х гг. // Российская история. 2018. № 3. С. 134–158. doi: 10.7868/S0869568718030123
3. Страхов Л.В., Перегудов А.В. Воронежские жандармы в эпоху модерна. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2019. 280 с.
4. Бриль Г.Г., Зайцев Л.Н. Политическая полиция в Костромской губернии и её кадровый состав в 1826–1867 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 221–227. doi: 10.34216/1998-0817-2020-26-1-221-227
5. Румянцев П.П. Жандармские штаб-офицеры и начальники губернского жандармского управления в Томской губернии: практика назначения и социальный портрет // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 141–149. doi: 10.17223/15617793/457/17
6. Власов А.Е., Штепа А.В. Начальствующий состав корпуса жандармов в Калужской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 4 (50). С. 33–43. doi: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-33-43
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. (ПСЗРИ-2). СПб. : в Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1839. Т. 13 (1838 г.), ч. 1. № 11122. С. 272–276.
8. ПСЗРИ-2. СПб. : в Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1839. Т. 13 (1838 г.), ч. 2. № 11690. С. 250.
9. ПСЗРИ-2. СПб. : в Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1842. Т. 16 (1841 г.), ч. 1. № 14316. С. 160.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 2. Д. 1909.
11. ПСЗРИ-2. СПб. : в Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1837. Т. 11 (1836 г.), ч. 1. № 9355. С. 772–782.
12. Бибииков Г.Н., Бакшт Д.А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3. С. 16–24.
13. Приказ по Отдельному корпусу жандармов № 51 от 10 мая 1884 г.
14. Приказ по Отдельному корпусу жандармов № 81 от 24 сентября 1886 г.
15. ПСЗРИ-2. СПб. : в Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1871. Т. 42 (1867 г.), ч. 2: Штаты и табели. № 44956. С. 705–710.
16. Приказ по Отдельному корпусу жандармов № 81 от 24 сентября 1886 г.
17. Приказ по Отдельному корпусу жандармов № 142 от 21 мая 1913 г.
18. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 6926.
19. Приказы по Отдельному корпусу жандармов № 17 от 23 февраля 1890 г., № 33 от 17 апреля 1890 г.
20. Приказ по Отдельному корпусу жандармов № 14 от 17 февраля 1887 г.
21. Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы : биобиблиогр. указатель / науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Ветер, 2012. 224 с.

References

1. Barsuk, S.N. (2018) Osobennosti kadrovogo obespecheniya politicheskoy politzii v Rossiyskoy imperii na etape ee zarozhdeniya [The staffing of the political police in the Russian Empire at the stage of its inception]. *Vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii*. 2(46). pp. 84–89.
2. Bibikov, G.N. (2018) Sozdanie zhandarmsskikh uchrezhdeniy na Kavkaze v kontse 1820-kh – nachale 1840-kh gg. [Creation of gendarmerie institutions in the Caucasus in the late 1820s – early 1840s]. *Rossiyskaya istoriya – Russian History*. 3. pp. 134–158. DOI: 10.7868/S0869568718030123
3. Strakhov, L.V. & Peregudov, A.V. (2019) *Voronezhskie zhandarmy v epokhu moderna* [Voronezh gendarmes in the modern era]. Voronezh: Voronezh State University.
4. Bril, G.G. & Zaytsev, L.N. (2020) Political police of Kostroma Province and its cadre personnel in 1826–1867. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University*. 26(1). pp. 221–227. (In Russian). DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-1-221-227
5. Rumyantsev, P.P. (2020) Gendarme staff officers and heads of the provincial gendarme administration in Tomsk Province: The practice of appointment and the social portrait. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 457. pp. 141–149. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/457/17
6. Vlasov, A.E. & Shtepa, A.V. (2021) The commanding staff of the gendarmes corps in the Kaluga Province in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta – The Bryansk State University Herald*. 4(50). pp. 33–43. (In Russian). DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-33-43
7. Russia. (1839) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 2-e. (PSZRI-2)* [Complete Law of the Russian Empire. Collection 2 (PSZRI-2)]. Vol. 13(1). St. Petersburg: His Imperial Majesty's Own Chancellery. № 11122. pp. 272–276.
8. Russia. (1839) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 2-e. (PSZRI-2)* [Complete Law of the Russian Empire. Collection 2 (PSZRI-2)]. Vol. 13(2). St. Petersburg: His Imperial Majesty's Own Chancellery. № 11690. p. 250.
9. Russia. (1839) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 2-e. (PSZRI-2)* [Complete Law of the Russian Empire. Collection 2 (PSZRI-2)]. Vol. 16(1). St. Petersburg: His Imperial Majesty's Own Chancellery. № 14316. p. 160.
10. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 2. File 1909.
11. Russia. (1839) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 2-e. (PSZRI-2)* [Complete Law of the Russian Empire. Collection 2 (PSZRI-2)]. Vol. 11(1). St. Petersburg: His Imperial Majesty's Own Chancellery. № 9355. pp. 772–782.
12. Bibikov, G.N. & Baksht, D.A. (2016) The establishing of gendarmerie supervision on private gold mines in Siberia in 1841–1842. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3. pp. 16–24. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/41/3
13. Russia. (1884) *Prikaz po Otdel'nomu korpusu zhandarmov № 51 ot 10 maya 1884 g.* [Order for the Separate Corps of Gendarmes No. 51 dated May 10, 1884].
14. Russia. (1886a) *Prikaz po Otdel'nomu korpusu zhandarmov № 81 ot 24 sentyabrya 1886 g.* [Order for the Separate Corps of Gendarmes No. 81 of September 24, 1886].
15. Russia. (1871) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 2-e. (PSZRI-2)* [Complete Law of the Russian Empire. Collection 2 (PSZRI-2)]. Vol. 42(2). St. Petersburg: His Imperial Majesty's Own Chancellery. № 44956. pp. 705–710.
16. Russia. (1886b) *Prikaz po Otdel'nomu korpusu zhandarmov № 81 ot 24 sentyabrya 1886 g.* [Order for the Separate Corps of Gendarmes No. 81 of September 24, 1886].
17. Russia. (1913) *Prikaz po Otdel'nomu korpusu zhandarmov № 142 ot 21 maya 1913 g.* [Order for the Separate Corps of Gendarmes No. 142 of May 21, 1913].

18. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 2. File 6926.
19. Russia. (1890) *Priказы po Otdel'nomu korpusu zhandarmov № 17 ot 23 fevralya 1890 g., № 33 ot 17 aprelya 1890 g.* [Orders for the Separate Corps of Gendarmes No. 17 of February 23, 1890, No. 33 of April 17, 1890].
20. Russia. (1887) *Prikaz po Otdel'nomu korpusu zhandarmov № 14 ot 17 fevralya 1887 g.* [Order for the Separate Corps of Gendarmes No. 14 dated February 17, 1887].
21. Yakovenko, A.V. & Gakhov, V.D. (2012) *Tomskie gubernatory: biobibliogr. ukazatel'* [Tomsk Governors: A Biobibliographical Index]. Tomsk: Veter.

Сведения об авторе:

Румянцев Петр Петрович – кандидат исторических наук, доцент Томского государственного университета (Томск, Россия).
E-mail: petroom@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Rumyantsev Petr P. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: petroom@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.08.2022; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 10.08.2022; accepted for publication 11.11.2022

Научная статья

УДК 352.075

doi: 10.17223/19988613/80/9

Земские инициативы по совершенствованию правоохранительной системы на Урале в 1917 г.

Ирина Васильевна Семенченко

Филиал Южно-уральского государственного университета в г. Златоусте, Златоуст, Россия, semenchenko-58@mail.ru

Аннотация. Раскрываются мероприятия земств по совершенствованию правоохранительной системы после февральской революции 1917 г., когда в ведение земств вошли полиция, юридические консультации, мировые судьи и другие органы. Большую работу провели земства по замене полиции народной милицией на Урале. Деятельность земств заключалась в подборе кадров и улучшении материально-технической базы милиции. Выявлены и обоснованы как положительные, так и отрицательные черты данного процесса. На основании проведенного исследования автор рекомендует современным органам самоуправления использовать в своей работе исторический опыт земств.

Ключевые слова: земство, полиция, милиция, материально-техническая база милиции

Для цитирования: Семенченко И.В. Земские инициативы по совершенствованию правоохранительной системы на Урале в 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 90–93. doi: 10.17223/19988613/80/9

Original article

The zems initiatives for improving the law enforcement system in Urals in 1917

Irina V. Semenchenko

Branch of the South Ural State University in Zlatoust, Zlatoust, Russian Federation, semenchenko-58@mail.ru

Abstract. In the conditions of creating a law-based state, activization of local self-government bodies is of great importance. It is necessary that they become democratic, professional and mobile. Each local government should be a full-fledged and responsible owner in matters relating to meeting the daily needs and demands of people, implementing the allocated funds, using all local capacities and reserves. Traditionally, the local authorities are responsible for a significant part of the issues of public education, health, social protection of citizens, infrastructure, cooperative movement, environmental protection, law enforcement support and a number of other equally important aspects of life.

The aim of the work is to reveal the comprehensive activity of the zemstvos on the improvement of the law enforcement system in the Urals in 1917.

The main sources of work were the materials of central and local archives: the State Archives of the Russian Federation, the Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan, the State Archives of the Perm Region, the State Archives of the Orenburg Region, and others.

After the February Revolution, the zemstvos included such law enforcement agencies as the police, magistrates, legal advice, arrest houses and prisons.

Zemstvos strengthened the material and technical base of these institutions. They selected personnel, allocated funds for construction and reparation of premises, bought furniture, stationery, typewriters, telephone sets. Significant funds were allocated for equipment and personnel, wages and remuneration of the most distinguished employees.

An important and controversial was the question of staff. Some zemstvos believed that it was necessary to preserve old experienced staff, while simultaneously recruiting new personnel. Other zemstvos were categorically against the old staff and hastened to get rid of them, mercilessly dismissing them.

The resolution of the Zlatoust Uyezd Zemsky Assembly said that it was necessary to select the conscientious, knowledgeable people who could work with people loyal to their country.

However, in some places the cleaning of the old police officers was very harsh. For example, in the Orsk district, all former police officers were fired. The new composition of the police was horrific. Even people with criminal background were enlisted to the police. The same situation was observed in Verkhneuralsk Uyezd.

Zemstvos solved the housing problems of law enforcement officers. They also organized and financed courses for the training of police personnel, where along with theoretical studies, practical training was conducted, teaching to use weapons and hand-to-hand combat techniques. Such courses were held in Ufa, Chelyabinsk, Yekaterinburg.

With zemstvos, the material welfare of law enforcement officers has improved, as has the organizational structure and quality of work. The experience of the zemstvos of the Urals in the formation and maintenance of law enforcement institutions is enormous, and it must now be used in the work of local self-government bodies.

Keywords: zemstvo; politsiya; militsiya; material'no-tekhnicheskaya baza militsii

For citation: Semenchenko, I.V. (2022) The zems initiatives for improving the law enforcement system in Urals in 1917. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 90–93. doi: 10.17223/19988613/80/9

Традиционно на местные власти возлагается значительная часть вопросов народного образования, здравоохранения, социальной защиты граждан, инфраструктуры, кооперативного движения, охраны окружающей среды, поддержки правоохранительных органов и ряд других, не менее важных сторон жизнедеятельности. В настоящее время необходима активизация деятельности местных органов самоуправления. Важно, чтобы они стали демократичными, профессиональными и мобильными. Обратимся к историческому опыту работы земств, которые решали различные социально-экономические проблемы, в том числе способствовали совершенствованию правоохранительной системы на Урале.

Процесс преобразования полиции в милицию, начавшийся после Февральской революции 1917 г., был очень сложным и неоднозначным, имел как положительные, так и отрицательные черты. Немалую роль в этом процессе сыграли местные органы самоуправления – земства, в ведение которых вошли правоохранительные и некоторые судебные органы (милиция, юридические консультации, мировые судьи и пр.). Эти преобразования существенно повлияли на бюджетную политику земств, возложили на них работу по финансированию, снабжению и укреплению материальной базы данных структур.

6 марта 1917 г. Временное правительство издало постановление о ликвидации корпуса жандармов, а 10 марта – об упразднении департамента полиции [1. Д. 4. Л. 3]. Этими документами была провозглашена замена полиции народной милицией, которая переходила в ведение органов местного самоуправления [2. С. 43].

Вопрос о преобразовании полиции в милицию решался на совещаниях земских управ и на заседаниях земских собраний. Важным и спорным являлся вопрос о кадрах. Одни земства считали, что нужно сохранять старые опытные кадры и одновременно заниматься набором новых. Другие же земства были категорически против старых кадров и торопились избавиться от них, беспощадно увольняя. Однако само Временное правительство считало, что на службу нужно принимать «людей достойных из числа бывших чинов полиции и корпуса жандармерии» [Там же. С. 42]. В частности, Вятское уездное земство отмечало, что в милицию нужно принимать честных граждан из высших чинов полиции, способных выполнять свой долг [1. Д. 4. Л. 8]. Пермское уездное земство также ратовало за привлечение в народную милицию порядочных людей из бывшей полиции, считая, что такой подход к данному процессу является правильным и полезным для страны [Там же. Л. 9].

В постановлении Златоустовского уездного земского собрания говорилось, что «...в милицию нужно подбирать лица добросовестные, знающие свое дело, умеющие работать с людьми, преданные своей

стране» [3. Д. 863. Л. 5]. В резолюции Екатеринбургского уездного земства указывалось, что «в милицию нужно привлекать людей настойчивых, непримиримых к недостаткам, опытных, надежных и беспристрастных» [4. Д. 499. Л. 8].

Однако в некоторых местах чистка старых полицейских кадров велась очень жестко. Например, в Орском уезде были уволены все бывшие служащие полиции. Новый же состав милиции был ужасающим: в милицию проникли даже люди с криминальным прошлым. Такая же обстановка наблюдалась в Верхнеуральском уезде [5. С. 41].

17 апреля 1917 г. Временное правительство приняло постановление «Об улучшении милиции» и «Временное положение о милиции» [2. С. 45]. В этих документах определялись правовые основы организации и деятельности милиции. Милиция – исполнительный орган государственной власти. На местах (за исключением городов) она подчинялась уездному земству. Уездное земское собрание определяло количество участков и милиционеров в уезде, сумму средств на их содержание. Должность начальника милиции занимал один из членов уездной управы.

В милицию принимались лица, достигшие 21 года. Они обязательно должны были быть грамотными. Основная обязанность милиционера заключалась в том, чтобы «наблюдать за исполнением всех обязательных постановлений, касающихся охранения порядка и общественного спокойствия» [1. Д. 4. Л. 14].

Основные функции милиции обсуждались на уездных земских собраниях. Уфимское земское собрание считало, что основные обязанности милиции – охрана общественного порядка, борьба с хулиганством и воровством. Бирское уездное земское собрание постановило, что в обязанности милиционеров должно входить наблюдение за исполнением всеми гражданами основных законов государства. Стерлитамакское уездное земство считало, что милиция должна бросить все свои силы на борьбу с хищениями и грабежами. Пермское уездное земское собрание приняло решение, что милиция должна бороться со взяточничеством и спекуляцией. Златоустовское уездное земство указывало на необходимость борьбы милиции с пьянством и самогонварением. Верхнеуральское земство обращало внимание милиции на санитарное состояние улиц, площадей, дворов. Оренбургское уездное земство обязывало милицию следить за правилами движения транспорта на дорогах. Орское уездное земство призывало милицию обеспечивать спокойствие и порядок во время стихийных бедствий, например пожаров и наводнений, а также оказывать помощь пострадавшим гражданам [1. Д. 4. Л. 14].

Земские учреждения укрепляли материально-техническую базу правоохранительных органов. Они выде-

ляли средства на строительство и ремонт помещений для милиции, закупали мебель, канцелярские товары, пишущие машинки, телефонные аппараты. Значительные средства выделялись на снаряжение и обмундирование кадров, заработную плату и поощрение наиболее отличившихся работников.

В среднем заработная плата, к примеру, участковых милиционеров составляла 100–150 руб. в месяц. Поощрения за хорошую работу – от 20 до 80 руб. [6. Д. 1. Л. 3]. Земства решали и жилищные проблемы работников правопорядка. Они также организовывали и финансировали курсы по подготовке милицейских кадров, где наряду с теоретическими занятиями проводились и практические, обучающие владению оружием и приемам рукопашной борьбы. Такие курсы были проведены в Уфе, Челябинске, Екатеринбурге.

На совместных заседаниях милиции и земства не раз обсуждался вопрос о вреде пьянства и самогеноварения в регионе. В частности, на Златоустовском уездном земском собрании 3 июня 1917 г. выступал по данному вопросу участковый милиционер А.П. Фелелов. Он охарактеризовал плачевную обстановку в с. Дуван, где большинство мужского населения пьет и занимается самогеноварением. Златоустовское уездное земское собрание приняло решение обратиться ко всем культурным слоям населения: учителям, библиотекарям, священникам, муллам, – вести активную разъяснительную работу о вреде пьянства [3. Д. 263. Л. 4].

В целях профилактики в различных волостях Златоустовского уезда были проведены лекции о вреде алкоголизма силами библиотекарей, учителей, милиционеров. Например, в Дунайской волости было проведено 11 лекций, Кусинской – 9, Михайловской – 6, Верхне-Кигинской – 5 [Там же. Д. 863. Л. 4].

На совместных совещаниях представителей земских управ и милиции решались вопросы борьбы с хищениями на железнодорожном транспорте, спекуляцией и хулиганством, соблюдения правил торговли во время проведения ярмарок и базаров.

В 1917 г. были раскрыты преступления, связанные с хищением стройматериалов из вагонов на станциях Златоуст, Уржумка и др.

Правоохранительные органы указывали на необходимость бороться с любыми проявлениями бесхозяйственности, недобросовестного отношения к народному добру, халатности. Работники милиции проводили рейды по проверке хранения продуктов в магазинах, на базах, складах. Так, в селе Шаровка была уволена с работы продавец магазина, не обеспечившая надлежащее санитарное состояние помещения, что привело к порче многих товаров [Там же. Л. 4].

Активно велась борьба с хулиганством. В июне 1917 г., выступая на заседании Белебеевской уездной земской управы, милиционер Хужин отмечал, что «...хулиганство в селе Никифорово вредно отражается на развитии хозяйства и приводит к таким опасным явлениям, как преступность» [6. Д. 5 Л. 12]. Земство порекомендовало органам милиции в борьбе с хулиганством, наряду с мерами уголовного и административного характера, широко использовать профилактическую, воспитательную работу. Сотрудники правопорядка ор-

ганизовывали встречи с рабочими трудовых коллективов, выступали перед трудящимися с лекциями и докладами, проводили индивидуальные беседы.

Лучших работников милиции награждали грамотами, ценными подарками, выплачивали премии, публиковали статьи об их подвигах в газетах. К примеру, в Оренбургском уезде часто получали благодарности и денежные вознаграждения такие участковые милиционеры, как К.В. Яковлев, П.И. Богданов, А.Н. Трапезников, Н.П. Серов [7. Д. 2. Л. 166].

В Уфимском уезде навсегда останутся в памяти начальник уездной милиции М.Д. Нестеров и его заместитель И.Г. Елизаров. В Челябинском уезде достойны уважения начальники уездной милиции В.М. Лисовский, В.К. Шанкарёв, Г.Г. Морозов, начальник уголовного бюро Н.М. Костин.

Земства, решая совместно с милицией многие проблемы, содействовали становлению и воспитанию квалифицированных специалистов, преданных своему делу и равнодушных к судьбе страны.

В ведении земств находились также арестные дома и тюрьмы. Земства тратили немалые средства на строительство, ремонт, отопление этих учреждений, подбор специалистов для работы в них, выплату жалования, поощрение за хорошую работу.

На средства Челябинского уездного земства содержались, к примеру, Куртамышский и Чумлякский арестные дома. Челябинская уездная управа указывала на нецелесообразность этих домов и не раз поднимала вопрос о необходимости их упразднения и открытии одного арестного дома в с. Птичьем, где имелись лучшие условия для содержания арестованных. На очередном уездном земском собрании было решено выделить для реализации этой цели 1 904 руб. 38 коп., суточное содержание арестованного должно было составлять 1 руб. 37 коп. [8. С. 178].

Земства выделяли средства на увеличение продовольственных пайков для арестованных. Так, Златоустовское уездное земство добилося в 1917 г., чтобы суточное довольствие на одного человека в тюрьме составляло: обед – 35 коп., ужин – 21 коп., т.е. в день – 55 коп. А ранее, в 1916 г., в день тратилось на одного арестованного 7 коп. [3. Д. 863. Л. 18].

На содержании земств находились и мировые судьи, которые избирались уездными земскими собраниями. Челябинское уездное земское собрание в ноябре 1917 г. избрало 18 мировых судей, из них 15 участковых, 2 добавочных и одного председателя. Златоустовское уездное земское собрание в декабре 1917 г. разделило город и уезд на 15 участков и избрало 13 мировых судей. Все они были оповещены об избрании и запрошены о том, согласны ли они вступить в исполнение обязанностей. Однако из них ответили согласием только Сорензон, Суслов, Клебер, Чика, Бобров, Кантов, Розов, а отказались Клызбаев, Крылов, Деменев, Петров К.Р. (последний вследствие назначения юрисконсультom Златоустовского земства). Не получены были сведения от Мемненова и Бармина. Съезд мировых судей избрал своим председателем П.М. Сорензона. Таким образом, на 15 участков имелось только 6 судей (т.е. приходилось на троих судей по 2 участка и на троих по 3). Такое по-

ложение, безусловно, было нетерпимым, и потому уездная управа не раз высказывалась за рассмотрение тех ходатайств, которые остались неудовлетворенными организационным собранием, а также и тех, которые поступили за время, прошедшее между организационным и очередным земскими собраниями. Первое очередное Златоустовское уездное земское собрание, проходившее с 20 февраля по 6 марта 1918 г., избрало 18 мировых судей (15 участковых, 2 добавочных и председателя) и выделило 46 860 руб. на их дополнительное содержание, квартирные и наем камер [3. Д. 863. Л. 20].

Отличительными чертами сложившейся правоохранительной системы являлись: приближение юридической помощи к населению; создание для всех земских учреждений возможности получения ответа специалистов по всем правовым вопросам, возникающим в их практике; закрепление в организационных формах взаимного сотрудничества этих специалистов, повышающего качество их работы и предохраняющего от ошибок.

После Октябрьской революции милиция перешла в ведение Советов. 28 октября 1917 г. Народный комиссариат внутренних дел издал постановление «О рабочей милиции», в котором говорилось о том, что все советы рабочих и солдатских депутатов учреждают

рабочую милицию, которая находится всецело и исключительно в их ведении [2. С. 43].

Благодаря земствам повысилось материальное благосостояние работников правопорядка, улучшились организационная структура и качество работы. Опыт земств Урала по формированию и содержанию правоохранительных учреждений огромен, и его необходимо использовать в настоящее время в работе местных органов самоуправления. Внимательное отношение местных органов самоуправления к различным органам правопорядка значительно влияет на качество деятельности последних, от которых зависит спокойствие жизни всего населения.

Историческое наследие земств показывает, что только всестороннее развитие местного самоуправления способно пробудить хозяйственную и общественную инициативу населения. Социально-экономическая, культурно-просветительская и общественно-политическая деятельность земств принесла немало пользы для России. Земства выполняли те функции, которые не были реализованы центральной властью. Отсюда следует поучительный вывод: государственная централизация далеко не всемогуща, а стабилизация общественных отношений немыслима без естественного развертывания местного самоуправления.

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1719. Оп. 7.
2. Советская милиция: история и современность (1917–1918). М. : Политиздат, 1987. 456 с.
3. Златоустовский архивный отдел администрации города (ЗАО). Ф. 11. Оп. 1.
4. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 44. Оп. 1.
5. Сафонов Д.А. Между империей и республикой советов: местные власти на Южном Урале в 1917–1918 гг. Оренбург : Димур, 2008. 448 с.
6. Центральный государственный исторический архив республики Башкортостан (ЦИИАРБ). Ф. Р-383. Оп. 1.
7. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 184. Оп. 1.
8. Доклады Челябинской уездной земской управы Челябинскому уездному земскому собранию IV очередной сессии 1916 г. Челябинск, 1917.

References

1. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1719. List 7.
2. Vlasov, A.V. (ed.) (1987) *Sovetskaya militsiya: istoriya i sovremennost' (1917–1918)* [Soviet militia: History and modernity (1917–1918)]. Moscow: Politizdat.
3. The Zlatoust Archival Department of the City Administration (CJSC). Fund 11. List 1.
4. The State Archive of Perm Region (GAPO). Fund 44. List 1.
5. Safonov, D.A. (2008) *Mezhdru imperiei i respublikoy sovetov: mestnye vlasti na Yuzhnom Urale v 1917–1918 gg.* [Between the Empire and the Soviet Republic: Local Authorities in the Southern Urals in 1917–1918]. Orenburg: Dimur.
6. The Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan (TsGIARB). Fund R-383. List 1.
7. The State Archive of Orenburg Region (GAOO). Fund 184. List 1.
8. Chelyabinsk District Zemstvo. (1917) *Doklady Chelyabinskoy uездной земской управы Chelyabinskому uездному земскому sobraniyu IV ocherednoy sessii 1916 g.* [Reports of the Chelyabinsk District Zemstvo Council to the Chelyabinsk District Zemstvo Assembly of the IV regular session of 1916]. Chelyabinsk: [s.n.].

Сведения об авторе:

Семенченко Ирина Васильевна – доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-правовых и гуманитарных наук филиала Южно-Уральского государственного университета (Национальный исследовательский университет) в г. Златоусте (Златоуст, Россия). E-mail: semenchenko-58@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Semenchenko Irina V. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social, Legal and Humanitarian Sciences of the branch of the South Ural State University (National Research University) in Zlatoust (Zlatoust, Russian Federation). E-mail: semenchenko-58@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.02.2018; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 22.02.2018; accepted for publication 11.11.2022

Научная статья
УДК 930.253
doi: 10.17223/19988613/80/10

Епархиальное судопроизводство относительно наказания духовных лиц за неканоническое поведение в XVIII – начале XX в. (на материалах Тобольской духовной консистории)

Александра Владимировна Спичак

Нижневартровский государственный университет, Нижневартовск, Россия, spichak-89@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена практика епархиального судопроизводства относительно наказания духовных лиц в Тобольской епархии, исследуется компетенция епархиального суда, правовые основы и особенности его статуса и функционирования. Анализ документов Тобольской духовной консистории обнаруживает зависимость суровости наказания и увеличения сроков исполнения дела от тяжести правонарушений. В целом система судопроизводства Тобольской духовной консистории являлась достаточно мягкой, чтобы перевоспитать клириков, вставших на неверный путь, и помогала отдельным людям, которые еще были способны к исправлению.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Тобольская духовная консистория, должностные проступки, преступления, виды наказаний

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках исполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2018) МК-3701.2018.6.

Для цитирования: Спичак А.В. Епархиальное судопроизводство относительно наказания духовных лиц за неканоническое поведение в XVIII – начале XX в. (на материалах Тобольской духовной консистории) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 94–100. doi: 10.17223/19988613/80/10

Original article

Diocesan legal Proceedings concerning the Punishment of Clergy for Non-Canonical Behavior in the XVIII – early XX centuries (based on the materials of the Tobolsk Spiritual Consistory)

Aleksandra V. Spichak

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation, spichak-89@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to analyze the practice of diocesan proceedings concerning the punishment of clerics in the Tobolsk diocese, to study the competence of the diocesan court, the legal basis and features of its status and functioning.

The article is written on the basis of the Affairs of the Tobolsk Spiritual Consistory (TSC), which are stored in the state budgetary institution of the Tyumen region "state archive in Tobolsk". The sources of the study were the documents of investigative processes on the punishment of clerics of misconduct and crime. A historiographical review on the research topic is presented. The author studied deviation in the behavior of the clergy and the subsequent official sanctions as a measure of influence on the perpetrators. The types of punishments provided in relation to offenders by the Church legislation are listed. The system of diocesan legal proceedings in terms of punishing clergy for non-canonical behavior in the 18th-early 20th centuries is described, in particular, the types of sanctions applied by the Tobolsk spiritual consistory, from the most severe to the mildest. The article presents the most interesting cases that reveal the process of implementation of the judicial functions of the Church. Despite the fact that the decision on the form of punishment was taken by the Bishop, basically each group of offenses corresponded to certain sanctions. The archive contains the units of the investigative Affairs on the appointment of the harshest punishments – deprivation of dignity and exclusion from the spiritual Department. This fact can not undoubtedly indicate that the sanctions are less severe – the reference to the monastery and the transfer to the clergy – were quite effective. From time to time, positive resolutions on applications for return to one's post indicate only isolated cases of «correction». In general, the picture was disappointing – in the state archive

a huge number of cases of excesses of the clergy, novices and abbots of monasteries, Ministers of Church institutions is stored. However, the diocesan authorities actively fought against the non-canonical behavior of their wards, using all the methods permitted by law. In general, the court system of the TSC was soft enough to re-educate clerics who had embarked on the wrong path, but still helped individuals who were still able to correct. This conclusion confirms the hypothesis of the study.

Keywords: Russian Orthodox Church, Tobolsk spiritual Consistory, official misconduct, crimes, types of punishments

Acknowledgements: The research was carried out within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – Candidates of Sciences (Competition – MK-2018) MK-37.01.2018.6.

For citation: Spichak, A.V. (2022) Diocesan legal Proceedings concerning the Punishment of Clergy for Non-Canonical Behavior in the XVIII – early XX centuries (based on the materials of the Tobolsk Spiritual Consistory). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 94–100. doi: 10.17223/19988613/80/10

Введение

Вопрос о роли епархиального суда в системе церковных наказаний представляет несомненный теоретический интерес, так как позволяет более полно, чем прежде, воссоздать историческую картину формирования институциональных основ Русской Православной Церкви (РПЦ) [1. С. 23]. Одна из особенностей повседневной жизни лиц духовного сословия заключалась в том, что они обязывались контролировать все свои действия и поступки, чтобы соответствовать представлениям населения об идеальном пастыре. Следовать же строгому морально-нравственному канону было под силу далеко не каждому священнослужителю. По этой причине вышестоящее начальство принимало меры для борьбы с «отклоняющимся» поведением священнослужителей [2. С. 44].

Духовное лицо в силу специфики профессии в отличие от простых граждан должно было соответствовать своей социальной роли не только на службе, но и вне ее. Самый незначительный проступок или отклонение от нормы, допущенные священно- и церковнослужителем в быту, трактовались обществом как проявление непрофессионализма [3. С. 63].

Таким образом, изучение епархиального судопроизводства по отношению к духовным лицам в период усиленного государственного контроля над всеми сторонами деятельности РПЦ (XVIII – начало XX в.) является актуальной задачей. Несомненно, важно изучение проблемы в региональном контексте, в частности исследование видов правонарушений и соответствующих наказаний в Tobolskской епархии, являвшейся одной из крупнейших епархий Российской Империи.

Как полагает А.Г. Фот, недостатком церковно-правовой системы оставалось то, что она редко достигала своей конечной цели – перевоспитания нарушителя. Однако епархиальное начальство до последней возможности давало провинившимся шанс исправиться и проявить себя с лучшей стороны [2. С. 51].

По мнению А.В. Скутнева, церковные наказания являлись более мягкими, нежели светские. Без внутреннего раскаяния провинившегося священнослужителя система наказаний РПЦ оказывалась недействительной [3. С. 74–75]. В нашем исследовании выдвигается следующая гипотеза: система судопроизводства в Tobolskской епархии в части наказания духовных лиц за неканоническое поведение в XVIII – начале XX в.

была достаточно мягкой и способной перевоспитать тех духовных лиц, которые обвинялись в нетяжелых преступлениях и оказывались способными к исправлению.

Выявление материалов по избранной теме велось в ГБУТО ГАТ. Объектом изучения в названном архиве стал фонд 156 «Тобольская духовная консистория». Источниками выполненного исследования стали документы следственных процессов о наказании духовных лиц за проступки и преступления. Были просмотрены 4 описи дел ТДК (№ 1, 8, 16, 18), в общей сложности 6 790 дел за 1730–1918 гг., что позволило судить о неканоническом поведении лиц духовного ведомства. Сохранились лишь единицы документов за первую половину XVIII в. ввиду ряда объективных и субъективных причин. Для определения этапов делопроизводственного процесса следствия над духовенством было изучено 30 дел за указанный период.

Рассмотрение проблемы проводилось на стыке документоведческой, исторической, источниковедческой и историко-правовой сфер исследования. Методы историзма и сравнительно-исторического анализа дали возможность раскрыть особенности наказания духовных лиц за различные виды правонарушений в Tobolskской епархии на протяжении второй половины XVIII – начала XX в. Системный и сравнительно-исторический анализ применялся в целях изучения системы церковного суда и комплекса документации, сопровождавшей процедуру наказания духовенства, что позволило представить целостную картину судебного процесса, осуществляемого ТДК. При исследовании формуляров историков применялся метод формулярного анализа, унификации и стандартизации документов.

Изученность темы исследования

К теме неканонического поведения духовенства обращались многие исследователи, чаще всего изучая систему церковного суда в целом и соотнося его со светским. Так, В.Л. Харламов разделил подсудность духовных лиц духовному и светскому суду по видам проступков и преступлений, выделив, какие дела были изъяты из ведения мировых судей, с указанием статей законов [4].

Компетенцию епархиального начальства в сфере судопроизводства, а также виды и специфику наказаний духовных лиц (в основном ссылки в монастырь) изу-

чил А.Р. Павлушков [1]. Е.С. Матвеева рассмотрела изменения во взаимоотношениях светской и духовной власти в России во второй половине XIX в., которые повлияли на развитие церковного судопроизводства, уделив особое внимание законодательному регулированию наказаний духовных лиц светским уголовным судом за преступления [5]. Исследовательница связывает высокий уровень правонарушений до создания сети духовных учебных заведений Александром I с низким уровнем образования клириков [6].

Представления исследователей о характере системы церковного суда очень различны. Например, А.Р. Павлушков подчеркнул несовершенство церковной системы наказания в XVIII–XIX вв., в частности расплывчатый характер судебных решений и зависимость от государственной карательной системы [1]. А.В. Скутнев и А.Г. Фот пришли к выводу, что церковное судопроизводство во второй половине XIX – начале XX в. оставалось архаичным [2. С. 45]. С такими заключениями не согласна Е.С. Матвеева, которая отмечает, что церковно-судебный процесс, который сложился в Российской империи в первой половине XIX в., был достаточно основательным и детально проработанным, а также быстрым и действенным [5. С. 260]. Разницу во мнениях можно объяснить тем, что названные ученые рассматривали только определенные аспекты церковного суда: например, А.Р. Павлушков – в основном ссылку в монастырь (за проступки), а Е.С. Матвеева – уголовный суд за преступления.

В зарубежной историографии наиболее фундаментальные работы по истории жизнедеятельности российского духовенства XVIII–XX вв. принадлежат американскому историку Г.Л. Фризу [7. Р. 450–480].

Многие исследования по избранной теме базируются на региональных материалах. Например, А.В. Скутнев проанализировал особенности неканонического поведения приходского духовенства Вятской епархии [3], А.Г. Фот рассмотрела дела Оренбургской духовной консистории о наказаниях духовных лиц [2], Б.А. Ершов изучил полномочия церковных судов в губерниях центрального Черноземья в XIX в. [8]. При этом и Б.А. Ершов, и В.Л. Харламов подчеркивают корпоративный характер церковных судов в отношении духовных лиц.

Однако до сих пор исследователями не были привлечены материалы Тобольской епархии в качестве источниковой базы изучения видов правонарушений и наказаний духовенства в синодальный период (1700–1917). Следует отметить, что практически вся историография представлена работами, имеющими правовую специфику. С точки зрения документоведения данная тема не рассматривалась. Специфика делопроизводства ТДК в части наказания духовенства остается неизученной.

Результаты

Впервые определенный судебный порядок в разбирательстве противоправных деяний духовных лиц упоминается в Святом Евангелии от Матфея: открытому церковному суду должно предшествовать брат-

ское предупреждение, которое должно было повлиять на поведение провинившегося, склонить его к раскаянию и самоосуждению и тем самым восстановить определенную гармонию внутри церкви [6. С. 50].

Местный духовный суд сосредоточивался в консистории и проводился под непосредственным руководством епархиального архиерея. Сфера его деятельности была ограничена пределами епархии и касалась в основном лиц духовного звания. В XVIII в. Святейший Правительствующий Синод (далее – Синод) выдавал архимандритам инструкции, четко определявшие их правовой статус. Преосвященный контролировал исполнение духовными лицами обязанностей в соответствии с Духовным Регламентом, принимал челобитные с жалобами на духовных лиц и вел по ним расследования, наказывал правонарушителей [1. С. 24].

Помимо инструкций, предназначенных для расследования дел исключительно в отношении духовенства, Синодом издавались судебные инструкции, которые значительно расширяли полномочия архимандритов. Инструкции предусматривали возможность наложения наказания на священно- и церковнослужителей в следующих случаях: пьянство, бродяжничество, самовольные отлучки, нарушение в одежде, причинение шума в церкви и на улице, участие в кулачных боях, посещение кабаков, сон на улице в пьяном виде, участие в ссорах и «обидах» с населением. Инструкция давала право архимандриту самостоятельно устанавливать форму наказания за вышеуказанные правонарушения [Там же].

Церковное законодательство предусматривало по отношению к правонарушителям следующие наказания: 1) лишение священнослужителей сана с исключением из духовного ведомства; 2) лишение священнослужителей сана с оставлением в духовном ведомстве на низших должностях; 3) временное запрещение в священнослужении с отрешением от должности и с определением в причетники; 4) временное запрещение в священнослужении без отрешения от места, но с возложением епитимии в монастыре или на месте; 5) временное испытание в архиерейском доме и монастыре; 6) отрешение от места; 7) исключение за штат; 8) усугубление надзора; 9) пеня и денежное взыскание; 10) поклоны; 11) строгий и простой выговор; 12) замечание [9. С. 35–36].

Рассмотрим более подробно систему епархиального судопроизводства в части наказания духовных лиц за неканоническое поведение в XVIII – начале XX в., в частности виды санкций, применяемых ТДК. Категории наказаний будут расположены от самого сурового до наиболее мягкого.

Самая суровая мера наказания в практике Русской православной церкви – лишение сана с исключением из духовного звания – применялась крайне редко. Как правило, так поступали по суду в отношении представителей духовного сословия, совершивших уголовные преступления. Такому же наказанию подвергались отступившие от РПЦ в ересь или раскол. В тех случаях, когда, испробовав все имевшиеся в их арсенале средства, церковные иерархи полностью утрачивали веру в возможность исправления своего собрата, они

имели право исключить его из своих рядов [2. С. 47]. Вся система церковного судопроизводства была построена так, чтобы защитить духовное лицо от светского суда. Однако исключить из духовного ведомства могли и церковнослужителя, на которого не действовали другие меры. Так, дьячка березовской Воскресенской церкви Тимофея Мисюрева, «который обращаясь во всегдашнем пьянстве к исправлению своего поведения и должности совершенно безнадёжен; ибо он, Мисюрев, напротив сего хотя и двукратно находился в монастырском исправлении, за таковые же проступки, но в поведении своем не оказал никакой перемены», 14 февраля 1821 г. преосвященный велел отрешить от должности по духовному ведомству и «отослать в светское ведомство для избрания рода жизни» [10. Оп. 9. Д. 384. Л. 1–3].

Согласно «Книге правил святых апостол, святых Соборов вселенских и поместных святых отец», духовным лицам предписывалось придерживаться 27-го и 42-го Апостольских правил и не совершать неблагочинных поступков, «тяжких по своему существу и вредных по соблазну». Правила святых апостолов превратились в церковный закон, 27-е правило (1 Петр. 2, 23) указывало на наказание духовных лиц за биение «...верных согрешающих или неверных обидевших...», а 42-е правило закрепляло наказание духовных лиц за игру и пьянство [11. С. 10]. При этом составлялись двойные правила: по некоторым преступлениям, с особенными обстоятельствами, применялись постепенные меры наказания, а для более тяжких проступков содержались предписания к немедленному и неослабному действию правосудия. Если священник, диакон или причетник, нарушая 27-е и 42-е Апостольские правила, во время церковного священнослужения били рукой или орудием кого-либо, неблагочинными словами или действиями вызывали замешательство или остановку в священнослужении, то они отшались из своего чина, исключались из духовного ведомства, а также направлялись на рассмотрение светского начальства с предписанием о его преступлении (1-е и 2-е Правила Высочайшего указа от 22 декабря 1822 г.). Эти наказания признавались самыми суровыми [6. С. 51]. Священник Николаевской церкви с. Бачатского Алексеей Тюменцов обвинялся в краже денег и вещей у дьячка Архангельской церкви с. Легостаевского Осипа Хмылева, пьянстве, пропуске церковной службы, непристойном поведении и даже прелюбодействе, за что 21 июля 1773 г. Синод лишил его священства с отправкой «в светскую команду» [10. Оп. 3. Д. 162. Л. 1 а–26].

Если лица обличались вторично в содеянных проступках, то их освобождали из духовного чина и направляли в гражданское ведомство для избрания для них нового рода деятельности в жизни (4-е Правило). Причетников в первый раз могли сослать в монастырь, а вторичное нарушение Правил влекло также исключение из духовного сословия (5-е Правило) [6. С. 51]. Суровым наказанием за пьянство для духовных лиц было увольнение в военную службу, причем такой санкции подвергались исключительно церковнослужители. Вот пример: дьячка Нижне-Сузунской Вознесенской церкви Андрея Протопопова, который «часто-

временно будучи пьян, не только непристойною и скверною матерною бранью его трапезника ругает, но и неоднократно в церкви... у священникова дому бил его безвинно по щекам, и угрожает...», отправили в 1773 г. в военную службу – солдатом в тобольский третий батальон. Однако спустя 5 лет А. Протопопов подал преосвященному прошение об определении его дьячком к вновь строящейся церкви в Лебяжьей слободе Ялutorовского заказа. Просьбу удовлетворили, была взята подписка, что он будет служить «честно и трезво» под опасением лишения места. Таким образом, данное наказание, хотя и было самым суровым, могло носить временный характер.

Следует отметить, что в Тобольском архиве находится очень мало дел, подтверждающих исключение священнослужителей из духовного ведомства, поэтому можно заключить, что они все же вставали на путь исправления и не были замечены в совершении преступления более трех раз.

Наиболее распространенными видами наказаний во второй половине XIX – начале XX вв. стали штрафы и временное запрещение священнослужения с определением в причетники либо с отсылкой в монастырь (либо архиерейский дом) [3]. В результате провинившиеся представители духовного сословия оказывались под надзором настоятеля, если попадали в монастырь, либо самого епископа, когда местом пребывания был определен архиерейский дом, и тогда уже сами настоятель или епископ следили за исправлением наказуемого [2. С. 45]. Запрещение священнослужения началось и за ложное обвинение (например, в пьянстве) [10. Оп. 3. Д. 2663. Л. 1–20].

Существовали и не столь тяжкие проступки, которые влекли за собой менее серьезные или постепенные наказания. Например, если священник или диакон в церковном облачении в церкви или вне ее начинал совершать богослужение в нетрезвом виде, то для первого раза он освобождал занимаемое место с переводом в причетники, ему запрещалось вести священнослужение до искреннего раскаяния и покаяния (3-е Правило Высочайшего указа от 22 декабря 1822 г.) [6. С. 51]. Запрещение священнослужения и определение в причетники применялось в Тобольской епархии редко. За невоздержание березовского священника Петра Слоцова наказали запретом на проведение треб сроком на полгода; дважды в неделю ему следовало читать с поклонами апостол и евангелие, соблюдать посты, а по окончании срока наказания обязать его подпиской, чтобы он впредь содержал себя в трезвости. Однако за идентичные проступки могли применить и другую санкцию. Священник березовской Воскресенской церкви Андрей Москвитин за проведение церковной службы в пьяном виде и справление в ней нужды в 1770 г. был сослан на год в Кондинский монастырь; при повторении проступка этого священника угрожали оштрафовать. Таким образом, решение епархиального начальства в данном случае не соответствовало принятой системе наказаний [10. Оп. 2. Д. 2358. Л. 1–32]. В монастырь «в труды», «на хлеб и воду» «для вытрезвления» могли сослать на конкретный срок: на две недели, один месяц, шесть недель, три месяца и даже на

полгода; срок определяла ТДК, исходя из тяжести провинности.

Священнослужителя могли перевести в другой приход, если этого хотели прихожане (они высказывали свое желание в документе под названием «одобрение»). Так, священника Иоаннобогословской церкви с. Вагайского Филлипа Фокина 3 октября 1811 г. ТДК приказала оштрафовать и перевести в Николаевскую церковь с. Антроповского Тюменского ведомства на вакантное место дьякона с внушением, что «сие снисхождение делается ему в последний раз» за «бесчисленные поступки и опущения по должности». Дьякон получил довольно мягкое наказание, вероятно, потому, что ни начальство, ни прихожане не нашли в его действиях грубых правонарушений [10. Оп. 7. Д. 161. Л. 1 а–27].

Церковное законодательство не менялось и в той части, которая касалась наказаний. Самой легкой воспитательной мерой было замечание (выговор). Оно назначалось за относительно легкие должностные проступки (ложный донос, выдача неправильного метрического свидетельства) [2. С. 45]. В Тобольской епархии выговор получали за произнесение «богопротивных» слов, строительство дома и бани около церквей без разрешения прихожан, «беспорядки, чинимые в церкви», самовольные отлучки и др. Благочинные получали выговор за сокрытие от начальства проступков своих подчиненных (например, пьянства) [10. Оп. 10. Д. 629. Л. 1–13]. Штрафы применялись в основном за неисполнение или неправильное выполнение должностных обязанностей, чаще всего они были связаны с бракосочетанием, например за венчание малолетних, раскольников, лиц, находящихся в родстве, из чужих приходов, реже за «показание» не бывших на исповеди прихожан присутствовавшими, растрату церковных денег, за несоблюдение чистоты в храме и т.д. Размеры штрафа были различными, но, как правило, не превышали 10 руб. (за участие в венчании малолетнего, за совершение венчания без соблюдения «предбрачных предосторожностей») [2. С. 45].

Часто на духовных лиц доносили благочинные под опасением выговора. Данная практика вменялась им в обязанность указом Синода от 1820 г. Березовский благочинный протоиерей Иоанн Вергунов подал рапорт архиепископу Амвросию (Келембету) 31 января 1821 г. на подведомственного ему дьячка, не справляющегося со своими должностными обязанностями [10. Оп. 9. Д. 384. Л. 1–3].

Если епархиальное начальство видело покаяние и исправление духовного лица, то оно могло вновь определить его на прежние место и должность, но с тщательным испытанием. Испытательное место службы должно было находиться под бдительным присмотром благочинного, протоиерея или надежного священника (10-е Правило). Именно они получали одобрение у прихожан и утверждали после испытательного срока духовное лицо в должности и месте [6. С. 52–53]. Данная практика находит подтверждение и в делах ТДК. Так, священник Христорождественской церкви Сосьвинской волости Матвей Кокоулин, отбыв за пьянство и «непристойные званию своему бесчи-

ния, по улицам и в базаре крики с немалым соблазном народу» в монастырских трудах в Троицком монастыре полгода (ноябрь 1781 – июль 1782 г.), попросил архиепископа Варлаама I вернуть его из монастыря в свою церковь для обеспечения жены и малолетних детей. Преосвященный 26 февраля 1783 г. решил определить М. Кокоулина в причт березовской соборной церкви. Церковь была выбрана из-за близкого расположения к Березовскому духовному правлению, где «от шалостей и пьянства удерживать его лучше можно». Однако при повторном уличении священника в пьянстве его ждало запрещение священнослужения [10. Оп. 3. Д. 2269. Л. 1–22].

В Тобольской епархии самым распространенным пороком в духовной среде было пьянство, а неизменным спутником пристрастия к алкоголю – недостойное поведение. В духовную консисторию со всех сторон поступали жалобы на священников, которые недостойно вели себя в нетрезвом виде. В ГБУТО ГАТ теме пьянства посвящено 673 дела ТДК за 1749–1893 гг.

Употребление спиртных напитков пагубно отражалось на исполнении служебных обязанностей. Согласно архивным материалам, пьянству сопутствовали «несправление со своими обязанностями», «нерачительство к церкви»¹, исправление треб без причетника, пропуск служения в воскресные, праздничные и высокопраздничные дни (например, в Великую четыредесятницу), «не исправление мирских треб», сквернословие, самовольные отлучки, кражи, присвоение казенных денег, потери церковного имущества, утайка кружечных денег, посещение «подозрительных домов», распутство, прелюбодеяние, оскорбление, ссоры с прихожанами, «буйное поведение», рукоприкладство (включая драки в церкви, избивание благочинных, родителей, жен и детей, чужих жен), «покушение» на родственников, иногда ложные доносы на коллег и даже попытки самоубийства и «подозрение в мужеложестве», а также другие проступки.

В ряде дел о пьянстве духовных лиц их также обвиняют в провинностях, которые могли и не быть следствием пьянства, а отражать халатное отношение к своим обязанностям, склад характера и т.д. К таким проступкам относятся взяточничество, разрешение венчания в родстве, «неправильное венчание», устройство беспорядка в церкви при венчании, некрещение младенцев, непомазание миром младенцев, неисправление церковных документов (духовных росписей), утаивание не бывших у исповеди прихожан, крещение детей раскольников, игра в карты.

Нередко сами прихожане и народные традиции провоцировали священнослужителей на пьянство. Во время престольных праздников священнослужители по традиции совершали молебны в домах прихожан. Крестьяне основательно готовились к приему гостей: закупали вино, варили пиво и брагу, готовили угощение. При обходе почти в каждом доме священнику и его спутникам подавали рюмочку. По воспоминаниям самих священнослужителей, «неосторожному в употреблении водки невозможно было выходить целый день трезвым, хотя бы то был молодой и крепкий человек» [3. С. 64].

Часты были драки и взаимные оскорбления духовных лиц. Священника Спасской церкви Шаркальской волости Березовского заезда Алексея Оловянного за причинение увечий нескольким людям в 1774 г. сослали в монастырь, вначале на два месяца. Помимо этого, он был замечен и «в неотправлении службы божественной в праздничные и в воскресные дни, в неотправлении панихид месячных по напечатанному реестру» и в пьянстве. Скорее всего, алкогольное пристрастие и было виной всех его правонарушений [10. Оп. 3. Д. 305. Л. 1–44]. Священно- и церковнослужители избивали членов своих семей, сослуживцев и прихожан, а также дрались между собой.

Крайне редко, но такое все же случалось, священно- и церковнослужителей судили за развратные действия, к которым относились прелюбодеяние, двоеженство и т.д. Интересно, что в обнаруженных нами делах наблюдается следующая тенденция: священнослужители обвинялись в прелюбодеянии, а церковнослужители – в двоеженстве, что также подтверждает «Дело по указу Тобольской духовной консистории о присылке сведений об имеющихся в заездах дьячках и пономарях двоеженцах» 1760 г. [Там же. Оп. 1. Д. 2937. Л. 1–19]. Так, в 1759 г. священник с. Шкотского Ялуторовского дистрикта Симеон Чемесов обвинялся в прелюбодеянии [Там же. Д. 2611. Л. 1–16]. В 1751 г. в двоеженстве был замечен дьячок Барнаульского заезда Белоярской слободы Иван Гордеев [Там же. Д. 830. Л. 1–20]. Как правило, в таких случаях понижали в должности; например, В. Сафьянова перевели на должность сторожа. Правда, из этого правила встречаются исключения: так, в 1817 г. дьячка Уковского заезда Ялуторовского ведомства Тутолмина отправили в Ялуторовский уездной суд за «растление» им дочери священника Корнильева [Там же. Оп. 8. Д. 86. Л. 1–6].

С алкоголем и другими вредными привычками будущие пастыри знакомились чаще всего в подростковом возрасте – в годы обучения в духовном училище и семинарии. Отсутствие опытных воспитателей, которые могли бы помочь семинаристам организовать досуг соответственно религиозному образу жизни, приводило к весьма плачевным последствиям. В свободное от учебы время семинаристы фактически были предоставлены сами себе. Некоторые семинаристы даже занимались воровством [3. С. 67]. Начав профессиональную деятельность, духовные лица могли продолжать воровать. Так, подьячий ТДК Андрей Богданов украл в 1747 г. у сержанта Михаила Попцова «оловянное блюдо и прочее» [10. Оп. 1. Д. 259. Л. 1–4]. Пономарь Крестовоздвиженской церкви села Бешметова Иван Силин украл у жены казака Южинцевой деньги и вещи [Там же. Оп. 8. Д. 257. Л. 1–24].

Внеклассный надзор осуществляли, как правило, ученики старших классов, что привело к такому страшному пороку бурсы, как дедовщина. Рукоприкладство было также характерно для нравов духовной школы. И именно там, в стенах училища и семинарии, будущие священнослужители учились «распускать руки». Во-первых, в самом процессе обучения применялись телесные наказания: учащихся поролли розгами

и ставили на колени. Во-вторых, ученики сами нередко пускали в ход кулаки [3. С. 67–68].

Выйдя из стен учебного заведения, некоторые клирики могли себе позволить такое несоответствующее их должности поведение. Священники обвинялись в домашнем насилии: например, барнаульский священник Евтифеев в 1818 г. избил свою жену [10. Оп. 8. Д. 935. Л. 1–5]. Это приводило иногда к трагичным последствиям. Так, томский священник Петр Дулепов в 1757 г. ранил свою жену [Там же. Оп. 1. Д. 2366. Л. 1–40]. Еще больше шокируют дела ТДК об убийствах священно- и церковнослужителями как других членов причта, так и прихожан (обнаружено 5 подобных дел). Конечно, в этих случаях они предавались светскому суду и исключались из духовного ведомства.

Таким образом, несмотря на то что решение о виде наказания принимал архиерей, в основном каждой группе правонарушений соответствовали определенные санкции. Исключением из данного правила является пьянство, так как наказание в этом случае зависело от тяжести сопутствующих проступков. Как показывают документы ГБУТО ГАТ, за пьянство запрещали священнослужение, понижали или увольняли от должности, ссылали в монастырь «в труды», служителей монастыря (игуменов, послушников, иеромонахов) переводили в другой монастырь, в другую церковь или, значительно реже, в Тобольский архиерейский дом, тоже «в труды». Если пьянство не отягощалось другими должностными преступлениями, в лучшем случае могли перевести в другую церковь, однако чаще всего ссылали в монастырь.

Заключение

Самым частым проступком в Тобольской епархии было пьянство, точнее, то поведение, которое служило его следствием и не соответствовало образу жизни духовного сословия. В архиве сохранились единицы следственных дел о назначении самых суровых наказаний – лишения сана и исключения из духовного ведомства. Данный факт не может бесспорно указывать на то, что санкции менее тяжелые – ссылка в монастырь и перевод в причетники – были достаточно действенными. Периодически встречаемые положительные резолюции на прошения о возвращении на свое должностное место свидетельствуют лишь об отдельных случаях «исправления».

В целом картина была неутешительной – в ГБУТО ГАТ находится на хранении огромное количество дел о бесчинстве священно- и церковнослужителей, послушников и настоятелей монастырей, служителей церковных учреждений. Однако епархиальное начальство активно боролось с неканоническим поведением своих подопечных, применяя все разрешенные законодательством способы. В целом система судопроизводства ТДК была достаточно мягкой, чтобы перевоспитать клириков, вставших на неверный путь, но все же помогала отдельным людям, которые еще оказывались способными к исправлению. Данный вывод подтверждает гипотезу исследования.

Примечание

¹ Рачительность (др. рус. – радение) – всегда добровольное служение идее и людям, старательное выполнение любого дела, это положительное духовно-нравственное качество личности, проявляющееся как забота о сохранении чего-то или стремление к установлению порядка, а также усердное служение и выполнение своего долга.

Список источников

1. Павлушков А.Р. Епархиальное судопроизводство в практике применения церковного наказания XVIII–XIX веков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 23–31.
2. Фот А.Г. Неканоническое поведение и ответные санкции в среде православного приходского духовенства (на материалах Оренбургской епархии) // Приволжский научный вестник. 2014. № 9 (37). С. 44–51.
3. Скутнев А.В. Приходское духовенство: особенности менталитета и неканоническое поведение (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2007. № 16. С. 63–77.
4. Харламов В.Л. Компетенция церковных судов Российской Империи в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Право. 2003. № 1 (5). С. 118–129.
5. Матвеева Е.С. Изменения в церковном судопроизводстве по делам о преступлениях, совершаемых духовными лицами в России, во II половине XIX века // Среднерусский вестник общественных наук. История и современность. 2014. № 2. С. 257–263.
6. Матвеева Е.С. Особенности церковного судопроизводства по делам о преступлениях, совершаемых духовными лицами в России в первой половине XIX века // Вестник государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 49–55.
7. Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth Century Russia. Crisis. Reform, Counter-Reform. Princeton : Princeton University, 1983. 546 p.
8. Ершов Б.А. Компетенция церковных судов в губерниях центрального Черноземья в XIX веке // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2011. Т. 7, № 2. С. 58–61.
9. Руководство для производства дознаний и следствий по делам о проступках священно-церковно-служителей и Справочная книжка по предметам церковно-епархиального суда / сост. П. Колыбалов, столонач. Екатеринбургской духовной консистории. Екатеринбург : Тип. Ершова, 1914. 213 с.
10. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ТБУТО ГАТ). Ф. 156.
11. Матвеева Е.С. Правила церковного судопроизводства по делам о преступлениях в церкви, совершаемых духовными лицами в России в I половине XIX века // Юридические записки. 2013. № 2. С. 9–16.

References

1. Pavlushkov, A.R. (2013) Eparkhial'noe sudoproizvodstvo v praktike primeneniya tserkovnogo nakazaniya XVIII–XIX vekov [Diocesan legal proceedings in the practice of applying church punishment in the 18th–19th centuries]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 1. pp. 23–31.
2. Fot, A.G. (2014) Nekanonicheskoe povedenie i otnetnye sanktsii v srede pravoslavnogo prikhodskogo dukhovenstva (na materialakh Orenburgskoy eparkhii) [Non-canonical behavior and retaliatory sanctions among the Orthodox parish clergy (on the materials of the Orenburg diocese)]. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik*. 9(37). pp. 44–51.
3. Skutnev, A.V. (2007) Prikhodskoe dukhovenstvo: osobennosti mentaliteta i nekanonicheskoe povedenie (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Parish clergy: peculiarities of mentality and non-canonical behavior (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Novyy istoricheskyy vestnik*. 16. pp. 63–77.
4. Kharlamov, V.L. (2003) Kompetentsiya tserkovnykh sudov Rossiyskoy Imperii v kontse XIX – nachale XX veka [The competence of the church courts of the Russian Empire in the late 19th – early 20th century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo*. 1(5). pp. 118–129.
5. Matveeva, E.S. (2014) Izmeneniya v tserkovnom sudoproizvodstve po delam o prestupleniyakh, sovershaemykh dukhovnymi litsami v Rossii, vo II polovine XIX veka [Changes in church legal proceedings in cases of crimes committed by clerics in Russia in the second half of the 19th century]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. Istoriya i sovremennost'*. 2. pp. 257–263.
6. Matveeva, E.S. (2012) Osobennosti tserkovnogo sudoproizvodstva po delam o prestupleniyakh, sovershaemykh dukhovnymi litsami v Rossii v pervoy polovine XIX veka [Peculiarities of church legal proceedings in cases of crimes committed by clerics in Russia in the first half of the 19th century]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 4. pp. 49–55.
7. Freeze, G.L. (1983) *The Parish Clergy in Nineteenth Century Russia. Crisis. Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University.
8. Ershov, B.A. (2011) Kompetentsiya tserkovnykh sudov v guberniyakh tsentral'nogo Chernozem'ya v XIX veke [The competence of church courts in the provinces of the central Chernozem region in the 19th century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 7(2). pp. 58–61.
9. Kolybalov, P. (1914) *Rukovodstvo dlya proizvodstva doznaniy i sledstviy po delam o prostupkakh svyashchenno-tserkovno-sluzhiteley i Spravochnaya knizhka po predmetam tserkovno-eparkhial'nogo suda* [Guidelines for the production of inquiries and investigations in cases of misconduct of the sacred church servants and a reference book on the subjects of the church diocesan court]. Ekaterinburg: Tip. Ershova.
10. The State Archive in Tobolsk (TBUTO GAT). Fund 156.
11. Matveeva, E.S. (2013) Pravila tserkovnogo sudoproizvodstva po delam o prestupleniyakh v tserkvi, sovershaemykh dukhovnymi litsami v Rossii v I polovine XIX veka [Rules of ecclesiastical legal proceedings in cases of crimes in the church committed by clerics in Russia in the first half of the 19th century]. *Yuridicheskie zapiski*. 2. pp. 9–16.

Сведения об авторе:

Спичак Александра Владимировна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного университета (Нижневартовск, Россия). E-mail: spichak-89@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Spichak Aleksandra V. – candidate of historical sciences, senior lecturer of the Department of Documentation and General History Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: spichak-89@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.09.2018; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 14.09.2018; accepted for publication 11.11.2022

Научная статья

УДК 930

doi: 10.17223/19988613/80/11

Особенности проведения «малой приватизации» в республиках Южной Сибири

Елена Владимировна Тышта

Хакасский университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Россия, tyshta@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению отдельных аспектов процесса приватизации государственной и муниципальной собственности в республиках Южной Сибири. Автор анализирует как нормативную базу экономических преобразований, так и особенности их протекания, изучает расчетные показатели приватизации и находит причины различий протекания процесса разгосударствления собственности в республиках Горный Алтай, Хакасия и Тува.

Ключевые слова: республики Южной Сибири, «малая приватизация», приватизация, расчетные показатели приватизации, деятельность комитетов по приватизации

Для цитирования: Тышта Е.В. Особенности проведения «малой приватизации» в республиках Южной Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 101–106. doi: 10.17223/19988613/80/11

Original article

Features of realization of the “small privatizing” are in the republics of South Siberia

Elena V. Tyshta

Khakas State University by N.F. Katanov, Abakan, Russian Federation, tyshta@mail.ru

Abstract. The main feature of privatization in the republics of Southern Siberia is unequal indicators for privatization. The Federal Privatization Programme set 1992 targets for privatization of State and municipal enterprises for the republics of the Russian Federation. Each region had its own privatization program.

The smallest number of enterprises was privatized in Tuva. The main difficulties of organization in privatization in Tuva were the lack of effective demand and the weak organization of the process of reforming state property. On 28 December 1991, the Council of Ministers of the Republic of Tuva determined the objects of federal, regional and municipal ownership. The Parliament of Tuva did not have time to discuss and criticize the privatization project. Therefore, disputes about the ownership of enterprises in Tuva will begin much later, in 1997-1998, when the responsible persons for the development and implementation of sectoral privatization programs were appointed by enterprises (problem of «red directors»). For example, A. A. Rudolf, the Director General, was appointed a head of the private territorial production association of bakery and pasta enterprises. The first phase of privatization in the Republic of Tuva saw the most active privatization of public catering and transport services. To a lesser extent – the construction industry and light industry. The small percentage of privatized enterprises in retail trade – a distinctive feature of Tuvan privatization, is explained by the fact that most of the rural shops that were part of the network of consumer cooperatives were not subject to privatization. In the republic of Gorniy Altay the “small privatization” was the basic type of privatization process. The main form is the purchase of leased enterprises. The small volumes of the property allowed to conduct reformation in the compressed periods. On this stage the objects of folk education, culture, health protection, connection, energy were not privatized. An interesting fact is that in addition to the social and industrial infrastructure, at the first stage, enterprises selling wine and vodka products and trading bases should not have been privatized.

Khakassia had the largest privatization volumes. There were such enterprises as Sayano-Shushenskaya hydro-electric station, Sayansk aluminum plant. Therefore, the value of «small privatization» was secondary. In the article the author emphasizes the fact that in Khakassia the management of Abakan sought to keep small business in its ownership, reducing the volume of «small privatization».

At the end of the article the author gives an example of small privatization - the company «Slastena» in Abakan.

Keywords: Republics of South Siberia, “small privatizing”, privatizing, calculation indexes of privatizing, the activity of committees on privatizing

For citation: Tyshta, E.V. (2022) Features of realization of the “small privatizing” are in the republics of South Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 101–106. doi: 10.17223/19988613/80/11

Указ Президента РФ «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» [1] дал старт «малой приватизации». Согласно данному Указу Президента РФ, именные вклады отменялись, и вводилась денежная форма приватизации. Малой приватизацией охватывались «предприятия оптовой и розничной торговли, бытового обслуживания, предприятия строительной отрасли и транспортного обслуживания с числом работников до 200 человек и балансовой стоимостью основных фондов до 1 млн руб.» [Там же].

Федеральная программа приватизации устанавливала расчетные показатели по приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 г. для республик в составе РФ [2].

Как демонстрирует табл. 1, для регионов Южной Сибири были установлены примерно равные показатели по приватизации. Несколько ниже необходимый процент приватизации был рекомендован для Республики Тыва. Согласно рекомендациям федерального центра, в регионах были созданы республиканские, муниципальные и районные комитеты по управлению государственным имуществом. В каждом регионе создавалась собственная программа приватизации. В первую очередь приватизации подлежали предприятия торговли и бытового обслуживания. Это объяснялось упрощенным процессом их расгосударствования. Так,

в Республике Алтай в 1992 г. была запланирована приватизация объектов торговли, общественного питания и предприятий бытового обслуживания. Главная цель, которая была озвучена руководством республики, – решение проблем дефицита и насыщение рынка промышленными и продуктовыми товарами. «Малая» денежная приватизация в Республике Алтай шла с опозданием от других регионов. М.С. Каташев отмечает, что, «несмотря на отсутствие республиканской программы приватизации, муниципальные образования республики самостоятельно проводили приватизацию» [3. С. 90]. Городская программа приватизации г. Горно-Алтайска была принята 20 февраля 1992 г., когда в России еще не была разработана нормативная база приватизации, а действовало только временное положение. Приватизация предприятий бытового обслуживания и общепита происходила по схеме «аренда с выкупом». Причем выкуп должен быть произведен до июня 1992 г. по старым ценам, без учета инфляции. Торговые предприятия приватизировались по конкурсу [4]. Так, по данным М.С. Каташева, «...из числа приватизируемых предприятий 19 продавались по конкурсу, на базе двух крупных объектов («Горно-Алтайторг» и магазин 46) были созданы акционерные общества с предоставлением льгот рабочим коллективам» [3. С. 88].

Таблица 1

Расчетные показатели по приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 г. для республик в составе Российской Федерации, % от общего числа предприятий

Отрасли	Республика Горный Алтай	Республика Тыва	Республика Хакасия
Легкая промышленность	60	60	60
Пищевая промышленность	50	50	50
Строительная промышленность	50	50	50
Промышленность строительных материалов	50	45	50
Производственно-техническое обслуживание сельского хозяйства	60	–	60
Автомобильный транспорт	60	45	60
Розничная торговля	60	40	60
Оптовая торговля	50	50	50
Общественное питание	50	50	45
Бытовое обслуживание	60	60	50

В Хакасии уже на 1 мая 1992 г. было приватизировано 3 предприятия службы быта, 7 предприятий розничной торговли и 4 предприятия общественного питания. С использованием коммерческого конкурса было приватизировано 26 предприятий торговли и общественного питания, 3 предприятия бытового обслуживания населения. Посредством продажи акций приватизировано 4 предприятия розничной торговли и 2 предприятия службы быта [5. Д. 1. Л. 111–112].

В декабре 1991 г. в рамках общероссийских тенденций высшими органами власти Республики Тува было принято решение о своевременной разработке районных, Кызылской городской и отраслевых программ приватизации государственной и муниципальной собственности предприятий, расположенных на территории Республики Тува [6. Д. 1472. Л. 4]. Программой приватизации на 1992–1994 гг. предусматривалось приватизировать 335 предприятий и организаций. Из них на 1 июля 1995 г. было приватизировано 191, т.е. чуть больше половины, в том числе республикан-

ской собственности – 86, федеральной – 4, муниципальной – 101. Наивысшие темпы приватизации были в г. Кызыле, Улуг-Хемском и Дзун-Хемчикском районах, в которых было приватизировано 70–80% объектов муниципальной собственности. Причина медленных темпов приватизации в Туве заключалась в том, что предложение предприятий и объектов недвижимости значительно превышало платежеспособный спрос. Также отсутствовала четкая программа приватизации, продаже в частные руки подлежали лучшие предприятия торговли, торговые базы и предприятия, приносящие доход [7].

28 декабря 1991 г. Совет министров РТ провел разграничение объектов федеральной, региональной и муниципальной собственности. Обсуждать и критиковать, а также вносить свои предложения у Верховного Совета Республики Тува не было времени. Поэтому споры о принадлежности предприятий в Туве начнутся значительно позже, в 1997–1998 гг. Согласно программе приватизации, в республиканскую собствен-

ность отошли все хлебокомбинаты, Каа-Хемский угольный разрез и практически все предприятия сельского хозяйства (совхозы), предприятия «Тува промхота» [6. Д. 1461. Л. 24]. Далее шли списки предприятий, подлежащих приватизации по городам и районам республики, далее по отраслям. Интересен факт, что ответственными лицами по разработке и реализации отраслевых программ приватизации назначались руководители предприятий (проблема «красных директоров»). Например, разгосударствлением территориального производственного объединения хлебопекарных и макаронных предприятий руководил его генеральный директор А.А. Рудольф.

Программа приватизации в Туве имела свои особенности, в частности особые льготы при проведении приватизации. Продажа государственных предприятий частным лицам была возможна только при отказе трудового коллектива от таких форм приватизации, как акционирование и аренда с последующим выкупом. Передача собственности должна была производиться на возмездной основе. Отмечалось форсированное проведение «малой» приватизации, охватывающей торговлю, сферу общественного питания и оказания услуг населению, мелкое и среднее производство товаров народного потребления. Преимущественным правом на приобретение в собственность предприятий традиционных промыслов и кустарных ремесел должно было пользоваться коренное население республики. При приватизации собственности предпочтение должно было отдаваться молодежи до 30 лет, постоянным (оседлым) жителям Тывы по сравнению с другими покупателями. При приватизации жилья приоритеты необходимо было предоставлять многодетным семьям, работникам отгонного животноводства с предоставлением определенных льгот [Там же. Д. 1466. Л. 135–136].

Если в Хакасии в комиссии по приватизации входили в основном чиновники различного уровня, депутаты органов представительной власти, то в Туве – руководители предприятий данной отрасли производства. Так, в состав республиканской комиссии по коммерциализации и приватизации сферы торговли, обще-

ственного питания и бытового обслуживания населения, помимо заместителя Председателя Государственного комитета по управлению государственным имуществом РТ, входили директор арендного предприятия «Кызыл-промторг», директор арендного предприятия «Кызыл-продукторг», директор треста общественного питания и представитель профсоюзов [Там же. Д. 1480. Л. 25].

Срок завершения коммерциализации предприятий торговли и сферы обслуживания был определен руководством республики до 1 мая 1992 г. Но в работе Г.Н. Балакиной «Экономика региона в период реформ: Республика Тыва» сообщается, что «малая» приватизация в Туве завершилась только к концу 1994 г. Самый первый приватизированный магазин в Республике Тыва – бывший магазин продторга № 33 по ул. Каа-Хем» [8. С. 28].

Обязательная приватизация началась в 1992 г. На первом ее этапе (1–3-й кварталы 1992 г.) проходила приватизация оптовой и розничной торговли, общественного питания, бытового обслуживания, предприятий, осуществляющих первичную переработку сельскохозяйственной продукции, объектов незавершенного строительства. Второй этап (1993–1994 гг.) – это приватизация автотранспортных предприятий, предприятий строительства, легкой и пищевой промышленности (табл. 2). Приватизация розничной торговли, общественного питания, предприятий бытового обслуживания должна была проходить по конкурсу. Необходимо отметить, что потребительская кооперация, обслуживавшая сельчан, приватизации не подлежала.

Анализируя вышеприведенные цифры, можно сделать следующий вывод. На первом этапе приватизации в Республике Тыва наиболее активно приватизировались предприятия общественного питания и транспортного обслуживания, в меньшей степени – строительной отрасли и легкой промышленности. Небольшой процент приватизируемых предприятий в розничной торговле – отличительная черта тувинской приватизации – объясняется тем, что большинство сельских магазинов, входивших в сеть потребительской кооперации, не подлежало приватизации.

Таблица 2

Расчетные показатели по приватизации в Тыве [9. Д. 174. Л. 127]

Отрасли	Удельный вес приватизируемых предприятий к их общему количеству	
	1992–1993 гг	1994 г.
Легкая промышленность	20%	20%
Пищевая промышленность	50%	26%
Строительство	13%	13%
Транспорт	76%	10%
Бытовое обслуживание	33%	20%
Розничная торговля	36%	2%
Оптовая торговля	66%	2%
Общественное питание	85%	–

О том, что федеральный центр был заинтересован в скорейшем проведении приватизации, можно судить по письму, адресованному заместителю Председателя Совета министров РСФСР, председателю Государственного комитета РСФСР по управлению государственным имуществом М.Д. Малею, от руководства Республики Алтай. В данном письме от 3 октября 1991 г. республиканские власти сообщают о мерах, принятых

в регионе для проведения разгосударствления и приватизации жилья и предприятий. В частности, был образован комитет по управлению имуществом Горно-Алтайской ССР, утверждено Положение о приватизации жилищного фонда в ГАССР, а также в процессе разработки находилась республиканская Программа разгосударствления и приватизации государственной собственности. [10. Д. 45. Л. 18].

Данные вопросы были рассмотрены на сессии Верховного Совета ГАССР 24 октября 1991 г., помимо общих принципов приватизации, таких как осуществление последовательных преобразований низкоэффективных государственных форм собственности в коллективную и частную собственность, создание атмосферы конкуренции и демополизации отраслей народного хозяйства.

Предполагалось использовать формы и методы, которые должны были обеспечить более высокую эффективность общественного производства при соблюдении гарантий социальной защищенности и национальных традиций и т.д. Постановление Совета народных депутатов Горно-Алтайской ССР «О разграничении собственности на территории Горно-Алтайской ССР и основных направлениях ее разгосударствления и приватизации» содержало вполне конкретные рекомендации. Например, «при аренде государственного имущества с правом его выкупа, акционировании, продаже через аукционы и по конкурсу отдавать приоритет трудовым коллективам, работающим на приватизируемых предприятиях; средства, вырученные от приватизации государственных предприятий, аккумулировать на специальных счетах и направлять на социально-экономическое развитие территории, структурную перестройку народного хозяйства и т.д.» [11. Д. 6. Л. 60–62]. Авторы данного документа считали, что приватизацию государственных предприятий следует начинать с отраслей торговли, бытового обслуживания населения, малых и средних предприятий, в первую очередь убыточных; земля и недра, воды, растительный и животный мир и иные природные и рекреационные ресурсы, которые находились в административных границах ГАССР, должны были являться общим достоянием народов, проживающих на территории республики, и не подлежать приватизации. На первом этапе не должны подлежать приватизации объекты народного образования, культуры, здравоохранения, связи, энергетики. Интересен факт, что помимо социальной и производственной инфраструктуры, что в принципе закономерно, на первом этапе не должны были быть приватизированы предприятия, реализующие вино-водочные изделия, и торговые базы [Там же].

Уже 7 мая 1992 г. Верховный Совет РА утвердил постановление, согласно которому часть земельных участков передавалась в собственность гражданам. Основой для данной транзитной идеи стало принятие Закона РСФСР «О земельной реформе». В частности, могли быть переданы в собственность участки для ведения крестьянского хозяйства в пределах среднерайонных норм, установленных в соответствии с указом Президента РФ от 27 декабря 1991 г. Решение о закреплении земель в собственность для ведения крестьянского хозяйства принималось районными советами народных депутатов при условии подготовки правоустанавливающих документов. Для индивидуального жилищного строительства и ведения личного подсобного хозяйства – в соответствии нормами, установленными ст. 23 Земельного кодекса РСФСР [Там же. Д. 69. Л. 138].

В Республике Алтай до осени 1992 г., как и в целом по стране, проходила «малая» приватизация. Главные

схемы – это продажа на конкурсной основе и выкуп арендуемых предприятий. Главным образом приватизации подлежали предприятия торговли, бытового обслуживания и общепита (муниципальная собственность). Небольшие объемы приватизируемой собственности позволили провести реформирование в сжатые сроки. Так, в 1992 г. в Республике Алтай было приватизировано 109 предприятий, из них 83 по коммерческому конкурсу, 15 – путем выкупа. Помимо этого, в первый год реформ приватизации подверглись 29% промышленных предприятий и 14% жилых помещений. В республике действовало 143 кооператива, каждый второй из которых – в строительной области. В них трудились 2 352 человека. В ходе начального этапа реформ многие кооперативы были преобразованы в хозяйственные товарищества и предприятия акционерного типа. Согласно отчету о деятельности Правительства Республики Алтай за 1992 г., в республике действовало 521 малое предприятие, в них работало более 8% всего занятого населения. При этом большинство малых предприятий было образовано на базе ранее действующих предприятий. Тем самым создавалась новая экономическая структура в регионе.

9 марта 1992 г. в Хакасии также стартовала «малая» приватизация. В частности, комитетом по управлению государственным имуществом создавались комиссии по подготовке предприятий торговли к приватизации. Помимо чиновников, таких как экономист городского (районного) финансового отдела, заведующий отделом торговли горисполкома (райисполкома) и председатель комиссии по торговле городского совета народных депутатов, в них в обязательном порядке входили представители трудового коллектива приватизируемого магазина и депутат городского совета, на участке которого находился магазин [5. Д. 1. Л. 6]. Первым предприятием, приватизированным в Абакане, стал ОРС ПГО «Красноярскгеология». Согласно договору купли-продажи № 1 от 15 марта 1992 г., за имущество ОРСа ПГО «Красноярскгеология», переданного в муниципальную собственность Абакана, в результате конкурса комитетом по управлению государственным имуществом было получено 1 541 300 руб. [Там же. Л. 8].

Подготовка к приватизации промышленных предприятий началась позже, в апреле 1992 г., когда была создана соответствующая комиссия. Одной из первых была подана заявка на приватизацию пивоваренного завода «Абаканский», который является брендом города. Данное предприятие в сентябре 1992 г. было преобразовано в акционерное общество открытого типа «Пивоваренный завод Абаканский».

Схема приватизации для большинства предприятий была единой. Первоначально отдел по управлению имуществом муниципалитета выпускал распоряжение о продаже какого-либо предприятия, затем отдел по приватизации администрации города или района в 10-дневный срок после регистрации АО должен был подать заявку в Министерство финансов РХ на проведение первичной эмиссии, дать объявление в средствах массовой информации о преобразовании предприятия и начале закрытой подписки на акции в уста-

новленные сроки, далее комитет по приватизации брал на контроль поступление средств от продажи акций по закрытой подписке. После завершения взаиморасчетов по продаже акций членам трудового коллектива оставшиеся акции продавались на открытых торгах [5. Д. 1. Л. 111–112].

В качестве особенности «малой» приватизации в Хакасии можно отметить, что, по данным целевых показателей приватизации государственных и муниципальных предприятий различных отраслей по городам и районам, доля приватизируемых объектов торговли и бытового обслуживания в столице региона

была значительно меньше, чем в соседних республиках и в районах республики. [Там же. Л. 118].

Анализируя данные, представленные в табл. 3, можно сделать вывод о меньшей доле приватизируемых предприятий в г. Абакане. Тенденция на сохранение муниципальной собственности и дальнейшую сдачу ее в аренду наблюдалась и дальше в политике администрации города. Мэрия пыталась извлечь выгоду, а не освободиться от собственности. В результате данной политики в 2000-х гг. доля от доходов муниципального имущества в бюджете города была весьма значительной.

Таблица 3

Показатели приватизации государственной (республиканской) и муниципальной собственности в Республике Хакасия, % от количества предприятий

Виды собственности и территории	Лег. пром.	Пищ. пром.	Строит.	ПТО с/х	Автотранс	Магазины	Опт. базы	Общепит	Бытов. обслуж.
Государственная собственность, РХ	71	66	55	75	67	–	54	–	50
Муниципальная собственность									
г. Абакан		50				60		45	50
г. Саяногорск		100	100			71		18	100
г. Черногорск			100		100	60		45	50
Алтайский р-н				52				42	58
Аскизский р-н				33		60		50	100
Бейский р-н				50					100
Боградский р-н				100					100
Орджоникидзевский р-н				100		60		45	50
Таштыпский р-н			100	66		60			50
Усть-Абаканский р-н				60		60		45	100

В Хакасии к маю 1993 г. было приватизировано 352 предприятия, что составило 51,2% от их общей численности. В этот период приватизировались в основном предприятия оптовой торговли и бытового обслуживания, строительства, пищевой промышленности. Хуже проходила приватизация предприятий легкой промышленности: 66% от плана. Ряд крупных торговых организаций, таких как фирма «Илона», «Росторгонадежда», сумели приспособиться к новым условиям, но большинство из ранее известных организаций торговли, как и в других республиках Южной Сибири, распались на отдельные небольшие предприятия.

При этом нельзя говорить, что приватизация проводилась «стихийно». Власти понимали необходимость руководства данным процессом. Так, были наложены некоторые ограничения на приватизацию республиканской и муниципальной собственности. Например, в Республике Алтай требовалось согласие правительства Республики Алтай и муниципальных властей на приватизацию предприятий народных художественных промыслов, полиграфии и издательств, государственных племенных и конных заводов, селекционно-гибридных центров и опытных станций. Вводился запрет на приватизацию недр, земли, водного фонда, охраняемых природных территорий, заказников, заповедников и т. д. [10. Д. 64. Л. 8]. В целях защиты интересов сельскохозяйственных производителей акции мясокомбинатов, прирельсовых баз в Абакане и Минусинске должны были быть проданы по закрытой подписке предприятиям и совхозам, расположенным в Туве [8. С. 28]. Данное решение было выполнено не в полном объеме.

И в завершение в качестве наглядного примера «малой» приватизации хотелось бы привести историю приватизации муниципального предприятия «Сластена» г. Абакана. Это популярное предприятие, которое занималось изготовлением кондитерских изделий. Оно было создано в 1989 г. Численный состав МП «Сластена» составлял 30 человек, в том числе работников – 20 человек. «Сластена» – одно из немногих предприятий, которые, изменив форму собственности, функционируют до сих пор, не поменяв сферу своей деятельности. Согласно плану приватизации, данное предприятие приватизировалось в форме коммерческого конкурса, в виде открытых аукционов и торгов. В качестве условия приватизации назывались сохранение профиля предприятия на пять лет, покупатель должен был взять на себя ответственность по долгам предприятия в сумме 228,8 тыс. руб. и сохранить численность рабочих сроком на один год. Предусматривались льготы трудовому коллективу: рассрочка платежа до трех лет, скидка 30% от продажной цены; первоначальный взнос не менее 25% от цены, за которую приобретен объект [5. Д. 14. Л. 160]. Изначальная цена предприятия была обозначена суммой в 461 тыс. руб.

В качестве члена комиссии по приватизации была назначена директор ТОО «Преодоление» Л.М. Карнаушенко (бывший руководитель данного муниципального предприятия). После информационного письма было проведено собрание трудового коллектива, именуемого ТОО «Преодоление», на котором единогласно было принято решение об участии в конкурсе по приватизации МП «Сластена». ТОО «Преодоление» было создано 17 августа 1992 г. на базе части трудового коллектива МП «Сластена» с целью приватизации

предприятия и удовлетворения общественных потребностей в его продукции, работах, услугах и реализации на основе полученной прибыли социальных и экономических интересов членов товарищества [5. Д. 14. Л. 180]. В состав товарищества вошли 17 человек из 30 работающих на предприятии. Доли в уставном фонде были распределены следующим образом: Л.М. Карнаушен-

ко – 36,7%, Н.А. Сафарова (главный бухгалтер) – 26,7%, Л.И. Сацукевич (кондитер) – 20%, В.М. Бацанова (кондитер) – 8%, остальные члены товарищества – по 0,6% уставного фонда. В результате проведенного аукциона ТОО «Преодоление» в лице его директора Л.М. Карнаушенко приобрело МП «Сластена» за 130 млн руб. (цены декабря 1993 г.) [Там же. Л. 178].

Список источников

1. Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий : Указ Президента РФ от 29.12.1991 № 341 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/674>
2. Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации : постановление Верховного Совета РФ от 25.12.1992 № 4239-1 // СПС Консультант. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1281/
3. Каташев М.С. Приватизация в Республике Алтай на начальном этапе (1991–1994 гг.) // Алтай Билим. 2012. № 8. С. 90.
4. Шаги приватизации. Интервью с руководителем комитета по управлению имуществом в г. Горно-Алтайске В. Г. Емельяновым // Звезда Алтая. 1993. 3 июля.
5. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив». Ф. Р-698. Оп. 1. Д. 1.
6. Государственный архив Республики Тыва. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1471.
7. Об основных направлениях республиканской программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в 1992 // Тувинская правда. 1992. 1 фев.
8. Балакина Г.Ф. Экономика региона в период реформ: Республика Тыва. Новосибирск : Наука, 1996. 96 с.
9. Государственный архив Республики Тыва. Ф. 784. Оп. 1. Д. 174.
10. Комитет по делам архивов Республики Алтай. Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 45. Л. 18.
11. Комитет по делам архивов Республики Алтай. Ф. Р-690. Оп. 1. Л. 6. Л. 60–62.

References

1. Russian Federation. (1991) *Ob uskorenii privatizatsii gosudarstvennykh i munitsipal'nykh predpriyatii* : Ukaz Prezidenta RF ot 29.12.1991 № 341 [On accelerating the privatization of state and municipal enterprises: Decree No. 341 of the President of the Russian Federation of December 29, 1991]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/674>
2. The Supreme Council of the Russian Federation. (1992) *Gosudarstvennaya programma privatizatsii gosudarstvennykh i munitsipal'nykh predpriyatii v Rossiyskoy Federatsii: postanovlenie Verkhovnogo Soveta RF ot 25.12.1992 № 4239-1* [State program for the privatization of state and municipal enterprises in the Russian Federation: Decree No. 4239-1 of the Supreme Council of the Russian Federation of December 25, 1992]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1281/
3. Katashev, M.S. (2012) *Privatizatsiya v Respublike Altay na nachal'nom etape (1991–1994 gg.)* [Privatization in the Republic of Altai at the initial stage (1991–1994)]. *Altay Bilim*. 8. p. 90.
4. Emelyanov, V.G. (1993) *Shagi privatizatsii. Interv'y u s rukovoditelem komiteta po upravleniyu imushchestvom v g. Gorno-Altayske V.G. Emel'yanovym* [Steps of privatization. Interview with the head of the property management committee in Gorno-Altaysk V.G. Emel'yanov]. *Zvezda Altaya*. 3rd July.
5. The State Institution of the Republic of Khakassia “National Archive.” Fund R-698. List 1. File 1.
6. The State Archive of the Republic of Tyva. Fund 270. List 1. File 1471.
7. Tuvinskaya pravda. (1992) *Ob osnovnykh napravleniyakh respublikanskoy programmy privatizatsii gosudarstvennykh i munitsipal'nykh predpriyatii v 1992* [On the main directions of the republican program of privatization of state and municipal enterprises in 1992]. 1st February.
8. Balakina, G.F. (1996) *Ekonomika regiona v period reform: Respublika Tyva* [Economy of the region during the reforms: Republic of Tuva]. Novosibirsk: Nauka.
9. The State Archive of the Republic of Tyva. Fund 784. List 1. File 174.
10. The Committee for Archives of the Republic of Altai. Fund R-689. List 1. File 45. p. 18.
11. The Committee for Archives of the Republic of Altai. Fund R-690. List 1. p. 6, pp. 60–62.

Сведения об авторе:

Тышта Елена Владимировна – доцент кафедры теории и истории государства и права Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия). E-mail: tyshata@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tyshta Elena V. – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of History and Law of the N.F. Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation). Email: tyshata@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 13.06.2018; accepted for publication 11.11.2022

Статья поступила в редакцию 13.06.2018; принята к публикации 11.11.2022

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья

УДК 94

doi: 10.17223/19988613/80/12

Закрытие российско-китайской границы на Дальнем Востоке в связи с пандемией COVID-19: переформатирование трансграничных практик российско-китайского взаимодействия

Ольга Владимировна Залеская

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия, OlgaZalesskaya@gmail.com

Аннотация. Российско-китайские отношения в XXI в. динамично развиваются. Серьезное влияние на развитие сотрудничества между двумя странами оказала пандемия COVID-19. В дальневосточном регионе, где сложился солидный опыт двусторонних контактов, граница между Россией и Китаем была закрыта. Цель статьи – исследование изменений в функционировании трансграничных практик в российско-китайском взаимодействии на Дальнем Востоке в условиях пандемии коронавируса. Рассмотрены особенности трансграничных практик в новых реалиях, проанализирована их устойчивость к изменившейся ситуации.

Ключевые слова: российско-китайская граница, Дальний Восток, российско-китайское взаимодействие, пандемия COVID-19, трансграничные практики

Для цитирования: Залеская О.В. Закрытие российско-китайской границы на Дальнем Востоке в связи с пандемией COVID-19: переформатирование трансграничных практик российско-китайского взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 107–113. doi: 10.17223/19988613/80/12

Original article

Closure of the Russia-China border in the Far East due to the COVID-19 pandemic: Reformatting Cross-Border Practices of Sino-Russian Interaction

Olga V. Zalesskaia

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russian Federation, OlgaZalesskaya@gmail.com

Abstract. In the 21st century, Russian-Chinese relations have reached a new level of interaction, with mutual contacts successfully developing in various spheres and directions. Joint projects have been developed and implemented at the interstate and interregional levels. In the Far East, cross-border practices of interaction due to the proximity of the two countries have formed and functioned successfully in the established system of inter-regional bilateral relations. However, the COVID-19 pandemic has disrupted approved plans and has had a direct impact on the format of further cooperation. All these facts determined the relevance of this study. The purpose of the article is to analyze changes in the functioning of cross-border practices in Russian-Chinese interaction in the Far East in the new context of the coronavirus pandemic. The sources of the article are the quantitative data and analytical reviews of official governmental portals and news websites of the two countries. In the article a systematic approach was used, which allowed to consider cross-border practices as an element of the system of Russian-Chinese interregional cooperation in the Far East, which has a direct impact on its sustainability and development. The author examines the peculiarities of the existence of transboundary practices in the new environment and analyzes their resilience to the changed situation. In the course of the study, the author came to the conclusion that the COVID-19 pandemic and the rapidly followed closure of the Russian-Chinese border in the Far East have had an irreversible impact on the established Russian-Chinese cross-border practices. The 30-year period of their functioning in traditional formats has come to an end. The cross-border practices associated with interregional trade between the Russian Far East and Northeast China are the most stable. Their relative stability, however, is due to socio-economic conditions, state support measures and foreign policy vectors of the two countries. The spheres of construc-

tion, agriculture, services and cultural and humanitarian cooperation, on the other hand, have shown maximum instability. Online events in education, science, art and sports spheres in the Far East border region are either impossible or significantly diminish their value, have a negative impact on perceptions and do not contribute to deepening ties. Cross-border practices such as tourism, shuttle trade, shopping tours have ceased altogether. Obviously, established cross-border practices will never function in their former formats again. If the border closures continue, they will inevitably fade and cease altogether in some areas, which, in turn, will have a negative impact on the development of Russian-Chinese relations at all levels in the future.

Keywords: Russia-China border, Far East, Russia-China cooperation, COVID-19 pandemic, cross-border practices

For citation: Zaleskaya, O.V. (2022) Closure of the Russian-Chinese border in the Far East due to the COVID-19 pandemic: reformatting cross-border practices of Sino-Russian interaction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 107–113. doi: 10.17223/19988613/80/12

Российско-китайское взаимодействие многогранно и многоаспектно. Оно включает в себя отношения двух стран на межгосударственном и межрегиональном уровнях, и в настоящее время характеризуется как всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие. К фундаментальным принципам двустороннего российско-китайского взаимодействия в новую эпоху относятся: взаимоуважение и равноправие, добрососедство, высокий уровень взаимного доверия, взаимная поддержка, взаимовыгодный характер сотрудничества и готовность к компромиссу [1]. Под «новой эпохой» в российско-китайских отношениях, с одной стороны, подразумевается период, начавшийся с приходом к власти в КНР Си Цзиньпина, с другой – новая концептуализация российско-китайских отношений: их новая глубина, новые возможности и новая степень ответственности в целом, более высокий уровень взаимной поддержки и взаимного доверия [2].

На Дальнем Востоке российско-китайское взаимодействие представляет собой отношения между соседствующими регионами двух крупнейших мировых держав. Россия и Китай граничат здесь на протяжении более чем 4 тыс. км, осуществляя сотрудничество по различным направлениям. Межрегиональное взаимодействие двух стран, в свою очередь, представляет собой крупнейшую систему на геополитическом дальневосточном пространстве, начало формирования которой следует отнести ко второй половине XIX в., когда после разграничения территорий двух стран в Приамурье и Приморье развернулась их колонизация представителями двух этносов. Подданные Российской и Цинской империй устанавливали тесные контакты, совместно осваивали необжитые земли. В процессе расширения связей в дальневосточном приграничье здесь складывались практики российско-китайского сотрудничества, определенные географической близостью российских и китайских порубежных территорий и взаимной обусловленностью двусторонних контактов: территории российского Дальнего Востока в процессе колонизации нуждались в китайском труде и товарах, северо-восточные провинции Китая испытывали русское влияние в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и т.д. Закрытие дальневосточных границ в конце 1930-х гг. привело к прекращению трансграничных практик, но через полвека, в конце 1980-х гг., они были возобновлены. Рубеж XX–XXI вв. характеризуется их развертыванием и расширением вплоть до начала пандемии коронавируса нового типа, когда российско-китайская граница на

Дальнем Востоке была вновь закрыта и сотрудничество двух стран переведено в новые форматы, пока на неопределенный срок.

Цель данного исследования – проанализировать изменения в форматах трансграничных практик взаимодействия России и Китая на Дальнем Востоке после закрытия границы в связи с пандемией коронавируса нового типа, охарактеризовать новые условия трансграничного сотрудничества, осветить перспективы дальнейшего развития российско-китайских межрегиональных отношений на Дальнем Востоке.

Понятие трансграничных социальных практик ввел А. Моралес для характеристики деятельности, центральным элементом которой является пересечение границы. Он считал, что практики могут быть адаптивными, преобразующими, продуктивными и репродуктивными и, как правило, связаны с зарабатыванием, экономией или снижением повседневных расходов для жителей приграничных районов, которые в процессе практик преобразуют жизнь приграничья. Сходную характеристику давал трансграничным практикам С. Парелла, который отмечал, что в ходе таких практик порубежное население пользуется преимуществами жизни на одной стороне границы и работы на другой стороне, пересекая границу для осуществления различного вида деятельности. М. Тапия, в свою очередь, выделила три основных характерных черты трансграничных практик: непрерывность взаимодействия порубежного населения во времени, масштаб обменов соответствующих групп населения и географическая близость территорий, которая проявляется прежде всего в трансграничной мобильности. «Именно мобильность создает территорию, связывая пограничные пространства и города, которые формируют трансграничность несмотря на существование ограничений и трудностей, возникающих при пересечении границ» [3. С. 73, 75]. В нашем исследовании под трансграничными практиками понимаются формы взаимодействия представителей российской и китайской культур, выходящие за территориальные рамки административных образований одной страны и охватывающие зону порубежных контактов русского и китайского населения. Трансграничные российско-китайские практики складывались на протяжении десятилетий и динамично развивались; выкристаллизовались их формы и механизмы существования. В целом они стали феноменом дальневосточного приграничья, его неотъемлемым элементом. Пандемия COVID-19 необратимо нарушила их функционирование.

В исследовании применен системный метод, позволивший рассмотреть трансграничные практики как элемент системы российско-китайского межрегионального взаимодействия на Дальнем Востоке, оказывающий непосредственное влияние на ее устойчивость и развитие. В свою очередь, трансграничные практики сами представляют собой систему, составляющие которой формируют контактную зону в дальневосточном приграничье. Важнейшими акторами трансграничных практик являются китайская миграция на российский Дальний Восток, миграции россиян в северо-восточные провинции Китая, торгово-экономическое и культурно-гуманитарное сотрудничество, приграничная торговля и т.д. В исследовании дана характеристика взаимодействия русского и китайского народов на приграничных территориях в процессе трансграничных практик, где в контексте объективного сосуществования происходило их максимальное сближение, обусловившее, в свою очередь, значительную степень интенсивности взаимодействия.

Трансграничные практики в российско-китайском взаимодействии на Дальнем Востоке зарождаются с началом тесного соприкосновения двух цивилизаций после разграничения дальневосточных территорий, и, за исключением полувекowego периода закрытия границ (1938–1988), поступательно развиваются. В процессе их развития можно выделить следующие этапы.

1. Середина XIX – начало XX в. В период Российской империи, с освоением и колонизацией дальневосточных территорий после подписания Айгуньского и Пекинского договоров, происходит формирование трансграничных практик, таких как порубежная торговля и посредничество, деятельность китайских мигрантов по разработке приисков, строительству дорог и населенных пунктов в контактной зоне дальневосточного приграничья, складывание российской эмиграции в зоне строительства КВЖД, взаимное узнавание русской и китайской культур и языка и т.д. Расширение российско-китайского взаимодействия обусловило и возникновение криминогенных явлений, которые надолго укоренились в дальневосточном приграничье: контрабанды, хунхузничества, опиекурения, конокрадства, браконьерства, шпионажа.

2. 20–30-е гг. XX в. После октября 1917 г. начался новый этап в истории российско-китайских отношений. Китайских мигрантов, к октябрю 1917 г. находившихся на советской территории, советское руководство, ориентировавшееся на осуществление мировой социалистической революции, предполагало использовать как участников грядущих классовых битв. В 1918–1922 гг. перечень трансграничных практик пополняется еще одной составляющей: в Гражданской войне на территории России участвуют китайские мигранты и, возвращаясь на родину, передают в Китай революционный опыт и революционные идеи. Китайские мигранты на российской территории стали элементом системы советской национальной политики; они вовлекались в социалистическое строительство и происходившие трансформационные процессы. Советские властные органы на Дальнем Востоке создавали для китайских мигрантов агитпропотделы, библиотеки,

органы печати, клубы, театры, коммуны, рабфаки, совпартшколы, вовлекали их в кооперативы, профсоюзы и колхозы. Особым социокультурным явлением в контактной дальневосточной зоне, возникшим на основе преемственности с российской культурой и диалога с социокультурными образованиями в Азии, стало Русское зарубежье. Русскую эмиграцию следует рассматривать как особое социокультурное явление, которое в процессе взаимодействия с китайским народом обогатило культуру принимающей страны, создав огромный пласт материальных, духовных и культурных ценностей.

3. 40–80-е гг. XX в. В этот период обострение международной обстановки вынудило советское руководство выбрать приоритетным направлением обеспечение безопасности региона. Дальневосточные границы были закрыты, трансграничные практики – прерваны.

4. Конец 80-х гг. XX в. – по настоящее время. Российско-китайское взаимодействие возрождается вновь с открытием дальневосточных границ в конце 1980-х гг. 24 сентября 1988 г. между СССР и КНР произошел обмен первыми туристическими группами – из Благовещенска в Хэйхэ однодневную поездку по безвизовому обмену совершили две встречные группы. На порубежных территориях разворачиваются новые трансграничные практики: «челночная» («народная») и бартерная торговля, деятельность совместных российско-китайских предприятий и предприятий с иностранными (китайскими) инвестициями, приграничный туризм, культурные и гуманитарные связи, а также, как и сто лет назад, – контрабанда, «серая растаможка», незаконные приграничные валютные операции и т.п. [4. С. 535–540].

Несмотря на проблемы и недостатки российско-китайского взаимодействия (низкое качество китайских товаров, нацеленность китайских и российских предпринимателей на быстрое получение прибыли, несформированность приграничной таможенной инфраструктуры и т.д.), а также регулярно озвучивавшиеся на разных уровнях заявления о «желтой опасности», региональные руководители признавали, что без трансграничных практик китайских мигрантов экономика всего российского Дальнего Востока лишилась бы значительной части вливаний и доходов, а российское население – возможности приобретения дешевых товаров повседневного спроса и целого ряда продуктов [5]. По данным В.Г. Гельбраса, торговые операции по закупке китайских товаров совершали ежегодно около 800 тыс. чел., причем объем закупок каждого из них мог составлять 5–6 тыс. долл. [6. С. 300]. При малейших попытках закрыть границы население выражало незамедлительные протесты. Так, летом 2003 г., когда в Китае впервые была зарегистрирована смерть от атипичной пневмонии, по распоряжению федерального правительства на Амуре было закрыто 11 таможенных пунктов, ввоз китайских товаров был ограничен. Менее чем через неделю на улице перед зданием правительства Амурской области был организован пикет, участники которого требовали открыть таможню, так как в течение нескольких дней практически все товары повседневного спроса были проданы, а на

рынках Благовещенска существенно повысились цены. Тогда границы очень быстро открылись.

В целом на рубеже XX–XXI вв. трансграничное сотрудничество поступательно развивалось, совершенствуя формы и направления. Этому способствовало упрочение двусторонних отношений, выход взаимодействия двух стран на новый уровень. В 1996 г. Россия и Китай установили отношения стратегического партнерства. В подписанном 16 июля 2001 г. Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР были зафиксированы намерения сторон развивать отношения «равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия» [7]. Стало активно развиваться сотрудничество в торгово-экономической, научно-технической, военной, гуманитарной и иных сферах. Углублению двустороннего взаимодействия в различных областях способствовало проведение Национальных годов (2006–2007), Годов языков (2009–2010), Годов туризма (2013–2014), Годов дружественных молодежных обменов (2014–2015), Годов СМИ (2016–2017), Годов российско-китайского межрегионального сотрудничества (2018–2019). 2020–2021 гг. были объявлены Годом китайско-российского научно-технического и инновационного сотрудничества.

Приграничные территории России и Китая играли активную роль в этом взаимодействии; их роль как субъектов двусторонних отношений огромна. Активно развивалась торговля между российским Дальним Востоком и Китаем: в 2019 г. ее объем составил 10,5 млрд долл., увеличившись на 8% по сравнению с показателями предыдущего 2018 г. [8]. В целом же общий объем товарооборота России и Китая в 2019 г. составил 110,75 млрд долл. [9]. Таким образом, объем приграничной дальневосточной торговли составил 9,5% от общего объема торговли между Россией и Китаем. Функционировал китайский бизнес на дальневосточных территориях, китайские граждане прибывали на российский Дальний Восток в качестве строителей, сельхозрабочих, торговцев, поваров ресторанов китайской кухни. Популярным стало дальневосточное направление у китайских туристов: так, в 2019 г. российский Дальний Восток с туристическими целями посетили более 220 тыс. граждан Китая, что составило 18,6% от общего объема турпотока из КНР в Россию [10]. В российских вузах обучались студенты и аспиранты из Китая: в 2019 г. – 45 тыс. чел. [11]. Проводились совместные культурные мероприятия; некоторые из них стали брендовыми для приграничных территорий (заплыв «Дружба» и «Хоккей на Амуре», фестивали «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства» и «Амур – река дружбы» и др.).

В 2020 г. мировое сообщество столкнулось с новым вызовом: стремительным распространением COVID-19. Уже 30 января 2020 г. председатель правительства РФ Михаил Мишустин подписал распоряжение о закрытии российской границы на Дальнем Востоке, чтобы препятствовать распространению нового типа. С 20 февраля был полностью запрещен въезд гражданам КНР и ввоз товаров. С 18 марта Россия ограничила въезд на территорию страны иностранцев и лиц без граждан-

ства. Принятые запреты оказались в числе мер, принятых весной 2020 г. по всему миру в целях обеспечения изоляции, и, вероятно, такое «синхронное» закрытие может быть признано «последним актом подлинной глобализации» [12. С. 6]. После каждая страна открывалась уже сепаратно, с учетом своей эпидемиологической обстановки.

Такие беспрецедентные меры, которые не принимались ранее в отношении ни одного из вирусов (атипичной пневмонии, птичьего гриппа, свиного гриппа и т.п.), сразу же оказали непосредственное влияние на характер трансграничного сотрудничества. Прекратилось грузовое сообщение на пунктах пропуска, что привело к дефициту китайских овощей и росту цен на сельхозпродукцию в несколько раз. Десятки фуры не смогли пересечь границу. Позже грузовое автосообщение было открыто, что решило проблему дефицита овощей и фруктов [13]. Однако другие товары в районе Благовещенска через границу не пропускали больше года (исключение составляли лишь части для строящегося в Амурской области газоперерабатывающего завода) [14]. Грузовое направление на Дальнем Востоке фактически функционировало в автомобильных и смешанных пунктах пропуска: МАПП Забайкальск, СПП Благовещенск, ДАПП Староцурухайтуйский. Автомобильные грузоперевозки через российско-китайские пункты пропуска неоднократно приостанавливались по инициативе китайской стороны. Такие решения были вызваны поочередно неблагоприятной эпидемиологической ситуацией в Китае и ухудшением эпидемиологической ситуации в России. Многие российские фирмы и частные предприниматели потерпели и продолжают терпеть убытки, так как завозили товар и комплектующие для своего бизнеса из Китая и были вынуждены переориентироваться на российские фабрики, которые предлагают товар по цене минимум вдвое дороже и с высокой стоимостью доставки по России. Зачастую товар с нужными характеристиками на российской территории просто невозможно найти. Ситуация с распространением коронавируса серьезно затруднила и поставки в Китай фирменной амурской культуры – сои. Сразу на 23,4% в 2020 г. снизился товарооборот между Российской Федерацией и северо-восточной китайской провинцией Хэйлунцзян. Об этом со ссылкой на таможенную службу сообщило агентство Синьхуа, подчеркивая, что в абсолютных цифрах этот показатель превышает 97 млрд юаней (около 15 млрд долл.), а на Россию приходится почти две трети всей внешней торговли Хэйлунцзяна [15].

Что касается объемов торговли между Россией и Китаем, то в 2020 г. она вышла на отметку в 107,7 млрд долл., сократившись по сравнению с 2019 г. на очень незначительную цифру в 2,9% (менее чем на 3 млрд долл.) [16]. В том числе экспорт из Китая в Россию вырос на 1,7% и достиг 50,6 млрд долл., российский импорт в Китай, напротив, сократился на 6,6% – до 57,18 млрд долл. В частности, увеличился экспорт в Китай российского природного газа и железной руды, а также сельскохозяйственной продукции. В обратном направлении произошел рост поставок

из Китая в Россию товаров медицинского назначения, электроники и текстиля [17].

В свою очередь, товарооборот между Дальним Востоком России и Китаем по итогам 2020 г. вырос на 3,3% по сравнению с 2019 г. и составил \$10,8 млрд, в том числе экспорт в Китай составил \$6,9 млрд, импорт из Китая – \$3,9 млрд [18]. Из Китая в Россию везут одежду, обувь, компьютеры, бытовую химию, электронику, автомобили и другие товары народного потребления. В обратном направлении идут автозапчасти, сельхозпродукция, продукты питания, древесина и т.д. При этом в 2021 г. наблюдался резкий рост транзитных грузоперевозок между Китаем и Европой. Если в 2020 г. транзит контейнеров по сети ОАО РЖД на маршруте Китай–Европа–Китай превзошел показатели 2019 г. за три квартала, то в 2021 г. – всего за полгода. Всплеск транзита по суше вызван как восстановлением мировой экономики после пандемии, так и беспрецедентным – в семь раз – взлетом ставок морского фрахта в сообщении Китай–Европа. Кроме того, на участников рынка повлиял инцидент с блокировкой Суэцкого канала в марте 2021 г. Увеличение спроса на сухопутные перевозки необычайно усложняет и часто парализует работу российских пунктов пропуска, свидетельствуя о неготовности российской инфраструктуры. На автомобильных погранпереходах скапливаются сотни фур, а водители вступают в драки за место в очереди. На железной дороге тоже наблюдаются зазоры, в чем ОАО РЖД винит строгие карантинные меры со стороны Китая, а участники рынка – также нехватку порожних контейнеров и сбои в работе российской сети. Критическая ситуация в конце октября 2021 г. сложилась на крупнейшем сухопутном переходе Забайкальск–Маньчжурия, где есть как железнодорожный, так и автомобильный пункт пропуска. «По нашим субъективным оценкам, на территориях рядом с погранпереходом в ожидании заезда ежедневно находится около 500 автомобилей, в среднем машина стоит неделю, – рассказывает руководитель направления автоперевозок из Китая “Траско” Максим Игнатов. – Неделя простоя одного автомобиля обходится компании примерно в 150 тыс. руб.» [19]. Из-за простоев сроки доставки грузов из Китая автотранспортом выросли в среднем на 30–40 дней. Один день простоя фуры на границе обходится в среднем в 500 евро, или 40 тыс. руб., каждый день содержания груза на складе временного хранения стоит около 10 тыс. руб. Таким образом, только на МАПП Забайкальск–Маньчжурия перевозчики теряют из-за простоев машин по 40 млн руб. в день [20].

За исключением приграничной торговли, другие сферы российско-китайского взаимодействия серьезно пострадали, так как пассажирские перевозки, в отличие от грузовых, так и не были восстановлены. Дальневосточная граница по-прежнему закрыта для пассажирского сообщения. Произошло беспрецедентное уменьшение китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке – торговцев (только в Благовещенске количество китайских торговцев сократилось в 4 раза), сельхозрабочих, строителей, что привело к застою этих отраслей в регионе. Из-за карантина многие

предприниматели в Амурской области остались без китайских работников. Опустели местные рынки. Полностью остановлен поток туристов из Китая в Россию и из России в Китай. Прекращен бизнес «челноков» – этот канал доставки китайских товаров широкого потребления российскому населению был закрыт. Десятки российских и китайских граждан испытывали проблемы с возвращением на родину. Отрицательные последствия испытывает и сфера образования – из-за закрытия границы в российские дальневосточные вузы не могут вернуться китайские студенты, уехавшие в 2020 г. на Новый год на родину. Российские студенты, в свою очередь, не могут попасть в китайские вузы на учебу. Это означает продолжение на неопределенный срок дистанционного обучения, которое далеко не всегда отвечает целям и задачам изучения языка и культуры другой страны. Совместные российско-китайские культурные мероприятия переведены в онлайн-форматы, перенесены на неопределенный срок либо отменены. Так, мероприятия ежегодной «Российско-китайской ярмарки культуры и искусства» в 2020 г. были полностью отменены из-за пандемии, а в 2021 г. проведены раздельно на китайском и российском берегах. Выставки работ российских и китайских художников и фотографов, а также российско-китайская танцевальная выставка были проведены онлайн [21].

Пандемия коронавируса внесла серьезные коррективы в планы реформирования транспортной инфраструктуры региона. Построенный трансграничный мост Благовещенск–Хэйхэ не могут ввести в эксплуатацию. Это долгожданный проект, идея которого возникла еще в начале 1990-х гг., с открытием границы между Россией и Китаем. Мост Благовещенск–Хэйхэ возводился по концессионному договору и был построен за три года: с 24 декабря 2016 г. по 29 ноября 2019 г. Строительство велось одновременно с российской и китайской сторон, каждая возвела ровно половину мостового перехода через Амур. В целом строительство транспортного перехода обошлось в 18,8 млрд руб. По прогнозам, ежегодный поток пассажиров по нему достигнет около 3 млн чел., грузов – порядка 6 млн т, или почти 300 тыс. автомобилей. Ожидается, что запуск моста позволит сформировать в Амурской области логистический хаб, использование которого сократит транспортировку грузов в европейскую часть России на 1,5 тыс. км [22].

Открыть мост планировали в ноябре 2020 г., но из-за сложной эпидемиологической ситуации запуск объекта пришлось перенести. В настоящее время открыть движение по переходу мешает эпидемиологическая обстановка. Ситуация усугубляется тем, что в России началась очередная волна эпидемии (в настоящее время в сутки регистрируются более 40 тыс. случаев заражения), в соседнем с Россией Хэйхэ (провинция Хэйлунцзян) обнаружены более двух сотен зараженных, чего не было с начала пандемии. Поэтому пока открытие не только границы для пассажиров, но и грузового сообщения по вновь построенному мосту откладывается на неопределенный срок. В Хэйхэ было отложено заседание экспертной группы, которая в конце октября 2020 г. должна была утвердить стои-

мость проезда по мосту. В заседании должны были принять участие 30 человек, среди них чиновники правительства Хэйхэ, чиновники Комиссии по развитию и реформе КНР, сотрудники таможни и пунктов пропуска Хэйхэ, силовики, представители транспортных и логистических компаний, компаний, которые занимаются торговлей с Россией, а также представители туристического бизнеса [23].

В заключение отметим, что закрытие российско-китайской границы на Дальнем Востоке в связи с пандемией COVID-19 стало определяющей вехой в истории российско-китайского межрегионального взаимодействия. Им завершился период формирования и развития российско-китайских отношений в дальневосточном приграничье в традиционных форматах, когда основополагающую роль играли прямая коммуникация между участниками взаимодействия, диалог культур, ситуации непосредственного общения. Формы и направления трансграничных практик, складывавшиеся на протяжении десятилетий, несли в себе исторический опыт взаимодействия русского и китайского этносов в дальневосточном приграничье и имели потенциал дальнейшего развития в контексте эволюции межгосударственных и межрегиональных отношений между двумя

странами. Однако пандемия COVID-19 внесла в этот процесс радикальные коррективы. Наиболее устойчивой формой трансграничных практик при этом оказалась сфера приграничной торговли в силу ее обусловленности социально-экономической ситуацией и поддержки государственными механизмами. Региональные сферы строительства, сельского хозяйства, услуг на фоне ограничений в миграционной сфере обнаружили максимальную неустойчивость и неопределенность развития. Нестабильная ситуация сложилась в области культурно-гуманитарного сотрудничества: успешное развитие контактов в сфере образования, науки, искусства, спорта, туризма дистанционно невозможно. Пока не идет речи об их возможной адаптации к изменившимся условиям. В эпоху пандемии, когда ценностью становится самодостаточность и способность функционировать при высокой степени изоляции, не место контактам в прежних форматах. При сохраняющемся дальнейшем закрытии границы сложившиеся трансграничные практики, вероятно, определенный период времени продолжат свое существование, однако в итоге их ждет свертывание и затухание, что окажет необратимое негативное влияние на развитие российско-китайских отношений на всех уровнях.

Список источников

1. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент РФ. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 12.09.2021).
2. Карнеев А. Значение и смысл формулы российско-китайского стратегического сотрудничества «в новую эпоху» // Российский Совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/znachenie-i-smysl-formuly-rossiysko-kitayskogo-strategicheskogo-sotrudnichestva-v-novuyu-epokhu/> (дата обращения: 02.09.2021).
3. Tapia M. Las fronteras, la movilidad y lo transfronterizo: Reflexiones para un debate // Estudios Fronterizos. 2017. № 18 (37). P. 61–80. doi: 10.21670/ref.2017.37.a04
4. Zaleskaia O. Chinese Migration and Cross-Border Practices in the Russian-Chinese Interaction in the Far East: Four Stages of Intercultural Dialogue // Changing Societies & Personalities. 2020. Vol. 4 (4). P. 528–541. doi: 10.15826/csp.2020.4.4.115
5. Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 154. Л. 5.
6. Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001. 320 с.
7. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16.07.2001 // Сборник российско-китайских документов. 1999–2007 гг. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 143–151.
8. Товарооборот регионов Дальнего Востока и Китая вырос на 8% в 2019 году // ТАСС. 2020. 30 сент. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9584895> (дата обращения: 09.10.2020).
9. Чжун-Э шуанфан цзинцизи хэцэ (Экономическое двустороннее сотрудничество России и Китая) // Главное таможенное управление КНР. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/xwfb34/mtjj35/2557283/index.html> (дата обращения: 16.09.2021).
10. Китайский турпоток в Россию. Объемы. Сезонность. Точки входа. URL: https://www.sibtourport.ru/articles/russia_china/kitayskiy_turpotok_v_rossiyu_obyemy_sezonnost_tochki_vkhoda/ (дата обращения: 23.10.2021).
11. Цзинцизи жибао. 2020. 13 июля.
12. Барабанов О. и др. Эпоха пандемии: год второй. Возвращение будущего: ежегодный доклад международного клуба Валдай. 2021. Октябрь. 29 с.
13. Объем импорта китайских овощей на российский Дальний Восток упал почти вдвое. URL: <https://www.amur.info/news/2020/02/07/167593> (дата обращения: 21.10.2021).
14. Грузовое сообщение по понтонному мосту между Благовещенском и Хэйхэ открыли спустя год. URL: <https://gtrkamur.ru/news/2021/03/16/149831> (дата обращения: 14.10.2021).
15. Товарооборот между пров. Хэйлунцзян и Россией снизился на 23,4 проц. в 2020 году // Синьхуа тунсюньшэ (Агентство Синьхуа). 2021. 15 янв. URL: <http://home.xinhua-news.com/gdsdetailxhs/share/8845935-?pageflag=iframe> (дата обращения: 25.10.2021).
16. «Год результатов». Как в условиях пандемии выглядит торговля между РФ и КНР // Известия. 2021. 9 марта. URL: <https://iz.ru/1134334/van-zhui/god-rezultatov> (дата обращения: 24.09.2021).
17. Товарооборот между Китаем и Россией // Sea News: информационно-аналитическое агентство. URL: <https://seanews.ru/2021/01/15/rutovarooborot-mezhdu-kitaem-i-rossiej/> (дата обращения: 03.09.2021).
18. Товарооборот ДФО с Китаем по итогам 2020 года составил \$10,8 млрд. ТАСС. 2021. 2 сент. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12278859> (дата обращения: 02.09.2021).
19. Экономика погранпереходного периода. Российский транзит грузов для Европы встал на китайский карантин // Коммерсантъ. 2021. 10 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4937404> (дата обращения: 25.08.2021).
20. На границе с Китаем скопились рекордные пробки из большегрузов // Ведомости. 2021. 31 окт. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/10/31/893811-kitaem-probki?utm_source=facebook.com&utm_medium=social&utm_campaign=na-granitse-s-kitaem-skopilis-rekordnye (дата обращения: 07.11.2021).
21. Программа // 12 международный фестиваль «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства» [21–25 июня 2021 г.]. URL: <https://amurartfair.ru/program/> (дата обращения: 10.10.2021).
22. Трансграничный мост «Благовещенск–Хэйхэ» могут открыть для движения в ноябре // Trans.ru. 2021. 28 окт. URL: <https://trans.ru/news/transgranichnii-most-blagoveschensk-heihe-mogut-otkrit-dlya-dvizheniya-v-noyabre> (дата обращения: 06.11.2021).

23. В Хэйхэ из-за вспышки ковида отложили обсуждение стоимости проезда по мосту через Амур // Amur Life. 2021. 1 нояб. URL: <https://www.amur.life/news/2021/11/01/v-heyhe-otlozhili-obsuzhdenie-stoimosti-proezda-po-mostu-cherez-amur> (дата обращения: 05.11.2021).

References

1. Kremlin.ru. (n.d.) *Sovmestnoe zayavlenie Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki o razvitii otnosheniy vseob"emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeystviya, vstupayushchikh v novuyu epokhu* [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the Development of Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation Entering a New Era]. [Online] Available from: <http://kremmlin.ru/supplement/5413> (Accessed: 12th September 2021).
2. Karneev, A. (n.d.) *Znachenie i smysl formuly rossiysko-kitayskogo strategicheskogo sotrudnichestva "v novuyu epokhu"* [The meaning and purpose of the Russian-Chinese strategic cooperation formula "in the new era"]. [Online] Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/znachenie-i-smysl-formuly-rossiysko-kitayskogo-strategicheskogo-sotrudnichestva-v-novuyu-epokhu/> (Accessed: 2nd September 2021).
3. Tapia, M. (2017) Las fronteras, la movilidad y lo transfronterizo: Reflexiones para un debate. *Estudios Fronterizos*. 18(37). pp. 61–80. DOI: 10.21670/ref.2017.37.a04.
4. Zaleskaia, O. (2020) Chinese Migration and Cross-Border Practices in the Russian-Chinese Interaction in the Far East: Four Stages of Intercultural Dialogue. *Changing Societies & Personalities*. 4(4). pp. 528–541. DOI: 10.15826/csp.2020.4.4.115
5. The State Archive of the Amur Region (GAAO). Fund 2286. List 1. File 154. p. 59.
6. Gelbras, V.G. (2001) *Kitayskaya real'nost' Rossii* [Russia's Chinese Reality]. Moscow: Muravey.
7. Russian Federation. (n.d.) Dogovor o dobrososedstve, družbe i sotrudnichestve mezhdru Rossiyskoy Federatsiei i Kitayskoy Narodnoy Respublikoy ot 16.07.2001 [Treaty on Good Neighbourliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China of July 16, 2001]. In: *Sbornik rossiysko-kitayskikh dokumentov. 1999–2007 gg.* [Collection of Russian-Chinese documents. 1999–2007]. Moscow: [s.n.].
8. TASS. (2020) *Tovarooborot regionov Dal'nego Vostoka i Kitaya vyros na 8% v 2019 godu* [Trade between the Far East and China grew by 8% in 2019]. 30th September. [Online] Available from: <https://tass.ru/ekonomika/9584895> (Accessed: 9th June 2020).
9. Main Customs Administration of the People's Republic of China. (n.d.) *Zhong-E shuangfang jingji hezuo* [Economic bilateral cooperation between Russia and China]. [Online] Available from: <http://www.customs.gov.cn/customs/xwfb34/mtjj35/2557283/index.html> (Accessed: 16.09.2021).
10. STI. (2020) *Kitayskiy turpotok v Rossiiyu. Ob"emy. Sezonnost'. Tochki vkhoda* [Chinese tourist flow to Russia. Volumes. Seasonality. Points of entry]. [Online] Available from: https://www.sibtourport.ru/articles/russia_china/kitayskiy_turpotok_v_rossiiyu_obyemy_sezonnost_tochki_vkhoda/ (Accessed: 23rd October 2021).
11. *Jingji ribao*. (2020) 13th July.
12. Barabanov, O. et al. (2021) *Epokha pandemii: god vtoroy. Vozvrashchenie budushchego: ezhegodnyy doklad mezhdunarodnogo kluba Valdai* [The Age of Pandemic: Year Two. The return of the future. Annual report of the Valdai International Club]. October.
13. Amur.info. (2020) *Ob"em importa kitayskikh ovoshchey na rossiyskiy Dal'niy Vostok upal pochti dvoye* [The volume of Chinese vegetable imports to the Russian Far East has almost halved]. [Online] Available from: <https://www.amur.info/news/2020/02/07/167593> (Accessed: 21st October 2021).
14. Veselova, L. (2021) *Gruzovoe soobshchenie po pontonnomu mostu mezhdru Blagoveshchensk i Kheykhe otkryli spustya god* [Cargo traffic on the pontoon bridge between Blagoveshchensk and Heihe opened after one year]. [Online] Available from: <https://grkamur.ru/news/2021/03/16/149831> (Accessed: 14th October 2021).
15. *Xinhua tongxunshe* [Xinhua News Agency]. [Online] Available from: <http://home.xinhua-news.com/gdsdetailxhs/share/8845935-?pageflag=iframe> (Accessed: 25th October 2021).
16. Wang Rui. (2021) "God rezul'tatov". Kak v usloviyakh pandemii vyglyadit trgovlya mezhdru RF i KNR ["The Year of Results." What trade between Russia and China looks like in the pandemic]. *Izvestiya*. 9th March [Online] Available from: <https://iz.ru/1134334/van-zhui/god-rezultatov> (Accessed: 24th September 2021).
17. *SeaNews*. (2021) *Tovarooborot mezhdru Kitaem i Rossiei* [Trade between China and Russia]. 15th January. [Online] Available from: <https://seanews.ru/2021/01/15/ru-tovarooborot-mezhdru-kitaem-i-rossiei/> (Accessed: 3rd September 2021).
18. TASS. (2021) *Tovarooborot DFO s Kitaem po itogam 2020 goda sostavil \$10,8 mlrd* [The FEFD's trade turnover with China in 2020 was \$10.8 billion]. 2nd September. [Online] Available from: <https://tass.ru/ekonomika/12278859> (Accessed: 2nd September 2021).
19. *Kommersant*. (2021) *Ekonomika pogranperekhodnogo perioda. Rossiyskiy tranzit грузов dlya Evropy vstal na kitayskiy karantin* [The economics of the border transition period. Russian cargo transit for Europe gets caught up in Chinese quarantine]. 10th August. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/4937404> (Accessed: 25th August 2021).
20. *Vedomosti*. (2021) *Na granitse s Kitaem skopilis' rekordnye probki iz bol'shegruzov* [Record-breaking traffic jams at the border with China]. 31st October. [Online] Available from: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/10/31/893811-kitaem-probki?utm_source=facebook.com&utm_medium=social&utm_campaign=na-granitse-s-kitaem-skopilis-rekordnye (Accessed: 7th November 2021).
21. International Festival "Russian-Chinese Culture and Art Fair". (2021) *12 mezhdunarodnyy festival' "Rossiysko-kitayskaya yarmarka kul'tury i iskusstva" [21–25 iyunya 2021 g.]*. [Programme of the 11th International Festival "Russian-Chinese Culture and Art Fair" (21–25 June 2021)]. [Online] Available from: <https://amurartfair.ru/program/> (Accessed: 10th October 2021).
22. Press Service of the Government of the Amur Region. (2021) *Transgranichnyy most "Blagoveshchensk–Kheykhe" mogut otkryt' dlya dvizheniya v noyabre* [Blagoveshchensk-Heihe cross-border bridge may open to traffic in November]. [Online] Available from: <https://trans.ru/news/transgranichniy-most-blagoveshchensk-heihe-mogut-otkrit-dlya-dvizheniya-v-noyabre> (Accessed: 6th November 2021).
23. *Amur Life*. (2021) *V Kheykhe iz-za vspyshki kovida otlozhili obsuzhdenie stoimosti proezda po mostu cherez Amur* [In Heihe, a covid outbreak postponed discussion on the Amur bridge fare]. [Online] Available from: <https://www.amur.life/news/2021/11/01/v-heyhe-otlozhili-obsuzhdenie-stoimosti-proezda-po-mostu-cherez-amur> (Accessed: 5th November 2021).

Сведения об авторе:

Залеская Ольга Владимировна – доктор исторических наук, профессор, декан международного факультета Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск, Россия). E-mail: OlgaZalesskaya@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zalesskaia Olga V. – Doctor in History, Professor, Dean of the International Faculty, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: OlgaZalesskaya@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 04.12.2021; accepted for publication 11.11.2022

Статья поступила в редакцию 04.12.2021; принята к публикации 11.11.2022

Научная статья
УДК 327.8(51)
doi: 10.17223/19988613/80/13

Исторический обзор китайско-российского сотрудничества в рамках «Шанхайской пятерки» (ШОС): взгляд из Китая. Достижения и трудности

Лю Синтао¹, Лариса Петровна Черникова²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственного управления, Москва, Россия, xt83tree@aliyun.com

² Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, larisa-che@mail.ru

Аннотация. Рассматривается трансформация организации «Шанхайская пятерка» (ШОС) с апреля 1996 г., когда Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан подписали «Соглашение об укреплении доверия в военной области в приграничных районах» и «Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы». С освобождением ресурсов на содержание границы появилась возможность развития других проектов и планов. С преобразованием «Шанхайской пятерки» в Шанхайскую организацию сотрудничества Китай и Россия стали лидерами новой модели регионального сотрудничества.

Ключевые слова: Шанхайская пятерка, Китай, Россия, многомерное развитие

Для цитирования: Лю Синтао, Черникова Л.П. Исторический обзор китайско-российского сотрудничества в рамках «Шанхайской пятерки» (ШОС): взгляд из Китая. Достижения и трудности // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 114–124. doi: 10.17223/19988613/80/13

Original article

A historical overview of Sino-Russian cooperation within the Shanghai Five (SCO): a view from China. Achievements and difficulties

Liu Yintao¹, Larisa P. Chernikova²

¹ Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, xt83tree@aliyun.com

² Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, larisa-che@mail.ru

Abstract. The article is a historical overview of the cooperation between the Russian Federation and China in the framework of a regional organization in 1996-2000. The study is devoted to the study of Sino-Russian cooperation and the historical role of the Shanghai Five.

The article consists of five parts; the introduction emphasizes the importance of the relationship between China and Russia in the framework of the Shanghai Cooperation Organization in a variety of aspects. The first part of the article discusses the historical background of Sino-Russian cooperation in the military and border areas. Then, development in the border areas of the Russian Far East and Chinese Northeast is considered; the basis was the mutual trust of the military and the reduction of border tension. In conclusion, the analysis of cooperation in 1996-2000 is analyzed. It is noted that relations between the two countries still have shortcomings. The authors believe that the SCO contributed to the development of Sino-Russian relations with greater mutual trust. The debugging of the functioning mechanism of the "Shanghai Five" made it possible to raise the importance of the organization for all countries included in it, especially for China and Russia, and the association was able to become an example of flexible regional cooperation.

Sources for the study were both Chinese and Russian articles and materials. Economic works and periodicals on the Russian foreign economy are of great importance in Russian citations (for example, the article of L.E. Strovsky). Internet resources, such as articles and news, have given the authors a lot of help. The historical review reflects the different assessments to the same issue on both sides of the border: the antagonism between the participants is particularly obvious; at the same time, along with the situation at that time, the trend of solving the problem has emerged. This experience also applies to other international organizations – the Eurasian economic community, the silk road economic belt, etc. The article also relates to the literature of V. Larin, V. Litovkin, I.A. Rodionova, A.I. Parfenov, V. V. Shubin, which expounds different performances of the relationship between the two countries in different periods.

At the same time, the used Chinese sources and literature were almost never put into scientific circulation. Such authors as Wang Xinhua, Wei Yujiang highlighted national defense research and action; Li Yongchuan noted positive developments in the 70-year history of Sino-Russian relations. A review by Ma Xuysheg emphasized that relationship tensions cannot last forever. Ma Shufang has focused on the drain of "Russian brains and talents" since 1991, and Wang Jing on the issue of exporting labor from the PRC to Russia from the early to mid-1990s; Qian Yongkun, Wang Yanli – noted an

increase in energy demand in China in the 1990s. and deduced that their reasons were GDP growth and changes in wages in China.

Keywords: Five Nations at Shanghai, China, Russia, multidimensional development

For citation: Liu Yintao, Chernikova, L.P. (2022) A historical overview of Sino-Russian cooperation within the Shanghai Five (SCO): a view from China. Achievements and difficulties. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 114–124. doi: 10.17223/19988613/80/13

Введение

После окончания холодной войны в международной и региональной обстановке произошли серьезные изменения, когда мир и новое развитие стали движущими силами эпохи. Вслед за этим в повестке дня стал актуальным вопрос об укреплении отношений добрососедства, взаимного доверия, дружбы и сотрудничества между пятью соседними странами – Китаем, Казахстаном, Россией, Таджикистаном и Кыргызстаном. В 1996 и 1997 гг. главы пяти государств на встречах в Шанхае и Москве подписали «Соглашение об укреплении доверия в военной области в приграничных районах» (1996) [1] и «Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы» (1997) [Там же], что стало важным историческим этапом, приведшим к запуску механизма под названием «Шанхайская пятерка».

На трех последующих совещаниях (1998–2000) взаимодействие в рамках «Шанхайской пятерки» было расширено – от развития региональной безопасности до многопрофильного сотрудничества. Вступая в новый век, с непрерывным укреплением функций механизма, углублением регионального сотрудничества и растущей привлекательностью механизма для соседних стран «Шанхайская пятерка» трансформировалась в Шанхайскую организацию сотрудничества. Сегодня число государств-членов увеличилось до восьми, а также дополнено четырьмя государствами-наблюдателями: Афганистаном, Беларусью, Ираном и Монголией. Если посмотреть назад, «Шанхайская пятерка» внесла большой вклад в региональное сотрудничество. Особенно важную роль в этой работе сыграли Китай и Россия, причем деятельность в рамках организации значительно повлияла на их собственное развитие.

Отметим, что главными интересами пяти сторон-участников в 1990-х гг., при создании международного сотрудничества в рамках «Шанхайской пятерки», стали создание прочных границ и укрепление взаимного доверия в военной сфере.

Историография

Все последующие после создания организации годы данной теме уделяется большое внимание исследователей. Ученые осмысливают влияние государственных, военно-пограничных, общественных институтов стран на эффективную работу «Шанхайской пятерки». К этой теме обращались ученые в Европе и Америке (Р.О. Кеохане [2], А. Ачарья, А.И. Джонстон [3. Р. 6–12]), в Китае [4. С. 50; 5; 6], Индии [7. Р. 139], России [8–13], странах Центральной Азии [14]. Можно также разделить историографию по десятилетиям исследова-

ний в связи усиленным интересом к тем или иным вопросам сотрудничества. К 2020 г. мы замечаем увеличение интенсивности исследований, параллельно с падением интереса основных партнеров-государств к этому сотрудничеству. Более того, в связи с накоплением такого обширного массива публикаций понадобились и были написаны значительные обобщающие работы по историографии некоторых направлений исследований ШОС [15, 16].

Западная школа неореализма (Р.О. Кеохане [2] и др.) значительное внимание уделяет отлаживанию механизма властных полномочий и управления как такового. Приверженцы данной школы указывают, что если в существующей системе структуры власти происходят изменения, то это неизбежно приводит к соответствующим изменениям во всей системе региональных структур [Ibid. Р. 6, 68]. С практической точки зрения распад Советского Союза способствовал слоому биполярной международной системы, и вновь образованным странам, Российской Федерации и новым странам Центральной Азии, необходимо было в условиях внезапных трансформаций срочно выстроить новый баланс, в первую очередь в правовой сфере. Действительно, в конце 1990-х гг., в условиях изменений мировых взаимоотношений и расширения однополярности мира, процесс этот охватил многие страны, но особенно важен он оказался для Китая и России, направивших свои усилия на укрепление сотрудничества и партнерства, достижение регионального единства в сферах своего влияния.

Известный китайский политолог-международник Фэн Шаолэй (Шанхай), оценивая процесс складывания «Шанхайской пятерки», отмечает, что здесь потребность сотрудничества проявилась между несколькими странами с переходной экономикой, а не между промышленно развитыми странами. Особенность организации союза также в том, что она произошла между странами с разными типами цивилизаций. Все это стало примером новаторства в международном сотрудничестве в мировой истории [17]. А.В. Лукин, В.Б. Кашин, оценивая китайско-российское сотрудничество в рамках ШОС, считают, что оно оказало существенное влияние на развитие двусторонних отношений и обеспечение глобальной и региональной безопасности: во-первых, оно повлияло на стратегический характер и реконфигурацию сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, во-вторых, стимулировало Китай к развитию и превращению в промышленную и военную державу, в-третьих, углубило взаимозависимость обеих сторон в области безопасности [18].

Китайский аналитик Ван Цзиньцунь считает, что первый раунд из пяти встреч в рамках «Шанхайской пятерки» показал, что вопросы, на которых она была

сфокусирована, шаг за шагом неизбежно расширялись. Эти вопросы не только вышли за узкие рамки неотложных проблем пограничной безопасности, но и превысили задачи узкого круга сугубо пяти стран. Характер региональной организации и решаемые ею задачи постепенно становились все более яркими и многогодовыми [19].

В ходе исследования авторы данной работы глубоко проанализировали факторы китайско-российского сотрудничества в рамках ШОС. В дополнение к известному решению пограничной проблемы, оставшейся от советского периода, также изучены внутренние (объективные потребности экономического развития) и внешние факторы развития (давление, которое однополярный мир оказывает на Китай и Россию), с которыми сталкиваются два актора данной статьи. Авторы считают, что обе эти группы факторов являются важными составляющими укрепления взаимного доверия и сотрудничества между Китаем и Россией. Помимо этого, исследован вопрос, насколько достигнутое взаимное доверие в военной сфере (в начальный период сотрудничества) сможет способствовать сотрудничеству в других областях отношений. Также проведен подробный анализ и сделан вывод, что рассматриваемая региональная организация, основанная на взаимном доверии, будет способствовать дальнейшей интеграции сторон в евразийском пространстве (с российской стороны может выступать нынешнее Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), а с китайской стороны – большой проект «Пояс и Путь»).

Конечно, в китайско-российском сотрудничестве имелись и некоторые негативные факторы, в том числе низкий уровень структуры торговли, медленное развитие соседних регионов двух стран и др. Авторы попытались разяснить эти негативные факторы и считают, что они повлияют на дальнейшее сотрудничество между двумя странами.

Предыстория большой эпохи

С самого начала необходимо признать, что лидеры пяти стран собрались в Шанхае (1996) для решения вопроса о перспективах взаимоотношений между СССР и КНР, и главными здесь стали вопросы военной безопасности на границах, которые обсуждались еще в последние годы существования СССР. В последующую пятилетку лидеры целенаправленно тестировали механизм «Шанхайской пятерки», решали пограничные проблемы, сделали определенные шаги к взаимному военному доверию и сотрудничеству в других областях, и все это неотделимо от сложного фона той эпохи.

1980-е годы. Китайско-советские отношения начали смягчаться с 1980-х гг. Весной 1982 г. в своей речи в Ташкенте Л.И. Брежнев признал Китай социалистической страной. Он также призвал к улучшению советско-китайских отношений. После кончины Брежнева Китай отправил на похороны министра иностранных дел Хуан Хуа, а Постоянный комитет «Всекитайского собрания народных представителей Китая» направил телеграмму с выражением соболезнования.

После многих лет холодных отношений это было знаками внимания китайской стороны. В сентябре 1984 г., во время заседания Генеральной Ассамблеи ООН, министры иностранных дел двух стран официально встретились в Нью-Йорке. В 1985 г. Дэн Сяопин попросил румынского лидера Чаушеску передать сообщение Горбачеву: если вьетнамская армия покинет Камбоджу, он или Ху Яобан готовы провести встречу с лидером СССР. В мае 1986 г. М.С. Горбачев заявил, что добрососедские отношения с КНР для СССР не менее важны, чем с США и другими странами [20]. В 1987 г. Китай и Советский Союз возобновили пограничные переговоры [21]. А вскоре после визита М.С. Горбачева в КНР в 1989 г. китайско-советские отношения существенно нормализовались.

1990-е годы. После распада СССР Китай и Россия подписали в 1992 г. Совместную декларацию об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (далее – Совместная декларация), в которой было заявлено, что «...стороны подчеркивают необходимость уважения права народа любой страны на свободный выбор путей своего внутреннего развития. Различия в социальных системах и идеологии не будут препятствовать нормальному развитию межгосударственных отношений». Действительно, существовала весьма серьезная проблема разнотипности подходов к управлению странами и внешней политикой: социалистическая система КНР (и ее сегодняшняя многопартийность) и новолиберальная протокапиталистическая рыночная система Российской Федерации.

Подписание Совместной декларации ознаменовало для Пекина и Москвы плавный переход от китайско-советских отношений к китайско-российским, который имеет большое значение и очень своевременен. Этот плавный переход показывает, что Китай признает Россию в качестве правопреемника СССР, и обе страны готовы развивать добрососедские отношения. 1996 год стал важным в развитии современных китайско-российских отношений: в этот год Китай и Россия решили превратить свои отношения в «направленные на стратегическое взаимодействие в XXI в.». С тех пор стратегическое сотрудничество партнеров стало позиционированием современных китайско-российских отношений, а также формальным выражением новых государственных отношений между Китаем и Россией [22].

Трудности сближения. В процессе налаживания взаимоотношений обе страны сталкивались со сложным внешним давлением. Что касается Китая, то после политического инцидента в 1989 г. на площади Тяньаньмэнь отношения Пекина с Западом резко ухудшились. Политические разногласия и вопросы прав человека подрывали двустороннее сотрудничество в различных областях, таких как экономика и торговля. Западные страны, с одной стороны, сожалели о провале своей стратегии – «Теории мирной эволюции», приведшей к успеху в Восточной Европе и Советском Союзе, а с другой – колебались, стоит ли продолжать помогать Китаю, содействовать реформам и открытости и пытаться изменить эту страну. С распадом СССР роль Китая в давлении на Российскую Федерацию

уменьшилась, и китайско-американские отношения также стали проблематичными. В мае 1995 г. Вашингтон разрешил тайваньскому президенту Ли Тэн-хуэю посетить Соединенные Штаты, нарушив основополагающие принципы трех китайско-американских совместных коммюнике по тайваньскому вопросу и еще более стимулировав Китай. В результате возник очередной ракетный кризис в Тайваньском проливе. Это привело к тому, что с 1980-х гг. позициям прозападно настроенных людей (亲西方派)¹ в Китае был нанесен серьезный удар.

Что касается России, то после обретения независимости период «медового месяца» с Соединенными Штатами был весьма недолгим. Сначала жесткие американские консерваторы обвинили Россию в возрождении старых «имперских», «тоталитарных» тенденций, негативно относились к России и к госрасходам на иностранную помощь. Затем Вашингтон, стремясь навязать свою точку зрения на те или иные международные, а подчас и внутренние российские проблемы, неоднократно грозил сократить или вообще прекратить оказание помощи РФ, выражал поддержку Японии в требованиях о возвращении ей Южных Курил [23]. В действительности стратегия экономического развития, присущая США, не совсем подходила для России. Некоторые американские компании присваивали себе российские интеллектуальные ресурсы и таланты под видом финансовой поддержки. Запад сравнительно давно готовил планы привлечения талантов из Советского Союза и России. Так, можно назвать «Американский стратегический план по “привлечению самых перспективных молодых ученых России для дальнейшего обучения в Соединенных Штатах”» и «План по найму 1 000 ученых из России и других стран СНГ» [24]. Нестабильность российской экономики и сокращение финансирования научных исследований как раз стали толчком к реализации вышеуказанного плана.

Эти обстоятельства заставили Россию осознать, что полагаться на свои силы лучше, чем полагаться на других. Как говорит китайская пословица, «лучше научиться самому ловить рыбу, чем питаться чужой». Тенденции самостоятельной внутренней и внешней политики, такие как выборы в Государственную Думу и стремление сохранения влияния в региональных вопросах, внушают США осторожность. Многие западные политики полагают, что Россия не сможет стать стандартным «западным членом», даже если будет вестернизироваться, она не станет довольствоваться положением страны «второго сорта» в западном лагере и не откажется от влияния и связей со странами бывшего СССР.

Изменение отношения США к долгосрочной стратегии в отношении России привело к корректировке взглядов Вашингтона на Москву. Продолжая помогать России в переходе к «демократии и рыночной экономике», США тем не менее перешли к усилению своей обороны и давлению. Так, в процессе усиления НАТО возник риск ограничения российского суверенитета [25]. Такой подход неприемлем для России.

Таким образом, с одной стороны, происходило угнетение Азиатско-Тихоокеанского региона, а с дру-

гой – угнетение Восточной Европы, эти две мировые тенденции постепенно сближают Пекин и Москву.

Еще один фактор – актуальная потребность во внутреннем экономическом развитии. Как упоминалось выше, когда западные страны начали блокировать Китай, экономический рост Китая стал замедляться, и даже пришлось закрыть некоторые производства. В сфере энергетики с 1993 г. выработка энергии была недостаточной, и страна сильно зависела от импорта. Китай превратился из экспортера нефти в ее импортера².

Внутренняя экономика России также столкнулась с трудностями. 1 января 1992 г., после отмены регулирования цен государством, в РФ произошел скачок гиперинфляции. Особенно быстро росли цены на бытовые товары (товары массового потребления). Ваучерная приватизация 1992–1994 гг. и последующие приватизационные акты привели к потере государственным сектором ведущей роли в экономике. В это время ситуацию спасла китайско-российская пограничная торговля, сыгравшая огромную роль в наполнении рынка товарами широкого потребления. В повестку дня межгосударственных отношений было включено дальнейшее углубление торгово-экономического сотрудничества, особенно в области энергетики.

От сотрудничества в военной сфере – к многомерному развитию

Множество различных соглашений и решений, принятых в рамках «Шанхайской пятерки», в значительной степени достигли своих первоначальных целей и были постепенно реализованы в конце 1990-х гг. Китай и Россия получили большую выгоду в ряде отраслей экономики.

Сокращение пограничных военных расходов и улучшение военных научных разработок. Снижение военного давления и угроз на востоке были очень важны для стран СНГ, в том числе для России, чтобы избежать угрозы быть атакованным врагом со всех сторон во время расширения НАТО. Это также было важно для Китая, который вступил во второй этап реформ и открытости.

Для России военные коррективы стали весьма практическими. После сокращения военного присутствия на границе с Китаем Москва отдала приоритет исследованиям и разработкам в области вооруженных сил, долженствующих постепенно превзойти разработки США с целью завоевания рынков оружия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Россия, особенно ее дальневосточные регионы, где сосредоточено много градообразующих оборонных предприятий, стала получать военные заказы из Пекина, которые, без преувеличения, помогали этим регионам выживать в нелегких современных экономических условиях [26].

Вступив в новый век, Россия постепенно утвердила свой авторитет в сфере поддержания региональной безопасности: все больше азиатских стран заручились укреплением военного сотрудничества с Россией. Основными партнерами России в сфере военнотехнического сотрудничества стали страны Азии, на которые приходилось 68% российского объема экс-

порта вооружений. В 2005–2012 гг. Россия заняла первое место по поставкам военно-морской и бронированной техники в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (табл. 1).

Таблица 1

Показатели военно-технического сотрудничества России со странами Азии в 2017 г. [27. С. 61]

Страны	Индия	Китай	Вьетнам	Всего
ВТС, %	38	11	11	68

Что касается Китая, после того как давление с соответствующей военной области было снято, Пекин начал развивать военные исследования, содействуя модернизации национальной обороны и армии – от интенсификации людских ресурсов к интенсификации высоких технологий. Тогда же, в 1996 г., Цзянь Цзэминь заявил, что «мы должны сделать все возможное для производства оружия и техники для решения вызовов мирового военного развития».

Уже в новом веке Ху Цзиньтао также выдвинул стратегическую политику «объединения военных и гражданских лиц», т.е. поставил цель эффективно интегрировать «национальную оборону и гражданские предприятия, способствуя тем самым развитию социалистической рыночной экономики и постепенному обновлению вооружений и техники». Особенно это касалось области высоких технологий, опираясь на местные научно-технические силы и научно-технические ресурсы, где приоритет отдается развитию общих военно-гражданских технологий, таких как средства связи, микроэлектроника, компьютеры, аэрокосмическая и биологическая инженерия, содействие в применении зрелых гражданских технологий в военной области, а также ускоренное внедрение инновационных технологий в области обороны и военной техники [28]. В этом смысле военная и экономическая сферы в Китае получили дополнительный эффект друг для друга.

Укрепление взаимного доверия. После распада СССР китайские власти относились к новому российскому государству с некоторой опаской, что было вполне естественно. Крах коммунистического режима в СССР вызвал у китайских коммунистов глубокое разочарование. Кроме того, было неизвестно, как хаос, который мог возникнуть после распада СССР, повлияет на Китай. Приведет ли он к развитию либеральных движений? Сепаратизма? Терроризма? Все это беспокоило китайское руководство, в том числе Цзянь Цзэминя, который только что вступил (в июне 1989 г.) на пост генерального секретаря ЦК Компартии Китая (КПК). Москва также вела себя по отношению к Китаю очень осмотрительно. Во-первых, соотношение сил между Россией и Китаем изменилось. К тому же американская пропаганда о китайской угрозе дала РФ повод для беспокойства за свои территории на Дальнем Востоке. Во-вторых, РФ уже вошла в демократический этап своего развития, тогда как КНР все еще находилась на начальном этапе реформ, что вело к идеологическим расхождениям.

С развитием механизма «Шанхайской пятерки» обоюдное недоверие снизилось: с середины 1990-х гг. Китай и Россия постепенно достигли консенсуса, по-

явились общие цели и общие дела. В ноябре 1998 г. в Совместном заявлении об отношениях Китая и России на рубеже веков обе страны декларировали, что конструктивный многополярный процесс поможет установить новый порядок, который будет сбалансированным, стабильным, демократическим и неконфронтационным. Было также заявлено, что обеим странам следует оживить экономику и усилить свою конструктивную роль в международных делах. Тогда же партнеры предложили укреплять сотрудничество с другими развивающимися странами, что стало важным толчком к решению о создании объединений ШОС и БРИКС. После пяти лет плодотворного развития обе страны в 2001 г. подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, который заложил прочную правовую основу для стабильного развития двусторонних отношений в новом столетии.

Подписание договоренностей о сотрудничестве в других областях. В 1994 г. состоялся визит президента России Бориса Ельцина в Китай, и правительства двух стран подписали Соглашение о сотрудничестве в области энергетики. В 1998 г., во время визита Цзянь Цзэминя в Россию, стороны высказали мнение о повышении уровня взаимного сотрудничества в экономической и торговой областях. В том числе было заявлено, что «правительства должны создать хорошие условия для укрепления сотрудничества между предприятиями двух стран и поощрять расширение сотрудничества между субъектами двух стран» [29].

Очередная – пятая – встреча на уровне премьер-министров состоялась в Пекине в первой половине 2000 г. В ходе переговоров приоритет был отдан ускорению работы над проектами сотрудничества в области нефти и газа, а также расширению взаимоотношений между двумя странами в области высоких технологий, транспорта, развития гражданской авиации и связи. Было решено развивать сотрудничество между двумя странами в области машиностроения, электроники, легкой промышленности, текстиля, разработки и использования лесных ресурсов и производства бытовой техники. Тогда же был достигнут консенсус в области охраны окружающей среды, рационального использования трансграничных водоемов и защиты редких видов животных и природных ресурсов.

Результаты двустороннего сотрудничества превзошли все ожидания: в 1997 г. Китай импортировал из России на 500% больше топлива, чем в предыдущем году (табл. 2). В октябре 1999 г. началось строительство атомной электростанции Цзянсу Тяньвань, крупнейшего китайско-российского проекта.

Таблица 2

Объем импорта Китая топлива из России в 1991–1997 гг., тыс. т [30. Р. 12]

Годы	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Объем	46,1	33,5	260,3	286,3	453,8	466,6	2 859,8

Что касается внешней торговли, в середине 1990-х гг. основными экспортными китайскими товарами в Россию были продовольствие, фрукты, текстиль, бытовые и другие товары. Основными товарами российского

экспорта в Китай стали сталь, удобрения, оборудование для машиностроения, военно-техническое оборудование и др. В 2000 г. товарооборот между двумя странами достиг 8 млрд долл., а в 2001 г. превысил 10 млрд долл.³

Изменение географической структуры внешней торговли КНР объясняется подготовкой и вступлением страны в ВТО. Этот процесс делится на определенные этапы: 1995–2000 гг. – до вступления Китая в ВТО, 2007 г. – год после вступления в ВТО и до начала мирового кризиса, 2009 г. – год, когда уже виден эффект кризиса⁴. При этом товарооборот КНР с РФ в 2000 г. составлял 8 млрд долл., а в 2007 г. – уже 48 млрд долл. (вырос в 6 раз). Это можно объяснить растущими потребностями КНР в энергоресурсах, которые активно поставлялись из РФ, а также ростом цен на топливо, что позволило России, в свою очередь, увеличить импорт из КНР. Россия, занимавшая в 2008 г. восьмое место по товарообороту с КНР (2,2%), в 2009 г. уже покинула группу десяти крупнейших торговых партнеров Китая [31].

Открытие баланса по внутренней региональной политике обеих стран. Будь то в военной сфере или других областях, китайско-российское сотрудничество достигло значительных успехов, что имело далеко идущие последствия, не ограничиваясь рамками рассматриваемых пяти лет.

Поскольку взаимное доверие в военной области постепенно углублялось, пограничная проблема становилась достаточно ясной. Смежные регионы двух стран больше не выполняют функцию подготовки к войне, как в 1970-х гг. Например, потенциал двух стратегических баз Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России можно использовать для развития национальных экономик. В то же время с углублением китайско-российского сотрудничества правительства двух стран осознали необходимость развития различных внутренних регионов, чтобы сбалансировать их положение. Это касается, например, Северо-Востока и Юго-Востока Китая, Дальнего Востока и Запада России.

С 2003 г. правительством КНР реализуется так называемая «Стратегия возрождения экономики Северо-Восточного Китая». В качестве целевых установок возрождения региона в течение 11-й пятилетки были провозглашены: модернизация «социальной рыночной экономики»; поддержание быстрого и устойчивого роста; реструктуризация государственного сектора; повышение степени открытости приграничных регионов; реструктуризация экономики на основе ускоренного развития сектора услуг; повышение конкурентоспособности предприятий Северо-Востока КНР; развитие природоохранной деятельности и внедрение ресурсосберегающих технологий; развитие социальной сферы: образования, медицины, культуры, спорта и т.д.

Реализация этой стратегии в какой-то степени была призвана ускорить социально-экономическое развитие региона. Тем не менее все еще существует проблема устойчивого развития некоторых ресурсных городов близ месторождений полезных ископаемых.

Что касается России, то в середине 1990-х гг. была принята президентская программа «Экономическое и

социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 гг.», в которой на первое место вышло стремление стабилизировать экономику на основе разработки и экспорта природных ресурсов. Однако из-за многочисленных трудностей программа неоднократно продлевалась и изменялась (в 2005 г. она даже лишилась статуса «президентской»), обрастала подпрограммами, поэтому четкую границу ее завершения обозначить вряд ли возможно [32].

В 2008 г. была начата разработка Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.; документ приняли в первой редакции постановлением Правительства Российской Федерации в декабре 2009 г. В 2013 г. была запущена государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», дополненная в следующем году. В качестве продолжения в 2017 г. упомянутую программу также дополнили, а в 2018 г. Министерство развития Дальнего Востока опубликовало план развития региона на 2019–2020 гг.

Хотя эксперты по-разному оценивают политику развития и влияние Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России, но статус многих центральных городов в этих регионах действительно повысился, и их популярность в мире постепенно возросла. Например, в 1990 г. началось проведение Харбинской ярмарки, и до 2005 г. в ней принимали участие министерство торговли Китая, Северо-восточное отделение Государственного совета и Совет по развитию международной торговли Китая. С 2002 г. в Шэньяне проходит Международная выставка по производственному оборудованию. С 2005 г. по инициативе тогдашнего премьер-министра Вэнь Цзябао в Чанчуне проводится выставка Северо-Восточной Азии в целях расширения сотрудничества в этом регионе. С 2015 г. во Владивостоке проводится Восточный экономический форум. Цели и задачи форума – содействие ускоренному развитию экономики российского Дальнего Востока, экспертная оценка его потенциала, расширение международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и др.

Кроме того, на Северо-Востоке Китая были созданы пилотные зоны свободной торговли «Ляонин» (2017) и «Хэйлунцзян» (2019). Россия на Дальнем Востоке создала 12 территорий опережающего социально-экономического развития, которые расположены в Хабаровском крае, Приморском крае, Амурской области, Чукотском автономном округе и Якутии.

8 сентября 2017 г. вице-премьер Госсовета КНР Ван Ян в Хабаровске провел совместно с вице-премьером России Юрием Трутневым первое заседание Межправительственной комиссии по сотрудничеству Северо-Восточного Китая, Дальнего Востока и Байкальского региона России. Стороны обсудили вопросы сотрудничества в сфере спорта, туризма и поддержки совместных бизнес-проектов. В экономическом взаимодействии намечается переход от локальных инвест-проектов к большим трансграничным, в первую очередь связанным с транспортной логистикой [33].

В будущем развитие и использование северных морских путей России, разработка и экспорт энергоре-

сурсов, а также строительство трансевразийского транспортно-коридора [34] еще больше расширят пространство для китайско-российского экономического взаимодействия и создадут широкие перспективы сотрудничества между Северо-Восточным Китаем и российским Дальним Востоком.

Вызовы перед Китаем и Россией

После создания механизма «Шанхайской пятерки» для успешного развития китайско-русских отношений в области торговли потребовалось определенное время.

К концу 1990-х гг., хотя Китай и Россия диверсифицировали свою внешнюю торговлю, доля товарооборота была невелика, и низкий уровень товарооборота объяснялся тем, что стороны имели высокий спрос на технологии и средства из западных стран, и каждая из стран сосредоточила внимание на внешней торговле этого западного направления. У наших стран не было четкой и целостной стратегии взаимодействия друг с другом. Например, китайская сторона часто позволяла различным субъектам торговли участвовать в приграничной торговле и захватывать российский рынок. Отсутствие стратегического разделения труда и общей координации привело к краткосрочной беспорядочной конкуренции между различными участниками торговли.

В 1990-е гг. Россия столкнулась с проблемами олигархической модели вмешательства в экономику и ограниченного контроля центрального правительства, а также с проблемами в структуре внутренней экономики: были сильно изношены основные производственные фонды, с большой скоростью сокращался научно-технический капитал. Структура внешней торговли РФ на 10% состояла из готовых изделий, а 90% составляли сырьевые товары [35]; свою роль также сыграл международный финансовый кризис 1998 г. Все эти факторы привели к произволу внутренней торговли. При этом в Китае не удалось сформировать стратегическую модель торговли с высокой добавленной стоимостью.

Во-вторых, соседние регионы развивались относительно медленно, а сотрудничество было ограниченным. Следует признать, что хотя во второй половине 1990-х гг. взаимное доверие между двумя странами постепенно углубилось, но либеральное правительство России сохраняло осторожный подход в отношении китайского партнера во главе с Коммунистической партией Китая. Особенно это сказалось на малонаселенном Дальнем Востоке. Более того, могла ли политика Москвы быть реализована на местном уровне, – было задачей неясной.

Будучи одним из первых участников реформ и открытости Китая, западный капитал во многом повлиял на направление политики Китая. При этом в северо-восточных районах Китая, которые являются продовольственной базой и военной базой страны, находится самое большое количество государственных предприятий. Таким образом, ни одна из сторон не была полностью интегрирована в соседние районы в рамках проведения политики открытости.

Такое положение сохранялось до начала XIX столетия. Особенно большие проблемы – в сфере трансграничной транспортной инфраструктуры, ведь основные этапы строительства автомобильного моста «Благовещенск–Хэйхэ» и железнодорожного моста «Нижнеленинское–Тунцзян» завершены лишь частично. Ввод этих объектов только ожидается, и предстоит большая работа по отладке инфраструктуры.

В-третьих, обозначилась проблема нелегального труда и серого таможенного оформления. С 1980-х гг. Китай начал экспортировать услуги по трудоустройству в бывшем Советском Союзе, но к 1990-м гг. постепенно возникли проблемы, в том числе такие, как отсутствие в трудовых документах разрешительных виз (рабочие визы и нелегальное пребывание в России китайских граждан). Подавляющее число китайцев, законно или нелегально обосновавшихся на российской территории, в той или иной степени были вовлечены в торговлю китайскими товарами. Это объяснялось следующими причинами: с одной стороны, китайские компании, занимающиеся экспортом труда, не проявили особой осторожности в подборе и обучении персонала, уровень структуры услуг труда был низким, а рядовой персонал не владел русским языком и не знал российских законов. В целях экономии средств и упрощения процедур некоторые малые и средние предприятия разрешали своим сотрудникам работать в России по туристическим визам. Согласно официальной статистике, охватывающей лишь иностранцев, получивших разрешение на торговлю, в Амурской области этим видом деятельности занимались в общей сложности около 40% китайцев, а по неофициальной – до 95% китайских туристов торговали на рынках области, не считая приторговывающих рабочих и студентов [36]. С другой стороны, проблема заключается в некоторых российских политиках. Например, процедуры получения разрешения на работу являются сложными, а время подачи заявки длительным. Во время пикового сезона продаж товаров и сельскохозяйственного сезона некоторые малые и средние предприятия не имеют возможности ждать.

С российской стороны имелись свои трудности. Так, в условиях экономического кризиса некоторые российские компании имели огромные задолженности по оплате труда [37]. Это также вынуждало китайских рабочих оставаться в России, чтобы найти место для нелегального заработка.

Таким образом, по разным причинам у правительств двух стран не было возможности разрешить некоторые проблемы сотрудничества, и эти явления накапливались с конца 1990-х гг. до начала нового века.

Серая таможенная схема стала особенной приметой того времени. Это относилось к «компаниям по таможенному оформлению», с которыми некоторые российские чиновники и бизнесмены вступали в сговор, чтобы помочь импортируемым товарам выйти на российский рынок по более низкой налоговой ставке. Основным методом заключался в том, что торговцы совместно арендовали российские самолеты или грузовые автомобили для отправки товаров в Россию. Часть арендной платы уплачивалась российской таможне

в качестве пошлины за услуги оформления таможенных деклараций, но в этом случае продавцы не могли иначе получить и заполнить бланк таможенной декларации. Поэтому на российском рынке различные департаменты часто использовали эти случаи в качестве причины для конфискации товаров [38]. Конечно, существовало много иностранных предпринимателей, в том числе большое количество китайских бизнесменов, которые надеясь на «авось», пытались сэкономить на формальностях. Однако подобный подход опасен для обеих сторон. Для России это вызвало серьезную потерю государственных налогов, помешало установлению нормального экономического и торгового порядка, подорвало репутацию государственных служащих России. Что касается китайской стороны, то она неоднократно проверяла китайские товары, причиняя большие убытки экспортерам, что не способствовало развитию внешней торговли Китая и подрывало репутацию страны.

С течением времени указанные проблемы постепенно разрешались совместными усилиями двух стран. Например, сегодня китайские туристические группы больше не являются «страшилкой» для России, и доверие к их потребительской стабильности стало важным фактором в развитии местной экономики. Более того, туристы больше не задерживаются в России с целью нелегальных заработков. Сегодняшнее таможенное оформление также сильно упростилось и стало удобным. Товарооборот между двумя странами стал более сбалансированным благодаря качеству и дешевизне. Товары повседневного спроса из России пользуются популярностью у китайцев. В рамках механизма регулярных встреч лидеров двух стран и правительств китайско-российское сотрудничество сыграло важную роль в стратегиях развития двух стран. В этот трудный и бурный период развития обе страны, опираясь на взаимное доверие, начали шаг за шагом пере-

ходить от решения военных и пограничных проблем к прагматическому состоянию отношений сегодняшнего дня.

В то время пока НАТО все еще занято нерациональным решением проблем окружающего пространства, природный газ уже прагматично направлен на восток континентальной Евразии. Хотя Китай и Россия как государства не заключают официального союза, эффективно сотрудничают в политике, экономике, торговле, военном деле, гуманитарной сфере и т.д.

В этом смысле «Шанхайская пятерка» (ШОС) стала хорошей моделью для демонстрации взаимного доверия, практического регионального сотрудничества и безопасности для современных государств и даже для всего мира. Для Китая и России «Шанхайская пятерка» стала базовым институтом и гарантией, благодаря чему стороны могут прагматично и последовательно развивать отношения, не беспокоясь о безопасности на своем «заднем дворе». С течением времени эта организация позволила проверить отношения на прочность, скорректировать задачи взаимодействия, а также плавно спроектировать и более широкие проекты на будущее. По крайней мере из Пекина перспективы сотрудничества видятся в следующем ракурсе: как авторитетная мировая держава, Китай вряд ли будет оставаться в рамках регионального узкого круга сугубо двусторонних задач. В Китае лидеры страны стратегически идут дальше – продвигают мировую экономическую интеграцию в рамках инициативы «Один пояс один путь», в России продвигают идеи «Большого евразийского партнерства», ЕАЭС и др. Таким образом, появляются и расширяются проекты, затрагивающие интересы более широкого круга государств азиатского-евразийского региона. И в этом смысле Пекин видит Москву как доверительного партнера для поддержки всех тех широких перспектив, которые открывают нашим странам новые возможности мирового влияния.

Примечания

¹ Имеются в виду сторонники сотрудничества с США и другими западными странами.

² Напомним, что до 1993 г. Китай добывал нефть, например, в местечке Дацин (Хэйлунцзян), Паньцзинь (Ляонин) и др.

³ Для сравнения: товарооборот между США и КНР в то же время рос гигантскими масштабами. Так, в 2000 г. он составлял 116 млрд долл.

⁴ В 1995 г. доля стран Азии в товарообороте Китая составляла 60,5% (\$170 млрд), доля Европы – 18% (\$50,8 млрд) и США – 16% (\$45 млрд). При этом в экспорте доля Северной Америки была выше (17,6% против 15,4% у стран Европы). Но в импорте ситуация была иная (доля Северной Америки – 14,2%, Европы – 21,1%). Иными словами, торговый баланс с Северной Америкой был для КНР положительным, а с Европой – отрицательным [31, С. 103–114].

Список источников

1. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 14. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901779315> (дата обращения: 18.11.2019).
2. Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord the World Political Economy. Princeton : Princeton University Press, 1984. 320 p.
3. Crafting Cooperation Regional International Institutions in Comparative Perspective / ed. by A. Acharya, A.I. Jonston. New York ; Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 330 p.
4. Чжао Х. Китай, Центральная Азия и ШОС. М., 2005. 63 с. (Рабочие материалы / Московский центр Карнеги; № 5).
5. Jia Q. The Shanghai Cooperation Organization: China's Experiment in Multilateral Leadership // Eager Eyes Fixed on Eurasia / ed. by A. Iwashita. Sapporo : Slavic Research Center, 2007. № 16-2. P. 113–123.
6. Pan G. A New Diplomatic Model : A Chinese Perspective on the Shanghai Cooperation // Washington Journal of Modern China. 2008. Vol. 9, is. 1. P. 57–58.
7. Blank S. India's Rising Profile in Central Asia // Comparative Strategy. 2003. № 23. P. 139.
8. Богатуров А.Д. Центральная-Восточная Азия в современной международной политике // Восток. 2005. № 1. С. 102–119.
9. Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / отв. ред. А.Д. Богатуров. М. : Аспект Пресс, 2012. 256 с.
10. Болятко А.В. Проблемы стратегии развития ШОС // Стратегия развития ШОС и политика России в этой организации. М. : ИДВ РАН, 2012. С. 18–32.

11. Лузянин С.Г. ШОС: проблемы развития (методология, экономика, безопасность) // Стратегия развития ШОС и политика России в этой организации. М. : ИДВ РАН, 2012. С. 17.
12. Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М. : Навона, 2009. С. 187–188.
13. Малащенко А. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? М. : РОССПЭН, 2012. 118 с.
14. Рахимов К.Х. Международно-правовые основы сотрудничества Республики Таджикистан с ШОС в сфере обеспечения безопасности и стабильности в многополярном мире // Постсоветские исследования. М. : Центр исследований постсоветских стран, 2019. Т. 2, № 6. С. 1390–1401.
15. Колдунова Е.В. Роль Шанхайской организации сотрудничества в регионе Центральной Азии: сравнительный анализ исследовательских дискурсов // Сравнительная политика и геополитика. 2013. № 2 (12). С. 60–69. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/a11/a11f8107c3446131816535ebbe293481.pdf> (дата обращения: 03.01.2020).
16. Косов А.П. Шос в современном мире: русскоязычная историография проблемы. Витебск : Витебский гос. ун-т, [б.г.]. С. 310–311. URL: <https://lib.vsu.by/jspui/bitstream/123456789/15042/1/310-311.pdf> (дата обращения: 07.02.2020).
- 17.冯邵雷：“上海五国”- 新型合作范例，《世界知识》2001年10期，第20-21页。(Фэн Шаолей, Шанхайская пятерка – новый тип парадигмы сотрудничества // Мир знаний. 2001. № 10. С. 20–21).
- 18.瓦·鲍·卡申, 亚·弗·卢金：中国与俄罗斯的合作与亚洲安全，《和平与发展》2009年3期,第53-68页。(Кашин В.Б., Лукин А.В. Китайско-российское сотрудничество и азиатская безопасность // Мир и развитие. 2009. № 3. С. 53–68).
- 19.王金存：具有历史意义的跨越——从“上海五国”到“上海合作组织”，《世界经济与政治》2019年第9期，第76-81页。(Ван Цзиньцунь. Исторический скачок – от «Шанхайской пятерки» к «Шанхайской организации сотрудничества» // Мировая экономика и политика. 2019. № 9. С. 76–81).
20. Нормализация советско-китайских отношений. URL: https://vuzlit.ru/616401/normalizatsiya_sovetsko_kitayskih_otnosheniy (дата обращения: 06.11.2019).
- 21.马叙生：结盟和对抗都不好——80年代的中苏关系，《世界知识》2000年第12期，第38-39页。(Ма Сюйшэн. Ни альянс, ни конфронтация не являются хорошими: китайско-советские отношения в 1980-х годах // Мировое знание. 2000. № 12. С. 38–39).
- 22.李永全：70年风雨兼程——中俄关系回顾与展望，《当代世界与社会主义》2019年05期，第18页。(Ли Юнчуань. 70 лет ветра и дождя: обзор и перспективы китайско-российских отношений // Современный мир и социализм. 2019. № 5. С. 18).
23. Мельников Ю.М. Становление и развитие современных российско-американских отношений, электронный ресурс: URL: <http://www.iskran.ru/russ/mag/melnik.html> (дата обращения: 16.11.2019).
- 24.马书芳：俄罗斯的人才流失，《外国问题研究》1993年第3期，第67页。(Ма Шуфан. Утечка российских мозгов // Изучение зарубежных проблем. 1993. № 3. С. 67).
- 25.楚树龙：北约东扩和美俄关系研讨会纪要(1997年4月29日)，《现代国际关系》1997年第6期，第28页(Chu Шулу. Протокол семинара по расширению НАТО на восток и американо-российским отношениям // Современные международные отношения. 1997. № 6. С. 28).
26. Литовкин В. Российско-китайская граница стала безопасной всего 10 лет назад // РИА Новости. 2002. 18 дек. URL: <https://ria.ru/20021218/284282.html> (дата обращения: 08.11.2019).
27. Ревенко Н.С. Экономические аспекты военно-технического сотрудничества России со странами Азии и Ближнего Востока // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 9. С. 59–72.
- 28.朱启超：新中国国防科技和武器装备发展历程与启示《光明日报》，2019-10-05，第7版(Чжу Цичао. История развития и просвещение в области технологий обороны и вооружения Нового Китая // Гуанмин жибао. 2019. 5 окт.).
- 29.江主席会见俄总理普里马科夫，《人民日报》，1998-11-24 第1版(Президент Цзян встретился с премьер-министром России Примаковым // Жэньминь жибао. 1998. 24 нояб.).
- 30.田春荣：1997年中国石油进出口状况分析，《国际石油经济》2018年03期，第12页。(Тянь Чуньжун. Анализ ситуации с импортом и экспортом нефти в Китае в 1997 году // Международная нефтяная экономика. 2018. № 3. Р. 12).
31. Родионова И.А., Парфенов А.И., Шубин В.В. Динамика внешней торговли Китая и изменение позиций страны в мировой экономике // Вестник РУДН. Международные отношения. 2001. № 3. С. 103–114.
32. Савченко А.Е. Почему программы развития Дальнего Востока не работают? // Центр Сулакшина. 2014. 28 мая. URL: <http://rusrand.ru/analytics/pochemu-programmy-razvitiya-dalnego-vostoka-ne-rabotajut> (дата обращения: 29.11.2019).
33. Ван Ян и Ю. Трутнев провели первое заседание Межправительственной комиссии по сотрудничеству Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока и Байкальского региона России // Рамблер. 2017. 9 сент. URL: https://news.rambler.ru/asia/37856604/?utmcontent=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 05.12.2019).
34. Вардудль Н. Трансевразийский пояс – это северная ветка «Шелкового пути» // Диалоги. 2015. 10 июня URL: <http://www.dialogi.ru/discussions/64/2686.html> (дата обращения: 09.12.2019).
35. Стровский Л.Е. и др. Внешнеэкономическая деятельность предприятия / под ред. Л.Е. Стровского. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 799 с.
36. Ларин В. Посланцы Поднебесной на Дальнем Востоке – легальные и нелегальные // Демоскоп Weekly. 2002. 3–16 июня. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/069/analit04.php> (дата обращения: 16.12.2019).
- 37.王晶：哈尔滨对俄劳务输出、工程承包的问题与对策，《东北亚论坛》1995年1期，第73-74页。(Ван Цзин, Проблемы и меры противодействия трудового экспорта в России и подряд на сооружение объекта от Харбинской стороны // Форум Северо-Восточной Азии. 1995. № 1. С. 73–74).
38. 晓鸣：规范对俄贸易 避免“灰色通关”风险，《世界机电经贸信息》2004年4期，第50页。(Сяо Оу. Регулирование торговли с Россией и избежание рисков «серой таможенной очистки» // Мировая электронная деловая информация. 2004. № 4. Р. 50).

References

1. Russian Federation. (2002a) Soglasenie mezhdru Rossiyskoy Federatsiey, Respublikoy Kazakhstan, Kirgizskoy Respublikoy, Respublikoy Tadjikistan i Kitayskoy Narodnoy Respublikoy o vzaimnom sokrashchenii vooruzhennykh sil v rayone granitsy [Agreement between the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan and the People's Republic of China on the mutual reduction of armed forces in the border area]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 14. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901779315> (Accessed: 18th November 2019).
2. Keohane, R.O. (1984) *After Hegemony: Cooperation and Discord the World Political Economy*. Princeton : Princeton University Press.
3. Acharya, A. & Jonston, A.I. (eds) (2007) *Crafting Cooperation Regional International Institutions in Comparative Perspective*. New York, Cambridge: Cambridge University Press. pp. 6–12.

4. Zhao, H. (2005) *Kitay, Tsentral'naya Aziya i ShOS* [China, Central Asia and the SCO]. Moscow: [s.n.].
5. Jia, Q. (2007) The Shanghai Cooperation Organization: China's Experiment in Multilateral Leadership. In: Iwashita, A. (ed.) *Eager Eyes Fixed on Eurasia*. № 16-2. Sapporo: Slavic Research Center. pp. 113–123..
6. Pan, G. (2008) A New Diplomatic Model: A Chinese Perspective on the Shanghai Cooperation. *Washington Journal of Modern China*. 9(1). pp. 57–58.
7. Blank, S. (2003) India's Rising Profile in Central Asia. *Comparative Strategy*. 23. p. 139.
8. Bogaturov, A.D. (2005) Tsentral'no-Vostochnaya Aziya v sovremennoy mezhdunarodnoy politike [Central-East Asia in modern international politics]. *Vostok*. 1. pp. 102–119.
9. Baykov, A.A. (2012) *Sravnitel'naya integratsiya. Praktika i modeli integratsii v zarubezhnoy Evrope i Tikhookeanskoy Azii* [Comparative integration. Practice and models of integration in foreign Europe and Pacific Asia]. Moscow: Aspect Press.
10. Bolyatko, A.V. (2012) Problemy strategii razvitiya ShOS [Problems of the SCO development strategy]. In: *Strategiya razvitiya ShOS i politika Rossii v etoy organizatsii* [The SCO development strategy and Russian policy in this organization]. Moscow: IDE RAS. pp. 18–32.
11. Luzyanin, S.G. (2012) ShOS: problemy razvitiya (metodologiya, ekonomika, bezopasnost') [The SCO: problems of development (methodology, economics, security)]. In: *Strategiya razvitiya ShOS i politika Rossii v etoy organizatsii* [The SCO development strategy and Russian policy in this organization]. Moscow: IDE RAS. p. 17.
12. Nikitina, Yu.A. (2009) *ODKB i ShOS: modeli regionalizma v sfere bezopasnosti* [CSTO and SCO: models of regionalism in the security sphere]. Moscow: Navona. pp. 187–188.
13. Malashenko, A. (2012) *Tsentral'naya Aziya: na chto rasschityvaet Rossiya?* [Central Asia: What is Russia counting on?]. Moscow: ROSSPEN.
14. Rakhimov, K.Kh. (2019) Mezhdunarodno-pravovye osnovy sotrudnichestva Respubliki Tadjikistan s ShOS v sfere obespecheniya bezopasnosti i stabil'nosti v mnogopol'yarnom mire [International legal framework for cooperation between the Republic of Tajikistan and the SCO in the field of security and stability in a multipolar world]. *Postsovetkie issledovaniya*. 2(6). pp. 1390–1401.
15. Koldunova, E.V. (2013) Rol' Shangkhayskoy organizatsii sotrudnichestva v regione Tsentral'noy Azii: sravnitel'nyy analiz issledovatel'skikh diskursov [The role of the Shanghai Cooperation Organization in the Central Asian region: a comparative analysis of research discourses]. *Sravnitel'naya politika i geopolitika – Comparative Politics and Geopolitics*. 2. pp. 60–69. [Online] Available from: <https://mgimo.ru/upload/iblock/a11/a11f8107c3446131816535ebbe293481.pdf> (Accessed: 3rd January 2020).
16. Kosov, A.P. (n.d.) *Shos v sovremennoy mire: russkoyazychnaya istorografiya problemy* [The SCO in the modern world: a Russian-language historiography of the problem]. Vitebsk: Vitebsk State University. pp. 310–311. [Online] Available from: <https://lib.vsu.by/jspui/bitstream/123456789/15042/1/310-311.pdf>. (Accessed: 7th February 2020).
17. Feng Shaolei (2001) Shangkhayskaya pyaterka – novyy tip paradigmy sotrudnichestva [“Shanghai Five” – A New Type of Cooperation Paradigm]. *Mir znaniy*. 10. pp. 20–21. (In Chinese).
18. Kashin, V.B. & Lukin, A.V. (2009) Kitaysko-rossiyskoe sotrudnichestvo i aziatskaya bezopasnost' [China-Russia Cooperation and Asian Security]. *Mir i razvitie*. 3. pp. 53–68. (In Chinese).
19. Wang Jincun. (2019) Istoricheskiy skachok – ot “Shangkhayskoy pyaterki” k “Shangkhayskoy organizatsii sotrudnichestva” [A Historic Leap – From “Shanghai Five” to “Shanghai Cooperation Organization”]. *Mirovaya ekonomika i politika*. 9. pp. 76–81. (In Chinese).
20. Vuzlit.ru. (n.d.) *Normalizatsiya sovetsko-kitayskikh otnosheniy* [Normalization of Sino-Soviet relations]. [Online] Available from: https://vuzlit.ru/616401/normalizatsiya_sovetsko_kitayskikh_otnosheniy (Accessed: 6th November 2019).
21. Ma Xusheng. (2000) Ni al'yans, ni konfrontatsiya ne yavlyayutsya khoroshimi: kitaysko-sovetskie otnosheniya v 1980-kh godakh [Neither alliance nor confrontation is good-Sino-Soviet relations in the 1980s]. *Mirovye znaniya*. 12. pp. 38–39. (In Chinese).
22. Li Yongquan. (2019) 70 let vetra i dozhdya: obzor i perspektivy kitaysko-rossiyskikh otnosheniy [70 Years of Wind and Rain : Review and Prospect of Sino-Russian Relations]. *Sovremennyy mir i sotsializm*. 5. p. 18. (In Chinese).
23. Melnikov, Yu.M. (n.d.) *Stanovlenie i razvitie sovremennykh rossiysko-amerikanskikh otnosheniy, elektronnyy resurs* [The formation and development of modern Russian-American relations]. [Online] Available from: <http://www.iskran.ru/russ/mag/melnik.html> (Accessed: 16th November 2019).
24. Ma Shufang (1993) Utechka rossiyskikh mozgov [Brain drain in Russia]. *Foreign Issue Studies*. 3. p. 67. (In Chinese).
25. Chu Shulong (1997) Protokol seminaru po rasshireniyu NATO na vostok i amerikano-rossiyskim otnosheniyam [Minutes of NATO's Eastward Expansion and US-Russia Relations Seminar (29th April 1997)]. *Xian Dai Guo Ji Guan Xi*. 6. p. 28. (In Chinese).
26. Litovkin, V. (2002) Rossiysko-kitayskaya granitsa stala bezopasnoy vsego 10 let nazad [The Russian-Chinese border became safe only 10 years ago]. *RIA Novosti*. 18th December. [Online] Available from: <https://ria.ru/20021218/284282.html> (Accessed: 8th November 2019).
27. Revenko, N.S. (2017a) Economic Aspects of Russian Military-Technical Cooperation with Asian and Middle East Countries. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik – Russian Foreign Economic Journal*. 9. pp. 59–72. (In Russian).
28. Zhu Qichao. (2019) Istoriya razvitiya i prosveshchenie v oblasti tekhnologii oborony i vooruzheniya Novogo Kitaya [History of Development and Enlightenment of New China's National Defense Technology and Weaponry]. *Guanmin zhibao*. 5th October.
29. *Zhen'min' zhibao*. (1998) President Jiang Meets with Russian Prime Minister Primakov. 24th November. (In Chinese).
30. Tian Chunrong. (2018) Analiz situatsii s importom i eksportom nefti v Kitae v 1997 godu [An Analysis of China's Petroleum Import and Export Situation in 1997]. *Guo Ji Shi You Jing Ji*. 3. P. 12.
31. Rodionova, I.A., Parfenov, A.I. & Shubin, V.V. (2001) The dynamics of China's foreign trade and the changing position of the country in the global economy. *Vestnik RUDN. Mezhdunarodnye otnosheniya – Vestnik RUDN. International Relations*. 3. pp. 103–114.
32. Savchenko, A.E. (2014) Pochemu programmy razvitiya Dal'nego Vostoka ne rabotayut? [Why don't Far East development programs work?]. *Tsentral'naya Aziya*. 28th May. [Online] Available from: <http://rusrand.ru/analytics/pochemu-programmy-razvitiya-dalnego-vostoka-ne-rabotajut> (Accessed: 29th November 2019).
33. *Rambler news*. (2017) Van Yan i Yu. Trutnev proveli pervoe zasedanie Mezhpriatel'stvennoy komissii po sotrudnichestvu Severo-Vostochnogo Kitaya i Dal'nego Vostoka i Baykal'skogo regiona Rossii [Wang Yang and Y. Trutnev held the first meeting of the Intergovernmental Commission for Cooperation between Northeast China and the Far East, and the Baikal Region of Russia]. 9th September. [Online] Available from: https://news.rambler.ru/asia/37856604/?utmcontent=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Accessed: 5th December 2019).
34. Vardul, N. (2015) Transevraziyskiy poyas – eto severnaya vetka “Shelkovogo puti” [The Trans-Eurasian belt is the northern branch of the Silk Road]. *Dialogi*. 10th June. [Online] Available from: <http://www.dialogi.ru/discussions/64/2686.htm> (Accessed: 9th December 2019).
35. Strovsky, L.E. et al. (2012) *Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' predpriyatiya* [Foreign economic activity of the enterprise “Electronic resource”]. 4th ed. Moscow: YUNITI-DANA.
36. Larin, V. (2001) Poslantsy Podnebesnoy na Dal'nem Vostoke – legal'nye i nelegal'nye [Envoys of the Celestial Empire in the Far East – legal and illegal]. *Demoskop Weekly*. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/069/analit04.php>. (Accessed: 16th December 2019).
37. Wang Jing. (1995) Problemy i mery protivodeystviya trudovogo eksporta v Rossii i podryad na sooruzhenie ob"ekta ot Khabinskoy storony [Problems and countermeasures of Harbin's export of labor services to Russia and engineering contract]. *Dongbei Ya Luntan*. 1. pp. 73–74. (In Chinese).
38. Xiao Ming. (2004). Regulating Trade with Russia, Avoiding “Grey Customs Clearance” Risks. *Shijie Jidian Jingmao Xinxī*. 4. p. 50. (In Chinese).

Сведения об авторах:

Лю Синтао – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственного управления (Москва, Россия). E-mail: xt83tree@aliyun.com

Черникова Лариса Петровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: larisa-che@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Liu Yintao – PhD student of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: xt83tree@aliyun.com

Chernikova Larisa Petrovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: larisa-che@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.03.2020; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 31.03.2020; accepted for publication 11.11.2022

Научная статья
УДК 94(410).07
doi: 10.17223/19988613/80/14

Битва на Авраамовых полях и битва при Сен-Фо в восприятии изменений североамериканского театра боевых действий Семилетней войны в 1759–1760 гг.

Егор Павлович Макаров

Самарский государственный технический университет, Самара, Российская Федерация, egor.makarov.esq@gmail.com

Аннотация. Анализируются события франко-индейской войны, способные прояснить изменение баланса сил на североамериканском континенте, произошедшее в период от битвы за Квебек 1759 г. до реваншистской кампании 1760 г. и ее провала после битвы при Сен-Фо, за которой последовало британское завоевание Монреаля. Попытка изучить хронологию военно-политических мероприятий 1759–1760 гг. может в значительной мере способствовать пониманию изменений, произошедших на поздних этапах Семилетней войны в сознании современников.

Ключевые слова: Великобритания, Франция, XVIII век, колониальный конфликт, Семилетняя война, франко-индейская война, битва за Квебек, битва на Авраамовых полях, битва при Сен-Фо

Для цитирования: Макаров Е.П. Битва на Авраамовых полях и битва при Сен-Фо в восприятии изменений североамериканского театра боевых действий Семилетней войны в 1759–1760 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 125–132. doi: 10.17223/19988613/80/14

Original article

The battle of the Plains of Abraham and the battle of Sainte-Foy in perception of changes of the North American theater of the fighting activities of the Seven Years War in 1759–1760

Egor P. Makarov

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation, egor.makarov.esq@gmail.com

Abstract. The author considers the problem of perception of the Battle of the Plains of Abraham, also known as the Battle of Quebec and the Battle of Sainte-Foy. The aim of the study was to analyze the participation of French Canadians in the events of 1759–1760. The military confrontation in the colonies has been investigated in the general works on the history of the Seven Years War, such as, for example, the works of D. Marston, F. A. Szabo, F. Jennings, M. S. Ward, F. Anderson, W. M. Fowler, J. S. Corbett, M. Robson, D.P. MacLeod, R. Wright. The study shows that Franco-Canadians and allied Indian tribes took an active part in the colonial conflict of Great Britain and France and in the early stages provided an advantage to the French corps of General de Montcalm. The difference in numbers between the French and British troops was offset by a qualitative component. The British soldiers were well trained, and the French formations were represented by militias. It is worth mentioning the involvement of the local population in reconnaissance of the area and tracking the movement of the British contingent. The French colonists were able to quickly transmit important information through their communication channels, and in preparation for the battles they also provided significant assistance to the French regular troops. In particular, thanks to timely scout reports, the French command had information about the movements of the British, and the commander of the French forces concentrated forces to defend the line in northeast Quebec. From the start of the armed conflict, French Canadians were politically motivated and supported the French military in all respects. Also, the local Franco-Canadian population was an active participant in the colonial confrontation between Britain and France. Against the backdrop of a patriotic upsurge, Canadians constantly replenished regular French formations. They formed militia groups and volunteer groups that organized food deliveries to Quebec, preparing the city for defense, as well as escorting refugee groups from coastal settlements to Quebec and evacuating the civilian population of Quebec to Montreal on the eve of the British siege. The study showed that the transition of the local population to passive behavior occurred after the surrender of the Montreal garrison, which was accompanied by guarantees from the British military authorities about the inviolability of the property of civilians and the assertion of religious freedom.

Keywords: Seven Years War; Kingdom of Great Britain; Kingdom of France; French and Indian War; province of Canada; Battle of the Plains of Abraham; British occupation of Quebec City

For citation: Makarov, E.P. (2022) The battle of the Plains of Abraham and the battle of Sainte-Foy in perception of changes of the North American theater of the fighting activities of the Seven Years War in 1759–1760. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 125–132. doi: 10.17223/19988613/80/14

Изучая колониальные конфликты Великобритании и Франции, нельзя обойти вниманием серию военных столкновений, получивших в историографии собирательное название франко-индейской войны. Североамериканский театр боевых действий являлся важным направлением внешнеполитических устремлений администрации Питта–Ньюкасла. Несмотря на то, что между двумя крупнейшими фигурами британского правительства, У. Питтом старшим и герцогом Ньюкасом, существовали расхождения во мнениях по поводу приоритетных направлений военной экспансии, постепенно возобладала точка зрения У. Питта. Он считал, что Великобритания сможет добиться главных успехов в войне преимущественно на море и в американских колониальных владениях Франции, а серия ощутимых и болезненных ударов по торговым и геополитическим интересам французов неизбежно подорвет экономическое могущество этой страны.

Военное противостояние в колониях не раз становилось темой общих исследований по истории Семилетней войны, таких, к примеру, как работы Д. Мерстона [1. Р. 75–94] или Ф. Зебо [2. Р. 74–82]. Также вооруженные конфликты часто рассматривались в контексте явлений и процессов, связанных с военными действиями на североамериканском континенте. Большинство современных историков поддерживают точку зрения, согласно которой за период 1759–1760 гг. Великобритания последовательно упрочила свои позиции на североамериканском континенте и довела войну до победного конца. В данном случае уместно упомянуть труды Ф. Дженнингса [3. Р. 112–180], М. Уорда [4. Р. 70–136], Ф. Андерсона [5. Р. 82–114], У. Фоулера [6. Р. 57–90], Д. Корбета [7. Р. 44–102], М. Робсона [8. Р. 55–116]. Вместо того чтобы пытаться фрагментарно охватить весь имеющийся фактологический материал, данные авторы ориентируются главным образом на опыт современников событий, уделяя внимание различным сторонам конфликта, а также трактовкам, которые давались в разного рода исторических контекстах. Анализируя события позднего этапа франко-индейской войны, необходимо обратиться к тому, как серия боевых столкновений и сопутствующие им события повлияли на социальную, экономическую и политическую жизнь местного франко-канадского общества. События, представленные в оценках современников и исследователей, в свою очередь, демонстрируют различные методологические и теоретические подходы, которые через опыт и общественные практики могут быть использованы при изучении повседневной жизни североамериканского общества обозначенного периода. При этом участники военных действий могут рассматриваться как объекты научного дискурса и в то же время как его активные субъекты.

Франко-индейская война, получившая свое название из-за столкновения Великобритании с Францией и ее индейскими союзниками, включала вооруженные

конфликты, разразившиеся еще до начала Семилетней войны, и была напрямую связана с территориальными притязаниями обеих стран на долину р. Огайо и сопредельные области. К примеру, командующий французскими войсками генерал де Монкальм еще в 1757 г. отмечал, что политическая ситуация в данном регионе долгое время оставалась нестабильной, однако Франция занимала приоритетное положение, поскольку на территории разразившегося конфликта проживали франкоканадцы и союзные племена индейцев, численность которых достигала 5 тыс. человек [9. Р. 1–12].

Несмотря на то, что серия военных столкновений последовательно обнаруживала превосходство британской армии, а война завершилась полным поражением Франции, стоит отметить, что геополитическая ситуация в целом часто показывала паритет сторон. Франко-индейская война изобилует ситуациями, до сих пор привлекающими пристальное внимание историков. Одним из ярких примеров паритета является период 1759–1760 гг., во время которого произошли две знаковые битвы франко-индейской войны. Первая из них, битва на Авраамовых полях 1759 г., позволила британским войскам установить контроль над французским Квебеком. При этом следует упомянуть, что занимавшиеся изучением битвы за Квебек исследователи, к примеру П. Маклеод, склонны видеть в битве на Авраамовых полях поворотный момент войны, позволивший британцам получить неоспоримое преимущество и окончательно укрепиться в регионе [10. Р. 35–62]. Однако историки также уделяют внимание второй битве, сражению при Сен-Фе 1760 г., за которым последовало британское завоевание Монреаля. В частности, тот же П. Маклеод признает важность данного военного столкновения, и, связывая его с попыткой реванша французов, пишет о том, что преимущество британцев было серьезным образом оспорено [11. Р. 40–77].

Ситуации паритета являются интересными моментами для анализа социального, экономического и политического участия франко-канадского общества в событиях 1759–1760 гг. В современных условиях, когда исторические оценки событий 1759–1760 гг. подчас неоднозначны, стоит отметить необходимость рассмотрения деталей конфликта в новом контексте, что позволит сопоставить уже известные факты и сделать на их основе необходимые выводы. В пользу понимания позднего этапа Семилетней войны на североамериканском континенте, где в период 1759–1760 гг. было не полное господство Великобритании, а ситуация фактического паритета, можно привести несколько аргументов. Во-первых, взгляд на ситуацию в целом говорит о преимуществе Великобритании, но характер событий и процессов, имеющих внутренние этапы развития, приводит немало фактов в пользу того, что позиции Франции и ее возможности зачастую не только не уступали британским, но в определенные моменты даже их превосходили. Во-вторых, на фоне различных

точек зрения можно обратиться к мнению современников событий, которые, включая командующих Д. Вулфа и Ж.Л. де Монкальма, в большинстве своем считали, что исход борьбы долгое время не был ясен.

Если оценивать период 1758–1759 гг. в масштабе позднего этапа Семилетней войны, стоит отметить, что Великобритания сосредоточила внимание на французских колониальных владениях в северо-восточной Америке. После осады Луисбурга в июне–июле 1758 г. и капитуляции французов британцы захватили контроль над канадской Атлантикой и получили возможность сосредоточиться на квебекском направлении. Параллельно с локальными столкновениями военно-дипломатические представители Великобритании вели непрерывные переговоры с индейскими племенами, поддерживавшими Францию. После того как некоторые племена пошли на заключение мира с британцами, ситуация со снабжением французского корпуса в долине Огайо осложнилась. Британское командование осознавало, что укрепления Квебека дают французам возможность еще долгое время сохранять занимаемые позиции [11. Р. 20–29].

К 1759 г. был обозначен план британского наступления. Анализируя приготовления обеих сторон и первые столкновения конца июня 1759 г., ни у одной из сторон нельзя выделить очевидных преимуществ. Командовавший британскими войсками Джеймс Вулф, зарекомендовавший себя талантливым полководцем [12. Р. 5–38], оставивший значительное военно-теоретическое наследие [13. Р. 12–55], провел долгую подготовительную работу и проработку сценариев наступления. Он возглавил восьмитысячное формирование, которое поддерживал флот из 49 кораблей во главе с адмиралом Ч. Сондерсом. 28 июня британским кораблям удалось доставить генерала Д. Вулфа и его людей на остров Орлеан, в устье р. Святого Лаврентия. На следующий день, 29 июня, войска Д. Вулфа высадились на Левийской насыпи, на правом берегу реки, где в дальнейшем удалось установить артиллерийскую батарею. Несмотря на успехи в продвижении, британские войска очень скоро столкнулись с ожесточенным сопротивлением французов. При этом следует сразу отметить участие местного франко-канадского населения в разведке местности и наблюдении за передвижением британского контингента. Французские колонисты имели возможность быстро передавать важную тактическую информацию по собственным каналам связи и уже на этапе подготовки к открытым сражениям оказали немалую помощь французским регулярным войскам. В том числе благодаря своевременным сообщениям многочисленных соглядатаев из местного населения у французского командования имелась информация о передвижениях британцев, и исходя из общих собранных сведений командовавший французскими войсками генерал Жозеф-Луи де Монкальм сосредоточил имевшиеся в распоряжении силы на защите береговой линии у Бопора, северо-восточных окраин Квебека. Он рассредоточил 12 тыс. солдат по 9-километровой укрепленной линии редутов вдоль отмелей, пригодных для высадки британцев. К тому времени французы располагали резервами и теми поставками,

которые удалось обеспечить до начала активной фазы боевых действий. Уместно также отметить, что людские резервы, о которых идет речь, также фактически формировались из местного франко-канадского ополчения, вооруженного за свой счет. Подобные ополченцы уступали в выучке и боевом опыте регулярным войскам, однако патриотический настрой, высокий моральный дух и знание местности делали их очень ценными боевыми подразделениями в распоряжении генерала де Монкальма. По мере того как вновь сформированные ополченческие подразделения прибывали во французский лагерь, они также поставляли французской армии продовольственные припасы. При этом многие из ополченцев прибывали целыми семьями, перевоза во французский лагерь все, что удавалось спасти из домохозяйств в окрестностях Квебека. Заступая на службу в качестве боевой поддержки французской армии, местные ополченцы связывали свою судьбу с армией метрополии и, перевоза свои семьи под защиту городских укреплений, фактически были готовы воевать в тех условиях, которые обеспечивались французским командованием.

Учитывая, что большинство историков, не углублявшихся в детализацию событий 1759 г., пишут о последовательном укреплении позиций британцев в регионе [3, 4, 7], можно обратиться к фактам и увидеть иную картину. К примеру, рассматривая события июля 1759 г., вообще не приходится говорить о каком-либо превосходстве британской тактики и стратегии. Стараниями местного населения домохозяйства, располагавшиеся в стратегически важных местах, дороги и различные объекты коммуникации были укреплены для того, чтобы при необходимости существенно замедлить продвижение британцев. Получив данные об укреплениях Бопора, генерал Д. Вулф обнаружил, что улицы забаррикадированы, каждый дом вдоль береговой линии укреплен таким образом, чтобы обеспечить внутри позиции, с которых можно вести огонь по наступающим войскам. Также вдоль р. Монморанси располагались лесопосадки, многие из которых были заняты подразделениями франко-канадского ополчения, что дополнительно усиливало позиции оборонявшихся французов. Последующие факты и вовсе говорят в пользу того, что преимущество было на стороне французов. Несмотря на неблагоприятный прогноз, 31 июля поддерживаемые артиллерийским огнем британские войска, числом около 3,5 тыс., сделали первую попытку высадки у Бопора. Попад под шквальный огонь с французских позиций, британцы не смогли закрепиться на берегу и, потеряв 450 человек убитыми, отступили. Для сравнения, французы потеряли в бою 60 человек. Поражение британских войск в этой битве за Монморанси расценивалось французами как явный признак того, что в ближайшее время не будет новых нападений и, возможно, британская военная кампания будет на этом окончена [14. Р. 81–84].

Фактически британской стороне понадобился целый месяц на изменение тактической стороны плана наступления. Британские офицеры настаивали на том, что в имевшей место ситуации необходимо ослабить позиции французов за счет той части, которая прихо-

дидась на долю местного франко-канадского населения, и в первую очередь выстроенных с их помощью линий снабжения. В течение оставшейся части лета генерал Д. Вулф сосредоточил имевшиеся в его распоряжении силы на разграблении небольших французских поселений, расположенных вдоль побережья р. Святого Лаврентия. Сам генерал Д. Вулф понимал важность той поддержки, которую местное население оказывало французской армии, и видел в этом большую проблему для продвижения британских интересов в регионе. Невзирая на то, что военные операции проводились против мирного населения, британцы были предельно суровы, и, по различным оценкам, за время данных рейдов было полностью уничтожено несколько сотен мелких домохозяйств. При этом во время подобных операций британские регулярные войска сталкивались с ожесточенным сопротивлением местного ополчения и несли потери от постоянных нападений в рамках партизанских боевых действий.

Оценивая данные изменения в тактике ведения военных действий, стоит учесть несколько важных аспектов. Во-первых, британское командование не скрывало того, что главной целью этого плана была попытка спровоцировать регулярные части генерала де Монкальма на вылазку или участие в открытом сражении. Однако эти провокации остались без ответа, поскольку британский план был понятен французской стороне, оставшейся на занятых укрепленных позициях. Во-вторых, незначительному изменению баланса сил в пользу британцев способствовали косвенные обстоятельства, такие как поток беженцев из прибрежных областей и сокращение поставок продовольствия во французский лагерь. Все это ухудшило положение осажденных. Здесь также можно обозначить несколько важных обстоятельств. Благодаря своевременным действиям местного населения, и прежде всего ополчения, провизия и жители окрестных домохозяйств были вывезены в укрепленные районы заранее, и негативный эффект от притока беженцев был минимальным.

Если учитывать трудности, которые были созданы британцами французской стороне, то нельзя обойти вниманием и проблемы самих британцев. И за время осады, и в период летних операций в британском лагере часто вспыхивали болезни. Даже генерал Д. Вулф какое-то время был на лечении, а известия о его болезни подорвали и без того низкий боевой дух солдат. Франко-канадское ополчение постепенно усиливало давление на британский лагерь, а партизанские рейды вызвали перебои с поставками продовольствия и у британцев, что поначалу фактически сравняло положение противоборствующих армий, а затем и вовсе поставило британскую сторону в худшее положение. На фоне постоянных партизанских атак и общего падения боевого духа генерал Д. Вулф принял решение о том, что в начале осени необходимо организовать наступление, иначе могут быть упущены уже достигнутые позиции. Таким образом, положение, которое занимала британская сторона к концу лета 1759 г., не давало почти никакого преимущества. В то же время даже изменение тактики и августовские рейды британцев по прибреж-

ным поселениям франко-канадцев не изменили ситуации в их пользу. Но на этом фоне можно отметить две особенности сложившейся ситуации. Генерал Д. Вулф возглавлял хорошо подготовленный, хотя и немногочисленный корпус, в то время как генерал де Монкальм располагал более значительными силами, состоявшими преимущественно из солдат ополчения и подкреплений союзных индейских племен [15. Р. 491–519].

Анализируя дальнейшие события, можно отметить, что к концу августа британское командование вновь пересмотрело планы ведения боевых действий. Было принято решение организовать новое нападение на позиции французов, сосредоточив основное внимание на области, находящейся вверх по течению, в некотором отдалении от города. Мы можем воспользоваться подробным описанием этой области, составленным в начале XIX в. [16. Р. 211–215]. Точки, определенные в качестве зон посадки на корабли, были выбраны в 32 км от зон высадки. После битвы за Монморанси генерал де Монкальм выбрал формирование числом около 3 тыс. пехотинцев и 200 кавалеристов и отправил его на укрепления в предгорьях Кап-Руж, чтобы осуществить наблюдение за британскими войсками, находящимися вверх по течению р. Святого Лаврентия. В одном из писем генерал де Монкальм отмечал, что его заботят любые передвижения британцев, и важно, чтобы у французских войск было время на подготовку и передислокацию, а при необходимости и дополнительное укрепление оборонительных сооружений Бопора [17. Р. 20–28]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что на начало сентября 1759 г. обе стороны были одинаково готовы к возобновлению боевых действий.

Британские войска были приведены в боеготовность, и с 9 по 11 сентября десантные корабли передвигались вверх и вниз по течению, а 12 сентября было принято решение о начале наступательной операции. Конечной точкой высадки была выбрана Фулонская бухта, расположенная примерно в 3 км от Квебека. Отмели зоны высадки располагались у высокой скалы, на вершине которой находилось плато, защищенное артиллерийскими батареями французов. Доподлинно неизвестно, по какой причине генерал Д. Вулф отказался от первоначального плана нападения на французские позиции у Кап-Руж и предпочел новое направление главного удара [18. Р. 154–156]. Он спланировал атаку таким образом, что небольшой отряд десанта должен был высадиться на отмелях посреди ночи, подняться по скале, завязать бой и попытаться захватить французскую артиллерию. Это позволило бы основной ударной группе в 5 тыс. человек подняться по скале и развернуться в боевые порядки на открытом пространстве плато. Основным уязвимым моментом плана, на который указывали помощники генерала Д. Вулфа, была невозможность быстрого отступления ни в одном направлении, кроме побережья [19. Р. 334–337].

Французские подразделения, патрулировавшие территории между мысом Кап-Диаман и предгорьями Кап-Руж, не смогли вовремя заметить передвижение многочисленных британских судов, а гарнизон артиллерийских укреплений оказался слишком малочислен-

ным, чтобы оказать достойное сопротивление высадившемуся десанту [20. Р. 190–194]. Узнав о начале британской наступательной операции, генерал де Монкальм получил предупреждения о крайней уязвимости позиций у Фулонской бухты, но медлил с принятием решения до рассвета, объясняя это тем, что за одну ночь британские войска не смогут пересечь реку, высадиться на берег, подняться на плато и атаковать плохо защищенные позиции. В целом стоит отметить, что и британский, и французский командующие относились друг к другу с большим уважением и были высокого мнения о военных дарованиях друг друга, о чем свидетельствуют не только официальные документы, но также и политическая публицистика того времени [21. Р. 10–20]. Своим решением генерал де Монкальм фактически пытался дать оценку действиям Д. Вулфа с собственной позиции. Передвигавшаяся на лодках британская десантная группа была замечена с берега французскими солдатами, но ее ошибочно приняли за ожидавшийся французский конвой. При этом британские офицеры, превосходно говорившие по-французски, смогли ответить на вопросы с берега, не вызвав подозрений. Когда же началась высадка, время для атаки с берега было упущено, и французы не смогли оказать достаточного сопротивления. Через час началась высадка основных сил британцев, которые, как и сам генерал Д. Вулф, смогли подняться по скальной дороге почти беспрепятственно. Таким образом, к рассвету британская армия была развернута на Авраамовых равнинах в полной боеготовности [22. Р. 91–115].

Важно отметить, что к этому моменту плато фактически оставалось незащищенным, и, если бы французские войска были более многочисленными, британцам было бы гораздо сложнее так быстро занять выгодные позиции. Также на руку британцам сыграл тот факт, что известия об их высадке дошли до генерала де Монкальма слишком поздно. Несмотря на то, что генерал де Монкальм был шокирован известиями о столь быстрой высадке британских войск, он покинул укрепленные позиции и стал готовиться к сражению, чтобы не позволить британцам, укрепившись, организовать наступление. По данным историков, генерал де Монкальм располагал контингентом в 13,4 тыс. солдат пехоты, которую поддерживали 200 кавалеристов и 200 артиллерийских орудий. Кроме того, французские войска поддерживали квебекские ополченцы и франко-канадцы, а также силы союзных индейских племен числом около 300 человек. Для сравнения, все формирования, находящиеся в распоряжении генерала Д. Вулфа, насчитывали 7,7 тыс. солдат регулярных войск [23. Р. 182–186].

Утром 13 сентября британские войска построились таким образом, что правый фланг растянулся у побережья р. Святого Лаврентия, а левый фланг – у побережья р. Сен-Шарль. В это же время основные силы французов двигались со стороны Бопора и Квебека, а союзные им формирования канадского ополчения и индейских племен укрепились на пересеченной местности напротив левого фланга британцев. Завязавшиеся на этом направлении бои заставили британцев предпринять активные меры, чтобы вытеснить квебек-

ских ополченцев с укрепленных позиций. В результате после непродолжительных столкновений британские войска овладели линией французских оборонительных сооружений, включая несколько домов. Однако, отступая, ополченцы подожгли оставшиеся под их контролем дома и баррикады. Пожар и сопутствовавшее ему крупное задымление не давали генералу де Монкальму возможности в полной мере оценить состояние британского левого фланга. Возможно, поэтому, когда большая часть регулярных французских войск прибыла к месту сражения, он принял решение атаковать сразу же, не давая британцам возможности укрепиться. Генерал де Монкальм собрал все имевшиеся в распоряжении формирования числом около 3,5 тыс. солдат и стал готовить немедленную атаку. Примерно в 10 часов утра приготовления были завершены, и он отдал приказ о наступлении на британские позиции [24. Р. 520–554].

Важно учесть, что генерал де Монкальм привык к сражениям, в которых дисциплинированные и привыкшие к муштре военные формирования двигались в точном порядке. Подобный строй отвечал особенностям европейского театра боевых действий Семилетней войны, однако был малоприменим для североамериканских территорий. Те регулярные войска, которыми он располагал, изначально были хорошо приспособлены к таким сражениям, но за время войны они значительно поределели и были пополнены солдатами местного ополчения. Генерал де Монкальм, без сомнения, знал это, и шел на значительный риск. Когда обе армии сошлись, в полной мере проявились сильные стороны британской армии и слабые места французских подразделений. Генерал Д. Вулф спланировал оборону таким образом, чтобы встретить наступавшие французские войска плотным огнем с близкого расстояния, при этом сделав упор на центр своих формирований, где располагались 43-й и 47-й пехотные полки. Приблизившись на расстояние выстрела, французы дали два залпа и сделали это не одновременно. Ополченцы стреляли раньше и падали на землю для перезарядки, задерживая общий строй. Британцы, следуя указаниям генерала Д. Вулфа, выжидали приближения французов на 25–30 м и открыли массированный огонь с близкого расстояния. Почти сразу же после первого залпа британские войска общим строем двинулись вперед и вторым залпом рассеяли строй французов, вынудив тех к отступлению. Сам генерал Д. Вулф наблюдал за битвой с холма, но уже в начале боя был несерьезно ранен. К моменту, когда он отдал приказ открыть общий огонь, он получил еще одно ранение. Один из выстрелов пришелся в живот, а второй, смертельный, в грудь [22. Р. 118–130].

После ранения и смерти генерала Д. Вулфа и еще нескольких высших офицеров командования британские войска бросились в преследование французов. Его возглавил бригадный генерал Д. Мюррей вместе с 78-м горским пехотным полком, однако британские войска быстро столкнулись с массированным огнем со стороны побережья и моста через р. Сен-Шарль, где объединились силы квебекского ополчения и подошедшие регулярные подкрепления. Смерть генерала

Д. Вулфа и ранение его помощника Р. Монктона вынудили Д. Тауншенда принять командование британскими войсками и перестроить формирования таким образом, чтобы прибывшие из Кап-Руж французские войска не смогли атаковать британцев с тыла. Маневр французских войск не удался, и командовавший новым наступлением граф де Бугенвиль не решился на открытую атаку, несмотря на то что располагал свежими и хорошо укомплектованными силами. Тем не менее даже его организованное отступление позволило выиграть время, и оставшиеся французские войска переправились через р. Сен-Шарль. Во время отступления французов генерал де Монкальм был несколько раз ранен и умер на следующее утро. В результате битвы погибло и было ранено примерно одинаковое количество солдат с обеих сторон: 644 у французов и 658 у британцев [25. Р. 46–48]. Смерть генерала Д. Вулфа была воспринята британским обществом с чувством искренней скорби и еще долгое время была важной темой, поднимавшейся в прессе, к примеру в «Лондон мэгэзин» [26], «Бритиш мэгэзин» [27] и «Эньюэл реждистер» [28]. Многие современники рассматривали события, связанные с последними месяцами жизни и обстоятельствами смерти Д. Вулфа, как имеющие государственное значение [29]. Стоит отметить, что просчеты французского командования, последовавшие после смерти генерала де Монкальма, изменили ситуацию в пользу британцев. Еще до начала осады Квебека оттуда был зафиксирован массовый отток населения, и прежде всего тех беженцев с семьями, которые ранее прибыли под защиту городских стен. Осенние условия позволили группам франко-канадского ополчения вывести большое количество гражданского населения в Монреаль и его пригороды. Отмечая высокую степень самоорганизации ополченческих контингентов, стоит отметить, что эвакуацией мирных жителей занимались преимущественно местные власти и группы вооруженных волонтеров, в то время как регулярные войска занимались подготовкой обороны города. Однако недостаток времени и средств у французской стороны привел к тому, что британские войска под командованием Д. Тауншенда и Д. Мюррея начали осаду города и уже 18 сентября 1759 г. приняли капитуляцию Квебека.

Отголоском битвы на Авраамовых полях можно считать события следующего года, когда в апреле 1760 г. преемник генерала де Монкальма, герцог Ф.Г. де Леви, осадил полуразрушенный Квебек во главе 7-тысячного корпуса, состоявшего из восьми батальонов регулярных войск и подкреплений ополчения. Британские войска, находившиеся под командованием Д. Мюррея, провели зиму в очень непростых условиях и насчитывали 4 тыс. солдат, объединенных в 10 батальонов регулярных войск. В то же время франко-канадские ополченческие контингенты, участвовавшие в эвакуации населения Квебека перед его осадой, даже не имея централизованного командования, на протяжении зимы провели множество диверсий как внутри занятого британцами города, так и за его пределами, чем существенно ослабили положение британских войск.

К моменту осады Квебека войсками герцога де Леви ситуация паритета фактически была восстановлена, и преимущества, достигнутые британцами, были сведены к минимуму. 28 апреля 1760 г. обе армии развернулись на плато к западу от Квебека и встретились в битве при Сен-Фо. Наблюдая за маневрами французских войск, Д. Мюррей принял решение нанести удар еще до того, как развертывание будет завершено. Основные бои произошли на левом фланге французских войск. После продолжительного столкновения британский левый фланг начал отступать, но потеря времени и прикрытие многочисленной британской артиллерии уберегло силы Д. Мюррея от полного уничтожения. В этом сражении британская армия потеряла 1 182 солдата, в то время как французская армия лишилась 833 солдат [22. Р. 132–144].

После отступления британских войск под прикрытие стен и артиллерии Квебека герцог де Леви начал осаду, надеясь на скорое подкрепление. Однако первый флот, прибывший к городу, был британским, и французские войска были вынуждены отступить к Монреалю. Уже в сентябре 1760 г. 2-тысячный гарнизон Монреаля был вынужден противостоять 17-тысячному британскому корпусу [30. Р. 334–336]. Поскольку город не располагал серьезными оборонительными укреплениями и не мог выдержать продолжительную осаду, положение французов сильно осложнилось. В подобных условиях 6 сентября 1760 г. начались переговоры, и 8 сентября Монреаль капитулировал на условиях, выдвинутых британским главнокомандующим Д. Эмхерстом. Французы были лишены права почетной капитуляции, однако британские власти гарантировали всем неприкосновенность имущества и свободу вероисповедания.

Подводя итоги анализа битвы на Авраамовых полях, стоит отметить, что события 1759–1760 гг. имеют определяющее значение для хода Семилетней войны на североамериканском театре боевых действий. Сам характер сражений 1759–1760 гг. показывает, что в данный период ситуация не была однозначной, и локализованные конфликты имеют важное значение с точки зрения оценки участия местного, франко-канадского населения.

В отличие от европейского театра боевых действий, соотношение сил на североамериканском континенте часто зависело от поддержки местных колониальных властей и, что более важно, населения крупных городов и провинциальных поселений. Участие местного населения в конфликте, происходившее на фоне общего патриотического подъема и заключавшееся в формировании ополчения и волонтерских отрядов, за период 1759–1760 гг. не один раз способствовало установлению паритета сил. Зачастую это происходило в критические для французской стороны моменты, и стараниями местного населения британцы долгое время не могли получить полного преобладания.

Тем не менее овладение стратегически важными городами Квебек и Монреаль знаменует завершение одного из позднейших этапов франко-индейской войны и Семилетней войны в целом, показавшего преобладание британских войск как на суше, так и на море. Однако в период между завоеваниями Квебека и Мон-

реала ситуация не была однозначной. Символично, что битва на Авраамовых полях, унесшая жизни и британского и французского главнокомандующих, последовательно прослеживала переход инициативы от одной стороны к другой.

Учитывая, что британская военная кампания 1759–1760 гг. была нацелена на захват Канады как части Новой Франции, захват Квебека в 1759 г. традиционно принимается многими историками в качестве поворотного момента как данной кампании, так и всей франко-индейской войны. В то же время попытка реванша французов 1760 г. и разгром британских войск при Сен-Фо демонстрируют, что британские силы, удерживавшие Квебек, не имели прочного положения. К тому времени армия герцога де Леви имела все шансы не только на сохранение контроля над Монреалем, но и на возвращение Квебека, что, в свою очередь восстановило бы прочные позиции Франции в регионе. Важно, что пришедшие на этот период морские сражения сделали невозможным скорое получение подкреплений французами и в то же время дали возможность британцам пополнить свои контингенты в регионе.

После того как события 1759–1760 гг. значительно упрочили положение британских войск в регионе, серия крупных побед Великобритании проложила путь к мирным переговорам и Парижскому мирному договору 1763 г. по которому Франция уступила Канаду Великобритании. Это подвело итог под долгой чередой кровопролитных столкновений и подтвердило статус Великобритании как ведущей колониальной державы Северной Америки.

На фоне анализа событий, сопутствовавших битве за Квебек 1759 г., попытки французского реванша 1760 г. и его провала после битвы при Сен-Фо, можно сделать общие выводы относительно участия в них франко-канадского общества в социальном, экономическом и политическом аспектах.

Во-первых, стоит признать, что проживавшие на территории конфликта франкоканадцы и союзные племена индейцев численностью до 5 тыс. человек изначально давали серьезное численное преимущество французскому корпусу генерала де Монкальма. Разница в количестве между французскими и британскими войсками, тем не менее, компенсировалась качественной составляющей. Эта ситуация обозначалась формулировкой, согласно которой солдаты генерала Д. Вулфа были хорошо подготовлены, хотя и немногочисленны, а генералу де Монкальму подчинялись более значительные, но менее профессиональные формирования, преимущественно ополчение и подкрепления индейских племен. Здесь же стоит отметить, что с самого начала вооруженного конфликта франко-канадцы были политически высоко мотивированы и во всем что требовалось, поддерживали французских военных.

Во-вторых, можно утверждать, что местное франко-канадское население было активным участником колониального противостояния Великобританией и Францией. На фоне патриотического подъема франко-канадцы постоянно пополняли французские регулярные формирования. Также они составляли ополченческие подразделения и волонтерские группы, которые были незаменимы во время организации поставок продовольствия в готовящийся к обороне Квебек, во время сопровождения групп беженцев из прибрежных поселений в Квебек, а также эвакуации гражданского населения Квебека в Монреаль в преддверии британской осады осени 1759 г.

В-третьих, важно понимать, что переход местного населения к пассивному, неадаптивному поведению произошел после капитуляции гарнизона Монреаля, которая сопровождалась гарантиями британских военных властей о неприкосновенности имущества мирных жителей и утверждением свободы вероисповедания.

Список источников

1. Marston D. The Seven Year's War. New York : Routledge, 2013. 96 p.
2. Szabo F.A.J. The Seven Years War in Europe: 1756–1763. London : Routledge, 2013. 536 p.
3. Jennings F. Empire of Fortune: Crowns, Colonies, and Tribes in the Seven Years War in America. New York : W. W. Norton & Company, 1990. 548 p.
4. Ward M.C. Breaking The Backcountry: Seven Years War In Virginia And Pennsylvania 1754–1765. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2004. 360 p.
5. Anderson F. Crucible of War: The Seven Years' War and the Fate of Empire in British North America 1754–1766. New York : Vintage, 2007. 912 p.
6. Fowler W.M. Empires at War: Seven Years' War and the Struggle for North America. London : Douglas & McIntyre, 2009. 368 p.
7. Corbett J.S. England in the Seven Years' War: A Study in Combined Strategy. Cambridge : Nabu Press, 2010. 424 p.
8. Robson M. A History of the Royal Navy: The Seven Years War. London : I.B. Tauris & Co Ltd, 2016. 256 p.
9. Copy of a Letter from the Marquis de Montcalm to Mons.de Berruyer, first Commissioner of the Marine of France / Letters from the marquis de Montcalm, governor-general of Canada. London, 1777. 56 p.
10. MacLeod D.P. Northern Armageddon: The Battle of the Plains of Abraham and the Making of the American Revolution. London : Vintage, 2008. 448 p.
11. MacLeod D.P. Backs to the Wall: The Battle of Sainte-Foy and the Conquest of Canada. Vancouver : Douglas & McIntyre, 2016. 240 p.
12. Mauduit I. An Apology for the Life of General Wolfe, against the Misrepresentations in pamphlet called A Counter-Address to the Public. London : Gale Ecco, 1765. 76 p.
13. Wolfe J. General Wolfe's Instructions to Young Officers: Also His Orders for a Battalion an Army. London : Gale ECCO, 1780. 128 p.
14. Lanman J.H. History of Michigan, Civil and Topographical: In a Compendious Form. New York : Forgotten Books, 1839. 424 p.
15. Wright R. The Life of Major-General James Wolfe: Founded on Original Documents and illustrated by his correspondence. London : Palala Press, 1864. 665 p.
16. Duncan J.M. Travels through part of the United States and Canada in 1818 and 1819. New York : Nabu Press, 1823. Vol. II. 384 p.
17. Copy of a Letter from the Marquis de Montcalm to Mons. de Mole, first President in the Parliament of Paris / Letters from the marquis de Montcalm, governor-general of Canada. London, 1777. 66 p.
18. Hawkins A., Fisher J.C. Hawkins's Picture of Quebec: With Historical Recollections. Quebec : Palala Press, 1834. 477 p.
19. Gleig G.R. Lives of the Most Eminent British Military Commanders. London : Kessinger Publishing, LLC, 1832. Vol. II, 412 p.
20. Dwight T. The Northern Traveler, and Northern Tour: With the Routes to the Springs, Niagara, Quebec, the tour of New England. New York : Nabu Press, 1834. 438 p.

21. A Dialogue betwixt General Wolfe and the Marquis Montcalm in the Elysian Fields. London, 1759. 26 p.
22. Knox J. An Historical Journal of the Campaign in North America for the years 1757, 1758, 1759, 1760. London : Forgotten Books, 1769. Vol. II. 488 p.
23. Buckingham J.S. Canada, Nova Scotia, New Brunswick, and the Other British Provinces in North America, with a plan of national colonization. London : Arkose Press, 1843. 596 p.
24. Wright R. The Life of Major-General James Wolfe: Founded on Original Documents and illustrated by his correspondence. London : Palala Press, 1864. 665 p.
25. The Critical Review. London, 1791. 606 p.
26. London Magazine. 1759. December.
27. The British Magazine. 1760. February.
28. The Annual Register. 1759. 130 p.
29. Sabine L. Address on the Death of General Wolfe. Boston, 1859. 100 p.
30. Schomberg I. Naval Chronology: Or An Historical Summary of Naval and Maritime Events. London : Arkose Press, 1815. Vol. I. 481 p.

References

1. Marston, D. (2013) *The Seven Year's War*. New York: Routledge.
2. Szabo, F.A.J. (2013) *The Seven Years War in Europe: 1756–1763*. London: Routledge.
3. Jennings, F. (1990) *Empire of Fortune: Crowns, Colonies, and Tribes in the Seven Years War in America*. New York: W.W. Norton & Company.
4. Ward, M.C. (2004) *Breaking The Backcountry: Seven Years War In Virginia And Pennsylvania 1754–1765*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
5. Anderson, F. (2007) *Crucible of War: The Seven Years' War and the Fate of Empire in British North America 1754–1766*. New York: Vintage.
6. Fowler, W.M. (2009) *Empires at War: Seven Years' War and the Struggle for North America*. London: Douglas & McIntyre.
7. Corbett, J.S. (2010) *England in the Seven Years' War: A Study in Combined Strategy*. Cambridge: Nabu Press.
8. Robson, M. (2016) *A History of the Royal Navy: The Seven Years War*. London: I.B. Tauris & Co Ltd.
9. Marquis de Montcalm. (1777a) *Letters from the marquis de Montcalm, governor-general of Canada*. London: [s.n.]. p. 56.
10. MacLeod, D.P. (2008) *Northern Armageddon: The Battle of the Plains of Abraham and the Making of the American Revolution*. London: Vintage.
11. MacLeod, D.P. (2016) *Backs to the Wall: The Battle of Sainte-Foy and the Conquest of Canada*. Vancouver: Douglas & McIntyre.
12. Mauduit, I. (1765) *An Apology for the Life of General Wolfe, against the Misrepresentations in pamphlet called A Counter-Address to the Public*. London: Gale Ecco.
13. Wolfe, J. (1780) *General Wolfe's Instructions to Young Officers: Also His Orders for a Battalion an Army*. London: Gale ECCO.
14. Lanman, J.H. (1839) *History of Michigan, Civil and Topographical: In a Compendious Form*. New York: Forgotten Books.
15. Wright, R. (1864) *The Life of Major-General James Wolfe: Founded on Original Documents and illustrated by his correspondence*. London: Palala Press.
16. Duncan, J.M. (1823) *Travels through part of the United States and Canada in 1818 and 1819*. Vol. 2. New York: Nabu Press.
17. Marquis de Montcalm. (1777a) *Letters from the marquis de Montcalm, governor-general of Canada*. London: [s.n.]. p. 66.
18. Hawkins, A. & Fisher, J.C. (1834) *Hawkins's Picture of Quebec: With Historical Recollections*. Quebec: Palala Pres.
19. Gleig, G.R. (1832) *Lives of the Most Eminent British Military Commanders*. Vol. 2. London: Kessinger Publishing, LLC.
20. Dwight, T. (1834) *The Northern Traveler, and Northern Tour: With the Routes to the Springs, Niagara, Quebec, the Tour of New England*. New York: Nabu Press.
21. Wolfe, J. & Marquis de Montcalm. (1759) *A Dialogue Betwixt General Wolfe and the Marquis Montcalm in the Elysian Fields*. London: [s.n.]. p. 26.
22. Knox, J. (1769) *An Historical Journal of the Campaign in North America for the years 1757, 1758, 1759, 1760*. Vol. 2. London: Forgotten Books.
23. Buckingham, J.S. (1843) *Canada, Nova Scotia, New Brunswick, and the Other British Provinces in North America, with a plan of national colonization*. London: Arkose Press.
24. Wright, R. (1864) *The Life of Major-General James Wolfe: Founded on Original Documents and illustrated by his correspondence*. London: Palala Press.
25. *The Critical Review* (London). (1791).
26. *London Magazine*. (1759) December.
27. *The British Magazine*. (1760) February.
28. *The Annual Register*. (1759)
29. Sabine, L. (1859) *Address on the Death of General Wolfe*. Boston: [s.n.].
30. Schomberg, I. (1815) *Naval Chronology: Or An Historical Summary of Naval and Maritime Events*. Vol. 1. London: Arkose Press.

Сведения об авторе:

Макаров Егор Павлович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социологии, политологии и истории Отечества Института социально-гуманитарных наук и технологий Самарского государственного технического университета. E-mail: egor.makarov.esq@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Makarov Egor P. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Sociology, Political Science and History of the Fatherland, Institute of Social Sciences and Humanities and Technologies, Samara State Technical University. E-mail: egor.makarov.esq@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2019; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 10.02.2019; accepted for publication 11.11.2022

Научная статья

УДК 94(73)

doi: 10.17223/19988613/80/15

Влияние политики ядерного нераспространения Р. Никсона – Дж. Форда на ведущие страны Западной Европы (1969–1975 гг.)

Егор Сергеевич Тодыков

Томский государственный университет, Томск, Россия, egor.todykov@gmail.com

Аннотация. Выявляется степень влияния проводимой администрациями Р. Никсона и Дж. Форда политики ядерного нераспространения на отношения США с ведущими странами Западной Европы в 1969–1975 гг. Проанализированы позиции правительств Великобритании и Франции в отношении политики нераспространения ядерного оружия. Особое внимание уделяется внешнеполитическому курсу ФРГ, в том числе связи подписания и ратификации Бонном Договора о нераспространении ядерного оружия с «новой восточной политикой» В. Брандта.

Ключевые слова: США, ФРГ, Европа, ядерное оружие, политика нераспространения, НАТО, МЯС, ДНЯО

Для цитирования: Тодыков Е.С. Влияние политики ядерного нераспространения Р. Никсона – Дж. Форда на ведущие страны Западной Европы (1969–1975 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 133–139. doi: 10.17223/19988613/80/15

Original article

Influence of R. Nixon – J. Ford's nuclear non-proliferation policy on the leading countries of Western Europe (1969–1975)

Egor S. Todykov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, egor.todykov@gmail.com

Abstract. The main purpose of the article is to analyze the nuclear non-proliferation policy of the United States governments of Richard Nixon and Jerald Ford, and its influence on the leading countries of Western Europe in 1969–1975. This research is based on the published documents in the collection “Foreign Relations of the United States”, electronic archives of the National Security Archive and the Woodrow Wilson International Center for Scholars (both in the Washington DC), debates in the UK parliament and Bundestag of the Federal Republic of Germany (FRG). At the beginning of the article, the author has described the main steps of the American diplomacy in the field of nuclear control, especially in relations to the countries of Western Europe. The paper briefly examines the transformation of U.S. nuclear policy from the Acheson – Lilienthal Report of 1946 till the conclusion of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT) in 1968. Then, the article analyzes the activities of the governments of France, Britain and the Federal Republic of Germany in the field of nuclear non-proliferation. The paper traces diplomatic contacts between the leading countries of Western Europe and the United States on the issue of signing and ratifying the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. The author has paid special attention to relationships between Bonn and Washington. West Germany, with her significant position in NATO and huge strategic, economic and political potential, was one of the main targets of the U.S. non-proliferation policy. The article considers the problem of the NPT ratification by Italy and Germany. The internal disputes in the political circles of the FRG on signing and ratifying the NPT are analyzed. The author also has attracted attention to the problem of the implementation of the NPT by the government of the Federal Republic of Germany. The main conclusions of the article are the following. First, Chancellor W. Brandt by promoting ratification of the NPT has achieved success in his New Eastern Policy. Second, despite the limitation of nuclear potential of NATO, the non-proliferation policy contributed to integration of the countries of Western Europe. Third, German participation in the NPT was influenced by the actions of Paris and London. British diplomats motivated the West German leadership for the early signing of the NPT. By contrast, Paris disagreed with US non-proliferation policy. French position could stimulate an alternative approach to the nuclear non-proliferation in the FRG.

Keywords: USA, FRG, Europe, nuclear weapons, non-proliferation policy, NATO, MLF, NPT

For citation: Todykov, E.S. (2022) The influence of the nuclear nonproliferation policy of R. Nixon – J. Ford on the leading countries of Western Europe (1969–1975). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 133–139. doi: 10.17223/19988613/80/15

Изобретение ядерного оружия поставило человечество перед угрозой наиболее разрушительной из всех войн, которые когда-либо знала история. Как писал философ Э. Факенхейм, «столь достойный и трезвый мыслитель, как Иммануил Кант, мог еще серьезно верить, что война служит целям Провидения. После Хиросимы любая война считается в лучшем случае необходимым злом» [1. Р. 5–6].

Попытки полностью запретить или хотя бы ограничить распространение ядерного оружия предпринимались политиками начиная с 40-х гг. XX в. Так, в США в 1946 г. был разработан «план Ачесона–Лилиенталя», который предлагал создание международной организации по надзору за развитием атомной энергетики [2. Р. 1–2]. Начало холодной войны и стремление других стран получить ядерное оружие (в 1949 г. оно было испытано в СССР, а в 1952 г. в Великобритании) не способствовало принятию данного плана мировым сообществом. В 1953 г. Д. Эйзенхауэр вернулся к идее создания международного агентства по атомной энергии в своей речи на заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 8 декабря 1953 г. Выступление Эйзенхауэра преследовало и такую цель, как переключение усилий других стран на развитие мирных атомных программ [3].

Результатом данной политики стало создание в 1957 г. Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Американская дипломатия также поддерживала создание Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом), рассчитывая уменьшить заинтересованность западноевропейских государств в разработке национальных военных ядерных программ [4]. Целью организации стал контроль над ядерной промышленностью европейских стран. Производители промышленного оборудования по производству, обогащению или переработке сырья или специальных расщепляющихся материалов должны были информировать об их технических характеристиках комиссаров Евратома, а также представлять отчеты о количестве и движении основных сырьевых источников. Особое место в системе контроля занимали специальные инспекции на территориях государств-членов. Однако комиссары Евратома не имели права контролировать сферу оборонной промышленности. Сообщество формировало систему ядерных гарантий, но не могло предотвратить создание ядерного оружия [5. С. 151.].

В 1960-е гг. ввиду усиления разногласий США с западноевропейскими союзниками по вопросам ядерной стратегии Организации Североатлантического договора (НАТО) появилась инициатива создания Многосторонних ядерных сил (МЯС). Как полагали в Вашингтоне, размещение американских ядерных ракет на атомных подводных лодках, находящихся в ведении НАТО, должно было переориентировать Францию от собственной ядерной программы в сторону коллективного использования ядерного оружия, а также привлечь правительство Бонна к совместному управлению ограниченным количеством атомных вооружений [6]. В то же время принятие решения о запуске ракет оставалось за руководством США. Проект МЯС, получивший поддержку только ФРГ, так и не был реализован.

Власти Бонна, исходя из своей зависимости от ядерной мощи Вашингтона и сравнительно небольшой роли в вопросах американского стратегического планирования, рассчитывали, что МЯС позволит Западной Германии получить доступ к современному ядерному оружию, а также усилит влияние страны в военном командовании Запада [7. С. 111–112].

К концу президентства Л. Джонсона интересы американской политики сместились в сторону нераспространения ядерного оружия. Для того чтобы урегулировать противоречия со странами Западной Европы по вопросу коллективного использования ядерного оружия, в 1965 г. в НАТО была создана специальная группа ядерного планирования, постоянными членами которой являлись ФРГ, США, Великобритания и Италия. Франция отказалась от членства в данной структуре, а в 1966 г. покинула военную организацию НАТО. После создания группы ядерного планирования в НАТО была принята на вооружение стратегия «гибкого реагирования», которая заменила стратегию «массированного возмездия». Данная стратегия подразумевала три этапа ответных действий: на начальной фазе боевых действий планировалось применять только обычное вооружение, а при усилении эскалации конфликта власти должны были прибегнуть к использованию ядерного оружия [8. Р. 102–103]. Более успешной оказалась политика правительства Л. Джонсона, направленная на нераспространение ядерного оружия. Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) был подписан 1 июля 1968 г. и вступил в силу 5 марта 1970 г. [9].

На выборах 1968 г. президентом США стал Ричард Никсон. Ключевую роль в формировании внешнеполитического курса при Р. Никсоне играл помощник президента по национальной безопасности Генри Киссинджер (с 1973 г. он также исполнял обязанности госсекретаря). Приход к власти республиканской партии не означал кардинального изменения всей внешней политики США [10. Р. 417]. Новая администрация продолжила курс на разрядку международной напряженности, а также политику по нераспространению ядерного оружия, ключевой задачей которой являлась ратификация ДНЯО как можно большим числом государств. В отношениях с европейскими странами ставка делалась на укрепление роли НАТО в противовес дальнейшему развитию европейской интеграции [11. Р. 59].

Частью политики разрядки были переговоры с СССР об ограничении стратегических ядерных вооружений. В послании Р. Никсона конгрессу в феврале 1972 г. признавалось, что СССР достиг военно-стратегического паритета с США. Дальнейшее сохранение американского лидерства в западном блоке начинало напрямую зависеть от способности США найти решение данной проблемы. Визит американского лидера в СССР в мае 1972 г. привел к подписанию двух важнейших договоров: Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1) и Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО). При этом американская сторона рассчитывала на одобрение своего диалога с СССР со стороны западноевропейских государств [12].

Несмотря на то, что в целом страны-участницы НАТО положительно отнеслись к переговорам СССР и США по сокращению стратегических ядерных вооружений, многие государства были недовольны, что их правительства не были включены в систему переговоров Восток–Запад. Особенно такая позиция проявилась в рамках подготовки к Совещанию по взаимному сбалансированному сокращению вооруженных сил между НАТО и Организацией Варшавского Договора (ОВД), из которых американская сторона хотела исключить представителей северных и южных «фланговых» членов НАТО [13].

Во второй половине 1960-х гг. американское руководство осознавало, что в Лондоне готовы наращивать свой ядерный потенциал. Однако Соединенное Королевство, в отличие от Франции, придерживалось проамериканского курса в своей ядерной политике. На это еще в начале 1960-х гг. указывал министр обороны США Роберт Макнамара. В послании к президенту Дж. Кеннеди он отмечал, что англичане готовы сотрудничать с США в ядерных вопросах, так как их внешняя политика в течение столетия основывалась на мнении о невозможности фундаментального внешнеполитического раскола с Вашингтоном [14].

В вопросах ядерного нераспространения Великобритания также оказалась более лояльной, в отличие от других ведущих европейских держав. Лондон подписал соглашение о нераспространении ядерного оружия 1 июля 1968 г. вместе с Советским Союзом и США. При этом ратификация соглашения британским парламентом состоялась уже 27 ноября 1968 г. Следует отметить, что в научной литературе проблема британского участия в заключении ДНЯО остается недостаточно исследованной, как и сама политика ядерного нераспространения Великобритании. Такая ситуация связана в первую очередь с немногочисленными упоминаниями ДНЯО в воспоминаниях высокопоставленных чиновников и официальных лиц Великобритании, причастных к заключению Договора. К примеру, премьер-министр Г. Вильсон в своих мемуарах отвел на проблему заключения ДНЯО всего шесть страниц [15. Р. 171].

Процесс переговоров по ДНЯО был осложнен желанием Великобритании стать частью Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Чтобы не вызывать критику со стороны европейских стран, относившихся с подозрением к ДНЯО, правительство Великобритании старалось играть на переговорах второстепенную роль. С другой стороны, Лондон стремился содействовать политике нераспространения ядерного оружия из-за экономических трудностей. 19 ноября 1967 г. правительство Г. Вильсона девальвировало фунт стерлингов. В связи с данными дефляционными мерами власти Великобритании были вынуждены сократить свои расходы на оборону и внести существенные коррективы в будущие ядерные проекты.

В рамках переговорного процесса по заключению ДНЯО США столкнулись с проблемой ядерных гарантий. Страны-члены Евратома не хотели передавать свои контрольные функции МАГАТЭ, что вызывало возражения со стороны СССР. Вашингтону также бы-

ло необходимо включить Западную Германию в сферу ядерного нераспространения. Включение ФРГ в переговорный процесс по ДНЯО способствовало бы усилению режима ядерного нераспространения, а также сдвинуло бы с мертвой точки проблему передачи ядерных гарантий от Евратома к МАГАТЭ [16].

Однако переговоры с ФРГ затянулись в связи с двумя факторами. Во-первых, Бонн в феврале 1968 г. отказался финансировать британские войска, дислоцирующиеся на территории Западной Германии [17]. Во-вторых, ситуация дестабилизировалась в связи с выходом Франции из военной организации НАТО. В ходе переговоров премьер-министра Великобритании Г. Вильсона и канцлера ФРГ К.Г. Кизингера в феврале 1969 г. в Бонне западногерманский лидер выразил опасения, что ДНЯО может стать инструментом дискриминации Западной Германии в отношении развития мирной атомной энергетики страны. В связи с этим в Бонн был направлен специалист по ядерному нераспространению из Лондона Солли Цукерман, который заверил власти ФРГ, что Договор не помешает развитию мирного атома [15. Р. 175–177]. Таким образом, правительство Соединенного Королевства так же, как и правительство США, стремилось повлиять на подписание ДНЯО властями Западной Германии.

Франко-американские отношения в годы президентства Л. Джонсона не вызывали оптимизма в Вашингтоне. Американская разведка пристально наблюдала за ядерными испытаниями во Франции [18]. С приходом к власти Р. Никсона взаимоотношения с Францией несколько улучшились. Отказ Парижа принять стратегию «гибкого реагирования» и выход Франции из военной организации НАТО не исключали возможности двухсторонних франко-американских переговоров по вопросам европейской обороны [11. Р. 20]. Сменивший Шарля де Голля на посту президента Франции Жорж Помпиду, в отличие от своего предшественника, не был столь непримиримо настроен по отношению к США. В докладе ЦРУ от 14 декабря 1970 г. отмечалось, что французский президент больше склонен к диалогу с США и странами Западной Европы [19]. В странах Западной Европы также были обеспокоены усилением ядерной мощи Франции. Министр иностранных дел Италии Альдо Моро считал, что Франция развивала ядерные вооружения не из соображений национальной безопасности, а для получения дополнительных политических очков в вопросах европейского сотрудничества [20].

В годы президентства Р. Никсона между Парижем и Вашингтоном развивались тайные отношения. Взамен на американскую помощь в совершенствовании французского ядерного комплекса Франция раскрывала имеющиеся у нее сведения о советских ядерных технологиях [21]. Г. Киссинджер рассчитывал с помощью такой политики усилить зависимость Франции от американских технологий, взамен Париж должен был стать более уступчивым в вопросах взаимоотношений между Западной Европой и США. С учетом того, что Франция не подписала ДНЯО (она присоединилась к данному договору только в 1992 г.), тайные франко-американские переговоры могли подстегнуть стремле-

ние Западной Германии также получить доступ к ядерному оружию [22. Р. 846].

Политика нераспространения воспринималась многими политическими деятелями ФРГ как антигерманский курс. Так, в работе немецкого историка Оливера Банге отмечается, что политика нераспространения ограничивала военное развитие ФРГ. Не только администрация США, но и английское правительство Г. Вильсона рассчитывало использовать ДНЯО как инструмент контроля над западными немцами [23. Р. 172–178]. Многие немецкие политики, такие как Ф.-Й. Штраус, Р. Барзель, О. Герстенмайер, выступали за то, чтобы найти возможности для создания ядерного оружия в ФРГ в рамках действующей системы ограничений [24, 25].

В Вашингтоне понимали, что ратификация ДНЯО потребует длительного времени. СССР не хотел ратифицировать ДНЯО без ратификации Договора в ФРГ. Поэтому американцам необходимо было ускорить ратификацию ДНЯО в Бонне [26]. Несмотря на то, что правительство ФРГ согласилось со стратегией «гибкого реагирования», немецкое военное командование не всегда хотело подчиняться США. Так, в 1969 г., во время советско-американских переговоров по контролю над ядерным оружием, правительство ФРГ поставило перед союзниками вопрос об использовании немцами тактического ядерного оружия (на вооружении бундесвера были ракеты «Першинг», находящиеся под контролем США) [27. S. 13–16; 28. Р. 458].

Кардинально ситуация в ФРГ начала меняться только с приходом социально-либеральной коалиции во главе с Вилли Брандтом, поддержавшим процесс разрядки [29. Р. 244.]. Перестановка политических сил в Западной Германии позволила Бонну использовать политику нераспространения в своих собственных целях. При этом дискуссии в политических кругах ФРГ по вопросу о целесообразности присоединения страны к режиму ядерного нераспространения продолжались [30]. Советский дипломат В.М. Фалин отмечал, что против заключения ДНЯО активно выступал Ф.-Й. Штраус, называвший подписание договора о нераспространении «атомным Версалем» [31. С. 87]. Сам В. Брандт ссылался на пример Франции, которая не хотела ограничивать свою ядерную программу [26].

Политика Брандта преследовала две главные цели, которых можно было достичь в том числе благодаря обоюдному сокращению ядерных вооружений Востоком и Западом: первая заключалась в преодолении раскола Европы, вторая была связана с проблемой воссоединения Германии. В этой связи немецкие дипломаты заверили американских коллег, что ФРГ готова принять ДНЯО с некоторыми оговорками (сохранение коммерчески ориентированной ядерной промышленности и возможность заимствования мирных атомных технологий), о чем ранее было известно Г. Киссинджеру. Впоследствии, уже в годы руководства Г. Шмидта, многие политические деятели СДПГ заверяли французское руководство, что партия выступала против любой ассоциации со сторонниками получения ядерного оружия.

Разрядка международной напряженности и демарш ФРГ при подписании ДНЯО позволили Бонну заклю-

чить важнейшие соглашения со странами Восточного блока. Договор о нераспространении ядерного оружия и договоры с восточными соседями ФРГ оказались тесно связанными друг с другом. Если бы руководство ФРГ не подписало ДНЯО, то правительство СССР не поняло бы сущности отказа от применения силы, закрепленного в Московском договоре 1970 г. [31. С. 87]. В итоге 28 ноября 1969 г. Западная Германия присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия [32]. До этого, в конце октября того же года, американские и немецкие дипломаты провели серию консультаций в рамках подготовки к подписанию ДНЯО, на которых госсекретарь У. Роджерс подтвердил обязательства США безопасности стран Центральной Европы и сохранения ведущей роли НАТО в обеспечении обороны ФРГ. Германский посол Гельмут Рот, в свою очередь, выразил пожелание, чтобы американская сторона поддержала новый внешнеполитический курс Бонна в отношении социалистических стран Восточной Европы, а также сохранение системы ядерных гарантий Евратома [33].

Даже подписание ДНЯО не прекратило дискуссии в ФРГ по вопросу о целесообразности режима нераспространения ядерного оружия. В данных дискуссиях В. Брандту пришлось опираться на свои основные постулаты, озвученные им 3 сентября 1968 г. на конференции неядерных государств в Женеве, где немецкий политик заявил о большой ответственности великих держав перед малыми в рамках политики нераспространения [34]. На заседании бундестага 12 ноября 1969 г. лидер ФРГ отметил, что Германия должна стать частью ДНЯО, чтобы принимать участие в решении важных международных проблем и способствовать мирному сосуществованию двух враждующих блоков [29. Р. 258–259].

Важную роль в обеспечении режима нераспространения ядерного оружия начиная с марта 1970 г. играло МАГАТЭ, которое взяло на себя обязательства по проведению инспекций, контролирующих в том числе торговлю ядерными материалами. При этом международное сообщество должно было ограничить продажу ядерных материалов государствам, не вступившим в систему ДНЯО или вызывающим опасения. Помимо этого, необходимо было определить список экспортных товаров, которые могут вызывать опасения МАГАТЭ. Официальные представители ФРГ принимали активное участие в решении этих вопросов для скорейшего определения благожелательных партнеров и списка экспортных товаров. Особенно это было важно с учетом быстро развивающейся атомной энергетики Западной Германии, требующей новых рынков сбыта. Опасения в Бонне вызывало положение Франции, официально не признавшей ДНЯО, так как Пятая республика могла сотрудничать с другими странами, не признанными МАГАТЭ. В дальнейшем уже американская сторона была обеспокоена ядерным сотрудничеством ФРГ с Индией, не входившей в рамки контроля МАГАТЭ. «Невнимательность» Бонна в отношении ядерного экспорта объясняется позицией некоторых членов кабинетов министров, особенно из министерства исследований и технологий и отдела ядерной

энергетики, где большее значение придавали экономическим, нежели политическим интересам государства [29. Р. 259–261].

Споры вокруг ратификации ДНЯО в ФРГ и непримиримая позиция противников режима нераспространения вызывали опасения администрации Р. Никсона. В связи с этим американская сторона давала понять, что задержка ратификации может вызвать изменение позиции Конгресса США, поставив под угрозу поставки ядерного топлива в страны, не ратифицировавшие ДНЯО [Ibid. Р. 262]. Ратификация ДНЯО в Западной Германии также зависела от результатов переговоров, связанных с определением роли Евратома и МАГАТЭ в вопросе инспекций после ратификации Договора. В итоге власти США подтвердили, что большую роль в вопросах контроля атомной энергетики в странах Европейского сообщества будет играть Евратом. МАГАТЭ же брало на себя функцию проверки деятельности Евратома.

Ратификация ДНЯО в бундестаге ФРГ прошла уже после смены лидеров двух стран: в ФРГ в мае 1974 г. канцлером стал Гельмут Шмидт, а в США новым президентом в августе 1974 г. – Джеральд Р. Форд. Важной задачей американской администрации, где большую роль по-прежнему играл Г. Киссинджер, стало давление на страны, не ратифицировавшие ДНЯО. Немецкое руководство, в свою очередь, особенно ожидало ускорения процесса ратификации в Италии. Итальянцы не верили в надежность политики нераспространения с учетом ядерных испытаний Индии в мае 1974 г. В Вашингтоне опасались колебаний Италии, замедляющих ратификацию соглашения в Японии и ФРГ, но к апрелю 1975 г. в Риме были готовы к уступкам [35]. Во многом итальянский парламент принял решение о ратификации ДНЯО из-за требований ряда выдающихся ученых-физиков и общественности, давления ведущих западных держав и смены руководства в Италии [36. Р. 137–139].

Исходя из этого, параллельно соглашение по нераспространению было ратифицировано бундестагом ФРГ. Однако, несмотря на общее одобрение ДНЯО и давление Бонна на Рим, в других вопросах западногерманское правительство действовало в своих интересах. Уже в апреле 1975 г. правительство Западной Германии договорилось о ядерном сотрудничестве с Бразилией, что осложнило германо-американские отношения [37]. При этом немецкая сторона апеллировала к сугубо экономическим, а не политическим интересам, что не спасло правительство Шмидта от подозрений в оппортунистических торгово-экономических стремлениях Бонна.

Многие европейские государства рассматривали процесс ограничения ядерных стратегических и тактических вооружений не только как ослабление оборо-

нительного сектора НАТО, но также как возможность диалога между Востоком и Западом, что впоследствии могло бы привести к объединению Европы и улучшению отношений между государствами. В Вашингтоне рассчитывали, что в рамках переговоров на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), а также в рамках советско-американских переговоров об ограничении стратегических вооружений европейские политики будут поддерживать общий курс США и СССР по взаимному ограничению ядерных вооружений [13].

Политика нераспространения ядерного оружия вела к сокращению военного потенциала НАТО, но европейские державы смогли извлечь выгоду из внешнеполитических маневров США. Особый интерес вызывает политика В. Брандта, правительство которого смогло заключить важнейшие соглашения со странами Восточной Европы, тем самым усилив диалог по линии Восток–Запад. Тем не менее среди европейских политиков не было единого мнения в отношении политики разрядки: скептики считали, что НАТО не должна терять свое военное значение. В долгосрочной перспективе поддержка курса на нераспространение ядерного оружия не разобщила европейское сообщество, а, скорее, трансформировала основы взаимодействия как западных стран со странами Восточного блока, так и между государствами Западной Европы.

При этом «новая восточная политика» В. Брандта и включение ФРГ в систему ДНЯО были напрямую связаны с действиями Парижа и Лондона. С одной стороны, большое влияние на политику нераспространения оказали английские власти, преследовавшие цели развития режима нераспространения и вступления Великобритании в ЕЭС, что напрямую было связано с позицией Бонна. Еще до прихода к власти В. Брандта английское внешнеполитическое ведомство оказывало воздействие на западногерманское руководство для скорейшего присоединения ФРГ к ДНЯО. С другой стороны, непризнание ДНЯО Францией давало яркий пример альтернативного развития ядерной программы, на что могли опираться противники ДНЯО в Бонне. То, что Вашингтон сохранял влияние на Францию с помощью тайного военного ядерного сотрудничества, могло в случае раскрытия данных еще больше подтолкнуть ФРГ в сторону независимости в ядерной политике. Несмотря на ратификацию ДНЯО бундестагом весной 1975 г., правительство ФРГ не всегда содействовало режиму нераспространения, нарушая некоторые пункты соглашения. Таким образом, политические круги США, особенно Г. Киссинджер, приходили к пониманию неуместности сильного давления по вопросу о ратификации ДНЯО на другие государства с учетом отсутствия гарантий полного исполнения статей Договора.

Список источников

1. Fackenheim E. God's Presence in History: Jewish Affirmations and Philosophical Reflections. New York : New York University Press, 1970. 104 p.
2. Atomic Energy Act of 1946. Washington, DC: Atomic Energy Commission, 1965. Vol. I: Principal Documents. 22 p.
3. Речь президента Соединенных Штатов г-на Дуайта Д. Эйзенхауэра на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 8 декабря 1953 года // Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ). URL: <https://www.un.org/ru/ga/iaea/eisenhower-2.htm> (дата обращения: 11.09.2021).
4. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1955–1957. Vol. IV: Western European Security and Integration. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v04/d204> (accessed: 11.09.2021).

5. Лекаренко О.Г. Создание Евратома и проблема ядерных гарантий // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 149–155.
6. FRUS. 1958–1960. Vol. VII, part 1: Western European Integration and Security, Canada. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v07p1/d264> (accessed: 11.09.2021).
7. Лекаренко О.Г. Проблема разделения ядерной ответственности в НАТО в годы президентства Л. Джонсона // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 108–116.
8. Colman J. The Foreign Policy of Lyndon B. Johnson: The United States and the World, 1963–69. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2010. 240 p.
9. Договор о нераспространении ядерного оружия : одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 июня 1968 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 11.09.2021).
10. Lawrence D.F., Jeffrey M. The Evolution of Nuclear Strategy. London : Palgrave Macmillan, 2019. 786 p.
11. Nichter L.A. Richard Nixon and Europe the Reshaping of the Postwar Atlantic World. New York : Cambridge University Press, 2015. 237 p.
12. Чебанян Р.А. Хельсинкский заключительный акт 1975 года: причины подписания и последствия // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 3/2. С. 90–94.
13. FRUS. 1969–1976. Vol. XLI: Western Europe; NATO. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v41/d86> (accessed: 11.09.2021).
14. Answers to Eight Questions re: European Nuclear Matters : Memorandum from Robert S. McNamara to the President, 16 June 1962 // Woodrow Wilson International Center for Scholars (WWICS). URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/145151> (accessed: 12.10.2021).
15. Gill D.J. Britain and the Bomb: Nuclear Diplomacy, 1964–1970. Stanford : Stanford University Press, 2014. 320 p.
16. FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v40/d39> (accessed: 11.09.2021).
17. Debate in UK Parliament in 14 February, 1968 // Historic-Hansard. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1968/feb/14/europe-british-forces> (accessed: 11.09.2021).
18. U.S. Intelligence and the French Nuclear Weapons Program // National Security Archive. Briefing Book No. 184. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB184/index.htm> (accessed: 11.09.2021).
19. FRUS. 1969–1972. Vol. XLI. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v41/d86> (accessed: 11.09.2021).
20. French military nuclear policy and its consequences for the European unification : ministry of foreign affairs note // WWICS. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/145151> (accessed: 12.10.2021).
21. Ullman. R.H. The Covert French Connection // Foreign Policy. 1989. № 75. P. 3–33.
22. Cameron J., Rabinowitz O. Eight Lost Years? Nixon, Ford, Kissinger and the Non-Proliferation Regime, 1969–1977 // Journal of Strategic Studies. 2017. Vol. 40 (6). P. 839–866.
23. Bange O. NATO and the Non-Proliferation Treaty: Triangulations between Bonn, Washington and Moscow // Transforming NATO in the Cold War. Challenges beyond deterrence in the 1960's / ed. by A. Wenger, C. Nünlist, A. Locher. London : Routledge, 2007. P. 162–180.
24. Reasons For West German Opposition To The Non-Proliferation Treaty : Research Memorandum Reu-13 From Thomas L. Hughes To The Secretary // WWICS Digital Archive, International History Declassified. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/134069> (accessed: 11.09.2021).
25. German Attitudes On Nuclear Defense Questions : US Embassy To West Germany, Memorandum // WWICS, Digital Archive, International History Declassified. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/177779> (accessed: 11.09.2021).
26. FRUS. 1969–1976. Vol. E–2. Documents on Arms Control and Nonproliferation. 1969–1972. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve02/d18> (accessed: 11.09.2021).
27. Weißbuch 1971/1972 zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Entwicklung der Bundeswehr // Deutscher Bundestag, Bonn, den 7. Dezember 1971. 88 S.
28. Heuser B., Stoddart K. Difficult Europeans: NATO and Tactical/Non-strategic Nuclear Weapons in the Cold War // Diplomacy & Statecraft. 2017. Vol. 28 (3). P. 454–476.
29. Gray W.G. Abstinence and Ostpolitik: Brandt's Government and the Nuclear Question // Ostpolitik, 1969–1974: European and Global Responses / ed. by C. Fink, B. Schfefer. New York : Cambridge University Press, 2009. P. 244–268.
30. FRUS. 1964–1968, Vol. XI: Arms Control and Disarmament. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v11/d180> (accessed: 11.09.2021).
31. Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства : политические воспоминания. М. : Центрполиграф, 2016. 454 с.
32. FRUS. 1969–1976. Vol. E–2: 1969–1972. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve02/d42> (accessed: 11.09.2021).
33. US-FRG Consultations on NPT : Memorandum of Conversation, 30 October 1969 // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/16472-document-38-memorandum-conversation-us-frg> (accessed: 12.10.2021).
34. Speech at the Conference of non-nuclear nations in Geneva, 3 September 1968 // Willy Brandt Online Biografie. URL: <https://www.willy-brandt-biography.com/historical-sources/significant-speeches/speech-conference-of-non-nuclear-nations-1968/> (accessed: 12.11.2021).
35. FRUS. 1969–1976. Vol. E–14. Paper Prepared by the NSC Under Secretaries Committee URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve14p2/d57> (дата обращения: 11.09.2021.)
36. Nuti L. Italy as a Hedging State? The Problematic Ratification of the Non-Proliferation Treaty // EUT Edizioni Università di Trieste. 2017. № 25. P. 119–139.
37. FRUS. 1969–1976. Vol. E–14. Telegram 5604 From the Embassy in the Federal Republic of Germany to the Department of State URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve14p2/d134> (дата обращения: 11.09.2021.)

References

1. Fackenheim, E. (1970) *God's Presence in History: Jewish Affirmations and Philosophical Reflections*. New York: New York University Press.
2. USA. (1965) *Atomic Energy Act of 1946*. Vol. I. Washington, DC: Atomic Energy Commission.
3. MAGATE. (1953) *Rech' prezidenta Soedinennykh Shtatov g-na Duayta D. Eyzenkhauera na zasedanii General'noy Assamblei OON 8 dekabrya 1953 goda* [Speech of the President of the United States, Mr. Dwight D. Eisenhower, at the meeting of the UN General Assembly on December 8, 1953]. [Online] Available from: <https://www.un.org/ru/ga/iaea/eisenhower-2.htm> (Accessed: 11th September 2021.)
4. USA. (1955–1957) *US Foreign Relations*. Vol. 4. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v04/d204> (Accessed: 11th September 2021).
5. Lekarenko, O.G. (2019) The establishment of Euratom and the problem of nuclear safeguards. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 449. pp. 149–155. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/449/18
6. USA. (1958–1960) *US Foreign Relations*. Vol. 7(1). [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v07p1/d264> (Accessed: 11th September 2021).
7. Lekarenko, O.G. (2015) The problem of sharing nuclear responsibility in NATO during the presidency of Lyndon Johnson. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 401. pp. 108–116. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/401/17
8. Colman, J. (2010) *The Foreign Policy of Lyndon B. Johnson: The United States and the World, 1963–1969*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
9. UNO. (1968) *Dogovor o nerastrostraneni yadernogo oruzhiya : odobren rezolyutsiey 2373 (XXII) General'noy Assamblei OON ot 12 iyunya 1968 g.* [Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons: approved by UN General Assembly Resolution 2373 (XXII) of June 12, 1968]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (Accessed: 11th September 2021)

10. Lawrence, D.F. & Jeffrey, M. (2019) *The Evolution of Nuclear Strategy*. London: Palgrave Macmillan.
11. Nichter, L.A. (2015) *Richard Nixon and Europe the Reshaping of the Postwar Atlantic World*. New York: Cambridge University Press.
12. Chebanyan, R.A. (2017) Khel'sinkskiy zaklyuchitel'nyy akt 1975 goda: prichiny podpisaniya i posledstviya [Helsinki Final Act 1975: reasons for signing and consequences]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Socio-Educational Idea*. 9(3/2). pp. 90–94. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-3/2-90-94
13. USA. (1969–1976a) *US Foreign Relations*. Vol. XLI. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v41/d86> (Accessed: 11th September 2021).
14. Woodrow Wilson International Center for Scholars (WWICS). (1962) *Memorandum from Robert S. McNamara to the President, "Answers to Eight Questions re: European Nuclear Matters"*, 16 June 1962. [Online] Available from: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/145151> (Accessed: 12th October 2021).
15. Gill, D.J. (2014) *Britain and the Bomb: Nuclear Diplomacy, 1964–1970*. Stanford: Stanford University Press.
16. USA. (1969–1972a) *US Foreign Relations*. Vol. XL. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v40/d39> (Accessed: 11th September 2021).
17. UK. (1968) *Debate in UK Parliament in 14 February, 1968*. [Online] Available from: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1968/feb/14/europe-british-forces> (Accessed: 11th September 2021).
18. National Security Archive. (n.d.) U.S. Intelligence and the French Nuclear Weapons Program. *Briefing Book*. 184. [Online] Available from: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB184/index.htm> (Accessed: 11th September 2021).
19. USA. (1969–1972b) *US Foreign Relations*. Vol. XLI. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v41/d86> (Accessed: 11th September 2021).
20. Woodrow Wilson International Center for Scholars (WWICS). (n.d.) *Ministry of foreign affairs note, "French military nuclear policy and its consequences for the European unification."* [Online] Available from: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/145151> (Accessed: 12th October 2021).
21. Ullman, R.H. (1989) The Covert French Connection. *Foreign Policy*. 75. pp. 3–33.
22. Cameron, J. & Rabinowitz, O. (2017) Eight Lost Years? Nixon, Ford, Kissinger and the Non-Proliferation Regime, 1969–1977. *Journal of Strategic Studies*. 40(6). pp. 839–866.
23. Bange, O. (2007) NATO and the Non-Proliferation Treaty: Triangulations between Bonn, Washington and Moscow. In: Wenger, A., Nünlist, C. & Locher, A. (eds) *Transforming NATO in the Cold War – Challenges Beyond Deterrence in the 1960's*. London: Routledge. pp. 162–180.
24. WWICS Digital Archive, International History Declassified. (n.d.) *Research Memorandum Reu-13 From Thomas L. Hughes To The Secretary, "Reasons For West German Opposition To The Non-Proliferation Treaty."* [Online] Available from: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/134069> (Accessed: 11th September 2021).
25. WWICS Digital Archive, International History Declassified. (n.d.) *US Embassy To West Germany, Memorandum, "German Attitudes On Nuclear Defense Questions."* [Online] Available from: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/177779> (Accessed: 11th September 2021).
26. USA. (1969–1976b) *US Foreign Relations*. Vol. E–2. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve02/d18> (Accessed: 11th September 2021).
27. Germany. (1971) *Weißbuch 1971/1972 zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Entwicklung der Bundeswehr*. Deutscher Bundestag, Bonn, den 7. Dezember 1971.
28. Heuser, B. & Stoddart, K. (2017) Difficult Europeans: NATO and Tactical/Non-strategic Nuclear Weapons in the Cold War. *Diplomacy & Statecraft*. 28(3). pp. 454–476.
29. Gray, W.G. (2009) Abstinence and Ostpolitik: Brandt's Government and the Nuclear Question. In: Fink, C. & Schefel, B. (eds) *Ostpolitik, 1969–1974: European and Global Responses*. New York: Cambridge University Press. pp. 244–268.
30. USA. (1964–1968) *US Foreign Relations*. Vol. XI. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v11/d180> (Accessed: 11th September 2021).
31. Falin, V.M. (2016) *Bez skidok na obstoyatel'stva : politicheskie vospominaniya* [Without Allowance for Circumstances: Political Memoirs]. Moscow: Tsentrpoligraf.
32. USA. (1969–1976c) *US Foreign Relations*. Vol. E–2. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve02/d42> (Accessed: 11th September 2021).
33. National Security Archive. (n.d.) *Memorandum of Conversation "US-FRG Consultations on NPT" 30 October 1969*. [Online] Available from: <https://nsarchive.gwu.edu/document/16472-document-38-memorandum-conversation-us-frg> (Accessed: 12th September 2021).
34. Willy Brandt Online Biografie. (1968) *Speech at the Conference of non-nuclear nations in Geneva, 3 September 1968*. [Online] Available from: <https://www.willy-brandt-biography.com/historical-sources/significant-speeches/speech-conference-of-non-nuclear-nations-1968/> (Accessed: 12th September 2021).
35. USA. (1969–1976d) *US Foreign Relations*. Vol. E–14. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve14p2/d57> (Accessed: 11th September 2021).
36. Nuti, L. (2017) Italy as a Hedging State? The Problematic Ratification of the Non-Proliferation Treaty. *EUT Edizioni Università di Trieste*. 25. pp. 119–139.
37. USA. (1969–1976e) *US Foreign Relations*. Vol. E–14. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve14p2/d134> (Accessed: 11th September 2021).

Сведения об авторе:

Тодыков Егор Сергеевич – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: egor.todykov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Todykov Egor S. – postgraduate student of the Department of Modern, Modern History and International Relations of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: egor.todykov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 15.12.2021; accepted for publication 11.11.2022

Научная статья
УДК 94(510).093
doi: 10.17223/19988613/80/16

Интернационализация высшего образования в Китае

Дарья Дмитриевна Трифонова¹, Елена Юрьевна Лицарева²

^{1,2} Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ daryatrfnv@gmail.com

² elits2011@mail.ru

Аннотация. Анализируются основные процессы, происходящие в системе высшего образования в Китае. Рассмотрены причины интернационализации, складывание нормативно-правовой базы, а также основные направления интернационализации высшего образования. Активная мобильность студентов и развитие системы языковых центров характеризуют политику «мягкой силы» Китая. Выделены основные проблемы, решение которых будет способствовать повышению качества и престижа китайского высшего образования.

Ключевые слова: Китай, высшее образование, академическая мобильность, мягкая сила

Для цитирования: Трифонова Д.Д. Интернационализация высшего образования в Китае // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 140–144. doi: 10.17223/19988613/80/16

Original article

Internationalization of higher education in China

Darya D. Trifonova¹, Elena Yu. Lizareva²

^{1,2} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ daryatrfnv@gmail.com

² elits2011@mail.ru

Abstract. This article observes the process of internationalization of Chinese higher education system since the end of The Cultural revolution policy in 1976. During this period China had poor potential in the sphere of education and culture, which stimulated the following reforms. With the beginning of “reform and opening-up” policy the PRC entered the new era of educational development. Since 1978 the leadership stimulated sending Chinese students abroad to get qualified education and implement it to China in the future. Economic modernization, entering the World Trade Organization and the so-called “985” and “211” projects propelled joining the world best universities rankings. The process of higher education internationalization has taken several forms such as mobility of students and scientists, sending Chinese students abroad, development of transnational educational programs and language centers, the system of double diplomas and so on. The most widespread is the mobility of students. Nowadays China is the world leader in the number of students studying abroad. The number of foreign students in China is growing as well through the development of Confucius Institutes around the world. The most appealing branches of study are Chinese language, medicine and management. Another direction of internationalization is the development of transnational educational programs, extension of remote education and online-courses by world leading universities. English speaking courses and bilingual educational materials are being implemented gradually. However, there are many problems that need to be solved to make Chinese higher education system competitive and qualitative. For example, there is the unevenness of internationalization. Though some universities are world famous and fully developed, the majority of all institutes are behind this process. To add, the lack of financing is another problem, which causes the slow inflow of foreign students to China. On the whole, Chinese educational services do not satisfy international quality standards. Probably the most important problem is “brain-drain”. Most of those who went abroad do not return to China. They find better work and education conditions or emigrate to countries with better living standards. So, the best specialists stay outside the country. Another thing to mention is that Chinese government appreciates the effectiveness of higher institutions functioning, seeks to quantitative indicators, ignoring the improvement of quality. Internationalization has become an important instrument of Chinese foreign affairs as it is the major element of Chinese “soft power”. The PRC escalates its presence in the Pacific Rim, Russia and on African continent. The development of Confucius Institute net plays a significant role as its activity increases an interest to Chinese language, history and culture. Nevertheless, despite some challenges, there are all marks that China has a huge potential in the progress of internationalization of higher education. Chinese government is interested in escalation of this process, the number of investments from developed countries is growing, and the pace

of Chinese economy development has no analogues in the world. All those factors confirm that soon China can reach leading positions in terms of these issues.

Keywords: China, higher education, academic mobility, «soft power»

For citation: Trifonova, D.D., Lizareva, E.Yu. (2022) Internationalization of higher education in China. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 140–144. doi: 10.17223/19988613/80/16

XXI век стал веком глобализации, повсеместно охватившей все сферы человеческой жизни. Наряду с развитием более тесных международных экономических связей, на фоне научно-технического прогресса ни одна страна не может развивать систему образования в изоляции от мировых образовательных трендов.

Интернационализация образования включает такие явления, как мобильность студентов и преподавателей, интернационализация учебных планов и программ, проведение совместных научных исследований, создание международных вузовских сетей, экспорт образовательных услуг. Другими словами, это процесс, когда цели, функции и организация образовательных услуг принимают международное измерение.

В своей внешней политике многие государства уделяют огромное внимание экспорту образования и стимулированию мобильности студентов. Китай оказался не исключением. Установки, принятые Китайской Народной Республикой с началом проведения политики «открытости», стали важной вехой в реформировании системы образования. В первую очередь преследовались экономические цели: высококвалифицированные специалисты, подготовленные в рамках новой системы образования, впоследствии должны были работать на реализацию новой экономической концепции Китая, претворяя в жизнь принципы модернизации экономики.

С 1966 по 1976 г. по инициативе Мао Цзэдуна в Китае проводилась так называемая «культурная революция». Это была политическая и идеологическая кампания, направленная на устранение наиболее прогрессивно мыслящей политической и культурной элиты с целью борьбы с оппозицией. Как результат к концу 1970-х гг. Китай имел крайне скудный потенциал в области образования и культуры. Лучшие кадры были репрессированы или эмигрировали за рубеж, а отсутствие реформ в этой сфере привело к отсталости китайского образования. На смену интеллигенции с высшим образованием в систему китайского народного образования пришли работать низко-квалифицированные специалисты, что значительно сказалось на качестве этой системы.

Начало процесса интернационализации высшего образования в Китае, как и вовлечение в процессы глобализации, совпало с началом эпохи реформ Дэн Сяопина. Развитие качественного образования в Китае соответствовало целям и задачам, выдвинутым правительством страны в 1978 г. Неотъемлемой частью новой стратегии, провозглашенной Дэн Сяопином, была политика «открытости» Китая для всего остального мира. Причем «открытость» провозглашалась не только в сфере экономики, но и в сферах науки, образования и культуры.

Вступление Китая во Всемирную торговую организацию в ноябре 2011 г. стало важной причиной интернационализации высшего образования, так как КНР становилась частью глобальной экономики, официально присоединившись к процессам глобализации, которые затрагивали и сферу образования. В качестве члена ВТО интерес к Китаю стали проявлять иностранные инвесторы, заинтересованные в развитии системы университетов. Также был дан импульс развитию совместных образовательных программ с иностранными университетами. Китай вынужден был ориентироваться на международные стандарты в сфере образования, следовать требованиям интернационализации высшего образования и конкурировать за привлечение иностранных студентов. Одним из основных направлений реформирования системы высшего образования современного Китая стала ориентация на западные модели образования и глобализацию образовательного процесса, включая открытие границы для выезда китайских студентов с целью получения образования или проведения научных исследований в других странах.

Китайское правительство ставило одной из своих целей повышение конкурентоспособности университетов Китая для того, чтобы выйти на равные позиции с ведущими мировыми вузами. Для достижения этой цели были приняты проекты 985 и 211. Проект 211 был провозглашен в 1995 г. Министерством образования Китая. Около ста ведущих университетов страны были отобраны для финансирования Правительством с целью подготовки ведущих кадров для осуществления национальных программ в социальной и экономической сферах [1]. Проект 985, утвержденный в 1998 г., подразумевал выведение 39 ведущих университетов Китая на мировой уровень посредством особого финансирования [2].

Процесс интернационализации высшего образования в Китайской Народной Республике принял несколько форм:

- отправка китайских студентов за рубеж;
- привлечение иностранных студентов, преподавателей, профессоров;
- привлечение иностранных специалистов в научно-технической сфере;
- развитие совместных образовательных программ с иностранными университетами;
- система двойных дипломов;
- введение английских учебников и билингвальных программ обучения;
- открытие языковых центров по всему миру и др.

Самая распространенная форма интернационализации высшего образования в Китае, как и во многих странах, – это мобильность студентов. Она подразуме-

вает выезд студентов за границу для получения образования в зарубежных вузах. Стоит отметить, что Дэн Сяопин, начиная проводить в жизнь эту политику, наметил основные направления, по которым студенты должны были получать специальности в зарубежных университетах. Упор делался на естественные науки, такие как машиностроение, вычислительная техника, медицина, биология, математика и физика [3. Р. 11]. На сегодняшний день Китай является мировым лидером по числу студентов, обучающихся за рубежом. В 2000/2001 академическом году примерно 120 тыс. китайских студентов были приняты в зарубежные университеты. А к 2013 г. количество китайских студентов за рубежом выросло уже до 380 тыс. [4. Р. 174].

Успехи Китая в экономической сфере, а также повышение интереса к китайскому языку, культуре и истории благодаря деятельности широкой сети Институтов Конфуция по всему миру обусловили повышение интереса иностранных студентов к обучению в КНР. Как результат, число иностранных студентов в КНР стремительно растет. В 2009 г. их было 230 тыс. [5]. Большинство иностранных студентов – из Южной Кореи, Японии, США, Вьетнама, Таиланда и России. Наибольшей популярностью пользуются специальности, связанные с китайским языком, медициной и менеджментом.

Стоит отметить интересную тенденцию роста числа африканских студентов в Китае. Ни для кого не секрет, что расширение влияния Китая в Африке является проявлением «мягкой силы». Не обошел этот процесс и сферу образования. Помимо экономической помощи КНР обеспечивает континент широкой системой стипендий и грантов, развивает сеть Институтов Конфуция. За последние 10 лет численность африканских студентов в Китае удвоилась. В 2015 г. это число составило 41 677 человек (рост 24,93% за год) [6].

Развитие транснациональных образовательных программ с иностранными университетами также является необходимым направлением в процессе интернационализации высшего образования. Формы данных программ включают совместные программы, систему двойных дипломов, открытие филиалов университетов за рубежом, онлайн-обучение и дистанционные образовательные программы.

Стоит отметить, что современная система образования Китая начала формироваться сравнительно недавно, во второй половине 1980-х гг. И хотя темпы ее развития и будущие перспективы являются самыми впечатляющими среди всех азиатских стран, сохраняется множество проблем и трудностей, которые еще предстоит преодолеть китайскому руководству.

К примеру, одной из важных проблем является неравномерность процесса интернационализации высшего образования. Несомненно, некоторые вузы добились впечатляющих успехов. Они получают финансирование, активно участвуют в процессе интернационализации и попадают в рейтинги лучших мировых университетов. Но это лишь небольшая часть учебных заведений, тогда как большинство из них выпадает из этого процесса. Существует два основных центра притяжения иностранных студентов – Пекин и Шанхай. В целом на города

центрального подчинения Китая приходится более половины всех прибывших в КНР студентов [7].

Большинство менее известных университетов Китайской Народной Республики сталкивается с проблемой недостатка финансирования, что сказывается на качестве образовательных услуг, не соответствующих мировым стандартам. Вследствие этого приток иностранных студентов очень незначителен, а средств для привлечения зарубежных специалистов не хватает.

Пока в КНР не действуют международные стандарты оценки качества обучения, и оно не соответствует этим стандартам. Всего 10% выпускников вузов обладают навыками, позволяющими работать на иностранных предприятиях (для сравнения: в Индии – 25%). Из 600 тыс. инженеров, которых готовят вузы КНР каждый год, лишь 16 тыс. владеют достаточными техническими и языковыми навыками для работы в иностранных компаниях [Там же].

Другая проблема порождена негативными сторонами процесса глобализации. Политика «открытости» Китая для зарубежных стран и стимулирование мобильности студентов и преподавателей стали причиной такого феномена, как «утечка мозгов». Более качественные условия обучения, труда и жизни обусловили привлекательность стран Запада для китайских студентов и специалистов. К важнейшим стимулам мобильности учащихся из КНР относятся поощрительный курс правительства страны, высокая оценка китайской молодежью уровня образования в развитых странах и растущее благосостояние среднего класса в Китае.

Как следствие, процент возвратившихся из-за рубежа студентов на 2012 г. составил не более 40% [8. С. 136]. Вдобавок нужно учитывать качественную составляющую вернувшихся из-за рубежа специалистов. Это, как правило, те, кто не смог найти высокооплачиваемую работу за рубежом из-за недостатка квалификации. В результате лучшие кадры – достояние китайской нации – остаются за пределами Китая.

Некоторые исследователи также отмечают несовершенство курса китайского правительства в отношении образовательной политики. В КНР существует такой феномен, как коммерциализация образования, т.е. приоритет повышения эффективности функционирования вузов, а не качества образовательных услуг. Университеты стремятся достичь высоких количественных показателей, не уделяя внимания процессу реализации учебных программ на должном уровне.

Другая проблема касается привлечения иностранных вузов к совместной деятельности на территории Китая. Несмотря на рост числа совместных образовательных программ с зарубежными университетами, присутствие мировых образовательных брендов оставляет желать лучшего. Большинство программ осуществляется с менее известными университетами, а на программы с ведущими вузами мира приходится лишь малая доля.

Более того, в Китае существует запрет на открытие филиалов зарубежных университетов, что также тормозит процесс интернационализации. В 2003 г. Госсовет КНР издал Положения о создании совместных учебных заведений в КНР [9. С. 33], в соответствии с которыми поощрялось создание совместных образо-

вательных программ, но наложен запрет на создание иностранными организациями учебных заведений на территории КНР в одностороннем порядке.

Инструмент «мягкой силы» является важным механизмом внешней политики Китайской Народной Республики. Осуществление этой политики происходит различными путями: через средства коммуникации, экономическое сотрудничество, Интернет, посредством проведения крупномасштабных мероприятий. В условиях глобализации и интернационализации высшего образования важной составляющей осуществления «мягкой силы» становится образовательный элемент. Этот процесс осуществляется через студенческие обмены, проведение международных конференций, подготовку квалифицированных специалистов.

Один из главных способов осуществления «мягкой силы» КНР – развитие сети Институтов Конфуция. Они являются некоммерческими организациями, поощряемыми Министерством образования КНР. Главной их целью стало распространение китайского языка и культуры, а также стимулирование культурных обменов. Первый Институт был открыт в столице Республики Корея Сеуле в 2001 г. С тех пор они набирают популярность по всему миру. К 2012 г. было открыто уже более 200 Институтов в 108 странах. Самая большая концентрация организаций – в США, России и Южной Корее. На сегодняшний день по всему миру существует уже более 480 Институтов Конфуция, действующих на шести континентах. Правительство КНР планировало увеличить эту цифру до тысячи к 2020 г. [10].

Россия в первую очередь попадает под влияние китайской «мягкой силы». С 2008 г. образовательная политика КНР в отношении России заметно изменилась, государство взяло под контроль основные линии образовательного сотрудничества, прежде всего с тем, чтобы через российскую образовательную среду получить рычаги значительно большего влияния на Россию в целом. Наиболее массированное образовательное воздействие на Россию со стороны КНР происходит с 2010 г., когда на территории РФ начинает активно создаваться сеть Институтов Конфуция. На сегодняшний день Россия занимает первое место в Европе и одно из первых мест в мире по числу Институтов Конфуция.

Новая внешнеполитическая стратегия Китая проявляется и в регионе Юго-Восточной Азии. В августе

2015 г. правительство КНР организовало 8-ю Неделю Образования и Сотрудничества в рамках АСЕАН [11]. Это мероприятие направлено на укрепление образовательных связей с торговым блоком АСЕАН. По заявлению Индонезийской газеты Jakarta Post, число обменов между Китаем и странами АСЕАН растет с каждым днем, число студентов ЮВА в Китае уже превышает 180 тыс. [Ibid.].

Наглядным примером осуществления политики «мягкой силы» является культурное взаимодействие между Китаем и Африкой. В 2005 г. в ЮАР был открыт Институт Конфуция, который Китай активно финансирует. Только в 2008 г. около 200 млн юаней было выделено Китаем в ЮАР для развития программ образования, аккредитованных при центрах Института Конфуция [12].

Несмотря на все недостатки и проблемы в развитии китайской системы образования, результаты, которых удалось достичь за последние три с лишним десятилетия, не могут не впечатлять. Правительство Китайской Народной Республики заинтересовано в развитии направлений интернационализации и принимает различные меры для совершенствования этого процесса. В рамках задач экономического развития Китая на правительственном уровне неоднократно подчеркивалась важность повышения качества образовательных услуг. Более того, темпы увеличения контингента иностранных студентов в Китае не имеют аналогов в мире, и эта тенденция продолжается. Такие страны, как США, Япония, Республика Корея и Россия, заинтересованы в расширении сотрудничества в сфере образования, что привлекает инвестиции и квалифицированных специалистов, развивая китайскую экономику.

В начале XXI в. система образования КНР претерпела качественные изменения, и одной из главных задач стало расширение геополитического влияния Китая в мире. Для наиболее интенсивного развития собственной экономики Китай стремится к расширению пределов влияния на все большее количество территорий, и международное образование стало одним из путей подобной политики. Экспорт и импорт образовательных услуг стали неотъемлемым инструментом распространения влияния КНР по всему миру.

Таким образом, с уверенностью можно сказать, что процесс интернационализации высшего образования в Китае лишь набирает обороты, и в скором времени он может выйти на лидирующие позиции в этой сфере.

Список источников

1. 211工程简介 («Проект 211». Введение). URL: http://www.moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_846/200804/33122.html
2. 江泽民在庆祝北京大学建校一百周年大会上的讲话 (Речь Цзянь Цземиня по случаю 100-летия основания Пекинского университета). URL: http://www.moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_177/200407/2475.html
3. Li H. Returned Students and Political Change in China // Asian Perspective. 2006. Vol. 30 (2). P. 5–29. URL: http://scholarworks.merrimack.edu/pol_facpub/6
4. Ma Wan-hua. Globalization and paradigm change in higher education: The experience of China // Changing Education : Leadership, Innovation and Development in a Globalizing Asia Pacific / P.D. Hershock, M. Mason, J.N. Hawkins (eds.). Hong Kong : Comparative Education Research Centre, The University of Hong Kong, 2007. P. 163–182.
5. Прохоров А.В. Интернационализация высшего образования в странах Азии // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7-8. С. 221–224.
6. Краснова Г.А. Великий китайский поход за иностранными студентами // Независимая газета. 2015. 28 окт. URL: http://www.ng.ru/nauka/2015-10-28/11_china.htm (дата обращения: 20.05.2017).
7. Арефьев А.Л. Российские студенты в китайских вузах // Демоскоп weekly. 2010. № 441-442. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit03.php> (дата обращения: 20.05.2017).

8. Шведова И.А. Интернационализация высшего образования в Китае // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 132–138.
9. Интернационализация российских вузов: китайский вектор / Н.Е. Бореvская и др.; гл. ред. И.С. Иванов; Рос. совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013. 72 с.
10. Confucius Institutes Worldwide // UCLA Confucius Institutes. URL: www.confucius.ucla.edu/about-us/confucius-institutes-worldwide
11. Education and the exercise of soft power in China // Icef Monitor. 2016. 13 Jan. URL: <http://monitor.icef.com/2016/01/education-and-the-exercise-of-soft-power-in-china/>
12. Госканцелярия КНР по преподаванию китайского языка за рубежом (Ханьбань). 2014. URL: <http://www.hanban.edu.cn/>

References

1. China. (n.d.) *Gōngchéng” jiǎnjiè* [“Proekt 211”. Vvedenie]. [Online] Available from: http://www.moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_846/200804/33122.html
2. Jiang Zemin. (n.d.) *Jiāngzémín zài qīngzhù běijīng dàxué jiàn xiào yībǎi zhōunián dàhuì shàng de jiǎnghuà* [Speech by Jiang Zemin at the Celebration of the Centennial of Peking University]. [Online] Available from: http://www.moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_177/200407/2475.html
3. Li, H. (2006) Returned Students and Political Change in China. *Asian Perspective*. 30(2). pp. 5–29. [Online] Available from: http://scholarworks.merrimack.edu/pol_facpub/6
4. Ma Wan-hua. (2007) Globalization and paradigm change in higher education: The experience of China. In: Herschok, P.D., Mason, M. & Hawkins, J.N. (eds) *Changing Education: Leadership, Innovation and Development in a Globalizing Asia Pacific*. Hong Kong: Comparative Education Research Centre, The University of Hong Kong. pp. 163–182.
5. Prokhorov, A.V. (2012) Higher education internationalization in Asian countries. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy – Social-Economic Phenomena and Processes*. 7-8. pp. 221–224.
6. Krasnova, G.A. (2015) Velikiy kitayskiy pokhod za inostrannymi studentami [The Great Chinese Campaign for Foreign Students]. *Nezavisimaya gazeta*. 28th October. [Online] Available from: http://www.ng.ru/nauka/2015-10-28/11_china.htm (Accessed: 20th May 2017).
7. Arefiev, A.L. (2010) Rossiyskie studenty v kitayskikh vuzakh [Russian students in Chinese universities]. *Demoskop weekly*. 441-442. [Online] Available from: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit03.php> (Accessed: 20.05.2017).
8. Shvedova, I.A. (2013) The process of internationalization of higher education in China. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(21). pp. 132–138.
9. Borevskaya, N.E. et al. (2013) *Internatsionalizatsiya rossiyskikh vuzov: kitayskiy vektor* [Internationalization of Russian universities: The Chinese vector]. Moscow: Spetskniga.
10. *Confucius Institutes Worldwide*. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.confucius.ucla.edu/about-us/confucius-institutes-worldwide>
11. *Icef Monitor*. (2016) Education and the exercise of soft power in China. 13th January. [Online] Available from: <http://monitor.icef.com/2016/01/education-and-the-exercise-of-soft-power-in-china/>
12. China. (2014) *Goskantselyariya KNR po prepodavaniyu kitayskogo yazyka za rubezhom (Khan'ban')* [State Chancellery of the People's Republic of China for teaching Chinese abroad (Hanban)]. [Online] Available from: <http://www.hanban.edu.cn/>

Сведения об авторах:

Трифонов Дарья Дмитриевна – студент факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: daryatrfnv@gmail.com

Литарева Елена Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики исторического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: elits2011@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Trifonova Darya D. – student of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: daryatrfnv@gmail.com

Litsareva Elena Yu. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World Politics of the Faculty of History. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elits2011@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2018; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 15.02.2018; accepted for publication 11.11.2022

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья

УДК 94(47).043+303.44]6.4(44)+930[Левек

doi: 10.17223/19988613/80/17

Письменные источники о Московии второй половины XVI в. во французской Россике: исторический взгляд П.-Ш. Левека

Элеонора Валерьевна Мельник

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, ilichev851@rambler.ru*

Аннотация. Представлен анализ источников, использованных французским исследователем П.-Ш. Левеком при создании его «Российской истории». Особое внимание уделено осмыслению взглядов Левека на политическую деятельность Ивана IV, а также изучению французским автором ключевых источников эпохи: летописей, историко-географических описаний, эпистолярной литературы. Левек стал первым из французских историков XVIII в., кто попытался критически оценить эпоху, объективно взглянуть на личность российского самодержца XVI в.

Ключевые слова: Иван IV, П.-Ш. Левек, XVI век, Московия, Россия, Просвещение, XVIII век

Для цитирования: Мельник Э.В. Письменные источники о Московии второй половины XVI в. во французской Россике: исторический взгляд П.-Ш. Левека // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 145–151. doi: 10.17223/19988613/80/17

Original article

Written sources about Moscovia of the second half of the XVI century in French Rossica: the historical view of P.-Ch. Levesque

Eleonora V. Melnik

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation, ilichev851@rambler.ru*

Abstract. As the purpose of the study in this article, the author formulated the question – what is the source base of the third volume of «Russian History» of P.-Ch. Levesque, with a description of the era of the reign of Ivan IV the Terrible? The indicated question accompanies the discovery: a reflection of the political views of the French scientist in considering the socio-political development of Russia during the reign of Ivan IV. In general, the search field consists in the reconstruction and analysis of historical sources as guides, revealing the main circumstances of life, the political activities of the monarch and society, the embodiment of the monarchical will in the political processes of the second half of the 16th century in Russia. The methodological basis of the study is a combination of general scientific and special historical methods of scientific research. The study was based on the principles of scientific objectivity and historicism. The methods used were chronological, comparative historical, historical systemic and biographical. The third volume of «Russian history» of P.-Ch. Levesque was translated into Russian and introduced into scientific circulation for the first time. Historical sources for research were chronicles, legislative acts, historical-geographical descriptions, epistolary literature, which is reflected in a special issue The explanatory catalogue of the main works, which served the writing of "Russian history" with the description of each of the submitted manuscripts. In the result of the research the author came to the following conclusions: despite the finding of exceptional rigidity in implementing the «autocrat on the throne» policy, entailing numerous sacrifices by the «political line» to strengthen personal power, in general, P.-Ch. Levesque has an objective assessment of the activities of the Russian sovereign. Among the additional advantages and distinguishing points from the works that appear before and after Levesque's «History» is the desire of the French author to dispel

stereotypical ideas about the figure of Ivan IV. The French historian recognizes in Ivan Vasilievich an extraordinary statesman, an extremely controversial personality. Throughout the entire historical analysis, the Russian Tsar appears on the pages of «Russian History» as a «colorful» figure and ambiguous for the perception of both contemporaries and descendants.

Keywords: Ivan IV, P.-Ch. Levesque, XVI century, Moscovia, Russia, Enlightenment, XVIII century

For citation: Melnik, E.V. (2022) Written sources about Muscovy of the second half of the XVI century in French Russika: the Historical View of P.-S. Leveque. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 145–151. doi: 10.17223/19988613/80/17

Изучение культурного влияния Франции на Россию во второй половине XVIII в. – особенная историческая область, которая имеет свой собственный круг проблем, свою историографию. Несмотря на то, что деятельность некоторых французов в России была хорошо изучена, а других до недавнего времени находилась в тени, и теми и другими был внесен существенный вклад в дело европеизации русского общества.

С 1782 г. в ряд выдающихся историко-философских трудов, оказавших значительное влияние на формирование образа России в глазах европейского прогрессивного читателя, встала и «Российская история» Пьера-Шарля Левека (1735–1812). В славной плеяде ученых, оставивших яркий след в изучении истории России в эпоху Просвещения, имя известнейшего французского историка XVIII – начала XIX в., переводчика, литератора, философа, знатока античности и изящных искусств, кавалера ордена Почетного легиона и члена Академии надписей и изящной словесности П.-Ш. Левека занимает значимое положение.

Ввиду ряда объективных причин¹ [1. С. 13–14] только с недавнего времени исследовательским сообществом стали осуществляться первые попытки объективной оценки вклада французского ученого-историка в российскую историографию [2]. Работ, проливающих свет на научную деятельность П.-Ш. Левека, написано немного, освещающих его биографию – еще меньше. Причина тому – пристрастное отношение к творчеству Левека, характерное для трудов российских ученых конца XVIII в. Одним из первых авторов, в чьем труде находим обращение к труду Левека с критических позиций, стал И.Н. Болтин [3]. Лишь в 1802 г., на контрасте, положительный отзыв об «Истории» Левека поместил в своем журнале литературный критик Я.А. Галинковский [4. Ч. 1. С. 133–134]. Далее последовали авторитетные высказывания К.Н. Бестужева-Рюмина о серьезности и небезынтересности сюжета [5. Т. 1. С. 205] и признание В.А. Бильбасова [6. Ч. 1. С. 280], что «это – первая законченная история о России, увидевшая свет в Европе».

В XX в. единичные статьи А. Мазона [7], С.Н. Валка [8] и В. Сомова [9], а также брошюра под названием «Биографическое эссе», написанное потомком Левека К. де Петиньи, характеризовали основные вехи жизни и творчества историка. Отдельные стороны научной деятельности Левека затрагивались в работах Д.Н. Шанского [10, 11], С.А. Мезина [12, 13], которые показали, что рассматриваемая проблематика принадлежит к просветительской историографической традиции.

На страницах «Российской истории» впервые прошлое нашей страны излагалось всеобъемлюще, от ва-

ряжского призвания до царствования Екатерины Великой. Следует помнить, что до появления знаменитого сочинения Н.М. Карамзина произведение Левека было единственным систематизированным и полным сочинением по русской истории. Опыт изучения древних языков позволил Левеку быстро овладеть русским и древнеславянским языками и в полной мере воспользоваться достижениями русской историографии.

Можно представить всю сложность положения французского историка XVIII в., который задался целью погрузиться во тьму веков истории Древней и Средневековой Руси. Приступая к работе, П.-Ш. Левек понимал, что на Западе о русской истории царят самые нелепые представления [14. Р. 55]. Для того чтобы их развеять, нужно было создать труд, содержащий аутентичные материалы и суждения, дающие толчок изучению этой истории на Западе. Главной задачей для Левека стало самостоятельное изучение важнейших источников по русской истории.

Одним из ключевых периодов, скорректировавших всю последующую историю России, явилось, по мнению Левека, время правления Ивана IV Грозного. Критичный в своих выводах, П.-Ш. Левек постарался привлечь обширный комплекс источников, чтобы представить читателям личность Ивана IV и его деятельность во всей их сложности и неоднозначности² [15. Р. 330–346].

Представленный читателям в первом томе «Российской истории» «Толковый каталог» [Ibid.] не снимает трудностей в изучении источниковой базы труда французского исследователя. Сложности прежде всего сопряжены с отсутствием полноценных (в современном понимании) ссылок на источники и авторские произведения. Наличие кратких записей на полях (имени автора или только приблизительного названия сочинения) лишь «пунктиром» указывает путь, по которому двигался историк при написании «Российской истории». Но даже из этих скромных данных и самого текста «Российской истории» явственно видно, что Левек привлекал для работы широкий круг источников, оказывал при этом явное предпочтение древнерусским летописям и сочинениям: «Летописи Несторовой», «Никоновскому» летописцу, «Степенной книге», «Царственному летописцу», «Царственной книге» и др., в то же время, активно используя исторические труды на русском языке.

Одним из первостепенных источников Левека³ [Ibid. Р. 331] являлась «Книга Степенная» [16]. Авторство рукописи Левек приписывал митрополиту Киприану, чье повествование было «начато в XIV в. <...>», в царствование Дмитрия Донского, и продолжено в XVI в.

митрополитом Макарием во время царя Ивана Васильевича» [15. Р. 331]. Левеку удалось сопоставить уже существовавшие в исторической науке точки зрения об авторстве данного источника и в чем-то предвосхитить развитие исследовательской мысли по данному вопросу⁴.

Давая характеристику «Книге Степенной», Левек признавал, что «...это произведение высоко оценено и по достоинству» [16]. Продолжая характеристику произведения, Левек отмечал: «...однако можно сделать ее авторам ряд справедливых порицаний. Порой недобродушно отстраняли текст старейших хроник, чтоб заменить его на ошибочные и нелепые предания, и зачастую портили произведение чудесными рассказами...» [15. Р. 331–332]. Вероятно, Левека насторожили навязываемые «Книгой Степенной» политические легенды, к примеру представленное в упоминаемом источнике происхождение великого князя Владимира от императора Августа [16. Ч. 1. С. 78]. Левек не упускал возможности сравнить данные «Книги Степенной» с соответствующими страницами первоисточников [14. Р. 98–99].

Нельзя не уделить внимания еще одному ценному источнику, который был использован Левеком, – «Царственной книге» [17]. Такое название дал этому документу, при публикации М.М. Щербатов⁵, собрав и приведя его в порядок⁶.

В качестве источника «Царственная книга» была использована Левеком в описании царствования Ивана IV. Ученые-историки сопоставляли «Царственную книгу» с другими летописными сводами и принимали позицию Щербатова⁷, который утверждал, что она является отрывком большого летописного свода. Эта точка зрения была высказана им в *Предисловии* к публикуемому Царственному летописцу. А.Л. Шлецер во Введении к своей книге «Нестор» [19] писал: «Все эти три рукописи, – имея в виду Царственную книгу, Древний летописец, и Царственный летописец, – судя по наружности, кажется, составляют одно сочинение»⁸.

Первая половина Царственного, а также и первая часть «Древнего Летописца» Д.В. Поленовым и рядом других исследователей менее всего воспринимались как надежный источник. Возможно, этим объясняется довольно редкое привлечение Левеком начальных сведений этих источников к написанию древней Российской истории. Даже заключая в себе ценные сведения, они не могли быть использованы французским историком без привлечения более полных хроник и летописных сводов.

Во второй половине XVIII в. появились различного рода историко-географические описания, сопровождаемые историческими справками и комментариями, к примеру работы П.И. Рычкова «Топография Оренбургская» [21], «Опыт Казанской истории древних и средних веков» и «Введение к Астраханской топографии» [22, 23]. Французский историк понимал важность названных работ наряду с известными в то время трудами С.П. Крашенинникова о Камчатке и Г.Ф. Миллера о Сибири.

«Топографии Оренбургской» нет в *Каталоге* первого издания «Российской истории», однако позднее Левек, ознакомившись с трудами Рычкова подробнее,

активно использовал ее в третьем издании своей «Истории». Левека особо привлекали исторические судьбы коренных и «новопришедших» народов данного региона, а главное, рассмотрение этих народов через призму колонизации юго-восточной окраины государства [14. Р. 298, 24. Р. 220, 286].

Особой оценки Левека удостоился «Опыт Казанской истории древних и средних веков» Рычкова. Именно этот труд, «составленный по примеру хроники, найденной в Казани, но обогащенный автором любопытными изысканиями» [15. Р. 333], был использован французским историком еще в первом издании «Российской истории».

Левек верно подметил использование Рычковым найденной в Казани Хроники, а именно знаменитой «Истории Казанской», «которую сам ввел в научный оборот», где «впервые применил принцип сопоставления летописных списков к многочисленным рукописям «Казанской истории» [25. Ч. 2. С. 287].

В «Опыте Казанской истории древних и средних веков», как и во «Введении к Астраханской топографии», приведены исключительно важные исторические сюжеты, которые использовал впоследствии Левек. Благодаря им историк представлял всю степень угрозы для русского государства, исходившей в тот момент от беспокойных окраинных территорий, и осознавал необходимость походов туда русских войск [14. Р. 298; 24. Р. 286; 26. Р. 57–58]. В конечном итоге Рычков развил мысль о законности притязаний русских государей на земли Средней и Нижней Волги. Обращаясь к истории Казанского и Астраханского ханств, он пишет в мажорных тонах о распространении «побед и самодержавия первых российских государей по Волге» [27. С. 114].

С первых строк своего труда французский автор характеризовал древний период российской истории как время заложения основ российской государственности. Он выстраивал идеальную схему взаимодействия правителя и родовитой знати «в делах великой важности, касающихся общего блага». Под «знатью» в удельный период русской истории Левек имел в виду «не простых сеньоров, как в других частях Европы, а князей рюриковой крови» [14. Р. 136]. Особое место в исследовательской работе Левека занимала переписка царя Ивана с князем Курбским⁹. Можно предположить, что подобное внимание к роли привилегированных родов объясняется влиянием «Российской истории» М. Щербатова, в которой нередко употреблялось словосочетание «совет мудрейших мужей», а также отсылки к «Истории о великом князе Московском» князя Курбского. Левек был уверен, что улаживание межличностных конфликтов, клановых распри, успешное решение внутривластных вопросов периода удельной Руси, которые ставились в заслугу великим князьям, в большей степени происходили с помощью «мудрых советников» [Ibid. Р. 193]. В «Российской истории» Левека полные ссылки на использованные источники иногда заменялись лишь упоминанием имени автора или первым словом названия труда. К сожалению, это относится и к кратким заметкам на полях – «князь Курбский». Имели место и более глу-

хия ссылки: «Что доказано документами, сохраненными в архивах Москвы» [26. Р. 158].

В «Каталоге книг» Левека фигурирует «Описание князя Курбского (история царя Ивана Васильевича, написанная князем Курбским)». Судя по характеристике, данное наименование подразумевало два источника [15. Р. 332–333]: «Историю о великом князе Московском» и переписку князя Курбского с Иваном Грозным. Первым, кто обратил внимание на переписку Курбского и Ивана Грозного, был именно князь М.М. Щербатов¹⁰.

«Историей» Курбского Левек пользовался при воссоздании сюжетов юности Ивана IV и начального периода его царствования [26. Р. 19, 21] (эти сведения, не могли быть почерпнуты из переписки). Вероятно, Левек понимал пропагандистское значение этого труда и обращался к данному источнику лишь для реконструкции тех ситуаций, в которых проявился нрав самодержца. Возможно, французский автор хотел познакомить читателей с формированием характера Ивана Васильевича, в котором уживались две противоположных личности¹¹.

Что касается «Посланий»¹², Левек очень ценил этот источник, характеризуя его как «исключительный рукописный памятник» [15. Р. 333]. Большим плюсом в глазах Левека было то, что сам Курбский – «свидетель большей части деяний, о которых повествует», а его корреспондент – главное действующее лицо изложенных событий. Внимание Левека в этой переписке привлекла и позиция самого царя, «не гнушавшегося отвечать своему корреспонденту и не отрицавшего деяний, которые ему вменялись. В свое оправдание он приводил ответные претензии, опротестовывая описанные сюжеты» [Ibid.]. Прозвучавшая в 80-х гг. XVIII в. острая критика И.Н. Болтина в адрес «Истории Российской» Щербатова и «Истории» Левека приостановила объективное рассмотрение времени правления Ивана IV, которое было отложено в русской историографии вплоть до Н.М. Карамзина.

Карамзин, как и предшествовавшие ему Левек и Щербатов, вместе с «Перепиской» [29. Т. IX. С. 4, 6–11, 42.] активно использовал «Историю» Курбского [29. Т. VII. С. 66, 70, 86–87; Т. VIII. С. –29, 31–32, 38, 43–44, 46; Т. IX. С. 4, 6–11, 42]. Не являясь первооткрывателем означенных источников, он не плутал, как иногда Щербатов, в их известиях. Идя по проторенной дороге, Карамзин стал, таким образом, вторым русским историком, использовавшим те же самые материалы. В этой связи, опровергая Н. Устрялова, можно заключить, что первыми развеять стереотипные представления о фигуре Ивана IV пытались именно Левек и Щербатов¹³.

Можно согласиться с мнением историка А. Филюшкина о том, что «вот уже двести лет, начиная с Н.М. Карамзина, историческая наука смотрит на эпоху Ивана IV через оптику, заданную Курбским...» [30. С. 156]. Карамзина, но не Левека и не Щербатова! Как выразился Филюшкин, князь Курбский «примитивизировал видение русской истории, подогнав ее под искусственную, глубоко идеологизированную схему» и заставил поверить в нее потомков [Там же. С. 9.].

В «Истории» Левека нет строгого разграничения правления Ивана Грозного на две эпохи: Избранной Рады и Опричнины, т.е. схемы русской истории XVI в., которую с небольшими различиями можно встретить во многих трудах, начиная с «Истории» Карамзина. Не было ли в этой упрощенной схеме целенаправленно навязанного читателям взгляда князя Курбского на русскую историю XVI в.? Можно считать более объективным исследование Левека, не принявшего этой схемы, желавшего представить царствование Ивана Грозного более неоднозначным, сложным и интересным.

Левеку импонировали сведения «первого из Польских писателей» – М. Стрыйковского. Кроме того, возможно, Левеком привлекались сведения, почерпнутые из произведения М. Кромера «О начале и истории польского народа» (1555) и из труда польского летописца XV в. Яна Длугоша (1415–1480). На полях первого издания «Российской истории» французский исследователь поставил без уточнений пометку «История Польская» [31. Т. 1. Р. 210]. Интерес к трудам польских историков роднит «Российскую Историю» Левека со «Скифской историей» А.И. Лызлова [32]. О последней Левек оставил характерную запись: «Ею бы чаще пользовались, если бы не было историй Татар Казани и Астрахани, написанных Рычковым» [15. Р. 334].

В «Толковом каталоге» «Российской истории» Левека (1783, 1800) вообще отсутствуют какие-либо четкие сведения о произведениях и авторах польской истории, хотя по пометкам на полях в тех же изданиях видны отдельные ссылки на Стрыйковского и др.

Также среди иностранных источников, использованных Левеком при описании времени правления Ивана IV, фигурировали «Описание Московии» А. Гваньини, «Записки о московитских делах» С. Герберштейна, «Московия» А. Поссевино, труды С. Пуфендорфа, П. Одерборна [15. Р. 338–339], – в основном тех, кто лично побывал в России в правление этого государя. Кроме того, Левек обращался к документальным изданиям («Судебнику» Ивана Грозного). Французский автор подробно ознакомился с «Казанской историей» и «Введением к Астраханской топографии» П.И. Рычкова, привлекал публикации «Древней Российской Вивлиофики» Н.И. Новикова и «Ежемесячные сочинения» Г.Ф. Миллера¹⁴.

Многие из этих сочинений использовались Левеком параллельно со свидетельствами Курбского. Среди них «Описание Московии» А. Гваньини, «автора, сообщавшего подробности бесчинств царя Ивана Васильевича, <...> знакомого с хроникой князя Курбского, из которой перевел некоторые отрывки» [Ibid. Р. 338.]. Гваньини интересовал широкий круг вопросов: введение опричнины, уничтожение политических противников государя, описание русских городов и владений, религиозные обряды, обычаи и нравы жителей. Левек предположил, что автор «смог получить много подробностей от русских, которые рассказывали в Польше о жестокости их правителя, и, возможно, общался с самим князем Курбским» [Ibid.]. Зная это, можно допустить, что Гваньини находился под влиянием суждений Курбского. Иногда Левек, приводя ссылки на полях,

отсылал читателя сразу к обоим авторам, сравнивая их сообщения.

Отдельно французский историк отметил «Записки» Сигизмунда Герберштейна, которые, по его словам, «были качественнее всего, написанного в XVI в. иноземцами о России на латинском языке» [15. Р. 3.]

Среди иностранных памятников резко тенденциозного характера отмечен Левеком труд П. Одерборна «История жизни Ивана Васильевича», о котором было сказано: «...это скорее жестокое выступление против царя, чем история о нем. В произведении царит великий беспорядок, и этот недостаток не был восполнен точностью фактов» [15. Р. 339]

Остается открытым вопрос о первенстве введения в научный оборот переписки князя Курбского, а также ряда иностранных сочинений, таких как «Московское описание» Гваньини и «История» Одерборна. А.А. Зимин оставлял первенство за Карамзиным [33. С. 12], в то время как уже Щербатов (1789), использовавший Курбского, обращался к труду Левека (1782) [34. Ч. II. С. 17, 18, 67, 331], который первым ссылаясь на Гваньини и Одерборна.

Кратко изложив события начального периода правления Ивана IV, Левек более подробно писал о субъективных факторах, которые повлияли на изменение вектора внутренней политики Ивана Грозного и привели к опричному правлению. Французский автор не замыкался на трактовке опричнины как результата действия только психологических факторов, как это позднее отмечалось у Карамзина. Три главные составляющие, по мнению Левека, способствовали появлению опричнины: личные качества царя, влияние его близкого окружения и состояние русского общества того периода [28]. Историк видел в приближенных к царю – опричниках – представителей нового привилегированного слоя, противопоставленного старой аристократии. Именно опричники, по мнению Левека, преподнеса царю версию заговора, которой тот «не преминул воспользоваться», стали «главными виновниками разорения несчастного города (Новгорода. – Э.М.)» [26. Р. 80].

Стремление Ивана Грозного к усилению самодержавной власти рассматривалось французским историком как явление вполне закономерное – неслучайно он, вслед за А. Поссевино, проводил прямую параллель между Иваном IV и Людовиком XI [26. Р. 151]. Подобное сравнение двух монархов позже появится у И.Н. Болтина и Карамзина¹⁵. Левек не концентрировал свое внимание только на одной ипостаси царя-деспота. Французский историк выделял и вторую сторону личности Ивана: законодателя, реформатора [Ibid. Р. 161–162]. К этим умозаключениям французского автора могли привести сведения, взятые из книги Хилкова «Ядро Российской истории» [36. Гл. 3. С. 204].

Левеку казалось невероятным, что «Россия вплоть до XVI в. не имела никакого «законодательного документа» [26. Р. 152]. Поэтому принятие Судебника (1550), несмотря на «все его несовершенство», было

оценено французским историком как значительный шаг вперед, ведь «нация может быть счастливой благодаря хорошим законам...» [Ibid. Р. 153]

По мнению Левека, вопросам внешней политики в царствование Ивана IV могло быть посвящено отдельное сочинение. Следуя рассуждениям французского исследователя, в последние годы правления Грозного царя происходили события, более значительные в историческом плане для судеб России, чем поражение в Ливонской войне. Отдельная глава его «Истории» посвящена открытию дороги в Сибирь¹⁶. Материал для обширной главы Левек смог отобрать из различных трудов: «Описание Сибирского царства» Г.Ф. Миллера, «Сибирская история» Фишера, «Описание земли Камчатской» Г. Стеллера и др. [15. Р. 336, 341, 344–345; 26. Р. 114–150].

В издании «Истории» 1800 г. в разделе «Итоги царствования Ивана Васильевича» французский историк не преминул поместить отдельные критические высказывания о жизни Ивана Грозного, «жестокость которого оттеняла все его дарования и все его значимые достоинства...» [26. Р. 182.] В целом П.-Ш. Левеку присуща взвешенная оценка деятельности этого монарха. Французский исследователь пытался развеять стереотипные представления о фигуре Ивана IV, признавая в нем неординарного государственного деятеля и крайне противоречивую личность. На протяжении всего исторического анализа русский царь предстает на страницах «Российской истории» фигурой «колоритной» и неоднозначной.

«Российскую историю» П.-Ш. Левека можно рассматривать как своеобразный историко-культурный феномен, так как это произведение оказало влияние не только на русских профессиональных историков, но и на складывание общественного мнения о России во Франции и на постижение русскими своей подлинной истории. Именно по труду Левека как по своеобразному учебнику молодое русское дворянство изучало историю своей страны вплоть до появления монументальной «Истории» Н.М. Карамзина.

В последние годы личность П.-Ш. Левека привлекает все большее внимание отечественных и зарубежных исследователей (Вульф Л. «Изобретая Восточную Европу»; Гонно П. «Этап “Троицы” в открытии России французскими путешественниками»; Пьер-Дуло М.-Л. «Три Лотаринских художника в Петербурге в восемнадцатом веке» и др.) В обозначенных публикациях находим новые, неожиданные детали и любопытные трактовки творческой биографии П. Левека. Среди многочисленных откликов стоит обратить внимание на высказывания французских исследователей Н. Лоро и П. Видаль-Некюе. По их аргументированному утверждению, именно Левек разрушил множество существовавших до него иллюзорных представлений (исторических «миражей») в представлении как российского Средневековья, так и более позднего периода, тем самым открыв «новую эру в историографии России».

Примечания

¹ Уже в начале XIX в. объективный, написанный на основе передовых достижений исторической науки европейского Просвещения труд французского ученого был вытеснен выдержанными в «патриотическом» и эмоциональном ключе сочинениями его российских современников.

- ² Позднее, возможно под влиянием «Российской истории» П.-Ш. Левека, к такой же неоднозначной характеристике личности Ивана IV придет и М.М. Щербатов при написании V тома своей «Истории Российской».
- ³ В пояснении Левека к характеристике «Книги Степенной» читаем: «Эта книга ничуть не хроника, это повествование». Историк пользовался ее петербургским изданием 1777 г. (см.: [15. Р. 331]).
- ⁴ Г.Ф. Миллер, М.М. Щербатов, Н.И. Новиков и другие исследователи разделили предположение В.Н. Татищева о том, что «Книга Степенная» писалась митрополитом Киприаном на рубеже XIV – XV вв. Согласно мнению других авторов (Н.М. Карамзин, К.Ф. Калайдович, М.Я. Диев и др.), памятник в окончательном виде был создан в эпоху митрополита Макария.
- ⁵ Порядок листов «Царственной книги» впоследствии был определен и подробно приведен А.Е. Пресняковым [5; 18. Т. 1. С. 6].
- ⁶ М.М. Щербатову пришлось собирать эти листы, восстанавливать их последовательность и «те, которые мог следствием их собрать, то есть от 7042 до 7061» он «переплел и яко достойную книгу любопытства Ея Императорского Величества имел честь пред стопы ея предложить и получил потом повеление, дабы сея книгу напечатать» [17. С. 4].
- ⁷ С 1768 г. М. Щербатов активно работал с летописями и архивными документами, официально состоя в Канцелярии ее императорского Величества.
- ⁸ Д. Поленов в «Библиографическом обозрении русских летописей» заметил: «Шлецер не обратил внимания», что все три рукописи «не что иное, как отрывочные списки Никоновской Летописи, им же изданной» [20. С. 60].
- ⁹ Леveck пользовался рукописным вариантом. Переписка Ивана IV с князем Курбским и «История о великом князе Московском» Курбского впервые выйдут в свет благодаря Н.Г. Устрялову лишь в XIX в. (1833).
- ¹⁰ С 1768 г. Щербатов активно работал с летописями и архивными документами, официально состоя в Канцелярии ее императорского Величества.
- ¹¹ Подробнее о характеристике времени правления Ивана IV Грозного согласно «Истории» П.-Ш. Левека см.: [28. С. 77–82].
- ¹² В период с 1564 по 1579 гг. князь Курбский направил Ивану IV три письма, в которых обвинял его в жестокости и неоправданных казнях.
- ¹³ Упоминание об использовании сочинения Курбского как исторического источника по периоду правления Ивана Грозного князем М.М. Щербатовым [30. С.12].
- ¹⁴ П.-Ш. Леveck пользовался собранными ранее Г.Ф. Миллером, Н.Н. Бантыш-Каменским и М.М. Щербатовым архивными материалами.
- ¹⁵ «Людвиг XI <...> не уступая Иоанну ни в свирепости, ни в наружном благочестии, коим они хотели загладить свои беззакония: оба набожные от страха, оба кровожадные и женолюбивые, подобно Азиатским и Римским мучителям. Изверги вне законов, вне правил и вероятностей рассудка...» [35. С. 438–439].

Список источников

1. Свердлов М.Б. Пьер-Шарль Леveck и его «История России» // Университетский научный журнал (Филологические и исторические науки, искусствознание). 2014. № 9. С. 13–35.
2. Ильиченко (Мельник) Э.В. Русско-французские культурные и научные связи второй половины XVIII века: Пьер-Шарль Леveck : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011. 243 с.
3. Болтин И.Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России Г. Леклерка : в 2 т. СПб. : Тип. Горнаго училища, 1788. Т. 1. [5], 615, [1] с.; Т. 2. [2], 558, [1] с.
4. Галинковский Я.А. Корифей, или ключ литературы. СПб., 1802–1803. Ч. 1–2. 242 с.
5. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история : в 2 т. СПб., 1872. Т. 1. [742] с.; 1885. Т. 2. [8], 320 с.
6. Бильбасов В.А. История Екатерины II. Обзор иностранных сочинений о Екатерине II (1774–1796 гг.) : в 12 т. Берлин : Stuhr, 1896. Т. 12. VIII, 564 с.
7. Mazon A. Pierre-Charles Levesque: historien, humanist et moraliste // Revue des etudes slaves. 1963. Vol. 42. P. 7–66.
8. Valk S.N. Un memoire de P.-Ch. Levesque sur la Russkaya Pravda // Revue des études slaves. 1962. Vol. 41. P. 3–25.
9. Сомов В.А. П.-Ш. Леveck – протее Дидро и историк России // Отношения между Россией и Францией (в XVIII–XX вв.): история науки и международные связи. М. : ИНИОН РАН, 2002. С. 71–81.
10. Шанский Д.Н. К вопросу о полемике И.Н. Болтина с Г. Леклерком // Проблемы истории СССР. М., 1978. Вып. VII. С. 39–60.
11. Шанский Д.Н. Французская историография феодальной России. М. : Изд-во МГУ, 1991. 172 с.
12. Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. 214 с.
13. Мезин С.А. Дидро и цивилизация России / отв. ред. М. Лавринович. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 270 с. (Historia Rossica).
14. Levesque P.-Ch. Histoire de Russie. Hambourg et Brunswick : Chez Pierre-Francois Fauche, 1800. Т. 1. [4], XVIII, 324 с.
15. Levesque P.-Ch. Histoire de Russie. Hambourg et Brunswick : Chez Pierre-Francois Fauche, 1800. Т. 8. [2], 410 с.
16. Книга степенная царского родословия, содержащая Историю Российскую с начала оная до времен Государя Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича : в 2 ч. М. : При Императорском университете, 1775. Ч. 1. [2], VIII, 580 с.; [2], 298 с.
17. Царственная книга, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича, от 7042 году до 1761, напечатан с писменного, которой сыскан в Москве в Патриаршей библиотеке. СПб. : при Императорской Академии наук, 1769. [10], 347 с.
18. Пресняков А.Е. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб. : тип. И.Н. Скороходова, 1893. 52 с.
19. Нестор: русские летописи на древне-славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А.Л. Шлецером / пер. с нем. Дм. Языкова. СПб. : Печ. в Императорской типографии, 1809. Ч. 1. [6], 8, 13–15, [1], XLI, [1], 175, [1], 475, [3] с.
20. Поленов Д.В. Библиографическое обозрение русских летописей. СПб. : тип. Акад. наук, 1850. [2], 148 с.
21. Рычков П.И. Топография Оренбургская // Ежемесячные сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1762.
22. Рычков П.И. Опыт Казанской истории древних и средних веков. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1767.
23. Рычков П.И. Введение к Астраханской топографии. М. : Печ. при Императорском Моск. ун-те, 1774. 76 с.
24. Levesque P.-Ch. Histoire de Russie. Hambourg et Brunswick : Chez Pierre-Francois Fauche, 1800. Т. 2. [4], 391 с.
25. Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. Ч. 2. 344.
26. Levesque P.-Ch. Histoire de Russie. Hambourg et Brunswick : Chez Pierre-Francois Fauche, 1800. Т. 3. [4], 414 с.
27. Майорова А.С. Общественно-политические взгляды П.И. Рычкова // Историографический сборник. Саратов, 1989. Вып. 14. С. 100–117.
28. Ильиченко Э.В. П.-Ш. Леveck об Иване Грозном // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 77–82.
29. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1852. Т. VII–IX.
30. Филюшкин А. Андрей Курбский. М. : Молодая Гвардия, 2008. 300 с. (Жизнь замечательных людей : серия биографий).
31. Levesque P.-Ch. Histoire de Russie, tirée des chroniques originales, de pieces autentiques, et des meilleurs historiens de la nation. Yverdon, 1783.
32. Лызлов А.И. Скифская история. СПб. : изд. Н. Новиковым, 1776. Ч. 1. 174 с.
33. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М. : Мысль, 1964. 535 с.
34. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен : в 7 т. СПб., 1771. Т. 5.
35. Карамзин Н.М. История Государства Российского. СПб. : Тип. Н. Греча, 1821. Т. IX. 770 с.
36. Хилков А.Я. [Манкиев А.И.] Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым : В пользу Российского юношества, и для всех о Российской Истории краткое понятие иметь желающих. М., 1770. Кн. 4.

References

1. Sverdlov, M.B. (2014) P'er-Sharl' Levek i ego "Istoriya Rossii" [Pierre-Charles Leveque and his "History of Russia"]. *Universitetskiy nauchnyy zhurnal (Filologicheskoe i istoricheskoe nauki, iskusstvovedenie)*. 9. pp. 13–35.
2. Ilichenko (Melnik), E.V. (2011) *Russko-frantsuzskie kul'turnye i nauchnye svyazi vtoroy poloviny XVIII veka: P'er-Sharl' Levek* [Russian-French cultural and scientific relations of the second half of the 18th century: Pierre-Charles Leveque]. History Cand. Diss. Saratov.
3. Boltin, I.N. (1788) *Primechaniya na Istoriyu drevniya i nyneshniya Rossii G. Leklerka* : v 2 t. [Notes on the History of Ancient and Present Russia by G. Leclerc: in 2 vols]. St. Petersburg: Tip. Gornago uchilishcha.
4. Galinkovskiy, Ya.A. (1802–1803) *Korifye, ili klyuch literatury* [Corypheus, or the Key of Literature]. St. Petersburg: [s.n.].
5. Bestuzhev-Ryumin, K.N. (1872) *Russkaya istoriya* [Russian History]. St. Petersburg: [s.n.].
6. Bilbasov, V.A. (1896) *Istoriya Ekateriny II. Obzor inostrannykh sochineniy o Ekaterine II (1774–1796 gg.)* [History of Catherine II. Review of foreign writings about Catherine II (1774–1796)]. Vol. 12. Berlin: Stuh.
7. Mazon, A. (1963) Pierre-Charles Levesque: historien, humanist et moraliste. *Revue des études slaves*. 42. pp. 7–66.
8. Valk, S.N. (1962) Un memoire de P.-Ch. Levesque sur la Russkaya Pravda. *Revue des études slaves*. 41. pp. 3–25.
9. Somov, V.A. (2002) P.-Sh. Levek – protezhe Didro i istorik Rossii [P.-Ch. Levesque – Diderot's protégé and historian of Russia]. In: *Otnosheniya mezhdru Rossiei i Frantsiei (v XVIII–XX vv.): istoriya nauki i mezhdunarodnye svyazi* [Relations between Russia and France (in the 18th–20th centuries): The history of science and international relations]. Moscow: RAS. pp. 71–81.
10. Shanskiy, D.N. (1978) K voprosu o polemike I.N. Boltina s G. Leklerkom [On the issue of controversy between I.N. Boltin and G. Leclerc]. *Problemy istorii SSSR*. 8. pp. 39–60.
11. Shanskiy, D.N. (1991) *Frantsuzskaya istoriografiya feodal'noy Rossii* [French historiography of feudal Russia]. Moscow: Moscow State University.
12. Mezin, S.A. (2003) *Vzglyad iz Evropy: frantsuzskie avtory XVIII veka o Petre I* [A European Perspective: French authors of the 18th century about Peter I]. Saratov: [s.n.].
13. Mezin, S.A. (2018) *Didro i tsivilizatsiya Rossii* [Diderot and Russian civilization]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
14. Levesque, P.-Ch. (1800a) *Histoire de Russie*. Vol. 1. Hambourg et Brunswick: Chez Pierre-Francois Fauche.
15. Levesque, P.-Ch. (1800b) *Histoire de Russie*. Vol. 8. Hambourg et Brunswick: Chez Pierre-Francois Fauche.
16. Anon. (1775) *Kniga stepennago tsarskago rodosloviya, soderzhashchaya Istoriyu Rossiyskuyu s nachala onyya do vremen Gosudarya Tsarya i Velikago Knyazyza Ioanna Vasil'evicha* [The book of a royal genealogy, with the History of Russia from its beginning to the time of the Sovereign Tsar and Grand Duke John Vasilyevich]. Moscow: Pri Imperatorskom universitete.
17. Anon. (1769) *Tsarstvennaya kniga, to est' Letopisets tsarstvovaniya tsarya Ioanna Vasil'evicha, ot 7042 godu do 1761, napechatan s pismennago, kotoroy sykan v Moskve v Patriarshey biblioteke* [The Royal Book, that is, the Chronicler of the reign of Tsar John Vasilyevich, from 7042 to 1761, is printed from a written copy found in Moscow in the Patriarchal Library]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
18. Presnyakov, A.E. (1893) *Tsarstvennaya kniga, eya sostav i proiskhozhdenie* [The royal book, its composition and origin]. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
19. Nestor. (1809) *Nestor: russkie letopisi na drevne-slavyanskom yazyke, slichennyye, perevedennyye i ob'yasnennyye A.L. Shletserom* [Nestor: Russian Chronicles in the Old Slavonic Language, Collated, Translated and Explained by A.L. Schlozer]. Translated from German by Dm. Yazykov. St. Petersburg: Pech. v Imperatorskoy tipografii.
20. Polenov, D.V. (1850) *Bibliograficheskoe obozrenie russkikh letopisey* [Bibliographic review of Russian chronicles]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
21. Rychkov, P.I. (1762) *Topografiya Orenburgskaya* [The Orenburg Topography]. In: *Ezhemesyachnye sochineniya i perevody, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie* [Monthly Essays and Translations, For the Benefit and Amusement of Employees]. St. Petersburg: [s.n.].
22. Rychkov, P.I. (1767) *Opyt Kazanskoy istorii drevnikh i srednikh vekov* [Kazan History of Ancient and Middle Ages]. St. Petersburg: Pri Imp. Akad. Nauk.
23. Rychkov, P.I. (1776) *Vvedenie k Astrakhanskoy topografii* [Introduction to the Astrakhan topography]. Moscow: Moscow State University.
24. Levesque, P.-Ch. (1800c) *Histoire de Russie*. Vol. 2. Hambourg et Brunswick: Chez Pierre-Francois Fauche.
25. Peshtich, S.L. (1965) *Russkaya istoriografiya XVIII veka* [Russian historiography of the 18th century]. Vol. 2. Leningrad: Leningrad State University.
26. Levesque, P.-Ch. (1800d) *Histoire de Russie*. Vol. 3. Hambourg et Brunswick: Chez Pierre-Francois Fauche.
27. Mayorova, A.S. (1989) Obshchestvenno-politicheskie vzglyady P.I. Rychkova [P.I. Rychkov's socio-political views]. *Istoriograficheskii sbornik*. 14. pp. 100–117.
28. Ilichenko, E.V. (2011) P.-Sh. Levek ob Ivane Groznom [P.-Ch. Levesque about Ivan the Terrible]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 11(1). pp. 77–82.
29. Karamzin, N.M. (1852) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian State]. Vol. 7–9. St. Petersburg: [s.n.].
30. Filyushkin, A. (2008) *Andrey Kurbskiy*. Moscow: Molodaya Gvardiya.
31. Levesque, P.-Ch. (1783) *Histoire de Russie, tirée des chroniques originales, de pieces authentiques, et des meilleurs historiens de la nation*. Yverdon: [s.n.].
32. Lyzlov, A.I. (1776) *Skiyskaya istoriya* [Scythian History]. Vol. 1. St. Petersburg: N. Novikov.
33. Zimin, A.A. (1964) *Oprichnina Ivana Groznogo* [Oprichnina of Ivan the Terrible]. Moscow: Mysl'.
34. Shcherbatov, M.M. (1771) *Istoriya Rossiyskaya ot drevneyshikh vremen* [Russian History From Ancient Times]. Vol. 5. St. Petersburg: [s.n.].
35. Karamzin, N.M. (1821) *Istoriya Gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian State]. Vol. 9. St. Petersburg: N. Grech.
36. Khilkov, A.Ya. [Mankiev, A.I.] (1770) *Yadro rossiyskoy istorii, sochinennoe blizhnim stol'nikom i byvshim v Shvetsii rezidentom, knyaz' Andreem Yakovlevichem Khilkovym: V pol'zu Rossiyskago yunoshestva, i dlya vsekh o Rossiyskoy Istории kratkoe ponyatie imet' zhelayushchikh* [The core of Russian history, composed by a close steward and former resident in Sweden, Prince Andrei Yakovlevich Khilkov: For the Russian youth, and for everyone who wants to know something about Russian History]. Vol. 4. Moscow: [s.n.].

Сведения об авторе:

Мельник Элеонора Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальных технологий Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: ilichev851@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Eleonora V. Melnik – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Social Technologies of the Institute of Humanities and Arts of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ilichev851@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.02.2019; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 03.02.2019; accepted for publication 11.11.2022

Научная статья
УДК 94(47).084.6
doi: 10.17223/19988613/80/18

**«Книги памяти» жертв политических репрессий в СССР как источник
для реконструкции социального портрета репрессированных в 1935–1937 гг.:
анализ полноты и репрезентативности данных**

Екатерина Максимовна Мишина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, zyu@inbox.ru

Аннотация. Анализируются возможности использования «Книг памяти» жертв политических репрессий в качестве источника по истории репрессий середины 1930-х гг. на примере конкретных регионов. В первой части статьи рассматриваются проблемы и методы составления «Книг памяти». Во второй части анализируется полнота «Книг памяти» по сравнению с опубликованной статистикой, а также «степень репрессий» в различных регионах – отношение количества репрессированных в регионе к данным переписи 1937 г.

Ключевые слова: «Книги памяти», политические репрессии, базы данных, репрезентативность, статистика жертв репрессий

Для цитирования: Мишина Е.М. «Книги памяти» жертв политических репрессий в СССР как источник для реконструкции социального портрета репрессированных в 1935–1937 гг.: анализ полноты и репрезентативности данных // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 152–162. doi: 10.17223/19988613/80/18

Original article

**Analysis of Completeness and Representativeness of Data of Political Terror Victims
“Books of Memory” as a Source for Reconstruction of Social Profile of Political Terror
Victims in 1935–1937**

Ekaterina M. Mishina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, zyu@inbox.ru

Abstract. The article is dedicated to the analysis of possibilities of using the “Books of Memory” of political terror victims as a source on the history of repression in the USSR in the mid-1930s in concrete regions. The aim of the article is to test informational potential of different “Books of Memory”. The author analyses completeness and representativeness of data in regional “Books of Memory” to answer a question: can we use these books to reconstruct a social portrait of terror victims in enlarge regions that existed in the mid-1930s (such as Western or Eastern Siberian Region)? The first part of the article deals with the problems and methods of compiling “Books of Memory”: why only part of victims known from statistics is represented in these books and how can we collect all already known names in a unite database. The author concluded that not every “Book of Memory” could be a representative source for studying repressions in concrete regions because some of them consist of only those victims who were sentenced to death. In some books, there are no data about dates of arrest and conviction, so these records are not shown in search. The second part analyzes the completeness of the “Books of Memory” in comparison with the published statistics provided by historian O. Mozokhin from archival documents. The part also reviews a “degree of repression” in various regions. It was calculated as the ratio of the number of terror victims in certain regions according to the statistics provided by O. Mozokhin to the total population of the region according to the census of 1937. The «degree of repression» is one of the factors in choosing the region for analysis, but also the source analysis of the corresponding “Books of memory” is necessary. The author selects one enlarge region with high “degree of repressions” – Western Siberia – that consisted of territories of future Altai Region with Oirot autonomous region, Novosibirsk, Kemerovo and Tomsk Regions to complete the goal of research. Then author compares statistics of terror victims in these regions with the number of records in their “Books of Memory”. The analysis shows that only books of Altai (with Oirot) and Tomsk Region could be representative source for reconstruction of a social portrait of terror victims in Western Siberia in 1935–1937. The conclusion of the research is that it is possible to use only a few “Books of Memory” for analyzing the repressions of 1935 – early 1937 because of completeness of

their data. Also nowadays, it is difficult to use “Books of Memory” as a source to study social characteristics or terror victims in enlarged regions and we need to choose books of certain regions after analyzing their representativeness.

Keywords: “Books of Memory”, political repressions, database, representativeness, statistics of terror victims

For citation: Mishina, E.M. (2022) Analysis of Completeness and Representativeness of Data of Political Terror Victims “Books of Memory” as a Source for Reconstruction of Social Profile of Political Terror Victims in 1935–1937. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 152–162. doi: 10.17223/19988613/80/18

При рассмотрении 1930-х гг. в историографии период с убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. до начала Большого террора в июле 1937 г. редко выделяется в отдельный период репрессий. Обычно это время связывают с подготовкой и проведением Московских процессов и борьбой с остатками оппозиции, постепенным ужесточением репрессивной политики. Однако не ставится вопрос, в какой мере репрессии этого периода затронули широкие массы населения. Чтобы проанализировать эту проблему, необходимо изучить социальные и демографические характеристики репрессированных. В настоящий момент источником, содержащим массовые биографические данные о жертвах террора, являются «Книги памяти».

В данной статье анализируется информационный потенциал «Книг памяти» за период 1935–1936 гг.

С конца 1980-х гг. «Книги памяти» жертв политического террора выпускаются во многих республиках и областях бывшего Советского Союза. Основное содержание этих книг – краткие биографические справки о расстрелянных, отправленных в заключение, насильственно депортированных и высланных, мобилизованных в трудармии. Такие книги выпускались небольшими тиражами (от 100 до 1 000 экземпляров) и практически не поступали в продажу. С целью популяризации «Книг памяти» общество «Мемориал» в 1998 г. приступило к созданию единой базы данных, сводя вместе информацию из региональных «Книг памяти». В 2007 г. «Мемориал» выпустил в свет четвертое издание диска, на котором собрана информация о 2 614 978 репрессированных за весь советский период [1].

Сравнение количества собранных в базу данных справок о репрессированных с «умеренными общими статистическими оценками» привело создателей базы данных к выводу, что им удалось объединить вместе примерно 20% от общего количества жертв государственного террора в СССР.

Существует несколько мнений по поводу масштабов советского террора. Большинство исследователей, оценивая масштаб репрессий, опирается на справку Спецотдела МВД СССР конца 1953 г. на имя Н.С. Хрущева. Согласно этой справке, в сумме с 1921 по 1938 г. и с 1939 по 1-е полугодие 1953 г. в СССР за контрреволюционные преступления – по статье 58 – были осуждены более 4,5 млн человек, из них 800 тыс. приговорены к расстрелу (681 тыс. человек расстреляны в ходе Большого террора) [2. С. 608–609]. Эта цифра не учитывает репрессированных в «административном», а не «судебном» и внесудебном порядке, высланных и депортированных. Другой взгляд на статистику жертв советского террора предлагает «Мемориал». Первый

председатель общества Арсений Рогинский в начале 1990-х гг. входил в состав рабочей группы по передаче документов ФСБ на государственное хранение (проект практически не был реализован – в нескольких городах удалось лишь передать в архивы следственные дела репрессированных). В процессе работы А.Б. Рогинский имел доступ к статистическим отчетам ОГПУ–НКВД–МГБ, которые направлялись из регионов в отдел центральной регистрации (1-й Спецотдел).

На основе этих данных А.Б. Рогинский определил следующие цифры: 7 489 тыс. человек всего привлеченных органами, из них 6 247 тыс. были арестованы и осуждены. Из указанного числа 2,7 млн человек были осуждены органами ОГПУ–НКВД (т.е. во внесудебном порядке – без участия суда и прокуратуры). Также было около 6 млн репрессированных в административном порядке – высланных и депортированных по национальному признаку. Всего – 11–11,5 млн человек [3, 4]. А.Б. Рогинский называет свои данные достоверными, но не окончательными, по двум причинам: 1) вероятный двойной или тройной учет одних и тех же людей в разных регионах (в течение 1920-х гг. не было единых стандартов оформления отчетов); 2) неполнота данных до 1922 г. На этой точке зрения основывался «Мемориал» при своих подсчетах 20% известных имен.

Узнать 100% имен не представляется возможным по многим причинам: многие следственные дела до сих пор находятся на хранении в ведомственных архивах и недоступны для изучения, часть людей не реабилитированы или им в реабилитации отказано – в случае, если дело было на несколько человек, и остальные его фигуранты реабилитированы, оно остается полностью закрытым как для родственников, так и для исследователей. Многие материалы, особенно о начале 1920-х гг., безвозвратно утеряны, информация о репрессированных после смерти Сталина недоступна в полной мере из-за действия закона «О персональных данных». Информация во многих существующих списках представлена очень фрагментарно, часть списков создана на основе информации о конкретной группе репрессированных (например, только расстрелянные). Отметим, что не существует более полного открытого источника, содержащего персональные данные, чем «Книги памяти». Следовательно, использование их материалов в исследовании представляется перспективным.

Проблема создания единого банка данных по репрессированным на территории бывшего СССР не один раз становилась основной темой обсуждения тематических научных конференций. В 2001 г. В.М. Кириллов предлагал объединить усилия различных

структур – российского «Мемориала», областных управлений УВД, ФСБ, региональных архивов, университетских лабораторий – для создания единой базы данных жертв террора. Эти организации могли бы функционировать по выработанному плану и поэтапно собирать информацию о репрессированных [5]. Однако при определении общих принципов, которые должны лежать в основе подобной работы, возникает ряд проблем, с которыми, прежде всего, сталкиваются составители «Книг памяти»:

- отсутствие общего мнения по вопросу о том, какие сведения и на какие группы лиц должны быть в обязательном порядке включены в базу. К примеру, томский исследователь В.Н. Уйманов вступает в заочную полемику с Е.В. Кодиным, автором монографии «Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг.», доказывая, что люди, освобожденные по итогам следствия или оправданные судом за отсутствием состава преступления, должны учитываться в базе данных о репрессированных, так как они наравне с теми, кто был осужден к реальным срокам, являлись жертвами террора [6. С. 103–105];

- фрагментарность сведений из-за недостатка данных по некоторым регионам (Белоруссия, Украина, Казахстан), а также их малой информативности (Киргизия, Узбекистан). Некоторые бывшие союзные республики полностью отсутствуют в материалах «Книг памяти», или же сведения по ним не могут быть перенесены в общую базу данных, так как не имеют аналогов на русском языке (страны Балтии, Украина, Молдова);

- проведение процесса реабилитации, вторая крупная волна которого началась в СССР в 1989 г. и продолжается в Российской Федерации до настоящего времени. Специалисты общества «Мемориал» отмечают, что материалы о реабилитации далеко не всегда попадают в «Книги памяти», так как акт о реабилитации подшивается к архивному делу, а сведения о ней могут получить только родственники репрессированного на основании запроса. Во многих регионах в процессе реабилитации приоритет отдается тем, кто был осужден по ст. 58, затем идут дела осужденных по ст. 58 в сочетании с другими, неполитическими статьями [7. С. 72]. Сложнее всего дело обстоит с репрессированными в административном порядке. Реабилитация этих категорий происходит только по личным заявлениям граждан, поэтому огромная часть пострадавших остается вне процесса реабилитации;

- процесс подготовки и издания региональных «Книг памяти» остается делом регионов, так как в России не существует единой государственной программы по увековечиванию памяти жертв политических репрессий, несмотря на принятие 15 августа 2015 г. «Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий», которая спустя три года после начала реализации не демонстрирует существенных результатов ее применения (самым главным результатом можно считать открытие общенационального мемориала жертвам политических репрессий «Стена скорби», прошедшего при участии президента РФ). Каждая региональная организация,

занимающаяся изданием «Книг памяти», включает в них разный набор сведений – к примеру, по Москве списки жертв включают имена только тех людей, которые были приговорены к ВМН (расстрелу). В Брянской, Вологодской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Челябинской областях материалы «Книг памяти» подготовлены, но не издаются из-за отсутствия финансирования [Там же. С. 72]. Республике Тыва, Ингушской, Карачаево-Черкесской и Чеченской республиках о работе над «Книгами памяти» специалистам «Мемориала» ничего не известно [8];

- не существует единых стандартов при составлении справок на репрессированных: количество сообщаемых в «Книгах памяти» сведений варьирует в зависимости от того, какие источники были доступны составителям и какие сведения они считали наиболее важными [Там же. С. 1]. Во многих регионах следственные дела не переданы на постоянное хранение в региональные и муниципальные архивы, а доступ к архивам ФСБ и МВД все еще остается затруднен, поэтому при создании «Книг памяти» требуется консолидация усилий различных организаций.

В определенной мере решить указанные проблемы получилось у создателей «Открытого списка» [9] – общедоступной базы данных жертв политических репрессий (3 189 365 записей). Разработчиками был создан унифицированный формуляр, содержащий 18 биографических параметров и 16 полей для записи информации об аресте, осуждении, реабилитации и источниках информации (с возможностью добавить до шести арестов). Этот формуляр применяется в четырех национальных разделах на национальных языках – русском, украинском, белорусском и грузинском. Основу сведений «Открытого списка» составляют данные базы «Мемориала» (около 87%), собственный вклад участников проекта состоит в добавлении «Книг памяти», не вошедших в базу «Мемориала». Важной составляющей базы являются сведения, не вошедшие в «Книги памяти», которые ежедневно добавляют родственники репрессированных, – таким образом в базе появляются не только новые имена, но и дополняются и уточняются внесенные ранее данные. На страницах проекта также предусмотрена возможность публикации воспоминаний, фотографий и документов о репрессированных. Совместно с Государственным архивом Российской Федерации «Открытый список» составляет «Книгу памяти» репрессированных москвичей. В нее войдет более 64 тыс. имен, ранее не учтенных ни в каких списках.

Благодаря единообразию организации информации и удобному поиску в будущем такая база может стать таким же источником по изучению биографических данных репрессированных, как и БД «Мемориала». Для этого необходимо нормализовать данные разных «Книг памяти» в рамках одного формуляра и решить проблемы, связанные с частично некорректным импортом данных из разных источников.

Можем ли мы использовать данные «Книг памяти» в качестве исторического источника по изучению репрессий середины 1930-х гг., какие у них есть возможности и ограничения? Для ответа на этот вопрос мы

провели проверку на репрезентативность данных «Книг памяти» по регионам РСФСР за период 1935–1937 гг. (табл. 1). Проверка проводилась следующим образом. Сначала нами было сопоставлено административно-территориальное деление на начало периода (1935) с тем, которое существовало в 1937 г., и с современным, на основе которого создавались «Книги памяти». Двойные названия регионов в таблице отражают наименование области в 1935 г. и наименование региона по «Книгам памяти». Таким образом, было определено, какие существующие в настоящее время области (с определенной долей условности, так как задача выявления точ-

ных границ не входила в цели исследования) входили в состав укрупненных территориальных единиц 1935–1936 гг., с этими единицами соотнесена информация «Книг памяти» разных регионов (поиск производился преимущественно по дате ареста, где она не указана – по дате осуждения последовательно за каждый год). На их основе было установлено, сколько человек пострадало от репрессий в 1935, 1936, 1937 гг. в каждом регионе. Эти данные были сопоставлены с данными доктора исторических наук О.Б. Мозохина [10. С. 327, 334] о численности репрессированных по годам для выявления степени полноты данных Книг памяти.

Таблица 1

Сравнение данных Книг памяти со статистикой О.Б. Мозохина (1935–1937)

Регионы	01.12.1934– 30.06.1937 Мемориал	1935 Мемориал	1935 Мемориал / Мозохин	1936 Мемориал	1936 Мемориал / Мозохин	1937 Мемориал	1937 Мемориал / Мозохин
Северный край – Вологодская обл.	234	92	55,2%	69	212,4%	1 088	19,0%
Северный край – Архангельская обл.	1 063	372		321		3 416	48,3%
Северный край – Коми АССР	6 898	1 300		4 334		5 367	512,6%
Карельская АССР	420	82	нет данных	67	нет данных	5 912	135,2%
Ленинградская обл.	3 963	1 067	10,3%	771	10,1%	25 327	86,1%
Ленинградская обл. – Новгородская обл.	2 227	426		239		7 377	
Ленинградская обл. – Псковская обл.	1 189	411		441		6 323	
Ленинградская обл. – Мурманская обл.	636	191		135		1 749	
Калининская обл.	949	220	13,8%	334	16,6%	5 358	47,1%
Западная обл. – Смоленская обл.	1 296	322	18,8%	444	23,3%	9 975	52,8%
Западная обл. – Орловская обл.	372	201		139		5 520	36,8%
Московская обл. и Москва	3 115	79	3,9%	932	13,6%	13 820	33,4%
Московская обл. – Калужская обл.	810	251		308		4 881	122,5%
Московская обл. – Рязанская обл.	353	135		140		1 091	
Московская обл. – Тульская обл.	44	12		18		230	2,4%
Ивановская промышленная обл. (ИПО) – Ярославская обл.	1 357	299	23,7%	604	37,5%	2 283	44,3%
ИПО – Ивановская обл.	нет данных	нет данных		нет данных	0	нет данных	0
ИПО – Владимирская обл.	1 139	406		420	32,9%	3 028	41,2%
ИПО – Костромская обл.	87	2		7		973	
Горьковская обл. – Нижегородская обл.	2 888	683	42,5%	629	43,8%	8 361	79,3%
Горьковская обл. – Республика Марий Эл	326	94		101		549	16,8%
Горьковская обл. – Чувашская АССР (Чувашия)	1 209	442		418		4 432	130,7%
Кировский край – Кировская обл.	1 143	303		536	38,6%	3 053	68,7%
Кировский край – Удмуртская ССР (Удмуртия)	736	291	19,4%	273		2 072	82,1%
Татарская АССР (Татарстан)	2 698	812	46,1%	682	43,7%	8 033	104,7%
Куйбышевская обл.	2 162	554	33,3%	601	44%	9 676	116,7%
Куйбышевская обл. – Ульяновская обл.	435	157		126		2 780	
Куйбышевская обл. – Пензенская обл.	542	235		177		2 426	
Куйбышевская обл. – Мордовская АССР	515	213		138		2 693	78,4%
Воронежская обл.	557	193	4,8%	100	4,8%	1 477	10,7%
Курская обл.	468	89	4,5%	122	6,6%	1 887	16,8%
Крымская АССР (Крым)	1 516	413	24,9%	417	31,4%	4 303	50,6%
Азово-Черноморский край (АЧК) – Ростовская обл.	387	132	1,9%	129	3,5%	820	4,3%
АЧК – Краснодарский край	384	50		109	1,6%	1 705	12,5%
Северо-Кавказский край (СКК) – Кабардино-Балкарская АССР	270	75	15,55%	51	20,2%	2 376	78,3%
СКК – Северо-Осетинская АССР	302	94		154		2 159	94,7%
СКК – Дагестанская АССР	220	2		6		3 377	58,7%
СКК – Карачаево-Черкесская АССР	150	76		41		0	0
СКК – Орджоникидзевский край	1 744	418		506		9 420	65,2%
Сталинградская обл.	372	108		169	8,3%	1 249	13,7%
Саратовская обл.	1 800	645	11,1%	618	18,6%	7 918	35,2%
Оренбургская обл.	60	3	0,1%	9	0,7%	4 238	43,1%
Башкирская АССР	1 418	338	18,3%	420	28,3%	9 111	78%
Челябинская обл.	216	45	6,7%	77	12%	1 106	26,1%
Челябинская обл. – Курганская обл.	879	219		313		2 965	

Окончание табл. 1

Регионы	01.12.1934– 30.06.1937 Мемориал	1935 Мемориал	1935 Мемориал / Мозохин	1936 Мемориал	1936 Мемориал / Мозохин	1937 Мемориал	1937 Мемориал / Мозохин
Свердловская обл.	1 204	336	20,4%	378	40,6%	6 101	61,9%
Свердловская обл. – Пермская обл.	2 395	849		606		11 686	
Омская обл.	1 819	460	13,7%	631	25,2%	8 886	36,3%
Омская обл. – Тюменская обл.	247	0		47		4 601	
Западно-Сибирский край (ЗСК) – Алтайский край	1 741	541	14,9%	435	21,9%	15 073	133,2%
ЗСК – Ойротская АО	427	104		160		2 777	
ЗСК – Новосибирская обл.	89	16		25		1 168	26,8%
ЗСК – Кемеровская обл.	355	157		123		2 639	
ЗСК – Томская обл.	1 332	366		377		9 473	
Красноярский край	1 772	439	18%	1 032	46,3%	11 669	94,5%
Красноярский край – Хакасская АО	358	45		155		1 212	
Восточно-Сибирский край (ВСК) – Читинская обл.	651	166	11,6%	135	15,4%	4 742	76,6%
ВСК – Иркутская обл.	1 167	256		259		5 780	58,1%
ВСК – Бурят-Монгольская АССР	220	71		58		806	25,4%
Дальне-Восточный край (ДВК) – Хабаровский край	1 528	436	35,1%	402	72,4%	1 813	46,4%
ДВК – Приморский край	738	121		134		3 204	
ДВК – Камчатский край	132	33		31		118	
ДВК – Амурская обл.	365	112		92		1 536	
ДВК – Магаданская обл.	4 072	1 392		2 680		1 827	
Якутская АССР	173	37	нет данных	71	29,9%	408	63,4%

Сравнение процентных соотношений по годам показало, что большее количество справок в «Книгах памяти» относится к 1937 г. Это связано с методикой создания книг: в некоторых регионах в списки включали преимущественно жертв Большого террора как самой массовой репрессивной акции. К таким книгам относятся: «Ленинградский мартиролог» (кроме 5-го тома), списки, составленные в Москве: расстрелянных на Бутовском полигоне и в Коммунарке, захороненных на Ваганьковском, Донском кладбищах и на территории Яузской больницы, Книга памяти Тюменской обл., включающая только имена расстрелянных, Книги памяти кавказских республик – Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Дагестана. В Коми, Карелии, Татарстане, Самарской области и Алтайском крае количество справок в «Книгах памяти» превышает количество репрессированных, приведенное в статистике О.Б. Мозохина. Одной из вероятных причин этого является влияние изменения административно-территориальных границ на подсчет количества жертв в конкретном регионе. Количество справок может варьировать в зависимости от того, учитывались старые или современные границы области. Например, внешние границы Республики Алтай не изменялись на протяжении советского периода. В Алтайском крае в рассматриваемый нами период было два района – Кочковский и Андреевский, – в 1939 и в 1944 гг. соответственно переданных в Новосибирскую область. Часть сведений о репрессированных в годы Большого террора (вероятно, малая) после разделения Западно-Сибирского края в сентябре 1937 г. отложилась в Книгах памяти Алтайского края, но большая часть зафиксирована в Книгах памяти Новосибирской области. За более ранний период в них нет записей о репрессированных в указанных районах. Также на переучет сведений влияло то, что составители «Книг памяти» могли вносить сведения о тех, кто проживал и был арестован на данной терри-

тории, о тех, кто был на ней реабилитирован, или о тех, кто родился в этом регионе – количество справок в Книгах последнего типа существенно больше.

На пропуски в данных некоторых «Книг памяти» влияют проблемы их составления, с которыми сталкиваются составители из всех регионов, где не налажена скоординированная работа общественных и ведомственных организаций по сохранению памяти жертв репрессий. Указанные причины (в особенности перво-степенный учет осужденных в годы Большого террора) повлияли и на количество справок о репрессированных в 1935–1936 гг. Их количество, за редким исключением, едва доходит до 40% от региональной статистики жертв репрессий, приведенной О.Б. Мозохиним. В целом по РСФСР, согласно «Книгам памяти», мы располагаем данными о 9,7% информации по 1935 г. и 19% – по 1936 г. (для сравнения по 1937 г. эта доля составляет 31,5%). Это ставит вопрос о правомерности использования «Книг памяти» как источника для изучения репрессий периода 1935 – первой половины 1937 г. Остановимся на данном аспекте подробнее.

Из табл. 1, видно, что среди представленных регионов в 1935 г. в Северном крае, Горьковской области, Свердловской области и Дальневосточном крае количество справок за 1935–1936 гг. относительно общей статистики репрессий выше, чем в других регионах. Чем это объясняется? В составе указанных областей в рассматриваемый период находились территории нескольких современных регионов, в которых «Книги памяти» имеют свои особенности учета репрессированных. Так, в Республике Коми (5 декабря 1936 г. выделена из состава Северного края как Коми АССР) в 12-томнике «Покаяние» собрана информация не только о репрессированных на территории республики (39 800 имен), но и о 20 тыс. граждан, высланных с территории Польши, 10 тыс. заключенных Ухто-Печорского лагеря [11. С. 79] (не все из них были арестова-

ны или до ареста проживали на территории Коми). При составлении «Книг памяти» Нижегородской (Горьковской) области учитывалось административно-территориальное деление 1920–1950-х гг.; вероятно, в статистику (1935–1936) могли попасть те, кто был арестован и осужден на территории будущих Чувашской и Марийской АССР. Всего в нижегородской «Книге памяти» учтено 40 тыс. имен за период с 1920 г. до начала 1950-х гг. [12. С. 12]. Составители пермской «Книги памяти», напротив, учитывали современное административно-территориальное деление, однако в их сведения включены имена более 2 200 граждан, отбывавших наказание на территории будущей Пермской области (образована в 1938 г.) и осужденных вторично (которые, очевидно, при первом аресте были учтены в Книгах других регионов). Всего в пяти томах книги содержится 35 тыс. имен репрессированных [11. С. 80]. При составлении Книги памяти Магаданской области учитывались только расстрелянные на территории региона. Всего в книге 7,5 тыс. имен, причем дата ареста обозначена лишь годом без указания дня и месяца [13] (это может вызывать недоучет справок по запросу на конкретные даты при фактическом наличии их в базе; подобную ситуацию мы наблюдаем при обращении к «Книге памяти» Московской облАСТИ, в которой в биографических карточках не указаны годы ареста и осуждения).

Указанные регионы (кроме Нижегородского края) в 1935 – начале 1937 г. не существовали как самостоятельные территориальные единицы. Статистика О.Б. Мозохина позволяет сравнить наполненность «Книг памяти» только по укрупненным регионам, однако очевидно, что в каждом из них определенная Книга памяти «стягивает» большую часть информации на себя. К примеру, в Северном крае в 1936 г. на территории будущей Вологодской области, согласно данным «Книги памяти», было репрессировано 69 человек, в то время как на территории Коми – 4 334. Очевидна неполнота сведений вологодской Книги, следовательно, основываясь в основном на данных по Коми, мы не можем изучать весь Северный край в 1935–1936 гг. как репрезентативную совокупность. То же самое можно сказать и про другие рассмотренные выше укрупненные регионы (что не умаляет самоценность изучения отдельных «Книг памяти» при предварительной проверке полноты их данных).

На материалах 1935 – начала 1937 г. мы можем изучать не каждый отдельный регион в рамках укрупненных регионов. В регионах, где выявляется малый процент данных о жертвах относительно опубликованных источников, необходим предварительный источниковедческий анализ их «Книг памяти»: насколько полно отражают данные «Книг памяти» разные периоды репрессий, а также обязательное сравнение с опубликованной региональной статистикой. К примеру, относительно ровное распределение количества репрессированных в 1935–1936 гг. и 1937 г. по отношению к опубликованным данным наблюдается в «Книге памяти» Татарстана; чуть больший перекося заметен в «Книге памяти» Самарской области (см. табл. 1). Если принять во внимание, что в книгах учитывались

все репрессированные на территории области в ее старых границах (а в Самарской области еще и те, кто был репрессирован в других областях, но после реабилитации жил в Самарской области), то, проведя предварительную выборку данных по местам осуждения, эти книги можно использовать для изучения коллективного портрета репрессированных в 1935–1936 гг.

Рассмотрим подробнее отдельно взятый регион – Западно-Сибирский край (ЗСК). В годы Большого террора на этот регион был выделен второй по величине лимит на аресты после Москвы и Московской области: 17 тыс. человек, из них 5 тыс. – по первой категории (расстрел) и 12 тыс. – по второй (заключение в лагеря на срок 8–10 лет) [14. С. 147]. Для объяснения того, что привело здесь к такому масштабу террора в 1937–1938 гг., необходимо изучение процессов предыдущего периода.

ЗСК был образован в 1930 г. В 1935–1936 гг. в его состав входили территории Новосибирской области (образована в сентябре 1937 г.), Алтайского края и Ойротской АО (образованы как единая территориальная единица в сентябре 1937 г., два района переданы в Новосибирскую область в 1939 и 1944 гг.), Томской (выделена из состава Новосибирской области в 1944 г.) и Кемеровской (выделена из состава Новосибирской области в 1943 г.) областей. Территориальные границы областей в дальнейшем менялись незначительно.

Обратимся к табл. 2, которая показывает «степень репрессий» в укрупненных регионах в 1935–1936 гг. Она рассчитывалась как отношение количества репрессированных по регионам по данным статистики О.Б. Мозохина к общей численности населения региона по материалам переписи 1937 г. При сопоставлении регионов были учтены изменения в административно-территориальном делении, произошедшие с декабря 1936 г. до подведения итогов переписи. В двух последних столбцах представлена «степень репрессий» относительно данных по численности населения по переписи 1939 г.: с учетом молодежи от 15 до 19 лет и без возрастных категорий до 20 лет. Было также сопоставлено административно-территориальное деление.

Данные табл. 2 показывают, что «степень репрессий» в ЗСК относительно других регионов невелика: 1,99 человек на тысячу населения. Показатели Северо-Кавказского, Азово-Черноморского краев, Ленинградской области, Восточно-Сибирского и Дальневосточного краев значительно превышают соответствующий показатель ЗСК. Это говорит о том, что выбор целого края по «степени репрессий» не обоснован. Кроме того, согласно сказанному выше, мы не можем использовать «Книги памяти» для изучения коллективной биографии репрессированных на примере укрупненных регионов.

«Степень репрессий» относительно только взрослого населения в некоторых регионах относительно выше данных, полученных в сравнении со «степенью репрессий», подсчитанной по материалам переписи 1937 г. По этим показателям ЗСК находится на 8-м месте (самая высокая «степень репрессий» в Дальневосточном крае, Саратовской области и Ленинграде). Это надо пояснить. Вероятно, влияние на «степень

репрессий» оказывал национальный фактор, связанный с вхождением в состав Саратовской области района с локализацией преимущественно немецкого населения, с 5 декабря 1936 г. – АССР немцев Поволжья. Данные же по численности населения Ленинграда и области расходятся в переписях 1937 и 1939 гг. почти на 3 млн человек. Выявление причины такого расхождения является предметом отдельного исследования и не рассматривается в рамках данной статьи. Следовательно, указанная «степень репрессий» по Ленинграду и области в 1937 г. может быть завышенной. Известно, что данные переписи 1939 г. завышены, переучет населения составил почти 3 млн чел., также за счет военнослужащих и заключенных изменена числен-

ность населения некоторых регионов (например, реальная численность населения Алтайского края составляла не 2 498 597, а 2 446 127 чел.), однако это единственный источник, содержащий разделение населения на возрастные группы [15. С. 8–9]. Дети до 12 лет не могли стать прямым объектом репрессий (только как дети репрессированных родителей), процент несовершеннолетних среди всех политических репрессированных относительно невелик (например, на Алтае были репрессированы 3 человека в возрасте до 20 лет из 2 168). Следовательно, более точный подсчет «степени репрессий» получается при исключении возрастной группы до 20 лет из общего количества населения.

Таблица 2

«Степень репрессий» по укрупненным регионам в 1935–1936 гг. [10. С. 327, 334; 15. С. 29–32; 16. С. 42–45]

Регион	Кол-во репрессированных (1935–1936)	Численность населения по переписи 1937	Репрессировано на 1 000 чел. населения (по данным 1937)	Репрессировано на 1 000 населения (1939, от 15 лет и старше)	Репрессировано на 1 000 населения (1939, от 20 лет и старше)
Азово-Черноморский край	15 726	5 601 759	2,81	1,75	1,85
Башкирская АССР	3 334	2 956 778	1,13	1,88	2,17
Воронежская обл.	6 155	6 086 834	1,01	2,79	3,19
Восточно-Сибирский край	7 209	1 897 049	3,80	3,83	4,47
Горьковская обл.	7 378	4 706 966	1,57	2,15	2,51
Дальне-Восточный край	10 577	2 602 189	4,60	6,68	7,61
Западная обл.	5 286	4 693 495	1,13	1,44	1,72
Западно-Сибирский край	13 090	6 584 191	1,99	3,35	4,00
Ивановская промышленная обл. (с Ярославской обл.)	5 897	4 716 225	1,25	1,86	2,17
Калининская обл.	3 607	3 220 664	1,12	1,74	2,04
Кировский край	5 153	4 252 347	1,21	2,42	2,67
Красноярский край	5 252	2 064 932	2,54	4,39	5,21
Крымская АССР	2 985	994 798	3,00	3,96	4,55
Куйбышевская обл.	5 846	5 140 258	1,14	1,68	1,96
Курская обл.	3 836	4 166 636	0,92	2,02	2,39
Ленинградская обл.	28 322	9 646 217	2,94	5,95	6,85
Московская обл. и Москва	27 636	15 769 445	1,75	3,07	3,79
Омская обл.	6 054	2 330 420	2,6	4,31	5,10
Оренбургская обл.	3 449	1 566 010	2,2	3,46	3,97
Саратовская обл.	9 156	2 375 939	3,85	6,01	6,95
Свердловская обл.	8 249	4 126 450	2,00	2,76	3,17
Северный край	5 419	2 571 569	2,11	2,67	3,14
Северо-Кавказский край	8 036	2 757 901	2,91	3,01	3,44
Сталинградская обл.	5 266	2 224 797	2,37	3,52	3,97
Татарская АССР	3 325	2 735 685	1,22	1,99	2,31
Челябинская обл.	7 181	2 768 565	2,59	4,13	4,75

Остановимся подробнее на рассмотрении «Книг памяти» пяти регионов, входивших в состав ЗСК.

В пяти томах «Книги памяти» Томской области собраны сведения о более чем 21 300 уроженцах и жителях нынешней территории области. В тома включены только осужденные по ст. 58 УК РСФСР [11. С. 72–73]. По данным составителя книги В. Уйманова, в Томской области в 1935 г. были арестованы 366 чел. (100% к данным Книги памяти), в 1936 г. – 376 чел. (100,3%) и в первой половине 1937 г. – 541 чел. (101,1%) [17. С. 99]. Следовательно, репрезентативность томских «Книг памяти» очень высока, и они пригодны для изучения как самостоятельный источник.

В Новосибирской области четыре тома «Книги памяти» (по материалам базы данных «Мемориала» 2017 г.) включают в себя 12 тыс. биографических справок. В материалы 3-го тома входит 3 тыс. справок о «рас-

кулаченных», основанных на материалах ИЦ УВД по Томской области [18. С. 3]. Автоматизированная работа с данными всех четырех томов пока не представляется возможной, так как на сайте базы данных «Мемориала» еще не запущен поиск по определенной «Книге памяти», и невозможно проверить, сколько человек за 1935–1936 гг. внесены в четвертый том.

В сопроводительной статье ко 2-му тому «Книги памяти» Новосибирской области составители отметили, что на момент составления Книги ими одновременно создавалась база данных по персональным спискам, следовательно, еще не был ясен истинный масштаб репрессий в регионе [19. С. 15]. За весь 1937 г., согласно табл. 1, в Новосибирской области (в современных границах) было арестовано 1 168 чел. Ясно, эта цифра неполна (хотя и очевидно, что мы не можем знать данные каждого конкретного осужденного): к при-

меру, только по состоянию на 5 октября 1937 г. с начала Большого террора по Новосибирскому оперсектору НКВД были осуждены 2 653 чел. [19. С. 249]. Сравним с цифрами по Книгам Томской и Кемеровской областей – 9 473 и 2 639 чел. соответственно. Сумма данных по трем Книгам составляет 26,8% от количества репрессированных по статистике О.Б. Мозохина (приводимое им количество в 49 594 чел., вероятно, включает в себя осужденных по делу РОВС, которые шли сверх лимитов – к 1 января 1938 г. в Новосибирской обл. было 22 108 таких осужденных [14. С. 155]). Очевидна неполнота данных новосибирской Книги, следовательно, она не может использоваться как самостоятельный источник изучения.

В Кемеровской области основные работы по истории репрессий и лагерей Кузбасса принадлежат Л.И. Гвоздковой [20], она же является составителем «Книг памяти» и автором вступительных статей к ним [21], остальные работы (очерки, воспоминания) носят публицистический характер [22]. Всего в два тома Книги, изданных в 1995 и 1996 гг., входит 6 173 имени. В предисловии ко второму тому «Книги памяти» Л.И. Гвоздкова пишет, что в 1930–1950-е гг. репрессиям на территории области подверглись более 150 тыс. чел., проходивших по 34 тыс. уголовным делам [21. С. 3] (для сравнения в Алтайском крае по 31 тыс. дел проходили 46 226 чел. [23. С. 444] за весь ленинский и сталинский период). Такая цифра по Кемеровской области кажется нам неоправданно завышенной даже в случае, если под «нашим регионом» во вступительной статье имеется в виду Кемеровская область вместе с Новосибирской (до 1943 г.) или с учетом заключенных лагерей Кузбасса, часть из которых была осуждена в других области. Здесь мы также не можем доверять данным Л.И. Гвоздковой, так как численность заключенных лагерей Кузбасса оценивается ей в 1,3 млн чел. за 1936–1955 гг. путем последовательного сложения численности заключенных каждого года [20. С. 480]. В статье В.Н. Уйманова приводится численность репрессированных в Кемеровской области в 1931–1941 гг. на основании данных кандидата исторических наук В. Онищенко – 27 787 чел. [24. С. 106]. Указанное количество репрессированных, превышающее данные каждого из регионов в отдельности, входивших в состав ЗСК в рассматриваемый период, также ничем не подтверждена.

Для региональных исследований иногда характерно приведение завышенного неподтвержденного документами количества репрессированных. Например, алтайский исследователь Н.А. Ширшев пишет о более чем 35 млн чел., осужденных в советские годы «судами и военными трибуналами», из которых на Алтай приходится 150 тыс. чел. Он же проводит анализ социального портрета репрессированного в Барнауле, основываясь на данных сборника документов «Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965». По данным Н.А. Ширшева, в Барнауле с 1919 по 1945 г. были репрессированы 516 чел., однако в указанном сборнике на с. 382 указана цифра 2 318 чел. в период с 1920 по 1965 г. [25. С. 360]. Н.В. Вохменцева, описывая репрессии в Республике Алтай, называет еще

более нереалистичные цифры: 50 тыс. чел. только по Горно-Алтайску и 300 тыс. чел. – в общем по Республике Алтай [26. С. 63]. Следовательно, мы не можем с полной уверенностью делать вывод о репрезентативности «Книг памяти» Кемеровской области на основании имеющейся статистики. Учитывая, что более четверти из всех биографических справок в указанных книгах относится к Большому террору, мы полагаем, в них наблюдается некоторый «перекос» сведений относительно других волн репрессий сталинского периода.

Несмотря на то, что мы не располагаем статистикой по количеству жертв репрессий в Кемеровской области по годам, мы полагаем, что областные «Книги памяти» за 1935–1937 гг. репрезентативны. Их данные сопоставимы с количеством жертв репрессий в указанные годы в Ойротской АО. Тем не менее при отсутствии региональной статистики мы не можем использовать «Книги памяти» Кемеровской области как самостоятельный источник.

В 7 томах «Книги памяти» Алтайского края [27], созданной на основе базы данных «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК)», содержатся имена 46 226 человек. База данных была создана специалистами управления архивного дела Алтайского края в ходе подготовки издания «Книг памяти» по материалам судебно-следственных дел фонда Р-2 «Управление ФСБ РФ по Алтайскому краю». В 1992–2005 гг. судебно-следственные дела по Алтайскому краю были переданы из управления ФСБ на хранение в государственный архив. Часть дел на граждан, не подлежащих реабилитации, а также групповые дела, в которых реабилитированы не все фигуранты дела, остаются на хранении в УФСБ [23. С. 444].

Сопоставим данные опубликованной статистики репрессий по годам с данными «Книг памяти». В 1935 г. арестованы 557 чел. (97,1% к «Книгам памяти»), в 1936 г. – 406 чел. (107,1%), в первой половине 1937 г. – 647 чел. (108%) [28. С. 130, 380]. Вероятно, в историографии могли быть не учтены люди, приговоренные в других регионах, но чья жизнь так или иначе была связана с Алтаем, поэтому их следственные дела отложились в архиве Алтайского края. Это могло стать причиной появления незначительных расхождений в численности репрессированных согласно БД «Мемориала» и данных историографии. Таким образом, «Книги памяти» Алтайского края за 1935–1936 гг. являются репрезентативным самостоятельным источником.

В Республике Алтай (в 1922–1948 гг. – Ойротской АО), по данным трех томов «Книг памяти» [29], за годы советской власти были репрессированы 7 413 чел. Для нас этот источник является единственным по персональным данным репрессированных, так как мы не располагаем другими документами или статистическими сведениями о репрессированных (единственная статистика приведена в 3-м томе «Книги памяти» на основе анализа ее данных, а также двух предыдущих томов). Мы полагаем, что данные за 1935 – начало 1937 г. можно использовать вместе с информацией «Книг памяти» Алтайского края, так как с 1937 г. территории Алтая и Ойротской АО составили единый

регион. Вероятно, и в предыдущий период политика, проводимая центром (Западно-Сибирским Крайком ВКП(б)) в отношении двух регионов была схожей.

Рассмотрев отдельно «Книги памяти» регионов, входивших в Западно-Сибирский край, мы приходим к выводу, что изучение социального портрета репрессированных в этом регионе на материалах «Книг памяти» 1935–1936 гг. не может дать репрезентативных результатов по причине неполноты сведений «Книги памяти» Новосибирской области и невозможности проверки репрезентативности данных «Книги памяти» Кемеровской области. Следовательно, рассматривая репрессии на территории ЗСК в 1935 – начале 1937 г., мы можем обращаться только к отдельным частям общего массива «Книг памяти» этого макрорегиона. Для такого исследования мы можем использовать данные Томской области и Алтайского края (вместе с Ойротской АО).

В целом «Книги памяти» являются источником, содержащим в себе богатый информационный потенциал. То, что их сведения собраны воедино в базе данных «Мемориала», существенно облегчает и структурирует работу с этим источником. Однако анализ полноты сведений «Книг памяти» за период 1935–1937 гг. показал, что далеко не все из них могут быть использованы для составления коллективной биографии репрессированных данного периода. Необходимо изучение структуры и методов создания каждой конкретной Книги для каждого отдельного региона, а также сравнение с данными опубликованной статистики жертв репрессий. На примере «Книг памяти» мы также не можем изучать укрупненные регионы середины 1930-х гг. для анализа политических репрессий накануне Большого террора, а вынуждены выбирать «Книги памяти» только отдельных территориальных единиц, входивших в состав укрупненных регионов.

Список источников

1. Жертвы политического террора в СССР. 4-е изд. М., 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собрание документов : в 7 т. / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. М. : РОССПЭН, 2004. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. 728 с.
3. Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. О масштабе политических репрессий в СССР при Сталине: 1921–1953 // Демоскоп weekly : электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2007. 10–31 дек. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0313/analit01.php#1>
4. Жемкова Е.Б. Масштабы советского политического террора // Справочные материалы к базе данных «Жертвы политического террора в СССР». URL: <https://www.memo.ru/media/uploads/2017/08/22/masshtaby-sovetskogo-politicheskogo-terrora.pdf>
5. Кириллов В.М. Проблемы создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий // Проблемы создания ЕЭБД жертв полит. репрессий в пределах СССР : сб. докладов международной научно-практ. конф., Н. Тагил, 18–21 мая 2000 г. / под ред. В. М. Кириллова. – Н. Тагил : НТГПИ, 2001. С. 13–18.
6. Уйманов В.Н. Опыт создания электронной базы данных репрессированных на территории Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 103–106
7. Путилова Е.Г. Проблема увековечения памяти жертв политических репрессий в России (II половина 1980-х – начало 2000-х гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 9 (99). С. 71–75
8. Справка о возможности использования существующих на сегодняшний день информационных ресурсов о жертвах политических репрессий при создании Единой электронной Книги памяти (базы данных). 58 с. // Историческая память. XX век : государственный террор и политические репрессии в СССР. URL: istramyat.ru/wp-content/uploads/2017/05/knigi_pamyati.pdf
9. «Открытый список» жертв политических репрессий в СССР. URL: <https://openlist.wiki/>
10. Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М. : Кучково поле, 2006. 480 с.
11. Кириллов В.М. Книги памяти жертв политических репрессий: историография и методология // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 5 (5). С. 71–85
12. Фаворская И.М. Деятельность по восстановлению прав и увековечению памяти нижегородцев – жертв репрессий // Политические репрессии на Нижегородской земле / МКУК ЦГБ им. В.И. Ленина / сост. Т.В. Кучерова, Н.П. Шахмайкина. Н. Новгород, 2012. URL: <http://www.gorbiobl.nnov.ru/files/bibliographies/politreprsii.doc>
13. За нами придут корабли : список реабилитированных лиц, смертные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области. Магадан : Магадан. Кн. изд-во, 1999. 215 с. URL: <http://old.memo.ru/library/bkmemory/magadan.htm>
14. Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919–1938 гг. : историко-статистическое исследование. Барнаул : Азбука, 2015. 255 с.
15. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М. : Наука, 1992. 256 с.
16. Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги : сб. документов и материалов / сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. 319 с.
17. Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... Томск : Взд-во Том. ун-та, 1995. 334 с.
18. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области / отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск : Nonparel, 2010. Вып. 3. 525 с.
19. Книга памяти жертв политических репрессий Новосибирской области. Новосибирск : Сова, 2008. Вып. 2. 624 с.
20. Гвоздиков Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. 516 с.
21. Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области. Кемерово : Полиграфкомбинат, 1996. Т. 2. 554 с.
22. Павлов С.М. Кузбасская Голгофа : (очерки о политических репрессиях). Кемерово : Кузбассвуиздат, 2008. 367 с.
23. Жданова Г.Д. Проблемы обеспечения сохранности и использования судебно-следственных дел // История сталинизма: репрессированная российская провинция : материалы междунар. науч. конф., Смоленск, 9–11 октября 2009 г. / под ред. Е.В. Кодина. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 444–450.
24. Уйманов В.Н. Национальный состав репрессированных на территории Западной Сибири в 1931–1941 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 105–110.
25. Ширшев Н.А. Сборник документов «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае» как источник изучения репрессивной политики советского государства в 1919–1950-е гг. // Документ в современном обществе: между прошлым и будущим : тез. X Всерос. студенческой науч.-практ. конф., Екатеринбург, 7–8 апреля 2017 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 360–362.
26. Вохменцева Н.В. Поляки в Горном Алтае в 30–50-е гг. XX века в документах и фактах // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3 (9). С. 62–67.
27. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае : (Книга памяти) : [в 7 т.]. Барнаул : Упр. арх. дела админ. Алт. края, 1998.
28. Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965 / под ред. Г.Н. Безрукова. Барнаул : Админ. Алт. края : Упр. арх. дела админ. Алт. края, 2005. 432 с.

29. Книга памяти жертв политических репрессий : Республика Алтай : [в 3 т.] / сост.: П.И. Чепкин, О.Н. Вразовская, Т.А. Бурак. Горно-Алтайск : Юч-Сюмер, 1996.

References

1. Rachinskiy, Ya.Z. et al. (2007) *Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR* [Victims of Political Terror in the USSR]. 4th ed. Moscow: Zveniya (CD-ROM).
2. Vert, N. & Mironenko, S.V. (2004) *Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: sobranie dokumentov: v 7 t.* [History of Stalin's Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s: collected documents: in 7 vols]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
3. Okhotin, N.G. & Roginskiy, A.B. (2007) O masshtabe politicheskikh repressiy v SSSR pri Staline: 1921–1953 [On the scale of political repressions in the USSR under Stalin: 1921–1953]. *Demoskop weekly*. 10th –31st December. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0313/analit01.php#1>
4. Zhemkova, E.B. (n.d.) Masshtaby sovetskogo politicheskogo terrora [The scale of Soviet political terror]. In: *Spravochnye materialy k baze dannykh "Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR"* [Reference materials to the database "Victims of political terror"]. [Online] Available from: <https://www.memo.ru/media/uploads/2017/08/22/masshtaby-sovetskogo-politicheskogo-terrora.pdf>
5. Kirillov, V.M. (2001) Problemy sozdaniya edinogo elektronnoy bazy dannykh zhertv politicheskikh repressiy [Problems of creating a unified electronic database of victims of political repressions]. In: Kirillov, V. M. (2001) *Problemy sozdaniya EEBD zhertv polit, repressiy v predelakh SSSR* [Problems of creating the unified electronic database of victims of political repressions within the USSR]. Nizhnyy Tagil: NTSP. pp. 13–18.
6. Uymanov, V.N. (2012) Opyt sozdaniya elektronnoy bazy dannykh repressirovannykh na territorii Tomskoy oblasti [Creating an electronic database of the repressed on the territory of the Tomsk region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 362. pp. 103–106
7. Putilova, E.G. (2010) Problema uvekovecheniya pamyati zhertv politicheskikh repressiy v Rossii (II polovina 1980-kh – nachalo 2000-kh gg.) [The problem of perpetuating the memory of victims of political repression in Russia (the second half of the 1980s – early 2000s)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 9(99). pp. 71–75
8. Anon. (n.d.) *Spravka o vozmozhnosti ispol'zovaniya sushchestvuyushchikh na segodnyashniy den' informatsionnykh resursov o zhertvakh politicheskikh repressiy pri sozdanii Edinoy elektronnoy Knigi pamyati (bazy dannykh)* [Information about the possibility of using the currently existing information resources about the victims of political repression for the Unified Electronic Book of Memory (database)]. [Online] Available from: istpamyat.ru/wp-content/uploads/2017/05/knigi_pamyati.pdf
9. Wiki. (n.d.) *"Otkrytyy spisok" zhertv politicheskikh repressiy v SSSR* [An "open list" of victims of political repression in the USSR]. [Online] Available from: <https://openlist.wiki/>
10. Mozokhin, O.B. (2006) *Pravo na repressii. Vnesudebnye polnomochiya organov gosudarstvennoy bezopasnosti (1918–1953)* [The right to reprisals. Extrajudicial powers of state security organs (1918–1953)]. Moscow: Kuchkovo pole.
11. Kirillov, V.M. (2011) *Knigi pamyati zhertv politicheskikh repressiy: istoriografiya i metodologiya* [Books in Memory of Victims of Political Repressions: Historiography and Methodology]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 5(5). pp. 71–85
12. Favorskaya, I.M. (2012) Deyatel'nost' po vosstanovleniyu prav i uvekovecheniyu pamyati nizhegorodtsev – zhertv repressiy [Activities to restore the rights and perpetuate the memory of Nizhny Novgorod residents – victims of repression]. In: Kucherovala, T.V. & Shakhmaykina, N.P. *Politicheskie repressii na Nizhegorodskoy zemle* [Political repressions on the Nizhny Novgorod land]. Nizhny Novgorod: [s.n.]. [Online] Available from: <http://www.goribibl.nnov.ru/files/bibliographies/politreprsii.doc>
13. Abramov, S.V. (ed.) (1999) *Na nami pridut korabli: spisok reabilitirovannykh lits, smertnye prigovory v otnoshenii kotorykh privedeny v ispolnenie na territorii Magadanskoy oblasti* [Ships will come for us: a list of rehabilitated persons whose death sentences were carried out on the territory of Magadan Region]. Magadan: Magadan kn. izd-vo. [Online] Available from: <http://old.memo.ru/library/bkmemory/magadan.htm>
14. Zhdanova, G.D. (2015) *Politicheskie repressii na Altaye 1919–1938 gg.: istoriko-statisticheskoe issledovanie* [Political repressions in Altai 1919–1938: a historical and statistical research]. Barnaul: Azbuka.
15. Polyakov, Yu.A. (1992) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Osnovnye itogi* [All-Union population census of 1939. Main results]. Moscow: Nauka.
16. Zhiromskaya, V.B. & Polyakov, Yu.A. (2007) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: obshchie itogi: sb. dokumentov i materialov* [All-Union population census of 1937: general results. Collected documents and materials]. Moscow: ROSSPEN.
17. Uymanov, V.N. (1995) *Repressii. Kak eto bylo...* [Repression. How it was...]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Krasilnikov, S.A. (2010) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy v Novosibirskoy oblasti* [The Book of Memory of Victims of Political Repression in Novosibirsk Region]. Vol. 3. Novosibirsk: Nonparel'.
19. Papkov, S.A. (ed.) (2008) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy Novosibirskoy oblasti* [The Book of Memory of Victims of Political Repression in Novosibirsk Region]. Vol. 2. Novosibirsk: Sova.
20. Gvozdkova, L.I. (1997) *Istoriya repressiy i stalinskikh lagerey v Kuzbasse* [History of Repressions and Stalin's Camps in Kuzbass]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
21. Gvozdkova, L.I. (1996) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy Kemerovskoy oblasti* [The Book of Memory of the Victims of Political Repressions of Kemerovo Region]. Vol. 2. Kemerovo: Poligrafkombinat.
22. Pavlov, S.M. (2008) *Kuzbasskaya Golgofa: (ocherki o politicheskikh repressiyakh)* [The Kuzbass Calvary: (essays on political repressions)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
23. Zhdanova, G.D. (2011) Problemy obespecheniya sokhrannosti i ispol'zovaniya sudebno-sledstvennykh del [Problems of ensuring the safety and use of judicial investigation cases]. In: Kodina, E.V. (2011) *Istoriya stalinizma: repressirovannaya rossiyskaya provintsiya* [History of Stalinism: Repressed Russian Province]. Moscow: Ros. polit. entsikl. (ROSSPEN); Fond "B.N. Eltsin Presidential Center." pp. 444–450.
24. Uymanov, V.N. (2012) Natsional'nyy sostav repressirovannykh na territorii Zapadnoy Sibiri v 1931–1941 gg. [Ethnic composition of the repressed on the territory of Western Siberia in 1931–1941]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 357. pp. 105–110.
25. Shirshov, N.A. (2017) Sbornik dokumentov "Zhertvy politicheskikh repressiy v Altayskom krae" kak istochnik izucheniya repressivnoy politiki sovetskogo gosudarstva v 1919–1950-e gg. [The collected documents "Victims of political repressions in the Altai Territory" as a source for studying the repressive policy of the Soviet state in the 1919–1950s]. *Dokument v sovremennom obshchestve: mezhdru proshlym i budushchim* [Document in the Contemporary Society: Between the Past and the Future]. Proc. of the 10th All-Russian Students' Conference. Ekaterinburg, April 7–8, 2017. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 360–362.
26. Volkmentseva, N.V. (2015) Poles in the Altai mountains in 1930–1950 in documents and facts. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 3(9). pp. 62–67. (In Russian).
27. Tarabaev, N.I. (ed.) (1998) *Zhertvy politicheskikh repressiy v Altayskom krae: (Kniga pamyati)* [Victims of political repressions in the Altai Territory: (The Book of Memory)]. Barnaul: Department of Archival Affairs of the Altai Territory Administration.
28. Bezrukov, G.N. (2005) *Politicheskie repressii v Altayskom krae. 1919–1965* [Political repression in the Altai Territory. 1919–1965]. Barnaul: Altai Territory Administration.
29. Chepkin, P.I. Vrazovskaya, O.N. & Burak, T.A. (1996) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: Respublika Altay* [The Book of Memory of the Victims of Political Repressions: Republic of Altai]. Gorno-Altaysk: Yuch-Syumer.

Сведения об авторе:

Мишина Екатерина Максимовна – кандидат исторических наук, редактор проекта «Открытый список» жертв политических репрессий в СССР, сотрудник благотворительного фонда «Протяни руку» (Москва, Россия). E-mail: zyu@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mishina Ekaterina M. – Candidate of Historical Sciences, Editor, the Project “Open List” of Political Terror Victims in the USSR; Fellow-Worker, The Charity Foundation “Give the Hand” (Moscow, Russian Federation). E-mail: zyu@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2018; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 10.11.2018; accepted for publication 11.11.2022

Научная статья

УДК 9(с)21:9(с) 22

doi: 10.17223/19988613/80/19

История революции и гражданской войны в Сибири объединила их судьбы. Творческий путь В.А. Овсянкина и С.А. Сидоренко

Надежда Семеновна Сидоренко¹, Сергей Михайлович Ткачев²

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия, sidorenkons@cspu.ru

² Томский государственный университет, Томск, Россия, tkachev5319@yandex.ru

Аннотация. На материалах архивной документации, периодических изданий, источников личного происхождения отражена специфика научного пути профессоров Владимира Александровича Овсянкина (1909–1985) и Семёна Анисимовича Сидоренко (1905–1980). Авторы обращаются к основным аспектам совместного творчества ученых, связанных с исследованием истории революции и Гражданской войны в Сибири. В статье отражена исследовательская позиция авторов. На основе анализа научных публикаций определен их личный вклад в изучение данной проблематики.

Ключевые слова: Гражданская война, революции 1917 г., Сибирь, В.А. Овсянкин, С.А. Сидоренко, научная биография

Для цитирования: Сидоренко Н.С., Ткачев С.М. История революции и гражданской войны в Сибири объединила их судьбы. Творческий путь В.А. Овсянкина и С.А. Сидоренко // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 163–169. doi: 10.17223/19988613/80/19

Original article

The history of revolution and civil war in Siberia united their fates. Creative way V.A. Ovsyankina and S.A. Sidorenko

Nadezda S. Sidorenko¹, Sergey M. Tkachev²

¹ South Ural State University for the Humanities and Education, Chelyabinsk, Russian Federation, sidorenkons@cspu.ru

² Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, tkachev5319@yandex.ru

Abstract. In focus of the article there are two academic historians, professor Semen Sidorenko (1905-1980) and professor Vladimir Ovsyankin (1909-1984). They both worked at Leningrad State University and were into exploring of the Revolution of 1917 and the Siberian civil war. The lack of studies on scientific collaboration is the main goal of the article. Different archive materials were used for the theme disclosure such as information from Central State Archive of St. Petersburg, Tomsk State University Archive, newspapers and private sources, and professor Sidorenko's family archive. Some of material appear in scientific circulation for the first time. The article is written in the genre of scientific biography. The authors consider life relations of characters and concentrate on the moments which reflect specifics of the investigated historical epoch. Culture revolution transformations in the 1930s opened the way into science and their personality traits such as perseverance, diligence and talent helped them to achieve good results. A young associate professor of the history department of LSU Ovsyankin becomes scientific supervisor of postgraduate student Sidorenko in 1940. The Second World War interrupts their collaboration. Sidorenko joins the army as a volunteer and loses all his family in the siege of Leningrad. Despite his painful grief Semen Sidorenko finds strength to complete postgraduate program and gets Phd in 1947. Vladimir Ovsyankin as a dean deputy of evacuated faculty in Saratov conducts research and leads reevacuation in 1944. He shows himself as a talented organizer leading the process of university building restoration. But the fabricated "Leningrad case" reflected in his biography. During 1960-70s these characters fully elicited their potential as scientists and educators. They both got PhDs in history in the 1960-70s. Then Ovsyankin became the head of the History Department at Leningrad State University, whereas Sidorenko got a new family and worked successfully at a university in the South Ural. historians, contribution to the reconstruction and conceptualization of revolutionary process in Siberia in the spring-autumn of 1917, as well as breakdown of civil society and its descent into the civil war.

The biographies of Ovsyankin and Sidorenko reflect the specificity of the whole era in the Soviet history. Their individual contributions to the history and education deserve of international recognition and will earn a prominent place in Russian historian society of 20th century.

Keywords: Civil war, revolution of 1917, Siberia, V.A. Ovsyankin, S.A. Sidorenko, scientific biography

For citation: Sidorenko, N.S., Tkachev, S.M. (2022) The history of the Revolution and the Civil War in Siberia united their destinies. The creative path of V.A. Ovsyankin and S.A. Sidorenko. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 163–169. doi: 10.17223/19988613/80/19

Осмысление 100-летнего рубежа событий революций 1917 г. и Гражданской войны в России актуализирует внимание к научным трудам и судьбам ученых, посвятивших свою жизнь изучению данной проблематики. Среди них достойное место занимают имена профессоров Владимира Александровича Овсянкина (1909–1985) и Семена Анисимовича Сидоренко (1905–1980). Их научный и жизненный путь складывался порой непросто, но они с честью выходили из трудностей, поднимаясь на новые высоты. Вместе с тем в научной литературе отсутствуют исследования их совместного научного творчества. В данной статье авторы, освещая жизненный и профессиональный путь ученых, ставят своей задачей раскрыть их вклад в развитие знаний по истории революций 1917 г. и Гражданской войны в Сибири.

Статья написана с привлечением архивных документов, извлеченных из фондов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.), архива Томского государственного университета, материалов периодических изданий, источников личного происхождения, в том числе семейного архива С.А. Сидоренко, ряд из которых впервые вводится в научный оборот.

Свой путь в науку герои нашего исследования начали фактически после завершения Гражданской войны и перехода страны к мирному развитию. Сложность переходной эпохи отразилась в переплетении противоречивых тенденций в развитии отечественного научного сообщества. Инфильтрация новых ценностей в общественное сознание была тесно сопряжена со стремлением ограничить роль и влияние дореволюционной профессуры и подготовкой новых кадров национальной интеллигенции, причем не только технической. Возросла потребность достаточного числа научных кадров в области истории. В ведущих вузах страны открылись исторические факультеты. В целях подготовки высококвалифицированных специалистов были скорректированы правила поступления в вузы – не по принципу подходящего классового происхождения, как это было в самом начале 1930-х гг., а на основе приемных испытаний.

В 1935 г. на заочное отделение исторического факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ) поступил выпускник Омского комвуза Семен Анисимович Сидоренко, имевший к этому времени 10-летний педагогический стаж. Четыре курса он окончил заочно, а в 1939 г. как отличник учебы был командирован в Ленинград для завершения обучения на дневном отделении (в счет 2% отбора). Сидоренко с большим воодушевлением погрузился в новую для него вузовскую атмосферу [1. С. 144].

Исторический факультет ЛГУ, несмотря на определенные потери начала 1930-х гг., представлял собой один из наиболее ярких коллективов ученых и педагогов. На становление С.А. Сидоренко как ученого большое влияние оказала целая плеяда выдающихся историков – будущие академики Б.Д. Греков, В.В. Струве, Е.В. Тарле, профессора В.В. Мавродин, С.Б. Окунь, С.Н. Валк, О.Л. Вайнштейн, М.И. Артамонов, А.И. Молок, С.Я. Лурье и другие преподаватели, сумевшие

передать высокую научную культуру и преданность избранному делу.

Значительное внимание на историческом факультете уделялось подготовке кадров историков-профессионалов. С этой целью студентов привлекали к научно-исследовательской работе по основным научным направлениям кафедр. Одним из направлений кафедры истории СССР было изучение истории Гражданской войны, в значительной степени связанное с именами профессора Н.А. Корнатовского и молодого доцента В.А. Овсянкина.

С.А. Сидоренко, уроженец д. Черниговка Томской губернии (ныне Новосибирской области) был прикреплен для выполнения научной работы к В.А. Овсянkinу. Предложенная тема – «Разгром Колчака» – была ему близка. Подростком 13–15 лет он пережил все тяготы, выпавшие на долю гражданского населения Сибири в эти годы.

Работа над темой определила творческое содружество студента и научного руководителя на многие годы вперед. И этому были свои основания. Их многое объединяло. Оба вышли из крестьянской среды, из отдаленных регионов: Семен Анисимович – из сибирской глубинки, Владимир Александрович – из Северо-Западного региона России – д. Алфёровки Северодвинской губернии (Архангельской области). Оба с молодых лет вынуждены были работать, помогая себе и своей семье. Оба прошли школу комсомола, активно включились в работу новых органов власти. В.А. Овсянкин в 1925–1929 гг. работал в волостном и уездном комитетах ВЛКСМ на ответственной работе, был секретарем волостного комитета ВЛКСМ. С.А. Сидоренко около десяти лет был секретарем сельской комсомольской организации, в 1926–1939 гг. избирался и был членом сельского и районного советов.

Для обоих характерными были огромное желание учиться, большой интерес к исторической науке, истории России. Волею судьбы оба оказались причастными к одному из ведущих вузов страны – Ленинградскому государственному университету. Оба успешно завершили обучение и были рекомендованы для продолжения учебы в аспирантуре исторического факультета. В 1938 г., по окончании аспирантуры, В.А. Овсянкин защитил кандидатскую диссертацию по теме «Разгром Колчака», в 1939 г. решением ВАК был утвержден в звании доцента [2]. В 1940 г. в числе первых аспирантов к нему был прикреплен С.А. Сидоренко.

Война прервала совместную научную работу аспиранта и его научного руководителя. В первые же дни войны С.А. Сидоренко подал заявление о добровольном вступлении в армию. В рядах народного ополчения работал по созданию линии обороны на подступах к Ленинграду. Рядом со студентами участвовали в рытье противотанковых рвов и преподаватели. На самых тяжелых участках рядом с аспирантом трудился его научный руководитель В.А. Овсянкин.

В начале июля 1941 г. С.А. Сидоренко вызвал секретаря парткома университета и объявил о формировании из числа студентов, аспирантов и преподавателей отряда особого назначения: «Вы писали работу о разгроме Колчака, следовательно, знакомы с под-

польной работой в тылу врага, владеете немецким языком и Ваше участие в отряде весьма желательно», – сказал он. [3. С. 50].

С.А. Сидоренко без колебаний дал свое согласие. Так тема научного исследования наряду с подходящими данными общефизической и языковой подготовки определила в ходе строжайшего отбора его кандидатуру в состав особого отряда для ведения диверсионно-разведывательных действий на территории, временно оккупированной противником. Отряд действовал в Тосненском районе Ленинградской области в течение девяти месяцев – в самое тяжелое для страны время, нанося ощутимый ущерб противнику [4. С. 19–21]. Как отметил Президент В.В. Путин, «...в начале войны потребовалось создание большого количества специальных подразделений. Часто люди уходили на боевое задание и без глубокой должной подготовки и без специального вооружения. И, конечно, несли большие потери». Вместе с тем в годы войны эти подразделения наносили серьезные удары по врагу, уничтожали штабы и коммуникации, добывали важнейшие разведданные [5]. Общую судьбу таких отрядов разделил и отряд ЛГУ. Для С.А. Сидоренко «дорога домой» прошла через пленение и побег. Победу он встретил в составе 24-го Гвардейского кавалерийского полка. Однако встреча с Ленинградом оказалась тяжелой – в блокадном городе погибла вся его семья.

Оформив восстановление в аспирантуре, С.А. Сидоренко взял отпуск для поездки на родину, в Сибирь. Встреча с родными помогла ему принять решение о начале «новой жизни». Преодолевая боль утрат, он вернулся в университет и продолжил обучение в аспирантуре. Здесь С.А. Сидоренко узнал, что пришлось пережить родному университету и факультету в годы войны. Силы придавало сознание того, что даже в таких сложных условиях факультет не прекратил своей деятельности. С гордостью он воспринял известие о высоком патриотизме его научного руководителя, который в годы эвакуации факультета в г. Саратов исполнял обязанности заместителя декана, ведя одновременно большую научную работу. В 1944 г. его работа над диссертацией по теме «Борьба за советскую власть в Сибири в 1917–1920 гг.» была поддержана назначением сталинской докторской стипендии. С эвакуацией в 1944 г. в Ленинград ему доверили большую организаторскую деятельность – возглавить штаб по восстановлению здания университета. Как талантливый оратор и энергичный руководитель он был назначен на должность заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации Ленинградского ГК ВКП(б) по науке и вузам [6. С. 33].

Аспирант поделился с Владимиром Александровичем своим великим горем и, получив слова поддержки, «с головой окунулся в работу». В декабре 1947 г., по завершении обучения в аспирантуре, успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Революция в Сибири (установление советской власти в Сибири)». Распоряжением Министерства высшего образования СССР был направлен на работу в Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева. На историческом отделении историко-филологического факуль-

тета университета началась его педагогическая деятельность. В 1947–1948 учебном году С.А. Сидоренко читал курс «Историография СССР», вел спецкурс «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Сибири», спецкурс по истории Октябрьской социалистической революции [7. Л. 10, 12].

Послевоенное десятилетие оказалось по-разному сложным как для В.А. Овсянкина, так и для С.А. Сидоренко. В 1951 г. сфабрикованное «Ленинградское дело» вырвало Владимира Александровича с исторического факультета ЛГУ более чем на два года. Только в 1953 г. он был реабилитирован и восстановлен на работе в университете. Для Семена Анисимовича эти годы стали в прямом смысле годами борьбы за жизнь, за здоровье, подорванное в условиях войны и пленения. Пришлось пройти ряд сложных операций. В 1956 г. он обрел новую семью. Стало возможным возвращение к любимой научной и педагогической деятельности.

1960–1970-е годы явились своего рода вершиной педагогической, научной и организаторской деятельности В.А. Овсянкина и С.А. Сидоренко. В этот период в полной мере раскрылись научный потенциал и выдающиеся организаторские способности Владимира Александровича Овсянкина. Его научная деятельность во многом способствовала становлению новейшей истории России – научной дисциплины, получившей всеобщее признание не только в нашей стране, но и за ее пределами. Необходимость научного исследования проблем гражданской истории XX в. и преодоления доминировавшего с начала 1930-х гг. партийного подхода становилась все более очевидной. В начале 1960-х гг. В.А. Овсянкину удалось добиться создания сектора истории советского общества на одноименной кафедре исторического факультета ЛГУ. В 1968 г. сектор был преобразован в кафедру истории советского общества (ныне кафедра новейшей истории России), которую более 20 лет он и возглавлял. Под его руководством кафедра превратилась в один из ведущих центров страны по изучению истории революции и Гражданской войны, истории рабочего класса [8. С. 102]. При этом в тематике научных исследований В.А. Овсянкина сохранился устойчивый интерес к истории Гражданской войны в Сибири. В декабре 1969 г. ему было присуждено ученое звание профессора без защиты докторской диссертации. Как справедливо заметил один из его молодых коллег, «это был редчайший случай признания заслуг ученого и организатора...» [6. С. 33].

Одновременно Владимир Александрович вел активную деятельность по подготовке научно-педагогических кадров. Только за 1968–1974 гг. он подготовил 12 кандидатов наук, а 5 его учеников защитили докторские диссертации и получили звания профессоров. Среди своих учеников – докторов наук – В.А. Овсянкин выделял и Семена Анисимовича Сидоренко [8. С. 110; 9. Л. 32–33].

С 1949 г. педагогическая и научная деятельность С.А. Сидоренко продолжилась в Челябинском государственном педагогическом институте (ЧГПИ), куда он был переведен из ТГУ по семейным обстоятельствам и где проработал до конца жизни. В 1972 г. защитил

докторскую диссертацию в диссертационном совете на кафедре истории СССР ЛГУ по теме «Сибирь в период мирного развития революции (март – середина июля 1917 г.)». Положительные отзывы на автореферат диссертации прислали академик И.И. Минц, профессора И.М. Разгон, П.И. Рощевский, М.М. Шорников, В.П. Сафронов. В 1974 г. Сидоренко получил звание профессора. Ему выпала честь стать первым профессором отечественной истории среди историков Южно-Урала.

С конца 1950-х гг. на новом уровне возобновилось научное сотрудничество В.А. Овсянкина и С.А. Сидоренко как ученых, увлеченных вопросами истории революции и Гражданской войны в Сибири. В 1958–1962 гг. в Вестнике ЛГУ был опубликован ряд их совместных статей, в которых нашли отражение исследовательская позиция авторов, их особое внимание к вопросу источников изучения темы. Отдавая должное архивным документам, отложившимся в региональных и центральных архивах страны, они в то же время высказали мнение об особой роли газетной периодики, фактически представлявшей собой комплекс источников, что вполне соответствует современной трактовке вопроса [10]. Ученые актуализировали это положение применительно к ситуации в Сибири, где «по многим вопросам навсегда останется единственным источником периодическая печать, которая также сохранилась далеко не полно» [11. С. 158]. Авторы подчеркивали значение корреспонденций, содержащих ценный фактический материал, ссылаясь в том числе на традиции дореволюционной отечественной историографии: «Но и листок повременной газеты – говорил еще Грановский, – так же дорог для историка, как хартия летописи» [Там же].

В публикациях и выступлениях на научных конференциях ученые в условиях доминирования партийного подхода смело отстаивали принцип объективности. Считали необходимым привлечение «наряду с документами, исходящими от большевистских организаций... документов враждебного лагеря», «для характеристики положения на фронтах... использовать “Бюллетени Сибирского верховного командования”, которые давали более подробное освещение военных событий, чем газеты “Власть труда” и “Центро-Сибирь” [Там же. С. 160].

События 1917–1920 гг. в Сибири ученые осмысливали сквозь призму давних разнохарактерных конфликтов, резко обострившихся под влиянием затянувшейся мировой войны, что обусловило революционный взрыв 1917 г. и его последующее перерастание в военно-политическое противостояние [12. С. 47–50; 13. С. 100–109]. Учеными был выявлен и систематизирован значительный объем эмпирических данных, в научный оборот введено большое число новых исторических источников, сформулирован ряд положений и выводов, не утративших научной значимости и сегодня.

Существенный вклад в реконструкцию и осмысление процесса нарастания политической конфронтации в Сибири в апреле–июне 1917 г., того, что мы сегодня характеризуем как «сползание» общества в состояние гражданской войны, внесли работы С.А. Сидоренко.

Ученым выявлен и проанализирован обширный фактический материал, отражающий восприятие основными социальными группами Сибири социально-политической действительности в изучаемый период. Реконструированы модели их поведения, проанализировано влияние на массовую психологию и выбор вариантов поведения политических партий и их лидеров, среди которых особо выделено воздействие комитетов социалистических партий – социал-демократов и эсеров. Рост влияния большевиков интерпретирован как процесс принятия массами их лозунгов в ходе инициативного участия масс в поиске выхода из углублявшегося социально-экономического и политического кризиса в условиях затянувшейся войны [14]. Возможности политики социальной солидарности и компромисса, связанные с идеологией и тактикой умеренных социалистов, признавались несостоятельными вследствие слабости политики Временного правительства и скачивания местного аппарата управления в состояние безвластия [15. С. 20].

Одними из первых В.А. Овсянкин и С.А. Сидоренко поставили вопрос о необходимости изучения «в историческом разрезе социальной психологии» [8. С. 108]. В научных публикациях и монографическом исследовании С.А. Сидоренко акцентировал внимание на роли «человека в военной форме» в событиях 1917–1920 гг. в Сибири. Переход солдат на сторону революции в феврале 1917 г. отмечен как важный фактор, обеспечивший ей мирную победу [16. С. 217], а в последующие месяцы – рост политического влияния советов (наиболее ярко на примере Томского совета, опиравшегося на 70-тысячный гарнизон и обладавшего фактическим единовластием) [14. С. 23]. С.А. Сидоренко выявлено революционизирующее воздействие отпуска солдат в деревни на сельхозработы, что способствовало развитию аграрного движения в Сибири [Там же. С. 215–227]. Одним из факторов, усиливших психологическое напряжение и рост готовности к использованию оружия в борьбе интересов, определен им широкий и разнородный миграционный поток, резко возросший в годы Первой мировой войны, который вел к трансформации традиционной структуры сибирского общества, нес в себе потенциал использования различных форм борьбы [Там же. С. 38–39, 58–59].

С.А. Сидоренко внесены коррективы в представление о численности рабочих Сибири и степени их политической активности. Выявленные им данные подтверждают современные представления о том, что рабочие Сибири не были однородной массой и что воздействие на ход общественно-политической жизни определяла именно активная их часть. По мнению ученого, к ней относилось около четверти промышленных рабочих, сконцентрированных в промышленных заведениях шести городов – Барнаула, Иркутска, Красноярска, Омска, Томска и Новониколаевска (ныне Новосибирск) [17. С. 60]. Практика борьбы за экономические интересы содействовала политизации их сознания, росту влияния большевиков и их лозунгов, что приводило «народные массы в непосредственное столкновение с буржуазией, Временным правительством и его ставленниками на местах...» [Там же. С. 49–50]. В то

же время основную ответственность в нарастании политической конфронтации в Сибири в течение 1917 г. ученые возлагали на политических противников большевиков [17. С. 49–50, 68–69]. Следует отметить, что С.А. Сидоренко справедливо указывал на внимание большевиков к пропаганде, использованию ярких и убедительных слов и символов в полемике со своими политическими конкурентами, что обеспечивало им успех. В частности, это прослежено на примере работы Первого Съезда горнорабочих Западной Сибири [18. С. 338].

Военно-историческая составляющая событий Гражданской войны в Сибири стала частью научного исследования В.А. Овсянкина и традиционной тематикой проводимых им спецкурсов и семинаров [19, 20]. Несмотря на идеологические установки советского времени в подаче материала, В.А. Овсянкин и С.А. Сидоренко не были склонны к героизации данного периода. Пережив события этой эпохи в ранней юности, они в полной мере ощутили ее сложность и трагизм. В то же время в работах авторов прослеживается и личная оптимистичная позиция, обусловленная формированием в советской России новых социальных лифтов, открывших им дорогу в науку и научное сообщество [21].

Жизненный путь В.А. Овсянкина и С.А. Сидоренко отражает специфику целой эпохи в истории советского общества и государства. Они не были «кабинетными» учеными, их активная жизненная позиция определила высокую эффективность в педагогической и общественной сферах деятельности. В.А. Овсянкин в должности заведующего кафедрой отечественной истории (1968–1974) добился значительных темпов ее развития, введения новых учебных дисциплин, специальных курсов. Его всегда окружали многочисленные ученики. Владимир Александрович входил в состав ряда ученых советов, в том числе по истории Октябрьской революции при АН СССР, являлся членом Головного совета по истории при Министерстве высшего образования РСФСР. За заслуги в научной и педагогической деятельности в 1970 г. был занесен на университетскую доску почета ЛГУ [8. С. 110–111].

С.А. Сидоренко большую учебную, научную работу в вузе сочетал с активной общественной деятельностью на факультете, в институте, городе и регионе. Уже первые лекции и первые практические занятия

Семена Анисимовича позволили коллегам сказать, «что в наш коллектив вошел историк высочайшей квалификации, целеустремленный, требовательный к себе и к студентам» [22. С. 14]. Такой образ пронес он до последнего года работы. Студенты отмечали: «Мы в мертвой тишине ловили каждое слово и уже в письменном виде отражали его в конспектах. И так практически на всех лекциях. Мы, пожалуй, были подавлены эрудицией профессора. ... Все формулировки были отточены, лекции логично построены, материал интересен» [23. С. 27]. Как ученого и педагога его отличало бережное отношение к историческим источникам. Серьезное внимание уделял он вопросам историографии, привлекая внимание студентов к значимости этой работы.

С именем С.А. Сидоренко связаны многие традиции исторического факультета ЧГПУ: участие преподавателей в дискуссиях на страницах центральных исторических журналов; проведение межвузовских научно-практических конференций и выпуск сборников «Из истории Южного Урала и Зауралья»; участие в конкурсах учебников по истории России; проведение очно-заочных семинаров с учителями сельских районов; прием экзаменов по «творческим вопросам» и др.

В течение ряда лет С.А. Сидоренко активно участвовал в общественном движении по охране памятников истории и культуры (ВООПИК), был членом научного Совета при архивном отделе облисполкома. Как настоящий патриот он не мог оставаться равнодушным к попыткам сноса зданий и сооружений, имеющих историческое и культурное значение. Горячо отстаивал свою позицию на различных инстанциях властных структур, не боясь быть «в опале». Часто выступал перед населением, в печати, привлекал на свою сторону многих, и в первую очередь молодежь, студентов. Благодаря общим усилиям удалось сохранить многие здания Челябинска, Троицка и других городов Южного Урала, которые сегодня составляют их неповторимый колорит.

Широта научных интересов и направлений деятельности В.А. Овсянкина и С.А. Сидоренко, их личный вклад в науку, формирование целого поколения учителей, ученых, общественных деятелей позволяют говорить о том, что их имена заняли достойное место в отечественном научном сообществе XX столетия.

Список источников

1. Сидоренко Н.С., Ткачева В.С. С.А. Сидоренко: к 100-летию со дня рождения // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. 1. Исторические науки. 2005. № 3. С. 144–149.
2. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. р-4390. Овсянкин Владимир Александрович (1909–1985 гг.), доктор исторических наук, профессор. Оп. 1. URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cga/r-4390> (дата обращения: 12.03.2019).
3. Сидоренко Н.С. Из семейного архива (о военной судьбе С.А. Сидоренко) // Музейный вестник ФГБОУ ВПО «Челябинская государственная академия культуры и искусств» / сост. Н.В. Овчинникова. Челябинск : ЧГАКИ, 2015. Вып. 20: [К 70-летию победы в Великой Отечественной войне]. С. 50–59.
4. Агеев В.У., Вьюник В.А. Шестнадцатый факультет. М. : Физкультура и спорт, 1975. 56 с.
5. Путин рассказал о воевавшем в спецподразделении отце // Рамблер. 2019. 28 фев. URL: [https://news.rambler.ru/politics/41787355-putin-rasskazal-o-sluzhbe-ottsa-v-spetsnazne-nkvd/?utm_source=head&utm_campaign=self_promo&utm_medium=news&utm_content=news](https://news.rambler.ru/politics/41787355/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copypinkhttps://news.rambler.ru/politics/41787355-putin-rasskazal-o-sluzhbe-ottsa-v-spetsnazne-nkvd/?utm_source=head&utm_campaign=self_promo&utm_medium=news&utm_content=news) (дата обращения: 12.03.2019).
6. Колесников А.Я. Мои встречи с В.А. Овсянкиным // Труды Исторического факультета СПбГУ. История. Исторические науки. 2013. № 14. С. 33–35.
7. Архив Томского государственного университета (ТГУ). Ф. 815. Оп. 29. Д. 350.
8. Ходяков Л.В. Кафедра новейшей истории России // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004 : очерк истории / отв. ред. А.Ю. Дворниченко СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. С. 102–111.
9. ЦГА СПб. Ф. Р-4390. Оп. 1. Д. 90.

10. Рынков В. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44–50.
11. Овсянкин В.А., Сидоренко С.А. К истории борьбы за Советскую власть в Восточной Сибири // Вестник Ленинградского университета. 1958. № 20. Сер. Истории, языка и литературы. Вып. 4. С. 158–162.
12. Овсянкин В.А., Сидоренко С.А. Сплочение трудящихся под лозунгом «Вся власть Советам!» в период мирного развития революции (апрель–май 1917 года) // Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. Л. : Изд-во ЛГУ, 1967. С. 47–70.
13. Сидоренко С.А. Некоторые вопросы историографии Великой Октябрьской социалистической революции в Сибири // Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917–1967 : материалы 3-й науч. сессии вузов Уральского экономического района (исторические науки). Свердловск : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1967. Вып. 1: История СССР. С. 100–109.
14. Сидоренко С.А. Февральская буржуазно-демократическая революция и начало перехода к революции социалистической в Сибири (март–апрель 1917 г.). Челябинск : Южно-Урал. кн. изд-во, 1970. 244 с.
15. Сидоренко С.А. Первый Съезд горнорабочих Западной Сибири // Из истории Южного Урала и Зауралья / отв. ред. С.А. Сидоренко. Челябинск : Южно-Урал. кн. изд-во, 1967. Вып. 2. С. 3–27.
16. Сидоренко С.А. Победа буржуазно-демократической революции и двоевластие в Сибири // Свержение самодержавия / Ин-т истории АН СССР. М. : Наука, 1970. С. 215–229.
17. Сидоренко С.А. Численность населения Сибири накануне Октября // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск : ЧГПИ, 1971. Вып. 5. С. 47–63.
18. Сидоренко Н.С. Трансформация общественного сознания и поведения регионального общества в условиях нарастания политического и военного противоборства в 1917–1918 гг. (на материале Урала) // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 1–3 октября 2018 г.) / отв. ред. Ю.А. Петров; Рос. ист. о-во, Ин-т рос. истории РАН, Гос. центр. музей совр. истории России. М. : ЦГМСИР, 2018. С. 337–342.
19. Овсянкин В.А. Положение в Сибири в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л. : ЛГУ, 1969. С. 153–168.
20. Библиотечка гражданской войны : в 10 кн. / под ред. В.А. Овсянкина. Л. : Лениздат, 1970. Вып. 1: Питерцы на фронтах гражданской войны. 467 с.; 1972. Вып. 2: Петроград в дни завершающих боев. 102 с.; Вып. 3: Трудовой Петроград – фронту. 86 с.; Вып. 4: Питерцы на первых фронтах. 127 с.; Вып. 5: Против ставленников Антанты. 101 с.; Вып. 6: Трудовой Петроград – фронту. 86 с.; Вып. 7: Разгром контрреволюционных заговоров в Петрограде в 1918–1919 гг. 88 с.; Вып. 8: Разгром Юденича. 103 с.; Вып. 9: Боевой Петроград в 1918 году. 128 с.; Вып. 10: Балтийцы на защите Петрограда. 103 с.
21. Шишкин В.И. Социальная мобильность в России во время революций 1917 г. и Гражданской войны // Гражданская война в России (1917–1922). Историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 16–17 июня 2016 г.). М. : Ин-т Наследия, 2016. С. 47–53.
22. Майзель Л.Г. Коллеги и ученики об Ученом и Учителе // С.А. Сидоренко. Первый профессор Отечественной истории Южного Урала. Челябинск, 2000. С. 14–16. (Ведущие ученые ЧГПУ).
23. Ткачев С.М. Первый экзамен // С.А. Сидоренко. Первый профессор Отечественной истории Южного Урала. Челябинск, 2000. С. 26–29. (Ведущие ученые ЧГПУ).

References

1. Sidorenko, N.S. & Tkacheva, V.S. (2005) S.A. Sidorenko: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya [S.A. Sidorenko: to the centennial of his birth]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. 1. Istoricheskie nauki*. 3. pp. 144–149.
2. The Central State Archive of St. Petersburg (TsGA St. Petersburg). (n.d.) *Fund r-4390. Ovsyankin Vladimir Aleksandrovich (1909–1985), doktor istoricheskikh nauk, professor* [Ovsyankin Vladimir Aleksandrovich (1909–1985), Dr. of History, Professor]. List 1. [Online] Available from: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cga/r-4390> (Accessed: 12th March 2019).
3. Sidorenko, N.S. (2015) Iz semeynogo arkhiva (o voennoy sud'be S.A. Sidorenko) [From the family archive (on the military fate of S.A. Sidorenko)]. In: Ovchinnikova, N.V. *Muzejnyy vestnik FGBOU VPO "Chelyabinskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv"* [Museum Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. Vol. 20. Chelyabinsk: ChSACA. pp. 50–59.
4. Ageevets, V.U. & Vyunik, V.A. (1975) *Shestnadsatyy fakul'tet* [The Sixteenth Faculty]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
5. Rambler. (2019) Putin rasskazal o vovavshem v spetspodrazdelenii otse [Putin spoke about his father who fought in the special forces]. 28th February. [Online] Available from: [https://news.rambler.ru/politics/41787355-putin-rasskazal-o-sluzhbe-otse-v-spetsnazne-nkvd/?utm_source=head&utm_campaign=self_promo&utm_medium=news&utm_content=news](https://news.rambler.ru/politics/41787355/?utm_content=news&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://news.rambler.ru/politics/41787355-putin-rasskazal-o-sluzhbe-otse-v-spetsnazne-nkvd/?utm_source=head&utm_campaign=self_promo&utm_medium=news&utm_content=news) (Accessed: 12th March 2019).
6. Kolesnikov, A.Ya. (2013) Moi vstrechi s V.A. Ovsyankinym [My meetings with V.A. Ovsyankin]. *Trudy Istoricheskogo fakul'teta SpbGU. Istorika. Istoricheskie nauki*. 14. pp. 33–35.
7. The Archive of Tomsk State University (TSU). Fund 815. List 29. File 350.
8. Khodyakov, L.V. (2004) Kafedra noveyshey istorii Rossii [Department of Contemporary History of Russia]. In: Dvornichenko, A.Yu. (ed.) *Istoricheskiy fakul'tet Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1934–2004: ocherk istorii* [Faculty of History of St. Petersburg University. 1934–2004: an outline of history]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 102–111.
9. The Central State Archive of St. Petersburg (TsGA St. Petersburg). Fund R-4390. List 1. File 90.
10. Rynkov, V. (2010) Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [The periodical press: a place in the system of historical sources]. *Otechestvennye arkhivy*. 3. pp. 44–50.
11. Ovsyankin, V.A. & Sidorenko, S.A. (1958) K istorii bor'by za Sovetskuyu vlast' v Vostochnoy Sibiri [On the history of the struggle for Soviet power in Eastern Siberia]. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Ser. Istorii, yazyka i literatury*. 20(4). pp. 158–162.
12. Ovsyankin, V.A. & Sidorenko, S.A. (1967) Splochenie trudnyashchikhsya pod lozungom "Vsyaya vlast' Sovetam!" v period mirnogo razvitiya revolyutsii (aprel'–may 1917 goda) [Rallying the working people under the slogan "All power to the Soviets!" during the period of the peaceful development of the revolution (April – May 1917)]. In: *Iz istorii Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii i sotsialisticheskogo stroitel'stva v SSSR* [From the history of the Great October Socialist Revolution and socialist construction in the USSR]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 47–70.
13. Sidorenko, S.A. (1967) Nekotorye voprosy istoriografii Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii v Sibiri [Some questions of the historiography of the Great October Socialist Revolution in Siberia]. *Istoricheskaya nauka na Urale za 50 let. 1917–1967* [Historical science in the Urals for 50 years. 1917–1967]. Proc. of the Thrid Session of Universities of the Ural Economic Region (Historical Sciences). Sverdlovsk: Ural State University. pp. 100–109.
14. Sidorenko, S.A. (1970) *Fevral'skaya burzhuazno-demokraticeskaya revolyutsiya i nachalo perekhoda k revolyutsii sotsialisticheskoy v Sibiri (mart–aprel' 1917 g.)* [February Bourgeois-Democratic Revolution and the Beginning of the Transition to the Socialist Revolution in Siberia (March – April 1917)]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural. kn. izd-vo.
15. Sidorenko, S.A. (1967) Pervyy S"ezd gomorabochikh Zapadnoy Sibiri [The First Congress of Miners of Western Siberia]. In: Sidorenko, S.A. (ed.) *Iz istorii Yuzhnogo Urala i Zaural'ya* [From the History of the Southern Urals and Trans-Urals]. Vol. 2. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural. kn. izd-vo. pp. 3–27.

16. Sidorenko, S.A. (1970) Pobeda burzhuazno-demokraticheskoy revolyutsii i dvoevlastie v Sibiri [The victory of the bourgeois-democratic revolution and dual power in Siberia]. In: Mints, I.I. (ed.) *Sverzhenie samoderzhaviya* [Overthrow of the Autocracy]. Moscow: Nauka. pp. 215–229.
17. Sidorenko, S.A. (1971) Chislennost' naseleniya Sibiri nakanune Oktyabrya [The population of Siberia on the eve of October]. In: *Iz istorii Yuzhnogo Urala i Zaural'ya* [From the history of the Southern Urals and Trans-Urals]. Vol. 5. Chelyabinsk: ChSPl. pp. 47–63.
18. Sidorenko, N.S. (2018) Transformatsiya obshchestvennogo soznaniya i povedeniya regional'nogo obshchestva v usloviyakh narastaniya politicheskogo i voennogo protivoborstva v 1917–1918 gg. (na materiale Urala) [Transformation of public consciousness and behavior of the regional society in the context of growing political and military confrontation in 1917–1918 (a case study of the Urals)]. In: Petrov, Yu.A. (ed.) *Rossiya v gody Grazhdanskoy voyny, 1917–1922 gg.: vlast' i obshchestvo po obe storony fronta* [Russia During the Civil War, 1917–1922: Power and Society on Both Sides of the Front]. Moscow: GTsMSIR. pp. 337–342.
19. Ovsyankin, V.A. (1969) Polozhenie v Sibiri v period podgotovki i provedeniya Oktyabr'skogo voozruzhennogo vosstaniya v Petrograde [The situation in Siberia during the preparation and conduct of the October armed uprising in Petrograd]. In: Ezhov, V.A. (ed.) *Problemy otechestvennoy i vseobshchey istorii* [Problems of National and General History]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 153–168.
20. Ovsyankin, V.A. (ed.) (1970–1972) *Biblioteka grazhdanskoy voyny* [A Library of the Civil War]. Leningrad: Lenizdat.
21. Shishkin, V.I. (2016) Sotsial'naya mobil'nost' v Rossii vo vremya revolyutsiy 1917 g. i Grazhdanskoy voyny [Social mobility in Russia during the revolutions of 1917 and the Civil War]. In: *Grazhdanskaya voyna v Rossii (1917–1922). Istoricheskaya pamyat' i problemy memorializatsii "krasnogo" i "belogo" dvizheniya* [Civil War in Russia (1917–1922). Historical Memory and Problems of Memorialization of the “Red” and “White” Movement]. Moscow: In-t Naslediya. pp. 47–53.
22. Mayzel, L.G. (2000) Kollegi i ucheniki ob Uchenom i Uchitele [Colleagues and students about the Scientist and the Teacher]. In: S.A. Sidorenko. *Pervyy professor Otechestvennoy istorii Yuzhnogo Urala* [S.A. Sidorenko. The First th Professor of Patriotic History of the Southern Urals]. Chelyabinsk. pp. 14–16.
23. Tkachev, S.M. (2000) Pervyy ekzamen [The first exam]. In: S.A. Sidorenko. *Pervyy professor Otechestvennoy istorii Yuzhnogo Urala* [S.A. Sidorenko. The First th Professor of Patriotic History of the Southern Urals]. Chelyabinsk. pp. 14–16.

Сведения об авторах:

Сидоренко Надежда Семеновна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Российская Федерация). E-mail: sidorenkons@cspu.ru

Ткачев Сергей Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заместитель начальника отдела сопровождения образовательных программ Томского государственного университета (Томск, Российская Федерация). E-mail: tkachev5319@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Sidorenko Nadezhda S. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of National History and Law, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: sidorenkons@cspu.ru

Tkachev Sergey M. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Support of Educational Programs of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tkachev5319@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.12.2019; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 20.12.2019; accepted for publication 11.11.2022

Научная статья
УДК 94(47).03/031
doi: 10.17223/19988613/80/20

Проблемы взаимоотношений русской церкви и монгольских ханов в дореволюционной и советской историографии

Юрий Вячеславович Сочнев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижегородский филиал,
Нижегород, Россия, ochnevjobmail@yandex.ru*

Аннотация. На основе достижений источниковедения и историографии рассматриваются результаты исследований роли православной церкви в период ордынского господства. Проблема взаимоотношений русской церкви и монгольских завоевателей привлекала к себе внимание еще в XVI в., но ее подлинно научное изучение началось лишь в XIX в. В трудах церковных историков XIX – начала XX в. была заложена весомая основа для будущих исследований.

Ключевые слова: история русской церкви, роль церкви в ордынский период, Золотая Орда, льготы ханов митрополитам, отечественная историография, советская историография

Для цитирования: Сочнев Ю.В. Проблемы взаимоотношений русской церкви и монгольских ханов в дореволюционной и советской историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 170–179. doi: 10.17223/19988613/80/20

Original article

Issues of the relationship between the Russian church and the Mongolian khans in the pre-revolutionary and soviet historiography

Yury V. Sochnev

Higher School of Economics National Research University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ochnevjobmail@yandex.ru

Abstract. It seems indisputable that there are considerable blank spaces in studying history of church during the period of Mongolian sovereignty over Russia. In addition, completely different points of view in the pre-revolutionary and Soviet historiography on the aforementioned problem make some difficulties in interpretation of events. The purpose of this article is to consider results of researches about the role of the Orthodox Church during the period of Mongolian domination on the basis of achievements of the source study and historiography, taking into account modern methodological positions. It allows to define historians' views on the place of the Russian church in the system of the Russian-Golden Horde relationship.

The issue of relationship between the Russian church and the Mongolian conquerors was raised in the 16th century because of the confrontation between the Josephites and Non-possessors. The khans' grants were used by the Orthodox hierarches as an argument in a polemic about possession of church lands.

In the 18th century representatives of rationalistic historiography paid attention to the Russian church's role during the Horde period (M. M. Shcherbatov). Veritable academic research of the problem began only in the 19th century along with preparation of the general courses of the church history.

Metropolitan Platon (Levshin), the archbishop Filaret (Gumilevsky) and especially archbishop Makari (Bulgakov) made a significant contribution in the problem statement, accumulation of data and defining primary approaches to studying. The research of the Moscow spiritual academy Professor E.E. Golubinsky was to some extent a result of development of all pre-revolutionary historiography of the subject. Even now it might be assessed as one of the most comprehensive and full. P. P. Sokolov's research and the other ones are also noteworthy.

Russian sources were the main basis for the studying of relationship between the Russian church and Mongols in the 19th- the beginning of the 20th century since the Oriental sources were not adequately studied yet. History of the Golden Horde was also investigated not enough for making any difference. Khans' labels were the only sources of the Golden Horde attracted for the solution of the specified problems. Studying of labels became a special field in historiography, so it has a significant value for the abovementioned issue. It is important to note that the authors of 19th - the beginning of the 20th century created an essential foundation for future researches.

The Soviet period must be considered as less fruitful. In the majority of works devoted to history of church ideological and atheistic interests prevailed over scientific issues. The problem of relationship between the Russian church and the

Golden Horde in these works was not comprehensively investigated. Soviet authors used the outdated or obviously tendentious approaches and conclusions based on M. N. Pokrovsky's concept. It led to a distortion of the role of clergy during domination of the Mongolian khans over Russian lands. New approaches to studying of this theme were outlined in researches in the last years of Soviet historiography.

A conclusion about support provided by the Russian church to the Golden Horde which was dominating in the Soviet historiography seems to be speculative, predetermined by Marxist and atheistic methodology of historical studies in this period, since it has no actual confirmation in the written sources. So, the majority of authors who continue to write about the problems connected with history of church dramatically changed their assessments.

Keywords: history of the Russian church, a role of church during the Golden Horde period, the Golden Horde, privileges of khans to metropolitans, Russian historiography, Soviet historiography

For citation: Sochnev, Y.V. (2022) Issues of the relationship between the Russian church and the Mongolian khans in the pre-revolutionary and soviet historiography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 170–179. doi: 10.17223/19988613/80/20

Начало изучения указанной проблемы восходит к XVI в., когда заканчивалась летописная эпоха и начинали пробиваться первые ростки научного исторического познания. Возникшие в начале века в связи с борьбой иосифлян и нестяжателей риски для реализации практических интересов русской церкви весьма серьезно актуализировали проблемы ее взаимоотношений с монгольскими завоевателями, которые к тому времени еще были свежи в памяти. В соборном ответе 1503 г. Ивану III, подготовленном при митрополичьей кафедре, пожалования ханов были выдвинуты в качестве одного из фундаментальных аргументов в полемике об обладании церковными землями [1. С. 328–329].

В XVIII в. представители рационалистической историографии обращали внимание на роль церкви в период иноземного владычества (М.М. Щербатов), но подлинно научное изучение обозначенной темы началось лишь в следующем столетии. В XIX в. ее разработка велась преимущественно в рамках общих курсов истории церкви, подготовка которых оставалась прерогативой высшего духовенства. Это объясняется цензурными условиями того времени и степенью развития исторической науки. Первым трудом, претендовавшим на систематическое изложение церковной истории, была «Краткая церковная российская история» московского митрополита Платона (Левшина) [2]. Однако работа Платона больше напоминала свод фактических данных, излагаемых на основе повтора летописных сообщений и других источников. По рассматриваемой проблеме митрополитом Платоном были отмечены льготы церкви и веротерпимость ханов. В качестве главной причины такого положения дел автор выдвинул языческие верования кочевых народов [Там же. С. 136–137]. Первая целевая систематизация материалов с краткими комментариями была хотя и небольшим, но все же шагом в развитии темы.

Следующей работой, в рамках которой исследовалась проблема взаимоотношений церкви и монголов, стала «История русской церкви» архиепископа Филарета (Гумилевского) [3]. В последующем периодизация истории церкви, предложенная Филаретом, была признана и во многом послужила основой для трудов его последователей. Источниковая база этого исследования была заметно шире, чем у митрополита Платона. Здесь период монгольского владычества над русскими землями был представлен как самостоятельный раздел в истории церкви. Автор пытался далее систе-

матизировать и анализировать материал. Хотя, как и в предыдущем труде, полученные от ханов привилегии церкви были объяснены их веротерпимостью, в ряде моментов заметно продвижение в развитии интересующей нас темы. Архиепископ Филарет выделил в истории завоевателей период язычества и период, когда в их среде стал утверждаться ислам, совершенно справедливо констатируя и тогда сохранение доброжелательного отношения к христианству. В работе дается подборка сведений о случаях обращения монголов в христианство, приводится много интересных материалов по теме. Однако в общем объяснении событий этого периода истории церкви Филарет выступает как представитель формальной богословской школы, который заменяет конкретно-исторический анализ априорными рассуждениями общерелигиозного характера.

Следующим автором, обратившимся к интересующей нас проблематике, был архиепископ Макарий, впоследствии митрополит Московский. В 1859 и 1861 гг. в академическом духовном журнале «Христианское чтение» были опубликованы две его статьи, рассматривающие историю церкви во времена монгольского господства [4, 5]. Данные статьи составили одну из основ появившейся позже фундаментальной «Истории церкви». Монгольский период существования русской церкви рассматривается в 4-м и 5-м томах труда архиепископа Макария [6]. Как и все 12 томов, они отличаются большой фактической полнотой, наличием примечаний и объемистых приложений, где публиковались малоизвестные и еще не изученные источники. Эту сторону исследования выразительно охарактеризовал А.В. Карташов: «Выдающееся достоинство монументального творения митр. Макария – это его пока еще не превзойденная фактическая полнота, благодаря которой оно представляет для историков русской церкви такую же сокровищницу специального знания, какой является история С.М. Соловьева для общей истории России» [7. Т. 1. С. 28]. Фактическое богатство исследования представляет несомненный интерес и для современных историков. Однако автор не всегда справляется с объемом приводимого материала и порой предстает просто как его собиратель. В работе мы уже не найдем открытых ссылок на помощь Божию. Архиепископ Макарий обозначил многие аспекты взаимоотношений церкви и ханов, но в работе мы не увидим их всестороннего анализа, а лишь систематически подобранные по ним материалы. Как и у предше-

ственников, говорится о веротерпимости монголов, отмечаются проникновение русского духовенства в далекую Монголию и факт создания Сарайской епархии, приводятся сведения о крещении представителей монгольской аристократии и простых кочевников [6. Т. 4, кн. 1. С. 115–126]. Существенным пробелом оказалось отсутствие материалов об экономическом положении церкви, что, впрочем, объясняется общим состоянием исторической науки в то время. Единственным источником, отчасти компенсирующим этот недостаток, явились ханские ярлыки. Их комплекс рассматривался в 5-м томе в разделе о правовом положении церкви, здесь автор опирался на работу востоковеда В.В. Григорьева о ярлыках [8]. Вслед за ним архиепископ Макарий считает достоверными семь ярлыков, в том числе и подложный ярлык митрополиту Петру от хана Узбека. Это сказалось на выводах автора в отношении объема предоставляемых на основе ярлыков привилегий. Постановка вопроса об объеме прав церкви в связи с ярлыками является несомненной заслугой архиепископа Макария, но его решение нельзя признать удовлетворительным. Историк церкви считал, что ярлыки освобождали духовенство и церковных людей от всякой ответственности перед светскими властями, в том числе в судебной сфере, даже по делам о разбое и убийстве. По его мнению, ханские грамоты подчиняли этих людей только церковным властям и судам [6. Т. 5, кн. 2. С. 46]. Несмотря на наличие некоторых выводов, которые современными исследователями не могут быть приняты, у архиепископа Макария есть интересные наблюдения; так, было отмечено, что монголами были оставлены в силе все прежние узаконения русских князей в пользу церкви [Там же. С. 32]. К сожалению, автор не обратил внимания на возникающее после этого утверждения противоречие с выводом о правах церкви в связи с ярлыками и не попытался его разрешить. В работе практически не рассматривалось участие церкви в политических делах, в ряде случаев проявляется недостаточно критичный подход к источникам. В целом же труд архиепископа Макария был значительным шагом в исследовании взаимоотношений церкви и монгольских завоевателей.

Примером иного разворота темы явилась небольшая работа П. Образцова [9]. Рассматривая вопрос о значении деятельности церкви в период завоевания и владения монголов над русскими землями, автор пишет: «Прежде всего, конечно, влияние духовенства в этот тяжкий период нашей отечественной истории было влияние нравственное» [Там же. С. 91]. Акцентируя внимание только на роли церкви в деле формирования нравственных норм, распространения просвещения и сохранения национальной культуры П. Образцов не касался вопросов участия духовенства в политической и дипломатической деятельности, не затрагивал экономических условий ее существования. При всей правомерности и значимости подобного подхода к проблеме нельзя не отметить односторонность позиции автора и некоторую субъективность выводов. Говоря о положении, сложившемся после завоевания Руси, автор писал: «Теперь проводимая духовенством идея, в силу которой иго монголов есть не больше, как нака-

зание Божие за грехи народа, подрывала мысль о непобедимости монголов в самом ее основании, и таким образом снова пробуждала энергию духа в народе, обещала ему прежнюю религиозную и политическую самостоятельность» [Там же. С. 106]. Написанная без привлечения необходимого количества источников, данная работа предстает более публицистическим, нежели конкретно-научным произведением.

В качестве определенного итога дореволюционной русской историографии истории церкви можно рассматривать впечатляющий труд профессора Московской духовной академии (с 1903 г. академика) Е.Е. Голубинского [10]. Его взгляды на многие вопросы церковной истории были далеки от официального направления. Пройдя путь от костромского семинариста до академика, Е.Е. Голубинский благодаря своим фундаментальным знаниям и трудолюбию сумел занять видное место среди крупнейших историков своего времени. Интересующие нас проблемы рассматривались в томе 2 (часть 1) его «Истории русской церкви». Свое изложение состояния церковных дел во время каждого митрополита при монголах автор сопровождает конкретными и очень информативными наблюдениями о фактах взаимоотношений духовенства с ордынскими властями. Но главный интерес для нас представляет отдельный раздел «Порабощение Руси монголами и отношение ханов монгольских к русской церкви или вере русских и к их духовенству», где концентрированно излагаются взгляды на причины веротерпимости монголов и дается анализ правового положения церкви на основе ханских ярлыков.

Строго научная почва, на которую всегда стремился опираться Е.Е. Голубинский, позволяла ему оставаться объективно точным. Характеризуя положение церкви под властью ордынских ханов, он писал: «Таким образом, этот бич Божий, обрушившийся на наше отечество, не явился по крайней мере бичем для церкви, т.е. не явился бичем для последней по крайней мере со стороны ее внешней свободы и внешнего положения» [Там же. Ч. 1 С. 17]. Описывая веротерпимость завоевателей, он прослеживал данный феномен с момента образования государства Чингиз-хана, рассматривал религиозные и политические причины ее проявления. По истории Золотой Орды сделано интересное наблюдение, вслед за Филаретом (Гумилевским) автором выделено два периода религиозной политики Джучидов. В первом доминировала добровольная веротерпимость, определяемая язычеством, во втором – по необходимости, в условиях победившего ислама, но слабо укоренившегося, при сохранении действия Великой ясы Чингиз-хана. Как исследователь Е.Е. Голубинский определил некоторые важные подходы к изучению конкретной истории церковно-ордынских отношений и сделал здесь интересные зарисовки. В целом же он характеризовал проблему следующим образом: «История фактически формальных отношений ханов золотоордынских к русской церкви и русскому духовенству как страны покровительствующей к стороне покровительствуемой, т.е. история того, в каких формах и каким порядком ханы золотоордынские на деле заявляли русской церкви и ее духовенству свое признание

их неприкосновенности и прав, остается недостаточно известною» [10. Ч. 1. С. 27].

Весьма содержательными оказались рассуждения о правовом положении церкви, сложившемся после выдачи ханских ярлыков. Автор и здесь сумел остаться объективным, указав на спорность и неясность многих моментов. В этой связи следует иметь в виду, что Е.Е. Голубинский, как и Макарий, использовал как достоверный источник сохранившийся поздний текст ярлыка митрополиту Петру, якобы пожалованный ханом Узбеком, но позже М.Д. Присёлковым [11] и П.П. Соколовым [12] было доказано, что документ является подложным. Поэтому к его выводам, сформулированным на основе данного ярлыка, о соотношении прав светской и духовной властей следует подходить критически.

В рассматриваемом труде исследовались некоторые вопросы участия церкви в политической борьбе, взаимодействия с русскими князьями, но недостаточно было уделено вниманию экономическим основам деятельности церкви. Благодаря широте поставленных проблем и богатству сообщаемых фактов исследование Е.Е. Голубинского до сих пор сохраняет научную значимость. По интересующей нас теме оно остается во многом наиболее всесторонним и полным, несмотря на появление позже других работ.

Среди дореволюционных работ также вызывает интерес исследование киевского ученого П.П. Соколова [13]. Изучение действия византийских правовых и канонических норм в русском обществе проводится им на широком фоне конкретных событий церковной и государственной истории. Значительное место в книге отведено периоду XIII–XIV вв. Материалы разделены по временам управления церковью русскими митрополитами, деятельность которых подробно обрисована автором. При этом рассматриваются многие вопросы участия церковных иерархов в политических делах, взаимоотношениях с Ордой и русскими князьями. В данных разделах П.П. Соколов подробно останавливался на состоянии церкви после завоевания Руси, отмечал перемещение церковного центра из Киева во Владимир, давал характеристику изменениям правового и экономического положения духовенства, привлекая для этого ханские ярлыки. Размышления автора над ярлыками, объяснение их содержания представляют интерес для источниковедческого изучения этих документов.

В связи с рассматриваемой проблематикой нельзя не отметить работу священника Н.А. Соловьева, посвященную истории Сарайской епархии [14]. В ней рассматриваются причины и условия создания этого церковного института, прослеживается его дальнейшая историческая судьба. Здесь мы не найдем широких обобщений и выводов, поскольку работа написана как комментарий к обширнейшему своду фактических сведений обо всех известных сарайских епископах.

К обозначенному направлению в дореволюционной историографии следует отнести и книгу русского историка церкви за рубежом А.В. Карташёва [7]. Доцент Петроградской духовной академии, обер-прокурор Синода и затем министр вероисповеданий во Временном правительстве в 1917 г., в эмиграции он стал про-

фессором русской духовной академии в Париже, готовившей кадры православного духовенства для стран Западной Европы и Америки. По своей методологии и источниковой базе его труд обнаружил связь с дореволюционной наукой, поскольку и задуман был еще в России. В освещении интересующего нас периода «Очерки» Карташева не дали новой интерпретации, выступая, по признанию самого автора, как труд, «не претендующий на новую научную разработку, повторительный и обобщительный...» [Там же. Т. 1. С. 9]. Рассматривая вопросы о контактах церкви и монгольских ханов, автор следовал в русле исследований Е.Е. Голубинского, повторяя многие его выводы и даже структуру работы. В то же время в «Очерках» есть некоторые интересные комментарии и наблюдения.

Характерной чертой изучения взаимоотношений русской церкви и монгольских завоевателей в XIX – начале XX в. являлась постановка проблем главным образом на материалах русских источников. Восточные источники не были в достаточной мере изучены и лишь начинали вводиться в научный оборот, поэтому не могли служить основанием широких обобщений и выводов. Также на начальном уровне находилась разработка истории Золотой Орды. Медленный процесс выявления, накопления и научного осмысления сведений в этой области исторического знания был одной из основных причин, тормозивших ее изучение в полном объеме. Это сказывалось и на исследовании проблем взаимосвязей Руси с завоевателями, влияния монголов на покоренные страны и народы. Без изучения вопросов общественной жизни Золотой Орды, истории ее государственности невозможно составить полное и правильное представление о конфессиональной политике ханов, конкретных особенностях ее этапов и в целом об их отношении к русской церкви.

В следующие 75 советских лет историографические достижения оказались, к сожалению, менее плодотворными. В силу партийного руководства развитием исторической науки вопросы церковной истории не были отнесены к приоритетным. В большинстве работ по истории церкви идеологические и атеистические интересы, часто вульгарно понимаемые, превалировали над научными задачами. Проблема взаимоотношений русской церкви и золотоордынских правителей не подвергалась в этих трудах специально рассмотрению во всем объеме. В лучшем случае авторы уделяли внимание локальным моментам, опираясь на дореволюционные исследования, которые они же зачастую беспощадно критиковали, и на отдельные общедоступные к тому времени источники. Однако использование последних во многих случаях требовало дополнительного критического разбора, сопоставления с другими данными и даже специального источниковедческого изучения. Идеологическая детерминированность приводила к тому, что в значительном ряде исследовательских работ по данной проблеме использовались устаревшие результаты или заведомо тенденциозные выводы. Следствием этого явилось искаженное представление о роли духовенства в период властвования монгольских ханов над русскими землями. Поэтому более содержательными представляются исследования

последних лет существования советской историографии, в которых наметились новые подходы к изучению интересующей нас темы. Следует также отметить, что в работах советского времени по-прежнему сказывалась недооценка результатов изучения истории Золотой Орды, несмотря на большие достижения в разработке данного направления. Характерной особенностью являлось слабое использование материалов золотоордынской истории в разработке рассматриваемой темы, что также не способствовало выяснению объективной картины взаимоотношений высшего духовенства и ханских властей.

Первым в советской историографии попытку взглянуть на историю церкви под углом зрения классовой теории предпринял М.Н. Покровский. С именем этого известного марксистского историка, а в послереволюционный период государственного деятеля (председатель Моссовета, замнаркома просвещения), не связаны специальные исследования по церковной истории, тем не менее его взгляды надолго стали фундаментом советской историографической концепции взаимоотношений духовенства и монгольских завоевателей. Коротко изложим суть его построений. В духе своих общеисторических представлений М.Н. Покровский выделял процесс «феодализации» русской церкви и ее зависимость от государства в Киевский период. Характеризуя последующий исторический этап, марксистский историк писал: «Освобождением от такой зависимости церковь была обязана событию, очень тягостному для остальной нецерковной России, – завоеванию Руси татарами. Высший политический центр Руси переместился в Орду. За исключением Новгорода, епископ стал так же мало зависеть от веча своего родного города, как и князь. Но он перестал зависеть в то же время и от князя – по крайней мере юридически правовое положение церкви определялось теперь ханским ярлыком. В этих грамотах, данных «неверными» царями, привилегии русской церкви были закреплены так широко, как еще ни разу не было при благоверных российских князьях» [15. С. 107].

Сразу же обратим внимание, что М.Н. Покровским не учтены выводы дореволюционных исследователей о веротерпимости завоевателей и внешней свободе действий церкви в период господства Орды, оставлены в стороне также социально-экономические процессы, в значительной степени предопределявшие политические изменения. Вопрос о правовом положении церкви после завоевания Руси монголами решается не столь прямолинейно и односторонне, здесь необходимо принимать во внимание как религиозные верования и общий социокультурный уровень развития кочевников-завоевателей, политические цели монгольских властителей, так и факт сохранения своего действия в русском обществе правовых норм, установленных для церкви еще киевскими князьями. Важно также учитывать динамику русско-ордынских отношений в конкретные периоды по различным аспектам. Говоря об объеме привилегий духовенства, марксистский историк пишет: «Первый же из этих ярлыков... даровал православному духовенству не только самую широкую свободу вероисповедания, но и целый ряд “сво-

бод” гражданского характера» [Там же]. Если мы сопоставим это высказывание с приведенной выше цитатой, то возникает вопрос, кто же нарушал эту свободу вероисповедания до завоевания Руси? Ведь хорошо известно, что христианство и православная церковь были буквально внедрены в русское общество благодаря активной деятельности русских князей.

Далее М.Н. Покровский продолжает: «Ханские грамоты устанавливали... самый полный иммунитет церкви, каким только она пользовалась в Средние века где бы то ни было в Европе: восточному православию в этом случае не приходилось завидовать католицизму» [Там же. С. 109]. Едва ли можно согласиться с таким категоричным утверждением; даже церковные историки, при свойственной им апологизации православия и духовенства, были не столь решительны в своих констатациях и более близки к истине. Следует также отметить, что М.Н. Покровский повторяет ошибку предшественников, используя для обоснования своих выводов позднее Пространное собрание ханских ярлыков, причем не лучшее издание. Он ссылается на Собрание государственных грамот и договоров (Ч. 2. М., 1819), содержащее подложный ярлык хана Узбека митрополиту Петру. Если для дореволюционных историков это объясняется неизученностью ярлыков, то после появления работ М.Д. Присёлкова [11] и П.П. Соколова [12] подобная неkritичность к источникам вызывает удивление.

Характеризуя причины милостивого отношения ордынских ханов к русскому духовенству, ученый пишет: «Что церковь представляла в их распоряжение свое влияние на верующих – этого нельзя было не оценить, и естественно было наградить за это церковь привилегиями. А что эти последние стесняли власть местных светских правителей – это, конечно, Орде могло быть только приятно. Союз православной церкви и татарского хана на первых порах был одинаково выгоден для обеих сторон, а что впоследствии он окажется выгоднее первой, чем последнему, – этого татары не умели предусмотреть именно потому, что они были слишком практическими политиками. Пока они получали в свое распоряжение крупнейшую полицейскую силу, позволявшую заменить мечом духовный меч вещественный, который неудобно же было извлекать из ножен слишком часто» [Там же. С. 109]. Этот вывод, совершенно не обоснованный, ясно показывает идеологическую ангажированность автора и грешит модернизацией истории.

Попытки советских историков в 1930–1950-х гг. вновь обратиться к осмыслению связей православной церкви и ханов Золотой Орды также были не совсем удачными. Концепция и выводы, сформулированные Н.М. Покровским, оставались незыблемыми. В начале 1930-х гг. Е.Ф. Грекулов в своей работе о секуляризации церковного землевладения специально подчеркивал: «...зависимость церкви от государства была довольно сильна до татарского ига... И лишь завоевание Руси татарами освободило церковь от тягостной зависимости... Расширение политических и экономических прав церкви и освобождение ее от княжеской зависимости сделало церковных помещиков благодарными

сотрудниками татар; пользуясь своей независимостью, церковь стала проводить политику, отнюдь не выгодную для великокняжеской власти, проповедовала необходимость примирения с татарами, молилась за них, защищала интересы татар» [16. С. 7–8].

В начале 1940-х гг. появилась статья Н. Аникина, посвященная характеристике положения церкви в период монгольского владычества. Автор использовал основные работы дореволюционных исследователей, оперировал значительным количеством фактических данных. Однако общая методологическая позиция и далеко не полная источниковая база, к тому же недостаточно критически осмысленная, проявились прежними ошибками в выводах. Не сомневаясь, автор пишет: «...в лице духовенства Золотая Орда нашла ту силу, которая помогала ханам держать в повиновении Русь. И высшее духовенство приняло эту роль пособника поработителей, так как благоволение могущественных ханов создавало благоприятные условия духовенству для сохранения независимого от князей положения, для умножения богатств церкви» [17. С. 30]. Эта работа едва ли может быть отнесена к специальным исследованиям, скорее это был исторический очерк с заранее сформулированными выводами.

Утверждения о предательской роли духовенства во времена иноземного владычества стали повторяться в большинстве работ советских историков 50–60-х гг. XX в., посвященных различным вопросам, связанным с историей церкви. Приведем два характерных примера: «В лице православной церкви татаро-монгольские захватчики очень быстро нашли организацию, которая стала освящать их насилие над русским народом» [18. С. 15–16]; «Несть власти, аще не от бога, – вот что проповедовала христианская церковь. Эти публичные за ханов молитвы сдерживали гнев народа против ненавистного ему татарского ига» [19. С. 61].

Не выпал из общего ряда и широко цитируемый в свое время очерк И.У. Будовница «Духовенство и татарское иго», включенный в его монографию [20]. По рассматриваемой теме его выводы выглядели так: «...Золотоордынцы очень хорошо оценили значение церкви как мощного идеологического института, способного укрепить их владычество над Русью. На этой почве между носителями татарского ига и русской церковью установились полное взаимопонимание и взаимопомощь. Духовенство, рассматривая хана как “божий батог”, непрестанно внушая народу мысль о смирении, слепой покорности завоевателям, глушило всякое проявление протеста против ига и считало неуплату дани тяжким грехом. Со своей стороны, ханы Золотой Орды наделяли русское духовенство такими льготами и правами, которых оно не получало от своих князей до монгольского завоевания» [Там же. С. 328]. Поверхностное отношение к историческим реалиям приводило к фактическим ошибкам. Например, просто игнорировались довольно многочисленные летописные свидетельства о гибели во время нашествия войск Бату-хана и последующих ордынских вторжений на Русь священнослужителей и монахов. Перепись населения в Северо-Восточной Руси автор считал проведенной при хане Берке, хотя на самом деле она была

проведена при сыне хана Бату – Улагчи. В работе особо подчеркивалась фанатичная преданность Берке исламу, что также далеко не соответствует истине [Там же. С. 328–329]. Льготы православному духовенству при хане-фанатике да плюс к этому согласие на основание в 1261 г. православной епископии в своих владениях, видимо, должны были убедить даже самых скептических читателей в предательской роли церкви. Очерк И.У. Будовница ограничен хронологическими рамками XIII в., события следующего столетия в нем не затрагивались. Как и его предшественники, он использовал сведения, извлеченные из русских источников, мало привлекал материал по золотоордынской истории. Конкретный анализ становления и развития церковно-ордынских отношений в работе не производился. Сформулированная в ней оценка церкви и духовенства только как верных союзников золотоордынских правителей, прислуживавших им в ответ на предоставленные льготы, является результатом слишком упрощенного подхода к сложному комплексу социально-политических проблем русско-ордынских отношений.

Пожалуй, первым в советской историографии исследованием, нарушившим традицию рассматривать роль церкви во время ордынского господства только как предательскую, явилась кандидатская диссертация И.И. Бурейченко [21]. В круг его профессиональных интересов входили проблемы становления церковно-монастырского землевладения и последующего изменения его характера во второй половине XIV в. Изучая исторические и политические обстоятельства формирования монастырского землевладения, автор в специальном параграфе затрагивает проблему взаимоотношений церкви и ханов Золотой Орды [Там же. С. 340–360]. В этой части работы исследователь ставил своей задачей выявить влияние церковных поземельных связей на политику высших духовных иерархов в отношении ордынских властей и взаимоотношения с русскими князьями. О его стремлении к объективности свидетельствовал тезис о необходимости при изучении позиций церкви в политической и экономической сферах во второй половине XIII в. учитывать, что «...Русь потерпела поражение, и установившееся татаро-монгольское господство во всей его жестокости по форме и содержанию требовало от представителей правящей верхушки феодального общества страны особой гибкости» [Там же. С. 344]. Об объеме предоставленных ханами русскому духовенству привилегий было подмечено, что первоначально ярлыки не ограждали от налогов и вмешательства в хозяйственную жизнь со стороны княжеской администрации, а лишь от посягательств и злоупотреблений ордынских чиновников.

Общая политическая позиция церкви в диссертации охарактеризована отлично от господствовавшего в советской историографии мнения: «...духовные феодалы Руси в общей своей массе и в лице ее высших иерархов, как правило, проводили политику независимости от Орды, тем более что и ханская позиция не была безраздельно покровительственной» [Там же. С. 345]. Уловив изменения поземельных отношений, автор

фиксировал проявившийся в середине XIV в. фискальный интерес ханских властей к церкви. Исследуя пожалования духовенству в XIV в., подтвержденные сохранившимися ханскими ярлыками, И.И. Бурейченко приходит к выводу о высвобождении священнослужителей из под влияния светской администрации в княжествах Северо-Восточной Руси и переходу прерогатив дани и суда в церковных землях к ордынскому правителю. Такой вывод представляется весьма спорным, требующим комплекса более точно выверенных исторических аргументов и источниковедческих доказательств, нежели те, что были приведены автором. Он основан на не совсем верной трактовке ярлыков ханши Тайдулы неизвестному иерарху Иоанну (Ивану) 1347 г. и митрополиту Феогносту 1351 г., а также ярлыка хана Бердибека 1357 г. митрополиту Алексею. Как было показано в предыдущих работах автора данной статьи, получателем ярлыка 1347 г. являлся суздальский епископ. В целом же исследование И.И. Бурейченко представляет большой интерес для рассматриваемой темы, поскольку в нем впервые были реализованы некоторые новые подходы к ее изучению, основанные на лучших предшествующих достижениях источниковедения и историографии.

Наметившееся преодоление стереотипов в представлениях о взаимоотношениях церкви и правителей Золотой Орды было продолжено в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в публикациях Н.А. Охотиной. Статья «Русская церковь и монгольское завоевание (XIII в.)» [22] представила расширенный вариант более ранней работы «Изменения в положении Киевской митрополии в условиях монголо-татарского ига (середина – втор. пол. XIII в.)» [23]. Предметом изучения в них являлись контакты между церковью и ордынскими властями на первом этапе установления отношений, хронологически ограниченном второй половиной XIII в. Выбор подходов для рассмотрения проблемы обозначил желание автора опираться на достижения и результаты дореволюционной историографии. В статьях приводились подтвержденные летописями факты разорения русских церквей и монастырей во время нашествия Бату-хана, но в то же время описывалась веротерпимость монгольских ханов. Бедствия страны, разделенные в это время церковью со всем обществом, по мнению Н.А. Охотиной, не могли вызвать у духовенства никаких других чувств, кроме ненависти. Касаясь объяснения церковью причин постигших страну бедствий «божьей карой», историк совершенно справедливо разъясняла, что целостной основой религиозного мировоззрения и средневекового мышления являлся провиденциализм. Исходя из этого, давалась оценка сложившейся исторической ситуации: «Было бы значительной передержкой обвинять церковников в том, что они сознательно стремились ввести в заблуждение слушателя и читателя, сочинив «теорию» о воздаянии за грехи. Напомним, что так же трактовались набеги кочевников – печенегов и половцев – и многие другие бедствия; ничего нового в разработку этой идеи в годы ордынского ига христианские идеологи не внесли» [23. С. 160–161]. В характеризуемых статьях широко использовались не только летописи,

но также агиографические и литературные произведения, однако по-прежнему в забвении оставались восточные источники и материалы по истории Золотой Орды. В отношении версии развития церковно-ордынских взаимоотношений, предложенной Н.А. Охотиной, следует заметить, что она выглядит упрощенной и не находит подтверждения в источниках.

Анализу церковно-ордынских связей была также посвящена статья А.И. Плигузова и А.Л. Хорошкевич «Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв.» [24]. Структурно она подразделялась на две части. В первой давался источниковедческий обзор изданий краткого собрания ярлыков и его рукописных списков. Эта часть работы содержательно и логически связана с публикацией обнаруженного А.И. Плигузовым первоначального текста древнерусского перевода краткого собрания ярлыков [25]. Во второй части рассматривалась политика монгольских правителей по отношению к русской церкви на протяжении XIII–XIV вв. В этом контексте исследователи предложили оригинальную трактовку некоторых вопросов положения церкви в данное время, взаимоотношений ее руководства со светскими властями. Более предметное выделение различий в религиозной политике ханов Золотой Орды в XIII и XIV вв. представляется безусловной заслугой авторов, но в данном вопросе необходимо гораздо масштабнее принимать во внимание развитие государственности и реформы в этой сфере в улусе Джучи. Интересны наблюдения о становлении конкретных форм отношений высшего духовенства и ордынской администрации, однако ряд положений представляется спорным. Например, маловероятным выглядит предположение об участии митрополичьих войск в военных экспедициях ханов вплоть до воцарения Берке, поскольку сомнительно само существование таких войск в то время. Также нельзя согласиться с утверждением, что лишь при хане Менгу-Темире положение церкви на Руси уравнилось с положением духовенства в остальных покоренных странах [24. С. 92–93]. Этот вывод не подтверждается источниками.

Кроме исследований, непосредственно посвященных изучению взаимоотношений русского духовенства и ордынских ханов, данная проблема затрагивалась в ряде общих работ по истории церкви. В одном из первых специальных трудов советского времени по истории русской церкви, подготовленном Н.М. Никольским, вопросы взаимоотношений духовенства и монгольских завоевателей совсем не затрагивались [26]. В других, как правило, остро ощущалась неразработанность конкретных вопросов положения церкви во время монгольского владычества над Русью. К числу таких работ следует отнести книгу М.С. Корзуна [27]. Несмотря на стремление автора опираться на исследования по истории Руси и Золотой Орды, атеистические задачи в работе явно преобладали. В главе III «Церковь во время борьбы Руси с иноземными захватчиками. Приспособление православия к монголо-татарскому владычеству» положение церкви и ее деятельность в XIII–XIV вв. характеризуется в духе концепции, изложенной еще М.Н. Покровским.

В обобщающих работах по истории русской церкви конца 1980-х гг. подобные взгляды, как правило, также доминировали [28. С. 68–79; 29. С. 54]. В них церковь показывалась как организация, стремящаяся лишь к улучшению своего материального и политического положения, подчас в ущерб начинающим оформляться национальным интересам Руси. В описании ее политики в отношении Золотой Орды упор делался исключительно на зависимости от привилегий ее ханов.

Влияние концепции М.Н. Покровского в оценке роли церкви во времена ордынского господства оказалось решающим и для А.С. Хорошева и Н.С. Борисова. В своих работах, очень популярных в 1980-х гг., они ссылались на его работу и цитировали уже известные нам выводы [30. С. 75; 31. С. 13]. Соответственно, при изложении материала о церковно-ордынских связях воспроизводились стереотипные положения и заключения советской историографии.

В 1991 г. появилась книга Р.Г. Скрынникова, где вывод о церкви как послушном орудии ордынской политики уже подвергался сомнению [32. С. 10]. Однако высказанные автором позднеперестроечной поры здравые суждения не были подкреплены конкретно-историческим анализом взаимоотношений духовенства и монгольских властей в XIII – первой половине XIV в., поскольку изложение событий в его работе начиналось со времен митрополита Алексея.

В историографическом обзоре нельзя не упомянуть работы по истории русско-ордынских отношений, авторы которых касались отдельных вопросов интересующей нас темы. Известнейший историк А.Н. Насонов в своем очень серьезном исследовании, раскрывшем этапы и различные стороны монгольского владычества на Руси, одновременно в основных чертах охарактеризовал позицию духовенства в это время [33]. При этом ученый исходил из конкретного анализа складывающейся обстановки, учитывал всю сложность положения русских княжеств в условиях иноземного завоевания. Но основное внимание в работе уделено изложению политической истории, что сказалось на рассмотрении вопросов о деятельности церкви. В частности, излишне политизированы причины создания в 1261 г. в Сарае кафедры православной епархии. В данном вопросе необходимо принимать в расчет специфическую социальную роль церкви, ее особые задачи как организации, отвечающей за идеологическое и нравственное состояние русского общества.

Широко известный труд Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского также может представлять интерес для исследования ордынской политики по отношению к русской церкви [34]. В книге охвачен весь период существования Золотой Орды, дается характеристика различных сторон ее жизни, в том числе и некоторых конфессиональных вопросов. Много внимания уделено русско-ордынским отношениям. О роли церкви сделан, очевидно, под влиянием господствующей концепции, довольно поспешный вывод: «Публичная молитва духовенства о ханах внедряла в массы мысль о необходимости подчинения татарской власти» [Там же. С. 223].

Изучению положения русских княжеств в первые десятилетия после нашествия Бату-хана посвящена монография В.В. Каргалова. Однако ее автор не занимался специально исследованием взаимоотношений духовенства и ордынских властей. В этих вопросах он опирался на результаты предшествующей историографии, что привело к зависимости в выводах. Деятельность церкви в ней сводится к соглашению с завоевателями и освящению их власти, хотя и отмечается малоизученность этих проблем [35. С. 133–173].

К вопросам взаимоотношений духовенства и ордынских ханов обращалась и М.Д. Полубояринова [36. С. 22–34]. В некоторых сюжетах автор лишь повторила умозаключения и мнения своих предшественников. Например, в общей оценке положения и деятельности церкви она без критики принимает выводы И.У. Будовница, хотя и использует труды дореволюционных ученых. Вместе с тем в работе представлены содержательные наблюдения о развитии конфессиональной политики золотоордынских ханов, дана подборка сведений о сарайских епископах. В последнем вопросе результаты могли быть еще более значимы, если бы автор использовала фундаментальную дореволюционную работу Н.А. Соловьева [14]. Большой интерес представляет археологическая часть ее работы, неопровержимо доказывающая наличие в составе золотоордынского населения значительного количества русских людей.

Традиционный для советской историографии вывод о поддержке церковью монгольского владычества представляется чисто умозрительным, предопределенным марксистско-атеистическими методологическими основами исторической науки данного периода и не имеющим фактического подтверждения в источниках. Неслучайно в современных условиях многие из вышеуказанных авторов, кто продолжает писать по проблемам, связанным с историей церкви, кардинально изменили свои оценки.

Исследования, осуществленные автором данной статьи и другими специалистами, позволяют сформулировать вывод, противоположный заключениям советской историографии.

В результате конфессиональной политики монгольских ханов православное духовенство оказалось в привилегированном положении по сравнению с остальным населением Руси, что определило двойственность его положения. Вместе с тем церковь вместе со всей Русью испытала на себе бедствия монгольского завоевания, и в дальнейшем духовенство, используя предоставленные ханами льготы, совсем не стремилось выдвигать свои интересы в ущерб народу и русским князьям. Напротив, можно утверждать, что церковь как составная часть русского общества, насколько это было возможно в сложный период иноземного господства, стремилась отстаивать общенародные интересы. Ее высшие иерархи поддерживали общеполитические объединительные тенденции, оказывали княжеской власти всестороннюю помощь и, опираясь на свой духовный авторитет, пытались содействовать выработке более щадящих форм взаимоотношений Руси с Золотой Ордой.

Список источников

1. Послания Иосифа Волоцкого. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 390 с.
2. Платон (Левшин), митрополит. Краткая российская церковная история : в 2 т. М. : Синодальная тип., 1805. Т. 1. 388 с.; Т. 2. 352 с.
3. Филарет (Гумилевский). История русской церкви. Период второй, Монгольский, от опустошения России монголами до разделения митрополии. 1237–1410. М. : Тип. Александра Семена, 1848. 176 с.
4. Макарий (Булгаков). Успехи православной церкви в период монгольский // Христианское чтение. 1859. № 6.
5. Макарий (Булгаков). Русские монастыри в период монгольский // Христианское чтение. 1861. № 9.
6. Макарий (Булгаков). История русской церкви в период монгольский. СПб., 1866. Т. 4, кн. 1. 387 с.; Т. 5, кн. 2. 475 с.
7. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви : репринт. М. : Наука, 1991. Т. 1. 704 с.; Т. 2. 576 с.
8. Григорьев В.В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству : ист.-филол. исслед. М. : Унив. тип., 1842. 132 с.
9. Образцов П. Как отразилось на историю православного русского духовенства монгольское владычество с его дальнейшими результатами. Смоленск : тип. подпор. Переплетчикова, 1867. 116 с.
10. Голубинский Е.Е. История русской церкви. М. : Синодальная тип., 1900. Т. 2: Период второй Московский: от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Ч. 1. 918 с.; 1917. Ч. 2. 616 с.
11. Присёлков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Петроград : Научное дело, 1916. 125 с.
12. Соколов П.П. Подложный ярлык хана Узбека митрополиту Петру // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 70–85.
13. Соколов П.П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев : тип. И.И. Чоколова, 1913. 577 с.
14. Соловьев Н.А. Сарайская и Крутицкая епархии // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1894. Кн. 3. С. 1–226.
15. Покровский М.Н. Феодализация православной церкви и татарское иго // Религия и церковь в истории России. М. : Мысль, 1975. С. 106–113.
16. Грекулов Е.Ф. Секуляризация церковных имений в России. М. : Атеист, 1931. 78 с.
17. Аникин Н. Монгольское иго и русская церковь (исторический очерк) // Антирелигиозник. 1940. № 5–6. С. 27–31.
18. Самсонов А. М. Антифеодальные народные восстания в России и церковь. М. : Изд-во АН СССР, 1955. 186 с.
19. Гантаев Н.М. Церковь и феодализм на Руси. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 168 с.
20. Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. (XI–XIV вв.). М. : Изд-во АН СССР, 1960. 488 с.
21. Бурейченко И.И. Монастырское землевладение и хозяйство Северо-Восточной Руси второй пол. XIV в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. 555 с.
22. Охотина Н.А. Изменения в положении Киевской митрополии в условиях монголо-татарского ига (середина – вторая половина XIII в.) // Религии мира : история и современность : ежегодник : 1987. М. : Наука, 1989. С. 157–175.
23. Охотина Н.А. Русская церковь и монгольское завоевание (XIII в.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М. : Наука, 1990. С. 67–84.
24. Плигузов А.И., Хорошкевич А.Л. Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М. : Наука, 1990. С. 84–102.
25. Плигузов А.И. Древнейший список краткого собрания ярлыков, данных золотоордынскими ханами русским митрополитам // Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. М. : Ин-т истории СССР АН СССР, 1987. Вып. 3. С. 578–594.
26. Никольский Н.М. История русской церкви. М. : Политиздат, 1983. 448 с.
27. Корзун М.С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов. X в. – 1917. Минск : Беларусь, 1984. 256 с.
28. Русское православие: вехи истории. М. : Политиздат, 1989. 719 с.
29. Христианство и Русь : сб. статей. М. : Наука, 1988. 136 с.
30. Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации XI–XVI вв. М. : МГУ, 1986. 206 с.
31. Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М. : МГУ, 1986. 207 с.
32. Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Подвижники русской церкви. Новосибирск : Наука, 1991. 397 с.
33. Насонов А.Н. Монголы и Русь : (история татарской политики на Руси). М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 177 с.
34. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 505 с.
35. Каргалов Н.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники М. : Высш. школа, 1967. 263 с.
36. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М. : Наука, 1978. 134 с.

References

1. Volotsky, J. (1959) *Poslaniya Iosifa Volotskogo* [Messages of Joseph Volotsky]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
2. Platon (Levshin). (1805) *Kratkaya rossiyskaya tserkovnaya istoriya: v 2 t.* [Brief Russian Church History: in 2 vols]. Moscow: Sinodal'naya tip.
3. Filaret (Gumilevskiy). (1848) *Istoriya russkoy tserkvi. Period vtoroy, Mongol'skiy, ot opustosheniya Rossii mongolami do razdeleniya mitropolii. 1237–1410* [History of the Russian Church. The second period, Mongolian, from the devastation of Russia by the Mongols to the division of the metropolis. 1237–1410]. Moscow: Tip. Aleksandra Semena, 1848. 176 s.
4. Macarius (Bulgakov). (1859) *Uspekhi pravoslavnoy tserkvi v period mongol'skiy* [Successes of the Orthodox Church in the Mongolian Period]. *Khristianskoe chtenie*. 6.
5. Macarius (Bulgakov). (1861) *Russkie monastiri v period mongol'skiy* [Russian monasteries in the Mongolian period]. *Khristianskoe chtenie*. 9.
6. Macarius (Bulgakov). (1886) *Istoriya russkoy tserkvi v period mongol'skiy* [The history of the Russian church in the Mongolian period]. Vol. 4, 5. St. Petersburg: [s.n.].
7. Kartashev, A.V. (1991) *Ocherki po istorii russkoy tserkvi: reprint* [Essays on the history of the Russian Church: a reprint]. Vol. 1, 2. Moscow: Nauka.
8. Grigoriev, V.V. (1842) *O dostovernosti yarlykov, dannyykh khanami Zolotoy Ordy russkomu dukhovenstvu* [On the reliability of the labels given by the khans of the Golden Horde to the Russian clergy]. Moscow: Univ. tip.
9. Obraztsov, P. (1867) *Kak otrazilos' na istoriyu pravoslavnogo russkogo dukhovenstva mongol'skoe vladychestvo s ego dal'neyshimi rezul'tatami* [How did Mongol domination affect the history of the Orthodox Russian clergy with its further results]. Smolensk: tip. podpor. Perepletkhikova.
10. Golubinskiy, E.E. (1900) *Istoriya russkoy tserkvi* [History of the Russian Church]. Vol. 2. Moscow: Sinodal'naya tip.
11. Priselkov, M.D. (1916) *Khanskie yarlyki russkim mitropolitam* [Khan's yarlyks to Russian metropolitans]. Petrograd: Nauchnoe delo.
12. Sokolov, P.P. (1918) *Podlozhnyy yarlyk khana Uzbeka mitropolitu Petru* [A false yarlyk of Khan Uzbek to Metropolitan Peter]. *Russkiy istoricheskiy zhurnal*. 5. pp. 70–85.
13. Sokolov, P.P. (1913) *Russkiy arkhierей iz Vizantii i pravo ego naznacheniya do nachala XV v.* [A Russian bishop from Byzantium and the right of his appointment until the beginning of the 15th century]. Kiev: tip. I.I. Chokolova.
14. Soloviev, N.A. (1894) *Sarayskaya i Krutitskaya eparkhii* [Sarai and Krutitskaya eparchies]. *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom Universitete*. 3. pp. 1–226.
15. Pokrovskiy, M.N. (1975) *Feodalizatsiya pravoslavnoy tserkvi i tatarskoe igo* [Feudalization of the Orthodox Church and the Tatar Yoke]. In: *Religiya i tserkov' v istorii Rossii* [Religion and the Church in the History of Russia]. Moscow: Mysl'. pp. 106–113.

16. Grekulov, E.F. (1931) *Sekulyarizatsiya tserkovnykh imeniy v Rossii* [Secularization of church estates in Russia]. Moscow: Ateist.
17. Anikin, N. (1940) *Mongol'skoe igo i russkaya tserkov'* (istoricheskiy ocherk) [The Mongolian yoke and the Russian Church (a historical essay)]. *Antireligioznik*. 5-6. pp. 27–31.
18. Samsonov, A.M. (1955) *Antifeodal'nye narodnye vosstaniya v Rossii i tserkov'* [Anti-feudal Popular Uprisings in Russia and the Church]. Moscow: USSR AS.
19. Gantaev, N.M. (1960) *Tserkov' i feodalizm na Rusi* [Church and Feudalism in Rus]. Moscow: USSR AS.
20. Budovits, I.U. (1960) *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' Drevney Rusi. (XI–XIV vv.)* [Socio-political thought of Old Rus (the 11th – 14th centuries)]. Moscow: USSR AS.
21. Bureychenko, I.I. (1966) *Monastyrskoe zemlevladienie i khozyaystvo Severo-Vostochnoy Rusi vtoroy pol. XIV v.* [Monastic land tenure and economy of North-Eastern Rus, the second half of the 14th century]. History Cand. Diss. Moscow.
22. Okhotina, N.A. (1989) *Izmeneniya v polozhenii Kievskoy mitropolii v usloviyakh mongolo-tatarskogo iga (seredina – vtoraya polovina XIII v.)* [Changes in the position of the Kyiv Metropolis under the conditions of the Mongol-Tatar yoke (the mid – the second half of the 13th century)]. In: *Religii mira: istoriya i sovremennost'* [Religions of the World: History and Modernity]. Moscow: Nauka. pp. 157–175.
23. Okhotina, N.A. (1990) *Russkaya tserkov' i mongol'skoe zavoevanie (XIII v.)* [Russian Church and the Mongol conquest (13th century)]. In: Klibanov, A.I. (ed.) *Tserkov', obshchestvo i gosudarstvo v feodal'noy Rossii* [Church, Society and State in Feudal Russia]. Moscow: Nauka. pp. 67–84.
24. Pliguzov, A.I. & Khoroshkevich, A.L. (1990) *Russkaya tserkov' i antiordynskaya bor'ba v XIII–XV vv. (po materialam kratkogo sobraniya khanskikh yarlykov russkim mitropolitam)* [The Russian church and the anti-Horde struggle in the 13th–15th centuries (based on materials from a brief collection of khan's yarlyks to Russian metropolitans)]. In: Klibanov, A.I. (ed.) *Tserkov', obshchestvo i gosudarstvo v feodal'noy Rossii* [Church, Society and State in Feudal Russia]. Moscow: Nauka. pp. 84–102.
25. Pliguzov, A.I. (1987) *Drevneyshiy spisok kratkogo sobraniya yarlykov, dannyykh zoltoordynskimi khanami russkim mitropolitam* [The oldest list of a brief collection of yarlyks given by the Golden Horde khans to Russian metropolitans]. In: *Russkiy feodal'nyy arkhiv XIV – pervoy treti XVI v.* [Russian Feudal Archive of the 14th – First Third of the 16th Century]. Vol. 3. Moscow: USSR AS. pp. 578–594.
26. Nikolskiy, N.M. (1983) *Istoriya russkoy tserkvi* [History of Russian Church]. Moscow: Politizdat.
27. Korzun, M.S. (1984) *Russkaya pravoslavnaya tserkov' na sluzhbe ekspluatatorskikh klassov. Kh v. – 1917* [The Russian Orthodox Church in the service of the exploiting classes. The 10th century – 1917]. Minsk: Belarus'.
28. Klibanov, A.I. (ed.) (1989) *Russkoe pravoslaviye: vekhi istorii* [Russian Orthodoxy: Milestones of History]. Moscow: Politizdat.
29. Anon. (1988) *Khristianstvo i Rus'* [Christianity and Rus]. Moscow: Nauka.
30. Khoroshev, A.S. (1986) *Politicheskaya istoriya russkoy kanonizatsii XI–XVI vv.* [Political history of Russian canonization in the 11th–16th centuries]. Moscow: MSU.
31. Borisov, N.S. (1986) *Russkaya tserkov' v politicheskoy bor'be XIV–XV vv.* [The Russian Church in the political struggle of the 14th – 15th centuries]. Moscow: MSU.
32. Skrynnikov, R.G. (1991) *Gosudarstvo i tserkov' na Rusi XIV–XVI vv. Podvizhniki russkoy tserkvi* [State and Church in Rus in the 14th – 16th centuries. Ascetics of the Russian Church]. Novosibirsk: Nauka.
33. Nasonov, A.N. (1940) *Mongoly i Rus': (istoriya tatarskoy politiki na Rusi)* [Mongols and Rus: (the history of the Tatar policy in Rus)]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
34. Grekov, B.D. & Yakubovskiy, A.Yu. (1950) *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and Its Fall]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
35. Kargalov, V.V. (1967) *Vneshnepoliticheskie faktory razvitiya feodal'noy Rusi. Feodal'naya Rus' i kochevniki* [Foreign policy factors in the development of feudal Rus. Feudal Rus and nomads]. Moscow: Vysshaya shkola.
36. Poluboyarinova, M.D. (1978) *Russkie lyudi v Zolotoy Orde* [Russian People in the Golden Horde]. Moscow: Nauka.

Сведения об авторе:

Сочнев Юрий Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия). E-mail: sochnevjobmail@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Sochnev Yuriy V. – Ph.D. (History), Associate Professor of Department of Theory and History of Law and State Higher School of Economics National Research University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: sochnevjobmail@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.07.2017; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 14.07.2017; accepted for publication 11.11.2022

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

PROBLEMS OF HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Научная статья

УДК 378.4(571.16)"1960/1970"

doi: 10.17223/19988613/80/21

Томский институт радиоэлектроники и электронной техники в контексте развития регионального научно-образовательного пространства (1960–1970-е гг.)

Антон Геннадиевич Костерев¹, Виктор Владимирович Расколец², Максим Юрьевич Ким³

^{1, 2, 3} Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

² Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ antonkosterev@rambler.ru

² predator-101@mail.ru

³ maksim.i.kim@tusur.ru

Аннотация. На основе воспоминаний современников, материалов периодической печати и делопроизводственной документации раскрывается роль Томского института радиоэлектроники и электронной техники (ТИРиЭТ) в расширении регионального научно-образовательного пространства в 1960–1970-е гг. По итогам исследования сделан вывод, что становление и развитие ТИРиЭТа способствовало закреплению за Томском статуса университетского мезополиса, способного связывать решения научно-образовательных задач и потребности передовых отраслей промышленности.

Ключевые слова: ТИРиЭТ, Томск, регион, научно-образовательное пространство, четвертый технологический уклад

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-00082.

Для цитирования: Костерев А.Г., Расколец В.В., Ким М.Ю. Томский институт радиоэлектроники и электронной техники в контексте развития регионального научно-образовательного пространства (1960–1970-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 180–189. doi: 10.17223/19988613/80/21

Original article

Tomsk Institute of Radioelectronics and Electronic Technology in the context of the development of the regional scientific and educational space (1960–1970s)

Anton G. Kosterev¹, Viktor V. Raskolets², Maksim Yu. Kim³

^{1, 2, 3} Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

² Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ antonkosterev@rambler.ru

² predator-101@mail.ru

³ maksim.i.kim@tusur.ru

Abstract. The article reveals the role of the Tomsk Institute of Radio Electronics and Electronic Engineering in the expansion of the regional scientific and educational space in the 1960s–1970s on the basis of the memories of contemporaries, materials of the periodical press and office documentation.

The center-periphery and institutional aspects of the maintenance of the scientific and educational space in Siberia in the post-war 20 years are emphasized. Formed by the mid-1950s within the Soviet scientific and educational space, the center-periphery relations, focusing on the union "center", were poorly coordinated among themselves in the three main sectors. Thus, they fixed the regional applied character for the Siberian science, narrowing the space for choosing other organizational models of development. At the same time, the process of the country's transition to the rails of the fourth new technological mode, which has been outlined since the beginning of the 1950s, objectively put on the agenda another qualitative leap in the field of science-intensive industries. Just as inevitably, this required an appropriate highly

qualified staffing, which could only be achieved by the outstripping nature of the development of higher professional education.

The relationship between the regional authorities of the Tomsk region and the university community is analyzed. In the post-war twenty years, having found itself in the conditions of the need for the development of the Tomsk region, the regional authorities inevitably entered into confrontation with the already established local elites, who were represented by the professorial community in the case of Tomsk. Having extremely limited financial and material resources, they directed them, first of all, to solving the most acute general social problems of the city, and only then to the university sector. The formation of the Tomsk Institute of Radioelectronics and Electronic Technology (TIRET) and its incorporation into the scientific and educational space of the macroregion is traced. The successes of the Tomsk Institute of Radioelectronics and Electronic Technology in scientific interaction with other actors that contributed to the expansion of the regional scientific and educational space, such as universities, research institutes, industrial enterprises, etc., are noted.

Based on the results of the study, the authors conclude that the formation and development of the Institute contributed to securing the status of a university mesopolis for Tomsk, capable of linking the solution of scientific and educational problems and the needs of advanced industries.

The presented study, using the example of the Institute, raises and answers a number of topical issues of the formation and development of a regional university in the space of center-periphery relations between the region and the center.

Keywords: TIRET, Tomsk, region, scientific and educational space, the fourth technological way

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 20-78-00082.

For citation: Kosterev, A.G., Raskolets, V.V., Kim, M.Yu. (2022) Tomsk Institute of Radioelectronics and Electronic Technology in the context of the development of regional Scientific and Educational space (1960–1970s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 180–189. doi: 10.17223/19988613/80/21

Введение

Период второй половины 1940-х – начала 1970-х гг. в СССР стал временем интенсивного научно-образовательного и промышленного развития государства и общества. Потребности холодной войны, необходимость «догнать и перегнать капиталистические страны» диктовали скорейшее освоение новых научных областей, в том числе радиоэлектроники. Особенностью развития советской радиоэлектроники была ее военная направленность, но именно с помощью нее осуществлялась «диффузия инноваций», затрагивающая гражданский сектор. Именно эта особенность обеспечивала радиоэлектронике как сфере в науке и высшем образовании, а также в промышленной отрасли приоритетное (хоть и недостаточное в сравнении с США) финансирование.

Исследуемый период стал временем трансформации научно-образовательного пространства под влиянием продолжающихся процессов индустриализации, становления академического научного сектора, и в конечном итоге завершения складывания отношений центра и периферии в научно-образовательной советской модели. Региональные сообщества ученых в силу своей исторической специфики по-разному реагировали на эти изменения.

Исследовательский интерес здесь представляет Томская область, располагающая к тому моменту наиболее сильным кадровым составом и авторитетными научными школами в Западной Сибири. В силу экономико-географического положения и особенностей институционального развития науки она столкнулась с рядом вызовов и создавала собственные «точки роста», способные на них ответить. Раскрытию роли одной из таких «точек» – Томского института радиоэлектроники и электронной техники (ТИРЕТа) – в развитии регионального научно-образовательного пространства и посвящено данное исследование.

Центр-периферийный и институциональные аспекты содержания научно-образовательного пространства в Сибири в послевоенное двадцатилетие

В послевоенное двадцатилетие советская наука окончательно сложилась в качестве одной из отраслей экономики, необходимой для реализации амбициозных оборонных и инфраструктурных проектов. Научно-образовательная политика на восточных окраинах по-прежнему была подчинена задачам индустриальной экспансии. Во второй половине 1940-х гг. новым явлением стал быстрый рост сети отраслевых научно-исследовательских учреждений, привязанных к территориально замкнутым производственным комплексам, расположенным главным образом в новых индустриальных центрах Сибири – Новосибирске и Красноярске. Открытые ранее филиалы Академии наук (Западносибирский, Восточносибирский, Якутский, Дальневосточный и Сахалинский) ориентировались по большей части не на фундаментальные, а на прикладные исследования, пытаясь тем самым хотя бы частично компенсировать дефицит научного обеспечения развития местной экономики. Как ни парадоксально, но тогда именно академический сектор советской науки был единственным, в отличие от отраслевого и вузовского, представленным в Сибири собственной региональной подсистемой.

Вузовский сектор все так же отличался высокой степенью концентрации, корнями уходящей еще в имперскую эпоху и неизжитой в раннесоветский период, хоть и уступавшей академической. При относительно слабой горизонтальной интеграции территориально-отраслевая структура вузовской сети Сибири в целом отражала региональную хозяйственную специализацию. Перспективы вузовской науки, несмотря на имевшийся опыт сочетания учебной и исследовательской составляющих образовательного процесса, не

отличались особой широтой. Уже к началу 1950-х гг. доминирующим сегментом в региональной подсистеме высшей школы становятся технические вузы, заточенные на поточное производство специалистов для нескольких ключевых отраслей промышленности, а не на осуществление научной деятельности.

В общем же оформившиеся к середине 1950-х гг. внутри советского научно-образовательного пространства центр-периферийные отношения, вертикально замыкаясь на союзном «центре», слабо координировали между собой в трех основных секторах. Тем самым они закрепляли за сибирской наукой регионально-прикладной характер, сужая пространство выбора иных организационных моделей развития [1]. Эта картина являлась прямым следствием принятых в течение уже достаточно продолжительного промежутка времени общих принципов территориального планирования, ранжировавших пространство в прямой зависимости от приоритетов «служебной» нагрузки провинций по отношению к метрополии.

В то же время процесс перехода страны на рельсы четвертого нового технологического уклада (чуть позднее получивший в СССР теоретическое обрамление в виде концепта «научно-технической революции»), наметившийся уже с начала 1950-х гг., объективно ставил на повестку дня очередной качественный скачок в сфере наукоемких отраслей промышленности. Столь же неизбежно это требовало соответствующего высококвалифицированного кадрового обеспечения, что могло быть достигнуто только опережающим характером развития высшего профессионального образования. Одновременно накапливались ранее нерешенные проблемы экстенсивно-индустриального способа организации вузовской сети, откуда постепенно нарастали негативные тенденции, делавшие очевидным тот факт, что сложившаяся в 1930-е гг. система высшей школы, ориентированная на «вал по плану», серьезно отставала от запросов времени, нуждаясь в принципиальном обновлении.

Усугублялось все это и еще одним фактором системного характера – фактическим отсутствием внятной государственной научно-технической политики как связанной совокупности целеполагания и последовательных мер по его реализации, что не могло не сказываться в том числе и на темпах производственного и научного роста на периферии [2]. Как видится, системное же решение этой проблемы выходило за рамки собственно уже привычных административных организационно-технологических мер – к тому времени рецепция ценностей модерна коллективным сознанием советских управляющих структур приводила к восприятию ее делом государственной безопасности и престижа, а значит, и вопросом выживания самой советской системы.

Постепенно становилась очевидной и назревавшая необходимость реформирования радиотехнического образования, обусловленная тем, что взрывное развитие этого направления в середине столетия (радиолокация, радионавигация, техника СВЧ, полупроводники) уже переросло те рамки, что были заданы ей принятыми прежде образовательными программами. Отыс-

кать пути выхода из этой неблагоприятным образом складывающейся ситуации, в частности, и была призвана реформа образования, взявшая старт с середины 1950-х гг. Ее составной частью стала реформа радиотехнического образования, инициированная и в значительной части осуществленная основателем и деканом радиотехнического факультета Московского энергетического института В.А. Котельниковым, разработавшим и внедрившим в учебный процесс новые радиотехнические курсы [3. С. 43].

Особое значение обрисованные тренды имели для Сибири, возросшая геостратегическая важность которой после войны определялась уже не только ресурсными запасами, но и результатами значительного перераспределения в пользу края промышленного и научно-образовательного потенциала. Это и обусловило соответствующую расстановку акцентов в региональной научно-технической и образовательной политике советского государства, сделанную в сторону создания новых «точек роста» за Уралом. Впоследствии они приведут к существенным структурным изменениям внутри местного научно-образовательного комплекса и изменят кардинальным образом социокультурный облик Сибири.

Знаковым событием в этом плане стало, конечно же, появление Сибирского отделения Академии наук СССР. Обретение столь мощной научной институции предоставило макрорегиону своеобразный «автономный генератор», задававший местным «локомотивам знания» совершенно иные «скорости», корректируя при этом центр-периферийные отношения не только в науке, но и в высшем образовании, причем как внутри собственного научно-образовательного комплекса, так и в рамках общесоюзного. Рост научно-образовательного потенциала ряда сибирских городов позволил на протяжении последующего периода создавать в некоторых из них научные центры СО АН СССР (Томский, Красноярский, Иркутский и последующие), во многом опиравшиеся на ресурсы локальных научно-образовательных комплексов.

Расширилась и география высшего образования, прежде всего в Западной Сибири [4]. Наиболее высокими темпами научно-образовательного прироста отметились Кузбасс («кузница») и Алтай («житница») – регионы, стратегическое значение которых за годы войны многократно выросло. Достигалось это благодаря учреждению там медицинских и педагогических институтов, а также профильных вузов и НИИ, связанных с местными природно-географическими особенностями. В масштабах же всего края старые вузовские центры (Томск и Иркутск) были вынуждены потесниться в пользу новых (Новосибирск и Красноярск).

Принимая во внимание все проблемы объективного и субъективного характера, послевоенное двадцатилетие стало «золотым веком» не только для советской науки, но и для высшего образования (по крайней мере сибирского). Помимо открытия новых вузов, уже имевшиеся обзаводились новыми факультетами, на старых факультетах открывались новые кафедры. Делались и вполне конкретные шаги, направленные на активизацию и задействование научного потенциала

вузов: с середины 1950-х гг. начинается целевое финансирование научно-технических разработок, ведущихся на базе вновь открытых при наиболее сильных университетах и политехнических институтах проблемных и отраслевых научных лабораторий, что, в свою очередь, становится подспорьем для уже сложившихся там научных школ и стимулом для зарождения новых.

Томские вузы в ловушке центр-периферийных отношений региона и центра. Конфликт региональной власти и ученого сословия

Образование ТИРиЭТа – шестого и на сегодняшний день последнего по времени создания «автохтонного» томского вуза – знаменовало собой окончательно оформившийся вузовский профиль специализации Томска как одного из научных центров Сибири. Между тем вышло так, что организационно-материальные перипетии становления нового института оказались косвенно связанными с нереализованными возможностями альтернативной траектории эволюции старейшего университетского города Сибири. Речь идет об упущенном шансе учреждения Сибирского отделения Академии наук СССР в Томске.

Утеря Томском в 1925 г. губернского статуса практически сразу же привела и к падению его значимости как регионального центра, что шло параллельно с нарастанием мощи Новосибирска. Особенно явно это проявилось в 1930-е гг., когда логистическая тупиковость Томска, оставившая его на обочине индустриализации, стремительно превращала некогда «столичный» город в стабильно деградирующий райцентр, социальная инфраструктура которого оставалась на уровне XIX в. (здесь можно вспомнить, к примеру, «извечные» томские проблемы с водоснабжением и канализацией, жилищным фондом и железнодорожной инфраструктурой). Выделение в 1944 г. Томской области из состава Новосибирской принципиально ситуацию не поменяло – военные и первые послевоенные годы мало располагали к первоочередному решению подобных задач.

В то же время условное «возвращение» региональных властей в Томск ставило их лицом к лицу с лидерами местной науки, у которых за долгое время накопилось к ним немало вопросов. Сейчас трудно доподлинно судить о том, что же именно стало точкой отсчета противостояния между ними – с обеих сторон дошли лишь обрывочные сведения. С определенной долей вероятности можно предположить, что спровоцировали конфликт очередные политико-идеологические кампании в советской науке – борьба с космополитизмом и сессия ВАСХНИЛ 1948 г. [5]. Как бы то ни было, но отношения томских вузовской и партийной элит оставались напряженными при трех первых руководителях области: А.В. Сёмине, В.А. Москвине и И.Т. Марченко, т.е. на протяжении 21 года (1944–1965).

На фоне всего этого неуклонно близился финал разрешения давно назревшего вопроса об открытии отделения Академии наук в Сибири. В начале 1940-х гг., когда еще решался вопрос о месте расположения центра управления его предшественником – Западно-

сибирским филиалом АН, Томск активно, но безуспешно, боролся за это право с Новосибирском. В середине 1950-х гг., при решении о выборе места для учреждения Сибирского отделения Академии наук СССР, вновь актуализировалась проблема макрорегионального научного первенства. В этот раз первые лица томской науки выступили уже с прямо противоположных позиций. Судя по всему, перспектива открытия в городе академического структурного подразделения вызывала у них опасения, прежде всего исходя из кадровых соображений. Результат оказался прямо противоположным – Томск понес серьезные кадровые потери, связанные с оттоком целых научных направлений, которым становилось слишком тесно в университетских и институтских стенах [6]. По подсчетам отца-основателя Томского центра СО РАН В.Е. Зуева, только с 1960 по 1967 г. из Томска уехали в общей сложности 1 200 ученых, в основном молодых [7. С. 162]. Вероятно, имела место и известная чисто профессиональная ревность обитателей одного из считанных в стране «оазисов» вузовской науки к возможному затмению со стороны более авторитетного и располагающего на порядок большими ресурсами конкурента в лице Новосибирска. В итоге отправившаяся по научным центрам Сибири выбирать место для академгородка делегация академиков в Томске была встречена весьма прохладно и в среде ученых, и, что немаловажно, в среде местных чиновников. В определенной степени это предопределило выбор Новосибирска как будущей академической столицы Сибири [8].

Отпор московским академиком был организован, по словам Е.К. Лигачёва, «узкой влиятельной группой томских ученых», среди которых был и Александр Акимович Воробьев – ученик первого сибирского академика В.Д. Кузнецова, многолетний ректор-реформатор Томского политехнического института, крупнейший организатор вузовской науки в Томске [9. С. 11]. А.А. Воробьев не раз упрекал ученых, работавших в центральных учреждениях (в особенности академиком) в искусственном зажимании работ представителей Томска, в частности физиков, и указывал на необходимость проведения серьезной реорганизации научно-исследовательской работы в СССР «...с целью более широкого использования местных научных сил» [10]. Критика А.А. Воробьева была поддержана рядом физиков Томска, в частности известным радиофизиком В.Н. Кессенихом, назвавшим тех, кто не верит в возможности местной науки, псевдоучеными, приносящими интересы науки, государства в жертву личным интересам [11. Л. 11].

Отношения А.А. Воробьева с отцом-основателем новосибирского академгородка академиком М.А. Лаврентьевым не заладились с самого начала [12]. В дальнейшем эта ситуация получила свое продолжение уже в конце 1960-х гг., когда инициатива нового первого секретаря томского обкома Е.К. Лигачёва (находившегося в партнерских отношениях с М.А. Лаврентьевым еще со времен совместной работы по обустройству академической науки в Новосибирске), лоббировавшего в Москве вопрос об открытии в Томске научного центра СО АН, во второй раз встретила упорное внут-

ренное сопротивление со стороны той же группы ученых во главе с А.А. Воробьевым [13. С. 66].

В результате отношения А.А. Воробьева и Е.К. Лигачева окажутся испорченными, несмотря на то что большая часть томской профессуры к тому времени уже прекратила свою фронду (не в последнюю очередь из-за банальной смены поколений). Парадокс ситуации усиливается тем обстоятельством, что именно А.А. Воробьева Е.К. Лигачев планировал сделать главой томского академгородка [14]. Конфликт будет исчерпан в 1970 г., после того как А.А. Воробьев будет вынужден уйти с поста ректора ТПИ: административный ресурс оказался сильнее научного авторитета [15. С. 108].

Недопонимание между партийными властями и лидерами томской науки, регулярно сетовавшими центру на игнорирование местным руководством их проблем, не раз принимало открытые формы. Обстоятельства учреждения СО АН СССР лишь самый яркий пример контрпродуктивности такой формы взаимоотношений. Вероятно, это сыграло свою роль и в неудаче усилий А.А. Воробьева и Ф.И. Перегудова открыть при политехническом институте НИИ радиотехнического профиля в 1961 г., а также в безуспешных попытках В.Н. Кессениха, чьи отношения с «академическим бомондом» были еще более непростыми, в 1966 г. основать Научно-исследовательский институт радиофизики, электроники и космической физики (НИИ РЭКФ) при университете [11. Л. 37; 16. С. 22].

В очередной раз атмосфера накалилась по ходу организации ТИРиЭТа. Новообразованный институт на первых же порах столкнулся с множеством проблем материально-технического и бытового характера, наиболее острые из которых были связаны с фактическим отсутствием у вуза на момент его учреждения собственных площадей, без которых было немыслимо сколько-нибудь нормальное функционирование. Разрешение этой ситуации осложнялось недружественной позицией, занятой обкомом, возглавляемым в то время И.Т. Марченко, что впоследствии и оставило у ветеранов ТИРиЭТа о нем самую недобрую память. Вот как описал эту ситуацию первый ректор ТИРиЭТа Г.С. Зубарев: «Помню, был такой случай с заведующим отделом науки и учебных заведений обкома КПСС. Исполнял эту должность Михаил Борисович Духнин. Я внес предложение заслушать на бюро обкома вопрос об организации в Томске нового института. В решении по такому вопросу, естественно, должны были быть намечены меры, способствующие улучшению его становления. Трудностей и всяких проблем было очень много. Предложение было принято, но вопрос о дате проведения бюро откладывался. Я усиленно через М.Б. Духнина добивался назначения даты и не оставлял его в покое. Наконец при очередной встрече он открыл мне истинную суть обкомовского мнения о новом институте. В запале он мне сказал: “Какого хрена ты пристаешь ко мне? Мы не просили, чтобы в Томске открывали новый институт...”» [17. С. 20].

Абстрагируясь от вполне понятной эмоциональности воспоминаний молодых тогда еще в массе своей научных работников, следует заметить, что навряд ли

И.Т. Марченко был столь же «плох» для томского образования и науки, как и его предшественник В.А. Москвин, при котором томики отвергли академические поползновения, или как первый руководитель области А.В. Семин, также не обласканный местной вузовской общественностью. Все трое были достаточно деятельными руководителями с относительно здоровыми по меркам тех времен амбициями, но, оказавшись в условиях необходимости развития Томской области, неизбежно вступали в противостояние с уже сложившимися местными элитами, в случае томских особенностей представленными профессорским сообществом. Располагая крайне ограниченными финансовыми и материальными ресурсами, они направляли их в первую очередь на решение наиболее острых общесоциальных проблем города и только потом – в вузовский сектор [18].

Открытие новых университетов и институтов, равно как и проведение структурных изменений в старых, в любом случае не могли обойтись без той или иной доли участия региональной власти. В силу разного рода обстоятельств, отягчавшихся нестабильностью реалий хрущевского десятилетия, их роль где-то могла сводиться к инициированию или форсированию этих изменений, где-то – к спуску на тормозах или даже препятствованию им. Исход зависел от исторически сложившихся социально-экономических и институциональных условий конкретного субрегиона.

Зачастую выходило так, что остаточный принцип финансирования непроизводственной сферы накладывался на общую региональную депрессивность, вызванную недофинансированием из центра. Непосредственно это проявлялось, в частности, в скудности материально-технической базы вузов, тяжелом материально-бытовом положении преподавателей и студентов и, конечно же, в их крайне неудовлетворительных жилищно-бытовых условиях. Это относилось не только к ТИРиЭТу, но и ко всем вузам Томска, и даже представлялось вполне типичным для научно-образовательных комплексов других регионов [19. С. 475; 20. С. 140–141, 193].

Местные же власти при всем желании чаще всего не могли переломить уже прочно сложившийся стиль центр-периферийных взаимоотношений в социально-политической плоскости. Имевшиеся в истории науки кейсы развития экстерриториальных наукоградов и академгородков, запитанных от параллельных каналов снабжения, выведенных за пределы сетей питания их региональных субстратов, наглядно подтверждают это правило. Результатом такого положения зачастую становился отток наиболее квалифицированных и способных кадров в другие регионы, республики СССР и особенно в центр [21. С. 206–207].

Ситуация в Томске и области в этой сфере стала ощутимо улучшаться лишь с середины 1960-х гг., что во многом было связано с деятельностью нового первого секретаря Томского обкома Е.К. Лигачева. Личностный фактор наложился на благоприятную экономическую конъюнктуру: начало деятельности Е.К. Лигачева пришлось на годы «золотой пятилетки» в СССР. В регионе начала активно разрабатываться нефтяная отрасль с последующим формированием местного

сегмента нефтегазового комплекса страны. На волне этого ученые и преподаватели ТИРиЭТа вели достаточно успешные поиски новых форм организации и совмещения научных исследований и учебного процесса, способствовавших росту студенческого научно-технического творчества, находя при этом пути приложения своих изысканий в передовых отраслях промышленности. Уже спустя десятилетия академик Г.А. Месяц, характеризуя с положительной стороны период руководства областью Е.К. Лигачёвым, напишет: «Думаю, что весь период существования Томской области и Томска... можно с полным основанием разделить на два этапа – “долигачёвский” и “лигачёвский” [7. С. 150].

Становление ТИРиЭТа и его инкорпорирование в научно-образовательное пространство макрорегиона

Открытие первого к востоку от Урала радиоэлектронного вуза именно в Томске было отнюдь не случайным – к началу 1960-х гг. здесь уже сложились для этого весьма осязаемые институциональные предпосылки: в 1950 г. при ТПИ открывается радиотехнический факультет, в 1953 г. в ТГУ образовывается радиофизический факультет, а в 1960 г. при нем организовывается кафедра радиоэлектроники. В области развития радиотехники, радиоэлектроники, вычислительной техники и кибернетики работали и коллективы СФТИ. В 1962 г. учреждается Томский институт радиоэлектроники и электронной техники (ТИРиЭТ). Будучи призванным оперативно соединять достижения переднего края науки с непосредственным промышленным производством, ТИРиЭТ практически сразу же оформился в качестве института научно-прикладного характера. К этому располагали и стратегические приоритеты государства на волне обострения холодной войны, и регион, имевший вполне определенный индустриальный потенциал, в особенности благодаря наличию нескольких эвакуированных в годы войны крупных предприятий; в городе работали Томский электромеханический завод (1920), Томский электроламповый завод (1941), Томский электротехнический завод (1942), Государственный союзный завод «Сибкабель» (1942), Томский радиотехнический завод (1948) и др.

Выделение ТИРиЭТа из состава ТПИ свидетельствовало о явно наметившемся крене в сторону деконцентрации регионального потенциала высшей школы: быстро набиравший обороты вуз, становясь крупнейшим сегментом томского научно-образовательного субкомплекса, приобретал реальный статус исследовательского технического университета, способного прививать на своей базе передовые научные направления.

Это же говорило и о другой основополагающей тенденции – становившейся все более узконаправленной специализации высшего инженерного образования. В этом отношении ТИРиЭТ как новая структурная единица томской кузницы инженерных кадров с самого начала был поставлен перед необходимостью изыскать кратчайшие и максимально эффективные пути подготовки «специалистов завтрашнего дня», ибо в условиях перехода от одного технологического уклада

к другому учебные планы специальностей отставали от актуальных научно-технических проблем.

ТИРиЭТ был образован на базе двух факультетов политехнического института – радиотехнического и электрорадиоправления (первых на Урале и в Сибири). В состав нового вуза из ТПИ полностью либо частично было переведено восемь кафедр: теоретических основ радиотехники (старейшая в Сибири, основанная в 1945 г.), конструирования и технологии производства радиоаппаратуры, радиоприемных устройств, радиопередающих устройств, радиоправления, промышленной электроники (первая за Уралом), электронных приборов (открытие кафедры в 1949 г. положило начало развитию электроники в Сибири), диэлектриков и полупроводников. В новый учебный год вместе с ними переходили все студенты, обучавшиеся на радиотехническом факультете, и все, получавшие специальность «радиоправление» на факультете электро-радиоправления.

Исходная структура ТИРиЭТа была представлена 22 специальными инженерными и общеобразовательными кафедрами на трех факультетах дневного обучения – радиотехническом (ожидаемо ставшим системообразующим для института), радиооборудования, электронной техники; кроме того, отдельно имелся также и факультет вечернего и заочного обучения [22. С. 38]. За первый же год работы были организовано 14 новых кафедр, включая 9 естественнонаучных и технических: сверхвысоких частот, электрорадиоизмерений, деталей и узлов точных механизмов, физики, прикладной механики, высшей математики, химии, теоретических основ электротехники, начертательной геометрии и черчения.

В 1966 г. была проведена реформа организационной структуры института, в результате которой та приобрела вид, в своих общих чертах сохраняющийся и сегодня. Факультет радиоправления (радиооборудования) был переименован в конструкторско-технологический, а его специальности переведены на другие факультеты. Специальность «радиоправление (радиоэлектронные устройства)» с профилирующей кафедрой радиоэлектронных устройств была передана на радиотехнический факультет, а специальность «автоматизация и механизация процессов обработки и выдачи информации» с новой профилирующей кафедрой технической кибернетики – на факультет электронной техники и информатики. В свою очередь, с радиотехнического и факультета электронной техники и информатики на конструкторско-технологический факультет были переведены соответственно специальности «конструирование и технология производства радиоаппаратуры» и «диэлектрики и полупроводники» вместе с соответствующими профилирующими кафедрами [23].

Вдобавок к этому по итогам первого десятилетия существования структура вуза усилилась четырьмя новыми кафедрами: физической электроники, теоретической физики, конструирования и производства электронно-вычислительной аппаратуры, а также оптимальных и адаптивных систем управления, открытой на волне реактуализации проблем потенциальных возможностей практического применения кибернетики.

Было открыто три новых специальности: «физическая электроника», «автоматизированные системы управления» и «конструирование электронно-вычислительной аппаратуры» [24. С. 5]. В институте была образована проблемная научно-исследовательская лаборатория радиотехнических систем и телевизионной автоматики; для значительного усиления научно-технической базы подготовки специалистов по автоматизации управления, повышения качества их обучения и развития научно-исследовательской работы в этом направлении из ТПИ был переведен НИИ автоматики и электромеханики (НИИАЭМ), заместителем директора которого был один из первопроходцев кибернетики и системного анализа в Томске – Ф.И. Перегудов [16].

Основной объем научных работ в первое десятилетие жизни института выполнялся на базе кафедр радиотехнического факультета. Результаты, достигнутые их коллективами к началу 1970-х гг., стали прочной основой для последующего формирования ряда продуктивных прикладных научных школ регионального уровня: радиотехнических систем и распространения радиоволн (рук. профессор Г.С. Шарыгин), телевизионных устройств (рук. профессор И.Н. Пустынский) и фазометрии (рук. доцент К.М. Шульженко) [22. С. 48–49]. Кафедра конструирования и технологии производства радиоаппаратуры заложила основы для двух крупнейших направлений исследовательской деятельности вуза, определивших ее специфику на десятилетия вперед – «пассивная радиолокация и распространение радиоволн» и «активная радиолокация» [26. С. 209]. Эти успехи, несмотря имевшие место в первое время проблемы, связанные с материально-техническим обеспечением вуза, недостатком высококвалифицированных кадров, способствовали оформлению института не только как образовательного, но и как научного учреждения, что впоследствии позволяло решать эти проблемы уже не за счет привлечения «остепененных» преподавателей со стороны, а путем закрепления на ведущих кафедрах окончивших аспирантуру собственных выпускников.

Многие структурные подразделения ТИРиЭТа практически сходу налаживали горизонтальные партнерские связи с коллегами из других вузов и НИИ как города, так и сопредельных регионов. Кафедра диэлектриков и полупроводников еще в составе ТПИ была связана с группой сотрудников СФТИ, занимавшихся аналогичной проблематикой. В дальнейшем это получило развитие в рамках коллаборации между ТИРиЭТом и Томским НИИ полупроводников. С ним же сотрудничала кафедра химии, выполнявшая работы по изготовлению особо чистых материалов. Лаборатория радиотехнических систем под началом А.В. Ерохина в 1970 г. инициировала сотрудничество на хозяйственной основе с Томского университетом с целью проведения большого цикла работ по радиометеорологии (проблема распространения ультракоротких волн). Эти исследования в какой-то мере осуществляли планы радиофизика ТГУ В.Н. Кессениха по систематическому изучению распространения радиоволн в ионосфере и тропосфере, в рамках которого он мечтал объединить усилия вузовской и академической науки [27. С. 77–78].

Кафедра электронных приборов ТИРиЭТа стала надежным поставщиком специалистов для новосибирских предприятий и научных организаций, в частности Новосибирского электровакуумного института (НЭВИ, ранее – НИИ вакуумной техники) с опытным заводом полупроводниковых приборов (НЗПП) [26. С. 283].

Спустя два года после основания ТИРиЭТ уже выполнял НИР для предприятий и организаций Москвы, Ленинграда, Омска, Новосибирска, Кемерово, Томска, Красноярска [28]. Прочные научные связи были установлены с рядом научно-исследовательских учреждений и предприятий Москвы, Ленинграда, Киева, Таганрога, Омска, Новосибирска, Кемерово и др. Например, кафедра радиоприемных устройств сотрудничала с Госкомитетом по радиоэлектронике, Министерством черной металлургии, Госкомитетом по автоматике и машиностроению, Министерством радиопромышленности, Институтом физики земли АН СССР, Физическим институтом АН СССР. Производимые телевизионные установки поставлялись на предприятия Кузнецкого металлургического комбината. Выполнялись работы для СКБ математических машин, предприятий Бийска, НИИ электроаппаратуры (Ленинград), ВИОГЕМа (Белгород; разработка и изготовление опытного образца ПТУ для исследования скважин в горных породах). Сотрудники кафедры РПУ выполняли заказы СФТИ, НИИ ядерной физики ТПИ, комбината «Томлес» (обнаружение металлических тел в древесине), Томского радиотехнического завода и др. Стоит отметить, что указанный нами перечень далеко не полон, так как не учитывает большую часть работ института по закрытой военной тематике.

Достигнутые успехи научных коллективов института позволили уже в начале 1970-х гг. начать экспериментальные творческие поиски в пограничных областях научного знания, результаты которых находили свое практическое применение как в образовательной среде самого института, так и за его пределами. На этой основе была создана лаборатория управления вузом (ЛУВ), занимавшаяся разработкой широкого спектра социальных и психолого-педагогических проблем высшей школы. Был образован учебно-научно-производственный комплекс «Информатика» с приданной ему лабораторией новых информационных технологий (НИТ), запустивший процесс информатизации учебного процесса и автоматизации управления им [22. С. 39–40]. Преуспел ТИРиЭТ и в использовании технических средств сопровождения образовательной деятельности – в 1969 г. был создан собственный учебный телецентр, обеспечивший разработку и внедрение первой в стране замкнутой системы учебного телевидения с обратной связью, в 1972 г. в структуре вуза появился специальный отдел технических средств обучения (ТСО) [Там же. С. 43].

Кафедра оптимальных и адаптивных систем управления в те годы фактически являлась частью единого учебно-научного комплекса с лабораторией адаптивных и оптимальных систем (ЛАОС) Сибирского физико-технического института. Коллектив НИИАЭМ под руководством Ф.И. Перегудова, инициировавшего и организовавшего работы по созданию автоматизиро-

ванной системы управления (АСУ) народным хозяйством Томской области (ТО), занимался реализацией этой идеи, нашедшей понимание и поддержку со стороны руководства областного обкома партии в лице Е.К. Лигачёва. Проектирование этой системы осуществлялось совместными усилиями с В.П. Тарасенко (заведующий кафедрой оптимальных и адаптивных систем управления) и Ф.П. Тарасенко (заведующий отделом кибернетики СФТИ) в так называемой «группе Перегудова». Головной организацией АСУ ТО являлся ТИРиЭТ, в особенности НИИ АЭМ [25. С. 122–125].

Непосредственным отражением учебно-научного роста и всех произошедших в результате этого организационно-структурных изменений стало переименование в 1971 г. ТИРиЭТа в ТИАСУР – Томский институт автоматизированных систем управления и радиоэлектроники, что стало результатом весьма высоких темпов становления и достижения зрелости вуза, достигнутых за счет рекордно коротких сроков освоения новых направлений и специальностей, а также достижений по целому ряду научных направлений.

Заключение

Оценивая значение открытия ТИРиЭТа как первого радиоэлектронного вуза сибирского научно-образовательного комплекса, стоит отметить, что это событие было одним из результатов курса государственной научно-технической политики по обеспечению индустриальной модернизации, второй акт которой как раз и пришелся на период 1950–1960-х гг. Увеличение количества вузов и НИИ в Сибири было обусловлено логикой стимулирования роста научно-технического потенциала края и его активного привлечения для решения насущных социально-экономических проблем. Оно проходило по уже заранее апробированному сценарию воспроизводства дихотомии «центр–периферия» на макрорегиональном уровне, по ходу развертывания которого вновь открывавшиеся учебно-научные инсти-

туции в зависимости от своего масштаба и значимости занимали место либо в центре, либо на одном из соответствующих уровней внутренней периферии. Образование и развитие ТИРиЭТа фиксировало ведущее место Томска в плоскости, измеряемой научно-образовательными практиками в областях радиофизики, радиотехники и радиоэлектроники; периферия первого порядка была представлена Иркутском и Новосибирском, периферия второго порядка – Красноярском и Омском.

Сложившиеся в среде научных коллективов Томска школы в области радиофизики и радиотехники были по меркам Сибири весомым аргументом, достаточным для принятия решения о закреплении части из них в стенах уже отдельного института. Появление специализированного радиоэлектронного вуза, значительно расширявшее внутреннюю образовательную периферию СССР в восточном направлении, одновременно продолжая уже обозначившуюся тенденцию полицентрирования пространства сибирской вузовской науки, было вполне в русле общемировых научно-организационных веяний, характерных для начала второй половины XX в. Для них было свойственно соединение принципов высшей политехнической школы с пионерными научными исследованиями и передовыми секторами экономики. Присутствовали в этом сочетании и уникальные черты собственного опыта научного строительства – жесткая увязка тематики исследований с военно-промышленным комплексом, что отчасти придавало вузу некий гибридный облик, напоминавший признаки отраслевого НИИ. Это, впрочем, соответствовало общему контексту параллельно складывавшейся «экономики согласований», позволяя в данный период решать выдвигаемые системой задачи.

В случае Томска открытие ТИРиЭТа, влившегося в межотраслевой градообразующий комплекс, способствовало закреплению за городом статуса университетского мезополиса, способного связывать решения научно-образовательных задач и потребности передовых отраслей промышленности.

Список источников

1. Водичев Е.Г., Красильников С.А. Научно-образовательный потенциал Сибири в XX в.: опыт ретроспективного анализа // Наука в Сибири. 2009. № 1-2. 15 янв.
2. Водичев Е.Г. Наука на востоке России в условиях индустриализационной парадигмы: монография. Новосибирск : ГЕО, 2012. 348 с.
3. Быховский М.А. Жизнь, наполненная уму постижением и действием: к 95-летию Владимира Александровича Котельникова // Электросвязь. 2003. № 9. С. 43.
4. Костерев А.Г., Хаминев Д.В. Научно-образовательный комплекс Западной Сибири (последняя четверть XIX – середина XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 371. С. 103–109.
5. Галкина Т.В. Отражение внутриполитической ситуации в СССР в томских вузах во второй половине 1940-х гг. // История и культура Томской области : сб. ст. / под ред. Я.А. Яковлева, Л.И. Овчинниковой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 68–81.
6. Воплощённая мечта // Наука в Сибири. 2009. № 44. 12 нояб.
7. Звездные годы земли Томской : сб. ст. / ред. и предисл. М. Г. Николаева. Томск : Красное знамя, 2000. 294 с.
8. «Здесь науку будут лелеять...» // Наука из первых рук. 2009. № 5. 29 дек.
9. Лигачёв Е.К. Предостережение. М. : Газета «Правда», 1999. 432 с.
10. Больше внимания местным научным силам // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1954. 12 июня.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1783. Оп. 1. Д. 536.
12. Лебедев В.М. Из истории Томского политехнического. Страницы из книги: Лебедев В.М. «Моё студенчество» (Омск: Изд-во Омского государственного университета путей сообщения, 2013. 72 с.) // Национальные приоритеты России. 2014. № 1 (11). С. 120–128.
13. Матвеев Д.М. Академик В.Е. Зуев (1925–2003) – организатор Томского научного центра СО РАН // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 9 (99). С. 64–70.
14. Филимонов А.В. «Вы о нас, мамонтах, пожалеете». Бывший секретарь ЦК КПСС Егор Лигачёв умер в Москве на 101-м году жизни // Сибирь. Реалии. 2021. 21 мая. URL: <https://www.sibreal.org/a/30279977.html> (дата обращения: 05.03.2022).
15. Век с любимой газетой : к столетию Томской областной газеты «Красное знамя» / ред.-сост. Н. И. Маскина. Томск : Том. полиграф. компания, 2018. 219 с.

16. Денисов В.П., Райзман М.М., Серафимович Л.П. Его жизнь была подобна метеору. Воспоминания о Феликсе Ивановиче Перегудове // Томский политехник. 2000. Вып. 6. С. 20–29.
17. Из прошлого – в будущее : воспоминания и размышления выпускников и ветеранов университета / отв. ред. Н.Н. Чернышева. Томск : Изд-во Том. гос. ун-т упр. и радиоэлектроники, 2002. 238 с.
18. Вологдин Е.А. Воспоминания. Томск : Диалог-Сибирь Томск, 1997. 160 с.
19. Фоминых С.Ф., Сорокин А.Н., Некрылов С.А. The History of Social and Public Forms of Science Management in the USSR (Tomsk Interuniversity Scientific Council in 1963–1972) // Bylye Gody. 2014. № 33 (3). С. 472–478.
20. Машковская Т.О. Государственная политика СССР и Российской Федерации в сфере науки и научно-технического прогресса (1955–1997) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 562 с.
21. Сорокин А.Н. Сибирский физико-технический институт имени академика В.Д. Кузнецова: история создания и деятельности в 1920-е гг. – 1991 г. : дис. канд. ист. наук. Томск, 2012. 344 с.
22. Кто есть кто в истории ТУСУРа / сост. В.В. Подлипенский, Г.С. Шарыгин; под общ. ред. Ю.А. Шурыгина. Томск : Том. гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2009. 216 с.
23. Мещеряков Р.В. Развитие продолжается // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2017. Т. 20, № 3. С. 5–8.
24. Багров В.Г. У истоков томской школы теоретиков // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 290. С. 5–8.
25. Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники. 1962–2002 годы : исторический очерк / отв. ред. В.Т. Петрова. Томск : Изд-во Том. гос. ун-т упр. и радиоэлектроники, 2002. 175 с.
26. 50 лет Томскому государственному университету систем управления и радиоэлектроники / сост. В.В. Подлипенский, Г.С. Шарыгин; под общ. ред. Ю.А. Шурыгина. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2012. 520 с.
27. Слуцкий В.И. История метеорологии в Томском университете : учеб. пособие по дисциплине «Специальные главы метеорологии» / ТГУ; под ред. В.А. Лойши. Томск : Изд-во Том. ЦНТИ, 1998. 112 с.
28. Радиоэлектроника ставит новые задачи // Радиоэлектроник. 1964. 8 мая.

References

1. Vodichev, E.G. & Krasilnikov, S.A. (2009) Nauchno-obrazovatel'nyy potentsial Sibiri v XX v.: opyt retrospektivnogo analiza [The scientific and educational potential of Siberia in the XX century: a retrospective analysis]. *Nauka v Sibiri*. 1-2. 15th January.
2. Vodichev, E.G. (2012) *Nauka na vostoke Rossii v usloviyakh industrializatsionnoy paradigmy* [Science in the East of Russia in the context of the industrialization paradigm]. Novosibirsk: GEO.
3. Bykhovskiy, M.A. (2003) Zhizn', napolnennaya umopostizheniem i deystviem: k 95-letiyu Vladimira Aleksandrovicha Kotelnikova [The life filled with intellect and action: To the 95th anniversary of Vladimir Alexandrovich Kotelnikov]. *Elektrosvyaz'*. 9. p. 43.
4. Kosterev, A.G. & Khaminov, D.V. (2013) Nauchno-obrazovatel'nyy kompleks Zapadnoy Sibiri (poslednyaya chetvert' XIX – sredina XX v.) [Scientific and educational complex of Western Siberia (the last quarter of the 19th – the middle of the 20th century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 371. pp. 103–109.
5. Galkina, T.V. (1998) Otrazhenie vnutripoliticheskoy situatsii v SSSR v tomских vuzakh vo vtoroy polovine 1940-kh gg. [Reflection of the internal political situation in the USSR in Tomsk universities in the second half of the 1940s]. In: Yakovlev, Ya.A. & Ovchinnikova, L.I. (eds) *Istoriya i kul'tura Tomskoy oblasti* [History and Culture of Tomsk Region]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 68–81.
6. *Nauka v Sibiri*. (2009) Voploshchennaya mekhta [A dream come true]. 44. 12th November.
7. Nikolaev, M.G. (ed.) (2000) *Zvezdnye gody zemli Tomskoy* [The star years of Tomsk]. Tomsk: Krasnoe znamya.
8. *Nauka iz pervykh ruk*. (2009) "Zdes' nauku budut lelyat'..." ["Science will be cherished here..."]. 5. 29th December.
9. Ligachev, E.K. (1999) *Predosterezhenie* [Warning]. Moscow: Gazeta "Pravda."
10. *Izvestiya Sovetov deputatov trudyashchikhsya SSSR*. (1954) Bol'she vnimaniya mestnym nauchnym silam [More attention to local scientific forces]. 12th June.
11. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-1783. List 1. File 536.
12. Lebedev, V.M. (2014) Iz istorii Tomskogo politekhnicheskogo. Stranitsy iz knigi: Lebedev V.M. «Moe studenchestvo» (Omsk: Izd-vo Omskogo gosudarstvennogo universiteta putyey soobshcheniya, 2013. 72 s.) [From the history of the Tomsk Polytechnic University. Pages from the book: Lebedev V.M. "My students" (Omsk: Omsk State University of Communications, 2013. 72 p.)]. *Natsional'nye priority Rossii*. 1(11). pp. 120–128.
13. Matveev, D.M. (2010) Akademik V.E. Zuev (1925–2003) – organizator Tomskogo nauchnogo tsentra SO RAN [Academician V.E. Zuev (1925–2003) – organizer of the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 9(99). pp. 64–70.
14. Filimonov, A.V. (2021) "Vy o nas, mamontakh, pozhalet'e". Byvshiy sekretar' TsK KPSS Egor Ligachev umer v Moskve na 101-m godu zhizni ["You will regret of us, mammoths." Former Secretary of the Central Committee of the CPSU Yegor Ligachev died in Moscow at the age of 101]. *Sibir'. Realii*. 21st May. [Online] Available from: <https://www.sibreal.org/a/30279977.html> (Accessed: 05.03.2022).
15. Maskina, N.I. (2018) *Vek s lyubimoy gazetoy: k stoletiyu Tomskoy oblastnoy gazety "Krasnoe znamya"* [A century with your favorite newspaper: On the centenary of the Tomsk regional newspaper "Krasnoe znamya"]. Tomsk: Tom. poligraf. kompaniya.
16. Denisov, V.P., Rayzman, M.M. & Serafinovich, L.P. (2000) Ego zhizn' byla podobna meteoru. Vospominaniya o Feliks Ivanoviche Peregudove [His life was like a meteor. Memories of Felix Ivanovich Peregudov]. *Tomskiy politekhnichesk. 6*. pp. 20–29.
17. Chernysheva, N.N. (ed.) (2002) *Iz proshlogo – v budushchee : vospominaniya i razmyshleniya vypusknikov i veteranov universiteta* [From the past to the future: Memories and reflections of graduates and veterans of the university]. Tomsk: Tomsk State University of Control and Radioelectronics.
18. Vologdin, E.A. (1997) *Vospominaniya* [Memories]. Tomsk: Dialog-Sibir' Tomsk.
19. Fominykh, S.F., Sorokin, A.N. & Nekrylov, S.A. (2014) The History of Social and Public Forms of Science Management in the USSR (Tomsk Interuniversity Scientific Council in 1963–1972) [The History of Social and Public Forms of Science Management in the USSR (Tomsk Interuniversity Scientific Council in 1963–1972)]. *Bylye Gody*. 33(3). pp. 472–478.
20. Mashkovskaya, T.O. (2000) *Gosudarstvennaya politika SSSR i Rossiyskoy Federatsii v sfere nauki i nauchno-tehnicheskogo progressa (1955–1997)* [The USSR state policy and the Russian Federation in the field of science and scientific and technological progress (1955–1997)]. History Dr. Diss. Moscow.
21. Sorokin, A.N. (2012) *Sibirskiy fiziko-tehnicheskii institut imeni akademika V.D. Kuznetsova: istoriya sozdaniya i deyatelnosti v 1920-e gg. – 1991 g.* [Siberian Institute of Physics and Technology named after Academician V.D. Kuznetsov: The history of creation and activity in the 1920s – 1991]. History Cand. Diss. Tomsk.
22. Shurygin, Yu.A. (2009) *Kto est' kto v istorii TUSURa* [Who is who in the history of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
23. Meshcheryakov, R.V. (2017) Razvitie prodolzhaetsya [Development continues]. *Doklady Tomskogo gosudarstvennogo universiteta sistem upravleniya i radioelektroniki*. 20(3). pp. 5–8.
24. Bagrov, V.G. (2006) U istokov tomskoy shkoly teoretikov [At the origins of the Tomsk school of theorists]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 290. pp. 5–8.

25. Petrova, V.T. (ed.) (2002) *Tomskiy gosudarstvennyy universitet sistem upravleniya i radioelektroniki. 1962–2002 gody: istoricheskiy ocherk* [Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. 1962–2002: a historical essay]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
26. Shurygin, Yu.A. (2012) *50 let Tomskomu gosudarstvennomu universitetu sistem upravleniya i radioelektroniki* [50 years of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics]. Tomsk: 50 years of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
27. Slutskiy, V.I. (1998) *Istoriya meteorologii v Tomskom universitete* [History of Meteorology at Tomsk University]. Tomsk: TsNTI.
28. *Radioelektronik*. (1964) Radioelektronika stavit novye zadachi [Radioelectronics poses new challenges]. 8th May.

Сведения об авторах:

Костерев Антон Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: antonkosterev@rambler.ru

Расколец Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник НОЦ «Истории и социальной работы» Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск); ассистент кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: predator-101@mail.ru

Ким Максим Юрьевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: maksim.i.kim@tusur.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kosterev Anton G. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Social Work of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: antonkosterev@rambler.ru

Raskolets Viktor V. – Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher of the REC “History and Social Work” of the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk); assistant of the Department of Russian History of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

Maksim Yu. Kim – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History and Social Work of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maksim.i.kim@tusur.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.04.2022; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 20.04.2022; accepted for publication 11.11.2022

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Научная статья

УДК 903.27

doi: 10.17223/19988613/80/22

Золотые изображения горных козлов на головных уборах населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа

Николай Николаевич Головченко

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена интерпретации золотых изображений горных козлов, украшавших головные уборы населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа. Стилистически изображения горных козлов относятся к распространенной в восточной части ареала скифо-сибирского мира традиции декора наверший различных предметов обихода. Обшивка повседневного головного убора золотыми изделиями ситуативно придавала ему идеологический статус, связанный с предстоящим погребальным или иным обрядом. В данном контексте рассматриваемые золотые изображения горных козлов с головных уборов из Милованово-8, Обьездного-1 и Новотроицкого-2 могут считаться знаками высокого социального положения семей умерших.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, эпоха раннего железа, золотые изображения горных козлов, реконструкция, интерпретация

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 20-1-001753.

Для цитирования: Головченко Н.Н. Золотые изображения горных козлов на головных уборах населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 190–200. doi: 10.17223/19988613/80/22

Original article

Golden images of mountain goats on the headdresses of population of Upper Ob region in Early Iron Age

Nikolai N. Golowchenko

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the interpretation of Golden images of mountain goats from the burial monuments of the Upper Ob region population of the Early Iron Age. Stylistically, images of mountain goats belong to the tradition of decorating the tops of various household items, including headdresses, which is widespread in the Eastern part of the Scythian-Siberian world. Golden images of mountain goats from the burial monuments of the Upper Ob region differ somewhat from each other in the way of their external representation: images from Ob'ezdnoe-1 and Milovanovo-8 are profiled and flat, while images from Novotroitskoe-2 are volumetric and sculptural. The article offers options for reconstructing the spatial location of Golden images of mountain goats from the Ob'ezdnoe-1 and Novotroitskoe-2 burial grounds on headdresses of various styles. The semantic load of images of mountain goats is often considered by researchers as a marker of the sacred «tops». In this regard, one of the most developed interpretations is the associative identification of the headdress with the «world mountain», and the Golden images of mountain goats with animals in typical postures on its slopes (in profile) and on the top (in volume). However, such a mythological interpretation can be applied to describe the image of not only a mountain goat, but also, for example, a Griffin. After analyzing the range of possible semantic interpretations of the Golden images of mountain goats, the author comes to the conclusion about the phenomenon of situational sacralization of this image in the context of the funeral rite of the population of the bolsherechenskaya cultural and historical community. In favor of this interpretation, there are evidence: semantic load of gold as a metal associated with the idea of immortality; choosing the animal image itself; its use in the design of clothing

made from wool. Covering the everyday headdress with gold products situationally gave it an ideological status associated with the upcoming funeral or other rite. The funeral rite is characterized by publicity and makes special demands on the attributes present during its conduct. In this context, the golden images of mountain goats with headdresses from Milovanovo-8, Ob'ezdnoe-1 and Novotroitskoe-2 can be considered signs of high social status of the families of the deceased. The status of the clan had to be constantly confirmed by the presence in the subject complex of clothing of its representatives bearing an ideological load of symbols, necessary for decorating a noble nomad with things, among which were the headdresses with Golden images of mountain goats.

Keywords: Upper Ob River Region, the Early Iron Age, golden images of mountain goats, reconstruction, interpretation

Acknowledgements: The work was carried out with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for the development of civil society No. 20-1-001753.

For citation: Golowchenko, N.N. (2022) Golden images of mountain goats on the headdresses of population of Upper Ob region in Early Iron Age. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 190–200. doi: 10.17223/19988613/80/22

Яркими образцами звериного стиля в металлопластике эпохи раннего железа на территории Южной Сибири являются изображения горных козлов. В различных проявлениях данный образ отмечается на памятниках Северо-Западного и Центрального Алтая, степей Казахстана, Минусинской котловины, Тувы и Верхнего Приобья [1. С. 98, 127. Рис. 26, 3; 2. С. 81. Рис. 7, 2, С. 83. Рис. 9; 3. С. 103. Рис. 77, 8; 4. С. 138. Рис. 3.52; С. 164. Рис. 3.92; 5. С. 427. Табл. 77, 41; 6. Рис. 181]. Неслучайно Н.Л. Членова отмечала: «Чрезмерно многочисленны в искусстве скифского мира фигуры козлов с подогнутыми ногами. Они распространены повсеместно во многих разновидностях (Курдистан, Памир, Алтай, Минусинская котловина, Ордос)» [7. С. 125]. Не ставя перед собой задачи составления общей сводки подобных находок, отметим, что изображения горных козлов на разных носителях представлены: произведениями мелкой пластики [1. Табл. L, 15; 8. С. 120; 9. Фото 21; 10. С. 42, 46, 48, 52, 110; 11. С. 37. Рис. 21, 1, 2; 12. С. 211], наконечниками ножей [7. Табл. 24, 8, 9, 14, 15; 13. Рис. 27, 33; 14. Табл. 177, 2; 15. Рис. 6, 3], чеканов [7. Табл. 24, 11, 44, 38; 13. Рис. 17–25; 14. Табл. 54, 13, 67, 9, 87, 14, 115, 7], кинжалов [7. Табл. 28, 5; 13. Рис. 40], заколок [16. Рис. 58, 1; 17. С. 96–97], костыльком-кочедыком [18. Рис. 119], колоколовидными наконечниками [7. Табл. 24, 2, 3, 10; 13. Рис. 1, 3, 5, 7; 14. Табл. 45], украшениями алтаря [13. Рис. 11; 14. Табл. 54] и зеркал [7. Рис. 24, 6; 19. Рис. 84, 1], обойм от ремня кинжала [6. Рис. 78], конской узды [20. Табл. LI], распределителей шива колесницы [21. С. 271], сюжетным элементом нашивных бляшек одежды [12. С. 224–226], поясных пряжек [3. Рис. 116, 5, 8; 20. Табл. XVII, 1, 2, 5; 22. Рис. 55, 1], налущья [23. С. 70. Рис. 80], войлочного покрытия седла [20. Табл. CX; 24. С. 112. Рис. 3.5], композиции на конском головном уборе [20. Рис. 137; 21. С. 48], изображением на сосуде (которое впрочем, угадывается крайне смутно) [25. Рис. 19], компонентом синкретических образов на пазырыкских татуировках [20. Рис. 82, 181, 182].

Несмотря на довольно представительную выборку изделий, несущих на себе образ горного козла (включая случаи отражения принципа *pars pro toto*), среди исследователей наибольшее внимание получили их золотые изображения, украшавшие головные уборы. К ним относятся находки деревянных украшений с ко-

жаными вставками и позолотой из пазырыкских могильников [17. С. 110, 112. Табл. LXXIV; 24. С. 90. Рис. 2.60; 26. С. 158], изображения из золотой фольги в уюско-саглыньских памятниках Тувы [27. С. 382, Taf. 78, 4, 5, P. 397. Taf. 110, 6], «саков Казахстана» [12. С. 54; 21. С. 48; 23. Рис. 9, 63, С. 88. Табл. 5] и населения эпохи раннего железа Верхнего Приобья (Милованово-8 [1. С. 127], Новотроицкое-2 [3. С. 102], Обьездное-1 [28]).

Сохранившиеся фрагментарно в погребениях могильников Локоть-4а, Новотроицкое-1, -2 и Рогозиха-1 элементы аппликаций головных уборов в числе прочего представляют собой части (рога с годовыми наростами) изображений горных козлов, имеющие ряд аналогий в сибирской петроглифической традиции [29. С. 8, 10. Табл. XV; 30. Рис. 114; 31; 6. Рис. 119]. Подобный декоративный прием отмечен В.Д. Кубаревым и на пазырыкских головных уборах, для украшения которых применялся образ так называемых «рогатых лошадей» [17. С. 110–112], семантика синкретического фантастического образа которых была описана Д.В. Черемисиным [32].

Наиболее стилистически близкие находкам с Верхней Оби изображения горных козлов представлены на петроглифах Алтая. Обратимся, например, к монографически опубликованным изображениям Калбак-Таша. По данным В.Д. Кубарева, изображения горных козлов, баранов и архаров составляют самую многочисленную группу рисунков (872 единицы) [33. С. 18]. Декоративно-орнаментальные изображения данных животных эпохи палеометалла сведены исследователем в особое приложение [Там же. Прил. III. Рис. 1–11], рассмотрение которого позволяет установить определенное соответствие между находками из Новотроицкого-2, Обьездного-1 и Милованово-8 и петроглифами (Новотроицкое-2 [Там же. Рис. 5, 9; Рис. 6, 4, 15; Рис. 7, 6, 8, 18], Обьездное-1 [Там же. Рис. 5, 10, 15; Рис. 6, 7; Рис. 7, 15; Рис. 10, 7, 9], Милованово-8 [Там же. Рис. 5, 8, 15; Рис. 11, 4, 11]). Резюмируя выводы по данному сюжетному комплексу, В.Д. Кубарев отмечает, что некоторые исследователи древнего искусства склонны видеть в превращении ранее реалистичных изображений животных в схематические фигуры постепенное вырождение звериного стиля в отдельный декор, но, не отрицая этого явления в развитии прикладного искусства ранних кочевников, необходимо признать, что

система знаков, часто ассоциируемая с орнаментом, всегда несла смысловую нагрузку, развиваясь параллельно с реалистическими образами древних мифов [33. С. 20]. В этом отношении примечателен схематизм экстерьера отдельных фрагментов золотой фольги, трубочек и покрытых гофрированным листком заколов из погребальных памятников Верхнего Приобья рельефом, напоминающим собой волну, сходную с изображениями годовых наростов рогов горных козлов, в том числе отраженных и на петроглифах Алтая.

Учитывая растражированность, широкий хронологический и географический ареал распространения одного образа, поливариативность его представления в объектах материального мира, перед исследователями встает задача его интерпретации, попытке рассмотрения которой

на материалах предметного комплекса головных уборов, происходящего из погребальных памятников населения Верхнего Приобья, посвящена предлагаемая работа.

Традиционно, исходя из примерно одинакового контекста расположения данной группы находок в погребальных комплексах около костей черепа погребенных, учитывая массу прямых и косвенных аналогий, они единодушно «функционально» интерпретируются исследователями как украшения головных уборов. В данном ракурсе необходимо отметить, что по способу своего внешнего представления они все-таки несколько отличаются друг от друга: изображения из Обьездного-1 и Милованово-8 – профильные и плоские, в то время как из Новотроицкого-2 – объемное, скульптурное (рис. 1).

Рис. 1. Места обнаружения золотых изображений горных козлов, украшавших головные уборы, на территории Верхнеобского бассейна

Подобное деление может быть объяснено общей традицией декора одежды объемными и плоскими предметами [34]. Для создания объемной аппликации могли использоваться пронизки, бусины и статуэтки, а для плоскостной – фольга, пластинки и бляшки. В ансамбле одного головного убора, как и любой другой категории одежды, могли использоваться оба варианта аппликации. Зафиксировано два способа крепления элементов декора к поверхности оголовья уборов: пришивание и приклеивание. При этом объемные элементы пришивались, а плоскостные и пришивались, и приклеивались. Наибольшую близость среди изображений горных козлов с головных уборов между собой являют профильные плоскостные аппликации из золотой фольги, происходящие из Обьездного-1 и Байгетобе [12. С. 54].

Как мне представляется, золотые изображения горных козлов с утилитарной точки зрения – довольно

непрактичные украшения для головных уборов, их невозможно без риска повреждения постоянно использовать в повседневной жизни. Фигурка из Новотроицкого-2, несмотря на свои небольшие габариты, объемна и весит порядка 70 г, что создавало определенные неудобства при ее ношении на голове (рис. 2). Золотая фольга, из которой изготовлены плоскостные аппликации из Обьездного-1, Милованово-8 и рога новотроицкой скульптурки, довольно плотная, но она вряд ли способна выдержать ежедневную эксплуатацию без механических повреждений.

Никакой утилитарно-практической функции подобного рода украшения не имеют, скорее всего, либо они нашивались на специальные «церемониальные / праздничные» уборы (подлинно значимые вещи), либо ими декорировались повседневные уборы в момент, близкий к погребению, для придачи им «церемониального / праздничного» статуса (имитация / бутафория).

Рис. 2. Золотая фигурка горного козла кургана 15 могилы 3 некрополя из Новотроицкое-2

Характер изображения горных козлов, украшавших головной убор из Обьездного-1, по мнению А.П. Бородовского, отражает динамику их быстрого перемещения по скальной поверхности [30. С. 236]. Примечательно, что в таком случае общая схема расположения бляшек на головном уборе была асимметрична. Фигурка из Новотроицкого-2 при ближайшем рассмотрении тоже несколько ассиметрична, что может быть объяснено особенностями ее сборки или общей морфологией прототипа. Примечателен факт использования

рельефности (гофрирования), внешне сходной с морфологией годовых наростов горных козлов, в украшении иных элементов головного убранства большереженцев – заколок, подвесок к серьгам, золотой фольги (что, вероятно, может отражать известный принцип *pars pro toto*).

Скорее всего, особое значение имел и цветовой код, создаваемый восприятием золотых горных козлов на головном уборе, который, как считает ряд исследователей, мог быть красного цвета [12. С. 54; 21. С. 48; 23.

Рис. 9, 63. С. 88. Табл. 5]. Впрочем, золото вполне эффектно и контрастно смотрится даже на обыкновенном войлоке.

Варианты самого головного убора, на который крепились рассматриваемые изображения, могли быть различными (к сожалению, в памятниках Верхнего Приобья органика практически не сохраняется), но в основном его воспроизводят как конической формы и с завязками. Здесь важно, что поза двигающегося или

замершего животного на головном уборе могла соотноситься с его функциональным предназначением или назначением его отдельных элементов. Изображения скачущих горных козлов на оголовье убора из Обьездного-1 соотносятся с декоративной сценой с оголовья кулаха из кургана Иссык [23. С. 14. Рис. 5, С. 16. Рис. 7. С. 26. Табл. 22, С. 47. Рис. 63; 35. С. 40], а фигурка из Новотроицкого-2 могла украшать неподвижный шпиль убора по аналогии с другими навершиями (Рис. 3, 1–2).

Рис. 3. Реконструкция вариантов расположения золотых изображений горных козлов на головных уборах различного фасона: 1–3 – по материалам могильника Новотроицкое-2; 4 – по материалам могильника Обьездное-1

Согласно реконструкции А.И. Соловьева, подобная статуэтка крепилась на оголовье конического убора [36. С. 6]. Однако, учитывая, что зачастую изображения горных козлов использовались для украшения наверший различных предметов (ножи, кинжалы, чеканы, алтарики), и объекты петроглифической традиции, как правило, представлены на возвышенностях, а головной убор в мировоззрении древних кочевников символически, вероятно, делился на несколько зон [37. С. 11, 14; 38. С. 80–81, 339], можно допустить расположение фигурки на наголовьи убора иного фасона (рис. 3, 3). Кроме того, надо учитывать, что фигурка из Новотроицкого-2 выявлена на перекрытии погребальной камеры, т.е. вне контекста относительно скелета. Возможно, козлик изначально располагался не на головном уборе, надетом на погребенного и впоследствии потре-

воженном грабителями, а на дополнительном (сопровождающем), который по аналогии с пазырыкскими материалами мог иметь вид «подшлемника» (сферический с завязками, без назатыльника) [24. Рис. 2.59, а].

Безусловно, важным фактором интерпретации золотых изображений является элемент отражения в них объектов реального мира. Определению видовой принадлежности рассматриваемой группы находок посвящена особая работа А.П. Бородавского [30]. Автор изображенные животные интерпретированы как *тау-теке*, горные козлы, анализ образа которых должен учитывать вариативность возможных суждений о соответствии и несоответствии ареала их распространения с местами находок престижной металлопластики [Там же. С. 235]. Однако, несмотря на это, необходимо признать, что фигурки золотых козлов вписы-

ваются в общие традиции не совсем натуралистического скифо-сибирского звериного стиля.

Семантическая нагрузка изображений горных козлов зачастую рассматривается исследователями как некий маркер сакрального «верха» (вероятно, потому что в основном они представлены на различных навершиях и петроглифах). В данном отношении одной из наиболее проработанных интерпретаций является ассоциативное отождествление головного убора с «мировой горой» [23. С. 46], а украшающих его золотых изображений горных козлов – с животными в характерных позах на ее склонах (в профиль) и на вершине (объемно) [30. С. 238]. Также тут может наблюдаться отмеченное Д.В. Черемисиным явление наложения образа одного животного на другого [32. С. 204–206], как, например, на воинских шлемах пазырыкцев, увенчанных скульптурным изображением головы птицы [39].

Восприятие горного козла как животного, связанного с «верхом», отражено в ряде работ с широким тематическим охватом. Е.В. Антоновой отмечено, что рога в знаковой системе древних земледельцев Переднего Востока имели значение «верхнего мира» и неба [40. С. 82–93]; солярная семантика горного козла в искусстве саков Казахстана обозначена А. Акишевым [37. С. 11, 14]; связь образа козла с представлениями о хварно (фарне) на сибирских материалах рассмотрена А.П. Бородовским [41].

Традиционно принято привлекать корпус имеющихся древних индоевропейских текстов к интерпретации костюма бесписьменных скифоидных культур, несмотря на значительную сомнительность возможных аналогий. В качестве примера можно привести находки так называемых «золотых людей», конические головные уборы которых интерпретируются как символ, связанный с митраизмом [23. С. 40–53; 25. С. 67–86; 42; 43]. В то же время золотые облачения носит ряд положительных и отрицательных божеств Ригведы и Авесты, в их числе Индра, Рудра, Маруты, Ардвиз Сура и Вайу [44, 45]; о возможности продолжать список подобных аналогий красноречиво свидетельствует Б.А. Литвинский [42].

Недавно А.В. Вертиенко предложила «пересмотреть» концепцию интерпретации золота, происходящего из погребальных комплексов кочевников эпохи раннего железа. Ссылаясь на результаты лексико-статистического анализа Авесты, исследователь указала на количественное превосходство упоминаний, связанных с золотом и покрытой золотом одежды применительно к божеству Вайу над остальными персонажами (в числе прочего к нему применены эпитеты «злато-шапочный», «злато-одетый» и т.п.) [45]. Связывается образ Вайу с хварно (благодатью), героями, смертью и плодородием [Там же. С. 116]. Амбивалентность Вайу свойственна и дуальной природе образа горного козла (нельзя при этом не отметить обилие в мировой мифологии массы козлорогих персонажей, связанных со смертью и плодородием), на связь которого с репродуктивными культами указывали Д.В. Черемисин и А.П. Бородовский [32; 41. С. 135].

Спокойно стоящий козел, вззирающий с вершины горы (или навершия кого-либо предмета), содержит

в себе идею диалектической непостоянности, нестабильности, изменчивости как природы, так и жизни кочевого общества. Недаром позиция козла новотроичкой фигурки определялась автором находки, А.П. Уманским, как «настороженная» [46. С. 253].

Видимо, данный дуализм запечатлен и в других сюжетах металлопластики, выполненной в скифо-сибирском зверином стиле. Сцены терзания горных козлов различными хищниками (кошачьими, грифонами) могли представлять абстрактные сюжеты непрекращающейся борьбы добра и зла, жизни и смерти [47. С. 10]. При этом образ грифона также присутствует на головных уборах носителей культур скифо-сибирского мира (Шикаевский могильник [48. Рис. 1–3], Ханкаринский дол [49. Рис. 13], Второй Пазырыкский курган [39. Табл. 1, 5]).

Проблема в том, что приведенные выше аргументы мифологической интерпретации могут быть применены для описания образа не только горного козла, но и, к примеру, того же грифона. Е.С. Богдановым справедливо отмечено, что при попытках реконструкции и интерпретации сюжетов, запечатленных в объектах искусства, необходимо выявлять и отделять общечеловеческие представления от данных конкретной эпохи и региона [47. С. 8–9]. В данном отношении необходимо указать на отмеченный исследователями интеграционный характер большереченских памятников, сочетающих в себе индоевропейские и самодийские элементы [1. С. 71–78; 22. С. 102–109; 50]. Многокомпонентность населения, данной общности, засвидетельствована материалами антропологических исследований [51; 52. С. 196], сильная роль европеоидного компонента, связанного с Передней и Центральной Азией, на территории Южной Сибири и в составе пазырыкской культуры в частности подробно охарактеризована Н.В. Полосьмак и Т.А. Чикишевой [53], древний индоевропейский пласт зафиксирован в южно-сибирской топонимике [54].

К сожалению, нет более прямых свидетельств об этнической и языковой принадлежности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа (оно не имело письменности), поэтому любые приводимые параллели с авестийскими и ведическими сюжетами в известной степени условны. Невозможно достоверно определить круг идеологических взглядов большереченцев без их самих, но так или иначе золотые изображения горных козлов оказывались в погребальных комплексах, а значит, они каким-то образом соответствовали их представлениям о стиле, красоте, эстетике и требованиям ритуала.

Я считаю, что золотые изображения горных козлов могут интерпретироваться в контексте явлений событийной (ситуационной) сакрализации предметного комплекса одежды как вещи, наделенные высоким знаково-символическим и эстетическим подтекстом. В пользу подобной интерпретации свидетельствуют: семантическая нагрузка золота как металла, связанного с идеей бессмертия (универсальная концепция, их вероятная функция); выбор горного козла, ловкого животного, перемещающегося по горе вверх-вниз (своего рода медиатора), как основного сюжетного эле-

мента и манера его изображения (технология изготовления); использование данного образа, воплощенного в золоте, для оформления одежды, изготовленной из шерсти (их сырьевая основа, материал).

Специфической чертой предметного комплекса одежды населения большереченской культурно-исторической общности, по сравнению с другими областями скифо-сибирского культурного ареала, является его избирательность и фрагментарность, обусловленная территориальной периферийностью рассматриваемого региона и поликультурностью его населения [55. С. 19]. В связи с этим фрагментарно представленными в мировоззрении большереченцев могут оказаться и отраженные в золотых изображениях горных козлов идеологические сюжеты, лишь в общей форме передающие отголоски индоевропейских религиозных представлений. В данном отношении примечательно, что эталонный источник по реконструкции головных уборов региона – иссыкский кулах – характеризуется симметричным расположением элементов декора [23. С. 40–53], в отличие от асимметрично исполненных фигуры из Новотроицкого-2 и аппликации из Обьездного-1. Работами П.К. Дашковского установлено, что мировоззрение кочевых народов Саяно-Алтая поздней древности и раннего Средневековья носило синкретичный характер, отражалось в различных элементах погребально-поминальной обрядности и предметах материальной культуры. При этом с I тыс. до н.э. отмечается наличие иранского религиозного комплекса в мировоззрении кочевников скифо-сакского периода [56. С. 27–28]. Явления данного порядка, вероятно, и маркируют золотые изображения горных козлов на головных уборах населения Верхнего Приобья.

Данный комплекс представлений вписывается в общую концепцию символизма погребального обряда большереченской культурно-исторической общности [57. С. 351–352], в памятниках которой встречены фрагменты одежды [58], изготовленные из овечьей шерсти (дикий горный козел мог восприниматься и как абстрактный покровитель стад, так как свободолюбивые животные в представлении кочевников всегда обладают определенным почетом), пряслица с солярным [59] и сосуды с шовным орнаментом, имитирующим кожаные и роговые изделия [60], украшения, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле.

Находки золотых изображений горных козлов на памятниках Верхнего Приобья сделаны в многомогильных курганах, содержащих в себе разновременные, разнополые и разновозрастные одиночные и групповые захоронения, что, по мнению В.А. Алекшина, может свидетельствовать о существовании в среде изучаемого населения большой родовой семьи и о начавшемся процессе формирования элиты [61. С. 153–154, 159]. Осуществив социальный анализ погребальных памятников Верхнего Приобья эпохи раннего железа, к схо-

жим выводам пришла Н.П. Матвеева, выделив две группы в структуре оставившего их населения – знать и рядовые общинники [57. С. 240–255]. Наличие золотых украшений соотнесено исследователем с комплексами элиты, головной убор которой являлся основным показателем ее статуса [Там же. С. 349–350, 354].

Подводя итог, необходимо отметить, что для культур Южной Сибири I тыс. до н.э. в отличие от других, более западных [62. С. 46], территорий образ горного козла является одним из наиболее типичных. На территории Верхнего Приобья он выражен в различных проявлениях, что отражает интенсивные коммуникационные связи данного периферийного региона с сопредельными территориями. Особенное значение в этом отношении имеют и свидетельства опосредованного знакомства местного населения с техникой изготовления роговой посуды, передаваемой орнаментацией на керамических сосудах [60. С. 123; 63. С. 155. Рис. 187].

В целом для предметного комплекса аппликаций головных уборов большереченской культурно-исторической общности прослеживается следующая динамика развития: от металлических бляшек к развитой системе узора плоскостной аппликации из золотой фольги, от бус и пронизок к усложненной объемной аппликации в виде золотых изображений горных козлов, от реалистичных изображений животных к схематическим (включая отдельные фрагменты – рога или узор в форме их годовых наростов) [55. С. 16–17; 64]. В данном отношении обшивка повседневного головного убора золотыми изделиями отражала его ситуационный (праздничный / обрядовый) идеологический статус.

Погребальный обряд, характеризующийся публичностью, предъявляет особые требования к атрибутике, присутствующей в ходе ритуала, которая должна удовлетворять эстетическим потребностям (стилю) отправляющего его коллектива (соответственно, она могла отбираться единично и ситуативно). В данном контексте золотые изображения горных козлов с головных уборов из Милованово-8, Обьездного-1 и Новотроицкого-2, скорее всего, могут интерпретироваться как своего рода знаки высокого социального положения семей умерших. В условиях различных коммуникационных сношений с сопредельными обществами материальные ценности, в том числе и ювелирные поделки, оседали в руках местной знати, попадали в их погребальные комплексы, показывая влияние рода. Статус рода должен был постоянно подтверждаться (тем более во время погребальной церемонии) наличием в предметном комплексе одежды его представителей несущей идеологическую нагрузку символикой, необходимыми для украшения знатного кочевника вещами, к числу которых и относились головные уборы с золотыми изображениями горных козлов.

Список источников

1. Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск : Наука, 1994. 184 с.
2. Дашковский П.К., Усова И.А. Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3. С. 78–84.
3. Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2009. 238 с.

4. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология / А.Ю. Алексеев, Н.А. Боковенко, С.С. Васильев, В.А. Дергачев, Г.И. Зайцева, Н.Н. Ковалюх, Г. Кук, Й. Ван дер Плихт, Г. Поснерт, А.А. Семенцов, Е.М. Скотт, К.В. Чугунов. СПб. : Теза, 2005. 290 с.
5. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. М.Г. Мошкова. М. : Наука, 1992. 494 с. (Археология СССР).
6. Чугунов К.В., Паршингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.
7. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М. : Наука, 1967. 298 с.
8. Тасмагамбетов И.Н. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. Алматы : Берель, 2003. 366 с.
9. Савинов Д.Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб. : ЭлекСис, 2012. 180 с.
10. Плетнева Л.М. Предметы скифо-сибирского звериного стиля из Томского Приобья. Томск : Изд-во ТГПУ, 2012. 190 с.
11. Бородавский А.П., Ларичев В.Е. Июсский клад (каталог коллекции). Новосибирск : Апостроф, 2013. 120 с.
12. Толеубаев А.Т. Раннесакская шиликтинская культура. Алматы : ИП Садуакасов А.К., 2018. 518 с.
13. Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л. : Искусство, Ленингр. отд-ние, 1983. 190 с.
14. Мартынов А.И. Тусульские курганы тагарской культуры. Кемерово, 1972. 315 с. (Известия Лаборатории археологических исследований; вып. 4).
15. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 1996. С. 115–134.
16. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
17. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 302 с.
18. Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : Азбука, 2008. 479 с.
19. Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. : (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2010. 238 с.
20. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л. : Наука, 1953. 402 с.
21. Алтынбеков К. Возрожденные сокровища Казахстана : опыт научной реставрации. Алматы : Остров Крым, 2014. 360 с.
22. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М. : Наука, 1997. 195 с.
23. Акишев А.К. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М. : Искусство, 1978. 130 с.
24. Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск : ИНФОЛИО, 2005. 232 с.
25. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2003. 204 с.
26. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : Инфолио-пресс, 2001. 336 с.
27. Çugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Arzan 2 in Tuva. Mainz : Verl. Philipp von Zabern, 2010. 330 S.
28. Телегин А.Н. Шестой год раскопок курганной группы Обьездное-1 // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Археология, этнография, устная история. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. С. 77–80.
29. Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница. М. : Наука, 1976. 39 с.
30. Бородавский А.П. Золотые изображения горных козлов эпохи раннего железа Южной Сибири // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 231–239.
31. Переводчикова Е.В. О некоторых предметах из золотой фольги в скифском зверином стиле восточных областей Евразии // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 70-летию юбилею Б.А. Раева. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2016. С. 185–189.
32. Черемисин Д.В. К семантике «рогатых лошадей» пазырыкских курганов // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия : сб. докладов междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С.В. Киселёва, г. Минусинск. Красноярск : КГУ, 2005. С. 204–206.
33. Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 444 с.
34. Головченко Н.Н., Телегин А.Н. Аппликации головных уборов населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа (классификация и семантика) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований : сб. ст., посвящ. 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2015. С. 305–308.
35. Самашев З., Толеубаев А., Джумабекова Г. Сокровища степных вождей: Иссык, Берел, Чиликты, Аралтобе. Алматы : Берел, 2004. 176 с.
36. Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение от каменного века до средневековья. Новосибирск : ИНФОЛИО-Пресс, 2003. 222 с.
37. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата : Наука, 1984. 174 с.
38. Раевский Д.С. Мир скифской культуры / предисл. В.Я. Петрухин, В.Н. Погребова. М. : Языки славянских культур, 2006. 600 с.
39. Полосьмак Н.В. Воинские шлемы пазырыкцев // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 1998. С. 148–151.
40. Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М. : Наука, 1984. 266 с.
41. Бородавский А.П. Фарн скифского времени в Сибири и особенности изображения рога // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4. С. 135–140.
42. Литвинский Б.А. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии (опыт истолкования в свете истории религии) // Советская этнография. 1982. № 4. С. 34–43.
43. Лелеков Л.А. О символизме погребальных облачений («золотые люди» скифо-сакского мира) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология / под ред. А.И. Мартынова, В.И. Молодина. Новосибирск : Наука, 1987. С. 25–31.
44. Головченко Н.Н. Поиск параллелей предметному комплексу одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа в гимнах Ригvedы // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 1 (33). С. 111–115.
45. Вертиенко А.В. Золото в погребениях кочевников раннего железного века: к пересмотру концепции // Вещь в контексте погребального обряда. М. : Изд-во РГГУ, 2020. С. 115–126.
46. Демин М.А. Алексей Павлович Уманский: путь в науку. Барнаул : АлтГПУ, 2018. 404 с.
47. Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. 240 с.
48. Потемкина Т.М. Головной убор саргатской жрицы (по материалам Шикаевского кургана) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2005. Вып. 1. С. 112–120.
49. Дашковский П.К., Усова И.А. Реконструкция женского головного убора из могильника пазырыкской культуры Ханкаринский дол // Социогенез в Северной Азии : материалы 3-й науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 125–129.
50. Бородавский А.П. Поликультурность эпохи раннего железа в лесостепном Приобье по материал Быстровского некрополя // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 3 (13). С. 94–102.
51. Рыкун М.П. Палеоантропология Верхнего Приобья в эпоху раннего железа (по данным краниологии) : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 294 с.
52. Багашев А.Н. Антропология Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 2017. 408 с.
53. Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А. Пазырыкская культура в свете миграционных процессов в древности // Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты : материалы V Междунар. симпозиума. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН 2019. С. 83–86.

54. Дульзон А.П. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения // Топонимика Востока. Новые исследования. М. : Наука, 1964. С. 14–19.
55. Головченко Н.Н. Предметный комплекс одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2019. 25 с.
56. Дашковский П.К. Некоторые итоги изучения эволюции религиозного ландшафта Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии // Религиоведение. 2018. № 4. С. 26–36.
57. Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири (ранний железный век лесостепной и подтаежной зон) : дис. ... д-ра ист. наук : в 2 т. Тюмень, 1998. 823 с.
58. Головченко Н.Н. Результаты предварительного технико-технологического анализа образцов ткани из некрополя Новотроицкое-1 (Верхнее Приобье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, Филология. 2015. Т. 14, № 7. С. 30–37.
59. Головченко Н.Н. «В их руках соединились пряслице и нож», или Некоторые вопросы культовой интерпретации пряслиц населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 100–106.
60. Бородовский А.П. Проблемы возникновения керамики, имитирующей кожаную утварь (по материалам Верхнего Приобья в раннем железном веке) // Древняя керамика Сибири – типология, технология, семантика. Новосибирск : Наука, 1990. С. 122–130.
61. Алексин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л. : Наука, 1986. 194 с.
62. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб. : Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.
63. Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 320 с.
64. Головченко Н.Н., Телегин А.Н. Кожаные и войлочные головные уборы носителей археологических культур скифо-сакского мира: морфология и назначение // Древности Алтая и Центральной Азии. Горно-Алтайск : Горно-Алт. гос. ун-т, 2012. С. 70–72.

References

1. Troitskaya, T.N. & Borodovskiy, A.P. (1994) *Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya* [The Bolshaya Rechka culture of the forest-steppe Ob region]. Novosibirsk: Nauka.
2. Dashkovskiy, P.K. & Usova, I.A. (2011) Pazyryk Burial at Khankarinsky Dol in the Northwestern Altai. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 3. pp. 78–84. (In Russian).
3. Shulga, P.I., Umanskiy, A.P. & Mogilnikov, V.A. (2009) *Novotroitskiy nekropol'* [Novotroitsk necropolis]. Barnaul: Altai State University.
4. Alekseev, A.Yu., Bokovenko, N.A., Vasiliev, S.S., Dergachev, V.A., Zaytseva, G.I., Kovalyukh, N.N., Cook, G., Van der Plicht, J., Possnert, G., Sementsov, A.A., Scott, E.M. & Chugunov, K.V. (2005) *Evraziya v skifskuyu epokhu. Radiouglerodnaya i arkheologicheskaya khronologiya* [Eurasia in the Scythian era. The radiocarbon and archaeological chronology]. St. Petersburg: Teza.
5. Moshkova, M.G. (ed.) (1992) *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. Moscow: Nauka.
6. Chugunov, K.V., Partsinger, G. & Nagler, A. (2017) *Tsarskiy kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve* [The royal barrow of the Scythian time Arzhan-2 in Tuva]. Novosibirsk: SB RAS.
7. Chlenova, N.L. (1967) *Proiskhozhdenie i rannaya istoriya plemen tagarskoy kul'tury* [Origin and early history of the tribes of the Tagar culture]. Moscow: Nauka.
8. Tasmagambetov, I.N. (2003) *Kentavry Velikoy stepi. Khudozhestvennaya kul'tura drevnikh kochevnikov* [Centaurs of the Great Steppe. Artistic Culture of Ancient Nomads]. Almaty: Berel'.
9. Savinov, D.G. (2012) *Pamyatniki tagarskoy kul'tury Mogil'noy stepi (po rezul'tatam arkheologicheskikh issledovaniy 1986–1989 gg.)* [Monuments of the Tagar culture of the Mogilnaya steppe (based on the results of archaeological research in 1986–1989)]. St. Petersburg: ElekSis.
10. Pletneva, L.M. (2012) *Predmety skifo-sibirskogo zverinogo stilya iz Tomskogo Priob'ya* [Items of the Scythian-Siberian animal style from the Tomsk Ob region]. Tomsk: TSPU.
11. Borodovskiy, A.P. & Larichev, V.E. (2013) *Iyusskiy klad (katalog kollektsii)* [The Iyusky treasure (collection catalogue)]. Novosibirsk: Apostrof.
12. Toleubaev, A.T. (2018) *Rannesakskaya shiliktinskaya kul'tura* [Early Saka Shilikta culture]. Almaty: Sadvakasov A.K.
13. Zavitukhina, M.P. (1983) *Drevnee iskusstvo na Enisee. Skifskoe vremya. Publikatsiya odnoy kollektsii* [Ancient art on the Yenisei. Scythian time. Publication of one collection]. Leningrad: Iskusstvo.
14. Martynov, A.I. (1972) *Tusul'skie kurgany tagarskoy kul'tury* [Tusul burial mounds of the Tagar culture]. Kemerovo: [s.n.].
15. Kiryushin, Yu.F. & Kungurov, A.L. (1996) *Mogil'nik rannego zheleznogo veka Staroaleyka-2 (Staroaleyka-2 early Iron Age burial ground)*. In: *Pogrebal'nyy obryad drevnikh plemen Altaya* [Funeral Rite of the Altai Ancient Tribes]. Barnaul: AltSU. pp. 115–134.
16. Kyzlasov, L.R. (1979) *Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.)* [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century)]. Moscow: Moscow State University.
17. Kubarev, V.D. (1987) *Kurgany Ulandryka* [Mounds of Ulandryk]. Novosibirsk: Nauka.
18. Frolov, Ya.V. (2008) *Pogrebal'nyy obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n.e. – II v. n.e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov)* [The funeral rite of the population of the Barnaul Ob region in the 6th century BC – 2nd century AD (according to the data of ground burials)]. Barnaul: Azbuka.
19. Shulga, P.I. (2010) *Sin'tszyan v VIII–III vv. do n.e.: (Pogrebal'nye komplekсы. Khronologiya i periodizatsiya)* [Xinjiang in the 8th – 3rd centuries BC. (Burial complexes. Chronology and periodization)]. Barnaul: AltSU.
20. Rudenko, S.I. (1953) *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of the Gorny Altai population in the Scythian time]. Moscow; Leningrad: Nauka.
21. Altynbekov, K. (2014) *Vozrozhdennye sokrovishcha Kazakhstana: opyt nauchnoy restavratsii* [Revived treasures of Kazakhstan: A scientific restoration]. Almaty: Ostrov Krym.
22. Mogilnikov, V.A. (1997) *Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroy polovine I tysyacheletiya do n.e.* [The population of the Upper Ob region in the middle – the second half of the 1st millennium BC]. Moscow: Nauka.
23. Akishev, A.K. (1978) *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana* [Kurgan Issyk. Art of the Saks of Kazakhstan]. Moscow: Iskusstvo.
24. Polosmak, N.V. & Barkova, L.L. (2005) *Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n.e.)* [Costume and textiles of the Pazyryks of Altai (4th–3rd centuries BC)]. Novosibirsk: INFOLIO.
25. Shulga, P.I. (2003) *Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot'-4a* [Scythian burial ground Lokot'-4a]. Barnaul: AltSU.
26. Polosmak, N.V. (2001) *Vsadniki Ukoka* [Riders of Ukok]. Novosibirsk: Infolio-press.
27. Chugunov, K., Parzinger, H. & Nagler, A. (2010) *Der skythenzeitliche Fürstengurgan Arzan 2 in Tuva*. Mainz: Verl. Philipp von Zabern.
28. Telegin, A.N. (2005) *Shestoy god raskopok kurgannoy gruppy Ob'ezdnoe-1* [The sixth year of excavations of the Obezdnoe-1 mound group]. In: *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altae. Arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya* [Field research in the Upper Ob and Altai. Archeology, Ethnography, Oral History]. Barnaul: BSPU. pp. 77–80.
29. Devlet, M.A. (1976) *Bol'shaya Boyarskaya pisanitsa* [Great Boyar Pisanitsa]. Moscow: Nauka.

30. Borodovskiy, A.P. (2016) Zolotye izobrazheniya gornyykh kozlov epokhi rannego zheleza Yuzhnoy Sibiri [Golden images of mountain goats of the Early Iron Age of Southern Siberia]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Altay v krugu evraziyskikh drevnostey* [Altai in the Circle of Eurasian Antiquities]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 231–239.
31. Perevodchikova, E.V. (2016) O nekotorykh predmetakh iz zolotoy fol'gi v skifskom zverinom stile vostochnyykh oblastey Evrazii [On some objects made of gold foil in the Scythian animal style of the eastern regions of Eurasia]. In: *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir Ponto-Kaspiyskogo regiona* [Antique civilization and the barbarian world of the Ponto-Caspian region]. Proc. of the Conference. Rostov on Don: YuNTs RAS. pp. 185–189.
32. Cheremisin, D.V. (2005) K semantike “rogatykh loshadey” pazyrykskikh kurganov [On the semantics of the “horned horses” of the Pazyryk burial mounds]. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri: idei, metody, otkrytiya* [Archeology of Southern Siberia: Ideas, Methods, Discoveries]. Krasnoyarsk: KSU. pp. 204–206.
33. Kubarev, V.D. (2010) *Petroglify Kalbak-Tasha I (Rossiyskiy Altay)* [Petroglyphs of Kalbak-Tash I (Russian Altai)]. Novosibirsk: SB RAS.
34. Golovchenko, N.N. & Telegin, A.N. (2015) Applikatsii golovnykh uborov naseleniya Verkhneobskogo basseyna epokhi rannego zheleza (klassifikatsiya i semantika) [Applications of Early Iron Age headdresses of the Upper Ob population (classification and semantics)]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnyykh issledovaniy* [Archeology of Western Siberia and Altai: An Interdisciplinary Research]. Barnaul: AltSU. pp. 305–308.
35. Samashev, Z., Toleubaev, A. & Dzhumabekova, G. (2004) *Sokrovishcha stepnykh vozhdov: Issyk, Berel, Chilikty, Araltobe* [Treasures of the steppe leaders: Issyk, Berel, Chilikty, Araltobe]. Almaty: Berel.
36. Soloviev, A.I. (2003) *Oruzhie i dospekhi. Sibirskoe vooruzhenie ot kamennogo veka do srednevekov'ya* [Weapons and Armor. Siberian Weapons from the Stone Age to the Middle Ages]. Novosibirsk: INFOLIO-Press.
37. Akishev, A.K. (1984) *Iskusstvo i mifologiya sakov* [Art and Mythology of the Saks]. Alma-Ata: Nauka.
38. Raevskiy, D.S. (2006) *Mir skifskoy kul'tury* [World of Scythian Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
39. Polosmak, N.V. (1998) Voinskie shlemy pazyryktsev [Military helmets of the Pazyryks]. In: Kiryushin, Yu.F. & Tishkin, A.A. (eds) *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Results of the study of the Scythian era of Altai and adjacent territories]. Barnaul: AltSU. pp. 148–151.
40. Antonova, E.V. (1984) *Ocherki kul'tury drevnikh zemledeltsev Peredney i Sredney Azii* [Essays on the Culture of Ancient Farmers of Western and Central Asia]. Moscow: Nauka.
41. Borodovskiy, A.P. (2004) Farn skifskogo vremeni v Sibiri i osobennosti izobrazheniya roga [Farn of the Scythian time in Siberia and features of the image of the horn]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 4. pp. 135–140.
42. Litvinskiy, B.A. (1982) “Zolotye lyudi” v drevnikh pogrebeniyakh Tsentral'noy Azii (opyt istolkovaniya v svete istorii religii) [“Golden people” in the ancient burials of Central Asia (experiment of interpretation in the light of the history of religion)]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 34–43.
43. Lelekov, L.A. (1987) O simbolizme pogrebal'nykh oblacheniy (“zolotye lyudi” skifo-sakskogo mira) [On the symbolism of funeral vestments (“golden people” of the Scythian-Saka world)]. In: Martynov, A.I. & Molodin, V.I. (eds) *Skifo-sibirskiy mir. Iskusstvo i ideologiya* [Scytho-Siberian World. Art and Ideology]. Novosibirsk: Nauka. pp. 25–31.
44. Golovchenko, N.N. (2015) The search for parallels to the object complex of clothing of the population of the Upper Ob region of the Early Iron Age in the hymns of the Rig Veda. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(33). pp. 111–115. (In Russian).
45. Vertienko, A.V. (2020) Zoloto v pogrebeniyakh kochevnikov rannego zheleznoogo veka: k peresmotru kontseptsii [Gold in the burials of the nomads of the early Iron Age: towards a revision of the concept]. In: *Veshch' v kontekste pogrebal'nogo obryada* [Thing in the Context of the Funeral Rite]. Moscow: RSUH. pp. 115–126.
46. Demin, M.A. (2018) *Aleksey Pavlovich Umanskiy: put' v nauku* [Alexey Pavlovich Umansky: The path to science]. Barnaul: AltSU.
47. Bogdanov, E.S. (2006) *Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevykh narodov Tsentral'noy Azii (skifo-sibirskaya khudozhestvennaya traditsiya)* [The image of a predator in the plastic art of the nomadic peoples of Central Asia (Scythian-Siberian artistic tradition)]. Novosibirsk: SB RAS.
48. Potemkina, T.M. (2005) Golovnoy ubor sargatskoy zhritsy (po materialam Shikaevskogo kurgana) [Headdress of a Sargat priestess (based on the materials of the Shikaevsky kurgan)]. *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy*. 1. pp. 112–120.
49. Dashkovskiy, P.K. & Usova, I.A. (2009) Rekonstruktsiya zhenskogo golovnogo ubora iz mogil'nika pazyrykskoy kul'tury Khankarinskiy dol [Reconstruction of a female headdress from the Khankarinsky Dol burial ground of the Pazyryk culture]. *Sotsiogenez v Severnoy Azii* [Sociogenesis in North Asia]. Proc. of the Conference. Irkutsk: IrSTU. pp. 125–129.
50. Borodovskiy, A.P. (2016) Polyculturalism of the Early Iron Age in the forest steppe Ob region according to the Bystrovka Necropolis materials. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 3(13). pp. 94–102. (In Russian).
51. Rykun, M.P. (2005) *Paleoantropologiya Verkhnego Priob'ya v epokhu rannego zheleza (po dannym kraniologii)* [Paleoanthropology of the Upper Ob region in the Early Iron Age (according to craniology)]. History Cand. Diss. Barnaul.
52. Bagashev, A.N. (2017) *Antropologiya Zapadnoy Sibiri* [Anthropology of Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
53. Polosmak, N.V. & Chikisheva, T.A. (2019) Pazyrykskaya kul'tura v svete migratsionnykh protsessov v drevnosti [The Pazyryk culture in the light of migration processes in antiquity]. In: *Mobil'nost' i migratsiya: kontseptsii, metody, rezul'taty* [Mobility and Migration: Concepts, Methods, Results]. Proc. of the Fifth Symposium. Novosibirsk: SB RAS. pp. 83–86.
54. Dulzon, A.P. (1964) Drevnie toponimy Yuzhnoy Sibiri indoevropeyskogo proiskhozhdeniya [Ancient toponyms of Southern Siberia of Indo-European origin]. In: Bondaruk, G.P. (ed.) *Toponimika Vostoka. Novye issledovaniya* [Toponymy of the East. New Research]. Moscow: Nauka, 1964. S. 14–19.
55. Golovchenko, N.N. (2019) *Predmetnyy kompleks odezhdy naseleniya Verkhneobskogo basseyna epokhi rannego zheleza* [Subject complex of clothing of the Upper Ob basin population in the Early Iron Age]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
56. Dashkovskiy, P.K. (2018) Nekotorye itogi izucheniya evolyutsii religioznogo landshafta Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noy Azii [Some results of the study of the evolution of the religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia]. *Religiovedenie*. 4. pp. 26–36.
57. Matveeva, N.P. (1998) *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury drevnego naseleniya Zapadnoy Sibiri (ranniy zheleznyy vek lesostepnoy i podtaezhnoy zon)* [Socio-economic structures of the ancient population of Western Siberia (the early Iron Age of the forest-steppe and subtaiga zones)]. History Dr. Diss. Tyumen.
58. Golovchenko, N.N. (2015) Rezul'taty predvaritel'nogo tekhniko-tekhnologicheskogo analiza obraztsov tkani iz nekropolya Novotroitskoe-1 (Verkhnee Priob'e) [Results of a preliminary technical and technological analysis of tissue samples from the Novotroitskoye-1 necropolis (Upper Ob)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, Filologiya*. 14(7). pp. 30–37.
59. Golovchenko, N.N. (2016) “The spindle whorl and the knife were united in their hands”, or Some questions of the cult interpretation of the whorls of the population of the Upper Ob region of the Early Iron Age. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(41). pp. 100–106. (In Russian).
60. Borodovskiy, A.P. (1990) Problemy vozniknoveniya keramiki, imitiruyushchey kozhanuyu utvar' (po materialam Verkhnego Priob'ya v rannem zheleznom veku) [Problems of the origin of ceramics imitating leather utensils (based on materials from the Upper Ob region in the early Iron Age)]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnyaya keramika Sibiri – tipologiya, tekhnologiya, semantika* [Ancient ceramics of Siberia – typology, technology, semantics]. Novosibirsk: Nauka. pp. 122–130.

61. Alekshin, V.A. (1986) *Sotsial'naya struktura i pogrebal'nyy obryad drevnezemledel'cheskikh obshchestv* [Social structure and funeral rites of ancient agricultural societies]. Leningrad: Nauka.
62. Korolkova, E.F. (2006) *Zverinyy stil' Evrazii. Iskustvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII–IV vv. do n.e.). Problemy stilya i etnokul'turnoy prinadlezhnosti* [The animal style of Eurasia. The tribal art in the Lower Volga and Southern Urals in the Scythian era (7th – 4th centuries BC). Problems of style and ethno-cultural affiliation]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
63. Molodin, V.I., Polosmak, N.V., Chikisheva, T.A. et al. (2000) *Fenomen altayskikh mumiy* [The phenomenon of Altai mummies]. Novosibirsk: SB RAS.
64. Golovchenko, N.N. & Telegin, A.N. (2012) *Kozhanye i voylochnye golovnye ubory nositeley arkhologicheskikh kul'tur skifo-sakskogo mira: morfologiya i naznachenie* [Leather and felt headdresses of the carriers of the archaeological cultures of the Scythian-Saka world: The morphology and purpose]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnosti Altaya i Tsentral'noy Azii* [Antiquities of Altai and Tsentral Asia]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 70–72.

Сведения об авторе:

Головченко Николай Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник УНИЛ «Историческое краеведение» Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Golovchenko Nikolay N. – Candidate of Historical Sciences, senior researcher of UNIL «Historical Local Lore» of the Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.05.2020; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 31.05.2020; accepted for publication 11.11.2022

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Научная статья

УДК 141.2; 304.2

doi: 10.17223/19988613/80/23

Интернационализация как практика социальной адаптации иностранных студентов в контексте постпандемического периода (на примере Томского университета систем управления и радиоэлектроники – ТУСУРа)

Маргарита Юрьевна Раитина, Елена Михайловна Покровская², Валентина Ивановна Зиновьева³

^{1, 2, 3} Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

¹ raitina@mail.ru

² pemod@yandex.ru

³ valentina.i.zinoveva@tusur.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению проблемных зон образовательной и социокультурной адаптации иностранных студентов в современном университете. Анализируются результаты социологического опроса студентов-иностранцев по проблемам интернационализации, отмечен ряд аспектов, связанных с социально-коммуникативной проблематикой, акцентируется внимание на способах формирования гармоничного интернационального пространства в условиях университета. Такое видение сегодня релевантно отвечает социально-экономическим и геополитическим вызовам мира и задает новую исследовательскую реальность в области онлайн-взаимодействия и новых возможностей адаптации.

Ключевые слова: интернационализация, иностранные студенты, позитивная образовательная среда, модель заботы, доверенное взаимодействие

Благодарности: Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука» FEWM-2020-0036.

Для цитирования: Раитина М.Ю., Покровская Е.М., Зиновьева В.И. Интернационализация как практика социальной адаптации иностранных студентов в контексте постпандемического периода (на примере Томского университета систем управления и радиоэлектроники – ТУСУРа) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 201–209. doi: 10.17223/19988613/80/23

Original article

Internationalization as a practice of foreign students' social adaptation in the context of the post-pandemic period (on the example of Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics – TUSUR)

Margarita Yu. Raitina¹, Elena M. Pokrovskaya², Valentina I. Zinovieva³

^{1, 2, 3} Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

¹ raitina@mail.ru

² pemod@yandex.ru

³ valentina.i.zinoveva@tusur.ru

Abstract. The article is devoted to identifying problem areas of educational and socio-cultural adaptation of foreign students in a modern university. The geopolitical and economic nature of modern sociality actualizes the development of adaptation mechanisms and tools for the formation of a barrier-free international environment of the university. Today, education is aimed both at the formation of utilitarian and technological goals, as well as on the values that bring people closer together (ideals of good, justice, equality). The paper analyzes the process of external educational migration, determines the content

of the stages, identifies the problems of the post-pandemic period and the directions of their effective solution on the example of TUSUR.

The preservation of the educational environment stability in the face of the challenges of the pandemic is associated with the practice of comfortable international interaction formed in the previous period at the university, which allowed to flexibly adapt the educational environment for all participants in the educational process.

It should be noted that the development of adaptation mechanisms and tools for the formation of a barrier-free international environment of the university depends on the developed university infrastructure.

The monitoring conducted during the pandemic among foreign students revealed a number of problem areas, such as: 1) general maladaptation, unpreparedness for the transition to remote education of both students and teaching staff, etc.; 2) difficulties in understanding the material in online classes; 3) difficulties with self-discipline, self-organization and time management, rational time planning.

To overcome the above problems, the university used such comprehensive support tools as: 1) digital-intellectual volunteering; 2) extended information support, including services such as "personal account"; 3) the possibilities of the electronic information and educational environment of TUSUR.

The pandemic marked the apparent fragility of the internationalization process (lockdown, border closure, restriction of personal communication, etc.), but, at the same time, tools were found quickly enough to solve most of the problems of cross-border knowledge transfer in new digital formats, successfully used by the university.

Internationalization in the orbit of Russian influence is realized in the educational and socio-cultural spheres and is associated with the need to integrate foreign students into a new environment, where the use of adaptation mechanisms and tools for the formation of a barrier-free international environment of the university is actualized. The data obtained on the problems of foreign students and ways to solve them allow us to identify the main adaptation mechanisms and focus on the development of infrastructure both internal and external.

Keywords: internationalization, foreign students, university practices, accessibility of the educational environment, trusted interaction

Acknowledgements: The work is funded within the framework of the basic part of the state task "Science" FEWM-2020-0036.

For citation: Raitina, M.Yu., Pokrovskaya, E.M., Zinoviyeva, V.I. (2022) Internationalization as a practice of foreign students' social adaptation in the context of the post-pandemic period (on the example of Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics – TUSUR). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 201–209. doi: 10.17223/19988613/80/23

Геополитический и экономический характер современной социальности ставит новые задачи в сфере управления образованием в рамках вуза. В настоящий момент, несмотря на сложившиеся условия неопределенности, открытость университета в области международного обмена остается одним из стандартов российского образования, что способствует продвижению национальных интересов. В связи с выше обозначенным, актуальной продолжает оставаться разработка адаптационных механизмов и инструментов формирования безбарьерной интернациональной среды вуза. Сегодня образование как отражение реалий современного мира направлено не только на формирование целей утилитарно-технологического характера, но и на ценностные характеристики, сближающие народы (идеалы добра, справедливости, равенства). Осознание ценности межличностного взаимодействия и коммуникации как таковой наиболее ярко проявилось в ходе пандемических вызовов (вынужденная изоляция, страх перед неизвестным, чувство опасности и т.п.), детерминировавших постпандемические состояния (повышенная тревожность, снижение коммуникативных навыков, уход в интроверсию и т.п.), требующие управления и коррекции. Вместе с тем позитивным фактором в ряде вузов выступило экстренное внедрение новых информационно-коммуникативных технологий, платформ как на уровне административного управления, так и непосредственно в образовательном процессе. С точки зрения содержания интернационализации это сохранило наработанные ранее связи и не снизило качество

образовательных услуг, что сыграло ключевую роль в сохранении контингента иностранных студентов.

В настоящее время в научном дискурсе представлен широкий спектр теоретико-методологических исследований работ по проблемам интернационализации высшего образования и формирования международного рынка образовательных услуг (Ф. Альтбах, Э. Биркенс, Ю.П. Вахрушев, И.В. Аржанова, В.М. Журавковский, А.Б. Воров, А.Н. Джурицкий, Е.А. Князев, Н.В. Дрантусова, М.В. Ларионова, О.В. Перфильева, М.М. Лебедева, О.Н. Олейникова, М.П. Пальянов, И.Ю. Малкова, О.Г. Масленникова, Ю.Н. Зиятдинова, А.Н. Безруков, С.Е. Бич, А. Наги, У. Нотдурфтер, О. Гроувс, Х. Чен, И. Вереникина и др.) [1–18].

Современное исследовательское поле характеризует трансформацию интернационализации. Так, в работе С. Бич обосновывается необходимость «проявления заботы» как обеспечения комфортной и привлекательной образовательной среды, создания благоприятных условий обучения, что является важной составляющей процесса набора иностранных студентов [2]. Востребованность тренда интернационализации образования приводит к росту контингента иностранных студентов в большинстве университетов.

А. Наги и У. Нотдурфтер рассматривают вопросы интернационализации с включением потенциала социальной работы в качестве обязательного модуля в программе подготовки студентов [6]. Этот подход как адаптационный механизм способствует интеграции студентов в принимающее сообщество.

В контексте интернационализации до пандемии выстраивалась приоритетная логика, целью которой выступало построение комфортной безбарьерной интернациональной среды, основанной на научной теоретико-методологической базе. Фундирующей основой являлась теория Б. Лиска, обоснованная еще в допандемийный период, согласно которой выделялись этапы процесса интернационализации, возможность ее использования как способа укрепления идеи глобального гражданства, которые в допандемийный период являлись актуальными. Он подчеркнул роль академической мобильности и обратил внимание как на внешнюю, так и на внутреннюю сторону интернационализации [19, 20].

Целью данной работы является анализ процесса внешней образовательной миграции, определение содержания этапов, выявление проблем постпандемического периода и направлений по их эффективному решению на примере ТУСУРа.

Сохранение устойчивости образовательной среды в условиях вызовов пандемии связано со сформированной в предшествующий период в университете практикой комфортного интернационального взаимодействия, позволившей гибко адаптировать образовательную среду (обучение и воспитание) для всех участников образовательного процесса. Так, первоначально была принята за основу «модель заботы», в соответствии с которой студенты были включены в экосистему вуза: 1) они обучались в общих академических группах; 2) проживали в одних общежитиях с российскими студентами; 3) приглашались на совместные мероприятия и, таким образом, не находились в изоляции. Помимо этого, сложившейся университетской практикой адаптации стало изучение русского языка в течение довузовской подготовки (1–2 года), первых двух лет бакалавриата и первого года обучения в магистратуре как самостоятельного предмета, работа различных неформальных «разговорных клубов», система кураторства, тьюторства и т.п. Такая практика приводит к свободному владению русским языком, погружению в социальный и культурный контекст принимающего сообщества, помогает более глубокому пониманию дисциплин подготовки в рамках специальности. Все вышеобозначенное сближает студентов различных национальностей, формирует приятельские отношения и дружеские связи.

Отметим, что разработка адаптационных механизмов и инструментов формирования безбарьерной интернациональной среды вуза зависит от развитой вузовской инфраструктуры, в понятие которой вкладываются: наличие программ довузовской подготовки, нацеленных на вопросы мотивации иностранных граждан к обучению в ТУСУРе; создание новых служб или выполнение новых функций университета в рамках Международного отдела и Центра обучения иностранных граждан. Со своей стороны, общественные организации вуза, Центр внеучебной работы (в настоящее время – Молодежный центр вуза) способствовали реализации новой молодежной повестки для осуществления международной деятельности.

Внезапный переход вузов к дистанционному формату обучения в рамках противоэпидемических мер

обнаружил ряд проблем и особенностей дистанционного обучения, оказавших существенное влияние на сферу академического обмена. Значимыми стали такие образовательные форматы, как электронное обучение, формы дистанционного взаимодействия. В связи с этим в ТУСУРе усилилась разработка авангардных научных направлений, был основан Центр компетенций Национальной технологической инициативы (НТИ) «Технологии доверенного взаимодействия». Эти технологии ориентированы на применение интеллектуальных элементов и комплексов в цифровой среде и предназначены для обеспечения функционирования различных приложений и платформ, отражают приоритет безопасности граждан и способствуют распространению информации в учебной, исследовательской и других видах деятельности, в том числе при обучении иностранных студентов. Эти технологии фактически обеспечивают суверенитет информационного обмена, безопасность личных кабинетов. Среда доверия – важнейшее условие безопасного функционирования общества и личности, любых субъектов, она определяет устойчивость социальных институтов [21]. Однако при этом факторами успешного взаимодействия продолжают оставаться доверительные принципы общения: недирективность, congruence, конфиденциальность, аутентичная дружба, формирование позитивной атмосферы в вузе и т.п.

Проведенный в период пандемии мониторинг среди иностранных студентов выявил ряд следующих проблемных зон:

- общая дезадаптация, неподготовленность к переходу на дистанционное образование как студентов, так и преподавательского состава и др.;

- сложности понимания материала в режиме онлайн-занятий;

- трудности с самодисциплиной, самоорганизацией и тайм-менеджментом, рациональным планированием времени.

Для преодоления вышеуказанных проблем университет использовал такие инструменты комплексной поддержки, как:

- цифровое-интеллектуальное волонтерство (безвозмездное оказание помощи со стороны администрации, преподавателей и студентов, быстро освоивших новые подходы, всем остальным сотрудникам и студентам в области повышения цифровой грамотности);

- расширенная информационная поддержка, включающая такие сервисы, как «личный кабинет» (информационно-аналитический ресурс для координации работы профессорско-преподавательского состава и студентов университета, направленный на организацию и планирование контактного и дистанционного образовательного процесса с заполнением и представлением различных форм отчетности, получением актуальной научной, образовательной информации и т.п.), «журнал успеваемости» (сервис ввода и мониторинга текущей и промежуточной успеваемости студентов), «журнал посещаемости» (сервис ввода и мониторинга сведений о посещаемости студентов и пр.);

- возможности электронной информационно-образовательной среды ТУСУРа, включающей широкое использование платформы BigBlueButton (открытое

программное обеспечение для проведения веб-конференций).

Эти меры стали поддерживающим и адаптационным механизмом, позволившим всем участникам образовательного процесса, включая иностранных студентов, получить доступ к научно-образовательным ресурсам с любого устройства вне зависимости от географического местоположения, реализовать новые возможности обучения и интерактивное общение студентов и преподавателей (вебинары, чат-группы и пр.).

Пандемия обозначила видимую хрупкость процесса интернационализации (локдаун, закрытие границ, ограничение личного общения и т.п.), но вместе с тем достаточно быстро был найден инструментарий решения большинства проблем по трансграничной передаче знаний в новых цифровых форматах, успешно используемый университетом.

В рамках аналитики результатов образовательного процесса отметим, что в постпандемийный период про-

цесс интернационализации трансформируется в сторону фокусировки на национальных интересах принимающего сообщества, расширяются возможные варианты деятельности на всех этапах интернационализации, согласно Б. Лиску: аналитическом, прогностическом, эмпирическом, оценочном [19, 20].

На настоящем этапе, учитывая последствия пандемии, целесообразно проанализировать особенности образовательной и социокультурной адаптации иностранных студентов с выделением проблемных зон. Данное исследование было проведено в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) в весеннем семестре 2022 г. посредством анкетного опроса в Google-формах методом случайной выборки студентов 1–4-го курсов бакалавриата и 1–2-го курсов магистратуры из ближнего и дальнего зарубежья. Всего был опрошен 81 студент, из них 54 респондента – представители ближнего зарубежья (66%) (рис. 1).

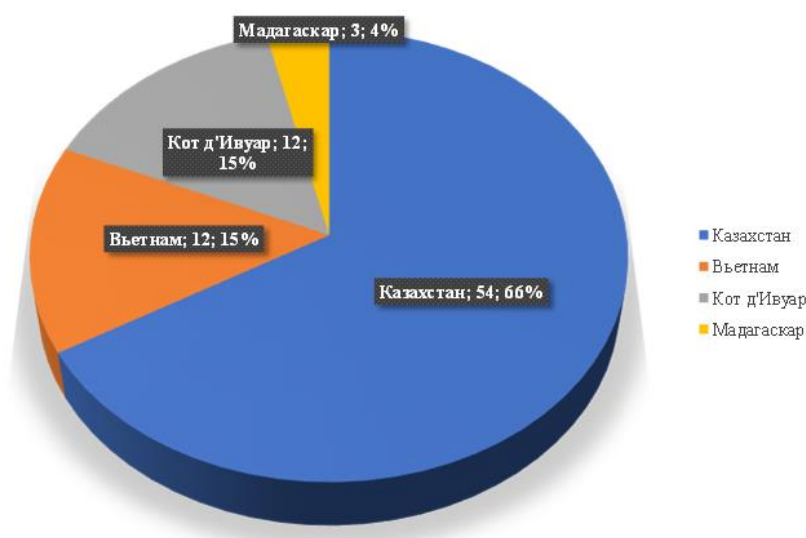

Рис. 1. Страны происхождения иностранных студентов

Привлечение студентов из ближнего и дальнего зарубежья – одна из приоритетных задач университета. В последние десятилетия ТУСУР уверенно занимает высокие позиции в рейтингах по доле иностранных студентов, поскольку является одним из лидеров в областях микроэлектроники и систем связи нового поколения, ИТ, безопасной цифровой среды и киберфизических систем, наук о космосе и инжиниринга и т.п.

Понимание географии привлечения абитуриентов позволяет отследить рамки формирования интернациональной среды вуза и межкультурной коммуникации студентов. Обращение внимания к теме «ясного языка» (адаптированного варианта национального языка, рекомендованного к использованию в качестве средства обеспечения информационной доступности и безбарьерной коммуникации) способствует системной работе по включению всех участников в учебный процесс, межличностное и межкультурное взаимодействие [22]. Успех в развитии международного обмена студентов также зависит от учета факторов влияния на выбор университета (рис. 2).

Исходя из полученных данных, вариант «советы родственников» превалирует для студентов из стран СНГ (39,5%) и Кот-д'Ивуара (8,5%). Ответы «хорошее владение русским языком» и «возможность трудоустроиться в России» характерны как для студентов из ближнего (25,9%), так и из дальнего зарубежья: Кот-д'Ивуара (4,9%), Вьетнама (6%). Ответ «возможность трудоустроиться в России» выступает значимым фактором влияния на выбор страны обучения и вуза, поскольку определяет качество образования в вузе. Так, в исследованиях допандемийного и пандемийного периодов 89% респондентов были удовлетворены качеством обучения, а оценка степени удовлетворенности была отмечена как высокая и хорошая. В данном постпандемийном опросе фактор доступности трудоустройства по-прежнему определен как актуальный, он опосредован высоким качеством образования. Это достигается включенностью в новые научно-образовательные практики, новые средства коммуникации и процесс освоения разнообразных интерактивных форм взаимодействия. Далее представлены другие вариан-

ты: «наличие информации в Интернете» (18,5% студентов из стран СНГ, 7,4% студентов из дальнего зарубежья), «место в рейтингах» (18,5 и 3,7% соответственно) и «доступность сайта вуза» (14,8 и 3,7%) (рис. 2) Экономические мотивы (престиж учебного заведения, доступность стоимости обучения, дешевизна проживания) выполняют стимулирующую функцию для привлечения иностранных студентов.

Студенческая мобильность, как отмечает К. Тремблей, является тенденцией последних лет и вносит значительный вклад в обеспечение устойчивости стратегии интернационализации [23]. Этот процесс также требует комплексных инфраструктурных решений и

целевой поддержки студентов из дальнего зарубежья, в том числе, в деле решения их личных проблем.

Полученные данные показали, что при поступлении в вуз у большинства студентов из ближнего зарубежья (29,6%) не было никаких проблем, что свидетельствует о скоординированной работе приемной комиссии университета и ее менеджмента. Для студентов из дальнего зарубежья основными проблемами выступили бытовые условия (23,4%), причем вопросами питания студенты оказались озабочены меньше всего, недостаточное владение русским языком (22,2%) и проблемы с доступом к информации на родном языке (14,8%) (рис. 3).

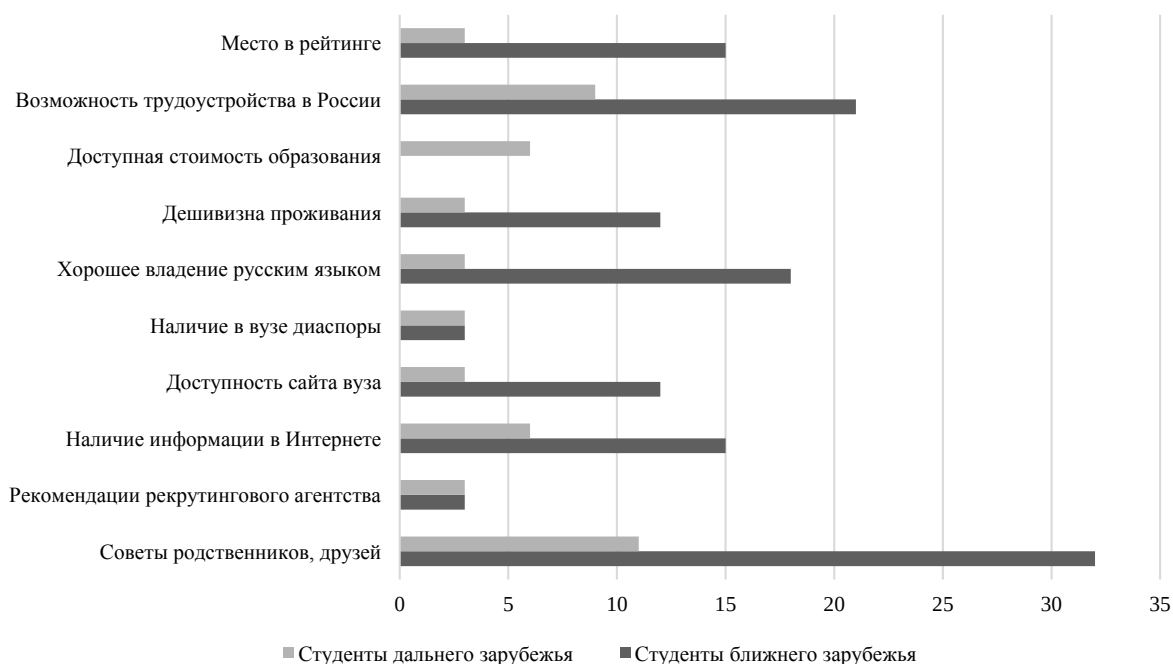

Рис. 2. Факторы влияния на выбор обучения

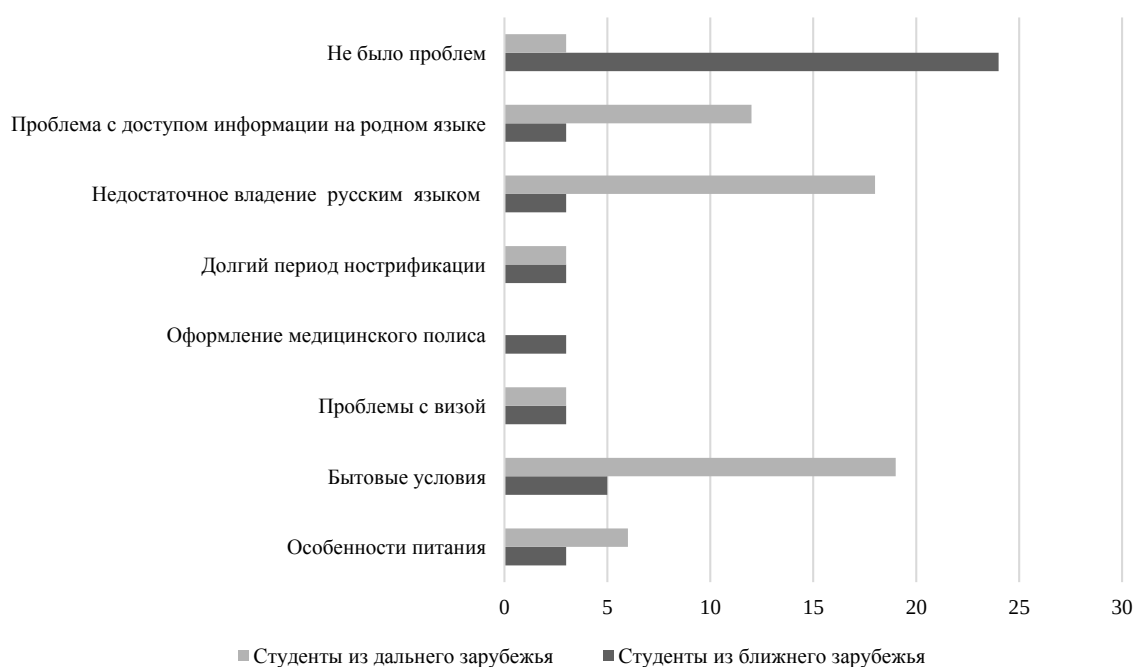

Рис. 3. Проблемы при поступлении в вуз

Язык обучения – один из значимых факторов при выборе страны обучения. Неанглоязычные страны предлагают курсы на английском языке или развивают инфраструктуру поддержки национального языка в образовательном процессе. Сегодня в ТУСУРе действуют клубы разговорного английского и русского языков, что позволяет осуществлять подлинный кросскультурный обмен, в неформальной обстановке делиться мнениями и взаимообогащать друг друга. В образовательном процессе активно развивается критическое мышление студентов, усиливаются социальные навыки, способствующие всестороннему личностному росту и совершенствованию коммуникативной компетенции.

Сегодня инкорпорация форм поддержки национального языка в контексте интернационализации образования задает новый вектор в осмыслении данного понятия. Теория «ясного языка» в области интернационализации образования определяет информационную доступность с учетом потребностей целевой аудитории, перевод неадаптированных материалов к понятному, ясному варианту, что приводит к безбарьерной коммуникации и является важным фактором адаптации иностранных студентов [22].

Также среди проблем были обозначены: долгий период нострификации, оформление медицинского полиса, проблемы с визой. Вспомогательным звеном в адаптационном механизме выступили цифровые сервисы (личный кабинет абитуриента, онлайн-взаимодействие с отделом международного сотрудничества вуза, научно-образовательный портал университета и пр.), которые были созданы для навигации и сопровождения в условиях сложившихся вызовов.

Отвечая на вопросы, связанные с проблемами, возникающими в период обучения, иностранные студенты из ближнего зарубежья (30,8%) отметили финансо-

вые трудности, в то время как из дальнего зарубежья данный ответ выбрали 5% респондентов. Вместе с тем 29,6% студентов из ближнего зарубежья указывают на отсутствие проблем в период обучения, 4% студентов из дальнего зарубежья согласны с ними. Бытовые условия – проблема для студентов из ближнего зарубежья (23,4%), их мнение разделяют 6% студентов из дальнего зарубежья. Умение адаптироваться в повседневной жизни включает такую сферу жизнедеятельности, как здоровье, и вопрос о медицинском обслуживании. В исследованиях допандемийного периода было выявлено, что 50% респондентов испытывают сложности при обращении в медицинское учреждение, а остальные 50% даже не пробовали воспользоваться услугами врача, что свидетельствует о слабой социальной адаптации и недостаточном информировании со стороны вуза. Как следствие, вуз предпринял усилия в части сопровождения иностранных студентов по вопросам медицинского обслуживания, что совпало с периодом пандемии и приобрело системный характер. Были организованы круглосуточные службы реагирования, «горячие линии», проведен комплекс превентивных мер на базе вуза (обеспечение индивидуальными средствами защиты, вакцинация, термометрия и пр.). Данный постпандемийный опрос показал, что проблема медицинского обслуживания по-прежнему остается актуальной, но организация обеспечения медицинского обслуживания и вопросы информирования улучшились и не стоят так остро. Вариант «дискриминационное отношение» выбрали только 2% студентов из ближнего зарубежья (рис. 4). Таким образом, можно сделать вывод, что взаимоотношения с иностранными студентами в студенческой среде вуза строятся в целом на принципе интернационализма, т.е. принятии идей равенства.

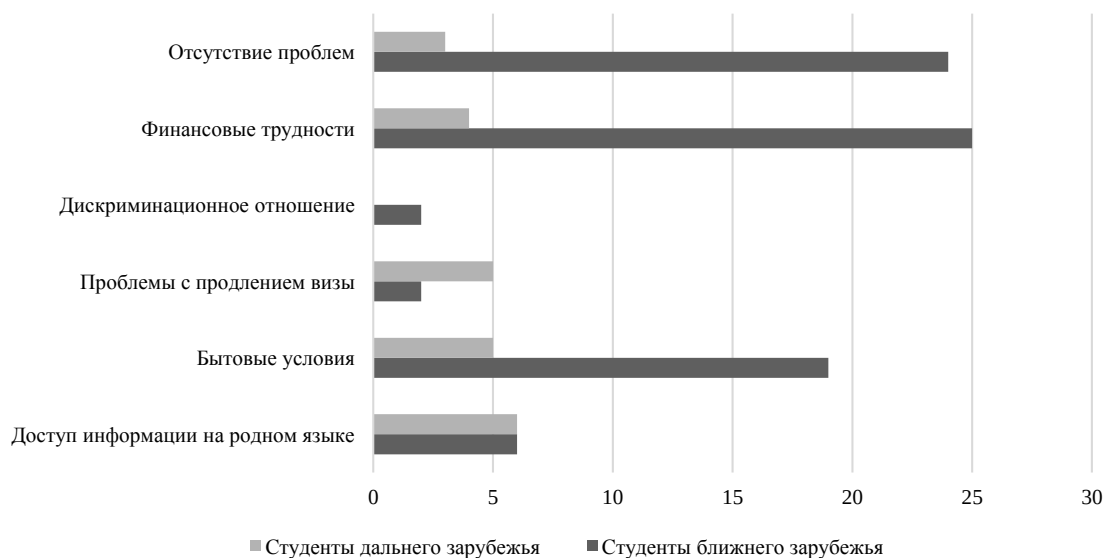

Рисунок 4. Проблемы в период обучения

Финансовые трудности – значимый фактор, требующий от вуза комплексной системы институциональной поддержки. Система личных грантов на обучение, включение в научно-исследовательскую работу студентов на платной основе и прочие меры позволяют

снизить тревожность о личной финансовой устойчивости и сконцентрироваться на учебном процессе. Кроме того, в процессе управления интернационализацией в образовательной системе важную роль играют инфраструктурные решения, инициированные службами

проректора по международному сотрудничеству и другими подразделениями университета: кафедрами, деканатами, профсоюзными комитетами студентов и сотрудников, Молодежным центром вуза и пр.

Для более точного понимания формирования адаптационных механизмов важно определить существующие способы решения возникающих проблем. Большинство студентов как из ближнего (38,2%), так и из дальнего зарубежья (28,3%) выбрали вариант «самосто-

ятельно», что свидетельствует о развитии личной автономности и направленности на поиск альтернативных путей решения возникающих проблем. С помощью родственников предпочитают решать проблемы 23,4% студентов из ближнего зарубежья и 2,9% из дальнего зарубежья. Отдел международного сотрудничества помогает в решении проблем 18,5% студентов из дальнего зарубежья. На полное отсутствие проблем указали 16,5% студентов из ближнего зарубежья (рис. 5).

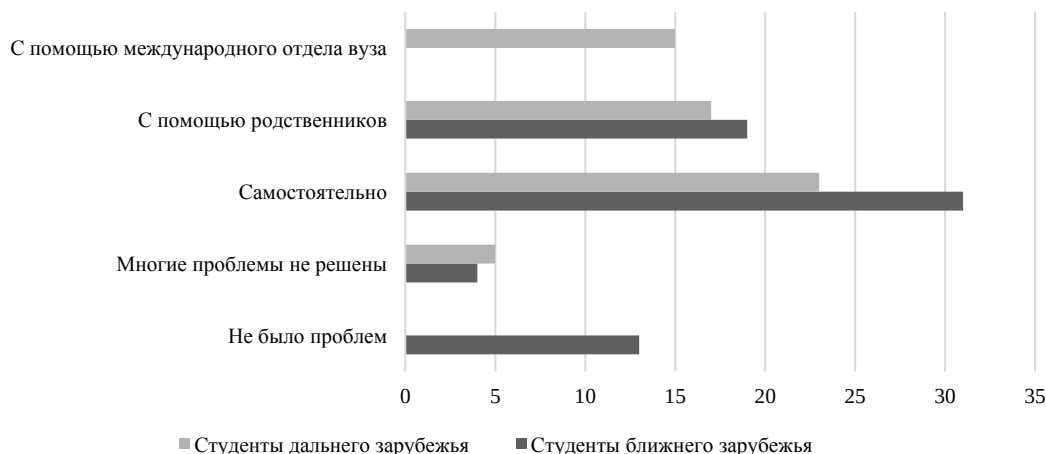

Рисунок 5. Способы решения проблем

По результатам предпринятого исследования можно выделить особенности процесса социокультурной адаптации иностранных студентов:

- самостоятельность и опора на позитивную атмосферу студенческой среды (взаимодействие «индивид–группа–общество»);
- наличие развитой инфраструктуры вуза;
- использование методик «ясного языка», норм и паттернов повседневного многостороннего взаимодействия («вуз–группа–индивид»).

Таким образом, современные вызовы, в том числе пандемического характера, являются проблемами на устойчивость процесса интернационализации университетов в рамках международного обмена. В этих условиях вузу необходимо учитывать опыт и разрабатывать комплекс мер, направленных на сохранение контингента иностранных студентов и их успешной адаптации в образовательной и социокультурной сфере. В ТУСУРе с начала пандемии было обращено внимание на разви-

тие средств «доверительного взаимодействия», технологий для обеспечения функционирования приложений и электронных платформ в цифровом мире, на безопасность распространения информации в учебной и исследовательской деятельности, в том числе в отношении иностранных студентов.

Формирование позитивной студенческой среды, благоприятной для коммуникации и поддержания дружеских отношений, включение в нее иностранных студентов, обсуждение общих интересов, вопросов подготовки по специальностям играют особую роль в формировании и принятии новых поведенческих моделей, ценностей и норм студентами. Инструментами формирования безбарьерной интернациональной среды вуза становятся интерактивные, принимающие и проектные методы работы, «модель заботы» с акцентом на индивидуальный подход к иностранному студенту, методики «ясного языка» способствующие успешной образовательной и социокультурной адаптации.

Список источников

1. Альтбах Ф.Дж. Отказ от глобального мышления в международном высшем образовании // Международное высшее образование. 2014. № 74. С. 12–14.
2. Beech S.E. Performances of care: Questioning relationship-building and international student recruitment // Transactions of the Institute of British Geographers. 2022. Vol. 47, is. 2. P. 426–439. doi: 10.1111/tran.12510
3. Beerkens E. The Social Dimension of Internationalisation; Social Risks And Responsibilities // Tying it all together Excellence, mobility, funding and the social dimension in higher education / B. Wächter, Q.K.H. Lam, I. Ferencz (eds.). Bonn : Lemmens, 2012. URL: <http://www.beerkens.info/files/Beerkens%20-%20social%20dimension%20-%20BW%2028%2005%202012%20-%20EB%2025%2006%202012.pdf> (accessed: 29.07.2022).
4. Beerkens E. 40 Years of Internationalisation in European Higher Education: Achievements and challenges // RIHE International Seminar Reports. 2014. № 21. P. 1–24.
5. Beerkens E. University Policies for the Knowledge Society: Global Standardisation, Local Re-invention // Perspectives on Global Development and Technology. 2008. Vol. 7 (1). P. 15–31.
6. Nagy A., Nothdurfter U. Internationalization “At home”: Fostering inter-and transnational perspectives in the social work curriculum // Italian Journal of Sociology of Education. 2022. Vol. 14 (1). P. 7–27. doi: 10.14658/pupj-ijse-2022-1-2
7. Аксенова Н.М., Муравьева А.А., Олейникова О.Н. Интернационализация, международная интеграция и сотрудничество в области профессионального образования. М. : Логос, 2014. 120 с.

8. Вахрушев Ю.П. Социокультурные ценности как инструмент этнополитической мобилизации // Иркутский историко-экономический ежегодник : 2014. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. С. 339–344.
9. Голубева Т.А., Олейникова О.Н. Опыт интернационализации профессионального образования и обучения Финляндии // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 4. С. 51–59.
10. Джуринский А.Н. Интернационализация высшего образования: сотрудничество России и Китая // Гуманитарные науки и образование. 2020. № 1. С. 34–40.
11. Дрантусова Н.В., Князев Е.А. Дифференциация в высшем образовании: основные концепции и подходы к изучению // Университетское управление: практика и анализ. 2012. № 5. С. 43–52.
12. Жураковский В.М., Аржанова И.В., Вороб А.Б. Формирование сети национальных исследовательских университетов как масштабная институциональная инновация в структуре высшей школы России // Перспективы науки и образования. 2014. № 5 (11). С. 53–61.
13. Зиятдинова Ю.Н., Безруков А.Н. Интернационализация инженерного образования // Профессиональное образование. Столица. 2015. № 5. С. 21–23.
14. Императивы интернационализации / отв. ред. М.В. Ларионова, О.В. Перфильева. М. : Логос, 2013. 420 с.
15. Лебедева М.М. Международно-политические процессы интеграции образования // Интеграция образования. 2017. Т. 21, № 3. С. 385–394. doi: 10.15507/1991-9468.088.021.201703.385-394
16. Малкова И.Ю., Масленникова О.Г. Интернационализация образовательных программ как ресурс формирования глобальной компетентности выпускников магистратуры // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 169–177.
17. Пальянов М.П., Пахомова Е.А., Демченко А.Р., Балахнина С.В. Профессиональное самоопределение обучающихся в условиях рынка труда в системе непрерывного образования Германии // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 1. С. 192–198.
18. Groves O., Chen H., Verenikina I. "Actually, in my culture..." i identity, positioning, and intersubjectivity in cross-cultural interviews // Australian Review of Applied Linguistics. 2022. Vol. 45 (1). P. 4–24. doi: 10.1075/aral.19040.gro
19. Leask B. Using formal and informal curricula to improve interactions between home and international students // Journal of Studies in International Education. 2009. Vol. 13 (2). P. 205–221.
20. Leask B. Fellowship report Internationalisation of the Curriculum in Action / Australian Government Office for Learning and Teaching, 2012. 64 p.
21. В ТУСУРе будет создан центр НТИ по сквозной технологии «Технологии доверенного взаимодействия». ТУСУР. 2021. 20 нояб. URL: <https://tusu.ru/novosti-i-meropriyatiya/novosti/prosmotr/-/novost-v-tusure-budet-sozdan-tsentr-nti-po-skvoznoy-tehnologii-tehnologii-doverennogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 29.07.2022).
22. Бабкина М.Д. Ясный язык как средство обеспечения доступности информации : методические рекомендации : предварительный национальный стандарт. М. : Наш солнечный мир, 2021. 144 с.
23. Трэмблей К. Интернационализация: формирование стратегий в национальном контексте // Вестник международных организаций. 2010. № 3. С. 110–169.

References

1. Altbach, F.J. (2014) Otkaz ot global'nogo myshleniya v mezhdunarodnom vysshem obrazovanii [Refusal from global thinking in international higher education]. *Mezhdunarodnoe vysshee obrazovanie*. 74. pp. 12–14.
2. Beech, S.E. (2022) Performances of care: Questioning relationship-building and international student recruitment. *Transactions of the Institute of British Geographers*. 47(2). pp. 426–439. DOI: 10.1111/tran.12510
3. Beerkens, E. (2012) The Social Dimension of Internationalisation; Social Risks And Responsibilities. In: Wächter, B., Lam, Q.K.H. & Ferencz, I. (eds) *Tying it all together Excellence, mobility, funding and the social dimension in higher education*. Bonn: Lemmens. [Online] Available from: <http://www.beerkens.info/files/Beerkens%20-%20social%20dimension%20-%20BW%2028%2005%202012%20-%20EB%2025%2006%202012.pdf> (Accessed: 29th July 2022).
4. Beerkens, E. (2014) 40 Years of Internationalisation in European Higher Education: Achievements and challenges. *RIHE International Seminar Reports*. 21. pp. 1–24.
5. Beerkens, E. (2008) University Policies for the Knowledge Society: Global Standardisation, Local Re-invention. *Perspectives on Global Development and Technology*. 7(1). pp. 15–31.
6. Nagy, A. & Nothdurfter, U. (2022) Internationalization "At home": Fostering inter-and transnational perspectives in the social work curriculum. *Italian Journal of Sociology of Education*. 14(1). pp. 7–27. DOI: 10.14658/pupj-ijse-2022-1-2
7. Aksenova, N.M., Muravieva, A.A. & Oleynikova, O.N. (2014) *Internatsionalizatsiya, mezhdunarodnaya integratsiya i sotrudnichestvo v oblasti professional'nogo obrazovaniya* [Internationalization, international integration and cooperation in the field of vocational education]. Moscow: Logos.
8. Vakhruшев, Yu.P. (2014) Sotsiokul'turnye tsennosti kak instrument etnopoliticheskoy mobilizatsii [Socio-cultural values as a tool for ethno-political mobilization]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik: 2014* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2014]. Irkutsk: BGUEP. pp. 339–344.
9. Golubeva, T.A. & Oleynikova, O.N. (2019) Opyt internatsionalizatsii professional'nogo obrazovaniya i obucheniya Finlyandii [The experience of internationalization of vocational education and training in Finland]. *Professional'noe obrazovanie i rynok truda*. 4. pp. 51–59.
10. Dzhurinskiy, A.N. (2020) Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya: sotrudnichestvo Rossii i Kitaya [Internationalization of higher education: Cooperation between Russia and China]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 1. pp. 34–40.
11. Drantusova, N.V. & Knyazev, E.A. (2012) Differentsiatsiya v vysshem obrazovanii: osnovnye kontseptsii i podkhody k izucheniyu [Differentiation in Higher Education: Basic Concepts and Approaches to Study]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 5. pp. 43–52.
12. Zhurakovskiy, V.M., Arzhanova, I.V. & Vorov, A.B. (2014) Formirovanie seti natsional'nykh issledovatel'skikh universitetov kak masshtabnaya institutsional'naya innovatsiya v strukture vysshey shkoly Rossii [Formation of a network of national research universities as a large-scale institutional innovation in the structure of higher education in Russia]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 5(11). pp. 53–61.
13. Ziyatdinova, Yu.N. & Bezrukov, A.N. (2015) Internatsionalizatsiya inzhenernogo obrazovaniya [Internationalization of engineering education]. *Professional'noe obrazovanie. Stolitsa*. 5. pp. 21–23.
14. Larionova, M.V. & Perfilieva, O.V. (eds) (2013) *Imperativy internatsionalizatsii* [Imperatives of Internationalization]. Moscow: Logos.
15. Lebedeva, M.M. (2017) Mezhdunarodno-politicheskie protsessy integratsii obrazovaniya [International political processes of education integration]. *Integratsiya obrazovaniya*. 21(3). pp. 385–394. DOI: 10.15507/1991-9468.088.021.201703.385-394
16. Malkova, I.Yu. & Maslennikova, O.G. (2019) Internationalization of the curriculum as a resource for building global competence of master's graduates. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 444. pp. 169–177. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/444/22
17. Palyanov, M.P., Pakhomova, E.A., Demchenko, A.R. & Balakhnina, S.V. (2014) Professional'noe samoopredelenie obuchayushchikhsya v usloviyakh rynka truda v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya Germanii [Professional self-determination of students in the conditions of the labor market in the system of continuous education in Germany]. *Sibirskiy pedagogicheskij zhurnal*. 1. pp. 192–198.
18. Groves, O., Chen, H. & Verenikina, I. (2022) "Actually, in my culture..." i identity, positioning, and intersubjectivity in cross-cultural interviews. *Australian Review of Applied Linguistics*. 45(1). pp. 4–24. DOI: 10.1075/aral.19040.gro
19. Leask, B. (2009) Using formal and informal curricula to improve interactions between home and international students. *Journal of Studies in International Education*. 13(2). pp. 205–221.

20. Leask, B. (2012) *Fellowship report Internationalisation of the Curriculum in Action*. Australian Government Office for Learning and Teaching.
21. TUSUR. (2021) V TUSURe budet sozdan tsentr NTI po skvoznoy tekhnologii "Tekhnologii doverennogo vzaimodeystviya" [An NTI center will be created in TUSUR for the end-to-end technology "Technologies of Trusted Interaction"]. 20th November. [Online] Available from: <https://tusur.ru/novosti-i-meropriyatiya/novosti/prosmotr/-/novost-v-tusure-budet-sozdan-tsentr-nti-po-skvoznoy-tehnologii-tehnologii-doverennogo-vzaimodeystviya> (Accessed: 29.07.2022).
22. Babkina, M.D. (2021) *Yasnyy yazyk kak sredstvo obespecheniya dostupnosti informatsii: metodicheskie rekomendatsii: predvaritel'nyy natsional'nyy standart* [Clear language as a means of ensuring the availability of information: guidelines: preliminary national standard]. Moscow: Nash solnechnyy mir.
23. Tremblay, K. (2010) Internatsionalizatsiya: formirovanie strategiy v natsional'nom kontekste [Internationalization: The formation of strategies in the national context]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*. 3. pp. 110–169.

Сведения об авторах:

Раитина Маргарита Юрьевна – доктор философских наук, доцент кафедры философии и социологии Томского университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: raitina@mail.ru

Покровская Елена Михайловна – кандидат философских наук, заведующая кафедрой иностранных языков, доцент кафедры философии и социологии Томского университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: pemod@yandex.ru

Зиновьева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра ИСР Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Raitina Margarita Yu. – D. Phil. In Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of philosophy and sociology, Tomsk state University of control systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raitina@mail.ru

Pokrovskaya Elena M. – Candidate of Philosophy, head of the Department of foreign languages, Tomsk state University of control systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pemod@yandex.ru

Zinoviyeva Valentina I. – Candidate of History, Associate Professor of History and Social work Department, senior researcher of the Scientific-educational Centre of ISR, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.08.2022; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 01.08.2022; accepted for publication 11.11.2022

РЕЦЕНЗИИ

REVIEW

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/80/24

Накануне катастрофы: Церковь и власть в последние годы императорской России. Рец. на кн.: Фриз Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сб. ст. / пер. с англ. А. Глебовской, М. Долбилова; под ред. П. Рогозного. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 352 с. (Эпоха войн и революций; вып. 12).

Александр Сергеевич Пученков

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, a.puchenkov@spbu.ru

Аннотация. Дается высокая оценка сборнику статей американского историка Г. Фриза, который полностью посвящен различным вопросам церковно-государственных отношений в последние десятилетия существования Российской империи и в годы Гражданской войны. Отмечен огромный вклад Г. Фриза в исследование данной проблематики. Рассмотрены и проанализированы изменения, происходившие внутри Церкви и повлиявшие на ее позиции в отношениях с центральной властью и другими сословиями российского общества. Показано, что кризис церковной жизни особенно остро проявил себя в первые годы после крушения монархии в России.

Ключевые слова: православие, Российская империя, Гражданская война, религиозный фактор, Г. Фриз, рецензия

Благодарности: Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика».

Для цитирования: Пученков А.С. Накануне катастрофы: Церковь и власть в последние годы императорской России. Рец. на кн.: Фриз Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сб. ст. / пер. с англ. А. Глебовской, М. Долбилова; под ред. П. Рогозного. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 352 с. (Эпоха войн и революций; вып. 12) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 210–219. doi: 10.17223/19988613/80/24

Original article

On the Eve of the Catastrophe: Church and Power in the Last Years of Imperial Russia. Review on the book: Freeze G. "Destructive Piety": The Russian Church and the Fall of the Empire: Collection of Articles / Gregory Freeze; tr. from English A. Glebovskaya, M. Dolbilova; ed. P. Rogozny. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2019. 352 p. (The era of wars and revolutions; issue 12)

Alexander S. Puchenkov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, a.puchenkov@spbu.ru

Abstract. The article gives a high assessment to the collection of articles by the American historian G. Freeze, which is completely devoted to various issues of church-state relations in the last decades of the existence of the Russian Empire during the Civil War. The purpose of the article is to critically analyze the works of G. Freeze and, on the basis of the concepts proposed by him, try to characterize the role of the Orthodox clergy in the events of the Russian Revolution and fratricidal confrontation. The huge contribution of G. Freeze to the study of this issue is noted. In fact, the American professor became a pioneer in working with archival documents on Russian church history of the synodal period, and his views on the history of the Russian Orthodox Church became a noticeable phenomenon in historiography. It is noted that G. Freeze acted as a kind of revisionist of the concept of the Church as a "servant of the monarchy", which was funda-

mental for Russian historical science in the first decades of Soviet power, and was also actively used in the works of R. Pipes. G. Freeze in his articles consistently defends the thesis of the independence of the Church, of its special place in the imperial structure, which has allowed for a certain independence in defending its positions. This is proved, among other things, by the examples of several canonizations of saints during the reign of Nicholas II, when the will of the secular authorities not only caused a heated public discussion, but also met with sharp opposition in hierarchal circles. The review examines and analyzes the changes that took place within the Church and influenced its position in relations with the central government and with other classes of Russian society. It is shown that the crisis of church life manifested itself especially sharply in the first years after the collapse of the monarchy in Russia. This, in particular, manifested itself in open speeches by ordinary clergy against bishops, in the democratization of parish life, and in discussions about the participation of the clergy in divorce proceedings. The ideas expressed in G. Freeze's articles are compared with data taken from the works of leading experts in the history of the Church and social and political life (N.N. Smirnov, S.L. Firsov etc.). The main conclusion that the researcher comes to can be formulated as follows: due to the peculiarities of the policy of the Russian monarchy in relation to the Church and the clergy, and also due to complex processes directly in the spiritual environment, by 1917 the clergy were no longer a political ally of the monarchical forces, and therefore in some cases welcomed the revolution. The change in the political system in Russia to a large extent contributed to drastic changes in parish life, in particular, to the weakening of the power of bishops in the regions.

Keywords: Orthodoxy, Russian Empire, Civil War, religious factor, G. Freeze, review

Acknowledgments: The material was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project 21-18-00266, "The Religious Factor in Russia during the Civil War: Phenomenon, Significance and Regional Specificity".

For citation: Puchenkov, A.S. (2022) On the Eve of the Catastrophe: Church and Power in the Last Years of Imperial Russia. Review on the book: Freeze G. "Destructive Piety": The Russian Church and the Fall of the Empire: Collection of Articles / Gregory Freeze; tr. from English A. Glebovskaya, M. Dolbilova; ed. P. Rogozny. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2019. 352 p. (The era of wars and revolutions; issue 12). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 210–219. doi: 10.17223/19988613/80/24

Несколько лет назад в издательстве Европейского университета в Санкт-Петербурге вышла книга крупнейшего знатока истории Российской Православной Церкви синодального периода профессора Брандейского университета Грегори Фриза, первые серьезные работы которого по избранной проблематике были опубликованы около полувека назад. Научное сообщество историков прекрасно знает об исследованиях Г. Фриза: его работоспособность, историографическая эрудиция и глубокое знакомство с архивным материалом давно уже вошли в поговорку – ученый обладает большим научным авторитетом и признанным уважением вот уже у нескольких поколений историков как в нашей стране, так и за рубежом.

Еще в начале 1970-х гг. Г. Фриз побывал в Советском Союзе; в то время в рамках программы научных обменов между СССР и США некоторые американские исследователи получили возможность заниматься в советских архивах и библиотеках сроком от 9 до 12 месяцев. Г. Фриз был стажером ЛГУ им. А.А. Жданова, научным куратором его командировки был известный ленинградский историк Н.Г. Сладкевич. Не менее плотно молодой историк контактировал с Б.В. Ананьичем, Р.Ш. Ганелиным и Б.Н. Мироновым, помощь которых позволила ему получить доступ к материалам ведущего архива по истории Российской православной церкви синодального периода – ЦГИА СССР (ныне – РГИА) [1, С. 241–246]. «Такие поездки на год с научной целью позволили проводить серьезные, оригинальные исследования с использованием архивных документов, и это означало революцию в русистике... Такого рода исследования были бы немислимы и эмпирически невозможны без доступа к советским архивным коллекциям... Доступ к архивам сделал возможными подобные исследования: я смог не только использовать огромный

корпус печатных источников (многие из которых не были доступны в библиотеках США), но также собрать статистические данные, петиции, судебные иски, отчеты и многие другие документы, которые дореволюционные журналы считали слишком объемистыми или слишком маргинальными для публикации», – вспоминает Г. Фриз [Там же. С. 244–245].

Особую роль в опеке иностранных стажеров играл выдающийся историк П.А. Зайончковский. Общение с американцами было в то время занятием небезопасным, многие советские историки относились к беседам с иностранными коллегами с очевидной настороженностью, но Зайончковский был исключением. «В своем общении с иностранцами он не признавал многих из тех ограничений, которые были обязательными. Он считал, что отношения с учениками требуют определенной степени близости, эти отношения имели для него особенное, личное значение. Этим он также отличался от большинства коллег, которые даже учебные консультации иностранцам обставляли таким образом, чтобы не оставаться с ними наедине. Н.Г. Сладкевич, руководивший американцем, был вызван однажды в партком ЛГУ, где к нему обратились с просьбой встречаться с тем хотя бы изредка», – вспоминал непревзойденный мастер устного рассказа, известный ученый Р.Ш. Ганелин [2. С. 165; 3. С. 227]. «Петр Андреевич установил порядок, при котором Леонид (Л.В. Беловинский. – А.П.) и я приходили каждую неделю к нему домой (не в университет, как это было вообще-то принято, особенно когда речь шла об иностранцах) – якобы для отчетов о ходе наших исследований, но на самом деле также и для того, чтобы поболтать и выслушать его размышления. Когда он говорил о чем-то особо тайном ("между нами"), он вытаскивал телефонный шнур из стены и заговорщицки

шептал. Это было действительно нечто особенное – он приглашал нас жестом пойти за ним на улицу, даже в самую холодную зимнюю погоду, и продолжал разговор, пока мы шли вокруг многоэтажного здания, в котором находилась его квартира», – вспоминает впервые приехавший в Советский Союз по обмену 15 августа 1968 г. – за неделю до ввода войск Организации Варшавского Договора в Чехословакию – канадский историк Н. Перейра [3. С. 227].

Благодаря своему положению иностранного гражданина, а также связанной с этим – безусловно, большей, чем существовала у советского историка, – свободой выбора темы для исследований, трудолюбивый и одаренный Г. Фриз еще в 1970–1980-е гг. «застолбил» за собой статус ведущего специалиста и в какой-то мере первопроходца в изучении целого ряда проблем, связанных с историей Православной Церкви синодального периода. Преодолевая нередко возникавшие весьма значительные затруднения сугубо бюрократического толка, связанные с допуском к архивным документам, Г. Фриз еще в советское время сумел познакомиться и ввести в научный оборот огромный пласт материалов, извлеченных им из хранилищ Москвы, Ленинграда, Киева, Твери (Калинина) и Владимира. Своей темой Г. Фриз избрал социальную историю приходского духовенства XVIII – начала XX в. [4. С. 11]. Обе его монографии о положении русского духовенства, вышедшие в 1977 и 1983 гг., и поныне считаются классическими [5, 6].

Фактически благодаря работам Г. Фриза тема, находившаяся на периферии зарубежных исследований по русистике, постепенно оформилась в самостоятельное научное направление, его заслуги на ниве изучения отечественной истории высоко оценены в нашей стране; еще в 1987 г. крупный ученый Б.Н. Мионов, указывая на некоторые недостатки работ американского ученого, все же счел необходимым признать, что «по богатству материала о белом духовенстве, церковных реформах, взаимоотношениях церкви и государства в России XVIII–XIX вв. книгам Фриза нет равных в современной зарубежной исторической литературе» [7. С. 158].

Между тем большая часть работ Г. Фриза (особенно прискорбно это в отношении монографий американского исследователя) так и не была переведена на русский язык; его серьезные и важные для развития историографии проблемы статьи также были до последнего момента доступны лишь в оригинале. Существующий недочет был исправлен в 2019 г. усилиями горячих энтузиастов проблемы, среди которых выделялся петербургский историк П.Г. Rogoznyy, взявший на себя труд по составлению книги, подготовке к ней предисловия и научных комментариев. Поистине, можно утверждать, что без подлинного подвижничества Павла Геннадьевича книга не увидела бы свет: его заслугу в подготовке этой работы трудно переоценить.

«Губительное благочестие» – это не монография в классическом смысле, а сборник избранных статей американского исследователя, дающих наглядное представление о его исследовательском почерке. Все эти статьи объединены общей исследовательской концеп-

цией; как следствие, читатель книги Г. Фриза знакомится с цельной и завершенной работой, посвященной одной теме – положению Церкви и представителей православного духовенства в императорской России в эпоху последних царствований. По сути, перед нами – результаты важнейших наработок историка за всю его долгую жизнь в науке.

По понятным причинам изучение истории Российской Православной Церкви не относилось к излюбленным темам советской историографии; выходявшие в свет работы преимущественно находились на стыке между воинственно-атеистической «наукой» и пропагандой; начиная свой путь в науке, Г. Фриз был вынужден идти наощупь, не имея «опорных» монографий, подготовленных его современниками; наиболее серьезные работы по истории Церкви в XIX–XX вв. вышли еще до революции, – тем значимее выглядят его заслуги в изучении проблемы.

В предисловии к русскому изданию Г. Фриз объяснил причину своего обращения к истории Российской Православной Церкви: «Не секрет, что после революции 1917 г. историки – и в России, и на Западе – долго не обращали внимания на историю Российской Православной Церкви. Вплоть до конца XX в. исследователи досконально изучали государство и чиновников, разные социальные группы, светскую культуру, а Церковь и ее верующих едва упоминали, как будто последние были недостойны внимания и не играли никакой роли»; только в постсоветский период, констатирует исследователь, «историки начали заполнять этот пробел, но лакун здесь остается очень много до сих пор». «Данный сборник статей, – поясняет задачу опубликования книги Г. Фриза, – это попытка сделать небольшой вклад в изучение истории Российской Православной Церкви, духовенства и верующих в конце старого режима и в начале нового» (С. 5).

Рецензируемая книга состоит из восьми статей, каждая из которых имеет самостоятельное исследовательское значение. Первая из них – «Служанка государства? Переоценка роли Церкви в императорской России» – была опубликована Г. Фризом в 1985 г. Статья эта – не просто первая по порядку в монографии, но и, вне всякого сомнения, по значению. Подобной точки зрения придерживается и П.Г. Rogoznyy, посчитавший необходимым сопроводить «Служанку государства» своеобразной статьей-ответом, или, по определению Павла Геннадьевича, историографическим комментарием, предваряя который, петербургский историк счел необходимым признать исключительную важность и концептуальность работы американского исследователя, написавшего «замечательную статью». (С. 45–46). Принципиально также и утверждение П.Г. Rogoznyy, по мнению которого, «...до сих пор ничего более концептуального и превосходящего Фриза по знанию источников, а также и исторической литературы, относящейся к синодальному периоду истории Церкви, не предложено» (С. 54).

Оценки П.Г. Rogoznyy и Г. Фриза, как правило, совпадают: так, в первой статье рецензируемого издания Г. Фриз констатировал слабую изученность истории Российской Православной Церкви синодального

периода, отметив, что «недостаточность эта существовала и до падения старого режима в 1917 г.: дореволюционная церковная историография не отличалась ни разнообразием, ни глубиной и существовала по большей части из близоруких епархиальных хроник, часто малограмотных трудов провинциальных семинарий или агиографических восхвалений в адрес какого-нибудь видного духовного лица» (С. 17). Историк отметил, что с удивительным единодушием представители самых разных взглядов: «католики-полемисты, православные славянофилы, интеллигенты-антиклерикалы и сторонники реформ из числа священнослужителей – все, хотя из разных побуждений и по разным причинам, сходились в том, что Церковь превратилась в безгласное оружие в руках светского государства» (С. 17–18). По мнению Фриза, этот тезис, уже давно утвердившийся в историографии, «подлежит радикальному пересмотру», а «самостоятельность Синода значительно разнилась при разных правителях и... Церковь никогда не являлась – ни в законодательном, ни в практическом, ни в духовном смысле – всего лишь министерством по делам религий» (С. 20). В контексте данного утверждения достойна упоминания позиция автора крупнейших обобщающих работ по истории Церкви XIX–XX вв. петербургского историка С.Л. Фирсова, по утверждению которого «Святейший Синод со дня своего образования стал орудием политической воли светской власти, в XIX столетии окончательно превратившись в исполнителя решений государства» [8. С. 37]. По словам С.Л. Фирсова, «Синод напоминал канцелярское учреждение, в котором решались большей частью бракоразводные вопросы» [Там же].

В исторической науке принято считать, что едва ли не наиболее характерной эпохой в рамках подобных неравноправных отношений Церкви и государства была эпоха Николая I. Незабвенный, как называла его дореволюционная историография, Николай Павлович, склонный во всем к единообразию, стремился подвести и под Церковь, и под управление ею определенный бюрократический фундамент. Как следствие, характерные для времени Николая I общая централизация и бюрократизация всех звеньев управления затронули и Церковь. В результате, как отметил автор фундаментальной биографии Николая I петербургский историк Л.В. Выскочков, «Святейший Синод с 30-х гг. [XIX в.] все больше превращался в подобие гражданского министерства», а обер-прокурору с 1835 г. было предписано присутствовать на заседании Государственного совета и Комитета министров [9. С. 276]. С.Л. Фирсов, посвятивший отношениям Православной Церкви и Российского государства в эпоху Николая I свою недавнюю книгу, предлагает рассматривать уникальную по-своему личность Николая Павловича в рамках восприятия царем своих полномочий как «Верховного ктитора», «считавшего не только возможным, но и необходимым лично участвовать в церковном управлении, определяя политику ведомства православного исповедания и по своему усмотрению назначая синодальных обер-прокуроров» [10. С. 12–13]. Согласно суждению С.Л. Фирсова, царь видел в Церкви в первую

очередь институт по воспитанию добропорядочных подданных, а обер-прокуратура Святейшего Синода должна была играть не столько *контролирующую*, сколько *координирующую* общеимперскую церковную роль [Там же. С. 79]. В этой ситуации обер-прокурор не был и не мог быть лицом, самостоятельно определявшим стратегию государственного отношения к православию. Он должен был, по мнению историка, четко следить за беспрекословным исполнением синодалами самодержавной воли в делах, касавшихся Православной Российской Церкви, на которую, как и на любую государственную институцию, в эпоху Николая I распространялись принципы охранительной идеологии» [Там же. С. 254]. Обобщая сказанное, С.Л. Фирсов отметил, что Николай Павлович не привык разделять понятия «государь» и «государство», видя в Православной Церкви в первую очередь «*религиозную часть государства*» [Там же. С. 74].

Риском предположить, что подобные взгляды разделялись и преемниками Николая I на древнем троне Романовых. Радикально положение как Церкви, так и Святейшего Синода не изменилось и в пореформенную эпоху: то уникальное влияние, авторитет и поистине безграничное доверие, которыми обладал обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев у Александра III в первые годы его правления и которым, по словам А.Ю. Полунова, «трудно было подобрать аналог в истории самодержавия» [11. С. 145], не оказали никакого воздействия на синодальную систему, основы которой Победоносцев продолжил защищать после своего назначения обер-прокурором в 1880 г. Напомним также, что К.П. Победоносцев сыграл важную роль и в воспитании Николая II, убедив своего ученика в том, что неограниченное самодержавие есть безусловное благо для России [12. С. 103]. Итак, современная российская историография придерживается той позиции, что к середине XIX в. процесс «встраивания» Церкви в здание самодержавия был благополучно завершен; отношения Церкви и государства регулировались благодаря окончательно сложившейся синодальной системе.

В свою очередь, Г. Фриз утверждает, что попытки светского государства, «особенно в определенные периоды XIX столетия... интегрировать и инкорпорировать» Церковь привели к провалу, объяснения которому можно найти в «особой архитектуре церковного уклада, созданного Петром I», а также в размежевании «епископальной элиты и приходского духовенства на отдельные общественные группы». К началу XX в. в Церкви возникло огромное количество «динамичных реформаторских течений – епархиальной соборности, обновленчества, радикального христианского социализма; они не были случайным, чуждым общей церковной идее откликом на революционный кризис в современном обществе, а, скорее, знаменовали собой кульминацию процессов, которые шли внутри Церкви уже давно» (С. 20).

Г. Фриз убежден в том, что «Церковь до самого 1917 г. не утратила своего особого статуса: статуса института, параллельного государственному аппарату, но не включенного в него. Хотя политическое влияние Церкви, равно как и сфера, на которую распространял-

ся ее авторитет, в XVIII и XIX вв. последовательно сокращалось, она сохраняла свою основную структурную автономию особого “религиозного” института... Церковь играла роль своего рода параллельной структуры, многие ее органы, по сути, дублировали деятельность государственных институтов, тем самым отделяя ее от них» (С. 26–27). Вне всякого сомнения, власть стремилась держать религию в рамках ее собственной ниши и ограничивать участие Церкви в светских делах; «светские обязанности и возможности Церкви были существенно сокращены», – отмечает автор, предлагая воспринимать этот процесс не как «секуляризацию Церкви», а как «мобилизацию духовности», под чем он понимает «систематическое, целенаправленное отстранение Церкви от всех светских дел и сосредоточение ее деятельности на делах чисто “духовных”» (С. 27–28). Логичным выглядит обращение Г. Фриза к анализу деятельности лиц, занимавших должности обер-прокурора в XIX – начале XX столетия, уже по самой своей должности выполнявших функции «светских надзирателей» над Церковью и напрямую назначаемых императором. Признавая, что «прокурор, безусловно, мог влиять на решения Синода, особенно в тех случаях, когда был облечен монаршей поддержкой», ученый все же призывает не видеть в обер-прокурах неких всесильных распорядителей судьбами Церкви как таковой, напротив, исследователь убежден в переоценке авторитета и роли этих чиновников в повседневном церковном администрировании, принятом в традиционной историографии (С. 28). По утверждению Г. Фриза, «структурно и организационно Синод был отделен от государственного аппарата, он сохранял значительную управленческую автономию, а главное – способность отстаивать духовные интересы, действовать скорее как отдельная группа влияния, чем просто как один из департаментов государственной бюрократической машины» (С. 31). «При том что епископы хранили верность императору, это не мешало им протестовать против государственной политики и отстаивать интересы Церкви даже перед лицом давления со стороны государства и монаршей воли. Решимость их отчетливее всего видна в вопросах о традиционных прерогативах Церкви, которые епископы защищали не только в собственных интересах, но и ради сохранения обрядов и канона, ради защиты Церкви от нападков на русское православие как “государственную церковь”», – мотивирует свою позицию исследователь (С. 31), убежденный в том, что к моменту падения монархии очевидным образом прослеживается несовпадение между интересами Церкви и интересами государства, «а также выделение духовенства в отдельные, самостоятельные общественные группы», а значит, «Российская православная церковь не была служанкой государства ни в 1905, ни тем более в 1917 г.» (С. 44). Напротив, по высказанному автором предположению, «ни в 1905, ни в 1917 г. Церковь не выступила в качестве оплота самодержавия, хотя власти на это рассчитывали и требовали» (С. 43). В своей статье Г. Фриз подвергает ожесточенной критике позицию недавно ушедшего из жизни американского историка Р. Пайпса, многие

работы которого пестрят неточностями, а подчас и прямыми ошибками. Известно, что Р. Пайпс отстаивал тезис о последовательной поддержке Церковью самодержавия во всех вопросах, даже ущемлявших права духовного сословия. Такая оценка удивительным образом сближала западную русистику с советской атеистической пропагандой. Порицая Р. Пайпса за излишнюю категоричность, Г. Фриз полагал, что его тезис о Церкви как «служанке государства» «подлежит радикальному пересмотру» (С. 18–19).

Итак, если мы признаем серьезность аргументации Г. Фриза, то представление о Церкви накануне Февраля 1917 г. как о монолитном и абсолютно лояльном самодержавию институте, который, лишившись государственного покровительства, рухнул едва ли не в одночасье, до последнего защищая монархические идеалы, следует по меньшей мере подвергнуть сомнению. Скорее, более логичным в этой связи выглядит суждение о православном духовенстве как о сословной общности, находившейся в последние годы Империи, подобно, например, дворянству, в глубоком кризисе, связанном с очевидной неудачностью попыток выйти из мировоззренческого тупика и ярко выраженным неприятием той системы ценностей, которую явил миру наступивший XX век.

Вторая статья Г. Фриза, отобранная для публикации в рецензируемой книге, «Церковь и политика на закате императорской России: кризис и радикализация православного духовенства», впервые была опубликована в 1999 г. Примечательно наблюдение Фриза, обратившего внимание на поразительную симфонию взглядов советской и западной историографии, неизменно ставившей «знак равенства между Церковью, духовенством, религией, с одной стороны, и реакционным монархизмом – с другой» (С. 55). Между тем, полагает автор, «к 1917 г. русское духовенство – даже самые высокопоставленные и “реакционные” архиереи – полностью разочаровалось в режиме, не способном ни к реформам, ни к репрессиям, а способном только разлагать элиту и предавать жизненно важные интересы Церкви. Когда в 1917 г. режим этот наконец соскользнул в пропасть революции, – даже самые консервативные архиереи, члены Синода, не поспешили подняться на его защиту», более того, в 1917 г. Церковь и духовенство, пишет ученый, «яростно отмежевывались от царизма». Следовательно, к Февралю «Церковь не могла и не хотела оставаться “столпом старого режима”» (С. 58).

Предметом своего анализа Г. Фриз избрал российский епископат, состав и мировоззрение которого к началу XX в. претерпели значительные изменения, хотя многие из его представителей и продолжали придерживаться крайне консервативных взглядов. Вместе с тем, убежден историк, «в канун 1905 г., еще до “распутинщины”, среди церковных иерархов росли недоверие и подозрительность в отношении к политике и власти самодержца и влиятельных сановников», при этом «чувства епископов оскорбляло не только обезличенное духовенство, но и сам государь император» (С. 60–61). Революция 1905–1907 гг. оживила надежды Церкви на возможность проведения давно ожидав-

шихся реформ, созыв Поместного собора и ослабление власти обер-прокурора Святейшего синода [12. С. 245]. Своими воззваниями церковные иерархи пытались смирять страсти и противодействовать насилию, однако не всегда поддерживали действия власти по усмирению революционных событий, в частности выступая против необоснованных арестов среди приходского духовенства. Ученый правомерно обращает внимание на историческое значение манифеста о веротерпимости от 17 апреля 1905 г.: «Этот закон стал важнейшей вехой в истории отношений Церкви и государства... Манифест этот стал крупной уступкой религиозным меньшинствам и, по сути, открыл двери для беспрепятственного выхода из лона православия (до сих пор это трактовалось как “ересь” и было категорически воспрещено). Манифест от 17 апреля, – заключает историк, – стал для Церкви своего рода “церковным кровавым воскресеньем”, бесцеремонным односторонним нарушением “общественного договора” с самодержавием. Церковь и без того ощущала угрозу со стороны других конфессий (прежде всего старообрядчества и сектанства), а манифест открыл дорогу массовому переходу в другую веру – иудаизм, ислам, протестантство и в особенности в католицизм», – вне всякого сомнения опубликование этого манифеста спровоцировало выдвижение Святейшим Синодом уже собственных настоятельных требований реформ (С. 64). «Предложения о проведении реформ, – пишет Г. Фриз, – звучали уже на протяжении десятилетий, но теперь стало очевидно, что перемены необходимы как никогда – в противном случае Церкви не выстоять в соперничестве с другими конфессиями»; император Николай II, хотя и отказал в просьбе о созыве Поместного Собора, ссылаясь на «нынешние обстоятельства», однако разрешил создать Предсоборное присутствие для изучения отдельных вопросов – и таким образом подготовиться к Поместному собору (С. 64–65).

По мнению автора, в «межреволюционные годы» Церковь «постепенно отмежевывалась от государства; кульминацией этого процесса стал отказ епископата поддержать монархию в критический момент февраля 1917 г. Большинство архиереев оставались консерваторами, однако они все более отдалялись от нового режима “думской монархии”». Отстаивая свои привилегии и интересы – сословные и общецерковные, – Церковь не желала мириться с попытками Государственной Думы вмешиваться в чисто религиозные дела, последовательно разочаровываясь едва ли не во всех без исключения политических партиях, работавших в парламенте, при этом, утверждает автор, «отчуждение епископов от Думы и правительства сопровождалось и нарастающим отчуждением от монархии», вызванным в том числе и чередой скандалов, связанных с именем Г.Е. Распутина, оказывавшего большое влияние «на политику в отношении Церкви и на церковные назначения»; «Старец», в свою очередь, также относился к церковным иерархам с сильнейшей неприязнью (С. 66–69).

Центральный вывод статьи Г. Фриза сформулирован предельно точно: «...в последние годы царского правления не только радикально настроенные священ-

ники, но и самые консервативные архиереи испытывали острое недовольство самодержавием», а епископат в 1905–1917 гг. проделал эволюцию от монархистов до фрондеров. Под стать епископату было и приходское духовенство, в среде которого можно было встретить значительное количество и радикалов, и либералов, и умеренных: священнослужители, как и вся Россия, находились в стадии турбулентности и не были единой «церковной партией», как этого, быть может, и желала власть; последняя же отказывала Церкви в немедленном созыве Поместного собора, тем самым откладывая реформу Церкви на неопределенный срок и порождая путь в тупик и своего рода «застой» в церковной жизни, более всего выражавшийся в несовпадении официальной идеологии, транслируемой высшими церковными иерархами и не всегда разделяемой даже ими, и побуждениями наиболее радикальных представителей из среды рядового духовенства, – уже одно это наглядно иллюстрирует глубокий кризис, переживаемый российским государством и его важнейшей составляющей – Церковью. При чтении исследования Г. Фриза порой возникает впечатление, что власть прилагала поистине нечеловеческие усилия к тому, чтобы создать питательную среду для конфликтов с Церковью.

Исходя из этого, нельзя не согласиться с Г. Фризом, убежденным в том, что «ухудшение отношений между режимом и религией, способность обоих торпедировать реформы – все это служит подтверждением, что для “пессимистического” взгляда на долгосрочные перспективы царского режима были все основания, причем еще до того, как катастрофа на полях войны нанесла смертельный удар по самодержавию» (С. 89).

Третья статья – «Вся власть приходам? Проблемы церковной реформы в пореформенной России», впервые опубликованная в 2001 г., посвящена одному из насущнейших вопросов жизни Церкви в предреволюционные годы – вопросу о реформировании прихода – «основного ядра Церкви, которое одолевали многочисленные проблемы и сложности» (С. 90). Несмотря на очевидную важность этой проблемы, «приходской вопрос» почти не рассматривался в научной литературе, между тем к концу XIX в. многие современники – не только правительственные чиновники, образованные миряне, но и часть священнослужителей – пришли к убеждению, что возрождение православия во многом зависит от возрождения прихода. Как следствие, реформа прихода, по оценке Фриза, «была важнейшей составной частью попытки возродить православие и удержать верующих от секуляризации и обращения к другим конфессиям» (С. 91). К этому времени конфликт во взаимоотношениях между духовенством и рядовыми верующими уже ни для кого не был секретом; нет оснований говорить и о монолитности духовенства как такового. Архиерейская элита более всего опасалась радикальной демократизации и расширения полномочий мирян; при этом у немалой части духовенства не меньшие опасения вызывало и возможное расширение полномочий прихода. В итоге, как это нередко бывает в России, давно назревшая и

выстраданная реформа так и не состоялась; окончательно переход власти к приходу произошел уже при большевиках. «В фундаментальном смысле, – заключает Г. Фриз, – только Октябрьская революция – по факту, не по замыслу, – позволила завершить революцию в приходе, которая тянулась с середины XIX в. Эта длинная цепочка причин и следствий объясняет – в этом случае, как и во многих других, – почему большевистский режим, такой слабый и ненадежный в первые его годы, смог устоять: его спасло не только использование силы и репрессий, но – причем даже в большей степени – приспособленческие уступки народным чаяниям» (С. 131).

Таинство брака традиционно относилось к одной из важнейших прерогатив Церкви. Семья, превозносимая в России XIX в. как один из столбов социальной и политической стабильности, в последние десятилетия Империи также стала, по мнению ученого, разрушаться. Как следствие, «брачный вопрос» стал проникать в официальный и публичный дискурс; консервативный образ Церкви в сознании мирян зачастую ассоциировался с теми препятствиями, которые она чинила бракоразводному процессу. Этой проблематике посвящена четвертая статья сборника статей Г. Фриза «Мирские нарративы о священном таинстве: брак и развод в позднеимперской России», впервые опубликованная в 2007 г.

Ознакомившись с материалами большого количества бракоразводных дел, рассматриваемых в целом ряде епархий, Г. Фриз пришел к выводу, что «спорные бракоразводные дела продвигались черепашью шагом, затягивались на целые годы и нередко оканчивались без определенного решения» (С. 175), что, естественно, вызывало острейшее недовольство истцов, представлявших самые разные слои российского общества. В результате, по справедливому суждению исследователя, «вопрос о разводе сыграл важную роль не только в формировании публичного дискурса о Церкви, но и в нагнетании народного недовольства самой Церковью» (С. 179). Предельно упрощенная процедура заключения и расторжения брака, существовавшая в первые годы Советской власти, выгодно контрастировала с явно пережившим свой век «классическим» браком, скрепленным санкцией Церкви, на поддержку которой опирался и закон, делая предельно сложной, а временами и едва ли невозможной, процедуру его расторжения. Именно позиция Церкви в вопросах брака и развода создавала ее ультраконсервативный имидж. В связи с этим Церковь в глазах общества выглядела как архаический институт, вопреки здравому смыслу продолжавший цементировать союзы людей, обоюдно желающих избавиться от брачных уз. Об этом на рубеже веков писал Лев Толстой, об этом говорили и писали представители самых разных сословий, убежденные в необходимости изъять вопросы семьи и брака из ведения Церкви.

Согласно интересному наблюдению Г. Фриза, вопрос о разводе следует рассматривать в контексте широкого социального кризиса, переживаемого Россией на рубеже XIX–XX вв.: «Кризис семьи давал людям сознание личной причастности к развитию революции;

всеобщий кризис, спровоцированный социальными переменами и политическими потрясениями, дал себя знать и у семейного очага, мощно повлияв на отношение населения к господствующим институтам. Кризис семьи, – рассуждает ученый, – следовательно, стал еще одним компонентом революционного процесса, превратив даже набожных и богобоязненных в недовольных» (С. 181). Проблема расторжения браков в рецензируемом издании рассматривается в нескольких очерках.

Пятая статья рецензируемого издания – «Губительное благочестие: религия и политический кризис в предреволюционной России», впервые опубликованная в 1996 г., – едва ли не самая важная в книге. Отмечая, что к началу XX в. «православие даже укрепило свои позиции столпа политической легитимности», что произошло «не благодаря религиозному подъему, а вследствие распада светских основ самодержавия», исследователь акцентирует внимание на том, что к этому времени «самодержавие стало ассоциировать не с процветанием, а со скудостью», – в немалой степени это связано и с фигурой венценосца: Г. Фриз убежден в отсутствии у Николая II «личной харизмы», на фундаменте которой в известной степени и покоился институт монархической власти в России (С. 184–185). Спихавшись, власть попыталась ресакрализировать религиозные основы самодержавия – едва ли не самым драматическим проявлением этой попытки «стала канонизация новых святых: за предшествующие двести лет к лику святых было причислено всего четыре человека, за последние двадцать лет царского режима – шесть, при этом на момент падения империи в 1917 г. еще многие “кандидатуры” находились на всевозможных подготовительных стадиях. В идеале, – указывает Г. Фриз, – канонизации должны были обновить духовную ауру и политическую легитимность самодержавия, тем самым заставив недовольное население смириться с неудачами во внутренней и внешней политике» (С. 185). Подобного рода «государственные канонизации» (инициатива канонизации Серафима Саровского исходила не от Церкви, а от царской фамилии: Николай II искренне надеялся, что канонизация завершится духовным слиянием «царя и народа» (С. 194), случалось, вызывали недовольство в среде духовенства; не дремала и пресса, начавшая обсуждать вопрос о тленности или нетленности святых мощей. В действительности же личное участие царя в канонизации и вспоминаемое им впоследствии с ностальгией чувство единения со своим народом, пережитое им в день восславления Серафима в Сарове, никак не исправило суровую реальность: «Даже священный обряд канонизации не сумел стереть социальных различий и достичь желанного “духовного единения” царя и народа. Несмотря на всю официальную пропаганду этого “единения”, от внимательных глаз, – пишет Г. Фриз, – не укрылась непреодолимая стена, отделявшая правящих от подданных...» (С. 203). Спорной в глазах и верующих, и части духовенства выглядела и канонизация патриарха Гермогена в 1913 г. Пытаясь укрепить свою легитимность, «царский режим с новой силой напирал на народное благочестие, од-

нако, вопреки его намерениям, результаты оказались губительными», – подводит итоги кампании по канонизации Г. Фриз (С. 229); из словосочетания «губительное благочестие» появилось название рецензируемой книги.

Глубокому анализу Г. Фриз подвергнул взаимоотношения последнего русского царя и Церкви. Общеизвестно, что Николай II был глубоко религиозным человеком, искренне убежденным в том, что «сердце Царево в руках Божьих». При этом, как отметили его биографы Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин, «упование на Бога сочеталось у Николая II с наивной верой в то, что простой народ бесконечно предан своему царю» [13. С. 10–11]. Согласно наблюдению Г. Фриза, Николай II, формально оставаясь добрым и благочестивым сыном Церкви, был далек от традиционного институционального православия, избегая по возможности участия в официальных церковных церемониях, которым «предпочитал более интимную обстановку своей часовни, – не только из-за особой привилегированности частных богослужений, но и потому, что тем самым он мог дистанцироваться от бюрократической литургии в главных соборах. По мере того как приближалась мировая война, Николай все чаще манкировал публичными богослужениями и поэтому еще сильнее ослаблял свою идентификацию с Церковью» (С. 219).

По утверждению Г. Фриза, «именно кризис в отношениях между православием и самодержавием стал контекстом для печально известного феномена Распутина» (С. 219), который следует понимать именно в рамках его культурного значения в глазах Романовых: царская семья верила, что именно «старец» воплощал в себе – в отличие от официальной Церкви – «харизматичный, народный вариант православия. Каково бы ни было его влияние на государственную политику, он играл важнейшую роль в духовной жизни царской семьи» (С. 221). Известна и поистине роковая роль, которую Григорий Ефимович сыграл в судьбе Николая II: фигура Распутина была одним из факторов, активно способствовавших падению авторитета императорской власти, в течение многих лет он дискредитировал саму идею монархии, а его непосредственная близость к царской семье, учитывая сложившийся в обществе отталкивающее-скандальный образ загадочного «старца», позорила венценосца [14. С. 143]. По красноречивому утверждению С.Л. Фирсова, «имя Распутина стало нарицательным, превратившись в символ кризиса, охватившего империю. Чем дальше, тем больше “старец” воспринимался как подлинный хозяин страны» [15. С. 483]. В глазах Церкви сам факт близости Распутина к царской чете свидетельствовал о наличии между Николаем II и официальной Церковью острейших разногласий. Понятна в этой связи и категорическая позиция высокопоставленного духовенства по отношению к Г.Е. Распутину, видевшего в нем «злобного врага и ни в коем случае – надежного союзника» (С. 222). «Последние годы существования царского режима были отмечены глубоким кризисом не только в государстве и обществе, но также и в Церкви... Противоречия между Церковью и государством, вполне отчетливо проявившиеся еще до рево-

люции 1905 г, превратились при думской монархии в открытый и яростный конфликт», – констатирует Г. Фриз (С. 217).

Чрезвычайный интерес вызывает шестая статья книги, впервые опубликованная в 2012 г., – «Динамика духовной жизни в период русской революции: вера или безбожие?», посвященная рассмотрению вопроса о «секуляризации» в рамках упадка благочестия и уменьшения влияния Церкви в последнее царствование. На взгляд автора этих строк, следует согласиться с ключевым тезисом этой статьи: «религия была мощным подспудным фактором в революционном процессе, который привел к событиям 1917 г.» (С. 234); добавим также, что не меньшую роль *религиозный фактор* играл и в событиях революций 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны [16], чему в прежние годы в исторической литературе явно не уделялось достаточного внимания [17]. В этой статье Г. Фриз вновь повторяет мысль о нарастающем кризисе в отношениях между государством и Церковью в последнее десятилетие царской власти, а также о неудаче предпринятой монархией попытке ресакрализации власти, буквально обреченной на неудачу ввиду несоответствия Николая II «образу величественного московского царя». По остроумному выражению исследователя, «Николай скорее способствовал десакрализации, чем ресакрализации самодержавия». К 1917 г., отмечает Г. Фриз, «союз трона и алтаря» распался необратимо (С. 254).

Предпоследняя статья сборника посвящена епархиальным съездам 1905–1917 гг., деятельность которых историк правомерно рассматривает как важный фактор церковной политики. По его мнению, в 1917 г. съезд стал «форумом, на котором приходское духовенство (а впоследствии и миряне) могло объединять свои силы, формулировать требования и заставлять Церковь их выполнять» (С. 268). Отметим, что работа епархиальных съездов практически не освещалась в историографии; исключением являются лишь недавние работы Ю.А. Бирюковой, избравшей предметом своего научного анализа съезды духовенства и мирян на Юге России в 1917 г. [18, 19]. Однако нелишним будет указать, что именно Г. Фриз стал пионером в данной проблематике, справедливо усмотрев в деятельности этих съездов, начатой еще в период Первой российской революции 1905–1917 гг., важное и прогрессивное значение и своего рода «генеральную репетицию» перед Церковной революцией (воспользуемся этим определением событий 1917 г. в истории Российской Православной Церкви, вынесенным в заголовок одной из книг П.Г. Рогозного) [20].

Вопреки мнению, сложившемуся в советской историографии, Г. Фриз утверждает, что «Синод и большинство епископов приветствовали Февральскую революцию, положившую конец правлению династии Романовых, – хотя бы даже потому, что она положила конец государственному надзору, равно как и позорной “распутинщине” (С. 283–284). Как указывает Г. Фриз, одним из проявлений 1917 года в жизни Церкви была так называемая «дераспутинизация» – т.е. изгнание иерархов, которые были как-то связаны

с еще вчера всемогущим Г.Е. Распутиным. Подвергая анализу резолюции съездов духовенства и мирян, проходивших в 1917 г., Г. Фриз правомерно полагает, что их можно отнести к проявлениям так называемой «церковной революции». При этом, согласно позиции ученого, летом 1917 г. ускорилась революция в приходе: отныне, после усиления власти прихода, священники стали «полностью уязвимыми и зависимыми» (С. 310). К Октябрю, в «вакууме государственной и церковной власти, все полномочия перешли к приходу, он взял на себя полный контроль над финансами и духовенством». «Лозунг “Вся власть приходам” претворялся в жизнь; Церковь становилась церковью; знаменитый Декрет от 23 января 1918 г. лишь узаконил то, что уже на деле произошло», – подчеркивает Г. Фриз (С. 314–315). На взгляд автора этих строк, на рубеже 1917–1918 гг. произошла своего рода «обер-офицерская революция» в Церкви, выразившаяся в частичном переходе власти от архиереев, князей церкви, – к приходскому духовенству, рядовым священнослужителям.

Последняя статья сборника – «Русское православие и кризис семейных отношений: развод в годы революции и войны, 1917–1921 гг.» вновь затрагивает вопросы брака и развода, рассматриваемые в одной из предыдущих статей книги. Приход к власти большевиков в числе прочего привел к устранению Церкви от участия «в непростой процедуре развода». Согласно утверждению Г. Фриза, «в первые годы советской власти партийная элита стремилась гасить избыточное рвение своих представителей и избегала конфронтации с Церковью». Именно верующие, полагает ученый, заставили Церковь провести кардинальную реформу, упростив процедуру расторжения брака и выведя ее из-под попечения церковников. «Вопрос заключения и расторжения браков, один из основных источников взаимного недовольства между Церковью и верующими, был попросту снят с повестки дня. Как это ни смешно, – пишет Г. Фриз, – но, упростив и ускорив эту

процедуру, большевики, стремившиеся подорвать набожность масс, сами того не ведая, заложили основу для религиозного возрождения 1920-х гг. и вернули Церкви поддержку широких слоев населения» (С. 350).

Каждая из статей, рассматриваемых в книге, имеет важное историографическое значение: по сути, Г. Фриз сумел сформулировать наиболее актуальные проблемы истории Российской Православной Церкви синодального периода в последние десятилетия существования империи. Ученый сумел искусно показать взаимосвязь и *взаимозависимость* общего кризиса, переживаемого императорской Россией, с вопросами, казалось бы, касающимися лишь *внутрицерковной* жизни. Между тем, и это доказательно подтверждается Г. Фризом на основе привлеченного им обширнейшего документального материала, роль и значение Церкви в жизни верующих, ее влияние на рубеже XIX–XX вв. по-прежнему оставалось без всякого преувеличения огромным; как следствие, кризис, переживаемый Церковью и ее опорной структурой – духовенством, снижение авторитета высшей власти и ее носителя в глазах как ряда представителей высшего архиерейского сословия, так и рядовых священнослужителей, опрометчивые, а зачастую и просто ошибочные действия последнего императора, затрагивавшие положение господствующей конфессии Империи (еще в мае 1905 г. близкий к двору генерал А.А. Киреев, анализируя причины провала политики самодержавия, писал: «...царь просто действовал неразумно... он именно своими ошибками довел Россию до беды – ошибками политики, внутренней и внешней. Вот корень зла, нечего сваливать беду на какое-то богословие. Ведь и самое несомненное отчуждение от Бога произошло от дурной, глупой политики церковной» [21. С. 55]), – все это привело к тому, что православное духовенство встретило Февраль 1917 г. и падение царской власти в лучшем случае равнодушно-созерцательно, а порой и с совершенно определенным воодушевлением и оптимизмом [22. С. 242]. Об этом – книга Г. Фриза.

Список источников

1. Фриз Г. Американско-советские обмены в области науки и культуры: влияние на историческую науку // Крымская А.С. Становление и развитие института американских стажеров в Санкт-Петербурге: к 55-летию Соглашения об обменах между СССР и США в области культуры, техники и образования. СПб. : Изд-во СПбГУКИ, 2014. С. 241–246.
2. Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой : страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Нестор-История, 2006. 408 с.
3. Перейра Н.Г.О. Впечатления и замечания западного русиста : автобиографический очерк // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 219–239.
4. Рогозный П. Грегори Фриз – американский историк русского православия // «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи : сб. ст. / пер. с англ. А. Глебовской, М. Долбилова; под ред. П. Рогозного. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. С. 8–16.
5. Freeze G.L. The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 1977. xvi, 325 p.
6. Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia : Crisis, Reform, Counter-Reform. New Jersey : Princeton University Press, 1983. xxxii, 507 p.
7. Миронов Б.Н. Американский историк о русском духовном сословии // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 153–158.
8. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен : (конец 1890-х – 1918 гг.). М. : Культур. центр «Духов. 6-ка», 2002. 623 с.
9. Выходчиков Л.В. Николай II: Пленник самодержавия. М. : Молодая гвардия, 2010. 524, [2] с. (Жизнь замечательных людей).
10. Фирсов С.Л. «Якорь спасения». Православная церковь и Российское государство в эпоху императора Николая I. Очерки истории. СПб. : Изд-во С.-Петерб. духовной акад., 2021. 463 с.
11. Полунов А.Ю. Победоносцев: русский Торквемада. М. : Молодая гвардия, 2017. 332, [3] с. (Жизнь замечательных людей).
12. Фирсов С.Л. Николай II: Пленник самодержавия. М. : Молодая гвардия, 2010. 524, [2] с. (Жизнь замечательных людей).
13. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. От составителей // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб. : Культ.-просветит. о-во «Пушкин. Фонд», 1994. С. 5–20.
14. Коцюбинский Д.А. Первые публикации о Г.Е. Распутине в российской прессе (конец 1909 – начало 1910 г.) // Российская история. 2018. № 4. С. 143–151.
15. Фирсов С.Л. «Русский старец с посохом в руке», или Слово о «святом Григории» // Терещук А. Григорий Распутин: Последний «старец» Империи. СПб., 2006. С. 480–498.
16. Фирсов С.Л. «Время войне и время миру»: Православная Российская церковь и Гражданская война в России : очерки истории и историографии. СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2018. 168 с.

17. Смирнов Н.Н. «Нельзя отделять церковь от Гражданской истории...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 57–64.
18. Бирюкова Ю.А. Проблема формирования новой модели государственно-церковных отношений после Февральской революции в решениях Донского чрезвычайного съезда духовенства и мирян 1917 г. // Научная мысль Кавказа. 2019. № 1 (97). С. 64–70.
19. Бирюкова Ю.А. Проблема баланса либерального и консервативного начал на съездах духовенства и мирян Юга России в 1917 г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 17–25.
20. Rogoznyy P.G. Церковная революция 1917 года: высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции. СПб.: Лики России, 2008. 224 с.
21. Киреев А.А. Дневниковая запись от 24 мая 1905 г. // Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 / сост. К.А. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 55.
22. Церковь в революции: организация и работа Всероссийского съезда духовенства и мирян в 1917 г. / публ. М.В. Каиля // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 241–255.

References

1. Freeze, G. (2014) Amerikano-sovetskie obmeny v oblasti nauki i kul'tury: vliyaniye na istoricheskuyu nauku [American-Soviet exchanges in the field of science and culture: Influence on history]. In: Krymskaya, A.S. *Stanovleniye i razvitiye instituta amerikanskikh stazherov v Sankt-Peterburge: k 55-letiyu Soglasheniya ob obmenakh mezhdru SSSR i SShA v oblasti kul'tury, tekhniki i obrazovaniya* [Formation and development of the institute of American interns in St. Petersburg: to the 55th anniversary of the Agreement on exchanges between the USSR and the USA in the field of culture, technology and education]. St. Petersburg: SPbSUCA. pp. 241–246.
2. Ganelin, R.Sh. (2006) *Sovetskie istoriki: o chem oni govorili mezhdru soboy: stranitsy vospominaniy o 1940-kh – 1970-kh godakh* [Soviet historians: what they talked about among themselves: pages of memories of the 1940s – 1970s]. 2nd ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
3. Pereira, N.G.O. (2013) *Vpechatleniya i zamechaniya zapadnogo rusista: avtobiograficheskiy ocherk* [Impressions and remarks of a Western Russianist: an autobiographical essay]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 3. pp. 219–239.
4. Rogoznyy, P. (2019) Gregory Friz – amerikanskiy istorik russkogo pravoslaviya [Gregory Freeze – American historian of Russian Orthodoxy]. In: Rogoznyy, P. (ed.) *“Gubitel'noye blagochestiye”: Rossiyskaya tserkov' i padeniye imperii* [“Destructive Piety”: The Russian Church and the Fall of the Empire]. Translated from English by A. Glebovskaya, M. Dolbilova. St. Petersburg: European University in St. Petersburg. pp. 8–16.
5. Freeze, G.L. (1977) *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.
6. Freeze, G.L. (1983) *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. New Jersey: Princeton University Press.
7. Mironov, B.N. (1987) Amerikanskiy istorik o russkom dukhovnom soslovii [American historian about the Russian clergy]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 153–158.
8. Firsov, S.L. (2002) *Russkaya Tserkov' nakanune peremen: (konets 1890-kh – 1918 gg.)* [The Russian Church on the eve of change: (late 1890s – 1918)]. Moscow: Kul'tur. tsentr “Dukhov. b-ka”.
9. Vyskochkov, L.V. (2018) *Nikolay I i ego epokha. Ocherki istorii Rossii vtoroy chetverti XIX veka* [Nicholas I and his era. Essays on the history of Russia in the second quarter of the 19th century]. Moscow: Akad. Proekt.
10. Firsov, S.L. (2021) *“Yakor” spaseniya. Pravoslavnaya tserkov' i Rossiyskoe gosudarstvo v epokhu imperatora Nikolaya I. Ocherki istorii* [“The Anchor of Salvation.” The Orthodox Church and the Russian state in the era of Emperor Nicholas I. Essays on history]. St. Petersburg: Orthodox Theological Academy.
11. Polunov, A.Yu. (2017) *Pobedonostsev: russkiy Torkvemada* [Pobedonostsev: The Russian Torquemada]. Moscow: Molodaya gvardiya.
12. Firsov, S.L. (2010) *Nikolay II: Plennik samodержaviya* [Nicholas II: A prisoner of the autocracy]. Moscow: Molodaya gvardiya.
13. Ananich, B.V. & Ganelin, R.Sh. (1994) *Ot sostaviteley* [From the compilers]. In: Nicholas II. *Nikolay II: Vospominaniya. Dnevnik* [Nicholas II: Memoirs. Diaries]. St. Petersburg: The Pushkin Foundation. pp. 5–20.
14. Kotsyubinskiy, D.A. (2018) *Pervye publikatsii o G.E. Rasputine v rossiyskoy presse (konets 1909 – nachalo 1910 g.)* [The first publications about G.E. Rasputin in the Russian press (the late 1909 – early 1910)]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 143–151.
15. Firsov, S.L. (2006) “Russkiy starets s posokhom v ruke”, ili Slovo o “svyatom Grigorii” [“Russian starets with a staff in his hand”, or the Word about “Saint Gregory”]. In: Tereshchuk, A. *Grigoriy Rasputin: Posledniy “starets” Imperii* [Grigoriy Rasputin: The last “starets” of the Empire]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 480–498.
16. Firsov, S.L. (2018) *“Vremya voyne i vremya miru”: Pravoslavnaya Rossiyskaya tserkov' i Grazhdanskaya voyna v Rossii: ocherki istorii i istoriografii* [“A Time for War and a Time for Peace”: The Orthodox Russian Church and the Civil War in Russia: Essays on History and Historiography]. St. Petersburg: The Herzen State Pedagogical University of Russia.
17. Smirnov, N.N. (2022) “Nel'zya otdelyat' tserkov' ot Grazhdanskoy istorii...” [“You can't separate the church from the Civil History...”]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 7(2). pp. 57–64.
18. Biryukova, Yu.A. (2019) Problema formirovaniya novoy modeli gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy posle Fevral'skoy revolyutsii v resheniyakh Don'skogo chrezvychaynogo s'ezda dukhovenstva i miryan 1917 g. [The problem of the formation of a new model of state-church relations after the February Revolution in the decisions of the Don Extraordinary Congress of the Clergy and Laity in 1917]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 1(97). pp. 64–70.
19. Biryukova, Yu.A. (2021) Problema balansu liberal'nogo i konservativnogo nachala na s'ezdakh dukhovenstva i miryan Yuga Rossii v 1917 g. [The problem of the balance of liberal and conservative principles at the congresses of the clergy and laity of the South of Russia in 1917]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 6(4). pp. 17–25.
20. Rogoznyy, P.G. (2008) *Tserkovnaya revolyutsiya 1917 goda: vysshee dukhovenstvo Rossiyskoy Tserkvi v bor'be za vlast' v eparkhiyakh posle Fevral'skoy revolyutsii* [The Church Revolution of 1917: The Higher Clergy of the Russian Church in the Struggle for Power in the Dioceses after the February Revolution]. St. Petersburg: Liki Rossii.
21. Kireev, A.A. (2010) *Dnevnik. 1905–1910* [Diary. 1905–1910]. Moscow: ROSSPEN. p. 55.
22. Kail, M.V. (2013) *Tserkov' v revolyutsii: organizatsiya i rabota Vserossiyskogo s'ezda dukhovenstva i miryan v 1917 g.* [The Church in the Revolution: The organization and work of the All-Russian Congress of the Clergy and Laity in 1917]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 1. pp. 241–255.

Сведения об авторе:

Пученков Александр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.puchenkov@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Puchenkov Aleksandr S. – Doctor of Historical Sciences, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); E-mail: a.puchenkov@spbu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.09.2022; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 01.09.2022; accepted for publication 11.11.2022

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ACADEMIC LIFE

Научная статья

УДК 93

doi: 10.17223/19988613/80/25

Памяти Тамары Александровны Бычковой

Оксана Геннадьевна Лекаренко

Томский государственный университет, Томск, Россия, olekarenko@gmail.com

Аннотация. Заметка посвящена памяти доцента кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета Тамары Александровны Бычковой (15.04.1941–06.09.2022), основана на фактах академической биографии Т.А. Бычковой и личных воспоминаниях сотрудников кафедры.

Ключевые слова: Т.А. Бычкова, американистика, востоковедение, педагогика высшей школы

Для цитирования: Лекаренко О.Г. Памяти Тамары Александровны Бычковой // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 220–222. doi: 10.17223/19988613/80/25

Original article

In Memory of Tamara Aleksandrovna Bychkova

Oksana G. Lekarenko

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, olekarenko@gmail.com

Abstract. The note is devoted to the memory of Associate Professor of the Department of Modern and Contemporary History and International Relations of Tomsk State University Tamara Aleksandrovna Bychkova (04/15/1941 – 09/06/2022), based on the facts of T.A. Bychkova's academic biography and personal memories of the Department staff.

Keywords: T.A. Bychkova, American Studies, Oriental Studies, pedagogy of higher education

For citation: Lekarenko, O.G. (2022) In Memory of Tamara Aleksandrovna Bychkova. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 220–222. doi: 10.17223/19988613/80/25

6 сентября 2022 г. не стало Тамары Александровны Бычковой – талантливого, увлеченного своим предметом преподавателя. На кафедре новой, новейшей истории и международных отношений Томского государствен-

ного университета Тамара Александровна проработала более 50 лет. Многие поколения студентов запомнили ее увлекательные лекции по истории стран Востока. Коллеги помнят высокий уровень профессионализма,

конструктивные и точные замечания, высказываемые в ходе обсуждения на кафедре научных статей и кандидатских диссертаций.

Т.А. Бычкова родилась 15 апреля 1941 г. в с. Константиновка Хабаровского края в семье директора неполной средней школы Александра Петровича Бычкова. В 1948–1956 гг. семья Бычковых жила в Ленинграде, а в 1957 г. переехала в Томск. Здесь отец Тамары Александровны начал работать в Томском государственном университете, прошел путь от доцента до профессора, заведующего кафедрой политэкономии ТГУ. В 1967–1983 гг. А.П. Бычков был ректором Томского государственного университета¹. В 1958 г. Т.А. Бычкова поступила на историческое отделение историко-филологического факультета того же университета, который окончила в 1964 г. с присвоением квалификации «Историк. Учитель истории средней школы с преподаванием на иностранном языке». Ее дипломная работа была посвящена американским журналистам Д. Риду и А.Р. Вильямсу, описавшим события революции 1917 г. в России, свидетелями которой они были. Обучение в группе с углубленным изучением английского языка стало для Тамары Александровны хорошим подспорьем в написании не только дипломного сочинения, но и будущей кандидатской диссертации. После окончания университета Т.А. Бычкова два года работала преподавателем английского языка.

В 1966 г. Тамара Александровна поступила в аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории, начала собирать материалы по теме своей кандидатской диссертации. Обучение в аспирантуре было прервано созданием семьи и рождением первого сына. После выхода из декретного отпуска Т.А. Бычкова вернулась в аспирантуру. Научным руководителем Т.А. Бычковой был доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории С.С. Григорьевич. Тамара Александровна всегда с большой благодарностью вспоминала Станислава Селиверстовича не только как научного руководителя, но и как заведующего кафедрой. Кандидатскую диссертацию по теме «Подготовка в правительственных кругах США и провозглашение “доктрины Трумэна” и “плана Маршалла” (1946–1948 гг.)» Т.А. Бычкова защитила в 1972 г. В диссертации на материалах конгресса США, опубликованных документов по американской внешней политике и мемуаров американских политических деятелей была показана внутривластная борьба в правительстве Г. Трумэна по вопросам предоставления помощи американским союзникам в рамках «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла». Диссертация Т.А. Бычковой внесла существенный вклад в понимание политики США на начальном этапе холодной войны.

Со времени обучения в аспирантуре и до выхода на пенсию в 2019 г. Тамара Александровна работала на кафедре новой и новейшей истории (с 1993 г. – кафедра новой, новейшей истории и международных отношений). Она прошла путь от ассистента до доцента кафедры, ученое звание доцента получила в 1977 г. После защиты кандидатской диссертации Т.А. Бычкова продолжала научные исследования, связанные с изучением послевоенной политики США в Европе, напи-

сала несколько статей, посвященных «плану Маршалла», созданию Европейского объединения угля и стали, экономическим истокам холодной войны. Тамару Александровну всегда интересовали вопросы, связанные с экономикой. Она регулярно выписывала и читала журнал «Мировая экономика и международные отношения», любила поразмышлять о роли экономического фактора в истории. Т.А. Бычкова нередко предлагала своим дипломникам темы, связанные с изучением социально-экономических процессов в различных регионах мира.

Почти все время работы на кафедре за Т.А. Бычковой были закреплены курсы по новой и новейшей истории стран Азии и Африки. Тамара Александровна настолько увлеклась историей азиатских стран, что в этом направлении постепенно сместились и ее научные интересы. Она участвовала в конференциях по востоковедению, написала несколько статей о культурных традициях и национальной идентичности китайцев и японцев. Наиболее значимой работой данного периода стала опубликованная в 2014 г. в «Вестнике Томского государственного университета» статья, анализирующая китайскую политику администрации Барака Обамы [1]. Помимо основного курса «Новая и новейшая история стран Азии и Африки» Т.А. Бычкова читала специальные курсы «Культура традиционных обществ Китая и Японии» для студентов-историков и «Политика США в Азии в конце XX – начале XXI в.» для студентов отделения «Международные отношения». После открытия на историческом факультете специальности «Зарубежное регионоведение» Т.А. Бычкова несколько лет преподавала курс по истории отечественного востоковедения. Тамара Александровна принадлежала к тому поколению преподавателей, которых отличала погруженность в свой предмет, большая начитанность, авторский подход к лекционным курсам. До последнего времени, несмотря на большой опыт, она готовилась к каждой лекции, читывала новый материал, освежала в памяти цитаты и события, старалась всегда быть в тонусе.

Сегодня материалы лекций Т.А. Бычковой доступны благодаря тому, что были опубликованы два учебных пособия: «Культура традиционных обществ Китая и Японии» и «Страны Азии на пути от традиционного общества к индустриальному (XVII – начало XX в.)» [2, 3]. Работы Тамары Александровны отличает нестандартный подход. Они написаны живым, «неакадемическим» языком. «Неакадемическим» – не значит безграмотно. Тамару Александровну всегда отличало прекрасное знание родного языка. Все кандидатские диссертации, в обсуждении которых она принимала участие, Т.А. Бычкова читала очень внимательно, с карандашом в руке, уделяя внимание не только предмету исследования, но и стилю изложения, русскому языку. Учебные пособия Тамары Александровны обращены в первую очередь, к читателю к студенту, только начинающему осваивать азы исторической науки. Они полны ярких примеров и красочных описаний. Вне сомнения, данные учебные пособия еще долго будут востребованы студентами Томского университета.

У Т. А. Бычковой всегда было много курсовиков и дипломников, сильных и слабых, ответственных и нерадивых, увлеченных и пассивных. Всех она могла довести до защиты и заслуженной оценки от диплома с отличием до слабой «троечки». Несмотря на то, что в своей университетской карьере Тамара Александровна сделала акцент на преподавании, она принимала активное участие в научной жизни кафедры, обсуждении научных работ и диссертаций, своими дельными замечаниями помогала молодым специалистам начать научную и преподавательскую карьеру. Тамара Александровна поддерживала не только аспирантов и молодых преподавателей своей кафедры, но и учеников своего мужа, профессора кафедры отечественной истории советского периода С.Ф. Фоминых. После смерти профессора М.Я. Пелипаса она помогла его ученице Е.Ю. Проден завершить работу над кандидатской диссертацией по теме «Политика Франции в отношении европейской военно-политической интеграции в контексте трансатлантических отношений (1948–1954 гг.)» [4]. В 2007 г. диссертация была успешно защищена, а через пять лет у Тамары Александровны вышла на защиту уже ее ученица Д.В. Хрисанфова с темой «Политика Китая в Южной и Юго-Восточной Азии: проблема безопасности энергокоридоров (2001–

2010 гг.)» [5]. В диссертации Д.В. Хрисанфовой были проанализированы основные направления политики КНР по диверсификации путей транспортировки углеводородов и обеспечению их стабильных поставок, являющиеся составной частью стратегии «Нитка жемчуга», направленной на расширение присутствия Китая в регионе Индийского океана. Тема сохраняет свою актуальность и по сей день.

За свой многолетний добросовестный труд в Томском государственном университете и вклад в подготовку специалистов с высшим образованием Т.А. Бычкова имеет награды, включая Почетную грамоту Министерства образования РФ (2003), звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» за заслуги в области образования (2013), медаль «За доблестный труд в Томском государственном университете» II степени (2018).

Коллеги будут помнить такие качества Тамары Александровны, как неизменное чувство юмора с ноткой иронии, а иногда и самоиронии, отзывчивость, готовность бескорыстно помочь в трудной жизненной ситуации, ровное и доброжелательное отношение ко всем членам коллектива кафедры, умение находить удивительное в обыденном, жизнелюбие, неиссякаемый оптимизм.

Примечание

¹ Подробнее о преподавательской и административной деятельности А.П. Бычкова и других упомянутых в тексте профессоров см.: Электронная энциклопедия ТГУ. URL: <http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/>

Список источников

1. Бычкова Т.А. Китайская политика администрации Барака Обамы в 2009–2012 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 106–113.
2. Бычкова Т.А. Культура традиционных обществ Китая и Японии : учеб. пособие к спец. курсу лекций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 76 с.
3. Бычкова Т.А. Страны Азии на пути от традиционного общества к индустриальному (XVII – начало XX в.) : учеб. пособие. Томск: Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2014. 458 с.
4. Проден Е.Ю. Политика Франции в отношении европейской военно-политической интеграции в контексте трансатлантических отношений (1948–1954 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / науч. рук. М.Я. Пелипас, Т.А. Бычкова. Томск: Том. гос. ун-т, 2007. 235 л.
5. Хрисанфова Д.В. Политика Китая в Южной и Юго-Восточной Азии: проблема безопасности энергокоридоров (2001–2010 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / науч. рук. Т.А. Бычкова. Томск : Том. гос. ун-т, 2012. 218 л.

References

1. Bychkova, T.A. (2014) The Chinese Policy of Obama's Administration in 2009–2012. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 388, pp. 106–113. (In Russian).
2. Bychkova, T.A. (2003) *Kul'tura traditsionnykh obshchestv Kitaya i Yaponii* [The culture of traditional societies in China and Japan]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Bychkova, T.A. (2014) *Strany Azii na puti ot traditsionnogo obshchestva k industrial'nomu (XVII – nachalo XX v.)* [Asian countries on the way from traditional to industrial society (the 17th – early 20th century)]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Proden, E.Yu. (2007) *Politika Frantsii v otnoshenii evropeyskoy voenno-politicheskoy integratsii v kontekste transatlanticheskikh otnosheniy (1948–1954 gg.)* [French policy towards European military-political integration in the context of transatlantic relations (1948–1954)]. History Cand. Diss. Tomsk.
5. Khisanfova, D.V. (2012) *Politika Kitaya v Yuzhnoy i Yuго-Vostochnoy Azii: problema bezopasnosti energokoridorov (2001–2010 gg.)* [China's Policy in South and Southeast Asia: The Problem of Security of Energy Corridors (2001–2010)]. History Cand. Diss. Tomsk.

Сведения об авторе:

Лекаренко Оксана Геннадьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: olekarenko@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Lekarenko Oksana G. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olekarenko@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.10.2022; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 14.10.2022; accepted for publication 11.11.2022

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2022 № 80

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 27.12.2022 г. Формат 60х84^{1/8}. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 28,8. Усл. печ. л. 26,7. Тираж 50 экз. Заказ № 5297. Цена свободная.

Дата выхода в свет 07.02.2023 г.

Редактор Е.Г. Шумская

Оригинал-макет Е.Г. Шумской

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru